Министерство образования Республики Беларусь
Белорусский государственный университет
Юридический факультет

Молодежная юридическая наука Alma Mater – 2024

Материалы международной научной конференции студентов,
магистрантов и аспирантов
Минск, 14 ноября 2024 г.

Минск
2025

УДК 34(06)
М 754

Решение о депонировании вынес:
Совет юридического факультета 27 мая 2025 г., протокол № 8

Редакционная коллегия:
А. В. Шидловский (отв. ред.), кандидат юридических наук, доцент;
Н. А. Антанович, доктор политических наук, профессор;
Н. Л. Бондаренко, доктор юридических наук, профессор;
Г. А. Василевич, доктор юридических наук, профессор;
Л. Л. Голубева, кандидат юридических наук, доцент;
С. А. Калинин, кандидат юридических наук, доцент;
В. С. Михайловский, доктор политических наук, доцент;
Т. И. Макарова, доктор юридических наук, профессор;
К. А. Матвеева, преподаватель;
М. В. Мещанова, доктор юридических наук, доцент;
О. Н. Романова, кандидат юридических наук, доцент;
А. Л. Савенок, доктор юридических наук, профессор;
Е. А. Свадковская, кандидат юридических наук, доцент.

Рецензенты:
Киселёва Т. М., кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного права юридического факультета Белорусского государственного университета;
Ярмоц Е. Н., кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина.

Молодежная юридическая наука Alma Mater – 2024 : материалы междунар. науч. конференции студентов, магистрантов и аспирантов, Минск, 14 ноября 2024 г. / БГУ, Юридический фак. ; [редкол.: А. В. Шидловский (отв. ред.) и др.]. – Минск : БГУ, 2025. – 666 с.

В сборник включены тезисы докладов и сообщений студентов, магистрантов и аспирантов юридического факультета БГУ и других высших учебных заведений Республики Беларусь и зарубежных стран, представленные на международной научной конференции «Молодежная юридическая наука Alma Mater – 2024».

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Корабава Г. А.

АСАБЛІВАСЦІ ПРАЦЭСУАЛЬНАГА СТАНОВІШЧА ГРАМАДСКІХ АБВІНАВАЎЦАЎ І АБАРОНЦАЎ У САВЕЦКІМ КРЫМІНАЛЬНЫМ ПРАЦЭСЕ Ў 1917–1922 гг.

Корабава Ганна Аляксандраўна, аспірант 2 года навучання Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, г. Мінск, Беларусь, korobova.h2000@gmail.com

Навуковы кіраўнік: канд. юрыд. навук, дацэнт Голубева Л. Л.

Пасля Кастрычніцкай рэвалюцыі 1917 года пачалося скасаванне органаў улады, якія існавалі ў Расійскай Імперыі. У тым ліку была скасавана царская пракуратура, на якую раней была ўскладзена функцыя здзяйснення абвінавачання ў судзе пры разглядзе крымінальных спраў. Разгляд крымінальных спраў у судах працягваўся. Спрачальны крымінальны працэс на той момант укараніўся ў расійскую судовую сістэму, таму адпраўленне правасуддзя павінна было адбывацца са спаборніцтвам бакоў абвінавачання і абароны.

Першым нарматыўным прававым актам, які вызначыў становішча грамадскіх абвінаваўцаў з'яўляецца дэкрэт Савета Народных Камісараў (далей – СНК) «О суде» ад 24 лістапада 1917 г., які канчаткова на заканадаўчым узроўні скасаваў дзейнасць царскай пракуратуры і замацаваў права агульнаграмадзянскага абвінавачання і агульнаграмадзянскай абароны. Правам агульнаграмадзянскага абвінавачання і абароны валодалі ўсе беззаганныя грамадзяне мужчынскага і жаночага полу, якія незалежна ад характару спраў маглі быць дапушчаны да здзяйснення абвінавачання і абароны са стадыі папярэдняга следства.

Паводле інструкцыі народнага камісара юстыцыі ад 19 снежня 1917 г., пры Рэвалюцыйным Трыбунале як для абвінавачання, так і для абароны была заснавана калегія праваабаронцаў, у склад якой уваходзілі грамадзяне, якія запісваліся ў калегіі і мелі рэкамендацыю Саветаў рабочых, салдацкіх і сялянскіх дэпутатаў. Са складу калегіі праваабаронцаў Рэвалюцыйны Трыбунал для кожнай справы мог запрасіць грамадскага абвінаваўцу і абаронцу. Захоўвалася і права аднаго з гледачоў судовага пасяджэння выступаць у судовых спрэчках з абвінаваўчай прамовай. Таксама замацоўвалася права абвінавачанага запрасіць у якасці абаронцы любую асобу, якая валодала палітычнымі правамі. Калі ён не выкарыстоўваў дадзенае права, то яму прызначалі абаронцу з калегіі правазаступнікаў.

Аналагічныя палажэнні былі замацаваны пазней у дэкрэце Усерасійскага Цэнтральнага Выканаўчага Камітэта (далей – УЦВК) «О суде» ад 7 сакавіка 1918 г. № 2. Функцыі абвінавачання і абароны перадаваліся прадстаўнікам калегіі правазаступнікаў, але з пакіданнем магчымасці выступлення з абвінаваўчай прамовай аднаму з гледачоў судовага пасяджэння.

Такая арганізацыя рабіла абвінаваўцу і абаронцу не самастойнымі, а залежнымі ўдзельнікамі працэсу, паколькі правазаступнік залежаў: ад мясцовага савету дэпутатаў, ад суда, ад калегіі правазаступнікаў і, нават, ад любога з гледачоў з залы, які выступаў з прамовай. Акрамя таго, член калегіі правазаступнікаў мог выступаць пры разглядзе адной справы ў якасці абвінаваўцы, а на другі дзень у якасці абаронцы па аналагічнай справе. У выніку дадзеных абставін ён ніколі не мог сфарміраваць адзіную самастойную пазіцыю.

Далейшыя крокі паступова пачалі адасабляць абвінавачанне і абарону ад грамадскай сферы. Дэкрэтам УЦВК «О Народном Суде РСФСР» ад 30 лістапада 1918 г. была замацавана дзейнасць калегіі абвінаваўцаў, абаронцаў і прадстаўнікоў бакоў і прыраўноўванне членаў калегіі да службовых асоб, у абавязкі якіх уваходзіла здзяйсненне абвінавачання або абароны пры разглядзе судом крымінальных спраў. Працэсуальная роля абвінаваўцы ў судзе, з большага, складалася з выкладання фактаў, якія пацвярджалі віну абвінавачанага, і выступлення ў судовых спрэчках.

Дэкрэтам СНК «О Революционных Трибуналах» ад 4 мая 1918 г. абарона была аддзелена ад абвінавачання. Дадзены акт вызначыў заснаванне асобнай калегіі абвінаваўцаў пры Рэвалюцыйных Трыбуналах у складзе не менш за трох асоб. У абавязкі абвінаваўцаў уваходзіла прапанаванне аб узбуджэнні справы, прадстаўніцтва пры разглядзе пытання аб адданні абвіначанага пад суд, прынясенне пратэсту на спыненне справы следчай камісіяй, фармуляванне абвінаваўчых тэзісаў, падтрыманне абвінавачання ў судзе.

Такім чынам, абарона і абвінавачанне, па сутнасці, сталі службовымі інстытутамі і цалкам падпарадкоўваліся дзяржаве.

Дэкрэт УЦВК ад 21 кастрычніка 1920 г., які зацвердзіў «Положение о Народном Суде РСФСР», вызначыў знаходжанне абвінаваўцаў пры аддзелах юстыцыі. Упершыню ў Народных Судах абвінавачанне было аддзелена ад абароны. Таксама ўпершыню было замацавана права абвінаваўцы заявіць адвод суддзі або народнаму засядацелю.

Такая арганізацыя абвінавачання ў судзе паступова вяла да неабходнасці стварэння самастойнага інстытута дзяржаўнага абвінавачання. Абарона стала працоўнай павіннасцю для ўсіх асоб, што мелі юрыдычную адукацыю. Грамадзяне, здольныя выконваць гэты абавязак, прыцягваліся судовымі органамі ў якасці абаронцаў паводле спісаў, складзеных раённымі (гарадскімі) выканаўчымі камітэтамі.

Такая структура, што канчаткова сфарміравалася ў 1920 г., з некаторымі зменамі ў залежнасці ад месца і часу, працягвала сваё існаванне да заснавання інстытутаў савецкай пракуратуры і адвакатуры ў 1922 г.

Руденко Е. О.

ЕДИНЫЙ ПОРТАЛ ЭЛЕКТРОННОЙ ДЕМОКРАТИИ КАК НОВЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ГОСУДАРСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Руденко Евгения Олеговна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, melmayer089@gmal.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Киселёва Т. М.

Важной целью дальнейшего развития Республики Беларусь в области цифровой демократии является создание единой платформы, которая будет выступать в качестве основного ресурса для реализации гражданских демократических прав в сети Интернет.

Вопросы внедрения информационных технологий в белорусское общество регулируются в большей мере постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 2 февраля 2021 г. № 66 «О Государственной программе “Цифровое развитие Беларуси” на 2021–2025 годы». В рамках реализации данной программы уже обеспечено функционирование нескольких интернет-ресурсов: платформа «Обращения.бел», Правовой форум Беларуси, Единый портал электронных услуг. Одним из препятствий развития электронного государства считаем отсутствие единого ресурса, который обеспечивал бы реализацию политических прав.

Необходимо также расширять наполнение портала в контексте развития электронной демократии, т. е. включить в него не только имеющиеся инструменты, но и создавать новые ресурсы. Например, в онлайн-пространство можно вынести такие права, как право избирать и быть избранным, право на участие и создание общественных объединений, право на доступ к информации в области деятельности государства, право на свободу мнений и убеждений и др.

Концентрация всех указанных прав в сети Интернет на одном ресурсе является достаточно трудоемким процессом, поскольку ввиду такой обширной наполненности портала необходима соответствующая система безопасности и особая система идентификации граждан. Высокий уровень защиты ресурса позволит избавить его от кибератак и утечек данных, а также даст возможность для нормального функционирования. Использование ресурса гражданами возможно с помощью подтверждения идентификационного номера паспорта, а в будущем – с помощью ID-карты.

Если говорить о технических аспектах и внешнем виде единого портала, то для удобства пользователей будет более разумным создание приложения. Однако ввиду того, что существующие ныне ресурсы представлены в основном как отдельные сайты, то начать можно и с такой, привычной для государства, формы.

Представляется, что портал должен включать несколько вкладок: «Связь с органами власти и их подотчетность», «Форум», «Услуги», «Политические права».

Вкладка «Связь с органами власти и их подотчетность» должна включать раздел с уже существующим порталом «Обращения.дел», а также подраздел с возможностью проведения органами власти эфиров, на которых в режиме реального времени могут поступать вопросы. Данный раздел должен обеспечивать возможность опубликования отчетов о деятельности органов государственной власти.

Вкладка «Форум» должна содержать в себе два раздела: уже действующий Правовой форум, на котором будут публиковаться и обсуждаться проекты нормативных правовых актов, и ресурс для обмена мнениями между пользователями в рамках точек зрения о происходящем в стране. С помощью второй вкладки у органов власти появится возможность узнать о том, чем живет белорусское общество и какие проблемы его волнуют.

Вкладка «Услуги» предполагает перенесение Единого портала электронных услуг с расширением его функций для физических лиц. Сюда можно отнести, например, замену паспорта, хранение документов, связанных с недвижимостью (свидетельств о государственной регистрации) и т. д.

Самой трудоемкой в разработке является вкладка «Политические права». Среди ее разделов можно выделить следующие: участие в выборах и общественные объединения. Каждый из них должен включать в себя два подраздела. В первом случае – это регистрация как кандидата и участие как голосующего, а во втором – регистрация общественного объединения или вступление в общественное объединение.

Сложность состоит в том, что поскольку ст. 68 Конституции Республики Беларусь предполагает тайну голосования, существует вероятность деанонимизации пользователей по указанным данным на портале. Эту проблему можно решить при помощи перехода на блокчейн-ресурс, который поможет скрыть данные о том, кто конкретно голосовал за определенного кандидата.

Таким образом, создание Единого портал электронной демократии в Республике Беларусь поможет систематизировать уже имеющиеся платформы, а также переместить в сеть Интернет и другие демократические права. Данный ресурс в значительной мере поможет упростить реализацию гражданами своих прав и позитивно скажется на участии общества в управлении делами государства, а также даст возможность органам власти в режиме реального времени узнать о волнующих население проблемах и его предложениях.

Боталов Н. М.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СОВЕРШАЕМЫМ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ АНОНИМНЫХ ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЕЙ НА УРОВНЕ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА БЕЛАРУСИ И РОССИИ

Боталов Никита Михайлович, студент 3 курса МИРЭА – Российского технологического университета, г. Москва, Россия, botalov.n.m@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Смирнов М. Г.

Преступления, совершаемые с использованием анонимных телекоммуникационных сетей, таких как «DarkNet», отличаются специфическими особенностями. Эти сети предоставляют высокий уровень анонимности, что затрудняет идентификацию преступников и делает данные преступления сложно расследуемыми.

«DarkNet» представляет скрытую часть интернета, которая недоступна через стандартные поисковые системы и требует специальных программ для доступа, таких как Tor или I2P. Хотя сеть «DarkNet» может использоваться для легитимных целей, например, для защиты приватности, она также связана с незаконной деятельностью, что делает ее потенциально опасной.

«DarkNet» де-факто является площадкой для торговли нелегальными товарами, такими как наркотики, оружие, поддельные документы, а также для организации хакерских атак и распространения вредоносного программного обеспечения, часто используется для отмывания денег и финансовых махинаций, где криптовалюты, такие как Bitcoin, играют центральную роль. В «темном интернете» активно работают хакерские группы, которые могут атаковать различную инфраструктуру, в том числе и государственную.

В свою очередь, в России, по данным Роскомнадзора, число преступлений, связанных с распространением наркотиков через интернет, выросло на 30–40 % за последние несколько лет. По данным Министерства внутренних дел Республики Беларусь, число преступлений, связанных с наркотиками и совершенных с использованием анонимных телекоммуникационных сетей, выросло на 40 % за последние пять лет.

Анонимные сети в СНГ используются также для распространения экстремистских идей и вербовки сторонников для террористических организаций. Россия и Центральная Азия (Казахстан, Таджикистан, Узбекистан) особенно подвержены этой угрозе. С 2016 г. наблюдается активное использование «DarkNet» для распространения материалов, связанных с экстремистскими группировками, в том числе с ИГИЛ.

В рамках Союзного государства Беларуси и России сотрудничество в вопросах кибербезопасности и противодействия киберпреступности приобретает особую актуальность. Россия и Беларусь совместно развивают программы по мониторингу активности в «DarkNet» с целью выявления потенциальных угроз для национальной безопасности. Созданы совместные центры кибербезопасности, которые координируют действия в случае

выявления угроз. Одним из таких примеров является сотрудничество между российским Национальным координационным центром по компьютерным инцидентам (НКЦКИ), уполномоченным осуществлять внутрироссийское и международное взаимодействие по вопросам реагирования на компьютерные инциденты, в которые вовлечены российские информационные ресурсы, и белорусскими спецслужбами.

Стоит отметить прошедшие в сентябре 2023 г. российско-белорусские учения «Щит Союза», в рамках которых были рассмотрены сценарии кибератак и проведение мероприятий по противодействию таковым. Однако в связи с ростом подобных преступлений этих усилий может быть недостаточно.

Предполагается, что создание единого правового поля в сфере противодействия киберпреступлениям будет способствовать повышению эффективности расследований в данной области, в том числе имеет под собой значимый посыл и создание единого цифрового пространства между союзными государствами, что позволит унифицировать политику в сфере противодействия нарушениям в цифровом поле и киберсфере.

Таким же образом стоит создать единую сеть мониторинга и противодействия киберугрозам, акцентируя внимание на преступности, связанной с использованием анонимных телекоммуникационных сетей, для создания лучших условий противодействия подобного рода преступлениям.

Предлагаем закрепить сотрудничество в данной сфере на уровне межправительственного договора, который бы регламентировал полномочия и порядок осуществления подобной деятельности между союзными государствами. Подобный проект может включать в себя положения о создании межгосударственного органа, в полномочия которого будет включаться обеспечение единой политики в цифровом пространстве, а также возможность вести расследования и унифицировать подходы к таковому между двумя странами.

Бухов Г. И.

ПРЕДДОГОВОРНЫЙ ЭТАП ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОГОВОРА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ БЕЗВОЗМЕЗДНОЙ (СПОНСОРСКОЙ) ПОМОЩИ

Бухов Георгий Игоревич, магистрант юридического факультета Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, buhovgeorgii@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Свадковская Е. А.

Последовательность формирования договорных отношений связана с комплексом факторов, ее предопределяющих. Одним из предопределяющих факторов является экономическая цель заключения договора, впоследствии обусловливающая избрание конкретного вида договорного обязательства. В ряде случаев одна цель может быть достигнута через заключение различных типов (видов) гражданско-правовых договоров, в других же – это возможно с использованием одного конкретного из них. Остановимся

подробнее на договоре предоставления безвозмездной (спонсорской) помощи.

Договор предоставления безвозмездной (спонсорской) помощи может способствовать достижению различных экономических целей. При этом в большинстве случаев цели получателя и спонсора различны. Например, *для спонсора* – реализация CSR-концепции; безвозмездная передача вещи в собственность либо опосредование «передачи» иных объектов гражданских прав; помощь партнерам, взаимосвязанным лицам (членам одного холдинга, дочерней или материнской компания и т. п.); повышение имиджа компании; продвижение бренда; укрепление деловых связей; оптимизация налогообложения; выход на новые рынки; апробация «новых» объектов гражданских прав и др. *Для получателя* договор опосредует безвозмездное (иногда – условно безвозмездное) получение выгод для конкретных целей, поименованных в законодательстве и согласованных сторонами.

Достижение отдельных экономических целей видится невозможным без проведения преддоговорного процесса. В обозначенной связи интерес представляет рассмотрение специфики преддоговорного этапа заключения договора предоставления безвозмездной (спонсорской) помощи.

Преддоговорный этап заключения гражданско-правового договора, на наш взгляд, может быть представлен следующими стадиями: определение базовых интересов инициатора; выбор контрагента; установление связи с контрагентом; переговорный процесс; фиксирование договоренностей; преддоговорная ответственность. Рассмотрим особенности данных стадий применительно к рассматриваемому договору.

1. *Определение базовых интересов инициатора.* В рамках названной стадии важно разграничивать интересы спонсора и получателя, поскольку, как рассмотрено выше, каждый из них имеет свои экономические цели.

В большинстве случаев инициатором заключения договора выступает получатель, поскольку именно у него формируется потребность. В рамках данной стадии базовыми интересами следует считать характер потребности в привязке к соответствующим целям, названным в приложении 1 к Указу Президента Республики Беларусь от 01.07.2005 № 300 «О безвозмездной (спонсорской) помощи», а также возможный способ ее удовлетворения в привязке к формам спонсорской помощи, названным в ч. 2 п. 1 Указа.

Базовые интересы спонсора отличаются от получателя. В частности, как правило, для него не имеет значения конкретная потребность, которая будет удовлетворена за счет спонсорской помощи. Большее значение имеют возможность экономической цели: она может достигаться либо *ipso facto* заключения договора, либо благодаря формированию иных специфических «непоколебимых» условий договора.

2. *Выбор контрагента.* Процесс выбора контрагента также различен для спонсора и получателя. Для получателя чаще всего не имеет значения личность контрагента, ведь его главная цель – удовлетворить потребность. Для спонсора личность получателя может иметь значение, поскольку от нее напрямую зависит возможность достижения ряда экономических целей.

Спецификой выбора контрагента для отдельных получателей является возможность обращения за помощью к административным механизмам (например, обращение к вышестоящей организации либо к управляющей компании холдинга). Выбор контрагента спонсором может осуществляться с применением процедуры Due Diligence либо иными способами.

3. *Установление связи с контрагентом.* Данная стадия не отличается значительной спецификой для рассматриваемого договора в сравнении с иными. Отметим, что установление соответствующих связей в некоторых случаях, по аналогии с предыдущим этапом, может осуществляться при помощи административных механизмов.

4. *Переговорный процесс.* На указанной стадии заключения договора стороны вырабатывают условия будущего договора: задача-минимум для них – согласовать существенные условия, названные в п. 1 постановления Совета Министров Республики Беларусь от 09.10.2024 № 742. Для спонсора необходимо согласовать его «непоколебимые условия» (существенные по заявлению одной из сторон).

5. *Фиксирование договоренностей.* Данная стадия, как правило, не характерна для рассматриваемого договора.

6. *Преддоговорная ответственность.* В настоящее время названная стадия не имеет особого значения для рассматриваемого договора, однако может приобрести таковое в контексте изменений в Гражданском кодексе Республики Беларусь, вступающих в силу с 19.11.2024, связанных с институтом *culpa in contrahendo* (ст. 404-1).

Таковы некоторые особенности преддоговорного этапа заключения договора предоставления безвозмездной (спонсорской) помощи.

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ПРАВА, ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ

Белкова Д. Г.

БИОЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В ПРАВЕ

Белкова Дарья Геннадьевна, студентка 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Калинин С. А.

ВОЗ и Совет международных медицинских организаций (CIOMS) постоянно обращаются к проблеме соблюдения морально-этических и правовых норм при организации и осуществлении противоэпидемических (профилактических) мероприятий. В связи с тем, что вакцинация является одной из форм медицинского вмешательства и совершается не для лечения больных или диагностики заболевания, а проводится для профилактики возможных инфекций у здоровых людей, в том числе детей, вопросы права и этики вакцинации, особенно массовой, являются чрезвычайно важными этическими проблемами в медицине. При этом на одной стороне – родители, которых бомбардируют историями об опасностях прививок. По другую сторону баррикады – врачи, которые боятся отпускать домой непривитых детей. А между двух огней – дети. Они могут стать жертвами инфекций, которыми болели их дедушки и бабушки, но могут и пострадать из-за некачественных и непроверенных вакцин. Возникает и еще одна группа – родители, обеспокоенные тем, что их дети оказались в зоне риска из-за непривитых сверстников. Они зависят от того, привиты ли те, кто их окружает: если нет, они наверняка окажутся под ударом во время вспышек инфекции. И вопрос стоит все острее.

Биоэтические проблемы вакцинопрофилактики и антипрививочного движения. Еще несколько веков назад человечество было почти беззащитно перед свирепыми эпидемиями, уносящими неисчислимое количество жизней. Эпидемии оспы охватывали целые континенты, уничтожая их население и изменяя ход истории. Эта страшная болезнь казалась жестокой неизбежностью, недаром бытовала поговорка: «Любовь и оспа минуют лишь немногих». Знаменитый врач XVII в. Сиденгам называл оспу «отвратительной болезнью, унесшей в могилу больше жертв, чем все другие эпидемии, чем порох и война». Первых ощутимых успехов в борьбе с натуральной оспой удалось добиться английскому врачу и натуралисту Эдварду Дженнеру. История вакцинопрофилактики начинается с этого имени. Благодаря ему были спасены миллионы человеческих жизней.

Движение против вакцинации возникло вскоре после разработки первой вакцины против оспы. Первоначально основными аргументами противников вакцинации были религиозные. С развитием практики вакцинации росло и движение антивакцинаторов. Во второй половине XIX в. стали возникать

первые антипрививочные организации. В 1866 г. в Великобритании была основана Национальная лига антивакцинации, а в 1879 г. – Американское общество антивакцинации. Основными аргументами движения в то время были неэффективность и небезопасность вакцинации, ущемление прав человека обязательными прививками. Основу движения составляли сторонники альтернативной медицины – гомеопатии, хиропрактики, траволечения. Современное американское антипрививочное движение родилось 19 апреля 1982 г., когда WRC-TV, местное отделение канала NBC в Вашингтоне, показало документальный фильм под названием «АКДС: прививочная рулетка» (DPT: VaccineRoulette), посвященный детям, которым прививка якобы нанесла непоправимый ущерб (речь идет об адсорбированной коклюшно-дифтерийностолбнячной вакцине).

До 40-х гг. XX в., когда в США начали применять вакцину от коклюша, ежегодно им заболевали около 300 000 человек; в 7000 случаев исход был смертельным, почти всегда – у маленьких детей. Теперь благодаря прививке от этой болезни умирает ежегодно менее 30 детей. Рассмотрение этических аспектов деятельности по специфической профилактике инфекционных болезней должно исходить из того специфического и свойственного только болезням этого вида обстоятельства, что в отличие, например, от соматических болезней, они представляют опасность не только для индивида, который подвергается риску заражения и заболевания, но и для окружающих его лиц. Проведение массовой вакцинации носит общественный интерес. Во многих странах накоплен богатый опыт по разработке и соблюдению этических норм в проведении биомедицинских исследований. Опубликованы специальные международные рекомендации по вопросам этики в эпидемиологии (вакцинология – один из ее разделов). Главный тезис всех этих документов: человек является хозяином своего тела, здоровья и жизни. В связи с этим представление о том, что превыше всего всегда являются интересы общества, должно быть пересмотрено.

Современная биоэтика основывается на уважении к жизни и достоинству каждого человека, интересы которого в любых случаях должны быть выше интересов науки и общества. На любую процедуру, в том числе прививку, пациент должен подписать «информированное согласие», которое должно быть в общедоступной форме и включать три параметра: характеристику цели лечения, возможного риска и существующих альтернатив предлагаемому лечению. Отказ от профилактических прививок – реализация неприкосновенности его личности и свободы волеизъявления в принятии значимых для его здоровья решений при осознании его ответственности за возможные последствия. Одним из возможных последствий отказа от профилактической иммунизации может, например, стать отстранение от выполнения профессиональных обязанностей или от посещения дошкольных, школьных и других образовательных учреждений (это закреплено законодательно). В средствах массовой информации такая мера иногда называется «дискриминационной» и «ущемляющей права человека». Но ведь с другой точки зрения (эпидемиологической) эта мера

оправдана: ведь таким способом осуществляется защита здоровья членов коллектива, поскольку отказавшийся от иммунизации человек, заболев, может стать источником возбудителя опасной для других лиц инфекционной болезни и тем самым создать угрозу ее распространения в коллективе.

Не менее важным с точки зрения биоэтики является качество вакцин, применяемых в практике. Наиболее часто приводимым аргументом противников массовой иммунизации является утверждение, что используемые для целей иммунопрофилактики препараты небезвредны, и поэтому вакцинация чревата опасными для здоровья прививаемых поствакцинальными реакциями. К сожалению, ни одна из вакцин не является абсолютно безопасной. Конечно, включение некоторых веществ в вакцины массового применения является мерой вынужденной, и одна из задач совершенствования вакцин является замена этих добавок на более безопасные или, возможно, полное исключение их из состава вакцин. В связи с этим в первую очередь следует рассмотреть вопрос: служит ли реальный риск возникновения поствакцинальных осложнений у некоторых иммунизированных людей достаточным обоснованием отказа от массовой вакцинопрофилактики инфекций? Выход из этого этического конфликта только в повышении качества применяемых вакцин с постоянным контролем на всех этапах производства и применения вакцин, а также использование всевозможных способов информирования граждан об эффективности иммунопрофилактики, видах используемых вакцин, возможных последствиях вакцинации. При этом необходимо четко проводить грань между поствакцинальными осложнениями и возможными реакциями на прививку, которые являются нормальным реагированием организма на введение вакцинного препарата и в обязательном порядке указываются в инструкции по применению вакцин. А в случае отказа от вакцинации пациент в обязательном порядке должен быть информирован о последствиях заболевания, которое ему угрожает.

Выводы. Борьба сторонников и противников прививок идет с начала XVIII в., со времени первых опытов вакцинации от инфекционных заболеваний. Проводя массовую вакцинацию, государство защищает от инфекций не только общество в целом, но и каждого отдельного человека. Антивакцинаторство как разновидность медицинского диссидентства представляет собой специфическое мировоззрение, принципиально отличающееся от биомедицинских концепций сохранения здоровья человека Тот, кто ратует за отказ от вакцинации, несет огромную, по меньшей мере морально-этическую ответственность за реальный риск, которому подвергаются непривитые люди. Только дальнейшее укрепление правовой и этической базы вакцинации, стремление к производству качественных иммунобиологических препаратов, совершенствование нормативно-правовой базы иммунопрофилактики, которая бы защищала права ребенка, гражданина, врача, проводящего иммунизацию, общества, будет способствовать успешной массовой профилактике инфекционных болезней.

Божовский И. А.

ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ АБСОЛЮТИЗМА КОРОЛЕМ АНГЛИИ, ШОТЛАНДИИ И ИРЛАНДИИ ЯКОВОМ I

Божовский Илья Андреевич, студент 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, ilynder05@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Щербик Д. В.

Проблематика британской истории раннестюартовского периода неизменно вызывает живой интерес у исследователей на протяжении уже четырех столетий. Английский абсолютизм не получил такого широкого развития, как в других европейских странах. Тем не менее в течение рассматриваемого периода английские монархи стремились к укреплению своей власти и централизации государственного аппарата. В спорах о природе и развитии в Англии политического конфликта, приведшего к гражданской войне середины XVII в., воцарение новой династии и феномен «персонального правления» первых Стюартов чаще всего фигурирует как точка отсчета кризисной ситуации.

25 июля 1603 г. в Вестминстерском аббатстве Яков VI Шотландский был коронован королем Англии под именем Якова I. С того времени он стал именоваться королем Англии, Шотландии и Ирландии. За период его правления идейно-политическое обоснование английского абсолютизма существенно изменилось.

Сама доктрина абсолютизма в Англии зародилась именно в первой четверти XVII в. Притом Якову I, который откровенно симпатизировал формировавшемуся в то время французскому абсолютизму, принадлежала ключевая роль в ее формулировке. И пусть, стоит отметить, что некоторые английские монархи еще предшествующего столетия уже практически обладали неограниченными властными полномочиями, все же идейное обоснование эта практика впервые получила лишь в сочинениях Якова I, посвященных Божественному праву королей.

Трактаты Якова I отражают его персональную рефлексию о власти и властвовании, а также взгляды монарха на разнообразные политико-правовые и религиозные вопросы. Например, в своих работах «Царский дар, или наставления Его Величества дражайшему сыну, принцу Генри» и «Истинный закон свободных монархий» Яков I утверждал, что король получает свою власть непосредственно от Бога, что делает его неприкосновенным перед законом и непоколебимым в своей воле. Трактат «Царский дар» представал своего рода политическим завещанием, наставлением о том, каким должен быть «идеальный» правитель в правильном государстве. Текст трактата изобилует отсылками к античным авторам: наиболее цитируемы сочинения Платона и Цицерона. Можно судить, что Яков Стюарт частично опирался на политическую теорию французского философа Ж. Бодена о божественном происхождении королевской власти.

Разъяснения по поводу абсолютного характера королевской власти представляются нам почти в буквальном повторении слов Бодена: «…король издает ежедневно статуты и ордонансы, подкрепляя их теми наказаниями, которые он считает подходящими, без какого-либо участия парламента или сословий; в то же время не во власти парламента издание какого-либо закона или статута без того, чтобы королевский скипетр не прикоснулся к нему, сообщая ему законную силу»[1].

«Титул короля, – уверенно заявлял Яков I, – Божественного происхождения, поскольку короли только Богом посажены и только перед Ним отчитываются за свои дела»[2].

Представления короля Якова Стюарта о роли правителя в государстве основывались на адаптированной средневековой концепции «тела» политического и естественного: король являлся политической «главой» («головой») государства и обладал политическим «сознанием».

Разъясняя подданным идейные основы своей абсолютистской доктрины, Яков I конкретизировал: «король является верховным властителем над всей страною, точно так же как он является господином над всяким лицом, которое в ней обитает, имея право жизни и смерти над каждым из обитателей».

Фактически Яков I стал первым английским правителем со времен легендарного Короля Уэссекса Альфреда, который объединил в своей собственной персоне политическое управление с политическим теоретизированием.

Таким образом, в английский период своего правления Яков I Стюарт, оставаясь приверженцем доктрины божественного права королей, вносит в нее свои коррективы. Английский абсолютизм, начавшийся с периода правления Елизаветы I Тюдор (1558–1603) и фактически закончившийся казнью Карла I 30 января 1649 г., продемонстрировал значимость монархической власти, но и необходимость ограничения ее притязаний для предотвращения злоупотреблений со стороны суверена, что послужило основой для формирования более сбалансированных форм правления.

Гаитова Е. Р.

БИОГРАФИЧЕСКИЙ ПОДХОД В МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ

Гаитова Елена Рафиловна, аспирант кафедры теории государства и права имени С. С. Алексеева Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева, г. Екатеринбург, Россия, balaeva77@list.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Малюгин С. В.

Биографический подход является междисциплинарным познавательным средством, предполагается его использование в изучении истории политических и правовых учений. Данный подход связан с обращением

[1] Законодательство английской революции 1640–1660 гг. / отв. ред. Е. А. Косминский. М.-Л., 1946. С. 7.
[2] *Лавровский В. М.* Сборник документов по истории английской революции XVII в. М., 1973. С. 65.

к биографии автора политико-правового учения с целью определения конкретных исторических, политических и социокультурных условий, в которых происходило зарождение и оформление учения. Путем обращения к биографии автора, исторически значимым контекстам его деятельности, профессиональной и творческой деятельности, принадлежности к определенной научной школе могут быть получены важные знания о процессе исторического развития политико-правовой мысли.

Следует обратить внимание, что в российской науке истории правовых и политических учений субъект представлен как субъект – автор политико-правового учения (Платон, Н. Макиавелли, К. Маркс и т. д.), и как субъект, исследующий огромное разнообразие существующей политико-правовой мысли (к примеру, ученые, научные труды которых были посвящены изучению истории развития правовой и политической мысли, оценке политико-правовых учений: Б. Н. Чичерин, М. А. Рейснер, О. Э. Лейст, В. С. Нерсесянц). Таким образом, можно сказать, что ключевой особенностью для российской науки истории правовых и политических учений является субъективно-личностный фактор, и именно поэтому для нее биографический подход в познании развития политико-правовой мысли является основополагающим и значимым. Без применения данного подхода исследование истории правовых и политических учений будет неполным.

В теории и методологии исторической науки о биографическом подходе накоплено множество основательно проработанных трудов, которые могут быть адаптированы для познавательного пространства изучения истории политических и правовых учений.

В российской науке истории правовых и политических учений в общих чертах упоминается лишь о «портретном» методе познания. Доктор юридических наук Валерий Васильевич Лазарев определяет, что наряду с общенаучными методами история политических учений имеет свои, только ей присущие методы исследования. В качестве таковых он называет: хронологический, проблемно-теоретический, портретный, страноведческий. Дженевра Игоревна Луковская считает, что благодаря портретному методу удается выделить то звено, в котором «стыкуются» конкретно исторический контекст учения и его так называемый субъективный контекст (факты биографии мыслителя, их самооценка, значимые для понимания замысла произведения, выраженных в нем идей, цели учения в их интерпретации самим автором и т. п.).

Таким образом, взяв за основу общие черты «портретного» метода, при этом дополнив его методологическими наработками социально-гуманитарных наук, в частности исторической науки, считаем возможным приступить к научной проработке биографического подхода для применения его в методологии науки истории политических и правовых учений.

Ведь изучение биографии автора политико-правового учения, его ценностных ориентаций, определение контекстуального влияния на творчество ученого дает разнообразный материал для более глубокого анализа различных положений его теоретических представлений о

государственно-правовых явлениях, позволяет определить место и роль автора в формировании, становлении и развитии учений о государстве и праве.

К примеру, биография теоретика французской буржуазной революции Ж. Ж. Руссо: в молодости не имевший средств к существованию, подрабатывающий слугой у влиятельных и богатых представителей знати, свои политико-правовые труды посвящает бедственному положению народа, философским проблемам социального неравенства, справедливости. Исследование жизни Ж. Ж. Руссо во всей ее полноте (хронология событий, взаимосвязи с другими учеными, философами, влияние социальных, культурных и политических факторов и др.) позволяет понять учение в контексте времени, а также влияние идей, содержащихся в учении, на изменение взглядов в обществе на вопросы равенства и справедливости.

Исследуемый биографический подход, таким образом, является актуальным исследовательским направлением, призванным обогатить науку истории правовых и политических учений новыми знаниями.

Гончарова С. В.

МЕДИАСФЕРА КАК ПРОСТРАНСТВО ДЛЯ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Гончарова Софья Владимировна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь,
sofochka.goncharova1197@gmai.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук Фиронов А. Н.

Активное внедрение информационных технологий в повседневную жизнь повлекло определенные изменения в способах восприятия и познания человеком окружающего мира. Результатом стало зарождение такой новой сферы общественных отношений, как медиасфера.

Несомненно, медиасфера является феноменом нового времени. Это достаточно сложное явление, которое охватывает экономику, духовную, политическую сферы и, конечно, правовую систему. Стоит отметить, что медиасфера имеет огромную силу в публичной жизни общества, так как именно она воздействует на сознание общества, диктуя свое видение реальности.

Понятие медиасферы не закреплено на законодательном уровне в Республике Беларусь. К тому же понятие медиасферы не получило общепринятого объяснения в научной среде, именно поэтому предлагаем дать определение понятию исходя из доктринального толкования. В самом общем плане под медиасферой в научной литературе понимается «совокупность всех активно функционирующих медиа». Медиасфера представляет собой совокупность всех средств массовой информации и коммуникаций, которые влияют на общественное сознание, способствуя, в частности, формированию правовой культуры населения.

Тема правовой культуры остается актуальной на сегодняшний день, ведь она является неотъемлемым элементом для гармоничного развития общества, формирования и развития правовых ценностей и выступает фундаментом для развития правового государства и проведения эффективной государственной политики. Связь правовой культуры и медиасферы становится очевидной в современных реалиях. Одной из основных функций медиасферы является информирование граждан. Это происходит посредством использования как традиционных (печатные средства массовой коммуникации, радио, телевидение, кино), так и новых медиа (электронная почта и сотовая связь, компьютерные каналы, социальные сети, блогерство). Через данные инструменты население получает информацию о законодательных изменениях, их последствиях, правовых нововведениях, правонарушениях и ответственности за них. Это способствует повышению правовой осведомленности и понимания правовых процессов.

Медиасфера активно формирует общественное мнение по правовым вопросам. Через обсуждение судебных дел, правонарушений, глобальных политических конфликтов медиасфера способствует формированию правосознания, что является неотъемлемым элементом правовой культуры. Поддержка или критика определенных правовых норм через СМИ может оказывать значительное влияние на их принятие обществом.

Медиасфера – источник правовых знаний, которые транслируются через правовую литературу, документальные фильмы и образовательные программы. В нашем государстве на сайтах размещены различные нормативные правовые акты, судебная практика, правовые новости, что позволяет гражданам в открытом доступе воспользоваться любой интересующей информацией. При этом медиасферу активно используют государственные органы, имеющие собственные сайты с соответствующей информацией об их деятельности. Это все способствует не только образовательному процессу, но и мотивации граждан к активному участию в правовой жизни.

Несмотря на положительное влияние медиасферы, существуют и риски. Дезинформация, манипуляция общественным мнением, отсутствие профессионализма в СМИ могут негативно сказаться на правовой культуре общества. Особенно опасны так называемые «фейковые» новости, которые могут искажать представления о праве, ведя к недоверию к правоохранительным органам и судебной системе.

Медиасфера, несомненно, важный инструмент в век доминирования информационных технологий, что обусловливает повышенное внимания к эффективности ее использования для достижения благоприятных результатов. В неправильных руках она может привести к негативным и даже разрушительным последствиям

Задача государства – обеспечить качественное и профессиональное освещение правовых вопросов, чтобы способствовать формированию правовой культуры на должном уровне, так как правовая культура – необходимая составляющая существования правового государства. Правовая культура – это не только знание законов, но и способность применять эти знания на практике, что в значительной мере зависит от медиасферы.

Грачёва А. А.

ЦИФРОВОЕ НЕРАВЕНСТВО В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

Грачёва Анна Александровна, студентка 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, law.grachevaAA@bsu.by

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Лагун Д. А.

Цифровое неравенство – это явление, которое обозначает разницу в доступе к цифровым технологиям и интернет-ресурсам между различными социальными группами. В последние годы социальные сети стали важным инструментом общения, получения информации и участия в общественной жизни. Однако неравный доступ к этим платформам может усугублять существующие социальные, экономические и культурные различия.

Цифровое неравенство можно рассматривать как многогранное явление, которое включает в себя:

- доступ к технологиям: наличие устройств, таких как смартфоны и компьютеры, а также доступ к высокоскоростному интернету;
- цифровые навыки: уровень владения навыками работы с цифровыми технологиями;
- качество контента: разнообразие и доступность информации в зависимости от культурного и языкового контекста.

Причинами цифрового неравенства в социальных сетях могут являться:

а) экономические факторы. Люди с низким доходом часто сталкиваются с ограничениями в доступе к современным устройствам и интернет-соединению. Это ограничивает их возможности участвовать в социальных сетях;

б) географические различия. В отдаленных или сельских районах может отсутствовать стабильное интернет-соединение, что затрудняет доступ к социальным платформам;

в) образование и цифровые навыки. Низкий уровень образования может привести к недостатку навыков работы с цифровыми технологиями, что также ограничивает участие в социальных сетях;

г) культурные барьеры. Языковые различия и культурные особенности могут создавать дополнительные преграды для использования социальных сетей.

Вследствие цифрового неравенства наступает:

а) социальная изоляция. Люди, не имеющие доступа к социальным сетям, могут испытывать социальную изоляцию, что влияет на их психическое здоровье и общее благополучие. Трудности в внедрением концепции цифрового государства;

б) ограничение возможностей. Отсутствие доступа к информации и возможностям, которые предоставляют социальные сети, может затруднить поиск работы, образование и участие в общественной жизни.

Решения проблемы цифрового неравенства:

а) улучшение инфраструктуры. Инвестиции в развитие интернет-инфраструктуры в отдаленных и недостаточно обслуживаемых районах могут значительно улучшить доступ к социальным сетям;

б) образовательные программы. Создание программ по обучению цифровым навыкам для различных возрастных групп поможет повысить уровень вовлеченности в цифровую среду;

в) многоязычный контент. Разработка контента на различных языках и с учетом культурных особенностей может сделать социальные сети более доступными для разных групп населения;

г) политика инклюзии. Государственные и частные инициативы, направленные на поддержку людей с низким доходом, могут помочь преодолеть барьеры доступа к технологиям.

Цифровое неравенство в социальных сетях представляет собой серьезную проблему, требующую комплексного подхода для ее решения. Устранение этого неравенства может способствовать созданию более справедливого и инклюзивного общества, где каждый имеет равные возможности для участия в цифровом мире.

Ёлкин З. М.

ВЛАСТЬ И ПРАВО

Ёлкин Захар Максимович, студент 2 курса юридического факультета Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, zaharyolkin@gmail.com.

Научный руководитель: канд. юрид. наук Фиронов А. Н.

Вопросом о влиянии деятельности власти на право и влиянии права на деятельность власти задавались многие юристы, ученые, философы из разных стран на протяжении сотен лет. Тема довольно обширна для исследования, чем и обусловливается наличие непрекращающихся споров и разрозненности мнений. Отметим два наиболее сложных вопроса, требующих научного анализа, а именно:

1. Какими способами власть (в лице органов государственной власти) влияет на право?

2. Как с помощью права объединить население страны для достижения целей государства и укрепить одобряемые белорусским обществом традиционные устои?

Прежде всего необходимо начать с основных определений «права» и «власти». Право – система общеобязательных правил поведения, устанавливаемых, санкционируемых и обеспечиваемых принудительной силой государства, в целях регулирования общественных отношений.

Власть – возможность навязывать свою волю другим людям, синонимичным понятием может выступать «политическое господство», или же «государственное управление».

Способы влияния органов государственной власти на право выражены в их нормотворческой деятельности. Источником права является норма,

норма может быть выражена в форме закона, они же могут содержаться в документах, имеющих юридическую силу на территории Республики Беларусь, и могут быть кодифицированы. Принятием законов (нормативных правовых актов, закрепляющих принципы и нормы правового регулирования наиболее важных общественных отношений) занимается Парламент. С помощью Всебелорусского народного собрания государство может определять стратегические направления развития общества и государства, обеспечивать незыблемость конституционного строя, преемственность поколений, гражданское согласие.

Если законопроект реализован, акт законодательства вступил в юридическую силу, в таком случае субъекты, на которых распространяется действие данного акта, не имеют права пренебрегать нормой.

Ответная реакция на умышленное игнорирование мер правоприменительных и правоохранительных органов – санкционное воздействие, выраженное в виде наказания.

Для достижения целей, изложенных во втором вопросе, нам необходимо обратиться к воспитательной функции права. Воспитательная функция права – способность права влиять на мысли и чувства людей, формируя их правосознание и стимулируя правомерное поведение.

Инструмент, с помощью которого можно воздействовать на правовое сознание, – правовое просвещение. Правовое просвещение позволяет добиться повышения уровня правового сознания и правовой культуры граждан. Осуществляется правовое просвещение с помощью правового информирования, проведения консультаций, подачи лекционного материала соответствующего характера.

Неотъемлемой частью правового просвещения является информирование населения об идеологических императивах государства. Согласно ст. 9 Указа Президента Республики Беларусь от 28 июня 2023 г. № 196 идеологическими императивами правовой политики на современном этапе являются: «государственный суверенитет и территориальная целостность; национальная безопасность; обеспечение прав и свобод человека и гражданина, гарантий их реализации; социальная справедливость, баланс прав и обязанностей человека и гражданина, социальная ответственность каждого; свобода и равенство; патриотизм; народовластие; благосостояние; устойчивое развитие».

Наше мнение по данному вопросу: «Социальные институты обеспечивают развитие человека, проживающего на территории Республики Беларусь, их основной задачей является раскрытие потенциала молодежи (укрепления тела, разума и духа граждан). Законодательные органы формулируют нормы доступно. Правоохранительные органы работают не покладая рук для того, чтобы большая часть населения слышала о преступности в новостях, и не сталкивалась с ней в повседневной жизни. Учреждения получения высшего юридического образования активно занимаются подготовкой нового поколения юристов, людей, подающих пример эталонного поведения человека и гражданина. Функционирование

права, обеспеченное принудительной силой государства, позволяет сформировать единое правильное отношения граждан к системе ценностей, одобряемой традиционным белорусским обществом (в лице государства), и укрепить соответствующие ему устои!»

Зыль Ю. С.

ВИДЫ ДЕФОРМАЦИИ ПРАВОСОЗНАНИЯ

Зыль Юлия Сергеевна, студентка 1 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, uliazulsss@gmail.com

Научный руководитель: старший преподаватель Иванова Т. В.

Правосознание, как сложный психологический и правовой феномен может иметь норму и отклонения. Данные отклонения именуются деформацией. Под деформацией понимается стойкое негативное изменение правосознания индивида, социальной группы, связанное с нарушением адекватного восприятия правовой сферы, приданием праву неправовых свойств. Деформация влечет формирование у субъекта ошибочной системы восприятия и оценки качеств права, придание ему вымышленных характеристик, нарушение познания сущности права. Нередко под правосознанием человека понимается индивидуально-личностное отношение индивида к правовой системе и его готовность и желание использовать эту систему в качестве регулятора социальных отношений и своего поведения.

В юридической литературе существует множество взглядов относительно видов деформации правосознания. Наиболее распространенными видами деформации являются следующие: правовой идеализм; правовой фетишизм; правовой практицизм; правовой пессимизм; правовой нигилизм; правовой инфантилизм; правовой популизм; правовой конформизм; перерождение правосознания.

Правовой идеализм – это форма деформации правосознания, образуемая вследствие придания праву исключительно выдающихся, модельных, эталонных свойств и качеств, способных, по мнению познающего субъекта, выработать правильное решение в любой жизненной ситуации.

Правовой фетишизм – это форма деформации правосознания, в которой праву придаются сакральные свойства, формируется идея безусловного авторитета, абсолютной истинности, святости, высшей справедливости и непогрешимости права.

Правовой практицизм – это форма деформации правосознания, при которой сущность и предназначение права сводятся к сугубо утилитарной, прикладной функции: служить средством, механизмом разрешения конфликтов, споров между людьми и их сообществами.

Правовой инфантилизм – это форма деформации правосознания, проявляемая в правовой безграмотности, пробельности правовых знаний, отсутствии правового воспитания, непрофессиональном отношении к исполнению юридических обязанностей.

Правовой пессимизм – это форма деформации правосознания, которая характеризуется неверием в силу регулирующих и охранительных свойств права, убежденностью в бесперспективности принимаемых правовых актов, их неспособности принести положительные результаты, безысходностью в решении жизненных проблем правовыми путями.

Правовой нигилизм – это форма деформации правосознания, которая проявляется в скептическом, негативном отношении к праву, в отрицании культурной и иной ценности права, в неприятии законов как источников, способных качественно урегулировать общественные отношения и погасить социальные конфликты.

Правовой популизм – это форма деформации правосознания, выражаемая в субъективном настрое индивида на внешнюю аффектацию, прославление своей личности и результатов деятельности, на подчеркивание особой, исключительной значимости своего отношения к делу и стремлении на этой основе укрепить свой социальный, должностной статус.

Правовой конформизм – это форма деформации правосознания, характеризуемая ориентацией, подстраиванием личностью своей деятельности под образцы и модели поведения, принятые в определенном социуме. Индивид при этом живет чужой жизнью.

Перерождение правосознания – это форма деформации правосознания, при которой оно трансформируется в свою антагонистическую форму – преступное сознание – и характеризуется идейной готовностью и ориентированностью на решительные противоправные действия.

Таким образом, различные формы деформации правосознания искажают отношение к праву, снижая его эффективность. Это представляет угрозу для права, поэтому необходимо формировать здоровое правосознание и повышать юридическую культуру граждан.

Пути преодоления деформации правосознания: введение системы правового воспитания и правового образования; формирование правовой культуры и высокого уровня правосознания; информирование населения о существующих правовых предписаниях; юридическая подготовка специалистов.

Капанец Д. В.

РОЛЬ КРИМИНАЛЬНОЙ СУБКУЛЬТУРЫ В ДЕФОРМАЦИИ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТИРОВ: КОГДА ПРЕСТУПНОСТЬ СТАНОВИТСЯ НОРМОЙ

Капанец Диана Владимировна, студентка 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, dkapanetc@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук Фиронов А. Н.

В современном мире мы можем наблюдать деформацию правосознания и утрату традиционных ценностей. С ослаблением культурно-воспитательной работы, прежде всего с детьми и молодежью, эти негативные явления

порождают извращенность культуры отдыха и развлечений, особенно в среде незрелых в нравственном и правовом отношении личностей.

Преступный мир создает собственную систему ценностей, свое мировоззрение, которое последовательно внедряет в общество. Криминальная субкультура базируется на дефектах правосознания, таких как правовая неосведомленность, дезинформированность, социально-правовой инфантилизм, социально-правовой нигилизм, социально-правовой цинизм. Но самым главным элементом, на котором держится криминальная субкультура, является такая форма деформации правосознания, как перерождение правосознания (негативно-правовой радикализм), характеризующаяся трансформацией в свою антагонистическую форму – преступное сознание – и идейной готовностью и ориентированностью на решительные противоправные действия.

Примером отражения деформации правосознания может служить жизнь в условиях социального и расового апартеида в бразильских фавелах. Многовековые принципы экономики, построенной на использовании рабского труда, развалились. Рабы получили свободу, но не получили никакой социальной поддержки и средств на выживание в новой реальности. Мощные потоки трудовых мигрантов, бывших рабов, двигались по стране в поисках работы и крыши над головой. Они занимали самые неудобные участки земли, например, на крутых холмах и склонах гор, и оседали там. Правительство закрывало на это глаза, так как земли было много, а горы в те времена были не очень популярны среди обеспеченных бразильцев. Функции государства там частично взяли на себя бандиты. Соответственно, фавелы разделены между различными группировками. Внутри каждого из кварталов царит относительный порядок, потому что там действует единовластие в лице главы группировки. Наркотрафик вплетен в жизнь мирных районов, зачастую не без поддержки жителей, так как они больше доверяют власти наркоторговцев, чем правительству. «Торговцы» участвуют в социальной жизни фавел, помогают жителям и охраняют локальный «правопорядок». Но это не значит, что люди полностью полагаются на местные группировки. Можно сказать, что они находятся в пограничном состоянии: к полиции обратиться за помощью они не могут, так как боятся бандитов, но и к бандитам они прибегают за помощью потому, что этого не могут обеспечить власти. Местная молодежь больше всего подвержена влиянию криминальной субкультуры: они находят в этом нечто привлекательное, крутое. В их деформации правосознания просматриваются правовой пессимизм (неверие в силу регулирующих и охранительных свойств права), правовой конформизм (ориентация, подстраивание личностью своей деятельности под образцы и модели поведения, принятые в определенном социуме) и, конечно, перерождение правосознания (о нем мы писали ранее).

В криминальном сообществе особое место занимают уличные неформальные группировки несовершеннолетних и молодежи, которым в силу отсутствия жизненного опыта присущи романтизм, максимализм, жестокость. Именно они являются питательной средой для распространения

криминальной субкультуры и рекрутирования новых членов в преступное сообщество.

Таким образом, можно сделать вывод, что негативному влиянию криминальных субкультур подвержены люди слабого психологического воспитания, которыми можно легко манипулировать и навязывать им выгодное другим людям мнение. Но следует отметить, что член преступной группировки необязательно несведущ в правовых вопросах. Наоборот, он может иметь глубокие знания в юриспруденции, обладать уникальными способностями в осуществлении юридических процедур, в выработке неординарных решений сложнейших задач. Но использовать все это он будет не во благо, а в целях организации и осуществления своей преступной деятельности.

Противодействие преступной субкультуре предполагает проведение в первую очередь таких общих мер, как повышение уровня правосознания населения (в школах, вузах, по месту работы (службы) и т. д.), разъяснение законодательства, начиная с раннего возраста человека, что поможет заложить в сознании те нормы и принципы, которых следует придерживаться в правомерном цивилизованном мире; стабилизация экономики и обеспечение экономического роста, что повлечет повышение уровня жизни людей и большее удовлетворение потребностей; повышение раскрываемости преступности; обеспечение высокого уровня жизни населения (в широком понимании); борьба с коррупцией и формирование доверия к власти. Эти меры призваны противостоять явлениям, составляющим социальный «фон» и создающим предпосылки воздействия преступной субкультуры на культуру цивилизованного общества.

Несомненно, любая криминальная субкультура оказывает негативное влияние на правовые установки и ценностные ориентации людей, не позволяет должным образом формировать у них законопослушное поведение в обществе, способствует снижению уровня их правовых представлений, убеждений и в целом их правовому сознанию. Лишь эффективная реализация всех профилактических мероприятий позволит сократить число сторонников данного направления субкультуры, а также значительно снизить ее преступное влияние на людей.

Каплий А. Д.

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ПРИЧИН ПРЕСТУПНОСТИ

Каплий Аксинья Дмитриевна, студентка 1 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, law.kapliy@bsu.by

Научный руководитель: старший преподаватель Иванова Т. В.

Преступность представляет собой сложное социальное явление, которое требует глубокого анализа причин своего возникновения. Понимание факторов, способствующих совершению преступлений, является основой для разработки эффективных мер по их предотвращению. В данной работе

анализируется социологическая теория причин преступности в сопоставлении с биологической теорией причин преступности. Понимание причин преступности является основой для разработки эффективных стратегий профилактики. Исследование социальных условий позволяет выявить, например, такие факторы, как отсутствие у отдельных индивидов доступа к образованию, безработица и низкое качество жизни. Эти условия могут способствовать росту преступности, а следовательно, в качестве мер профилактики могут выступать программы повышения уровня образования, создание рабочих мест, улучшение качества социальных услуг.

Существуют различные теории, объясняющие причины преступности. Социологическая теория акцентирует внимание на влиянии социальных условий и окружения на поведение индивидов. В отличие от нее, биологическая теория рассматривает преступность через призму генетических и физиологических факторов, предполагая, что некоторые индивиды предрасположены к преступному поведению.

Социологическая теория преступности начала развиваться в конце XIX – начале XX в. Одним из первых ее представителей был Эмиль Дюркгейм, который изучал влияние социальной среды на поведение индивидов. Известными социологами, внесшими значительный вклад в социологическую теорию, являются Роберт Мертон, Эдвин Лемерт и многие другие. Социологи объясняют причины преступности через призму социальных факторов. Например, высокая преступность может быть связана с неравенством в обществе, отсутствием доступа к образованию и здравоохранению, а также с разрушением традиционных социальных связей. Выделяют также несколько теорий, наиболее известными являются стигматизация, социальная дезорганизация и аномия.

Теорию социальной дезорганизации и аномии Эмиль Дюркгейм отразил в своей книге «Метод социологии», где преступность – это нормальное явление, и преступник вовсе не антисоциальное существо, не особого рода паразит, не чуждое тело в среде общества; это нормальный фактор социальной жизни. Преступление со своей стороны не должно рассматриваться как зло, для которого не может быть достаточно тесных границ; не только не нужно радоваться, когда ему удается спуститься ниже обыкновенного уровня, но можно быть уверенным, что этот кажущийся успех связан с каким-нибудь социальным расстройством. Он рассмотрел теорию аномии – состояние, при котором общественные нормы размыты или вовсе отсутствуют (безнормие). Он определяет состояние аномии как надлом в культуре, возникающий в ситуации резкого расхождения между культурными нормами и целями, с одной стороны, и созданными обществом возможностями поступать в соответствии с ними, с другой стороны.

Интересным социологическим подходом к преступности является теория стигматизации (т. е. наклеивания ярлыков) Эдвина Лемерта, согласно которой общественные ярлыки и стигматизация могут привести к усилению преступности. Люди, получившие негативные ярлыки (например, как бывшие заключенные), могут столкнуться с отторжением общества,

ограниченными возможностями трудоустройства и другими факторами, которые могут способствовать их вовлечению в преступную деятельность. Рассмотрим такой пример: как только на ребенка навешивается ярлык преступника, он уже заклеймен; учителя и будущие работодатели будут в дальнейшем рассматривать его и относиться к нему как к не внушающему доверия. Индивид снова совершает криминальные действия, тем самым увеличивая разрыв с ортодоксальными социальными нормами. Первоначальный акт правонарушения Эдвин Лемерт называет первичным отклонением. Вторичное отклонение происходит, когда индивид принимает клеймо и воспринимает себя как преступника. Таким образом, теория стигматизации важна, поскольку исходит из допущения, что ни одно действие не является изначально преступным.

Таким образом, социологическая теория причин преступности имеет множество доказательств и применяется при изучении мотивов преступлений. Она актуальна, поскольку позволяет выявить и изменить социальные условия, способствующие преступности. Понимание этих факторов является ключом к разработке эффективных мер по минимизации преступлений и улучшению качества жизни граждан. Текущие исследования в области социологии продолжают подтверждать важность социальных условий как главного фактора в формировании преступного поведения, что подчеркивает необходимость комплексного подхода к борьбе с преступностью.

Картель Е. И.

ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННОЙ ДЕМОКРАТИИ

Картель Елизавета Ивановна, студентка 1 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, kkkartell_l@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Щербик Д. В.

В связи с существенными изменениями в укладе современного общества государству приходится модернизировать систему для улучшения работы, поскольку значительное количество граждан проявляет пассивность в политической жизни. Для того что бы привлечь их, последние десятилетия идет интенсивная интеграция информационно-коммуникационных технологий в политику в форме непосредственного участия граждан в обсуждениях политических вопросов, голосования, принятия решений через различные онлайн-платформы.

В качестве примера можно привести создание в 1993 г. первого официального государственного интернет-сайта, принадлежавшего Белому дому в США. Помимо этого, федеральные органы власти с начала 1995 г. стали обзаводиться электронной почтой и к 1998 г. работа с ней стала общепринятой практикой. Эта идея оказалась настолько действенной, что уже в 2000 г. американцы прислали в Белый дом, Конгресс и Сенат более 80 млн. электронных писем.

В процессе длительных научных дискуссий было разработано несколько терминов, характеризующих новый политический режим: «информационная демократия», «кибердемократия», «электронная демократия», «медиакратия» и т. д. На данный момент существует множество определений электронной демократии, одно из них сформулировано таким образом – это демократическая политическая система, в которой информационно-сетевые технологии используются для важнейших функций демократического процесса: распространения информации, коммуникации, а также объединения интересов граждан и принятия решений путем совещания и голосования.

Теорией электронной демократии одним из первых занялся Е. Масуда. Он выделяет 6 базовых принципов демократии участия в информационном обществе, такие как: 1) все граждане или хотя бы большинство должны участвовать в процессах принятия решений; 2) добровольное участие в решениях и готовность жертвовать своими интересами; 3) доступность для населения всей необходимой информации, чтобы объективно принять политическое решение; 4) полученная выгода и доходы должны распределяться между всеми гражданами; 5) решение политических вопросов следует искать путем достижения общего согласия; 6) принятое решение должно реализовываться путем совместных действий, сотрудничества всех граждан.

Е. Масуда заложил идеи прямой демократии, но развивались они и в работах других исследователей. Например, Л. Гроссман говорил о возвращении утраченного идеала античной демократии, когда все граждане полиса принимали постоянное участие в политике.

Современная концепция электронной демократии условно делится на два направления – прямая демократия и коммунитарная демократия. Основными приверженцами коммунитарной электронной демократии являются А. Этциони и Х. Рейнгольд, которые выдвигали идею о том, что интернет стал удобным местом встреч для различных групп по интересам, профессиональных сообществ, потребительских ассоциаций и т. д. А. Этциони разработал концепцию «теледемократии», согласно которой будущее демократии будет развиваться дистанционно через средства массовой коммуникации. При этом он утверждал, что основа будущего демократического устройства должна находиться в руках общин, а не профессиональных политиков.

На данный момент существуют следующие формы электронной демократии: 1) электронное голосование; 2) наличие официальных сайтов, политических партий и государственных деятелей; 3) проекты по выяснению общественного мнения в сети интернет по основополагающим законам и политическим событиям страны; 4) право законодательной инициативы, право на референдум; 5) создание электронных органов законодательной, судебной власти с регистрацией онлайн мнений; 6) электронное правительство; 7) извещение о важнейших политических событиях через интернет; 8) использование сети интернет как площадки для разъяснения

деятельности и предоставление информации о выборах в стране; 9) создание электронных партий, в которых идет полноценное представительство в сети интернет, в том числе проведение голосования среди рядовых членов-партии; 10) создание информационной и коммуникационной базы для формирования электронных политических и общественных лидеров.

Можно сказать, что электронная демократия – это важная составляющая современного общества. Однако существуют разногласия во мнениях насчет электронной демократии. Как и всегда люди делятся на два лагеря: одни поддерживают электронную демократию, а другие относятся к ней скептически или даже с ненавистью.

Козляковский В. Ю.

ПРАВО И ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ

Козляковский Владислав Юрьевич, курсант 2 курса Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь,
kozlakovskiyvlad@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук Стабровский Е. И.

В современном мире такие явления, как международный терроризм, кризис в культурном и информационном пространстве, попытки разрушения этнических традиций и исторической памяти представляют вызов для каждого общества и государства. Одним из средств противостояния этому выступают традиционные ценности.

Исключительная важность проблемы сущности традиционных ценностей, их роли и места в мировом развитии, в настоящем и будущем Республики Беларусь определяется прежде всего тем, что все более явственно обозначился крах попытки глобализации мира на основе западных, выдаваемых за универсальные, цивилизационных ценностей.

Ценности часто рассматриваются как некие духовные опоры, помогающие человеку устоять перед лицом тяжелых жизненных испытаний. Они упорядочивают действительность, вносят в ее осмысление оценочные моменты. Они соотносятся с представлением об идеале, желаемом, нормативном. Ценности выступают как реальный ориентир человеческого поведения. Это то, что придает жизни смысл.

Согласно И. Канту, ценность восходит к потустороннему бытию, но имеет свои носители (вещи, предметы, явления) в реальном мире. А. Эйнштейн рассматривает ценности как фундамент, на котором базируется жизнь человека. М. Рокич описывает ценности как устойчивое убеждение в принципиальной предпочтительности некоторых целей или способов существования перед другими. Важнейшей задачей является создание условий для того, чтобы эти ценности не остались декларацией, а стали регуляторами конструктивного поведения.

В понимании традиционных ценностей можно выделить несколько подходов, которые раскрывают их сущность и содержание:

• традиционные ценности как религиозные ценности. Религиозные ценности являются ориентиром поведения верующих людей и определяют их действия и поступки. Они выходят далеко за рамки религиозных общин и организаций, являются примером для людей нерелигиозных, влияют на общество и государство;

• традиционные ценности – это ценности национальные, народные, национально-этнографические.

К основным характеристикам традиционных ценностей можно отнести следующие: имеют истоки в прошлом, являются результатом исторического саморазвития этноса, нации, цивилизации; являются базовыми, фундаментальными, системообразующими; обеспечивают идентичность личности, общества, цивилизации; отражают национальное, цивилизационное своеобразие в понимании, принятии, актуализации общечеловеческих ценностей; отражают национальное своеобразие иерархии и системы ценностей.

К традиционным ценностям белорусского народа можно отнести семью, веру, Родину, труд, мир, соборность, справедливость и др. Сегодня в государственной политике Республики Беларусь уделяется особое внимание сохранению и укреплению традиционных ценностей. Свидетельством тому являются принятые на республиканском референдуме в 2022 г. изменения в Конституцию Республики Беларусь, Концепция национальной безопасности Республики Беларусь, Концепция правовой политики Республики Беларусь, Концепция развития национального культурного пространства во всех сферах жизни общества на 2024–2026 годы и другие акты.

Таким образом, под традиционными ценностями понимаются религиозные, национальные, народные, национально-этнографические устоявшиеся во времени ценности. В системе традиционных ценностей отражаются цивилизационные особенности общества и государства.

В Республике Беларусь государственная политика направлена на сохранение традиционных ценностей, развитие культурного наследия, сохранение исторической памяти, что создает благоприятные условия для формирования патриотизма белорусского народа и укрепления суверенитета белорусского государства.

Кривцов А. А.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЦЕРКВИ И ГОСУДАРСТВА

Кривцов Александр Андреевич, студент 2 курса юридического факультета Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, chebs308@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Калинин С. А.

Взаимодействие церкви и государства – это сложный и многогранный процесс, который имеет большое значение для общества в целом. В каждой стране он имеет свои особенности, обусловленные историческими, культурными и социальными факторами. При этом нужно понимать, что

термин «церковь» относится лишь к христианству и неприменим к другим религиям. История знает следующие модели церковно-государственных отношений:

1) «модель симфонии», основанная на сотрудничестве, взаимной поддержке и взаимной ответственности, без вмешательства одной стороны в компетенцию другой;

2) доктрина «двух мечей», возводящая церковную и государственную ветви власти к Римскому епископу;

3) модель территориализма, предполагающая полный контроль религиозной жизни со стороны внутреннего суверенитета государства;

4) модель «радикального отделения церкви от государства», требующая нейтрального отношения государства ко всем конфессиям.

Взаимоотношения между церковью и государством на современной территории Республики Беларусь всегда были достаточно сложными, так как церковь была представлена двумя конфессиями – Римо-Католичеством и Православием, каждая из которых имела свои модели взаимоотношения с государством. Первоначально на территории Беларуси присутствовало в основном Православие, однако после Кревской унии и до разделов Речи Посполитой доминирующий статус приобрело Католичество. Присоединение белорусских земель к Российской империи повлекло изменение статуса Православной Церкви, хотя Католическая конфессия в силу традиции пользовалась огромным влиянием.

В советскую эпоху применялась модель «радикального отторжения». Церковь и государство находились в состоянии конфликта. Атеистическая идеология, пропагандируемая коммунистической партией, привела к закрытию многих храмов и репрессиям против священнослужителей и верующих. Однако с 1980-х гг., особенно после распада СССР, религиозная жизнь в стране начала восстанавливаться.

В настоящее время Республика Беларусь, имея все черты светского государства, юридически не позиционирует себя таковым. Взаимоотношения государства и религиозных организаций регулируются Законом Республики Беларусь от 17 декабря 1992 г. № 2054-XII «О свободе совести и религиозных организациях» (в редакции от 30 декабря 2023 г.). Государство не возлагает на религиозные организации выполнение каких-либо государственных функций, не вмешивается в деятельность религиозных организаций, если она не противоречит законодательству, способствует установлению отношений терпимости и уважения между гражданами, исповедующими и не исповедующими религию, религиозными организациями различных вероисповеданий.

В свою очередь религиозные организации вправе участвовать в общественной жизни, в решении актуальных социальных проблем общества. Однако религиозным организациям запрещается заниматься политической деятельностью, участвовать в деятельности политических партий и оказывать им финансовую и иную поддержку.

Вышеизложенное позволяет сделать следующий вывод: несмотря на то, что Церковь как феномен Христианства в Беларуси утратила привилегированное положение, которое имела в прежние эпохи, она оказывает серьезное влияние на социальные процессы, поэтому вопрос поиска оптимального регулирования взаимоотношений государства и религиозных организаций будет постоянно актуальным для государственного управления.

Лукашевич М. А.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ УЧЕНИЯ «РАБОЧЕЙ ОППОЗИЦИИ» И ОЦЕНКА ЕЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

Лукашевич Мария Анатольевна, студентка 1 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, marialuk23007@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Щербик Д. В.

«Дискуссия о профсоюзах», которую понимают как внутрипартийный политический кризис РКП(б) 1920–1921 гг., обращалась к рассмотрению вопроса о мере участия профсоюзов в производственной и хозяйственной сферах жизни страны. Оппозиционный лагерь, противостоящий программе правящего круга советской власти, предлагал крайне разнообразные способы организации производственного процесса, начиная от полной передачи власти в народном хозяйстве непосредственно самим профсоюзам, заканчивая установлением военно-промышленной диктатуры. На современном этапе развития мы имеем достаточное количество информации для изучения отдельных платформ, существовавших в период «Дискуссии о профсоюзах», и составления прогноза развития экономической и политической системы СССР в случае их победы.

Одной из самых радикальных и левых платформ считается «рабочая оппозиция», возникновение которой некоторые историки (например, Е. Ярославский и М. Зорский) относят еще к 1917 г., когда А. Г. Шляпниковым впервые была выдвинута идея расширения Совета народных комиссаров за счет включения в него представителей из всех советских партий. Однако первое публичное выступление с уже оформившейся программой произошло лишь в сентябре 1920 г. на IX Всероссийской конференции РКП(б). Она презентовала себя как крайне левая социалистическая фракция, ведущая борьбу за предоставление непосредственного права рабочим вести дела народного хозяйства страны.

Опорным инструментом «рабочей оппозиции» стали недовольные нарушениями экономической, финансовой и тарифной политики и принципов обещанной рабочей демократии квалифицированные работники тяжелой и легкой промышленности (текстильщики, металлурги, горнорабочие), которым крайне импонировали требования А. Г. Шляпникова о немедленной передаче власти в народном хозяйстве в руки профсоюзов.

Однако и сегодня многие историки сомневаются в благих намерениях А. Г. Шляпникова передать долгожданную власть в руки рабочих и придать профсоюзам более сильный политический статус. Выступления «рабочей оппозиции» против правящей партии и ленинской линии противостояния огосударствлению профсоюзов дало основание подозревать «рабочую оппозицию» в анархическом уклоне ее программы.

В. И. Ленин, который видел в профсоюзах «школу организационных навыков и политического воспитания», говорил: «...Должен сказать, что, прочитавши этот тезис, я уже других не стал читать, потому что это значило бы терять время, так как после этого тезиса ясно, что люди уже договорились, что это является мелкобуржуазной, анархической стихией...». Речь шла о заявлении «рабочей оппозиции» о необходимости избрания профсоюзами определенного центрального органа, который бы занимался управлением всего народного хозяйства.

Выступая с категорическим отказом от марксистской теории диктатуры пролетариата, «рабочая оппозиция» фактически позволила своим оппонентам повесить на себя ярлык платформы, которая «тихими шагами» вела бы советский народ к реставрации капитализма.

С резкой критикой выступил также политический и партийный деятель Н. Бухарин, обвиняя А. Г. Шляпникова в «синдикализме, цеховой узости, недоверии к Советам и партии». На это С. А. Лозовский заметил, что с точки зрения синдикализма, государство как институт должно полностью прекратить свое существование в обществе; Шляпников же не посягал ни на само государство, ни на его собственность. Однако стоит отметить, что отрицать предрасположенность платформы к синдикализму сложно. «Рабочая оппозиция» отдавала профсоюзам доминирующую роль в процессе строительства социализма и выставляла на рассмотрение вопрос о передаче управления экономикой «Всероссийскому съезду производителей», что вполне сопоставимо с классическими идеологемами синдикализма.

В некоторых аспектах политическое учение «рабочей оппозиции» напоминало программу германского и нидерландского общественного и политического движения, именуемого как Коммунизм рабочих советов, существовавшего также в 1920-х гг. Его сторонники, как и сторонники «рабочей оппозиции», ратовали за рабочую демократию, которая осуществлялась бы посредством объединения рабочих советов, составленных из уполномоченных лиц, подлежащих отзыву в любой угодный момент. Тем не менее у нас нет достаточного количества информации, чтобы подтвердить или опровергнуть взаимодействие этих групп.

Хотя «рабочая оппозиция» и заручалась поддержкой общества, существует ряд факторов, который привел ее к поражению. Как утверждают последователи взглядов Шляпникова, была навсегда упущена возможность объединения сторонников рабочей самоорганизации и свободного коммунизма.

Разгром «рабочей оппозиции» был вполне предсказуем. Среди ее приверженцев начали вестись активные споры по дальнейшему ходу

платформы на политической арене. А уже вскоре многие сторонники «рабочей оппозиции» примкнули к ленинской «платформе 10», когда правящая партия начала предпринимать против них репрессивные меры. Не были установлены крепкие связи с другими леворадикальными оппозиционными группировками (теми же максималистами, анархистами, левыми эсерами). Определиться с идеологической составляющей ее программы довольно сложно: в ней сходились и социалистические элементы, и анархические, и в некотором роде даже капиталистические. Таким образом, «рабочая оппозиция» не имела четкого идеологического вектора и экономического прагматизма, что и стало причиной ее ликвидации.

Марцынкевич В. А.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ КАК СУБЪЕКТЫ ПРАВА

Марцынкевич Виктория Александровна, студентка 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, flundunn@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук Фиронов А. Н.

Религиозные организации занимают особое место в государственном регулировании Республики Беларусь, так как они не просто занимают какое-то незначительное положение, но являются одной из важных составляющих социальной части жизни нашего общества. В 2024 г. 55,6 % населения назвали себя верующими, что явно указывает на то, что вопрос регулирования таких отношений является одним из основных, особенно, когда речь идет о религии, где надо улавливать тонкую грань между божьими законами и правом. Именно поэтому регулирование религиозного вопроса является довольно важным на данный момент.

Актуальной проблемой в наше время является то, что большое количество верующего населения может как-либо пропагандировать свои ценности. Это может выражаться в различных формах: раздача листовок, распевание религиозных текстов в метро либо же подземных переходах, а также различные опросы граждан. И, по сути, данный вопрос никак не будет регулироваться законодательством, так как у нас нет запрета на распространение веры. Но в какой-то степени это может нарушать общественный порядок и спокойствие граждан.

Следует отметить и тот факт, что несмотря на то, что в нашем государстве предусмотрено умеренное количество ограничений на деятельность религиозных организаций и общин, все же важной проблемой является вербовка граждан в различные секты. Конечно, этот вопрос не стоит так остро, как раньше, но все еще требует регулирования, ведь довольно часто сектанты могут проявлять какую-либо активную форму продвижения своих идей и антиценностей.

В нашей стране отсутствует какая-либо конкретная, находящаяся в открытом доступе, статистика о деятельности сект, что свидетельствует

о том, что данный вопрос не является критичным, хотя приличная часть населения обеспокоена этой проблемой и старается вынести его решение на государственный уровень. Большинство сект не будет яро демонстрировать свои идеи, которые противоречат законодательству, скрываясь под «нестандартными» и «благими» взглядами на жизнь, что как раз таки и привлекает людей.

Возможной предпосылкой к появлению данной проблемы является то, что в Законе Республики Беларусь от 17 декабря 1992 г. № 2054-XII «О свободе совести и религиозных организациях» (в редакции от 30 декабря 2023 г.) было официально разрешено придерживаться любой формы религии, представители которой получили возможность развернуть пропаганду своих идей и ценностей.

Важное место в решении данного вопроса занимает государственная религиоведческая экспертиза, которая назначается уполномоченным по делам религий. Она проводится в тех случаях, когда начинается распространение различных материалов (литературных, печатных, видео и аудио), которые могут содержать информацию, разжигающую информационную, социальную, расовую вражду и другие виды проявления экстремизма. В случае, если такая экспертиза подтвердит противоправный характер организации, то она будет ликвидирована.

Таким образом, государственное регулирование деятельности религиозных организаций на данный момент находится в оптимальном состоянии, но требует дополнительных корректировок и внимательного отношения со стороны государства.

Махнач А. С.

МОЛОДЁЖНЫЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ КАК СУБЪЕКТЫ ПРАВА

Махнач Анна Сергеевна, студентка 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, anna.11.12.snov@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук Фиронов А. Н.

Молодежь – это особая социально-возрастная группа, отличающаяся возрастными рамками и своим статусом в обществе: переход от детства и юности к социальной ответственности. Под данным термином также можно понимать совокупность людей, которым общество предоставляет возможность социального становления, обеспечивая их льготами, но ограничивая в возможности активного участия в определенных сферах жизни общества.

Для воспитания молодых людей, формирования у них социальных навыков и умений, а также повышения уровня культуры и образования населения Республики Беларусь в целом на территории нашей страны формируются молодежные общественные объединения. Сам подраздел «Молодежные общественные объединения в Республике Беларусь» создан

в 2022 г. На данный момент на территории нашего государства осуществляют деятельность более 200 общественных объединений молодежной направленности.

На законодательном уровне деятельность молодежи закрепляется в первую очередь такими нормативными правовыми актами, как Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994 г. (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г., 27 февраля 2022 г.), Закон Республики Беларусь от 7 декабря 2009 г. № 65-З «Об основах государственной молодежной политики», Закон Республики Беларусь от 9 ноября 1999 г. № 305-З «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений в Республике Беларусь».

Спорным является вопрос о возрастной категории лиц, которых законодатель относит к данной социально-возрастной группе. В соответствии с законодательством Республики Беларусь под термином «молодежь» понимаются лица, возраст которых составляет от 14 до 30 полных лет.

Проводя параллель с соседствующей с нами Российской Федерацией можно найти видимые расхождения в текущем вопросе. Законодательством данного государства к молодежи относятся лица, возраст которых составляет от 14 до 35 полных лет.

Прежде чем разбираться с выявленным несоответствием в этой сфере права двух государств-союзников следует обратиться к демографическим показателям данных стран. В 2024 г. в Республике Беларусь зарегистрировано более 9 100 000 человек, из которых больше всего лиц и женского, и мужского пола находятся в возрастной категории 35–40 полных лет. Проводя подобный анализ демографической статистики уже на территории Российской Федерации можно отметить явную закономерность в показателях. У нашего государства-соседа также наблюдается большое количество мужского и женского населения в возрасте 35–40 полных лет.

Обращаясь к статистическим данным двух стран, можно заметить явно старение населения, поскольку еще несколько лет назад львиную долю населения составляли лица в возрасте 20–29 полных лет.

Таким образом, подводя итоги, можно утверждать, что актуальность возрастных рамок для молодежных общественных организаций в нашей стране устаревает. В связи с демографическими трудностями, с которыми сталкивается Республика Беларусь в последние годы, стоит поднять вопрос о расширении возрастных границ для такой группы населения, как «молодежь». Ярким примером может послужить урегулирование данного вопроса на территории Российской Федерации. Но самым лучшим вариантом для нашего государства является открытие новых горизонтов и увеличение возрастного критерия для данной социально-возрастной группы до 40 лет.

Панцевич Н. В.

РЕШЕНИЯ ВСЕБЕЛОРУССКОГО НАРОДНОГО СОБРАНИЯ В ИЕРАРХИИ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Панцевич Никита Владимирович, студент 1 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, pancevichnikita240@gmail.com

Научный руководитель: преподаватель-стажер Антоненко С. Б.

Законодатель определяет правовое положение Всебелорусского народного собрания (далее – ВНС) в Конституции Республики Беларусь и Законе Республики Беларусь от 7 февраля 2023 г. № 248-З «О Всебелорусском народном собрании». Всебелорусское народное собрание является высшим представительным органом народовластия Республики Беларусь, определяющим стратегические направления развития общества и государства, обеспечивающим незыблемость конституционного строя, преемственность поколений и гражданское согласие.

Закон Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах» закрепил статус ВНС в качестве субъекта права законодательной инициативы, а также определил, что в состав законодательства входят решения ВНС, принятые по вопросам утверждения основных направлений внутренней и внешней политики, военной доктрины, концепции национальной безопасности, утверждения программы социально-экономического развития Республики Беларусь, установления государственных праздников и праздничных дней и введения на территории Республики Беларусь чрезвычайного или военного положения при наличии оснований, предусмотренных Конституцией, и в случае бездействия Президента по этим вопросам.

Следует признать, что современное белорусское законодательство, ввиду недавнего придания конституционного статуса ВНС и малой степени изученности практического аспекта его нормотворческой деятельности, не совсем четко и ясно определяет положение решений ВНС в системе нормативных правовых актов.

В соответствии с положениями законодательства решения ВНС занимают промежуточное положение между законами и подзаконными актами. В разделе IV Конституции Республики Беларусь, который касается структуры государственной власти после внесения изменений и дополнений, принятых на республиканском референдуме 27 февраля 2022 г., ВНС располагается сразу после Президента. Это может свидетельствовать о его значительной роли в системе сдержек и противовесов.

Однако в Конституции отсутствуют нормы, которые бы прямо устанавливали преобладающее положение ВНС в структуре государственных органов по отношению к Парламенту, Правительству и судебным органам власти. Вместо этого акцентируется внимание на том, что ВНС является

высшим представительным органом народовластия Республики Беларусь. Следует также отметить, что Национальное собрание Республики Беларусь выполняет функции представительного и законодательного органа, что подразумевает, что ВНС, будучи высшим представительным органом, не отменяет главенствующую роль Национального собрания как законодательного органа.

Таким образом, несмотря на статус ВНС как высшего представительного органа, его функции и полномочия не отменяют главенствующей роли Национального собрания в законодательном процессе Республики Беларусь, что подчеркивает сложность и многоуровневость структуры государственной власти в стране. Роль решений Всебелорусского народного собрания в системе законодательства Республики Беларусь можно охарактеризовать как важный, но несколько неопределенный элемент.

Решения ВНС являются неотъемлемой частью белорусского законодательства, что указывает на его влияние в регулировании внутренних процессов государственной политики Республики Беларусь. Однако отсутствие четкого определения статуса этих решений создает правовую неопределенность и может вызывать вопросы о соотношении правового положения ВНС и остальных органов государственного управления. Всебелорусское народное собрание играет значительную роль в законодательном процессе, однако неопределенность его решений в иерархии нормативных правовых актов требует дальнейшего уточнения для обеспечения стабильности и предсказуемости правовой системы Республики Беларусь.

Полелей Е. А.

ПРАВОВОЙ ОБЫЧАЙ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Полелей Елизавета Александровна, студентка 1 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, elizavetapolelei@gmail.com

Научный руководитель: старший преподаватель Иванова Т. В.

Правовой обычай является древнейшим источником права. Данная форма права возникла на самых ранних этапах правового развития в раннеклассовых городах-государствах. Определение понятия «правовой обычай» следует начать с рассмотрения значения самого слова «обычай». «Обычай» – общепринятый порядок, традиционно установившееся правило общественного поведения. Такое определение можно считать подходящим и тогда, когда речь идет об обычае в юридическом смысле.

В современной юридической науке различные авторы предлагают свои определения правового обычая. Российский правовед Е. В. Ермакова определяет правовой обычай в качестве неписаной формы закрепления правовых норм, не имеющей, как правило, четко определенного текстуального выражения. Белорусский правовед Г. А. Василевич под

правовым обычаем понимает санкционированное государством, ранее сложившееся в результате многократного повторения правило поведения.

Исходя из всего вышесказанного, приходим к выводу, что правовой обычай можно определить как неписаное правило поведения, сложившееся вследствие его фактического и многократного применения в течение длительного времени и признаваемое государством в качестве общеобязательного.

Далеко не все обычаи, господствующие в общественной среде, являются правовыми. Таковыми они становятся, если санкционированы государством. Правовой обычай в Республике Беларусь довольно широкое распространение получил в сфере гражданского и хозяйственного права.

Так, в ст. 222 Гражданского кодекса Республики Беларусь сказано: «В случаях, когда в соответствии с законодательством, общим разрешением, данным собственником, или в соответствии с местным обычаем в лесах, водоемах или на другой территории допускается сбор ягод, лов рыбы, сбор или добыча других общедоступных вещей и животных, право собственности на соответствующие вещи приобретает лицо, осуществляющее их сбор или добычу».

Правовой обычай нашел свое закрепление и в актах судебных органов, например, в п. 44 постановления Президиума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 26 июня 2013 г. № 25 «Об утверждении Методических рекомендаций о некоторых вопросах рассмотрения хозяйственными судами Республики Беларусь дел с участием иностранных лиц и оказания правовой помощи».

Как представляется, государство должно поддерживать и развивать обычаи, придавая им правовую конфигурацию, так как большинство наций и народов стремится сохранить свои прогрессивные традиции и обычаи прежде всего путем их формального закрепления. В этом смысле и правовой обычай, и обычное право выражают народное представление о справедливости и праве.

Таким образом, по результатам исследования можно сформулировать следующие выводы:

- правовой обычай является самостоятельным источником права и сохраняет свое значение в ряде отраслей (международное частное право, торговое право, хозяйственное право);
- в Республике Беларусь правовой обычай признается в качестве источника преимущественно в гражданских и хозяйственных правоотношениях;
- ссылки на правовой обычай как источник права содержатся в Гражданском кодексе Республики Беларусь, Кодексе торгового мореплавания Республики Беларусь, актах судебных органов.

Радченко В. Н.

БИОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

Радченко Владислав Нилович, студент 1 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, law.radchenkVN@bsu.by

Научный руководитель: старший преподаватель Иванова Т. В.

Для выявления эффективных методов борьбы с преступлениями, необходимо понять факторы, способствующие их возникновению. Это могут быть социальные (бедность, безработица), экономические (недоступность ресурсов) и психологические (девиантное поведение) причины и т. д.

Таким образом, в разные периоды человеческой истории выводились различные теории, соответствующие уровню развития общества и науки. Со временем некоторые из них устарели или были признаны ошибочными, но каждая из них оставила свой след в современном правопонимании.

Социологическая теория правонарушений рассматривает преступление исключительно в социальном контексте и исключительно как социальное явление, имеющее исключительно социальные причины.

Биологическая теория правонарушений рассматривает преступления как результат биологических факторов. Ее сторонники утверждают, что было бы неправильно рассматривать преступление исключительно в качестве социального явления. Биологическая теория правонарушений возникла в XIX в. в период классической криминологии. В это время вопреки господствующим в обществе религиозным догмам криминологи утверждали, что преступление есть проявление свободной воли человека. Отрицая преступление как происки высших сил, представители этого периода начали искать ему другое объяснение.

Основоположником биологического направления криминологии является итальянский тюремный врач Чезаре Ломброзо, который в своей работе «Преступный человек» (1876) изложил основные постулаты своего учения. Впоследствии, несмотря на его опровержение, еще при жизни основателя ее продолжали развивать в Италии – Р. Гаро-фало, Э. Ферри, Д. ди Туллио.

Представители биокриминологической теории обосновывают свои позиции, опираясь на достижения естественных наук. Наследственная теория в современном осмыслении распадается на несколько разновидностей: семейная предрасположенность, близнецовая, хромосомная, эндокринная и др. Свои выводы представители этих теорий делают на результатах изучения родословной преступников, функционирования желез внутренней секреции, сопоставления поведения близнецов и выявления хромосомных отклонений у преступников и не преступников.

В 1920-х гг. немецкий психиатр Й. Ланге провел исследование на основе близнецового метода. В 77 % случаев у однояйцевых близнецов была вскрыта закономерность, в результате которой было выявлено, что если преступление совершил один, то и второй близнец оказывался преступником.

В 1950-е гг. исследования генетических факторов преступности вступили в новую фазу – хромосомную (генотип человека состоит из 46

хромосом, две из них определяют пол, если они одинаковы – XX, то пол женский, если XY, то мужской). У некоторых людей оказались половые хромосомы не парные, а тройные XXY, XYY. Криминологи выдвинули гипотезу, что лишняя мужская хромосома (Y) может способствовать сверхагрессивности.

Представители же эндокринной теории утверждают, что гиперсекреция некоторых гормонов, например тестостерона, может приводить к агрессивному и импульсивному поведению, что в последствии может приводить к преступному поведению.

Чезаре Ламброзо же, основатель этой теории, в результате изучения итальянских заключенных пришел к выводу, что большинство преступлений обусловлено возрождением в преступнике первобытного дикаря.

В современной криминологии бесспорных связей между преступностью и биологией человека не установлено. Ни в отдельных странах, ни в мире в целом биологические теории причин преступности не находят серьезной поддержки. Человеческий организм слишком сложен как система и, на мой взгляд, невозможно выделить некий «ген преступности» наличие которого, однозначно означало бы наличие преступной предрасположенности.

Розанова Е. А.

ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ И СРЕДСТВА НАБЛЮДЕНИЯ: ПОИСК БАЛАНСА

Розанова Елизавета Александровна, студентка 1 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, rozanovalisa@yandex.by

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Калинин С. А.

По причине развития информационно-коммуникационных технологий многие аспекты нашей жизни становятся все более публичными и доступными для всеобщего обозрения, что объективно снижает степень нравственности человека. Существует и такой негативный аспект – частная жизнь подвергается воздействию со стороны различных средств наблюдения. Вопрос баланса между приватностью и общественной безопасностью становится все более актуальным.

Цель данной работы заключается в определении границ, возможностей и ограничений в использования средств наблюдения за частной жизнью.

Частная жизнь – это право индивида жить своей личной жизнью по собственному выбору, устанавливать и развивать отношения с другими людьми, а также защищать свою личную информацию и неприкосновенность жилища, это неотъемлемая свобода. В этом праве непосредственная регулирующая деятельность государства ограничена, так как частной жизнью распоряжается сам индивидуум.

Право на частную жизнь закреплено в ст. 28 Конституции Республики Беларусь, следовательно, каждый имеет право на защиту от незаконного вмешательства в его частную жизнь. Защита прав человека и гражданина на неприкосновенность частной жизни гарантируется также Гражданским

кодексом, Кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях, Уголовным кодексом Республики Беларусь, Всеобщей декларацией прав человека (ст. 12), Международным пактом о гражданских и политических правах (ст. 17) и иными международными правовыми актами.

В ст. 17 Закона Республики Беларусь «Об информации, информатизации и защите информации» установлено, что информация о частной жизни и персональные данные являются такой информацией, распространение которой и (или) предоставление носит ограниченный характер. Для совершения действий, связанных с персональной информацией, необходимо получение письменного согласия субъекта данной информации.

Одной из ключевых проблем является использование систем видеонаблюдения. Камеры видеонаблюдения устанавливаются практически повсеместно. Это позволяет правоохранительным органам оперативно реагировать на происшествия и предотвращать преступления. Но вместе с тем возникает вопрос о защите личных данных и конфиденциальности граждан. Важно, чтобы такие системы были надежно защищены от несанкционированного доступа и использовались только в целях обеспечения безопасности.

Вопросы видеонаблюдения в общественных местах регламентируются: Указом Президента Республики Беларусь от 28 ноября 2013 г. № 527 «О вопросах создания и применения системы видеонаблюдения в интересах обеспечения общественного порядка», Указом Президента Республики Беларусь от 25 февраля 2022 г. № 69 «О развитии республиканской системы мониторинга общественной безопасности», ст. 14 Закона Республики Беларусь от 4 января 2014 г. № 122-З «Об основах деятельности по профилактике правонарушений», Государственной программой «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы, утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 2 февраля 2021 г. № 66.

Другим примером являются социальные сети и интернет-сервисы. Каждое действие в интернете оставляет за собой след. Собранную информацию (историю запросов, данные о местоположении, личную информацию) компании используют в разных целях, но не всегда эти цели являются благородными. Существование цифрового отслеживания заставляет человека постоянно ощущать себя незащищенным, тем самым угрожает праву на неприкосновенность частной жизни.

Для обеспечения безопасности необходимо развивать усилия по защите данных, предоставлять возможности обучения пользователей тому, как управлять настройками конфиденциальности в интернете, как избегать онлайн-мошенничества, и привлекать к ответственности за посягательства на личную жизнь.

Частная жизнь и средства наблюдения являются неотъемлемыми элементами современной жизни. Важно найти баланс между использованием технологий для улучшения качества жизни и защитой своих личных данных. Соблюдая простые правила безопасности, можно сохранить свою приватность и пользоваться всеми преимуществами современных технологий.

Цыдик А. В.

РЕЛИГИОЗНАЯ МОТИВАЦИЯ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ПРАВОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Цыдик Анна Владиславовна, студентка 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, anna.ts2006@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Калинин С. А.

Исследование религиозной мотивации как фактора правового поведения актуально в условиях современного общества, где религиозные убеждения часто пересекаются с правовыми нормами и могут приводить к правонарушениям. Взаимодействие религии и законодательства требует тщательного анализа для предотвращения конфликтов и обеспечения гармоничного сосуществования.

Научные исследования, посвященные религиозной мотивации как важному фактору правового поведения, обычно направлены на изучение, каким образом религиозные убеждения влияют на действия и решения людей в правовой реальности.

В последние годы наблюдается растущее внимание к вопросам взаимодействия религии и законодательства, среди которых важными следует считать и следующие:

1) религиозные убеждения могут служить обоснованием (мотивацией) для совершения как правонарушений, так и правомерных поступков;

2) в религиозной мотивации играют значительную роль коллективная идентичность, эмоциональные триггеры и нормы конкретной религии;

3) определение границ правомерного и неправомерного поведения на основе религиозных убеждений важно для правоприменения.

Вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы.

Религия, как фактор, формирующий социальные, в том числе и правовые нормы, требует особого внимания со стороны государства и общества, неотъемлемой частью которого являются религиозные сообщества. Понимание динамики взаимодействия между религиозными убеждениями и правовыми нормами может значительно обогатить правотворчество и правоприменение, а также поможет выработать эффективную стратегию, направленную на предотвращение преступлений, вызванных религиозной мотивацией.

Юркевич М. Е.

КРИТИКА КАПИТАЛИЗМА В ЛИБЕРАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ США НА ПРИМЕРЕ КОНЦЕПЦИЙ ДЖ. РОЛЗА И Р. ДВОРКИНА

Юркевич Мария Евгеньевна, студентка 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, maryyuver@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Щербик Д. В.

Свое начало американский либерализм берет в идеях западноевропейских мыслителей эпохи Просвещения еще в XVIII–XIX вв. Именно в это время начинают формироваться его основные принципы. Однако либеральная мысль начала постепенно меняться под воздействием эволюции капитализма. В связи с этим нельзя не упомянуть о концепциях Рональда Дворкина и Джона Ролза.

Идеи этих философов были выдвинуты в сложный для либерализма момент. Его приверженцев критиковали за экономическую несправедливость, нарастающее социальное неравенство и военные действия во Вьетнаме, которые, по мнению многих, раскрыли угнетающую природу либеральной идеологии.

Обновление либерализма во многом произошло благодаря работе Дж. Ролза «Теория справедливости». Общая идея Ролза состоит в том, что первичные социальные блага должны распределяться поровну, если только неравное распределение некоторых или всех этих благ не послужит выгоде наименее благополучных членов общества. Ролз конкретизирует свою общую идею в виде двух принципов справедливости: «каждый человек имеет равное право на максимально широкую систему равных основных свобод, совместимых с аналогичной системой свобод для всех»; «социальные и экономические неравенства должны быть урегулированы таким образом, чтобы они вели к наибольшей выгоде наименее благополучных» (принцип различия); «чтобы связанные с ними посты и должности в обществе были открыты для всех при условии честного соблюдения равенства возможностей».

Сочетание данных принципов в изложенной Ролзом теории свидетельствует о том самом «обновлении» либерализма: он приобрел социалистическую направленность. Равные свободы должны обеспечить в обществе равенство, привести к достижению эгалитарной системы общественных отношений; а то, что неравенства должны вести к выгоде наиболее неблагополучных, является своеобразным отражением того, что определенного рода преимущества должны предоставляться исключительно уязвимым группам.

В классическом либерализме принципы неприкосновенности прав и свобод человека, а также равенства и веротерпимости не нуждались в дополнительном обосновании, они исходили из самой природы либерализма, с развитием же капитализма необходимость наличия данных принципов потребовала дополнительного обоснования; эти принципы отошли на второй план, основной целью общества стало увеличение капитала и извлечение

прибыли. Ролз же утверждает, что общая польза, благополучие или счастье не могут служить основой морального закона и, следовательно, надежной гарантией прав и свобод человека.

Подход Ролза показал, что даже наиболее гуманная и социально ориентированная форма капитализма не совместима с достижением высшей цели либерализма – созданием общества, в котором свободные люди живут на равных условиях.

Утилитаризм, как философская теория, утверждает, что правильные действия – это те, которые способствуют максимизации счастья или полезности для наибольшего числа людей. В контексте капитализма это может означать использование рыночных механизмов для удовлетворения потребностей общества. Дж. Ролз же в своей теории исходит из того принципа, что первостепенная важность либеральных свобод заключается не в достижении посредством них общей выгоды, а именно в том, что только благодаря им в обществе может существовать реальная справедливость.

Подобные взгляды высказывал и Р. Дворкин. В концепции Дворкина первый принцип равенства утверждает, что правительство должно одинаково относиться ко всем своим гражданам, обеспечивая равное распределение благ. Второй принцип требует, чтобы правительство относилось к гражданам как к равным, обеспечивая им равное внимание и уважение при принятии политических решений о распределении ресурсов в обществе. Часто в либерализме права рассматриваются как основания для общего блага, подразумевающие, что их наличие приносит пользу всему обществу. Однако Дворкин утверждает, что аргумент о пользе обществу неуместен для индивидуальных прав, так как он игнорирует их уникальную природу.

Обобщая теории Ролза и Дворкина, можно сделать вывод о том, что с точки зрения утилитаризма и капиталистического строя в либеральном обществе права часто воспринимаются как базис для общего блага, предполагая, что их наличие приносит пользу всем без исключения. Данные же философы акцентируют внимание на том, что первостепенная важность либеральных прав и свобод заключается не в достижении общей выгоды, а в том, что именно благодаря этим свободам в обществе возможно существование реальной справедливости. Рассмотрение прав через призму пользы, которую они приносят, Ролз и Дворкин считают недопустимым, поскольку это противоречит особой уникальной природе этих прав.

Ясевич И. А.

ПРАВО КАК ЦЕННОСТЬ И ЦЕННОСТИ В ПРАВЕ

Ясевич Иоланта Анджеевна, студентка 1 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, law.yasevich@bsu.by

Научный руководитель: старший преподаватель Иванова Т. В.

В современном мире право понимается не просто как система общеобязательных, формально-определенных норм, установленных или

санкционированных государством, а также как важнейшая социальная ценность, которая влияет на многие аспекты жизни общества и индивида в целом. Ценностные свойства права обусловлены природой этого специфического явления, его значением как особой формы общественных отношений, его местом и ролью в социо-нормативной системе общества. Использование понятия «ценность» в специальном смысле восходит к И. Канту. Ценности в его трактовке – это то, что имеет значение, значимость в нравственном мире долженствования и свободы.

Именно организованность, упорядоченность образующих социальную жизнь отношений – это регулятивная функция права. Регулировать в социальной жизни – значит определять поведение людей и общества в целом, давать ему направление функционирования и развития, вводить его в определенные рамки и упорядочивать. В этом контексте науки философия права и общая теория права (ОТП) рассматривают право как важнейший социальный регулятор, который призван поддерживать порядок, защищать права и свободы личности, а также обеспечивать справедливость.

С точки зрения философии права, право является высшей социальной ценностью, инструментом справедливого регулирования общественных отношений. Оно включает нормы и принципы, защищающие права личности и обеспечивающие общественный порядок. В отличие от морали или традиций, право обладает большей обязательностью и жесткостью, что позволяет эффективно регулировать отношения и защищать права граждан. Эффективность права как социального регулятора нашлась в общей теории права и заключается в его способности адаптироваться к изменениям в обществе и отражать его ценностные ориентации.

Сами же ценности представляют собой устойчивые представления о том, что хорошо и плохо, что правильно и неправильно. Они служат основой для принятия решений, а также формируют убеждения. Изучением ценностей занимается аксиология – раздел философии, который выявляет общечеловеческие ценности, такие как жизнь, здоровье и свобода, а также специфические для отдельных групп. А с точки зрения права, аксиология права изучает ценностные явления и показывает, как право становится не только нормой, но и важной частью социальной реальности. Знаменитый аксиолог права С. С. Алексеев отмечал, что «право является ценностью в обществе, т. е. социальным благом, соответствующим интересам и идеалам определенных классов, общества, личности».

Право является важным инструментом, который также закрепляет и охраняет различные виды ценностей. Эти ценности, отражая интересы и потребности общества, включают в себя как общечеловеческие, так и специфические для отдельных групп населения. Так, общечеловеческие ценности – это основные права, которые воспринимаются как универсальные для всех людей, независимо от их происхождения (право на жизнь, например). Выделяются также и государственные ценности. Они обеспечивают функционирование государства и его институтов. Больше всего ценностей закреплено и охраняется в главном законе нашей страны – в

Конституции. Так, в ч. 1 ст. 2 сказано: «Человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства». И последняя группа – это ценности отдельных социальных, этнических и религиозных групп. Каждая группа обладает уникальными традициями и представлениями о мире, которые могут быть признаны и защищены правом, включая право меньшинств на сохранение своей культурной идентичности и языка.

Таким образом, аксиологический аспект права играет ключевую роль в правовом воспитании граждан и формировании уважения к праву. Осознание ценности права помогает людям понимать свою ответственность перед обществом и государством, а также способствует устойчивым правовым отношениям. В быстро меняющемся мире важность соблюдения норм права остается высокой, так как право удовлетворяет социально справедливые и прогрессивные потребности граждан и общества. В этом и заключается ценность права.

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА БЕЛАРУСИ, ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Боярчук В. А.

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ И ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ВИГИЛАНТИЗМА

Боярчук Владислав Алексеевич, студент 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, boarcukvladislav@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Щербик Д. В.

В настоящее время по всему миру действует множество различных групп лиц, заинтересованных в установлении общественного порядка путем насилия, но не являющихся частью правоохранительных органов государств, – вигилантов. Вигилантизм как явление существовал задолго до появления самого термина «вигилантизм». Признаки вигилантизма можно найти в обычае кровной мести в Древней Руси, в фемических судах, осуществлявших в Европе негосударственное правосудие, в охоте на ведьм, происходившей в Западной Европе, деятельности охотников за головами и во многих других исторических институтах и явлениях.

Как правило, деятельность вигилантов связывается с самосудом и самоуправством. Вигилант или группа вигилантов ставят своей целью восстановление общественного порядка в случае, когда считают государственные правоохранительные и судебные органы неэффективными или несправедливыми. Главным отличием вигилантов от государственных органов является самостоятельное наделение себя правом поддерживать общественный порядок и применять внеправовое насилие в отношении его нарушителей.

В своей деятельности вигиланты опираются не столько на общественные, сколько на собственные представления о правильном и неправильном. Они могут отталкиваться от общественной морали, религиозных норм, идеологий и иных социальных регуляторов. Вигиланты различаются между собой по поводу отношения к государственным органам и закону, а также по форме своей организации от спонтанных групп лиц до институционализированных организаций. Свою деятельность вигиланты оправдывают действиями от лица и в интересах общества.

Термин «вигилантизм» появился в США в XIX в. и происходит от выражения «vigilance committee» («комитет бдительности»). Комитетами бдительности являлись объединения американских граждан, помогавшие правоохранительным органам США в поимке преступников. Некоторые комитеты со временем переступали законы и преследовали невиновных лиц, осуществляя самосуд. В том же веке в южных штатах США возник этнорасовый вигилантизм, который во многом ориентировался на

преследование и самосуд над преступниками иных рас. Как правило, такое преследование приводило к осуществлению судов Линча, на которых группа лиц публично казнила нарушившего те или иные нормы представителя иной расы, к которой испытывалось недоверие.

В XXI в. вигилантизм продолжает существовать в тех или иных формах в разных частях планеты. Действия вигилантов наиболее часто можно заметить в государствах со слабой правоохранительной системой, где общество больше чтит иные социальные регуляторы, нежели право, а также готово применять насилие для защиты общепринятых норм. В развитых государствах явление вигилантизма в основе своей перетекло в общественные организации, использующие те или иные методы воздействия на нарушителей порядка. В массовой культуре закрепился социально одобряемый образ персонажа-вигиланта, действующего вопреки законам неэффективного государства или тираническому режиму, что также распространяет вигилантские идеи среди людей.

Развитие информационных технологий привело к популяризации вигилантизма через интернет. Различные вигилантские группы используют социальные сети и видео-хостинги для эффективного распространения своих идей и получения общественного одобрения. С помощью вигилантского контента они ищут новых сторонников и привлекают средства на дальнейшую деятельность.

По мере увеличения количества пользователей интернета возник цифровой вигилантизм. В отличие от вигилантизма обыкновенного, использующего интернет в качестве собственной трибуны, он существует полностью в интернет-пространстве. Иные условия взаимодействия людей в интернете привели к изменению инструментов воздействия вигилантов, а также их целей.

Цифровые вигиланты преследуют своей целью разрушение публичной репутации нарушителей глобальной «новой этики» путем массовой травли в социальных сетях или распространения их персональных данных с целью дальнейшего преследования в реальной жизни или позора. Современное общество наиболее подвержено влиянию дезинформации и поляризации мнений, а также обменивается информацией быстрее, чем когда-либо прежде, а потому имеет большой мобилизационный потенциал для осуществления самостоятельного правосудия.

В основе явления вигилантизма лежит идея, что каждый гражданин может брать ситуацию в свои руки, когда считает невозможным решение той или иной проблемы. Такое желание также можно связать с правовым нигилизмом или низкой правовой культурой населения. В своей правоохранительной деятельности любое государство должно препятствовать возникновению вигилантов как альтернативы государственным правоохранительным и судебным органам, дабы сохранить монополию на насилие и предотвращать двоевластие.

Будовей К. А.

ПРИНЦИП HABEAS CORPUS – ПУТЬ ОТ ВЕЛИКОЙ ХАРТИИ ВОЛЬНОСТЕЙ ДО КОНСТИТУЦИИ США

Будовей Кирилл Александрович, студент 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, hopkinm@mail.ru

Научный руководитель: доцент, канд. юрид. наук Сатолин В. Н.

Принцип habeas corpus, который на протяжении веков защищает людей от незаконного задержания, является одним из ключевых правовых механизмов в системе защиты прав человека. Одной из стран, где принцип habeas corpus получил особое развитие, стали США.

История принципа habeas corpus начинается в Англии с подписания Великой хартии вольностей (Magna Carta) в 1215 г. Король Иоанн Безземельный под давлением английской знати был вынужден согласиться на ограничение своей власти. Статья 39 этого исторического документа провозглашала, что никто не может быть задержан, заключен в тюрьму или лишен имущества иначе как по законному суду своих равных или по закону страны. Это стало одним из первых шагов к защите граждан от произвола монархической власти.

Хотя на момент подписания Великая хартия вольностей защищала преимущественно интересы знати, а не широких слоев общества, она заложила фундаментальные принципы, которые в будущем стали применяться к каждому свободному человеку. Со временем данный правовой механизм эволюционировал, и к XVII в. он был значительно усилен принятием Habeas Corpus Act в 1679 г. Этот закон обязывал власти предъявлять задержанных в суд для проверки законности их задержания, а если таких оснований не было, человек подлежал немедленному освобождению. Этот акт стал значительным шагом на пути к утверждению судебной системы как инструмента защиты прав человека.

Когда первые колонисты прибыли в Америку, они перенесли с собой многие правовые и политические институты метрополии, включая принцип habeas corpus. Этот принцип сыграл ключевую роль в формировании американской правовой системы и нашел свое отражение в Конституции США. В ст. 1 разд. 9 Конституции США, принятой в 1787 г., говорится, что «привилегия habeas corpus не может быть приостановлена, за исключением случаев мятежа или вторжения, когда этого требует общественная безопасность». Таким образом, принцип habeas corpus был включен в саму основу американской системы правосудия.

Конституция США не только закрепила это право, но и сделала его одним из главных гарантов свободы личности в государстве. В рамках американской правовой системы каждый человек, задержанный властями, имеет право потребовать, чтобы суд рассмотрел законность его ареста или заключения. Если суд не обнаружит законных оснований для содержания под стражей, задержанный должен быть немедленно освобожден. Habeas corpus

стал мощным инструментом борьбы с неправомерными действиями властей и одним из символов американской демократии.

На протяжении всей истории США принцип habeas corpus подвергался испытаниям в периоды кризисов и чрезвычайных ситуаций. Одним из самых известных примеров стало приостановление действия habeas corpus во время Гражданской войны (1861–1865). В 1861 г. Президент Авраам Линкольн, руководствуясь необходимостью поддержания общественного порядка в условиях войны, временно приостановил это право. Это вызвало острую дискуссию в обществе о том, насколько допустимы такие ограничения гражданских свобод в условиях чрезвычайных ситуаций.

В XXI в. вопросы о приостановлении habeas corpus вновь стали актуальны в контексте борьбы с терроризмом. Задержания подозреваемых в терроризме в тюрьме Гуантанамо и другие случаи, связанные с мерами безопасности после событий 11 сентября 2001 г., вызвали широкие обсуждения вопроса о том, насколько правомерно ограничивать права человека в экстремальных условиях. Тем не менее даже в этих обстоятельствах американская судебная система продолжает рассматривать habeas corpus как один из важнейших механизмов защиты прав личности.

Принцип habeas corpus, зародившийся в Великой хартии вольностей, прошел долгий путь и стал неотъемлемой частью американской правовой системы. Он символизирует право человека на защиту от незаконного лишения свободы и остается одной из главных гарантий прав личности в условиях демократической правовой системы. Несмотря на то что habeas corpus не раз подвергался испытаниям в условиях кризисов и чрезвычайных ситуаций, его фундаментальное значение для защиты прав человека продолжает оставаться незыблемым и по сей день.

Зинченко М. И.

ЛЕГИЗМ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ

Зинченко Маргарита Игоревна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, caelestemargarita@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Щербик Д. В.

Для установления роли легизма в формировании современной китайской правовой системы необходимо обратиться к прошлому, когда и произошло зарождение первых идей «законников». Проследив развитие «фа цзя», мы выделим основные положения этико-политического учения и найдем их отражение в законодательстве КНР.

Говоря о законниках и проведя исследование работ ученых, можно с уверенностью констатировать: легизм и конфуцианство всегда рассматриваются в противопоставлении друг другу. Будучи изначально диаметральными учениями, впоследствии они сольются, образуя синтез «ли»

(ритуала, традиций) и «фа» (закона, права), однако произойдет это лишь через несколько веков. Школа законников пропагандировала заменить «ли» на «фа» и пользоваться при принятии решений исключительно законом, а не гуманностью, знаниями и принципами. Трактатом, закрепившим легизм и вобравшим в себя самые ценные его идеи мыслителей разных поколений, был «Книга правителя области Шан». Закону в нем отводилось верховенствующая позиция. Ему должны подчиняться все – от высших чинов до простого народа, и ни для кого нет исключений.

В отличие от Конфуция, Шан Ян настаивал, что мораль и право должны быть разграничены и не влиять друг на друга, иначе это приведет к дисбалансу в обществе. Идея легистов – это достижение всеобщего блага за счет порядка и контроля за народом, который не в состоянии сдерживать свои пороки без надзора и угрозы наказания. Шан Ян критикует конформизм конфуцианства и настаивает на том, что для развития общества и государства нужно быть открытым к переменам и не связывать себя прошлым: традициями, религией, устаревшей моралью. Начинать же следует, по мнению сторонников фа цзя, с реформирования законодательства и установления четких, понятных каждому, правил. Хотя легисты и считали людей глупыми и не нуждающимися в образовании, они признали важность детализации законов. Чтобы человек понимал право, его нужно составить понятным любому языком, уточняя все спорные моменты и упрощая сложные нормы, предупреждая тем самым лазейки и недопонимание со стороны читающего. Именно благодаря легистам, право перестало писаться витиеватым и порой непонятным для народа языком. Оно стало четким, полным, логичным и понятным, хотя и не в меру жестоким.

Несмотря на скептицизм людей в успехе реализации целей легистов, Шан Ян успешно провел 5 реформ за 6 лет. Благодаря этому, в руках законников оказалась реальная власть, которая привела к порядку, захвату новых земель, укреплению границ и государства изнутри. Хоть легисты простояли у власти не так долго, они внесли неоценимый вклад в становление государства, дав законодательную базу и могущественную армию, что послужило развитию Китая, сделав его одной из сильнейших империй.

После смерти императора Цинь Шихуанди, который был приверженцем легизма, династия Цинь под давлением восстаний пала. Ей на смену пришла династия Хань, которая после жестокости законников смягчила свою политику, и настал период «ханьского конфуцианства», сочетавшего в себе три основные доктрины Китая: конфуцианство, легизм и даосизм. Новое конфуцианство не было таким же, как до легизма. Оно реформировалось, вбирая в себя то полезное, что дало фа цзя. Теперь ли и фа не боролись, а дополняли друг друга. Ли – это прошлое, которое нельзя забывать, ведь оно делает нас народом, ценящим свое наследие. Отталкиваясь от прошлого и делая шаг в будущее, фа позволяет развиваться и помогать людям поддерживать порядок в обществе, укреплять свое государство.

На современном этапе легизм преподносят как жестокую и вымершую школу, которой нет места в современном мире. Однако именно к нормам легизма обратилась научная общественность в Китае при становлении республики после революции XX в. и свержения монархии. В критические моменты правительству необходимо поддержать порядок и установить стабильность. Тут и вступает закон, являясь сдерживающим фактором беспорядков и паники.

В связи с перенаселением Китая правительство вводит на законодательном уровне ограничение количества детей. Политика «одна семья – один ребенок» приводит к резкому спаду численности населения и нехватки рабочей силы, в связи с чем вводится новая реформа – «одна семья – 2 ребенка». Но пока население пытается восстановиться для заполнения рабочих мест в крупных городах приходится привлекать фермеров из мелких деревень. Это приводит к ускоренной урбанизации, нехватке жилья, повышению преступности и правительство вновь обращается к закону, а именно к уголовному кодексу, призванному сдерживать противоправные действия жителей.

В 1978 г. прошла программа экономических реформ в Китае, нацеленная на создание социалистической рыночной экономики. После этого в Китай начало поступать огромное количество иностранных инвестиций, произошел экономический переворот, урегулировать который помогло законодательство. Так, за 10 лет были приняты такие законодательные акты, как Закон КНР «О предприятиях с иностранным капиталом», Закон КНР «О совместных предприятиях с иностранным капиталом», Положение «О порядке регистрации в КНР инвестиционных проектов».

Таким образом, легизм прошел долгий путь – от тоталитарного режима до синтеза с конфуцианством; хоть и исчезнув в чистом виде, он продолжает защищать Поднебесную через законы, регулирующие порядок отношений внутри страны и оказывая влияние на весь Восток.

Курганова М. И.

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ В США: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Курганова Мария Игоревна, студентка 1 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, masna1kurganova@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Сатолин В. Н.

Смертная казнь, как известно, является самым суровым видом уголовного наказания, также она считается наиболее проблемным уголовно-правовым институтом из-за неоднозначного отношения общества к ней. Актуальность данной темы обусловлена тем, что право на жизнь – это высшая ценность, которая есть у каждого человека, а охрана и защита этого права является первостепенной и основной задачей государства.

Сегодня в большинстве цивилизованных стран смертная казнь не применяется, но некоторые государства все же являются исключениями,

например: Республика Беларусь, Соединенные Штаты Америки, Япония, Китайская Народная Республика, Объединенные Арабские Эмираты, Кувейт, Сингапур и др. Смертную казнь также практикуют некоторые менее развитые страны и страны третьего мира.

Британия повлияла на применение смертной казни в Америке больше, чем любая другая страна. Когда поселенцы из Европы прибыли в Новый Свет, они привезли с собой практику смертной казни. Первой зафиксированной казнью была казнь капитана Джорджа Кендалла в колонии Джеймстаун в Вирджинии в 1608 г. Кендалл был казнен за шпионаж в пользу Испании.

Немногим позже, в 1612 г., губернатор Вирджинии сэр Томас Дэйл принял законы, в которых смертная казнь предусматривалась даже за незначительные правонарушения, такие как кража винограда, убийство кур и торговля с индейцами.

Однако в 1767 г. Чезаре Беккариа написал эссе «О преступлениях и наказаниях», в котором выдвинул теорию о том, что нет никаких оправданий для лишения жизни государством. Это эссе один из первых ярких показателей неоднозначного отношения общества к смертной казни.

В XIX в. отдельные штаты начали отменять смертную казнь, но большинство все же ее сохранило. Некоторые штаты перевели в разряд тяжких большое количество преступлений, особенно совершенных рабами. На то время повешение и гильотина были одними из самых распространенных способов смертной казни.

В 1888 г. в Нью-Йорке был сконструирован первый электрический стул, на котором в 1890 г. казнили Уильяма Кеммлера – первого человека, к которому был применен такой вид смертной казни.

С 1907 по 1917 г. шесть штатов полностью запретили смертную казнь, а три штата ограничили ее редко совершаемыми преступлениями, такими как государственная измена и убийство сотрудника правоохранительных органов первой степени.

До 1980-х гг. самым распространенным способом казни был электрический стул. Но уже в начале1980-х стали применять смертельные инъекции. Такой способ считается наиболее гуманным, так как во время процедуры человеку вкалывают 3 инъекции: анестетик, паралитик и яд. Первая инъекция погружает человека в сон, вторая обездвиживает мышцы, а яд провоцирует остановку сердца. Первым человеком, казненным таким способом в 1982 г., был убийца Чарльз Брукс.

Расстрел также является одним из видов смертной казни, однако в последний раз такой вид казни в США был исполнен в 2010 г.

В настоящее время в США не только используется смертная казнь, но она одобряется подавляющим числом населения. Особенностью является то, что каждый штат имеет относительную самостоятельность в выборе применения смертной казни. На данный момент смертная казнь является легальной мерой наказания в 27 штатах, однако в 8 из них на нее наложены моратории. В федеральном законодательстве на смертную казнь действует

мораторий с 2021 г. В законодательстве вооруженных сил США также предусмотрена казнь, но последняя была осуществлена в 1961 г.

В большинстве случаев смертная казнь в Соединенных Штатах Америки применяется за убийство. В некоторых штатах (Техас, Оклахома, Монтана, Луизиана и других) были приняты новые законы, которые предусматривают смертную казнь за изнасилование ребенка.

В наши дни в Соединенных Штатах Америки разрешены пять способов проведения смертной казни: смертельная инъекция, казнь на электрическом стуле, использование смертельного газа, повешение и расстрел. Чаще всего применяют инъекции (более 1,400 казней) и электрический стул (163 казни), а в январе 2024 г. в США одобрили новый метод казни – путем удушения с помощью азота.

Лапов И. Н.

ФОРМИРОВАНИЕ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ЛИЦА, ПРАВОМЕРНО УПРАВЛЯЮЩЕГО ТРАНСПОРТНЫМ СРЕДСТВОМ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ В 1918–1940 гг. (ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)

Лапов Иван Николаевич, адъюнкт кафедры административной деятельности органов внутренних дел Краснодарского университета МВД России, г. Краснодар, Россия, 30161980@mail.ru

Научный руководитель: доктор юрид. наук, профессор Труфанов М. Е.

В 1909 г. делегация из России участвовала в международной конференции в Париже с целью выработки общеевропейских требований к дорожному движению. По итогам конференции выработана «Международная конвенция об автомобильном движении», определившая требования к шоферам, правилам дорожного движения и водительским удостоверениям. Положения, узаконенные Россией в Париже, оставались действительными вплоть до 1925 г.

Первым советским документом, связанным с безопасностью дорожного движения, была «Инструкция о пользовании автомобилями и мотоциклами и о порядке движения по городу Москве и ее окрестностям» 1918 г.

10 июня 1920 г. принят первый нормативный правовой акт, посвященный безопасности движения – Декрет СНК РСФСР «Об автодвижении по г. Москве и ее окрестностям», в котором определялись правила дорожного движения. К тому времени в стране насчитывалось около девяти тысяч автомототранспортных средств.

В 1923 г. СНК РСФСР утвердил форму нового водительского удостоверения. Новые водительские удостоверения имели три категории, высшая из которых предполагала водительский стаж не менее шести лет и умение ремонтировать автомобиль. Однако главная особенность данного документа заключалась в том, что водительские удостоверения выдавались местными органами власти и ограничивались в действии территорией

соответствующего субъекта, т. е. водительское удостоверение признавалось только субъектом по месту его выдачи.

В 1925 г. в Ленинграде были разработаны очень подробные Правила дорожного движения, базирующиеся на общих принципах регулирования дорожного движения, которые приняты в больших городах других стран, а также по Международной конвенции об автомобильном движении.

В мае 1928 г. организовывались заочные курсы автотранспортного дела. В июле 1928 г. Народный комиссариат просвещения РСФСР признал целесообразным организацию психотехнической лаборатории для испытания профессиональной пригодности шоферов, вагоновожатых и работников других профессий, связанных с движением по дорогам.

В 1930 г. в Москве, Ленинграде и в других городах были переизданы Правила уличного движения, в которых указывался порядок сдачи экзаменов на право управления автомобилями и получения водительских удостоверений.

11 декабря 1931 г. на основе решений, принятых на Женевской международной конференции, Главное управление рабоче-крестьянской милиции НКВД РСФСР впервые утверждает типовые «Правила уличного движения». Спустя два года вышли «Правила движения автомобильного и гужевого транспорта по дорогам СССР» (15 мая 1933 г.).

С 1934 г. властями особое внимание уделялось качеству подготовки водительских кадров, в том числе в автохозяйствах. Программа испытаний отличалась очень высокими требованиями. В зависимости от оценки навыков по вождению, полученной в квалификационной комиссии, молодым водителям устанавливался срок стажировки от одного до двух месяцев.

В 1935 г. Отделом по регулированию уличного движения (ОРУД) принято решение о ликвидации многих автошкол на предприятиях, не обеспеченных помещениями, машинами, преподавателями и агрегатами.

На основании новых нормативных актов в период с 1935 по 1937 г. на всей территории СССР происходил обмен водительских удостоверений. В 1936 г. появилось удостоверение шофера, выдаваемое органами внутренних дел после прохождения кандидатами в водители обучения и сдачи квалификационных экзаменов.

В 1940 г. впервые были утверждены первые типовые правила дорожного движения, распространявшие свое действие на всю территорию СССР.

Таким образом, в период с 1918 по 1940 г. в Советской России проводилась работа по стандартизации для всей территории страны бланков удостоверений на право управления транспортными средствами, профессиональному обучению и проверке состояния здоровья кандидатов в водители, принятию единых правил регистрации и учета автомототранспортных средств. Принимаемые правовые акты заложили основу для формирования административно-правового статуса лица, правомерно управляющего транспортным средством. Однако, по мнению А. С. Квитчука, они не обеспечивали формирования единой правовой системы.

Масюк Д. В.

ПРАВАВЫ СТАТУС ЖАНЧЫНЫ Ў ШЛЮБНА-СЯМЕЙНАЙ СФЕРЫ Ў РАННІ САВЕЦКІ ПЕРЫЯД

Масюк Дар'я Вячаславаўна, студэнтка 4 курса Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, г. Мінск, Беларусь, dariamasyk11@gmail.com

Навуковы кіраўнік: канд. юрыд. навук, дацэнт Арлоўская А. І.

Разам з крахам Расійскай імперыі прыйшоў канец і патрыярхальнаму строю. Гаворка ідзе не толькі аб тыповых адносінах, якія замацоўваў звод законаў Расійскай імперыі, дзе жонка павінавалася свайму мужу, была ў поўнай паслухмянасці да яго, дагаджала ва ўсім. Увогуле, на першых этапах пасля рэвалюцыі 1917 г. мы вядзем гаворку пра максімальную свабоду, спробу савецкай улады калі не скасаваць сям'ю, то звесці яе значэнне да мінімуму.

Прааналізуем спачатку ідыялагічную складаючую гэтых змен. Напрыклад А. Калантай, якая некаторы час з 1920 г. займала пасаду загадчыцы жаночым аддзелам ЦК УКП(б) выступала супраць легальнага шлюбу як формы. Таму яе думкі фарміравалі і «палітыку партыі». Важнай фігурай у БССР, уплываўшай на вырашэнне «жаночага пытання», была С. Шамардзіна, якая ўзначальвала жаночы аддзел ЦК КП(б)Б адначасова з А. Калантай. Так, Шамардзіна выступала за роўнасць, грамадзянскі шлюб, разводы, а таксама аборты. Размова шла пра статус «новай жанчыны» – вольнай і неабмежаванай сямейнымі адносінамі.

Засяродзім увагу на наступным: нават першыя дэкрэты савецкай улады пачалі закладаць аснову для развіцця шлюбна-сямейных адносін новага тыпу, якія юрыдычна рабілі жанчыну роўнай з мужчынай у правах. Напрыклад, 18 снежня 1917 г. выдадзены дэкрэт «Аб грамадзянскім шлюбе, аб дзецях і аб увядзенні кніг грамадзянскага стану», дзе замацоўвалася, што прызнаюцца толькі шлюбы, зарэгістраваныя савецкімі органамі ўлады, а царкоўны шлюб аб'яўляецца прыватнай справай.

Далей быў дэкрэт «Аб скасаванні шлюбу». Так, дзякуючы гэтаму дэкрэту, працэдура разводу была максімальна спрошчана. Для скасавання шлюбу дастаткова стала заявы ў суд і жадання аднаго з супругаў спыніць адносіны. Аднак, пасля абвяшчэння гэтага дэкрэта колькасць разводаў маментальна ўзрасла. Гэта на самой справе былі акты, якім не было аналагу ў тагачасных Еўропе і ЗША. Нідзе больш у свеце жанчынам не надавалася столькі правоў і магчымасцей у кіраванні сваім жыццём. Можна гаварыць аб тым, што новы прававы статус жанчын быў такой жа рэвалюцыяй, як і самі падзеі 1917 г.

Існуе меркаванне, нібыта пасля лютаўскай рэвалюцыі жанчыны прызнаваліся агульнай маёмасцю, паколькі існаваў ленінскі дэкрэт. Але гэта не зусім так. Гісторыкі вядуць размову пра лакальныя акты. Самы знакаміты з іх дэкрэт Уладзімірскага саўдэпа «Аб разняволенні жанчын» і парадзіў

недаразуменні. Згодна гэтаму дэкрэту, з 1 сакавіка 1918 г. у горадзе Уладзіміры адмяняецца прыватнае права на валоданне жанчынамі, кожная дзяўчына абавязана быць зарэгістравана ў «Бюро вольнага кахання» і «мець права выбіраць сабе сярод мужчын ад 19 гадоў да 50 часовага сужыцеля-таварыша». Адзначым, што савецкая ўлада пачала актыўна рэагаваць на публікацыі «дэкрэта» і яго варыяцый – аж да закрыцця газет.

Насупраць, вельмы рэальным быў дэкрэт аб дазваленні медыцынскіх абортаў па жаданні жанчыны. Такім чынам, савецкія краіны сталі першымі краінамі свету, якія дазволілі жанчынам штучнае перапыненне цяжарнасці ў медыцынскіх установах без абмежаванняў. Факт безумоўных рэпрадуктыўных правоў жанчыны – неспрачальны.

Вядома, фундамент савецкай палітыкі ў галіне шлюбна-сямейных адносін замацаваў Кодэкс РСФСР 1918 г. аб актах грамадзянскага стану, шлюбным, сямейным і апякунскім праве (далей – Кодэкс 1918 г.), які дзейнічаў таксама і на тэрыторыі БССР.

Кодэкс юрыдычна замацоўваў свецкі характар сямейных адносін, прызнаючы выключнае права ЗАГСаў рэгістраваць шлюбы, поўнасцю нівеліраваў ролю рэлігійнага саюзу, надзяляў жанчын і мужчын роўнымі правамі ў сямейнай сферы, абвяшчаў раздзельную маёмасць. Таксама шлюб дазваляў абіраць любое прозвішча.

Аналізуючы прававы статус жанчыны ў сямейна-шлюбных адносінах пасля рэвалюцыі, можна сфармуляваць наступныя высновы.

Сацыялістычныя ідэі ранняга савецкага перыяду стварылі не толькі новы палітычны строй, але змянілі сацыяльнае жыццё і звыклыя ролі.

Жанчына атрымоўвала адрозна новы прававы статус у сямейных праваадносінах. Яна была самастойным суб’ектам права. Можна выдзяліць шэраг правоў, якія складалі прынцыпова новы статус савецкай жанчыны. Гэта права на развод, свецкі, але законны характар шлюбу, права на аборт.

Кодэкс 1918 г. юрыдычна замацаваў і іншыя правы: абвяшчаў канчаткова свецкі шлюб, дазваляў абіраць прозвішча, адзначаў роўнасць супругаў у выхаванні дзяцей, адмаўляў агульную маёмасць.

Адметным вектарам ранняй савецкай палітыкі было тое, што яна імкнулася да абсалютнай роўнасці ва ўсім: ад палітыкі да сям’і. Можна гаварыць аб тым, што заканадаўства ранняга савецкага перыяду было сапраўды інавацыйным. Вядома, не ўсе ідэі рэвалюцыянераў і рэвалюцыянерак знайшлі ўвасабленне ў законах, а многія канцэпцыі апынуліся правальнымі, усё ж большасць імкненняў і мэт была дасягнута. Улада сапраўды вырашыла «жаночае пытанне», даруючы абсалютна новы прававы статус савецкай жанчыне.

Наважэн К. Д.

ВІДЫ МАЁМАСНЫХ ПАКАРАННЯЎ ПА СТАТУТУ ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА 1588 г.

Наважэн Крысціна Дзмітрыеўна, студэнтка 4 курса Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, г. Мінск, Беларусь, law.novozhen@bsu.by

Навуковы кіраўнік: канд. юрыд. навук, дацэнт Голубева Л. Л.

У крымінальным праве Вялікага Княства Літоўскага (ВКЛ) існавала вялікая колькасць пакаранняў. Гэта абумоўлена як ўзроўнем правасвядомасці і праваадносін таго часу, так і грамадскім ладам. Сам заканадаўца не падзяляў пакаранні на віды, але, аналізуючы помнікі права таго часу, пакаранні можна сістэматызаваць у пэўнай паслядоўнасці. Самым пашыраным відам пакаранняў з'яўляліся маёмасныя пакаранні. Сістэма маёмасных пакаранняў была дастаткова добра распрацавана.

Асноўны від маёмасных пакаранняў – штраф. Штраф мог з'яўляцца як асноўным, так і дадатковым відам пакаранняў. Штраф выражаўся ў пэўных сумах грошай: у канкрэтнай – пры ўказанні памеру ў грашовых адзінках, або ў адносных – пры ўказанні пакарання не ў пэўнай колькасці грошай, а ў кратным памеры – двайны памер.

Штраф выплачваўся як на карысць пацярпелага і яго родзічаў, так і на карысць дзяржавы і органаў улады. На карысць пацярпелага, напрыклад, выплачваўся штраф за тое, што яўрэі і татары трымалі ў якасці карміцелькі хрысціянку. Гэта пацвярджае наступная норма Статута 1588 г.: «А хто б хрысціянку да гэтага приняволіў або наняў і было б гэта сапраўды па законах даказана, тады такі, кім бы ён ні быў пакліканы, таму, хто пакліча, абавязаны будзе заплаціць віны дваццаць коп грошай» (Статут 1588. Раздз. XII, арт. 9). На карысць дзяржавы штраф выплачваўся, калі пацярпелым была не пэўная асоба, а грамадства.

Штраф за забойства чалавека называўся галоўшчынай. Ён уздымаўся на карысць сям'і забітага. Галоўшчына магла выступаць як асноўным, так і дапаўняльным відам пакарання. Таксама існуе пункт гледжання, што галоўшчына з'яўлялася толькі дадатковым відам пакаранняў, і ў Статуце 1588 г. яна была звязана са смяротным пакараннем.

Памеры галоўшчыны ўстанаўліваліся заканадаўствам і залежалі ад прыналежнасці забітага да пэўнага саслоўя і займання забітым пасад, напрыклад, галоўшчына за шляхціца – 100 коп грошай. Гэтая галоўшчына была самай вялікай па памерах. Памер не змяняўся ва ўсіх статутах.

За забойства жанчыны спаганялася двайная галоўшчына, гэта ўказваецца ў кожным артыкуле, які вызначае памер галоўшчыны. Але ў некаторых выпадках памер галоўшчыны за забойства жанчыны памяншаўся: за забойства жанчыны простага стану, «якая мужа не мела і не мае … галоўшчыны дваццать коп грошай» (Статут 1588. Раздз. XII, арт. 3).

Галоўшчына адначасова з'яўлялася як пакараннем, так і задавальненнем прычыненай шкоды. Павелічэнне памераў галоўшчыны ад першага да

трэцяга Статута паказвае змену поглядаў на мэты пакаранняў і ўстанаўленне такой мэты, як застрашванне.

Калі за забойства сплачвалася галоўшчына, то за прычыненне цялесных пашкоджанняў – пабояў, ран, сплачваўся іншы від штрафу – навязка. Навязка выплачвалася пацярпеламу, а яе памеры залежалі ад саслоўнага становішча пацярпелага і, акрамя гэтага, ад цяжкасці ўчыненага злачыннага дзеяння.

За цялесныя пашкоджанні жанчыны спаганялася двайная навязка. Навязка, акрамя асноўнага віда пакарання, магла служыць і дадатковым. Так, пры згвалтаванні асноўным пакараннем з'яўляецца смяротная кара, а дапаўняльным – навязка на карысць пацярпелай. Патрэбна адзначыць, што дадзенае пакаранне не залежала ад саслоўя пацярпелай і злачынцы.

Галоўшчына і назязка выплачваліся або пацярпеламу, або яго блізкім родзічам, але ободва віды штрафу пераходзілі па спадчыне.

Да астатніх відаў штрафаў адносіліся гвалт – за гвалтоўныя дзеянні і самавольства, віна – штраф на карысць дзяржавы і суддзяў. Памер віны залежаў ад характару злачынства і ад вырашэння суда.

У разглядаемы перыяд быў вядомы яшчэ адзін від маёмасных пакаранняў – канфіскацыя маёмасці. Дадзенае пакаранне прымянялася як самастойны від пакаранняў да шляхціцаў за ўхіленне ад выконвання воінскіх абавязкаў і ўчыненне воінскіх злачынстваў.

Як дапаўняльны від пакарання канфіскацыя прымянялася за ўчыненне дзяржаўных злачынстваў. Канфіскацыя з'яўлялася публічным пакараннем і не прызначалася за злачынствы супраць асобы.

Нягледзячы на адсутнасць у Статуце ВКЛ 1588 г. выразнай сістэматызацыі відаў маёмасных пакаранняў, можна вылучыць наступныя: штраф, галоўшчына, гвалт і навязка, як віды штрафу і канфіскацыя маёмасці. Галоўнай мэтай маёмасных пакаранняў з'яўлялася кампенсаванне прычыненай шкоды. Часцей за ўсё маёмасныя пакаранні прымяняліся ў якасці дапаўняльных пакаранняў.

Палякова К. У.

КРЫМІНАЛЬНЫ КОДЭКС БЕЛАРУСКАЙ ССР 1928 ГОДА

Палякова Крысціна Уладзіміраўна, студэнтка 4 курса Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, г. Мінск, Беларусь, law.polyakovKV1

Навуковы кіраўнік: канд. юрыд. навук, дацэнт Голубева Л. Л.

Крымінальны кодэкс (КК) Беларускай ССР 1928 г. прымаўся апошнім з кодэксаў іншых савецкіх рэспублік, улічваючы іх памылкі пры фармуляванні шэрагу артыкулаў. У ім больш поўна адлюстроўваліся аб'ектыўныя патрэбы барацьбы са злачыннасцю, выкарыстоўваўся вопыт крымінальнага заканадаўства і практыка яго прымянення ва ўсёй краіне. Болей таго, ён выправіў канцэптуальныя супярэчнасці папярэдняга КК 1922 г., а таксама тэхніка-юрыдычныя памылкі КК РСФСР 1926 г.

Новы кодэкс значна адрозніваўся ад кодэксаў іншых саюзных рэспублік, хаця і быў заснаваны на агульнасаюзных крымінальных законах. Так, у ім адсутнічаў падзел на Агульную і Асаблівую часткі, першыя ж 4 раздзелы ў асноўным паўтаралі нормы агульнасаюзнага заканадаўства. Перавага аддавалася крымінальна-прававой абароне дзяржаўных інтарэсаў.

Да злачынства адносілася ўсякае «грамадска небяспечнае дзеянне або бяздзейнасць, накіраванае супраць асноў савецкага ладу або правапарадку, усталяванага рабоча-сялянскай уладай на пераходны да камунізму перыяд». Гэтае вызначэнне называла матэрыяльную прыкмету злачынства – грамадскую небяспечнасць дзеяння, але не ўказвала на крымінальную супрацьпраўнасць дзеяння.

Крымінальны кодэкс БССР 1928 г. дапускаў прымяненне аналогіі закону. Трэба адзначыць, што адказ ад прынцыпу «няма злачынства без указання аб тым у законе» быў агульным для Крымінальных кодэксаў усіх саюзных рэспублік. У літаратуры сустракаецца погляд, у адпаведнасці з якім прымяненне аналогіі закону для таго перыяду развіцця дзяржавы з'яўляецца апраўданым, бо савецкае крымінальнае заканадаўства не было ў стане загадзя прадугледзець усе магчымыя злачынствы, асабліва ў перыяд НЭПу.

У арт. 5 КК БССР 1928 г. давалася класіфікацыя злачынстваў на падставе палітычных крытэрыяў. Злачынствы падзяляліся на дзве катэгорыі: накіраваныя супраць асноў савецкага ладу; усе астатнія.

За здзяйсненне злачынстваў першай катэгорыі ўсталёўвалася найменшая (мінімальная) мяжа, ніжэй за якую суд не мог прызначыць меру сацыяльнай абароны (меру пакарання). За злачынствы другой катэгорыі кодэкс прадугледжваў найвышэйшую (максімальную) мяжу пакарання.

Мерамі сацыяльнай абароны з'яўляліся: аб'яўленне ворагам працоўных з пазбаўленнем грамадзянства БССР або іншай саюзнай рэспублікі і тым самым грамадзянства СССР з выгнаннем назаўсёды з дзяржавы; пазбаўленне волі са строгай ізаляцыяй; пазбаўленне волі без строгай ізаляцыі; прымусовыя працы без пазбаўлення волі; поўнае або частковае пазбаўленне правоў; выдаленне з СССР на пэўны тэрмін; ссылка і высылка; звальненне з пасады з забаронай або без забароны займаць тую або іншую пасаду; забарона займацца той ці іншай дзейнасцю або промыслам; грамадскае ганьбаванне; канфіскацыя ўсёй або часткі маёмасці; штраф; перасцярога.

Для пакарання за найбольш цяжкія злачынствы, якія пагражалі савецкаму ладу, часова, да поўнай адмены, дапушчалася прымяненне расстрэлу як вышэйшай меры сацыяльнай абароны. Расстрэл не мог прымяняцца да асоб, якія не дасягнулі ў момант здзяйснення злачынства 18 гадоў, цяжарным жанчынам.

Да істотнага недахопу кодэкса можна аднесці палажэнне, якім дазвалялася ўжываць меры крымінальнай адказнасці не толькі да асоб, якія здзейснілі злачынствы, але і да асоб, «якія з'яўляюцца небяспечнымі па сваёй сувязі са злачынным асяроддзем або па сваёй мінулай дзейнасці», што значна парушала правы грамадзян.

Асаблівая частка Крымінальнага кодэкса складалася з шасці раздзелаў: контррэвалюцыйныя злачынствы, злачынствы супраць парадку дзяржаўнага кіравання (яны падзяляліся на асабліва небяспечныя для Саюза ССР і іншыя), воінскія злачынствы, злачынствы супраць асобы, маёмасныя злачынствы.

Новы Крымінальны кодэкс БССР хоць і грунтаваўся на той жа аснове і прынцыпах, што і КК РСФСР 1926 г., але некалькі адрозніваўся ад яго па структуры і характарыстыцы асобных складаў злачынстваў. Так, у ім прадугледжвалася 8 складаў злачынстваў, не змяшчаных ў КК РСФСР. Напрыклад, «збыт, калі ён мае характар промыслу, або захоўванне для такога збыту без належнага дазволу гарэлкі, гарэлачных вырабаў, налівак і настоек», «неаказанне дапамогі гінучаму старонняй асобай». Крымінальны кодэкс БССР таксама не ўтрымліваў некаторых складаў злачынстваў, вядомых КК РСФСР 1926 г.: давядзенне да самагубства; паведамленне загадзя лжывых звестак, пададзеных у дзяржаўныя ўстановы і інш.

Увядзенне новага Крымінальнага кодэкса БССР ў дзеянне на ўсёй тэрыторыі рэспублікі спрыяла ўзмацненню барацьбы са злачыннасцю і ўмацаванню сацыялістычнай законнасці. Таксама трэба адзначыць, што ў перыяд дзеяння КК БССР 1928 г. у Беларусі адбыліся самыя масавыя рэпрэсіі за ўвесь савецкі час і не апошнюю ролю ў гэтым адыграў названы акт, які дазваляў караць асобу, якая нават не здзейсніла злачынства, а таксама яе родных і знаёмых.

Пеленицын Р. А.

НЕКОТОРЫЕ ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИКИ ОПРИЧНИНЫ ИВАНА ГРОЗНОГО КАК СРЕДСТВА УКРЕПЛЕНИЯ СОСЛОВНО-ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОЙ МОНАРХИИ МОСКОВСКОЙ РУСИ

Пеленицын Руслан Александрович, студент 1 курса Кубанского государственного университета, г. Новороссийск, Россия, kortik06@mail.ru

Научный руководитель: канд. ист. наук, доцент Наумов С. Н.

«Опричнина», как явление государственно-правовой жизни феодальной Руси, представляет огромный интерес для исследователей на протяжении нескольких столетий. Особенный интерес представляют глубинные процессы политики перехода монархии от опоры на вотчинную земельную аристократию к созданию более широкой социальной группы из феодалов условного землевладения. Перед нами лежит более скромная цель – выяснить некоторые, наиболее существенные правовые аспекты политики опричнины Ивана Грозного как средства укрепления сословно-представительной монархии Московской Руси.

Тенденции к зарождению опричнины начинают проявляться уже в период преодоления феодальной раздробленности и последствий зависимости от Золотой Орды. Иван III присоединил русские земли, а московская власть стала распространяться на все регионы Руси (а эти регионы после объединения «прибились к московской ноге»). При Иване III в Москве появился первый свод

законов – «Судебник 1497 года». Составителями его были дьяки, трудившиеся под эгидой великого князя и бояр. Как известно, основой и методологией этого свода законов стал более ранний юридический свод «Псковская Судная Грамота» 1467 г. Регламентация социально-экономической жизни и судебного производства значительно ограничивала произвол феодальной аристократии.

Иван Васильевич также наладил поместную систему, что определило развитие таких учреждений, как двор и дума. Двор превратился в Государев двор, а дума – в Боярскую Думу. Старое боярство постепенно уступило место служилому поместному дворянству. Бояре как класс «сословной аристократии» считались все более «обленившимися».

Такой момент заметен в политике Ивана III, когда вместе с объединением исконно русских земель вокруг Москвы видны тенденции усиления дворян и ослабления бояр. Например, в конце XV в. начинается ускоренное развитие поместной системы – дворян в массовом порядке отправляют на присоединенные к Москве земли. В это же время начинаются первые неприятно ощутимые для бояр шаги – ограничение боярского своеволия. В судебнике Ивана III появляются нормы, регулирующие деятельность осуществления суда боярами: «Статья 38: При осуществлении суда боярами или детьми боярскими, пользующимися правом решать наиболее важные дела, должны присутствовать представители местной администрации (дворский, староста) и верхушки посадских людей и черных крестьян (“лучшие люди”). Без этих лиц не могут осуществлять суд и наместник, и волостель».

При Василии III прослеживается политика ограничения привилегий бояр и опора на дворянство. Дворяне во время Василия III составляли основную массу средних и мелких феодалов. С конца XV в. представители дворянских фамилий из верхних слоев были объединены в Государев двор. Именно двор считался главным кадровым фондом для назначений на различные государственные службы и формирования аппарата управления в уездах, городах, регионах. В своем большинстве дворяне держали поместья, но постепенно обзаводились и вотчинами. Дети боярские, которые при Иване IV заменят собой людской слой бояр, составляли ядро русского войска – поместную конницу. При проведении политики ограничения привилегий боярского сословия определенное количество бояр было репрессировано. Например, в 1525 г. за критику политики Василия III и отрицание греческих влияний, привнесенных Софьей Палеолог, был казнен государственный деятель Иван Берсень-Беклемишев. Наблюдался рост помещичьего землевладения при Василии III, так как земля продолжала выдаваться во временное владение дворянам с условием несения ими службы. Это способствовало развитию поместной системы. Так же конфискация вотчин у новгородских бояр, на которые поселили московских служилых людей – помещиков.

В период правления Ивана IV политика ограничения сословных привилегий бояр резко усиливается, что привело к нарастанию оппозиционного настроения у аристократии. Назревал серьезный конфликт между монархом и элитой. В таких исторических условиях опричнину следует рассматривать не как попытку государственного переворота, а средство для передела боярской

собственности и перетягивания сферы влияния с боярско-княжеских плеч на плечи монарха. 7 лет опричнины были кошмаром для населения, однако, благодаря опричнине, удалось сохранить Россию и русскую государственность от западного влияния и от грязи, распрей, усобиц бояр, которые разрушали исторически сложившуюся русскую государственность.

Сергеенко А. И.

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ПРАВОВЫХ ОСНОВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОМОЩНИКА ДЕПУТАТА ПАЛАТЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ НАЦИОНАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Сергеенко Анна Игоревна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, ann-sergeenko_04@mail.ru

Научный руководитель: канд. полит. наук, доцент Михайловский В. С.

Формирование правовых основ деятельности помощника депутата Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь до обретения независимости связано с процессом становления и развития правовой системы Белорусской Советской Социалистической Республики (БССР) начиная с 1919 г.

В советской системе власти не существовало официальной должности помощника депутата, как это принято в современных парламентах. Это было обусловлено особенностями советской политической системы, где основную роль в деятельности депутатов играли партийные органы, а работа была строго подчинена руководству Коммунистической партии Советского Союза (КПСС).

Поскольку депутаты были частью общей партийной структуры, они не нуждались в самостоятельных помощниках для разработки законодательных инициатив или координации своей деятельности. Помощь депутатам оказывали официальные партийные комитеты и партийные активисты, а не личные помощники. Партийные структуры осуществляли контроль за исполнением решений, организовывали встречи с избирателями и координировали взаимодействие между депутатами и местными органами власти. Партийные активисты, как правило, были членами местных партийных организаций, таких как районные, городские и областные комитеты КПСС. Активисты выполняли важные функции, одной из которых была организация встреч депутатов с избирателями, включая оповещение граждан, координацию вопросов для обсуждения и обеспечение порядка проведения мероприятий. Они выступали посредниками между депутатами и представителями местных властей и трудовых коллективов, собирали информацию о проблемах в своих округах и передавали ее депутатам, чтобы те могли поднять эти вопросы на более высоком уровне.

Помощь партийных активистов, несмотря на ее значимость, не была официально закреплена в законодательстве, отсюда уровень их активности и эффективность могли варьироваться в зависимости от региона или конкретной партийной организации.

Основным правовым актом, регулирующим деятельность Верховного Совета БССР и его депутатов, являлась Конституция БССР 1937 г. Однако в ней не упоминались помощники депутатов. Конституция 1978 г. закрепила статус Верховного Совета БССР как высшего органа государственной власти, однако роль депутатов по-прежнему оставалась ограниченной рамками партийной дисциплины. Все важные решения принимались на уровне партийного руководства, и депутаты не нуждались в личных помощниках для разработки законопроектов или иных инициатив.

Период со второй половины 1980-х гг. стал важным этапом в изменении политической системы СССР. Изменения, начавшиеся с перестройки, предусматривали более активное участие депутатов в обсуждении и принятии законодательных актов. Реформы 1989–1990 гг. усилили роль Верховного Совета в управлении государственными делами. В связи с этим начала проявляться необходимость в квалифицированных помощниках, способных поддерживать депутатов в их работе. Эти помощники могли бы помогать в подготовке законопроектов, анализе поступающей информации, взаимодействии с избирателями и других организационных задачах. Хотя на данном этапе формальный институт помощников депутатов так и не был создан, этот период стал переходным этапом к осознанию важности профессиональной поддержки для депутатов, что в дальнейшем привело к созданию правовой базы для деятельности помощников в независимой Беларуси.

Распад СССР как переломный момент в истории белорусской государственности привел к необходимости формирования нового государственного устройства и создания правовой системы, которая бы соответствовала принципам суверенитета и национальной независимости. Одним из важнейших аспектов новой политической системы стало регулирование деятельности помощников депутатов. В 1990-е гг. был принят ряд законов, которые детализировали права и обязанности депутатов, а также регламентировали деятельность их помощников. Ключевым этапом в регулировании деятельности помощников депутатов стал 1998 г., когда был принят Закон Республики Беларусь от 4 ноября 1998 г. № 196-З «О статусе депутата Палаты представителей, члена Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь», который впервые юридически закрепил их статус. Этот закон официально признал необходимость существования помощников депутатов, определил их функции, права и обязанности, а также порядок их назначения. Введение правового регулирования деятельности помощников способствовало развитию парламентаризма в Беларуси и укреплению взаимодействия между государственной властью и гражданами.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

Адамич У. И.

СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ГРАЖДАН: СОДЕРЖАНИЕ И ОСОБЕННОСТИ

Адамич Ульяна Игоревна, студентка 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, law.adamichUI@bsu.by

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Синицына А. М.

В соответствии с решением республиканского референдума от 27 февраля 2022 г. ст. 21 Конституции Республики Беларусь была дополнена положением, подчеркивающим социальную ответственность граждан и их вклад в развитие общества и государства. Социальная ответственность предполагает осознание каждым человеком своей роли в общем благосостоянии страны. Однако в теории и на практике пока отсутствует единый подход и четкость в интерпретации понятия социальной ответственности. Многослойная природа социальной ответственности обусловливает разнообразие мнений и позиций. Она является необходимым и глубоко осознанным отношением социальных субъектов к общественным требованиям, которое сочетает личные и общественные интересы и проявляется в добросовестной, творческой и ориентированной на результат деятельности.

Социальная ответственность – это обязанность личности оценивать свои намерения и выбирать поведение в соответствии с нормами, отражающими интересы общественного развития. Она может проявляться в различных сферах: участие в управлении государством, образование, здравоохранение, экология и т. д. Анализируя содержание понятия «социальная ответственность», необходимо определить его соотношение со смежными правовыми категориями, в частности с правами человека как негативного, так и позитивного характера.

Негативные права – это права, которые требуют от других людей или государства воздерживаться от вмешательства в личную свободу и автономию индивида. Они обеспечивают защиту от ограничений и принуждения со стороны государства, позволяя личности действовать независимо. Как правило, к негативным правам в литературе относят гражданские и политические права. Государство фиксирует за гражданами принадлежность им определенной совокупности прав, тогда как вопрос их реализации часто зависит от самого гражданина. Например, граждане имеют право свободно избирать и быть избранными в государственные органы. Однако принятие решения об участии в выборах и понимание значимости своего участия в формировании выборных органов власти лежит в плоскости социальной ответственности гражданина.

Позитивные права, в свою очередь, связаны с обязанностью государства обеспечивать индивидов определенными социальными благами, такими как право на образование, здравоохранение, доступ к культурным ресурсам и т. д.

На уровне Конституции Республики Беларусь гражданам гарантируется право на охрану здоровья, включая бесплатное лечение за счет государственных средств в порядке, установленном законом. Социальная ответственность подразумевает обязательства индивидов или организаций действовать в интересах общества, учитывать последствия своих действий для других. Именно поэтому ч. 1 ст. 45 Конституции Республики Беларусь по результатам референдума 2022 г. дополнена положением о том, что граждане заботятся о сохранении собственного здоровья. Забота о собственном здоровье – это не только забота о себе, но и социальная ответственность перед членами своей семьи, обществом и государством. Следует отметить, что права и обязанности граждан должны находиться в балансе. Например, свобода слова должна сочетаться с обязанностью уважать мнение других и не разжигать ненависть. Граждане несут ответственность за свои действия, особенно если они нарушают права других. Социальная ответственность включает в себя понимание последствий своих действий для общества. Она включает в себя активные действия на поддержку общественных инициатив, помощь нуждающимся, волонтерство и участие в жизни общества. Социальная ответственность основана на моральных и этических ценностях, таких как забота о других, справедливость и солидарность.

Социальная ответственность тесно связана с юридическими обязанностями. Данный тезис находит свое подтверждение в Концепции правовой политики Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 28 июня 2023 г. № 196. В ней социальная ответственность определяется как побудительный мотив для выполнения юридических обязанностей. Однако следует отметить, что неисполнение юридических обязанностей влечет за собой применение мер юридической ответственности, что нельзя сказать о социальной ответственности.

Таким образом, социальная ответственность тесно связана с правами и обязанностями граждан. Реализация прав, выполнение юридических обязанностей в сочетании с социально ответственным поведением создают основу для развития гармоничного и справедливого общества.

Апасова Л. А.

ПРАВО НА ЖИЗНЬ, ЕГО ГАРАНТИИ И ОГРАНИЧЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Апасова Лада Александровна, студентка 2 курса Академии управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь, apasovalada462@gmail.com

Научный руководитель: старший преподаватель Пустовая Н. П.

Третья статья Всеобщей декларации прав человека 1948 г. гласит: «Каждый имеет право на жизнь, свободу и личную неприкосновенность». Право на жизнь – одно из самых монументальных прав человека, однако вопрос о его границах и смыслах остро стоит и по сей день: исключает ли это возможность применения смертной казни, как оно соотносится с правом на эвтаназию и аборт?

Отечественное законодательство закрепляет право на жизнь в ст. 24 Конституции Республики Беларусь: «Каждый имеет право на жизнь. Государство защищает жизнь человека от любых противоправных посягательств». В следующей части этой статьи закрепляется положение о смертной казни: «Смертная казнь до ее отмены может применяться в соответствии с законом как исключительная мера наказания за особо тяжкие преступления и только согласно приговору суда». Перечень преступлений, карающихся смертной казнью, является закрытым и указан в ст. 59 Уголовного кодекса Республики Беларусь, в него входят акты терроризма, а также терроризм в отношении государственных лиц и терроризм на международном уровне, как и некоторые особо тяжкие преступления, сопряженные с умышленным лишением жизни человека при отягчающих обстоятельствах и государственная измена. Также есть группы лиц, к которым применение смертной казни невозможно: смертная казнь не может быть назначена: несовершеннолетним, женщинам, мужчинам после 65 лет. Кроме того указано, что смертная казнь в порядке помилования может быть заменена пожизненным лишением свободы. А сама смертная казнь обращается к исполнению только после получения официального сообщения об отклонении ходатайства о помиловании. С момента вступления в силу и до приведения в исполнение смертного приговора проходит нередко достаточно большой срок, в ряде случаев исчисляемый месяцами и годами. С одной стороны, этот длительный срок может причинять осужденному дополнительные нравственные переживания, а с другой – этот период считается дополнительной гарантией от судебной ошибки. Смертная казнь исполняется непублично путем расстрела. Статистика по применению смертной казни достаточно невелика: за последние 10 лет смертная казнь обращалась в исполнение порядка 27 раз.

Таким образом, можно подвести итоги, что смертная казнь в нашей стране – это исключительная мера, которая применяется за особо тяжкие преступления и имеет отлаженную и закрепленную законодательством процедуру и не исключает возможности помилования. Все эти меры по всяческому смягчению законодательства и сокращению количества применения смертной казни уменьшают, но отнюдь не исключают рисков: судебной ошибки, отсутствия сдерживающего эффекта, морально-этических аспектов, психологических последствий для исполнителей, потери международной репутации и экономических затрат.

На вопросы применения эвтаназии отвечает ст. 31 Закона Республики Беларусь «О здравоохранении»: «Эвтаназия – удовлетворение просьбы пациента о прекращении жизнедеятельности его организма и наступлении смерти посредством каких-либо действий (бездействия) с целью избавления от мучительных страданий, вызванных неизлечимым заболеванием. На территории Республики Беларусь осуществление эвтаназии, в том числе с помощью медицинских, фармацевтических работников, запрещено». Данный вопрос является достаточно новым и его обсуждение все еще не угасло, так как выходит за рамки юридических и медицинских категорий и требует

рассмотрения в контексте биоэтики. Особенно активно вопросы эвтаназии обсуждаются в западных странах, таких как государства ЕС и Северной Америки. Это связано с увеличением продолжительности жизни, что приводит к росту числа пожилых пациентов и случаев раковых заболеваний. В результате многие из них начинают задумываться о прекращении страданий путем эвтаназии.

Аборты в Республики Беларусь декриминализированы и согласно ст. 27 указанного выше закона: «Женщине предоставляется право самостоятельно решать вопрос о материнстве», однако уголовно наказуемым является незаконное производство аборта, а реклама услуг по искусственному прерыванию беременности запрещена. Таким образом, законодатель наделяет женщину правом самостоятельно решать данный вопрос, сознательно оценивая свои возможности и связанные с этим риски, однако государственная политика направлена на снижение количества абортов.

Таким образом, можно сделать вывод, что такое общепонятное правовое явление, как право на жизнь, имеет множество аспектов и тяжелых вопросов: можно ли оплатить жизнью за жизнь, где ее пределы, кто может решать, где и как она закончится. В данной работе удалось проанализировать ответы законодательства Республики Беларусь и подчеркнуть как передовые положения, так и те, что все еще нуждаются в дальнейшем исследовании.

Астрейко В. С.

ПРАВОВОЙ СТАТУС ДЕТЕЙ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН

Астрейко Виолетта Сергеевна, студентка 2 курса Академии управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь, violetta.astreiko@yandex.by

Научныйруководитель: старший преподаватель Пустовая Н. П.

Республика Беларусь обеспечивает широкий спектр прав и свобод для детей иностранных граждан, они, как и иностранные граждане, и лица без гражданства, обладают правами, урегулированными различными отраслями законодательства Республики Беларусь, включая международное, конституционное, административное, гражданское, трудовое, семейное право и др.

28 июля 1990 г. Постановлением Верховного Совета Белорусской ССР была ратифицирована Конвенция о правах ребенка. В соответствии с ее нормами Республика Беларусь обязуется уважать и обеспечивать все права, предусмотренные Конвенцией о правах ребенка, в ст. 2 которой закреплено: «Государства-участники уважают и обеспечивают все права, предусмотренные настоящей Конвенцией, за каждым ребенком, находящимся в пределах их юрисдикции, без какой-либо дискриминации, независимо от расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального, этнического или социального происхождения, имущественного положения, состояния здоровья и рождения ребенка, его родителей или законных опекунов или каких-либо иных обстоятельств…».

Конституции Республики Беларусь закрепляет гарантии прав и свобод иностранных граждан и лиц без гражданства, а также их детей. Так, ст. 11 Конституции Республики Беларусь гласит, что иностранцы пользуются таким же объемом прав и свобод, как и граждане Республики Беларусь. В Беларуси ограничения прав и свобод иностранных граждан, лиц без гражданства, а также их детей допустимы только в исключительных случаях, предусмотренных законодательством, и только если это необходимо для защиты важных государственных интересов, таких как национальная безопасность, общественный порядок, нравственность, здоровье населения и права граждан Беларуси, что закреплено в ст. 18 Закона Республики Беларусь от 4 января 2010 г. № 105-З «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь». Еще стоит упомянуть новеллу гражданского законодательства Республики Беларусь 2020 г. – принцип гражданства, закрепленный в ст. 3 Закона Республики Беларусь от 1 августа 2002 г. № 136-З «О гражданстве Республики Беларусь», где говорится, что при принятии решений о гражданстве детей учитываются их наилучшие интересы.

Согласно ст. 5 Кодекса Республики Беларусь «Об образовании» дети иностранных граждан имеют право на дошкольное, общее среднее и специальное образование. В Законе Республики Беларусь от 25 октября 2023 г. «О здравоохранении» также закреплены права детей иностранных граждан. Так, на основании ст. 5: «Иностранные граждане и лица без гражданства, постоянно проживающие в Республике Беларусь, имеют право на доступное медицинское обслуживание наравне с гражданами Республики Беларусь, в том числе на получение бесплатной медицинской помощи за счет государственных средств…». Но вместе с этим закон и усугубляет правовое положение иностранных граждан и их детей. В соответствии с ч. 7 ст. 28 Закона Республики Беларусь «О здравоохранении» иностранные граждане и лица без гражданства, имеющие заболевания, несущие опасность для окружающих, таких как вирус иммунодефицита человека, и впоследствии отказывающиеся от лечения, могут быть подвержены депортации.

Социальные права детей-иностранцев также закреплены правовыми нормами Республики Беларусь. Так, например, в п. 1 ст. 11 Закона Республики Беларусь от 29.12.2012 «О государственных пособиях семьям, воспитывающим детей» прописано: «Иностранным гражданам и лицам без гражданства, которым предоставлены статус беженца или убежище в Республике Беларусь, пособие в связи с рождением ребенка назначается независимо от условий, указанных в части второй настоящего пункта». В Беларуси дети иностранных граждан и лиц без гражданства имеют полный доступ к правовой защите своих прав и свобод, предусмотренной законодательством страны. Все иностранные граждане и их дети обладают личными правами и свободами исходя из ст. 7 Закона Республики Беларусь «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь».

Таким образом, категория постоянно проживающих иностранцев в Беларуси обладает всеми социально-экономическими правами наравне с гражданами Беларуси. Так, в Законе Республики Беларусь «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь» прописано, что в Беларуси дети иностранных граждан и лиц без гражданства имеют доступ ко всем средствам правовой защиты прав и свобод, предусмотренным законодательством страны.

Баблевский А. А.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ МЕСТА И РОЛИ ВСЕБЕЛОРУССКОГО НАРОДНОГО СОБРАНИЯ

Баблевский Алексей Андреевич, студент 2 курса Академии управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь, belarus20052004@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Курак А. И.

Одним из важнейших принципов организации и деятельности государственной власти в Республике Беларусь как демократическом правовом государстве является принцип ее разделения на законодательную, исполнительную и судебную. История Республики Беларусь насчитывает более 30 лет самостоятельного конституционного развития. Произошедшие за 30-летний период изменения затронули стратегию развития национального права, государственную структуру. Конституция Республики Беларусь относится к модели постсоциалистических конституций. Практика ее применения доказала жизнеспособность и сбалансированность Основного Закона. Основной Закон претерпел ряд изменений и дополнений в ходе референдумов 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г., 27 февраля 2022 г., последний из которых внес существенные изменения в Конституцию Республики Беларусь: создал относительно новое явление в конституционном строительстве Республики Беларусь – учредил Всебелорусское народное собрание (далее – ВНС). Решение о придании ВНС статуса официального органа указывает на самобытность национального конституционного строительства и отход от устоявшихся шаблонов развития конституций постсоветских стран. Стоит заметить, что ВНС не входит ни в одну их трех ветвей власти, но имеет непосредственное взаимодействие с каждой из них.

Конституционный статус ВНС принципиально отличается от правового статуса проводившихся ранее республиканских собраний. На тот период времени республиканские собрания выступали преимущественно в качестве совещательного органа, а их делегаты не имели постоянного членства, что значительно отличается от современной структуры и функций ВНС. В настоящее время ВНС наделено конституционными полномочиями, что позволяет ему оказывать существенное влияние на решение важных государственных проблем.

Согласно ст. 89-1 Конституции Республики Беларусь, Всебелорусское народное собрание представляет собой высший представительный орган

народовластия Республики Беларусь, целью которого является определение стратегических направлений развития общества и государства, обеспечение незыблемости конституционного строя, преемственность поколений и гражданское согласие.

Статья 89-3 Конституции Республики Беларусь закрепляет основные полномочия ВНС. В рамках своих полномочий данный орган заслушивает Премьер-министра о выполнении программ социально-экономического развития Республики Беларусь, дает обязательные поручения государственным органам и должностным лицам и иные полномочия, предусмотренные Конституцией.

Статья 89-5 Основного Закона Республики Беларусь указывает на то, что решения ВНС являются обязательными для исполнения всеми органами государственной власти и могут отменять правовые акты, иные решения государственных органов и должностных лиц, противоречащих интересам национальной безопасности, за исключением актов судебных органов.

Важно отметить, что на ВНС происходит заслушивание послания Президента Национальному собранию Республики Беларусь. Согласно ст. 16 Закона «О Всебелорусском народном собрании» ВНС обладает правом законодательной инициативы, что указывает на непосредственное его взаимодействие с законодательной ветвью власти.

В рамках судебной ветви власти ВНС располагает полномочиями в сфере формирования высших судебных инстанций. В частности, высший представительный орган народовластия избирает председателей, заместителей председателей и судей Верховного Суда и Конституционного Суда Республики Беларусь. В то же время ВНС не располагает полномочиями в сфере осуществления судебной власти. Статья 2 Кодекса Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей определяет, что судебная власть на территории Республики Беларусь принадлежит исключительно судам, образованным в соответствии с Конституцией Республики Беларусь.

ВНС, предельная численность которого составляет 1200 делегатов, формируется из различных социальных слоев населения, что позволяет обеспечить их представительство в данном органе.

Согласно ст. 3 Закона «О Всебелорусском народном собрании», деятельность ВНС основывается на принципах народовластия, верховенства права и законности, демократичности, преемственности государственной политики, социальной справедливости, гласности, коллегиальности, свободного обсуждения и принятия решений.

В заключение следует отметить, что ВНС будет выполнять стабилизирующую и консолидирующую функции в обществе, гарантировать преемственность и устойчивость системы органов государственной власти. При этом ВНС при осуществлении своих полномочий, в том числе при принятии решений и даче поручений, не вправе подменять государственные органы, иные организации и должностных лиц, выполнять их функции, а также вмешиваться в их деятельность.

Балакирева Т. М.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ КОМПЕТЕНЦИИ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Балакирева Татьяна Михайловна, студентка 5 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, tmbalakireva@gmail.com

Научный руководитель: старший преподаватель Куневич Г. Г.

Чтобы точно определить в законодательстве компетенцию органов местного самоуправления, необходимо указать характер задач и функций, для осуществления которых данные органы наделяются компетенцией, и территорию, на которую распространяются их полномочия. Само по себе понятие «компетенция» является базовым, ключевым понятием в современных теориях и концепциях местного самоуправления. Особенно проблемным вопрос компетенции органов местного самоуправления является в некоторых странах Центральной и Восточной Европы и СНГ, где продолжаются административные и муниципальные реформы, или иначе – реформы органов публичной власти. Суть подобных реформ сводится к оптимизации функций органов публичной власти и перераспределению компетенции на основе принципов децентрализации и субсидиарности.

Система местного самоуправления Беларуси включает два вида органов: местные Советы депутатов и органы территориального общественного самоуправления (ОТОС), поэтому надо анализировать компетенцию этих различных по своему правовому статусу органов местного самоуправления.

По мнению авторов учебника «Местное самоуправление в Беларуси и зарубежных странах», следует выделять три вида компетенции местных Советов: исключительную, общую и отраслевую.

Исключительная компетенция местных Советов депутатов закреплена в ст. 121 Конституции Республики Беларусь. К ней относится: назначение местных референдумов; установление местных налогов и сборов; определение порядка управления и распоряжения коммунальной собственностью и утверждение программ социально-экономического развития, местных бюджетов, отчетов об их исполнении.

Общая компетенция Советов закреплена в ст. 17 Закона от 4 января 2010 г. № 108-З «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь». Например, к ней относится утверждение местных бюджетов и программ социально-экономического развития административно-территориальных единиц; решение вопросов, связанных с созданием Национальной ассоциации местных Советов депутатов; международное сотрудничество; распоряжение природными ресурсами, формирование штата Советов.

Полномочия местных Советов по отдельным вопросам закреплены в отраслевом законодательстве: кодексах и других нормативных правовых актах. Например, ст. 11 Закона Республики Беларусь «Об охране

окружающей среды» определяет полномочия местных Советов депутатов вместе с исполнительными и распорядительными органами в области охраны окружающей среды.

Проблема заключается в том, что зачастую законодатель закрепляет компетенцию местных Советов и исполнительных и распорядительных органов совместно, т. е. не в чистом виде компетенцию органов местного самоуправления. Отсутствует также подробное распределение компетенции по уровням местных Советов. На практике возникают ситуации, когда непонятно о чьей компетенции идет речь: местных Советов депутатов или исполнительных и распорядительных органов. Зачастую в штате местных Советов нет необходимых кадров для реализации компетенции, в частности в области использования информационно-коммуникационных технологий на местном уровне, у Советов нет даже своих сайтов.

У ОТОС нет своей компетенции, поскольку эти органы являются общественными формированиями, а в Законе «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь» законодатель закрепил задачи по содействию этими органами деятельности местных Советов и исполкомов. Кстати, в Российской Федерации ОТОС относятся не к органам самоуправления, а к формам прямого участия населения в осуществлении местного самоуправления.

Для усиления контрольной деятельности со стороны местных Советов депутатов необходимо четкое разделение компетенции: какой уровень Советов за что отвечает. В целях совершенствования правового регулирования компетенции местного самоуправления в Республике Беларусь назрела необходимость разработки отдельного закона о местном самоуправлении. Необходимо выработать концепцию по реформированию местного самоуправления. Для сравнения, в России существует Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и законы о местном самоуправлении субъектов федерации.

Совершенствуя законодательство о местном самоуправлении, можно достичь большей эффективности государственного управления в целом, что отвечает интересам государства и общества. Учитывая важное значение местного самоуправления для государства и развития демократии, большое количество органов местного самоуправления, возможно, стоит также подумать о кодификации правовых норм.

Нормотворческая деятельность приведет к изменению организационной структуры органов местной власти, совершенствованию организационно-правовых форм непосредственной демократии и придаст новый импульс всей государственной системе для ее развития и достижения поставленных целей на благо общества.

Березко А. А.

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ О ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЕ

Березко Анастасия Алексеевна, аспирант 3 года обучения Академии управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь, Nabery00@yandex.by

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Бакун А. С.

Под конституционно-правовым регулированием государственной гражданской службы (далее – гражданская служба) следует понимать целенаправленное воздействие государства на отношения гражданской службы при помощи системы правовых средств. Конституционное законодательство Республики Беларусь о гражданской службе представлено различными видами нормативных правовых актов, среди которых основополагающая роль принадлежит Конституции Республики Беларусь (далее – Конституция), которая, как отмечает Президент Республики Беларусь, «служит надежным ориентиром государственной политики, направленной на создание эффективной экономики, обеспечение социальной защиты и благополучия населения, бережное отношение к традициям и ценностям белорусского народа».

Согласно ст. 13 Закона Республики Беларусь от 01.06.2022 № 175-З «О государственной службе» (далее – Закон о госслужбе), правовую основу гражданской службы составляет Конституция Республики Беларусь, Закон «О государственной службе», а также иные законодательные акты. На отношения, связанные с гражданской службой, также распространяется законодательство о труде, пенсионном обеспечении и др.

Конституция закрепляет основные положения порядка функционирования и осуществления гражданской службы, что находит отражение в ряде ее статей. Так, ст. 3 Конституции провозглашает народ Республики Беларусь «единственным источником государственной власти и носителем суверенитета в Республике Беларусь», а также закрепляет формы осуществления государственной власти – непосредственная или через представительные и иные органы. Гражданская служба, по своей сути, выступает механизмом реализации вышеназванного положения Конституции, соответственно, посредством осуществления гражданскими служащими своих служебных обязанностей, народ осуществляет государственную власть.

К отношениям гражданской службы относятся положения ст. 37–40 Конституции, закрепляющие право на участие в решении государственных дел, активное и пассивное избирательное право, равный доступ к должностям в государственных органах, а также право на обращение.

По нашему мнению, право на участие в решении государственных дел является достаточно широким по объему и включает в себя и другие политические права, перечисленные выше. Как отмечает Т. С. Масловская, «право граждан на участие в управлении делами государства выступает фундаментом, системообразующим началом в отношении иных политических прав граждан». В отличие от субъекта права, предусмотренного ст. 3

Конституции, в ст. 37–39 субъектом являются граждане Республики Беларусь. Необходимо отметить исключение, связанное с избирательным правом для граждан Российской Федерации, постоянно проживающих в Республике Беларусь, предусмотренное ст. 58 Избирательного кодекса Республики Беларусь. Данной статьей для них устанавливается избирательное право для участия в выборах депутатов местных Советов депутатов. В свою очередь, субъектом по ст. 40 Конституции являются как граждане Республики Беларусь, так и иностранные граждане и лица без гражданства, что не противоречит положениям ч. 2 ст. 3 Закона Республики Беларусь «Об обращениях граждан и юридических лиц».

Статья 39 Конституции закрепляет право граждан на равный доступ к любым должностям в государственных органах. Однако данное положение закрепляет не безусловное право доступа, так как кандидат на должность должен соответствовать требованиям, закрепленным в Законе о госслужбе, а также принимать ограничения, связанные с его должностью. Так, к требованиям относится гражданство Республики Беларусь, достижение 18-летнего возраста, владение государственными языками, а также соответствие квалификационным требованиям, таким как образование и стаж работы (за исключением случаев, когда наличие определенного образования не требуется, а стаж не установлен), знание Конституции Республики Беларусь и др. В свою очередь, для отдельных видов должностей могут устанавливаться дополнительные требования к моральным качествам претендента на должность.

Статья 59 Конституции также имеет непосредственное отношение к гражданской службе, так как закрепляет обязанность государственных органов и должностных лиц принимать «необходимые меры для осуществления и защиты прав и свобод личности», что, в свою очередь, является «основной задачей деятельности белорусского государства».

Таким образом, конституционно-правовое регулирование гражданской службы в Республике Беларусь осуществляется конституционными нормами, которые находят конкретизацию в законодательстве о гражданской службе. Важность конституционно-правового регулирования заключается в определении дальнейшего отраслевого регулирования гражданской службы.

Балащенко А. С.

ИНСТИТУТ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОГО ОМБУДСМАНА (НА ПРИМЕРЕ ШВЕЦИИ И НОРВЕГИИ)

Балащенко Алиса Сергеевна, студентка 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, alisabalaschenko16@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Масловская Т. С.

Институт омбудсмана впервые был создан в Швеции в начале XIX в. Официальной датой учреждения данного института считается 1809 г., что связано с принятием шведской Конституции. Следует подчеркнуть, что

омбудсман был отделен от канцлера юстиции, который по-прежнему подчинялся королю и являлся его чиновником. В отличие от канцлера юстиции, который призван для защиты интересов короля, омбудсман призван защищать интересы простых людей от посягательств чиновников. Омбудсман был подотчетен парламенту (представлял ежегодный доклад), а канцлер – соответственно, королю.

На сегодняшний день парламентские омбудсманы назначаются Риксдагом для контроля за выполнением законов государственными органами и их сотрудниками. Отметим, что до 1915 г. шведский омбудсман осуществлял контроль и за гражданской, и за военной администрациями, однако после создания специального ведомства в 1915 г. занимается только военными вопросами. В 1967 г. происходит слияние этих ведомств. Таким образом, на единой должности находятся три лица, каждое из которых носит звание омбудсмана юстиции. Сегодня, согласно принятым правовым актам, в Швеции действует бюро омбудсманов из четырех человек: Главный омбудсман и три парламентских омбудсмана.

Следует подчеркнуть, что, помимо парламентских омбудсманов, в Швеции имеется также ряд уполномоченных, которые назначаются правительством и осуществляют надзор преимущественно за соблюдением прав определенной социальной группы. Это омбудсман по защите прав потребителей, омбудсман по вопросам равноправия, омбудсман по защите прав ребенка, омбудсман по защите прав лиц с ограниченными возможностями, а также омбудсман по вопросам СМИ. Они обеспечивают соблюдение прав определенной группы граждан. К примеру, омбудсман по вопросам СМИ рассматривает жалобы на редакционную политику СМИ, а также является следственным органом и рассматривает жалобы от лиц, которые пострадали от дискриминации СМИ.

Омбудсман по вопросам равноправия был учрежден 1 января 2009 г. Законом о дискриминации и ведет борьбу с дискриминацией по признаку пола, этнического происхождения, религии или иных убеждений, инвалидности или возраста. Омбудсман по вопросам равноправия рассматривает жалобы, связанные с дискриминацией и харассментом, а также оценивает, как работодатели и учреждения работают над предотвращением дискриминации.

Долгое время аналогичного шведским омбудсманам института в мире не было. Ключевой особенностью норвежской модели уполномоченного стал тот факт, что после своего учреждения в 1952 г. данный институт рассматривал только дела, связанные с военной службой. Институт омбудсмана в гражданской сфере был создан только десять лет спустя – в 1962 г. после принятия Стортингом соответствующего Закона об омбудсмане по делам администрации. Учреждение в Норвегии специализированного института военного омбудсмана было обусловлено тенденциями усиления парламентского контроля, которые были характерны для всего послевоенного этапа конституционного развития страны. Следует отметить, что, в отличие от парламентского омбудсмана по контролю за деятельностью

администрации, норвежский военный омбудсман является коллегиальным органом, члены которого, включая председателя, назначаются Стортингом. В соответствии с Законом о Совете Стортинга по делам обороны главной задачей данного органа является защита прав и интересов граждан, находящихся на воинской службе в соответствии с Законом об обороне, а также участников международных военных операций. Дополнительной целью работы Совета является повышение эффективности норвежских Вооруженных Сил. Отметим также, что в 2021 г. статус военного омбудсмана Норвегии улучшился за счет принятия Стортингом специального Закона о Совете по делам обороны, заменившего Инструкцию для Совета по делам обороны 1952 г.

Отдельный интерес при рассмотрении института специализированных омбудсманов в Норвегии представляет также омбудсман по защите прав потребителей. Уполномоченный контролирует соблюдение законодательства о маркетинге при продаже товаров и услуг. Главной целью его работы является защита интересов потребителей и предотвращение нарушений на рынке Закона о маркетинговом контроле.

Отметим, что в 1981 г. Норвегия стала первой страной, которая, согласно акту «Об Омбудсмане по делам детей», учредила этот институт, т. е. еще до принятия Конвенции о правах ребенка. Основной целью его деятельности является защита интересов детей в обществе, а также наблюдение за условиями, в которых они растут.

Подводя итоги, делаем вывод, что институт специализированного омбудсмана достаточно широко представлен в странах Северной Европы, а также является важным правозащитным механизмом, который обеспечивает реализацию и защиту прав различных категорий граждан.

Бойко Г. Е.

ПРИЛОЖЕНИЕ «МОЙ ГОРОД» КАК ЭЛЕМЕНТ СИСТЕМЫ «УМНЫЕ ГОРОДА» В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: АКТУАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Бойко Георгий Евгеньевич, студент 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, gorikboi1@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Киселёва Т. М.

В Республике Беларусь в рамках реализации Государственной программы «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы, утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 2 февраля 2021 г. № 66, осуществляется внедрение технологии «умных городов». Данные технологии, в соответствии с текстом указанной программы, включают системы удаленного мониторинга и учета состояния жилищного фонда, расхода энергоресурсов, состояния окружающей среды, видеоаналитики и др.

Важным элементом развития «умных городов» должно стать обеспечение стабильной и удобной связи между местными органами власти и

населением соответствующих территорий. В связи с этим позитивно следует рассматривать разработку и внедрение приложения «Мой город».

На данный момент приложение представлено в 57 городах Беларуси, включая Могилев, Пинск, Витебск, Новополоцк и др. В качестве примера обратимся к приложению, разработанного для города Браслав.

Для использования приложения необходимо авторизоваться с помощью номера телефона. Приложение включает такие основные разделы, как «Домашняя», «Организации», «Карта» и «Профиль». На домашней странице можно посмотреть: «Мои записи», «События города», «Акции и скидки», «Важные события», «Городские опросы». Особый интерес представляет раздел «Городские опросы», функционирование которого следует рассматривать как способ обеспечения права граждан на участие в управлении делами государства, гарантированное ст. 37 Конституции Республики Беларусь. Полагаем, что в перспективе с использованием приложения можно организовывать не только опросы общественного мнения, но и электронные местные референдумы и собрания.

В разделе «Организации» представлены организации всех форм собственности, расположенные в пределах границ города. Для доступа в приложение организациям необходимо подключиться к сервису. Например, в приложении представлена информация о ГУО «Браславская средняя школа № 1 имени А. М. Жданова», включающая новости о деятельности данного учреждения и оказываемых им услугах. В частности, в разделе услуг содержится только одна услуга – «Платные занятия для учащихся». С помощью приложения обеспечивается возможность удаленной записи для получения выбранной услуги. Однако следует отметить, что в приложении представлены не все организации города.

В разделе «Карта» организации представлены в интерактивном формате.

В раздел «Профиль» включена «Карта горожанина», которая используется каждым предприятиями по своему усмотрению, например, при проведении акций для пользователей приложения. В этом разделе можно также авторизоваться по номеру телефона.

На данный момент приложение является пилотным проектом в рамках проекта «Умный город». Однако уже запланировано его дальнейшее развитие. Во второй очереди развития цифровой платформы должна осуществиться разработка широкого функционала в различных сферах:

- *здравоохранение*: прием к врачу и прохождение медицинских комиссий, вызов врача на дом, прикрепление к поликлинике и др.;
- *образование*: прием документов в учреждения образования, поиск, бронирование книг библиотечного фонда и др.;
- *транспорт*: оплата парковок и покупка абонементов, получение информации об эвакуации транспорта, пополнение проездных билетов, проверка автомобиля на угон, обременения залогом, даты таможенного оформления;
- *торговля*: размещение наружной рекламы, бронирование торговых мест на рынках и ярмарках, аренда городских пространств;

- *жилищно-коммунальное хозяйство*: прием показаний приборов учета воды и тепла, показаний электроэнергии;
- *социальная сфера и безопасность*: проверка действительности документов, предварительная запись на регистрацию брака;
- *культура и туризм*: построение культурных и туристических маршрутов;
- *домашние питомцы*: запись к ветеринару;
- *картографические сервисы*: отображение на карте информации об организациях.

Приложение должно стать логичным дополнением проекта «Умный город», где можно будет реализовать все эти функции. При этом считаем важным уделять внимания вопросам обеспечения взаимодействия местных органов власти с населением соответствующих населенных пунктов, предусматривать в приложении новые каналы общения и получения обратной связи от общественности на решения, принимаемые местными исполнительные комитетами, администрациями и местными Советами депутатов.

Браусов А. Д.

ВИРТУАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Браусов Андрей Дмитриевич, студент 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, andrejbrausov@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Киселёва Т. М.

Стремительное развитие технологий в XXI в. существенно влияет на формирование новых форм взаимодействия личности, общества и государства. Одним из наиболее актуальных примеров влияния технологий является концепция виртуального государства, которая носит крайне противоречивый характер и подвергается критике со стороны ученых по всему миру.

Следует определить, что в доктринальных источниках понимают под термином «виртуальное государство». Так, российские ученые предлагают определять виртуальное государство как самоорганизующуюся социальную группу, объединенную вокруг идеи такого нового государства. В зарубежных источниках виртуальное государство рассматривается как политическое образование, которое существует в киберпространстве и использует технологии для осуществления управления, дипломатии и взаимодействия без физической территории.

Как видно из рассмотренных определений виртуального государства, при раскрытии его содержания вовсе не используются термины, которые обозначают государственность (государство, государственно подобное образование и др.). В связи с этим возникает закономерный вопрос: является ли виртуальное государство государством?

Для ответа на поставленный вопрос следует обратиться к существующим примерам виртуального государства. «Великое герцогство

Вестарктика» – яркий пример виртуального государства, данный проект не только привлекает внимание к проблемам экологической безопасности в Арктике, но и проводит различные акции по защите флоры, фауны и климата в данном регионе.

Еще одним проявлением виртуального государства является «Королевство Северный Бархант», которое в 2015 г. провозгласило свою независимость. Сейчас оно ведет активную благотворительную деятельность, участвуя в реализации различных культурных и социальных проектов: покупка новогодних подарков для подопечных от благотворительного фонда «Маяк», помощь в прокладке трубопровода в приюте для инвалидов «Право на жизнь», поддержка работы социальной столовой для нуждающихся в Кыштыме и др.

Вызывает интерес также и форма взаимодействие людей по всему миру, получившая название Монтелиберо. При этом участники данного движения справедливо утверждают, что «оно носит характер социального эксперимента, основная задача которого – проверить жизнеспособность либертарианства в условиях небольшой мультиэтнической и выходящей к морю страны, каковой и является Черногория».

Это только малая часть существующих на данный момент примеров виртуальных государств (на сегодняшний день их общее количество – более 250), но все они в большей степени преследуют социальные, экономические и культурные цели.

Таким образом, полагаем, что термин «виртуальное государство» не совсем точно отражает суть данных социальных проектов, поскольку в большинстве случаев у них нет общепризнанных признаков, присущих государству, которые нашли свое юридическое закрепление в Конвенции Монтевидео 1933 г.

На наш взгляд, виртуальное государство – это не что иное, как функционирование краудсорсинговой модели с использованием современных информационно-коммуникационных технологий, которое открывает более широкие возможности для реализации инициатив различной направленности.

При этом следует обратить внимание и на недостатки, которые в себе несет концепция виртуального государства. Среди них следует выделить следующие:

1) данные проекты ставят под сомнение существующую концепцию традиционного государства, поскольку показывают, что достижение тех или иных социально значимых целей возможно путем децентрализованного участия граждан отдельных государств без участия органов государственного управления;

2) возрастает необходимость постоянного улучшения систем кибербезопасности, поскольку подавляющее большинство проектов в рамках виртуального государства полагаются на цифровые платформы для операций, что делает их уязвимыми для кибератак;

3) в отдельных случаях они рассматриваются как сепаратистские движения (хотя, по большому счету, они не преследуют цели получения физической территории) и ряд других проблем.

Проанализировав феномен виртуального государства, считаем необходимым предложить иной термин для описания данного явления – виртуальная инициатива – это форма самоорганизации граждан по всему миру, направленная на достижение наиболее важных и актуальных целей социальной, экономической, культурной и иной направленности.

Булай А. С.

СООТНОШЕНИЕ КАТЕГОРИЙ ПРАВОВОГО И КОНСТИТУЦИОННОГО ГОСУДАРСТВА

Булай Арианна Сергеевна, студентка 2 курса Академии управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь, alionajob01@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Курак А. И.

Одной из актуальных проблем юриспруденции в 1990-е гг. стало возрождение государственно-правовой доктрины правового государства, прав и свобод человека. В связи с этим доказывалась объективная необходимость восприятия концепции конституционализма, базирующейся на использовании ценностей правового и конституционного государства, с тем чтобы максимально эффективно внедрять их принципы в практику развития демократического правового социального государства, каким провозгласила себя Республика Беларусь.

Под конституционализмом современные ученые-государствоведы понимают «сущностные идеи о власти общества над государственным аппаратом, верховенстве прав и свобод человека и гражданина с инструментальными ценностями демократии, республики, децентрализации власти в обществе». Российский ученый Ю. В. Пуздрач констатирует, что конституционализм – это такая система правления, при которой власть государственных органов ограничена, зависима и подконтрольна источнику этой власти – народу. Судья Конституционного Суда Российской Федерации Н. С. Бондарь считает, что конституционализм является научно-теоретическим и одновременно нормативно-правовым отражением наиболее важных качественных характеристик реальных общественных отношений с точки зрения достигнутого уровня свободы человека и демократической организации публичной власти. В этом плане конституционализм воплощает в себе показатели достигнутого в обществе компромисса между интересами общества и личности, государства и гражданина.

Важным условием реализации конституционализма является правовое государство как форма организации и функционирования публичной политической власти, при которой гарантируются и защищаются естественные права и свободы человека. Сравнивая институты «правовое государство» и «конституционное государство», следует признать, что они

являются взаимосвязанными понятиями. Российский правовед С. А. Котляревский сущностью конституционного государства признавал не только разделение властей, но и возможность самого народа активно влиять на ход политической жизни, как он отмечал, для того чтобы конституционное государство стало правовым, нужно время, поскольку конституционным государством считается то, в котором существует парламент, а правовым государством – то, в котором обеспечены гражданские свободы и участие народа в осуществлении государственной власти.

Основываясь на демократических выборах и реализуя принцип разделения властей, государство в рамках конституционных норм воплощает такую организацию политических процессов и институтов власти, при которых создаются условия для реального влияния граждан на ход развития политической жизни, качество и эффективность государственной деятельности. Чтобы исключить произвол и гарантировать права и свободы личности, государственная власть подвергается жесткому ограничению конституционными нормами и процедурами.

Правовое государство характеризуется принципом законности, согласно которому все действия государства должны соответствовать закону. В то же время конституционное государство считается таковым не только по факту наличия конституции как основного закона, который устанавливает структуру государства, принципы его организации, учреждает права и свободы граждан, но и по тому, как положения этой конституции реализуются на деле. Правовое и конституционное государство соотносятся как форма и способ, причем форма предполагает тип правового государства со всеми сущностными характеристиками, способ же скорее является инструментом достижения необходимого уровня правовой государственности посредством эффективного механизма его конституционного закрепления.

Современный этап становления и развития правового и конституционного государства базируется на таких политико-правовых постулатах, как суверенитет народа, права человека, верховенство права, независимый суд, идеологический плюрализм, равный статус всех форм собственности, наличие у граждан реальных прав и свобод и эффективный механизм их реализации и защиты, единство юридических прав, обязанностей и ответственности в содержании правового статуса как гражданина, так и государства, и других ценностях, присущих демократическому социальному правовому государству. Фундаментальные принципы правового и конституционного государства базируются на таких общечеловеческих ценностях, как справедливость, солидарность, гуманизм, свобода и достоинство личности, частная собственность и другие базовые постулаты сосуществования людей в обществе.

Таким образом, правовое и конституционное государства взаимосвязаны, образуя единую систему, в которой конституция является основой правового строя, а правовое государство обеспечивает ее реализацию на практике.

Вавило К. В.

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ ПАЦИЕНТАМИ

Вавило Карина Владимировна, студентка 4 курса Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой, г. Новополоцк, Беларусь, 21pr1.vavilo.k@pdu.by

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Шахновская И. В.

Несовершеннолетние пациенты относятся к категории населения, которая, в соответствии с законодательством Республики Беларусь, имеет специальный гражданско-правовой статус. В соответствии с положениями Закона Республики Беларусь от 19 ноября 1993 г. № 2570-XII «О правах ребенка» под ребенком понимается физическое лицо до достижения им возраста 18 лет (совершеннолетия), если по закону оно раньше не приобрело гражданскую дееспособность в полном объеме.

Главное, что по общему правилу лицо в возрасте от 14 до 18 лет не может от своего имени совершать сделки, к которым относятся и договоры оказания платных медицинских услуг. Заказчиком и плательщиком денежных средств по такому договору выступает законный представитель несовершеннолетнего.

Законодательство наделяет несовершеннолетних пациентов особыми правами в области здравоохранения и устанавливает приоритет защиты их здоровья, реализуемый через специальные механизмы. Закон Республики Беларусь от 18 июня 1993 г. № 2435-XII «О здравоохранении», руководствуясь правовой традицией, сложившейся благодаря Гражданскому кодексу Республики Беларусь, положил в основу разграничения статуса несовершеннолетних пациентов 14-летний возраст, по достижению которого дети в возрасте от 14 до 18 лет имеют право самостоятельно давать согласие на простое медицинское вмешательство, при этом в остальных случаях согласие на простое медицинское вмешательство дается устно законными представителям несовершеннолетнего пациента.

Забота о здоровье детей является не только обязанностью государства, но и родителей, в ч. 2 ст. 32 Конституции Республики Беларусь указано, что родители или лица, их заменяющие, имеют право и обязаны воспитывать детей, заботиться об их здоровье, развитии и обучении. Аналогичное положение содержится и в ч. 3 ст. 184 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье: «Родители, воспитывая детей, обязаны заботиться об их здоровье, развитии и обучении…». Однако ч. 5 ст. 44 Закона Республики Беларусь «О здравоохранении» в качестве обязательного условия проведения сложного медицинского вмешательства в отношении ребенка указывает наличие предварительного письменного согласия его законных представителей. Законодательство допускает возможность проведения срочного сложного медицинского вмешательства несовершеннолетнему пациенту без согласия законных представителей в случае их отсутствия или невозможности

установить их местонахождение. Решение в таких случаях принимается врачебным консилиумом или лечащим врачом с обязательной фиксацией в медицинской документации.

В связи с установленными для ребенка ограничениями на дачу согласия на медицинское вмешательство необходимо разграничить его виды. Так, к простым манипуляциям отнесены, например, различные виды ультразвуковых исследований, рентгенографий, магнитно-резонансных томографий, холтеровское мониторирование, промывание желудка, пломбирование канала, временная пломба и еще более тысячи видов медицинской помощи, перечень которых установлен постановлением Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 31.05.2011 № 49 «Об установлении перечня простых медицинских вмешательств». К сложным медицинским вмешательствам относятся все вмешательства, не отнесенные к простым. Постановлением Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 27.02.2006 № 8 «Об утверждении сложных хирургических вмешательств» утвержден перечень сложных хирургических вмешательств.

Однако на практике существует ряд проблем при реализации права на охрану здоровья несовершеннолетними пациентами, так как в силу физических и психических особенностей, они могут не до конца понимать необходимость дачи согласия на медицинское вмешательство, но и осознавать правильность выполнения медицинских рекомендаций.

Таким образом, в механизме реализации прав несовершеннолетних одновременно действуют два субъекта: государство в лице организаций здравоохранения и законные представители несовершеннолетних.

Тем самым мы приходим к выводу, что гражданско-правовой статус несовершеннолетних пациентов неоднороден и сложен. Конкретизация специального правового статуса несовершеннолетних происходит, учитывая два аспекта: в первую очередь исходя из возраста, а вторую – объема дееспособности, гарантируемых государством прав, льгот и гарантий.

Вдовченко В. И.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА НАБЛЮДАТЕЛЕЙ НА ВЫБОРАХ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Вдовченко Вероника Игоревна, студентка 2 курса Академии управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь,
veronikavdovchenkoo@gmail.com

Научный руководитель: старший преподаватель Пустовая Н. П.

Для Республики Беларусь, как демократического государства, характерно проведение регулярных, справедливых и свободных выборов. Через выборы граждане реализуют свое право свободно избирать и быть избранным, закрепленное в ст. 38 Конституции Республики Беларусь.

Внешние силы, такие как институты наблюдателей, являются необходимостью для обеспечения законности и гласности выборов.

Деятельность наблюдателей в период так называемой «борьбы за власть» и их присутствие на избирательных участках помогают создать благоприятную и прозрачную атмосферу и повысить уверенность избирателей в честности выборов, что понизит процент абсентеизма среди граждан. Хотя наблюдатели не принимают непосредственного участия в процессе голосования или подсчета голосов, однако их присутствие может предотвратить нарушения процедур избрания и ошибки со стороны сотрудников избирательных комиссий.

Несмотря на такую значимость данного института, опыт проведения выборов во всем мире вскрыл множественные упущения как в самой организации проведения голосования, так и в нормативном регулировании этого вопроса, поэтому оптимизация вышеупомянутого института будет благоприятным образом содействовать прозрачности будущих выборов в Республике Беларусь.

В Сообщении Центральной избирательной комиссии (далее – Центральная комиссия) Республики Беларусь об итогах выборов депутатов Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь восьмого созыва, которые состоялись 25 февраля 2024 г., указано, что процент абсентеизма составил 26,54 %. Основа – молодежь.

Чаще всего мы слышим такое понятие, как «молодежный абсентеизм». Его формирует отсутствие устоявшихся мотивов электорального участия и особой связи государства и гражданина. На первый взгляд, молодежь, воспитанная в демократическом государстве, должна приобрести установки на отстаивание своих интересов, гарантированных законодательством, однако данная тенденция в таком случае не столь распространена. Некоторые молодые люди считают, что их участие в избирательном процессе окажется «песчинкой в море», поэтому лучшим вариантом развития событий они видят полное игнорирование процесса выборов. Такое «будущее поколение» не сможет помочь государству выстроить четкую систему государственного управления, поэтому создание инициативных групп из того же числа молодежи, которые будут заниматься просвещением граждан о важности наблюдения за выборами, действовать по принципу «равный обучает равного», будет способствовать росту вовлеченности в избирательный процесс.

Реорганизация законодательства в сфере безопасности наблюдателей также является неотъемлемой частью продвижения области указанного института. Законодатель должен предусмотреть все варианты развития событий на выборах и обеспечить полную защиту наблюдателя от репрессий и угроз за его деятельность. Такая инициатива увеличит процент доверия к институту, делая его еще более притягательным для граждан.

Не менее важным шагом к развитию вышеуказанной сферы деятельности выступает образование и всевозможные тренинги. Проведение различных семинаров и лекций для будущих наблюдателей поможет повысить их квалификацию. Это может включать в себя обучение правовым аспектам выборного процесса и навыкам взаимодействия с избирателями.

Разработка пособий и образовательных программ, доступных для всех желающих стать наблюдателем, также будет активно способствовать повышению уровня подготовки.

Известно, что XXI в. – век информационных технологий. Использование онлайн-платформ и новых мобильных приложений для отчетности, сбора данных о ходе выборного процесса и взаимодействия между наблюдателями значительно улучшит эффективность мониторинга. Это позволит быстро обмениваться информацией о возможных нарушениях на избирательных участках.

Важно отметить, что Республика Беларусь на сегодняшний день уже построила устойчивую систему выборов, включая и институт наблюдателей. Центральная комиссия является постоянно действующим государственным органом, который в пределах своих полномочий контролирует, оптимизирует и постоянно развивает систему выборов в Республике Беларусь. По сути, она и является тем органом, на котором лежат перспективы развития нашей прозрачной и законной системы выборов с заинтересованными гражданами.

На основании всего вышесказанного мы можем сделать вывод о том, что развитие института наблюдателей действительно может способствовать повышению доверия к выборам, если будет обеспечено их независимое и объективное участие. Активное участие граждан в избирательном процессе и наблюдении за выборами всячески способствует укреплению гражданского общества и повышению политической активности населения.

Вертинский А. С.

ПОНЯТИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТОВ В ОБЛАСТИ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА

Вертинский Артём Сергеевич, студент 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, artyomvert@gmail.com

Научный руководитель: доктор юрид. наук, профессор Василевич Г. А.

В международном праве не существует легального и общепризнанного определения понятия международного стандарта в области прав и свобод человека. Впервые данный термин был употреблен в Хельсинкском документе СБСЕ 1992 г., который использовался, «чтобы не создавать принципиально новых положений в системе европейского права, а выделить и сгруппировать нормы и принципы, лежащие в основе правового статуса человека». Как видно, исследуемое понятие используется в узком смысле, обозначая существующие наработки европейских государств в области прав человека. Современная юридическая наука совершает попытки уяснить сущность международных стандартов, дать этому понятию определение, которое бы не утратило своей актуальности в будущем.

Н. В. Спесивов понимает под международными стандартами положения общепризнанных принципов международного права и международных документов в области прав человека, являющиеся основой для развития

национального законодательства отдельных государств. Дефиниция Б. А. Сафарова рассматривает стандарты как совокупность необходимых ориентиров исключительно для государства, на которые оно должно опираться в зависимости от внутригосударственных условий. Определение Р. М. Хайрова предполагает, что стандарты не задают верхнюю границу – эталон, а предполагают возможность постоянного улучшения положения человека, его защищенности в обществе.

Важное свойство международных стандартов – их универсальность. Они представляют собой нормы, которые могут быть применены ко всем людям, обществам и государствам независимо от культурных, экономических, социальных и политических различий. Не удивительно, что разработка таких норм велась в стенах ООН.

К фундаменту международных стандартов прав человека следует отнести так называемый Международный билль о правах человека:

Всеобщая декларация прав человека (далее – ВДПЧ);

Международный пакт о гражданских и политических правах (далее – МПГПП);

Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (далее – МПЭСКП).

К источникам также относятся общепризнанные принципы международного права и общепризнанные обычные нормы. Существующие региональные документы в области человеческого измерения не носят всеобщего характера, однако подкрепляют, развивают и конкретизируют положения универсальных документов относительно местных условий.

Считаем важным указать, что соответствующие нормы по обеспечению прав человека накладывают обязательства не только на государства, но и на народы и отдельных людей. Об этом говорится в Преамбуле ВДПЧ, а также в ст. 53 Конституции Республики Беларусь. Права и свободы человека – это не изобретение государства, которое единственное должно нести ответственность за их внедрение и защиту, а это определенный набор ценностей, которые должны быть приняты на разных уровнях общества для их эффективной реализации.

Участниками МПГПП являются 173 государства, а МПЭСКП – 171 государство. Указанные страны приняли на себя обязательства по выполнению положений указанных документов. Однако, изучив рейтинг проекта «Мировое правосудие», мы пришли к выводу, что ситуация с правами человека разнится от страны к стране – где-то они обеспечиваются лучше, где-то хуже. Наиболее проблемными являются области реализации прав обвиняемых и прав на неприкосновенность частной жизни. Из этого можно сделать вывод, что даже на сегодняшний день права и свободы человека могут быть обеспечены не в равной степени. Встает вопрос: возможно ли в принципе достичь состояния, при котором положение человека, относительно его фундаментальных прав и свобод, было бы одинаковым вне зависимости от его местонахождения? Мы придерживаемся взгляда, что такая ситуация вряд ли вероятна. В этом контексте справедливо сказать, что

международные стандарты закладывают нормативный идеал в области прав и свобод. Этот тезис подтверждает указание в преамбуле МПГПП на то, что только всеобщее внедрение и обеспечение прав является условием для осуществления «идеала свободной человеческой личности».

Таким образом, учитывая вышеизложенное, предлагаем собственное определение международных стандартов прав и свобод человека как совокупности общепризнанных международных правовых актов, принципов и норм, закладывающих нормативный идеал в области регулирования обеспечения, защиты, ограничения и использования прав и свобод человека, установления их перечня и содержания, накладывающих соответствующие обязательства на государства, народы и человека в отдельности.

Воронюк М. А.

ИСКУССТВЕННОЕ ПРЕРЫВАНИЕ БЕРЕМЕННОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СРАВНЕНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Воронюк Маргарита Александровна, студентка 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь,
margaritavoroniuk0@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Шавцова А. В.

Согласно толковому словарю С. И. Ожегова, «аборт» – это преждевременное прерывание беременности, самопроизвольное или искусственное.

В соответствии со ст. 24 Конституции Республики Беларусь каждый имеет право на жизнь, и государство должно защищать жизнь человека от любых противоправных посягательств. Именно в контексте конституционных основ права на жизнь и следует рассматривать право на аборт, относящееся к репродуктивным соматическим правам.

Законом Республики Беларусь от 18 июня 1993 г. № 2435-XII «О здравоохранении» предусматривается право женщины на аборт: «Женщине предоставляется право самостоятельно решать вопрос о материнстве» (ч. 1 ст. 27). Полагаем, более четко порядок получения медицинским учреждением такого согласия предусмотрен, но на подзаконном уровне. В отличие от белорусского закона ст. 56 российского Закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» прямо на это указывает: «Аборт проводится по желанию женщины при *наличии информированного добровольного согласия*». Форма такого информированного добровольного согласия на проведение аборта по желанию женщины утверждена Приказом от 7 апреля 2016 г. № 216 Министерства здравоохранения РФ. В ней указывается, что женщина проинформирована врачом о наличии оснований для аборта, о возможных последствиях, о сроке обращения, о предабортном консультировании. Документ подписывается пациенткой, что снижает риск споров.

Изложенный выше подход российского законодателя заслуживает внимания и совершенствования законодательства Республики Беларусь.

Также согласно ст. 27 белорусского закона предусмотрены как медицинские, так и социальные показания для производства аборта. Так, согласно ч. 4 ст. 27 закона: «При наличии *медицинских показаний* и согласия женщины, а в отношении несовершеннолетней также при наличии письменного согласия ее законного представителя искусственное прерывание беременности проводится независимо от срока беременности в государственных организациях здравоохранения. Перечень медицинских показаний для искусственного прерывания беременности устанавливается Министерством здравоохранения». Но по общему правилу аборт может быть произведен при сроке беременности не более 12 недель.

Более подробно перечень *медицинских* оснований для производства аборта независимо от срока беременности установлен постановлением Министерства здравоохранения от 10.12.2014 г. № 88 «Об установлении перечня медицинских показаний для искусственного прерывания беременности и признании утратившими силу некоторых постановлений Министерства здравоохранения Республики Беларусь и отдельного структурного элемента постановления Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 9 ноября 2007 г. № 105» в гл. 1 со стороны матери и в гл. 2 со стороны плода.

Закон Республики Беларусь и Российской Федерации предусматривают наряду с медицинскими показаниями *социальные* для проведения аборта.

Кроме того, оба закона устанавливают одинаковый срок для проведения аборта – по социальным показаниям при сроке беременности до 22 недель, а при наличии медицинских показаний – независимо от срока беременности.

Закон РФ тщательно определил сроки, в течение которых можно осуществить аборт. Так, аборт проводится: не ранее 48 часов с момента обращения женщины в медицинскую организацию для искусственного прерывания беременности при сроке беременности четвертая – седьмая недели и при сроке беременности одиннадцатая – двенадцатая недели, но не позднее окончания двенадцатой недели беременности; а также не ранее семи дней с момента обращения женщины в медицинскую организацию для аборта при сроке беременности восьмая – десятая недели беременности. Белорусским законом такие сроки не установлены и аналогичное положение вообще не содержится. Вместе с тем имеются различия в перечнях социальных показаний. Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 23 октября 2008 г. № 1580 «Об установлении перечня социальных показаний для искусственного прерывания беременности и признании утратившим силу постановления Совета Министров Республики Беларусь от 5 июля 2002 г. № 902» определен перечень социальных показаний для аборта. Такими показаниями являются наличие решения суда о лишении родительских прав, а также беременность, наступившая в результате изнасилования. Российским законодательством установлено, что социальным показанием для искусственного прерывания беременности является только беременность, наступившая в связи с изнасилованием. Как видим,

белорусское законодательство предоставляет больше оснований для принятия решения о прекращении беременности по социальным основаниям.

Полагаем, что законодательство Республики Беларусь нуждается в совершенствовании: в белорусском законе следует указать, что аборт проводится по желанию женщины при наличии информированного добровольного согласия, также необходимо предусмотреть, не ранее какого срока после обращения женщины может быть сделан аборт (за исключением экстренных случаев, когда есть угроза жизни и здоровью женщины), что позволит уменьшить число поспешных решений.

Особое внимание следует уделить работе врачей, включая психологов, по изменению желания женщины сделать аборт. К беседе с врачом желательно привлекать супруга женщины. Мужчина – не только «партнер», но и лицо, у которого также должны быть связанные с этим определенные права. Женщина, решая единолично вопрос о возможном аборте, определяет и судьбу мужчины – станет он отцом или нет.

За незаконное проведение искусственного прерывания беременности по белорусскому и российскому законодательству наступает административная или уголовная ответственность.

Гаджиев Р. О.

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ДИРЕКТИВ ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Гаджиев Руслан Омарович, студент 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, sirtushka01@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Шавцова А. В.

В настоящее время в Республике Беларусь функционируют девять директив, которые значительно влияют на все аспекты жизни общества и государства, а также на правовую и политическую систему страны. Правовая природа данных актов довольно сложна и, чтобы определить ее, следует разобраться в таких аспектах, как классификация и влияние.

Говоря о классификации, мы подразумеваем вид правовых актов, включая источники права, к которым относятся директивы Президента Республики Беларусь. Анализируя их правовую природу, следует оценивать значение и влияние директив Президента как в системе источников права, так и в правовой системе страны в целом.

Директива – это документ, сочетающий в себе элементы программных документов и конкретных поручений. Такой акт требует немедленного реагирования на поставленные задачи, но при этом решение обозначенных проблем – это задача, которая должна решаться постоянно. Директивы затрагивают широкий круг экономических, социальных, культурных и других вопросов. Иными словами, директива – это обращение к народу и органам власти, призывающее к действиям и указывающее их направление совершенствования и развития.

В юридической литературе отмечается, что директивы Президента считаются уникальной формой правового акта. Среди их отличительных черт можно выделить их название и структуру.

До появления директив Президента в белорусской правовой системе не существовало актов с таким названием. Термин «директива» в контексте правовых норм ранее не применялся. Традиционно использовались такие термины, как «указ», «постановление», «закон», но «директива» стала новым термином, введенным для обозначения уникального вида правового акта.

Структура директивы также отличается спецификой от других правовых актов. Изучение директив показывает, что каждая из них состоит из двух взаимосвязанных компонентов. В первой части рассматривается и анализируется актуальная проблема, имеющая место в жизни общества и государства. Во второй части предлагаются меры и мероприятия, направленные на решение этой проблемы, а также приводятся конкретные поручения от Главы государства.

Директива выступает в роли программного правового документа, определяющего стратегический подход к решению проблем в обществе и государстве. Стоит отметить, что директивы Президента содержат специфические правовые ориентиры для всех субъектов права, что позволяет сравнить их с преамбулами нормативных правовых актов. Директива Президента подобна преамбуле, задающей общий курс для различных правовых актов, регулирующих разные аспекты одной и той же проблемы. В этом смысле она объединяет группу правовых источников, связанных общим предметом регулирования, указанным в директиве.

Если рассматривать директивы Президента в контексте их влияния на правовую систему страны в целом, то следует отметить, что они не меняют существующий правовой режим, методы и приемы регулирования, а скорее придают им новую интерпретацию и значимость.

Особенность правовой природы Директив также состоит в том, что они, не меняя саму систему правового регулирования, позволяют перераспределить внимание и приоритеты при применении правовых инструментов в конкретных сферах жизни общества. Таким образом, директивы направляют деятельность государства и общества на решение определенных проблем. Изменения в правовом регулировании, если они необходимы, вводятся в порядке, установленном законодательством, через действия уполномоченных на то органов государственной власти, в том числе нормотворчество.

Стоит также отметить, что директивы Президента, имея программный характер, как правило, не часто применяются непосредственно к конкретным случаям. Их реализация направлена на достижение указанных в них целей, задач, устранение недостатков в государственной и общественной деятельности.

Таким образом, директивы Президента являются инструментом реализации его полномочий в условиях правового государства. Они представляют собой уникальный вид правовых актов, позволяющий Главе государства осуществлять свои конституционные полномочия в области

внутренней и внешней политики. При этом директивы не противоречат Основному Закону и полностью вписываются в правовое пространство Республики Беларусь, являются его неотъемлемой частью, занимая особое место в белорусской правовой системе. Попытка отнести их к какой-либо известной группе, виду нормативных правовых актов уменьшает их значимость и не отражает их особую роль в системе права

Гайбуллаев И. А.

СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО: РОССИЯ И БЕЛАРУСЬ (СОЮЗНОЕ ГОСУДАРСТВО)

Гайбуллаев Илья Акобирович, студент 3 курса Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия, gayilya2005@gmailcom

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Матевосова Е. К.

Принцип социального государства является одним из основополагающих для конституционного строя государств современности. В конституциях большинства стран мира социальное государство нашло свое нормативное закрепление. В юридической науке под социальным государством, как правило, понимается государство, проводящее активную социальную политику, направленную на обеспечение достойной жизни и развития человека, защиту социальных прав, предотвращение и успешное разрешение социальных конфликтов. Однако данное определение не является универсальным. В каждом государстве содержание данного принципа раскрывается по-разному, обретая при этом самые разнообразные формы.

Социальное государство обрело свое закрепление и в Конституции Республики Беларусь (ст. 1), и в Конституции Российской Федерации (ст. 7), однако содержание данного принципа, вытекающие из него социальные гарантии и их наполнение в этих актах отражены по-разному. Заключенный 8 декабря 1999 г. между Российской Федерацией и Республикой Беларусь Договор «О создании Союзного государства» в ст. 5 объявил социальным и созданное в рамках соглашения Союзное государство. Поэтапное достижение поставленных перед созданным государством целей связано с приоритетным решением социально-экономических задач, а значит, и с реализацией принципа социального характера государства. В связи с этим видится необходимым сравнительно-правовой анализ конституционных положений обоих государств, связанных с принципом социального государства, вытекающими из него правами граждан, социальными гарантиями и их обеспеченностью со стороны государства. Сравнительный анализ логического, волевого и социально-юридического содержания вышеупомянутого позволит более явно представить, какую форму обретет социальное государство по ходу дальнейшей интеграции и формирования единой правовой системы Союзного государства.

«Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и

свободное развитие человека», – гласит ч. 1 ст. 7 Конституции РФ 1993 г. Данное положение обеспечивается приведенным в ч. 2 перечнем социальных гарантий со стороны государства, включающих охрану труда и здоровья людей, установление гарантированного минимального размера оплаты труда (МРОТ), обеспечение государственной поддержки семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развитие системы социальных служб, установление государственных пенсий, пособий и иных гарантий социальной защиты. Имманентной связи социального характера государства с признанием, соблюдением и защитой прав второго поколения коррелирует закрепление в ст. 37–43 полного набора социальных прав человека и гражданина, соответствующего общепризнанным международным актам. При этом конституционно устанавливается, что перечисление прав не должно истолковываться как отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод, что позволяет говорить о данном перечне прав как об открытом, тем самым признавая за государством возможность его расширения в дальнейшем.

Свойственное социальному государству стремление к достижению фактического равенства между людьми вступает в определенное противоречие со стремлением обеспечения формального равенства, свойственным принципу государства правового. Научная дискуссия о соотношении двух данных принципов не утихает до сих пор. Закрепленный в ст. 19 Конституции РФ принцип равноправия не ограничивается признанием равенства прав и свобод вне зависимости от различных дискриминационных факторов. В ч. 3 данной статьи наравне с признанием равенства прав и свобод мужчин и женщин признается и равенство возможностей для их реализации, что позволяет говорить не только о формальном, но и о фактическом равенстве. Конституционным принципом равноправия не исключается наличие льгот и преимуществ для отдельных категорий граждан, что подтверждается толкованием Конституции, возложенным на Конституционный Суд РФ. Его правовая позиция предполагает, что принцип равенства гарантирует одинаковые права и обязанности для лиц, относящихся к одной категории субъектов права, и не исключает возможность установления различных правовых условий для разных категорий, если подобные различия основываются на объективных характеристиках соответствующих категорий субъектов и не являются произвольными.

Поправки к Конституции РФ 2020 г. кроме прочего обеспечили новеллами и принцип социального государства. Конституционно гарантируется установление МРОТ не ниже прожиточного минимума, индексация пенсий не реже 1 раза в год, обязательное социальное страхование, адресная социальная поддержка граждан, индексация социальных пособий и выплат. Наряду с уважением труда граждан, защитой их прав и достоинства гарантируется уважение человека труда. Конституционное обеспечение обрели социальное партнерство, ранее фигурировавшее лишь в Трудовом кодексе РФ, экономическая и социальная солидарность, создание условий для повышения благосостояния граждан. Характер позитивной дискриминации носит ч. 4 ст. 67^{1}, объявляющая детей важнейшим приоритетом государственной

политики страны с целью создания условий для их всестороннего развития и успешной социализации. Для реализации всех упомянутых положений был расширен, уточнен и конкретизирован перечень полномочий Правительства РФ в социальной сфере, распределены предметы исключительного ведения РФ и совместного ведения РФ и ее субъектов по соответствующим направлениям.

Как и в случае с поправками к Конституции РФ 2020 г., изменения и дополнения Конституции Республики Беларусь 2022 г. имели большое значение для обеспечения и раскрытия принципа социального государства. Социальный характер Основного Закона Республики Беларусь проявляется уже в преамбуле в части утверждения устоев социально справедливого общества, желания обеспечить гражданское согласие и благополучие граждан. Тезис о том, что Республика Беларусь есть социальное государство констатируется в ст. 1, одновременно с признанием ее демократического и правового характера, однако более полно раскрывается в ст. 13. В сфере экономики, наравне с предоставлением всем равных прав и обеспечением их соответствующей защиты государство также гарантирует равные возможности свободного использования способностей и имущества, равные условия для развития всех форм собственности. Конституируется осуществление государством регулирования экономической деятельности в интересах человека и общества, обеспечение ее направления и координации в социальных целях. Тем самым законодательно закрепляется активное вмешательство, интервенционизм государства в социальную и экономическую жизнь общества, что является неотъемлемой чертой социального государства, непосредственно обеспечивающей возможность реализации им своих функций. На конституционном уровне закрепляется право трудящихся на участие в управлении организациями, ставящее целью повышение эффективности работы и улучшение социально-экономического уровня жизни. Осуществление отношений в социально-трудовой сфере реализуется на принципах социального партнерства. Право на достойный уровень жизни, включая достаточное питание, одежду и жилье, постоянное улучшение необходимых для того условий признается в Беларуси за каждым так же, как и необходимость проявления социальной ответственности, внесения посильного вклада в развитие общества и государства. Государство берет под свою защиту такие важные социальные институты, как брак, семья, материнство, отцовство и детство, оказывая последнему особую поддержку и защиту, способствует развитию молодежи и создает необходимые для этого условия, обеспечивает предоставление мужчинам и женщинам равных возможностей в различных сферах, создает условия для охраны их труда и здоровья. В ст. 41–49 содержится полный перечень социальных прав, отвечающих требованиям международно-правовых актов.

Сравнение социальности Конституций России и Беларуси весьма актуально в настоящее время. Образование Союзного государства призвано обеспечить жизненные интересы граждан двух государств, объединить усилия братских народов в интересах социального и экономического прогресса. Часть 3 ст. 2 Договора о создании Союзного государства гласит:

«По мере становления Союзного государства будет рассмотрен вопрос о принятии его Конституции». Согласованное проведение социальной политики, приоритетное решение социальных задач требуют от нас единства в воззрении на то, чем является и каким должно быть подлинное социальное государство, какими способами и механизмами мы должны обеспечить и гарантировать его построение.

Герасимчик А. О.

ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТА ПРЕЗИДЕНСТВА В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ

Герасимчик Алина Олеговна, студентка 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, alinanovik73@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Масловская Т. С.

Развитие конституционно-правового статуса Президента Республики Казахстан является ключевым фактором, определяющим развитие государственной политики. Пост Президента Казахстана наделен Конституцией значимыми функциональными ролями и одновременно с этим он де-факто руководит деятельностью исполнительной ветви власти.

Первый этап формирования президентской власти начинается с 1990 по 1993 г., когда была учреждена должность Президента, которую занял Н. Назарбаев. Первоначально его полномочия были ограничены Верховным Советом, что указывало на элементы парламентской республики. Однако с обретением независимости и проведением первых выборов Президента в 1991 г. началось усиление президентской власти. Конституция 1993 года усилила позиции Президента, что привело к конфликту с законодательной властью и роспуску Верховного Совета в конце 1993 г.

Второй этап охватывает период с 1993 по 1995 г., когда произошел окончательный переход к президентской республике. После роспуска Верховного Совета Н. Назарбаев сконцентрировал всю законодательную и исполнительную власть, что позволило ему организовать два референдума: первый продлил его полномочия до 2000 г., а второй утвердил новую Конституцию. Конституция 1995 г. сократила влияние парламента и предоставила Президенту широкие полномочия, закрепив модель президентской республики с самой высокой степенью централизации власти среди стран СНГ.

Период с 1998 по 2001 г., который был ознаменован конституционными поправками, направленными на укрепление президентской власти, можно выделить как *третий этап*. В 1998 г. президент Н. Назарбаев выступил с инициативой демократизации, в результате чего парламент принял 19 поправок к Конституции. Эти изменения увеличили срок президентства до 7 лет, сняли ограничения на количество сроков и возрастные требования для кандидатов, а также ввели пожизненные гарантии неприкосновенности для бывшего президента.

Четвертый этап отражен в периоде с 2001 по 2008 г. и стал важным шагом, направленным на практическую трансформацию Казахстана из президентской республики в президентско-парламентскую. В данном этапе отмечена конституционная реформа 2007 г., благодаря которой при сохранении президентской формы правления была усилена роль парламентаризма в системе управления государством.

Поправки позволили Парламенту участвовать в формировании и контроле за деятельностью Правительства, утверждать состав Конституционного совета, Центральной избирательной комиссии и Счетного комитета. Правительство стало нести ответственность не только перед Президентом, но и перед Парламентом.

Логическим продолжением предыдущих конституционных реформ стала реформа 2017 г., в ходе которой произошла передача части важных полномочий Президента Правительству и были усилены механизмы подотчетности и подконтрольности Правительства Парламенту. Вместе с тем такое решение не следует расценивать как переход от президентской к президентско-парламентской форме правления, о чем свидетельствуют положения п. 1 ст. 2 Конституции Республики Казахстан.

Таким образом, предлагаемые преобразования были направлены на сохранение политико-властной системы республики, обеспечивая при этом достаточную силу каждому из ее ключевых институтов – президенту, парламенту и правительству – для эффективной реализации своих властных полномочий.

Реформы 2022 г., инициированные Президентом Касым-Жомартом Кемелевичем Токаевым, стали важной ступенью в изменении конституционного статуса Президента. В своем послании Президент отметил, что реформа сформирует «окончательный переход от суперпрезидентской формы правления к президентской республике с сильным Парламентом». Ключевым событием и первым этапом данной реформы стал республиканский референдум 5 июня 2022 г. В ходе данной реформы был усилен Парламент Республики Казахстан, что придало ему большую значимость в системе управления. Кроме того, были созданы новые государственные институты, среди которых восстановление Конституционного Суда, что позволило улучшить механизм контроля за соблюдением конституционных норм.

Второй этап реформы 2022 г. прошел осенью и был направлен в том числе на усовершенствование конституционного статуса главы государства. В рамках этих изменений из Конституции были исключены положения, касающиеся первого Президента Республики, главе государства было запрещено членство в политической партии на время исполнения его полномочий, а также введен запрет на занятие определенных должностей в государственных и квазигосударственных структурах его близкими родственниками. Одновременно с этим был увеличен срок президентских полномочий до 7 лет, однако исключена возможность переизбрания на новый срок.

Таким образом, институт президентства в Казахстане прошел несколько ключевых этапов: от установления должности и постепенного усиления президентской власти до текущих реформ, направленных на переход к президентской республике с более сильным парламентом. Эти изменения укрепляют демократические и правовые основы государства, и возможно, в будущем появятся новые конституционные изменения.

Гороховик Е. В.

ВСЕБЕЛОРУССКОЕ НАРОДНОЕ СОБРАНИЕ: СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ

Гороховик Екатерина Вячеславовна, студентка 1 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, kgorohovik@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Кондратович Н. М.

После проведенного референдума в Республике Беларусь 27 февраля 2022 г. в Конституцию были внесены изменения, главным из которых являлось включение Всебелорусского народного собрания (ВНС) в систему органов власти. ВНС впервые собралось в Беларуси в 1996 г., накануне референдума по внесению изменений в Конституцию в 1995 г. Считается, что именно с того момента пошла традиция составлять программы по социально-экономическому развитию на пятилетку. Всего в Беларуси было проведено семь таких собраний: в 1996, 2001, 2006, 2010, 2016, 2021 гг. и, последнее на данный момент, в 2024 г.

Первое Всебелорусское народное собрание прошло 19–20 октября 1996 г. в Минске, где Президент впервые принял решение посоветоваться с народом по важнейшим на тот момент вопросам государственного строительства и стратегического развития белорусского общества. Второй съезд ВНС, состоявшийся 18–19 мая 2001 г. проводился под лозунгом «За сильную и процветающую Беларусь!». На тот момент было важно сконцентрировать свое внимание на социально-экономическом развитии общества на ближайшую перспективу не только в проблемах местного и регионального масштаба, а на общегосударственном уровне. На третьем Всебелорусском народном собрании, проводившемся 2–3 марта 2006 г. не только были утверждены основные принципы государственного развития в очередной пятилетке, но и разработан план по кардинальному изменению качества жизни. Под лозунгом «Государство для народа» был утвержден проект Программы социально-экономического развития Беларуси на 2006–2010 годы. Во время четвертого съезда, прошедшего 6–7 декабря 2010 г., были подведены итоги предыдущего плана по социально-экономическому развитию на 2006–2010 гг., разработан новый план на 2011–2015 гг., а также были решены и не менее важные вопросы, касающиеся государственной и общественной жизни. 22–23 июня 2016 г. состоялось уже пятое Всебелорусское народное собрание, которое стало наиболее широкомасштабным для нашей страны. Делегатами собрания были руководители органов государственного

управления, различных организаций, парламентарии, местные советы депутатов, различные представители политических партий. Мероприятие проходило под лозунгом «Вместе – за сильную и процветающую Беларусь!». Были подведены итоги программы по развитию страны с 2011 по 2015 г., и принят новый план на 2016–2020 гг., подразумевавший повышение качества жизни посредством увеличения конкурентоспособности в экономике, а также основывавшийся на инновационном развитии. Шестое Всебелорусское народное собрание происходило в Минске 11–12 февраля 2021 г. Оно состоялось под лозунгом «Единство. Развитие. Независимость». Делегаты смогли обсудить и разработать Программу социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы (утверждена Указом Президента от 29 июля 2021 г. № 292).

Ключевым моментом стал Республиканский референдум, состоявшийся 27 февраля 2022 г., после которого Всебелорусское народное собрание получило новые полномочия. В соответствии со ст. 89-1 Конституции Республики Беларусь ВНС становится высшим представительным органом народовластия в Республике Беларусь. Теперь оно не только способно определять стратегические направления и развитие общества и государства, но и обеспечивать незыблемость конституционного строя, преемственность поколений, а также гражданское согласие.

Исходя из нового статуса ВНС, можно сделать вывод, что теперь это не только высший коллегиальный представительный орган, но еще и нормотворческий, ведь его акты по юридической силе стали даже выше законов. Последнее седьмое собрание состоялось 24–25 апреля 2024 г. под девизом «Время выбрало нас!».

Решения, принятые на ВНС, являются обязательными к исполнению и соблюдению. Деятельность ВНС продемонстрировала реальный характер народовластия, укрепив суверенитет народа.

Давыденко Я. Ю.

ПОЛНОМОЧИЕ ВСЕБЕЛОРУССКОГО НАРОДНОГО СОБРАНИЯ ПО РАССМОТРЕНИЮ ВОПРОСА О ЛЕГИТИМНОСТИ ВЫБОРОВ

Давыденко Ярослав Юрьевич, студент 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь,
y.davydzenka.official@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Синицына А. М.

4 марта 2022 г. Президентом Республики Беларусь подписано Решение республиканского референдума 27 февраля 2022 г., в соответствии с которым Всебелорусское народное собрание (далее – ВНС) приобрело конституционный статус. Сегодня ВНС – уникальный институт обеспечения незыблемости конституционного строя, преемственности поколений и гражданского согласия. Статья 89^1 Конституции определяет ВНС как высший представительный орган народовластия Республики Беларусь.

В силу ряда факторов ВНС занимает особое место в системе органов государственной власти, возвышаясь над разделением властей. Для исполнения возложенной на ВНС функции обеспечения политической стабильности Законом Республики Беларусь «О Всебелорусском народном собрании» на основе ст. 89^3 Конституции предусмотрено полномочие ВНС по рассмотрению вопроса о легитимности выборов.

Законодательство недостаточно детально регламентирует деятельность ВНС во исполнение вышеназванного полномочия, что обусловливает определенные сложности в его осуществлении. Способы установления легитимности или нелегитимности выборов не определены. Разрешение проблемы возможно после утверждения Регламента ВНС, так как Временный регламент определяет организационные основы деятельности ВНС, но не содержит конкретных конституционно-правовых механизмов по определению легитимности выборов.

Ввиду вышеперечисленного, автором предпринята попытка определить возможные формы деятельности ВНС во исполнение ст. 18 Закона «О Всебелорусском народном собрании».

Закон устанавливает, что Всебелорусское народное собрание рассматривает вопрос о легитимности выборов Президента, депутатов Палаты представителей и членов Совета Республики по мотивированному предложению Президиума ВНС или не менее одной трети от полного состава ВНС. В таком случае, согласно Временному регламенту ВНС, внеочередное заседание ВНС по данному вопросу может быть созвано по инициативе Президиума, он же определит повестку дня и срок проведения заседания, предоставит проект решения, одновременно проинформировав об этом ЦИК. Предложение о рассмотрении вопроса о легитимности выборов вносится не позднее 5 дней со дня опубликования их итогов и рассматривается ВНС не позднее 10 дней после внесения предложения.

Социально-психологическое явление легитимности власти исходит в том числе из ее легальности, так как народное признание, доверие и поддержка власти во многом основывается на ее юридическом обосновании и законности. Таким образом, для рассмотрения вопроса о легитимности выборов в первую очередь ВНС необходимо определить их легальность, то есть установить правомерность избирательных процедур, что может быть реализовано в следующих формах деятельности ВНС:

1) выступления на заседании ВНС делегатов, являющихся депутатами местных Советов депутатов, делегатов, являвшихся членами избирательных комиссий или наблюдателями на участках для голосования, а также членами инициативных групп по выдвижению кандидатов, по вопросам исполнения местными Советами депутатов и избирательными комиссиями законодательства Республики Беларусь о выборах;

2) заслушивание ВНС Председателя ЦИК с отчетом об исполнении на всей территории Республики Беларусь законодательства о выборах;

3) изъятие ВНС протоколов заседаний избирательных комиссий и документов к ним, иных избирательных документов из областных и

Минского городского исполнительных комитетов и (или) органов, образовавших комиссии;

4) ознакомление ВНС с отчетами иностранных (международных) наблюдателей, аккредитованных ЦИК, о соответствии подготовки и проведения выборов законодательству Республики Беларусь о выборах.

Однако факт легального установления власти не всегда означает ее легитимность. ВНС необходимо выявить согласие народа с властью, его добровольное признание за ней права принимать обязательные решения, что может быть произведено в следующих формах деятельности ВНС:

1) направление делегатов ВНС в трудовые коллективы, учреждения и организации, на встречи с населением для изучения мнения граждан;

2) направление поручения Национальному статистическому комитету о проведении срочного статистического наблюдения по мнению граждан;

3) запрос ВНС статистических материалов по опросам общественного мнения, относящихся к выборам и общественно-политической ситуации в стране, у социологических структур, аккредитованных комиссией по опросам общественного мнения при Национальной академии наук.

Перечисленные формы деятельности ВНС, осуществляемые согласно приведенному в необходимое соответствие законодательству, могут стать основанием для принятия ВНС решения о легитимности или нелегитимности выборов. На основании решения ВНС о нелегитимности выборов ЦИК признает выборы недействительными и отменяет ранее принятое решение об итогах выборов.

Денисевич М. А.

ИНСТИТУТ КОНСТИТУЦИОННОЙ ЖАЛОБЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ

Денисевич Мария Алексеевна, студентка 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, mashadenisevich202@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Синицына А. М.

27 февраля 2022 г. в Республике Беларусь был проведен республиканский референдум по вопросу внесения изменений и дополнений в Конституцию, по результатам которого Конституция была дополнена положением о возможности подачи конституционной жалобы. Согласно абзацу 2 ч. 5 ст. 116^1 Конституции Конституционный Суд в порядке, установленном законом, выносит решения по жалобам граждан на нарушения их конституционных прав и свобод, проверяя конституционность законов, примененных в конкретном деле, если исчерпаны все другие средства судебной защиты.

Следует отметить, что доступ к конституционной жалобе имеют только граждане, в то время как юридические лица не имеют такой возможности. Вместе с тем применение положений неконституционного закона может нарушать права и затрагивать законные интересы не только физических лиц, но и организаций.

По причине новизны института конституционной жалобы в Республике Беларусь стоит отметить опыт зарубежных стран, например, в Российской Федерации Федеральный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» содержит норму, допускающую возможность подачи конституционной жалобы юридическими лицами.

По нашему мнению, обеспечение доступа юридических лиц к подаче жалобы могло бы способствовать развитию эффективности правозащитной деятельности Конституционного Суда, что, в свою очередь, позволило бы более полно учитывать интересы как граждан, так и организаций. Введение возможности подачи конституционных жалоб юридическими лицами могло бы усилить правовую определенность в вопросах, касающихся деятельности организаций.

Рассматривая особенности правовой регламентации порядка подачи конституционной жалобы в Республике Беларусь, следует отметить, что объектом конституционной жалобы могут являться только законы. Национальное законодательство исключает возможность проверки конституционности подзаконных нормативных актов органов государственной власти на основании конституционной жалобы.

В условиях возрастающего значения защиты прав человека тенденция к осуществлению конституционного контроля нормативных правовых актов не только Парламента, но и иных высших органов власти республиканского значения, а также органов местного управления и самоуправления возрастает, поскольку нарушение прав человека может являться результатом не только применения неконституционного закона, но и иных нормативных правовых актов, принимаемых (издаваемых) нормотворческими органами различного уровня. Таким образом, по нашему мнению, в ст. 116^{1} Конституции стоит внести дополнения:

«Конституционный Суд в порядке, установленном законом, выносит решения:

по жалобам граждан и юридических лиц на нарушения их конституционных прав и свобод, проверяя конституционность законов и иных нормативных правовых актов органов государственной власти, примененных в конкретном деле, если исчерпаны все другие средства судебной защиты».

Подводя итог вышеизложенного, следует отметить, что конституционная жалоба является важным правовым механизмом, который позволяет гражданам оспаривать законы, нарушающие их конституционные права и свободы, путем обращения в Конституционный Суд. Этот инструмент играет значительную роль в защите конституционных прав, обеспечивая гражданам возможность влиять на совершенствование законодательства. Конституционная жалоба способствует укреплению верховенства закона и стабильности правовой системы. Данный институт является новым в Республике Беларусь и требует совершенствования, в том числе исходя из практики его функционирования.

Ероховец Д. Е.

ВИДЫ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ БЮЛЛЕТЕНЕЙ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Ероховец Дмитрий Евгеньевич, студент 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, dinmmaerohovec@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Масловская Т. С.

Избирательный бюллетень – официальный документ установленной формы, используемый во время выборов и удостоверяющий голос избирателя. Принято считать, что избирательный бюллетень играет достаточно важную роль в избирательном процессе, поскольку от того, какой был выбран дизайн бюллетеня, в каком порядке расположены кандидаты в списке, зависит то, кому избиратель отдаст свой голос на предстоящих выборах. Так, например, случилось на референдуме в Германии в 1938 г., где предложение «за» было гораздо больше по размерам, чем предложение «против».

В зарубежных странах избирательные бюллетени могут иметь существенные различия в зависимости от политического режима, традиций конкретного государства и уровня выборов. В связи с этим рассмотрим наиболее интересные классификации избирательных бюллетеней.

Первая классификация осуществляется по такому критерию, как орган, выдающий бюллетени, в которой выделяются официальные и неофициальные бюллетени. Бюллетени являются официальными, если они изданы государственным органом. Так, например, в Финляндии Министерство юстиции разрабатывает требования, предъявляемые к избирательным бюллетеням, и финансирует их изготовление.

Неофициальные же бюллетени изготавливаются по официально установленному государством образцу за счет кандидатов или политических партий, принимающих участие в выборах. Так, избиратель приходит на участок, заходит в кабину для голосования, где лежат уже подготовленные бюллетени от разных кандидатов. Такому лицо достаточно только выбрать понравившегося кандидата, запечатать бюллетень в конверт и отдать председателю избирательной комиссии, который непосредственно опускает данный конверт в урну.

Например, во Франции, помимо того, что кандидаты и политические партии вправе размещать на избирательных бюллетенях собственные логотипы, они также вправе отправлять свои бюллетени гражданам на дом, после чего избирателю достаточно только прийти на участок и запечатать бюллетень в конверт.

Следующий критерий выделяется на основе того, разрешено ли избирателю самому вписывать кандидатов в бюллетень или же нет. В большинстве государств на выборах используются бюллетени, в которых уже содержится окончательный список кандидатов и такие списки изменению не подлежат. Однако в некоторых государствах применяются бюллетени, в

которые непосредственно сам избиратель вносит имя кандидата, который ему больше понравился. Такая система, например, используется в Норвегии, где в качестве бюллетеня применяется белый лист бумаги, на который избиратель самостоятельно вписывает имя кандидата, за которого он отдает голос.

Заключительный критерий, который хотелось бы выделить – цвет бюллетеня. Во многих государствах среди таких требований, как содержание бюллетеня, его размер, расстояния между строчками, применяется также такое условие, как цвет бюллетеня. В различных государствах применяются разные подходы к цветовому оформлению бюллетеней. Например, в Финляндии на выборах всех уровней применяются бюллетени белого цвета, в то время как в Швеции используются бюллетени трех цветов, в зависимости от проводимых выборов: синие и желтые, в цвет государственного флага, а также белых цветов. Так, на выборах в Риксдаг, Парламент Швеции, применяются желтые бюллетени, в собрания уполномоченных ландстингов – синие, а на выборах в собрания уполномоченных коммун – белые.

Относительно Республики Беларусь, бюллетени разного цвета появились не так давно – на Едином дне голосования, который проходил 25 февраля 2024 г., где бюллетени на выборах в депутаты Палаты представителей и в местные Советы депутатов отличались по цвету.

Таким образом, анализ некоторых видов избирательных бюллетеней в зарубежных государствах помогает не только понять существующие в мире подходы к определению формы избирательных бюллетеней, но и позволяет имплементировать некоторые нормы иностранного избирательного законодательства в законодательство Республики Беларусь.

Дятко М. Д.

ПЕРСПЕКТИВЫ ВВЕДЕНИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ГОЛОСОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Дятко Мария Дмитриевна, студентка 4 курса, Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь, datkomasa@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Шавцова А. В.

Электронное голосование представляет собой новую форму голосования избирательного процесса и в связи с этим имеет огромную актуальность.

В научной литературе в зависимости от места проведения различают два вида электронного голосования: онлайн-голосование – удаленное (дистанционное) электронное голосование, а также неудаленное (стационарное) электронное голосование, которое характеризуется тем, что выборы проводятся в помещении для голосования, как и при традиционном голосовании, но с использованием специальных технических средств – без применения бумажного избирательного бюллетеня.

Государства, стремящиеся к использованию электронного голосования на выборах, должны заблаговременно решить ряд правовых, организационных

и технических вопросов, некоторые из которых нашли отражение в Рекомендации «О правилах электронного голосования», принятой на 1289-м заседании Комитета Министров Совета Европы (14.07.2017).

Введение электронного голосования предполагает его нормативное правовое регулирование, которое связано с решением двух основных вопросов.

1. Каков должен быть объем и предмет нормативного правового регулирования?

В отличие от традиционного голосования с помощью бумажного бюллетеня, электронное голосование не имеет единых стандартов внедрения, поскольку электронные урны или машины для голосования от разных поставщиков всегда будут иметь отличия программного и технологического характера. Законодатель объективно не может не только предусмотреть все возможные технические проблемы и пути их разрешения, но и определить порядок и пределы их правового регулирования. Это в значительной степени связано с компетенцией разработчиков технических средств обеспечения электронного голосования. В связи с этим законодательный орган должен тесно взаимодействовать со специалистами, обеспечивающими разработку и технологическое внедрение механизма электронного голосования.

2. Какую модель (вариацию) нормативного правового регулирования следует выбрать?

В общемировой практике сложились две основных вариации нормативного правового регулирования электронного голосования в различных государствах, которые можно выделить: централизованное законодательное и так называемая конкретизация рамочных законов. В зарубежной практике наиболее широко применяется централизованное законодательное регулирование (Финляндия, Нидерланды, Германия, Бразилия, Австралия и Филиппины), в Бельгии, например, принят Закон «Об организации автоматизированного (электронного) голосования».

При введении электронного голосования в Республике Беларусь, предлагаем:

1) определить предмет правового регулирования, в частности способ электронного голосования наряду с традиционным с помощью бумажных бюллетеней;

2) закрепить понятие «электронное голосование» в Избирательном кодексе Республики Беларусь: «Электронное голосование – способ проведения голосования без использования бюллетеня, изготовленного на бумажном носителе, с использованием информационной системы «Гарант», а также иных государственных информационных систем, установленных Центральной избирательной комиссией Республики Беларусь»;

3) применить централизованное законодательное регулирование;

4) в Избирательном кодексе Республики Беларусь закрепить электронные ресурсы, информационные системы, автоматические электронные устройства, специальные технические средства, которые могут использоваться официально для голосования на избирательных участках.

Елаева Н. В.

К ВОПРОСУ О ЛЕГАЛИЗАЦИИ ЭВТАНАЗИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Елаева Наталья Валерьевна, студент 1 курса юридического факультета Белорусского государственного университета г. Минск, Беларусь, fyrmashalox94@gmail.com

Научный руководитель: старший преподаватель Пехота Т. М.

Актуальность проблемы введения эвтаназии обусловлена рядом факторов, связанных с развитием медицинских технологий, изменением демографической ситуации и изменением общественных ценностей. Важность открытого диалога между медицинскими работниками, правозащитниками и обществом подчеркивает необходимость изучения различных подходов к ее легализации. Таким образом, исследование проблемы требует внимательного рассмотрения с целью формирования обоснованных и гуманистических подходов к вопросам жизни и смерти.

Эвтаназия – это практика лишения жизни человека, который испытывает невыносимые страдания из-за неизлечимого заболевания, т. е. «хорошая смерть». Существует два вида эвтаназии: добровольная и недобровольная. Добровольная эвтаназия осуществляется по просьбе больного. Если человек долгое время находится в вегетативном состоянии, его могут отключить от аппарата жизнеобеспечения, что будет являться недобровольной эвтаназией. Такое решение может принять консилиум врачей только в случае согласия близких пациента.

Разделяют также активную и пассивную эвтаназию. Под активной эвтаназией понимается введение инъекции, вызывающей быструю и безболезненную смерть. Прекращение поддержания жизнедеятельности организма и отказ от медицинской помощи представляет собой пассивную эвтаназию.

Каждый случай имеет ряд частных условий, которые невозможно обозначить в полном объеме в надлежащих нормативных актах, что создает сложность для рассмотрения существующей проблемы соответствующими органами. На данный момент эвтаназию классифицируют как убийство. В ст. 1 Закона Республики Беларусь от 18 июня 1993 г. № 2435-XII «О здравоохранении» регламентировано, что осуществление эвтаназии запрещено. Лицо, сознательно побудившее другое лицо к эвтаназии и (или) осуществившее эвтаназию, несет ответственность в соответствии с законодательными актами.

В некоторых странах эвтаназия легализована и регулируется четкими правилами. Например, Нидерланды – первая страна, которая в 2002 г. законодательно урегулировала вопрос применения эвтаназии. Этот процесс имеет ряд строгих требований как к врачу, так и к пациенту. В сентябре 2002 г. Бельгия стала второй страной, где узаконили содействие смерти тяжелобольных. Эвтаназия проводится в случае «безвыходной медицинской

ситуации». В некоторых странах исследуемое явление не получило должного урегулирования.

В качестве аргументированности введения данной процедуры на легальном уровне можно отнести:

1) отсутствие принципа гуманизма при неизбежной смерти человека, испытывающего огромные мучения, нестерпимые боли и различные медицинские манипуляции и операции, не приносящие облегчения;

2) право выбора, так как человек автономен, т. е. способен к самоопределению на основании собственных убеждений, самостоятельно создавать или выбирать моральные правила для своей жизни и поведения.

Вместе с тем нельзя исключать критерии, выступающие против процедуры прерывания жизни человека, который болен неизлечимой болезнью и испытывает непереносимые мучения:

1) человеческая жизнь является высшей ценностью общества и государства (ст. 2 Конституции Республики Беларусь). Закрепление на законодательном уровне эвтаназии может подорвать укоренившиеся моральные и нравственные устои, характерные для отдельно взятых общества и государства;

2) эвтаназия влечет непоправимые последствия в случае врачебной ошибки в постановке диагноза;

3) несоответствие с религиозными принципами и врачебным призванием;

4) существуют риски злоупотребления рассматриваемым правом со стороны родственников и врачей.

В соответствии с конституцией, каждый гражданин имеет право на жизнь. Это регулируется и охраняется законом. В случае смертельных заболеваний становится актуален вопрос о праве на смерть. Право на смерть – концепция, сторонники которой утверждают, что у человека есть право прекратить свою жизнь, когда он посчитает это нужным: тело и существование индивида – это его собственность, которой он может распоряжаться по своему усмотрению.

По результатам онлайн-исследования, в котором приняли участие более 70 студентов, обучающихся на первом курсе юридического факультета Белорусского государственного университета, 84 % опрошенных изъявили желание иметь право на смерть в случае неизлечимого заболевания, и 64 % считают, что в вопросе о проведении данной процедуры не должно учитываться мнение близких.

Резюмируя вышеизложенное, можно отметить, что проблема эвтаназии остается одной из наиболее часто обсуждаемых и сложных проблем современной биоэтики, поскольку ее решение не предвидится в ближайшем будущем.

Загиров М. З.

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ПРИНЦИПА РАВЕНСТВА В МЕХАНИЗМЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Загиров Магомед Забирович, студент 2 курса Института магистратуры и заочного обучения Саратовской государственной юридической академии, г. Саратов, Россия, zagirov_magomed_z@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Комбарова Е. В.

Российская Федерация отметила 30-летний юбилей Основного Закона страны. В 2020 г. российское государство сделало большой шаг по укреплению российской государственности и обеспечению верховенства Конституции России посредством внесенных поправок, направленных на совершенствование государственного управления и повышение социальной защищенности граждан, в первую очередь мало защищенных слоев населения (детей, пенсионеров и т. д.).

Россия, несмотря на выход из ряда международных правозащитных организаций, не отказывается от принципов Всеобщей декларации прав человека, со дня принятия которой 10 декабря 2023 г. исполнилось 75 лет, и готова сотрудничать с партнерами в правозащитной сфере, заявил Президент Российской Федерации Владимир Путин.

Права человека предполагают надлежащие средства их защиты. Такие средства в совокупности создают механизм, обеспеченный государственными инструментами. Главная задача такого механизма – это гарантирование реализации прав человека, а также устранение препятствий к соблюдению прав человека и гражданина и негативных последствий.

Принцип равенства в механизме прав человека сложно переоценить. Данный принцип предполагает равные возможности для всех субъектов конституционно-правовых отношений воспользоваться государственными и общественными инструментами защиты своих прав. В данном случае речь может идти о различиях в возрасте, социальных группах, местах жительства и многих других факторах. Соответственно, принцип равенства также предполагает необходимость со стороны государства дополнительно поддерживать определенные группы населения.

Содержанием правового положения человека являются нормы и регулируемые данными нормами взаимоотношения, которые складываются между государством и человеком в связи с его фактическим местом в политической, социальной, экономической, духовной и нравственной сфере общества. Данные отношения разнообразны, охватывают различные стороны жизни человека.

Конституционные нормы являются основополагающими в реализации гражданами своих прав, свобод, исполнении обязанностей и закрепляют важнейшие положения, к которым относятся конституционные принципы, являющиеся своеобразными аксиомами права, не поддающимися сомнениям. К числу основополагающих принципов относится и конституционный принцип

равенства. На сегодняшний день конституционный принцип равенства – это один из главных принципов осуществления прав человека и важнейшая характеристика правового государства в аспекте гарантированных, действительно обеспеченных прав и свобод человека и гражданина.

Само демократическое развитие фундаментально основывается на равенстве. Согласно Большой российской энциклопедии: «Суть равенства состоит в одинаковом, равном значении каждого конкретного человека для государства» (https://bigenc.ru/c/pravo-na-ravenstvo-315739). Равенство относится к числу «особых общественных явлений, представление о которых меняется в ходе исторического развития», поэтому научное исследование правовых явлений и процессов не может ограничить себя их состоянием лишь на данный момент «наличного» существования, иначе будет утрачена причинно-следственная связь в историческом развитии права.

Равенство – динамично развивающийся институт общества и государства, обладающий присущими только конкретному периоду истории человечества качествами, соответствующий существующим традициям, обычаям, менталитету и зависящий от выбранного пути развития общества и государства. Изучение равенства – это постоянный поиск решений извечных социальных конфликтов, определение адекватных и целесообразных способов выравнивания положений изначально и фактически несопоставимых субъектов общественных и государственных отношений, установление критериев, лежащих в основе соотношения понятий «равенство – неравенство», находящихся в постоянном и непрекращающемся движении.

Равенство и равноправие – близкие, но не равнозначные понятия, первое из которых означает одинаковое юридическое положение граждан (и неграждан) перед законом, т. е. совпадение всего комплекса прав и обязанностей у всех лиц, а второе – совпадение объема только права. Но оба понятия употребляются как синонимы для обозначения одинаковой меры свободы для каждого человека. Равенство и равноправие предполагают отсутствие неузаконенных привилегий и запрет дискриминации по любым основаниям.

На сегодняшний день в понятии правового равенства нет однозначного единства. Исследователь В. С. Нерсесянц правовое равенство рассматривает со стороны «равенства свободных и независимых друг от друга субъектов права по общему для всех масштабу, единой мере, равной мере».

«Равенство – это наделение государством равными правами каждого конкретного человека», – пишет Г. Н. Комкова. И как справедливо замечает Т. М. Пряхина: «… ценностная ориентация принципа равенства состоит в том, что он полагает справедливым утверждать, что каждый индивид представляет такую же социальную ценность, как и другие, а его интересы не менее значимы, чем общественные и государственные».

Равенство представляет собой абсолютную, законодательно закрепленную одинаковую возможность в реализации всего объема прав для всех граждан. Соответственно, необходимо продолжить работу по созданию механизма защиты прав человека, при котором будут созданы условия для

каждого индивида реализовывать и защищать предусмотренные Конституцией России основные права и свободы.

В частности, необходимо предусмотреть дополнительные гарантии защиты прав отдельных категорий граждан (несовершеннолетних, пенсионеров), а также специальных субъектов права. Реализация принципа равенства в механизме защиты прав человека предполагает систему взаимосвязанных и согласованных элементов, обеспечивающих реализацию правозащитной функций государства и включающую в себя организационные и правовые гарантии соблюдения прав человека.

Иванова П. Д.

НОВЕЛЛЫ, ВВЕДЕННЫЕ В ИНСТИТУТ ПРЕЗИДЕНТСТВА ПО ИТОГАМ РЕФЕРЕНДУМА ОТ 27 ФЕВРАЛЯ 2022 ГОДА

Иванова Полина Дмитриевна, студентка 2 курса Академии управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь, pi4030953@gmail.com

Научный руководитель: старший преподаватель Пустовая Н. П.

Институт президентства является относительно новым в белорусской конституционно-правовой практике. В 1991 г. Верховный Совет БССР провел специальное голосование по вопросу об учреждении поста Президента, где большинство депутатов высказались за его введение в Беларуси, а 23 июня 1994 г. прошли первые выборы Президента Республики Беларусь. В соответствии с первоначальной редакцией Конституции Республики Беларусь Президент являлся Главой государства и исполнительной власти. Согласно изменениям по решению республиканского референдума 1996 г., закрепленное традиционное разделение властей не является догматичным. Уникальные черты его реализации в Республике Беларусь заключаются в том, что Президент не принадлежит ни к одной из ветвей власти, выступая в роли арбитра между ними.

Вопрос о необходимости внесения изменений в Конституцию Республики Беларусь поднимался белорусским лидером на протяжении последних пяти лет неоднократно. В основу решений референдума были поставлены ряд вопросов, среди которых и институт президентства. Данный институт был подвержен реформациям: изменились требования к кандидатам в Президенты, однако, стоит заметить, что укрепились гарантии их конституционно-правовой защиты. Конкретизируя изменения, касающиеся общественных отношений, в которых участвует Глава государства, изменены или вовсе исключены его отдельные полномочия, они переданы другим конституционным государственным органам.

Часть конституционных полномочий Президента, например формирование высшего судейского корпуса, были переданы Всебелорусскому народному собранию (далее – ВНС). ВНС, в свою очередь, реализует закрепленный подход по формированию судейского корпуса, который будет способствовать укреплению независимости судей от других ветвей власти. Из этого следует,

что у ВНС появилась большая ответственность за принятие тех или иных особо важных решений, что укрепляет его место в системе государственной власти. Необходимо также отметить, что не только Главой государства передан ряд полномочий, но и Парламент поступился своим полномочием об объявлении импичмента Президенту.

Рассматривая решение референдума по изменению ст. 80, важно отметить, что увеличение возрастного ценза, а также отсутствие у кандидатов на пост Президента гражданства иностранного государства имеет ряд небезосновательных причин. По мнению О. И. Чуприс, более высокий возрастной ценз может подразумевать, что кандидаты имеют больше жизненного и профессионального опыта, что рассматривается как положительное качество для руководства страной. Такое мнение разделяют и другие отечественные ученые. Новое требование об отсутствия гражданства иностранного государства, а также вида на жительство или иного документа, дающего права на льготы и другие преимущества иностранного государства, является ограничением возможности влияния иностранных государств на лицо, занимающее самый высокий пост в стране.

В случае гибели Президента в результате покушения на его жизнь, совершения акта терроризма, военной агрессии, вследствие иных действий насильственного характера управление заседаниями Совета Безопасности переходит к Председателю Совета Республики. Это подчеркивает важность обеспечения стабильности и преемственности власти в критических ситуациях, а также указывает на усиление статуса Председателя Совета Республики, которому переходят все полномочия Главы государства до принесения присяги вновь избранным Президентом.

Изменения и дополнения, внесенные в институт президентства Республики Беларусь, можно охарактеризовать как конституционно-правовое отражение стремления к адаптации политической системы к современным вызовам, а также попытку улучшить механизм взаимодействия между различными ветвями власти и усилить участие граждан в политическом процессе. Эти изменения могут способствовать более открытому и инклюзивному подходу к управлению, обеспечивая большую прозрачность и ответственность власти перед обществом.

Учитывая все вышесказанное, можно предположить, что институт президентства в нашей стране, хотя и имеет относительно короткую историю своего существования и развития, уже завершил процесс своего формирования. Он стал неотъемлемой частью системы высших органов государственной власти и занимает важное место в политической структуре нашего государства. Президентство не только символизирует власть, но и олицетворяет единство народа Беларуси, служа важным элементом для сплочения общества. В этом контексте институт президентства играет ключевую роль в поддержании стабильности и целостности государства, а также в реализации его стратегических целей и задач.

Иванощук М. С.

НОВЫЕ ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ В КОНСТИТУЦИЯХ ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВ НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ, УЗБЕКИСТАНА И КЫРГЫЗСТАНА

Иванощук Марианна Станиславовна, студентка 1 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь,
ivanochikmarianna@gmail.com

Научный руководитель: старший преподаватель Петухова В Е.

Новый этап конституционного строительства в постсоветских государствах начался с принятием Декларации о прекращении существования СССР 26 декабря 1991 г. Со времени утверждения первой Конституции (в Республике Беларусь 15 марта 1994 г., в Республике Узбекистан 8 декабря 1992 г. и в Кыргызской Республике 5 мая 1993 г.) изменялись стратегии развития права, общественно-политические и социально-экономические сферы общества.

Новые требования общественного развития и вызовы времени, несомненно, не могли не затронуть и Основной Закон государств. Так, с момента принятия в Конституцию Республики Беларусь вносились правки трижды на основании решений референдумов (последнее изменение в 2022 г.), демонстрируя конституционно-правовую преемственность в основах конституционного строя, характере взаимоотношений личности, общества и государства, а также сохранении республики смешанного типа с усиленной президентской властью.

В Конституцию Республики Узбекистан изменения вносились более 10 раз (последнее изменения в 2023 г.), в результате которых Конституция была обновлена в целом на 65 %, что вызвало необходимость принятия новой редакции Основного Закона.

Конституция Кыргызстана претерпевала изменения также более 10 раз (последнее изменение в 2021 г.), что свидетельствует о достаточно высокой динамике конституционных преобразований, включая переход от парламентско-президентской республики к президентской форме правления и введение института Народного собрания.

Одним из векторов конституционных трансформаций является модернизация конституционного статуса личности путем расширения прав и свобод человека и усиления гарантий их обеспечения.

Проведенный анализ ключевых конституционных преобразований положений, касающихся прав и свобод гражданина, его обязанностей, а также гарантий их реализации на примере указанных трех государств позволил сделать ряд выводов.

В Конституцию Республики Беларусь внесены нормы, усиливающие социальную составляющую Основного Закона (ч. 3 ст. 21, ч. 4 ст. 32, ч. 2 и 3 ст. 47, ст. 32^1, ст. 28, ст. 45, ст. 47) и расширяющие политические права граждан (ч. 2 ст. 37, ст. 36, ст. 26). В отношении конституционных

обязанностей можно также отметить значительное расширение их перечня, в частности закрепление дополнительных обязанностей родителей при воспитании детей (ч. 3 ст. 32), обязанности любого человека, находящегося на территории Республики Беларусь, уважать государственные символы и национальные традиции страны (ст. 52), забота о сохранении собственного здоровья (ч. 1 ст. 45), бережное отношение к природным ресурсам (ст. 55).

Особого внимания заслуживает норма Конституции, усиливающая гарантии защиты прав и свобод граждан посредством введения права гражданина на обращение в Конституционный Суд Республики Беларусь с жалобой (ч. 5 ст. 116^1).

В Конституции Республики Узбекистан в разделе «Основные права, свободы и обязанности человека и гражданина» теперь закреплено признание и гарантия прав и свобод человека и гражданина согласно общепризнанным нормам международного права (ст. 19).

В новой редакции Основного Закона Республики Узбекистан отмечается расширение прав и свобод человека (ст. 21, ст. 27–29, ст. 31), свобода слова, мысли и убеждений (ст. 33), свобода совести (ст. 35), неприкосновенность чести и достоинства человека (ст. 26), подчеркивается, что государство защищает эти ценности и является их гарантом (ст. 23, ст. 39, ст. 45). Расширяются социально-экономические права граждан, включая право на образование (ст. 50, ст. 51) и здравоохранение (ст. 48), и политические права, в частности поддержка независимости судебной системы (ст. 130). Перечень обязанностей граждан дополнен защитой научного и природного наследия народа (ст. 61). В то же время почти в три раза увеличены социальные обязательства государства.

В Конституции Кыргызской Республики раздел «Права, свободы и обязанности человека и гражданина» претерпел значительные изменения в основном в части возможного ограничения Конституцией и законами прав и свобод человека и гражданина в целях охраны и защиты населения, прав и свобод других лиц (ст. 10, ст. 23, ст. 29–31, ст. 38, ст. 56). Социальные, экономические и политические права в целом остались неизменными. Тем не менее следует отметить, что в ряде случаев порядок и условия реализации прав и свобод определяется законом (ст. 33, ст. 39, ст. 42, ст. 43, ст. 57). Перечень обязанностей граждан дополнен заботой о родителях трудоспособными совершеннолетними детьми (ст. 26).

Таким образом, совершенствование конституционного статуса личности в конституциях Республики Беларусь, Узбекистана и Кыргызстана связано с закреплением новых прав, свобод, расширением гарантий их реализации, а также новых обязанностей личности. Такие изменения обусловлены как внутренними причинами (приоритеты и потребности государства и общества), так и вызовами современности.

Кирик К. А.

ЕСТЬ ЛИ ПРАВА У ЖИВОТНЫХ?

Кирик Кирилл Александрович, учащийся 3 курса Юридического колледжа Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, kirilkirik2006@gmail.com

Научный руководитель: преподаватель Балицевич-Рында Л. Н.

Есть ли права у животных? По нашему глубокому убеждению – да, есть, хотя Гражданский кодекс Республики Беларусь определяет животных как объекты гражданских прав. Статья 137 Гражданского кодекса закрепляет основной принцип в отношениях с животными – недопущение в отношении них жестокого обращения, противоречащего принципам гуманности.

Отметим, что в ряде стран поднимается вопрос даже о включении положений о животных в свои Конституции (Финляндия, Мексика, Испания). Так, в бельгийское конституционное законодательство в ближайшее время планируется внести нормы о животных, а в Конституции ФРГ уже есть ст. 20а, согласно которой государство в рамках конституционного порядка охраняет «естественные основы жизни животных». Конституционные положения о животных отражают идею о важности интересов животных и изменении отношения к ним общества.

В Республике Беларусь, на первый взгляд, тоже есть конституционные основы правового положения животных. Так, ст. 55 Конституции Республики Беларусь гласит: «Охрана природной среды и бережное отношение к природным ресурсам – долг каждого», а, как известно, животный мир является компонентом природной среды. Однако согласно п. 20 ст. 1 Закона Республики Беларусь «О животном мире» животный мир, включает в себя лишь совокупность всех диких животных. Таким образом, остается проблема в определении конституционно-правового статуса иных животных, не относящихся к категории диких. В связи с этим считаем целесообразным добавить в Конституцию Республики Беларусь ст. 55^1 следующего содержания: «Государство обязуется принимать меры для обеспечения достойного существования животных и содействовать их защите в порядке и пределах, определенных Конституцией и законами».

Важно отметить, что серьезным шагом к улучшению правового положения животных в Беларуси, их защиты и гуманизации национального законодательства в целом стало принятие в апреле 2024 г. Закона Республики Беларусь «Об ответственном обращении с животными». При этом ответственное обращение с животными не тождественно полному признанию прав животных. В этом аспекте основу ответственного обращения составляют в первую очередь права и обязанности человека, а для животных можно выделить лишь право на защиту от жестокого обращения.

На современном этапе развития общества доминирует два подхода к вопросу о правах животных: утилитарный и правовой. Основной идеей утилитарного подхода (его ярый представитель Питер Сингер со своим трудом «Освобождение животных») является равенство потребностей

существ человеческой и нечеловеческой природы. Сторонники правового подхода обосновывают естественные права людей наличием у них сознания, и так как сознанием обладают как минимум некоторые из животных, то они должны обладать теми же естественными правами, что и люди. Данный подход получил свое отражение во Всемирной декларации прав животных (Universal Declaration of Animal Rights), et преамбула гласит: «…все живые существа обладают своими естественными правами» и «любое животное, имеющее нервную систему, имеет особые права …». Декларация наделяет животных правами на уважение, отмечает недопущение жестокого обращения и убийства животных без надлежащей необходимости, недопустимость эвтаназии здорового домашнего животного либо выбрасывания его на улицу и др. В контексте правового подхода существует аболиционистская теория прав животных, одним из пионеров которой является Гэри Франсион, профессор права (США). Он выступает против всех видов эксплуатации животных и использования их в качестве ресурсов. Аболиционисты утверждают, что животные, как и люди, имеют право на жизнь и свободу и это право не должно зависеть от их полезности для человека.

По нашему мнению, когда обсуждаются юридические права животных, не предполагается, что любое животное должно быть наделено всеми теми же правами, что и человек, например, правом на образование или голосование на выборах. Как правило, речь идет о таких основных правах, как свобода от заключения, свобода от телесных повреждений и свобода вести привычный образ жизни. Игнорирование этих прав ведет к серьезным социальным, экологическим и моральным последствиям, которые могут негативно сказаться на всей системе взаимодействия человека и природы, поэтому закрепление таких естественных прав животных в белорусском законодательстве считаем важным и необходимым решением. Закрепление прав животных на законодательном уровне позволит улучшить условия их содержания, снизить уровень жестокого обращения и повысить ответственность владельцев. Видится возможным выделение животных в самостоятельную особую категорию субъектов права. Это приведет к созданию более гуманного общества, где уважение к жизни и правам животных станет нормой.

Кожедуб Е. В.

ИНСТИТУТ ЧАСТНОЙ КОНСТИТУЦИОННОЙ ЖАЛОБЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Кожедуб Елизавета Вячеславовна, студентка 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, kozhedubelizaveta86@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Шавцова А. В.

Республика Беларусь провозглашена в нормах Конституции как социальное правовое государство и согласно ст. 2 объявляет высшей целью и ценностью государства права и свободы человека. Под этим положением

следует понимать не только правовое закрепление прав и свобод, но и гарантии их фактической обеспеченности. В рамках конституционно-правовой реформы, в контексте республиканского референдума, состоявшегося 27 февраля 2022 г., одним из важных институтов защиты прав и свобод стала конституционная жалоба.

Статья 116-1 Конституции Республики Беларусь (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканском референдуме 27 февраля 2022 г.) устанавливает новый, ранее неизвестный законодательству институт частной конституционной жалобы. Согласно ч. 1 ст. 116-1 Конституции Конституционный Суд выносит решения по жалобам граждан на нарушения их конституционных прав и свобод, проверяя конституционность законов, примененных в конкретном деле, если исчерпаны все другие средства судебной защиты.

По результатам внесения изменений и дополнений в положения Конституции о конституционном судопроизводстве были внесены изменения в Закон Республики Беларусь от 8 января 2014 г. № 124-З «О конституционном судопроизводстве», вступившие в силу с 17 июля 2023 г. (далее – Закон). Согласно п. 5 ст. 2 Закона конституционная жалоба понимается как «обращение гражданина о проверке конституционности закона, примененного в конкретном деле, которым, по мнению гражданина, нарушены его конституционные права и свободы». Иные положения Закона уточняют круг лиц, обладающих правом обращения с конституционной жалобой в Конституционный Суд, требования, предъявляемые к содержанию жалобы и ее предмету.

Однако в правоприменительной практике институт частной конституционной жалобы сопровождается отдельными сложностями. Так, в частности, граждане, обладающие правом обращения в Конституционный Суд, ошибочно понимают, во-первых, под предметом конституционной жалобы – «нарушенные законом права человека», во-вторых, что Конституционный Суд обладает полномочиями суда последней инстанции, т. е. выносит решения об обоснованности и законности *принятого решения.* Однако следует отметить, что Конституционный Суд не вправе пересматривать законность и обоснованность решения, принятого судом общей юрисдикции, в том числе Верховным Судом, он проверяет конституционность *самой нормы закона*, на основании которой судом принималось решение.

К оформлению конституционной жалобы предъявляется ряд формальных требований, содержащихся в Законе, нарушение которых может препятствовать дальнейшему ее рассмотрению. Данные требования в Законе не детализированы и носят абстрактный характер, поэтому считаем целесообразным предусмотреть единую форму письменной жалобы наряду с формой электронного обращения в Конституционный Суд, обеспечивая право граждан на электронное обращение в государственные органы, предусмотренное ст. 3 Закона Республики Беларусь от 18.07.2011 № 300-З (в ред. от 17.07.2023) «Об обращениях граждан и юридических лиц».

Для решения данной проблемы судьями Конституционного Суда и иными специалистами были организованы и проведены мероприятия с участием адвокатов, предметом которых было обсуждение порядка составления, предмета и механизма подачи конституционной жалобы гражданами. Полагаем также целесообразным проведение разъяснительной работы среди граждан, используя СМИ, в том числе информационные передачи, путем проведения диалоговых площадок, ресурсов общественных библиотек, встреч депутатов с избирателями и т. д. Важным направлением разъяснительной правовой работы, направленной на составление конституционных жалоб, должны стать бесплатные консультации адвокатов, судей и специалистов общих судов, прокурорских работников, нотариусов, управлений и отделов по работе с обращениями граждан исполнительных комитетов и местных администраций, наконец, судей Конституционного Суда Республики Беларусь.

Статья 152 Закона ограничивает круг лиц, имеющих право подать конституционную жалобу, предоставляя такое право лишь гражданам Республики Беларусь. Однако правом на обращение в суд обладают также иностранцы. Конституционный Суд также является судом и его статус закреплен в главе 6 Конституции. Таким образом, право подачи конституционной жалобы необходимо предоставить и лицам, подпадающим под категорию «иностранцы». Кроме того, такой подход будет соответствовать конституционному принципу равенства, предусмотренному ст. 11 Конституции, ст. 4 Закона Республики Беларусь «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства», а также принципу защиты *каждого* в суде, предусмотренному ст. 60 Конституции.

Колесник О. И.

РОЛЬ И МЕСТО ВСЕБЕЛОРУССКОГО НАРОДНОГО СОБРАНИЯ В СИСТЕМЕ РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ

Колесник Ольга Игоревна, студентка 1 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, olgakaleznik@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Синицына А. М.

В период с 1996 по 2021 г. Всебелорусское народное собрание (далее – ВНС) созывалось шесть раз с периодичностью, примерно, один раз в пять лет. ВНС являлось формой реализацией гражданами права на участие в обсуждении и принятии решений по важным вопросам государственной и общественной жизни и представляло собой народный форум.

По итогам республиканского референдума, состоявшегося 27 февраля 2022 г., ВНС приобрело конституционный статус. На основании положений Конституции был принят Закон Республики Беларусь от 7 февраля 2023 г. № 248-З «О Всебелорусском народном собрании», который определил компетенцию, порядок формирования ВНС, принципы и организационные основы его деятельности, а также права и обязанности делегатов ВНС.

В апреле 2024 г. заседание ВНС впервые прошло в новом статусе. С наделением ВНС конституционным статусом фактически произошла реформа политической системы Республики Беларусь, так как появился новый элемент в механизме взаимодействия государственных органов, который совершенствует структуру органов власти и в то же время становится ее надежным стабилизирующим элементом. В связи с приданием ВНС статуса конституционного органа актуальным представляется решение вопроса о его месте и роли в системе разделения властей.

ВНС является высшим представительным органом народовластия Республики Беларусь. В белорусской науке высказывается мнение о том, что ВНС несколько возвышается над Парламентом и даже Президентом, поскольку им будут решаться ключевые вопросы. Несомненно, статус, приданный ВНС Конституцией, усиливает представительную ветвь власти в целом. Между тем ВНС, как высший представительный орган народовластия, охватывающий широкие слои белорусского народа, фактически представляет собой «надстройку» над всеми органами власти.

Одной из особенностей ВНС выступает то, что в его состав входят представители всех ветвей власти, а также представители, выдвигаемые местными Советами депутатов и субъектами гражданского общества.

Для решения поставленных перед ним стратегических задач ВНС наделено широкими полномочиями: утверждать основные направления внутренней и внешней политики, военную доктрину, концепцию национальной безопасности, программы социально-экономического развития страны, рассматривать вопрос о легитимности выборов, принимать решение о смещении Президента с должности, вводить на территории Республики Беларусь чрезвычайное или военное положение при наличии оснований, предусмотренных Конституцией, и в случае бездействия Президента по этим вопросам и др. Однако ВНС не вправе подменять иные государственные органы, вмешиваться в их деятельность.

Принятые ВНС решения имеют статус обязательных для исполнения и могут отменять правовые акты, иные решения государственных органов и должностных лиц, противоречащие интересам национальной безопасности. Отсутствие у ВНС права отменять акты судебных органов является реализацией конституционного принципа независимости судебной власти. Между тем ВНС влияет на судебную систему, участвуя в формировании высших органов судебной власти, списка народных заседателей.

Право законодательной инициативы реализуется ВНС посредством внесения в Палату представителей проектов законов. ВНС не подменяет собой Парламент. ВНС может служить площадкой для обсуждения важнейших законопроектов, обеспечивающей диалог между ветвями власти и принятие сбалансированных решений. Следует отметить, что ВНС реализует нормотворческую функцию. В частности, ВНС вправе принимать акты программного характера.

Наделения ВНС полномочиями на принятие решения о легитимности выборов, в том числе выборов Президента, выступает гарантом объективной оценки волеизъявления народа в период избирательных кампаний.

Взаимодействие ВНС с исполнительной ветвью власти строится по различным направлениям. Совет Министров обеспечивает исполнение решений ВНС. ВНС, в свою очередь, заслушивает Премьер-министра о выполнении программы социально-экономического развития, по итогам которого вправе внести в Правительство предложения по вопросам выполнения названной программы. Функционируя как координационный и консультативный орган, ВНС предоставляет исполнительной власти площадку для обсуждения насущных вопросов, что позволяет накапливать разнообразные мнения и вырабатывать компромиссные решения. Такое взаимодействие позволяет выявлять проблемные зоны и предлагать корректировки, максимально быстро реагируя на проблемы.

Таким образом, в ходе конституционной реформы создан дополнительный механизм сдержек и противовесов в политической системе Республики Беларусь. ВНС, как орган, призванный выполнять функции по стабилизации и консолидации общества, обеспечивать гарантии преемственности и устойчивости системы органов государственной власти, будет способствовать дальнейшему совершенствованию и укреплению политической системы страны, обеспечивать еще большую прозрачность деятельности властных структур, их подотчетность народу.

Курасова Н. Р.

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ МЕХАНИЗМА МЕЖДУНАРОДНОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВ ГРАЖДАН РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Курасова Наталья Руслановна, учащаяся 2 курса Юридического колледжа Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, natalikurasova15@gmail.com

Научный руководитель: преподаватель Балицевич-Рында Л. Н.

30 октября 2022 г. вступил в силу Закон Республики Беларусь «О денонсации Республикой Беларусь Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах (далее – МПГПП)», что означало непризнание компетенции Комитета по правам человека ООН (далее – Комитет ООН) принимать и рассматривать жалобы от лиц о нарушении Республикой Беларусь какого-либо из их прав, предусмотренных МПГПП. На официальном сайте Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь в обоснование законопроекта указано, что основанием для выхода из Факультативного протокола МПГПП является «произвольное расширение полномочий указанного комитета, создающее дополнительные необоснованные обязательства для государства, которые им не принимались при присоединении к международному акту». Денонсация вступила в силу через три месяца после письменного уведомления на имя Генерального секретаря ООН, после чего граждане Беларуси утратили возможность получать защиту через Комитет ООН.

Важно отметить, что для обеспечения реализации гражданами Беларуси их права обращаться в соответствии с международными договорами

Республики Беларусь в международные организации с целью защиты своих прав и свобод, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты (ст. 61 Конституции Республики Беларусь) еще до вступления в силу вышеупомянутого закона о денонсации были предприняты меры, направленные на запуск работы предусмотренной еще Уставом СНГ Комиссии по правам человека СНГ (далее – Комиссия) в целях дальнейшего обеспечения политических, экономических, социальных и других прав граждан стран – участниц СНГ. В октябре 2022 г. Совет глав государств утвердил новую редакцию Положения о Комиссии как консультативном органе для наблюдения за выполнением обязательств по правам человека, взятых на себя государствами-участниками в рамках Содружества.

Несмотря на проведенные реформы, на наш взгляд, существует ряд проблем, препятствующих реальной и эффективной работе Комиссии.

1. Субъектный состав Комиссии. Члены Комиссии являются представителями стран – участниц СНГ, при этом их независимость от правительств своих стран никак не обеспечена. Примечательно, что Комитет по правам человека ООН состоит из 18 независимых экспертов, которые избираются государствами – участниками МПГПП и действуют в личном качестве, а не как представители своих государств, что гарантирует независимость их решений и оценок. В связи с этим граждане государств – членов СНГ могут столкнуться с конфликтом интересов при подаче жалоб в Комиссию, если обращение против действий их правительства будет рассматриваться членом Комиссии, который является представителем этого государства. Это может вызывать сомнения в объективности и беспристрастности рассмотрения таких жалоб, что подрывает доверие к процессу и снижает вероятность справедливого решения.

2. Оговорки. Полагаем, авторитет и значимость Комиссии могут снижаться из-за выдвижения некоторыми странами оговорок к Положению о Комиссии о непризнании компетенции Комиссии рассматривать жалобы их граждан. Такие оговорки уже сделали Армения и Таджикистан. При этом представители этих стран входят в состав Комиссии и будут участвовать в рассмотрении и принятии решений в отношении других стран, подписавших Положение без оговорок. На наш взгляд, необходимо обеспечить независимое справедливое расследование и принятие решений Комиссией, поэтому целесообразно предусмотреть отвод члена Комиссии на участие в рассмотрении жалоб в подобных ситуациях, а в будущем и создание независимого экспертного состава Комиссии.

3. Ограниченная компетенция Комиссии, которая снижает объективность мониторинга прав человека. Считаем необходимым закрепить в Положении обязанность государств-членов оказывать Комиссии содействие в проведении независимых расследований и предоставлять необходимую информацию в полном объеме в рамках осуществления Комиссией ее компетенции, ввести обязательную систему отчетности о соблюдении прав человека со стороны государств-членов.

4. Правовые пробелы создают значительные препятствия для защиты прав граждан государств – членов Комиссии, поэтому необходимо скорейшее принятие решения Совета глав государств СНГ о порядке рассмотрения обращений государств и/или физических лиц по вопросам возможного нарушения прав человека, также важно разработать четкую процедуру подачи обращений в соответствии с компетенцией Комиссии.

5. Юридическая сила решений Комиссии. На наш взгляд, решения Комиссии по жалобам граждан должны носить не рекомендательный характер, как сейчас, а обязательный, также важно осуществлять контроль за их исполнением, чтобы обеспечить реальную защиту нарушенных прав и свобод человека.

Леонович А. О.

ВСЕБЕЛОРУССКОЕ НАРОДНОЕ СОБРАНИЕ В СИСТЕМЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Леонович Артемий Олегович, студент 1 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, artemiyleonlaw@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Киселёва Т. М.

По итогам республиканского референдума 27 февраля 2022 г. в Конституцию Республики Беларусь 1994 г. были внесены изменения и дополнения, в соответствии с которыми в правовой системе страны появился новый конституционный орган – Всебелорусское народное собрание (ВНС), призванный стать основой для демократизации Республики Беларусь, сочетая в себе все современные принципы народовластия и являясь уникальным политическим институтом.

Как политический институт Всебелорусское народное собрание существует с 1996 г., именно тогда оно было проведено впервые. За всю историю существования Республики Беларусь как суверенной державы было проведено шесть таких собраний, которые хотя и имели весомое социальное значение, но до настоящего времени носили совещательный характер, а решения ВНС были исключительно рекомендательными, поскольку никаких властных полномочий орган не имел.

В современных геополитических условиях актуализировался вопрос о консолидации белорусского общества и укреплении народного суверенитета, что послужило поводом для закрепления ВНС как высшего представительного органа народовластия на конституционном уровне.

ВНС занимает особое положение в системе государственных органов Республики Беларусь. Конституция Республики Беларусь провозглашает принцип разделения властей, в соответствии с которым единая государственная власть разделяется на законодательную, исполнительную и судебную. ВНС функционирует независимо от всех ветвей власти и не входит ни в одну из них, однако имеет достаточно широкие полномочия,

которые позволяют ему при необходимости разрешать правовые споры и конфликты между различными ветвями власти. Это исключает или минимизирует возможность возникновения и развития политического кризиса наподобие того, который случился в Беларуси в 1996 г.

Сущность ВНС проявляется в его широких полномочиях, часть из которых были переданы ему от Президента и Парламента (который, согласно Конституции, так же как и ВНС, является представительным органом). ВНС способен отменить правовой акт (за исключением судебных актов), противоречащий национальной безопасности, вне зависимости от того, какой государственный орган его принял. Данное полномочие возвышает ВНС над Национальным собранием, указывая на то, что в иерархии НПА решения ВНС стоят выше над законами и другими правовыми актами, даже если они приняты Национальным собранием. Помимо этого, Парламент лишился полномочия смещать действующего Президента с должности, данная прерогатива перешла ВНС. Эти обстоятельства имеют большое значение, поскольку ВНС формируется из 1200 делегатов, среди которых действующий глава государства, Президент, сложивший полномочия, представители законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти, многочисленные представители местных Советов депутатов и гражданского общества, которые выражают более широкий спектр общественного мнения всех слоев населения по вопросам, ставящимися перед ВНС, а значит, решения, принятые им, будь то отмена правового акта или вопрос о процедуре смещения Президента с должности, будут отражать общественное мнение всего населения.

В то же время и Национальное собрание получило некоторые новые полномочия, которые укрепили его власть как представительного органа. Так, срок полномочий Парламента был увеличен до 5 лет, была введена круглогодичная работа Парламента. Важным нововведением стало усиление контрольных полномочий путем предоставления права заслушивать отчеты Генерального прокурора, Председателя Комитета государственного контроля, Председателя Правления Национального банка. Кроме этого, за Парламентом все еще сохраняются многие важные функции, среди которых рассмотрение важнейших законопроектов, назначение выборов Президента, выражение вотума недоверия Правительству, принятие решений о роспуске местных Советов депутатов и т. д.

Перераспределение полномочий между представительными органами – Национальным собранием и ВНС, между Президентом и ВНС, а также увеличение полномочий ВНС, позволило создать более стабильную систему сдержек и противовесов государственной власти, минимизируя возможность возникновения каких-либо правовых конфликтов между ветвями государственной власти. Национальное собрание и ВНС обладают разными правовыми статусами, полномочиями и функциями, сосуществуют вместе и взаимодействуют для решения важных проблем, возникающих перед обществом и государством.

Выражая волеизъявление народа, влияя на все ветви государственной власти и ограничивая власть Президента, ВНС занимает доминирующее положение в системе представительства и является уникальным конституционным органом, не имеющим аналогов нигде в мире.

Новикова А. И.

РАЗВИТИЕ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ В РАМКАХ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА РОССИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Новикова Анна Ивановна, аспирантка 3 курса кафедры конституционного права имени профессора И. Е. Фарбера и профессора В. Т. Кабышева Саратовской государственной юридической академии, г. Саратов, Россия, novikova.ai@inbox.ru

Научный руководитель: доктор юрид. наук, профессор Заметина Т. В.

Истоки развития государственности Российской Федерации и Республики Беларусь, единые корни и общее историческое, социальное, экономическое и культурное прошлое российского и белорусского народов позволяют не только поддерживать братские взаимоотношения, реализовывать совместные проекты в сферах общих интересов и безопасности, но и развивать деятельность в рамках Союзного государства. Интеграционные процессы Союзного государства, обусловившие заключение договора России и Республики Беларусь 8 декабря 1999 г. «О создании Союзного государства», помимо основных векторов координации совместной деятельности, определили также правовые основы транснациональной судебной системы и заложили базис для развития этих процессов.

Договором предполагалось создание Союзного суда, который бы стал полноценным органом Союзного государства. Основное назначение суда виделось в единообразном толковании и применении нормативно-правовых актов Союзного государства. Высший Государственный Совет должен был утверждать Устав и Регламент Суда. Каждое государство-участник, органы Союзного государства наделялись правом передавать на рассмотрение Суда любые вопросы, связанные с толкованием и применением Договора, нормативно-правовых актов Союзного государства. Устанавливался порядок принятия решений Суда двумя третями голосов от общего числа судей, представленных Россией и Беларусью, но не более 5 судей, являющихся гражданами одного государства. Решения Союзного наделялись обязательной юридической силой и подлежали официальному опубликованию.

До настоящего времени Суд Союзного государства не сформирован и здесь не стоит забывать о специфике взаимодействия норм международного и национального права в каждой из стран. В силу действия норм ч. 4 ст. 15, ст. 79, 79.1 Конституции России международные договоры является частью правовой системы и, если международный договор России устанавливает иные правила, чем те, что закреплены в законе, то подлежат применению правила международного договора. При этом решения межгосударственных

органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации. Основной Закон Республики Беларусь аналогичным образом в ст. 18 Конституции закрепляет, что во внешней политике страна исходит из принципа невмешательства во внутренние дела и не допускает заключения международных договоров, которые противоречат Конституции (ст. 8). Подобная правовая регламентации позволяет сделать выводы, что приоритетом каждого из рассматриваемых государств выступают прежде всего его национальные интересы при возможном конфликте между нормами права.

Президент России В. В. Путин в ходе большой пресс-конференции в 2019 г. отмечал необходимость ускорения процессов создания суда за счет формирования наднациональных органов Союзного государства.

По мнению Председателя Верховного Суда Республики Беларусь Валентина Сукало, развитию этого процесса может способствовать принятие Конституционного акта Союзного государства. С. Н. Бабурин считает, что принятие Конституционного акта это серьезный шаг по усилению интеграции двух стран, который меняет не только их государственное устройство, но и геополитическую ситуацию. Проект акта был разработан еще в 2005 г., но о его применении, по мнению секретаря Союзного государства Григорий Рапоты, говорить пока рано. Предшествовать этому должна деятельность по формированию единого социально-экономического пространства и налоговой политики.

В декабре 2022 г. в ходе встречи Министра юстиции России и Министра юстиции Беларуси подписаны соглашения о сотрудничестве на 2023–2024 гг. Программа включает в себя деятельность по развитию нормотворчества, цифровизации, а также совершенствование договорно-правовой базы сотрудничества между Беларусью и Россией в сфере юстиции.

Одной из актуальных проблем правоприменения судебных актов в Союзном государстве является обеспечение эффективного исполнения решений суда одного государства на территории другого участника Союза. Так, Указом Президента Республики Беларусь от 31.10.2024 № 404 «О проекте международного договора» одобрен проект соглашения, заключенного с Россией, о взаимном исполнении судебных постановлений судами двух стран. Однако в решение данного вопроса речь должна идти не только о создании единой системы исполнительного производства, но и разработке санкции за уклонение от исполнения судебных решений на территории каждой из стран.

Предпосылки и условия для создания и развития Суда Союзного государства России и Беларуси заложены, но учитывая специфику действия норм национального права, необходимо провести работу по унификации нормативных актов, обобщению обширной правоприменительной практики, а также выработать единый понятийно-правовой аппарат в сфере юриспруденции, с целью исключения противоречий в деятельности Союзного государства. При тесном сотрудничестве государств это возможно.

Махмудов М. К.

РЕАЛИЗАЦИЯ И ЗАЩИТА КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ГРАЖДАН В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Махмудов Мурад Камильевич, студент 2 курса Института прокуратуры Саратовской государственной юридической академии, г. Саратов, Россия, murad.makhmudov.05.ru@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Угланова О. А.

Цифровизация всех сфер деятельности является одной из ключевых целей развития Российской Федерации на период до 2030 г.

Современные процессы цифровизации общества воздействую на все сферы нашей жизни, в том числе на объем и содержание конституционного статуса гражданина. Возможности, которые несет информационная среда, способствуют быстрому обмену информацией между большим количеством лиц. При этом особенную актуальность приобретает необходимость введения определенных ограничений на создание и распространение информации, которая создает или могла бы создать угрозу нарушения прав граждан и юридических лиц. Так, в 2022 г. Президент Российской Федерации В. В. Путин дал поручение Правительству РФ разработать проект концепции обеспечения защиты прав и свобод человека и гражданина в цифровом пространстве Российской Федерации, включающий в себя мероприятия по повышению цифровой грамотности граждан РФ.

В концепции отражено, что в цифровом пространстве Российской Федерации подлежат защите специфические права и свободы человека и гражданина (в том числе: право самостоятельно распоряжаться своим цифровым профилем, право на забвение в цифровой среде).

При реализации конституционных прав необходимо обеспечить осуществление права на достоинство личности и его защиту, с одной стороны, соблюдая права на получение информации и иных гарантированных прав, с другой. Обязательным является соблюдение конфиденциальности информации, доступ к которой ограничен федеральными законами. Законодательно ограничен доступ к персональным данным гражданина и их распространение, в том числе с использованием современных цифровых технологий.

В случае обнаружения в информационной среде противоречащей закону информации прокурором или иными заинтересованными лицами принимаются меры по удалению такой информации. Прокурор или заинтересованные лица вправе обратиться в суд с заявлением о защите и восстановлении нарушенных прав в гражданском, административном или уголовном порядке в зависимости от характера нарушения. С развитием информационных технологий на законодательном уровне приняты повышенные меры защиты от действий лиц, нарушающих конституционные права граждан, совершенных с использованием цифровых технологий, в том числе в сети Интернет.

Административное и уголовное законодательство содержат большое количество специальных норм, необходимых для защиты конституционных прав граждан в сфере компьютерных и информационных технологий. Тем не менее с развитием новых технологий появляется необходимость в совершенствовании таких норм.

В Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Уголовный кодекс Российской Федерации в последние годы внесено значительное количество изменений, которые криминализуют правонарушения, совершенные с использованием цифровых технологий, в том числе с использованием сети Интернет.

Статья 31 Конституции Российской Федерации провозглашает право граждан РФ проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование. Статья 32 закрепляет право участвовать в управлении делами государства, избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, участвовать в референдуме. С наступлением эры цифровизации возможность реализации этих прав претерпела значительные изменения. Например: в апреле 2020 г. в Ростове-на-Дону прошел первый «виртуальный митинг» в сети Интернет.

Возможность реализации экономических прав граждан также значительно расширилась в век цифровых технологий. 49 % россиян используют Интернет для совершения финансовых операций. Все большее количество россиян используют электронные средства платежа; сделки также могут быть совершены в электронном виде и подписаны электронными подписями; имущественные права могут быть зарегистрированы и включены в различные реестры при помощи специальных электронных комплексов, которые повсеместно внедряются в деятельность государственных органов.

Считаем, что информационные технологии за последние годы наполнили новым содержанием многие конституционные права граждан, фактически создали новые формы их реализации, что можно отнести к положительным моментам, способствующим дальнейшему их развитию и совершенствованию.

Модзелевская Ю. А.

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ СТАТУСА ЛИЧНОСТИ ПО КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ 1994 ГОДА И КОНСТИТУЦИИ ЧЕШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ 1992 ГОДА

Модзелевская Юлия Александровна, студентка 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, yuliamodzel@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Масловская Т. С.

Правовой статус личности является объектом конституционного регулирования, характерным для Конституций Республики Беларусь (далее – Конституция Беларуси) и Чешской Республики (далее – Конституции Чехии).

В Республике Беларусь правовой статус личности закреплен в разделе II Конституции, принятой 15 марта 1994 г. В Конституции Чешской Республики отсутствуют главы, посвященные правовому статусу личности,

гражданина. Соответствующие положения содержатся в Хартии основных прав и свобод (далее – Хартия), которая была принята 16 декабря 1992 г. и является составной частью Конституции. Хартия основных прав и свобод – это акт конституционного значения, в котором закреплены личные, политические, экономические, социальные и культурные права и обязанности человека, а также национальных и этнических меньшинств.

В Конституции Беларуси и чешской Хартии есть схожие положения, характеризующие правовой статус личности. К таким положениям относятся, например: право на жизнь (ст. 24 Конституции Беларуси, ст. 6 Хартии), запрет на дискриминацию при обеспечении прав и свобод (ст. 22 Конституции Беларуси, ст. 3 Хартии), право на неприкосновенность личности, уважение достоинства личности (ст. 25 Конституции Беларуси, ст. 7, 10 Хартии), презумпция невиновности (ст. 26 Конституции Беларуси, ст. 40 Хартии) и иные.

В ст. 2 Конституции Беларуси установлено, что человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства. В преамбуле Хартии признается нерушимость естественных прав человека, прав гражданина и верховенство закона. Статья 1 Хартии также закрепляет, что люди являются свободными и равными в достоинстве и правах. Основные права и свободы неотъемлемы, неотчуждаемы, не подлежат давности и отмене. Из данных норм можно сделать вывод, что Конституция Беларуси и Хартия основных прав и свобод подчеркивают ценность прав и свобод человека.

Помимо основных прав, в Основном Законе Беларуси закреплены также основные обязанности человека перед государством. К таким обязанностям относятся: обязанность соблюдать Конституцию Республики Беларусь, обязанность уважать права и свободы других лиц, обязанность беречь историко-культурные ценности страны и иное. В Хартии же про обязанности указано только то, что они могут возлагаться только на основании закона, в его пределах и при условии соблюдения основных прав и свобод. Обязанности гражданина закреплены в иных актах. Например, в ст. 3 Конституционного закона от 22 апреля 1998 г. «О безопасности Чешской Республики» указано, что государственные органы, территориальные органы самоуправления, а также юридические и физические лица обязаны принимать участие в обеспечении безопасности Чешской Республики. В Гражданском кодексе Чехии (§ 6) закреплено, что каждый обязан выступать и действовать в правоотношениях честно. В Трудовом кодексе Чехии закреплена обязанность работодателя обеспечить равное обращение со всеми работниками в отношении условий труда. Таким образом, в Чехии отдельные обязанности не вынесены на конституционный уровень.

В отличие от Конституции Беларуси, в Хартии основных прав и свобод Чехии права человека четко разделены на виды: политические (право петиции), права национальных и этнических меньшинств (право совместно с другими представителями меньшинства развивать собственную культуру, распространять и получать информацию на родном языке и объединяться в

национальные объединения), экономические, социальные и культурные права (каждый имеет право на свободный выбор профессии и подготовку к ней; женщины, молодежь и лица с нарушениями здоровья имеют право на повышенную охрану здоровья в процессе труда и особые условия труда), личные (право на жизнь, право на судебную и иную правовую защиту и др.).

В результате внесенных изменений и дополнений в Конституцию Беларуси 27 февраля 2022 г. были включены нормы о правах инвалидов (ст. 47), молодежи (ст. 32-1), а также расширен круг конституционных обязанностей (ч. 3 ст. 32, ст. 52, ст. 55, ч. 1 ст. 45, ч. 2 ст. 54).

В заключение можно отметить, что Конституция Беларуси и Конституция Чехии имеют свои особенности. Так, в Чехии права и свободы личности, закреплены в Хартии основных прав и свобод и четко разделены на виды. В то же время здесь отсутствует перечень конституционных обязанностей В Конституции Республики Беларусь закреплены не только основные права, свободы, но и обязанности, что в полной мере отражает важнейшие элементы конституционного статуса личности и выступает достоинством белорусской конституционной модели.

Пашкевич М. С.

КОНСТИТУЦИИ ТУНИСА 2014 И 2023 гг.: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Пашкевич Мария Сергеевна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, paskevic546@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Масловская Т. С.

Конституция Туниса 2014 г. была принята после «арабской весны» 2011 г. и сыграла ключевую роль в демократических преобразованиях Туниса, установив основы для защиты прав человека, свобод и демократического управления.

В свою очередь, Конституция 2023 г. представляет собой попытку пересмотра некоторых положений предыдущей конституции, отражая изменения в политической ситуации страны. Она акцентирует внимание на концентрации власти, что вызывает опасения относительно возможного ослабления демократических принципов и прав граждан. Выходит, что новые изменения поднимают важные вопросы о будущем демократии и стабильности в Тунисе.

Конституция Туниса 2014 г. установила президентско-парламентскую систему. В соответствии с этой конституцией президент имел ограниченные полномочия, а парламент играл ключевую роль в управлении. С другой стороны, Конституция 2023 г. отражает изменения в политической ситуации страны и направлена на пересмотр некоторых положений предыдущей конституции. В ней наблюдается уклон в сторону увеличения компетенции президента, где последнему предоставляются расширенные полномочия, что может приводить к централизации власти и ослаблению роли парламента.

Во-первых, президент получил возможность самостоятельно назначать и освобождать министров без необходимости согласования с парламентом, что снижает роль законодательного органа в формировании правительства. Во-вторых, президенту было предоставлено право распускать парламент, который сейчас состоит из двух палат: Собрания народных представителей и Национального совета регионов, что выступает важным элементом системы сдержек и противовесов. Также у президента стало больше полномочий в законотворческом процессе. Президент может отклонять законы, принятые парламентом. Он также получил право назначать на высокие гражданские и военные должности и объявлять чрезвычайное положение в случае «непосредственной опасности» без контроля со стороны других органов или временных ограничений. Важно отметить, что проект не включает процедуры для возможного отстранения президента, в отличие от Конституции 2014 г., которая в ст. 88 предусматривала такую возможность в случае «явного нарушения Конституции». В Конституции 2023 г. сохранено ограничение на два срока президентства, однако исключено условие, запрещающее вносить изменения в текст Конституции с целью увеличения количества сроков.

На основе указанных изменений можно сделать вывод о том, что Тунис движется от парламентско-президентской формы правления к президентской, поскольку Конституция 2023 г. ослабляет роль законодательных органов и расширяет полномочия президента, в том числе в законотворческом процессе.

В новой Конституции Туниса 2023 г. добавляется обязательство предотвращать разжигание ненависти и насилия, чего не упоминалось в 2014 г. Предполагаем, это связано с внутренней политической обстановкой, сложившейся еще перед принятием Конституции.

Вопрос о роли религии также претерпевает изменения, поскольку прямого закрепления ислама как государственной религии непосредственно в статьях Конституции нет, только указание в преамбуле. Указание на религию в преамбуле, а не в конкретных статьях, может свидетельствовать о более гибком подходе к ее роли в обществе, хотя Тунис останется частью Уммы. Это может дать возможность для интерпретации и адаптации религиозных принципов в контексте современных демократических норм и прав человека. Такой подход помогает сбалансировать традиционные ценности с необходимостью обеспечить свободу совести и вероисповедания для всех граждан. Однако отсутствие закрепления религии в конкретных статьях конституции может также привести к неопределенности в исторически религиозном государстве.

Стоит отметить, что принятие новой конституции было не совсем однозначным, поскольку явка граждан составила около 27 %, хотя проект конституции поддержали более 90 % из проголосовавших на референдуме.

Таким образом, Конституция Туниса 2023 г. представляет собой новый этап в конституционном развитии государства, демонстрируя в некоторой степени шаг назад в отношении демократических принципов, заложенных в 2014 г.

Печёнкина А. Д.

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ПРЕДЕЛЫ ВНУТРИПАРТИЙНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Печёнкина Алина Денисовна, студентка 2 курса Саратовской государственной юридической академии, г. Саратов, Россия, denisovna.alina2005@yandex.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Угланова О. А.

Поправками к Конституции Российской Федерации 2020 г. закреплены такие ключевые элементы, как взаимное доверие между государством и обществом, сбалансированное распределение прав и обязанностей граждан, социальное партнерство и политическая солидарность. Эти элементы определили основные направления дальнейшего развития общественных отношений и обусловили целесообразность и необходимость совершенствования законодательства и правоприменительной практики в различных сферах жизни страны, включая сферу взаимодействия государства с политическими партиями.

С увеличением роли политический партий в избирательных правоотношениях проблема защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина приобретает особую значимость при реализации мер внутрипартийной ответственности.

Внутрипартийная ответственность представляет собой реализацию закрепленных в уставах и иных документах политической партии санкций в случае совершения ее членом партийного проступка. При этом следует рассматривать исключительно в ретроспективном аспекте, т. е. представляющем собой применение мер ответственности за совершенное нарушение (направлена в прошлое).

Внутрипартийная ответственность является эффективным механизмом защиты законных интересов политических партий и политических прав, что подтверждается судебными и партийными актами о ее реализации. Внутрипартийная ответственность:

1) обеспечивает исполнение индивидуальными субъектами партийных отношений своих обязанностей, пресекает нарушения, а также злоупотребления правами. Так, в 2014 г. Смоленский областной суд признал обоснованным исключение С. Н. Иванова из политической партии «Коммунистическая партия Российской Федерации» в связи с установлением факта его работы в качестве помощника депутата Смоленской областной Думы от Всероссийской политической партии «Единая Россия»; Верховный Суд Российской Федерации признал обоснованным исключение из списка кандидатов в депутаты С. В. Андреева за систематические нарушения устава партии, неисполнение обязанности по оплате членских взносов;

2) предупреждает неправомерное вмешательство в деятельность политической партии. Например, 13 марта 2015 г. Верховный суд Республики Татарстан признал соответствующим закону исключение из Татарстанского

районного отделения КПРФ А. В. Буторина, который препятствовал нормальной партийной деятельности и нанес ущерб репутации партии своими обращениями в государственные органы с целью организации проверок. А. В. Буторин, в свою очередь, указывал на необоснованность обвинения, ссылаясь на отсутствие судебных решений о нанесении им ущерба партии. Однако суд справедливо посчитал его многочисленные письменные обращения в органы публичной власти достаточным и документально подтвержденным основанием исключения.

Необходимо отметить, что правомерная реализация мер внутрипартийной ответственности возможна только для защиты прав и законных интересов политической партии. Использование этого института в личных, корпоративных или политических целях обычно выражается в той или иной форме недобросовестной политической конкуренции и приводит к нарушению прав индивидуальных субъектов партийных отношений. Выражение такой недобросовестности можно увидеть в следующем:

1) личная заинтересованность выражается в намерениях получить мандат, использовать должностное положение для материального обогащения, укрепить авторитет должностного лица партии посредством отстранения от партийной деятельности политического конкурента;

2) в корпоративных целях внутрипартийная ответственность используется при несоблюдении предписаний, направленных на реализацию программных положений партии, но не в полной мере соответствующих закону.

Так, внутрипартийная ответственность способна повлечь конституционно-правовые последствия, что способствует актуализации проблемы обеспечения соблюдения демократических принципов равноправия, законности и гласности. Отсутствие законодательных гарантий реализации указанных принципов может способствовать неправомерному привлечению лиц к внутрипартийной ответственности, что нарушает их политические права.

Под мерами внутрипартийной ответственности следует понимать негативные для индивидуального субъекта партийных отношений последствия морального (предупреждение, выговор, строгий выговор и др.) либо организационного (отстранение от руководящих полномочий в партии, исключение из партии, отзыв кандидата, исключение кандидата в депутаты из списка кандидатов и др.) характера.

Существующие в настоящее время меры внутрипартийной ответственности можно разделить на две группы:

1) меры, не способные повлечь конституционно-правовые последствия. Их, в свою очередь, можно подразделить на меры морального и организационного воздействия. В основном в уставах политических партий закрепляют систему мер морального воздействия: замечание и предупреждение; предупреждение, порицание, выговор, строгий выговор.

Меры организационного характера применяются в отношении должностных лиц политической партии. Они включают в себя меры, применяемые к лицам, которые: а) входят в состав коллегиальных партийных

органов – прекращение статуса члена выборного органа; б) замещают руководящие партийные должности – несоответствие занимаемой должности, отстранение от руководящих полномочий, досрочное прекращение полномочий руководителя фракции.

2) меры, способные влечь конституционно-правовые последствия: исключение из партии. Применение этой меры лишает гражданина статуса члена политической партии и прекращает реализацию его конституционного права на объединение посредством членства в конкретной партии. Стоит упомянуть и об отзыве кандидата, выдвинутого по одномандатному (многомандатному) избирательному округу политической партией; отзыв списка кандидатов, выдвинутого политической партией; исключение кандидата из списка кандидатов в депутаты, выдвинутого политической партией; изменение очередности кандидата в депутаты в списке кандидатов.

На наш взгляд, существование четко определенных рамок внутрипартийной ответственности позволяет предотвратить злоупотребления властью внутри партий. Такими рамками будут являться конституционно-правовые пределы внутрипартийной ответственности, по которым следует понимать ограничения политических партий в установлении и реализации ими мер внутрипартийной ответственности, предусмотренные Конституцией Российской Федерации и федеральным законодательством в целях защиты политических прав членов партий.

Пивоваров К. М.

РАЗВИТИЕ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ЭПОХУ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Пивоваров Кирилл Максимович, студент 2 курса Института прокуратуры Саратовской государственной юридической академии, г. Саратов, Россия, kirillpivovarov04@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Угланова О. А.

На сегодняшний день сформированы три классических поколения прав человека: 1) поколение личных и политических прав; 2) поколение социальных, экономических и культурных прав, закрепленных в национальном законодательстве ряда развитых стран мира; 3) поколение коллективных прав, закрепленных в международных стандартах ООН. Так, с недавнего времени стали активно обсуждаться виртуальные, цифровые права человека как новое поколение прав человека. Так, в июне 2024 г. мы стали свидетелями того, что глава государства В. В. Путин отметил, что пятое структурное изменение – это настоящая цифровая платформенная революция. В современных условиях производительность труда напрямую связана с цифровизацией, с использованием технологий искусственного интеллекта. К 2030 г. планируется сформировать цифровые платформы во всех ключевых отраслях экономики и социальной сферы. Эти задачи будут решаться в рамках нового нацпроекта «Экономика данных».

Но не стоит забывать, что цифровизация сама по себе не заменит личных контактов и встреч с людьми, регулярного общения с ними – важнейший фактор повышения взаимопонимания и доверия между гражданами и местной властью. В 2023 г. Президент отметил, что на его взгляд, «очень важно и непосредственное участие жителей в принятии решений». Путин напомнил, что для этого в стране создано много инструментов, например, возможность голосования за определение приоритетных объектов благоустройства. «Такие проекты и программы способствуют притяжению талантливых людей, формированию новых точек роста, объединению и самореализации граждан, продвижению их инициатив».

Цифровизация политики, экономики, культуры ставит перед государством задачу признания и защиты цифровых прав и свобод человека и гражданина, так как от этого зависит правовая защита и обеспечение правовой безопасности личности и общества в целом. Так, государство анонсировало новый нацпроект по цифровой трансформации, который не только объединит существующие инструменты развития цифровой экономики, технологий искусственного интеллекта и других хайтек-проектов, но и позволит выстроить единый механизм создания и внедрения разработок. Нацпроект должен охватить все этапы жизни данных как ключа к новому этапу цифровой трансформации. Эксперты надеются, что формат нацпроекта позволит решить и нынешние проблемы с открытостью и доступом к государственным данным, а также даст возможность работать с обезличенными массивами информации.

Если говорить о правах человека в цифровой век в контексте международной защиты прав человека, то тут можно отметить, что 3 июня 2011 г. была принята резолюция Генеральной Ассамблеи ООН, содержащая следующие важные положения: 1) право на доступ к Интернету является одним из неотъемлемых прав человека; 2) отключение конкретных регионов от Интернета с июня 2011 г. считается нарушением прав человека; 3) распространение информации в Интернете должно быть свободным, ограничиваясь лишь теми фактами, когда такое распространение может привести к нарушению чьих-нибудь прав (имеется в виду утечка данных вследствие кибер-атак)

На Саммите будущего, который проходил в Нью-Йорке 22–23 сентября 2024 г., государства – члены ООН приняли Глобальный цифровой договор (ГЦД) как одно из приложений к Пакту будущего. ГЦД затрагивает вопросы управления Интернетом, преодоления цифрового разрыва, выработки международных правил для платформ социальных сетей и регулирования искусственного интеллекта и ряд других смежных вопросов. Несмотря на значимость и остроту проблематики, сформулированные в ГЦД принципы носят предвзятый и несбалансированный характер. Документ завышает роль негосударственных актов в управлении Интернетом, способствуя размыванию межправительственной природы ООН, акцентирует значимость прав человека в западной трактовке и не учитывает принцип государственного суверенитета. Россия не поддержала ГЦД, дистанцировавшись от консенсуса, а сам текст

получил в российском обществе преимущественно негативные оценки, как на уровне официальных лиц, так и среди экспертного сообщества.

Для нашей страны, которая является первопроходцем в обсуждении вопросов информационной безопасности и цифрового суверенитета, справедливая и инклюзивная система глобального управления в цифровом пространстве имеет приоритетное значение. Однако, несмотря на очевидные недостатки ГЦД, затронутые в нем вопросы нуждаются во внимательном анализе. В условиях повсеместной и стремительной цифровизации данная проблематика является одной из приоритетных в повестке ООН.

В качестве основных цифровых прав человека можно отметить следующие: 1) право на доступ к Интернету (к сети Интернет): реализация данного права предполагает отсутствие ограничений на доступ к Интернету у любого человека; 2) право на поиск, получение и передачу информации; 3) право на использование, создание и публикацию цифровых произведений, при реализации которого необходима защита не только правообладателей произведения, но и его пользователей (потребителей); 4) право на приватность в Интернете: конфиденциальность персональных данных, закрепленная законодателем в Федеральном законе «О персональных данных» от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ

6) право на свободу слова: данное право было изначально закреплено в Конституции РФ (ст. 29), однако в контексте цифровых прав оно расширяет свое действие и на сеть Интернет

Таким образом, анализ содержания цифровых прав и свобод делает актуальным следующий вопрос: являются ли права, которые формируются в цифровую эпоху, новым поколением прав человека? С одной стороны, процесс цифровизации не формирует целого каталога принципиально новых прав человека. С другой стороны, цифровые права требуют принципиально новых способов их признания и регулирования, соблюдения, обеспечения и защиты.

Попович Е. В.

ТАЙНА УСЫНОВЛЕНИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ ПРАВА НА НЕВМЕШАТЕЛЬСТВО В ЧАСТНУЮ ЖИЗНЬ

Попович Елизавета Владимировна, студентка 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, p.elisaweta@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Киселёва Т. М.

Частная жизнь человека на современном этапе развития приобретает новое содержание, что связано как с расширением понимания данного права, так и с появлением новых угроз вторжения в частную сферу другого субъекта. В соответствии со ст. 28 Конституции Республики Беларусь каждый имеет право на защиту от незаконного вмешательства в его частную жизнь. Частная жизнь является сложным явлением, включающим в себя

различные компоненты, одним из которых выступает тайная информация, особое место в которой занимает тайна усыновления.

Тайна усыновления вызывает ряд вопросов, связанных с ее назначением и обеспечением. С одной стороны, она защищает права усыновленных детей и усыновителей, с другой – создает некоторые сложности в непосредственной защите этих данных. Исходя из ст. 136 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье (далее – КоБС) можно понять, что органы и лица, которые каким-либо образом стали осведомлены об усыновлении, обязаны сохранять тайну усыновления. Требует внимания вопрос распространения данной тайны на таких субъектов, как усыновители, биологические родители ребенка и сам усыновленный.

Усыновление оказывает огромное влияние на жизнь усыновителей. Они принимают на себя ответственность за воспитание ребенка, а также за его физическое, психическое и нравственное развитие. В свою очередь, сохранение тайны усыновления предоставляет усыновителям следующие права: создание собственной семейной истории, защиту от нежелательного вмешательства и дискриминации (тайна усыновления ограждает от излишнего внимания со стороны биологических родителей и родственников, других людей), право на конфиденциальность сведений об усыновлении (сохранение личных данных), укрепление и сохранение семейных связей.

Усыновленные дети имеют в этом процессе ключевое значение. Так, они, например, имеют право на защиту от разглашения информации о своем усыновлении, если они этого не хотят, имеют право самостоятельно решать, когда и насколько они готовы делиться информацией о своем усыновлении. Но здесь может возникнуть момент с давлением со стороны усыновителей, биологических родителей или любых иных заинтересованных в этом деле лиц, которые могут раскрыть тайну усыновления без согласия усыновленного, что может повлечь необратимые последствия для ребенка. С развитием информационно-коммуникационных технологий также следует упомянуть разглашение сведений в сети Интернет, которые могут быть как правдивыми, так и фейковыми.

Также обратим внимание на то, что усыновленным предоставляется право на информацию о своих биологических родителях. Усыновленный ребенок, который достиг 18 лет, вправе получить от органов опеки и попечительства, а также от суда сведения, касающиеся его усыновления.

Следует отметить определенную несогласованность в реализации тайны усыновления. В частности, для обеспечения тайны усыновления и в интересах ребенка по просьбе усыновителей могут быть изменены дата рождения усыновленного ребенка, но не более чем на один год, а также место его рождения в пределах страны. Изменение фамилии, собственного имени и отчества усыновленного ребенка, достигшего 10 лет, по общему правилу, может быть произведено только с его согласия. Ребенок, достигший 10 лет, становится носителем тайны усыновления, если мы не говорим об исключительных случаях проживания до этого с усыновителями и признания

ребенком таких лиц в качестве родителей, что, в свою очередь, не обеспечивает элемент тайности непосредственно для самого ребенка.

Если говорить об усыновлении братьев и сестер разными лицами, то в случае разъединения братьев и сестер при усыновлении суд возлагает на усыновителя обязанность сообщать ребенку об имеющихся у него братьях и сестрах и их местонахождении. Данное положение также свидетельствует о неоднозначности исполнения тайны усыновления.

Если говорить с позиции биологических родителей про тайну усыновления, здесь также возникают свои сложности. Законодательство предоставляет им право на сохранение конфиденциальности своих персональных данных и защиту от нежелательного вмешательства в их личную жизнь. Усыновление полностью прерывает связи между ребенком и его родителями, родственниками, поэтому общаться со своими настоящими родителями усыновленный ребенок не может. Однако биологические родители могут обратиться к органам опеки и попечительства или в суд за информацией о ребенке, достигшем 18 лет, при условии, что усыновленный не возражает против этого.

Тайна усыновления в Беларуси представляет собой баланс между правами ребенка, потребностями усыновителей, биологических родителей и требованиями общественности. На наш взгляд, система усыновления требует дальнейших обсуждений и усовершенствований, чтобы гарантировать эффективную защиту прав всех заинтересованных лиц, а в большей мере это должно отражаться на условиях для развития и благополучия усыновленных детей.

Радюк А. Д.

ИНСТИТУТ РЕФЕРЕНДУМА В КОНТЕКСТЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ РЕФОРМ

Радюк Артём Дмитриевич, обучающийся 1 курса Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия,
radiukar@yandex.ru

Научный руководитель: младший научный сотрудник юридического факультета СПбГУ Семченков А. А.

В третьем десятилетии XXI в. на постсоветском пространстве конституционные реформы становятся инструментом усовершенствования и адаптации правовой системы к современным тенденциям. Процесс изменения текста Конституции до его завершения играет ключевую роль в общественно-политической жизни государства. Основным способом непосредственного участия граждан в утверждении конституционной реформы является референдум.

Актуальность темы обусловлена тем, что в рамках последних конституционных реформ в таких странах, как Беларусь, Россия, Казахстан, Кыргызстан, решение о внесении поправок в конституции принималось

посредством народного голосования, что означает формирование на постсоветском пространстве такой конституционной ценности, как использование института референдума для учета волеизъявления граждан в процессе утверждения новой редакции Конституции.

Изменения и дополнения в Конституцию Республики Беларусь принимались на трех республиканских референдумах: 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г. и 27 февраля 2022 г.

В соответствии со ст. 140 Конституции Беларуси разделы I, II, IV, VIII Основного Закона Беларуси могут быть изменены только путем референдума. В российской Конституции положения глав 1, 2, 9 не могут быть пересмотрены Федеральным Собранием, а для поправок в главы 3–8 проведение всенародного голосования не является обязательным.

Дополнительным условием внесения поправок в Конституцию России в 2020 г. являлось всенародное голосование, этот формат не соответствует понятию «референдум», так как его проведение не соответствует требованиям Федерального конституционного закона от 28.06.2004 № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации». Всенародное голосование 2020 г. по вопросу внесения поправок в Конституцию России понимается как гибридное понятие референдума и регламентировалось Федеральным законом Российской Федерации о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». Но введенный в законодательство в 2020 г. термин «всенародное голосование» в Конституции России 1993 г. в ст. 135 понимается в очевидном значении определения «референдум».

Проведение референдума требует тщательной подготовки, что включает в себя решение организационно-правовых моментов обеспечения голосования. Важно проинформировать граждан о грядущих изменениях в Конституции, необходимо предоставить возможности для диалога и обсуждения различных точек зрения, чтобы решение, выносимое на голосование, было полностью осознано народом. Реализация данного механизма выражения воли народа повышает уровень вовлеченности граждан в управление страной, улучшает уровень правовой и политической культуры граждан.

Именно назначение референдума или всенародного голосования по изменению Конституции влечет за собой особо активное обсуждение проекта предполагаемых изменений между широкими кругами граждан, так как люди чувствуют личную ответственность за решение, которое они примут.

Таким образом, институт референдума является эффективным инструментом отражения воли большинства при проведении конституционных реформ и наилучшей возможностью придания изменениям в Конституции легитимности. Также важно организовывать референдум (народное голосование) на основе демократических принципов и не допустить манипуляции мнениями.

Саевич А. П.

ОПЫТ ЭЛЕКТРОННОГО ГОЛОСОВАНИЯ НА МУНИЦИПАЛЬНЫХ ВЫБОРАХ В ФИНЛЯНДСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Саевич Артём Павлович, магистрант 1 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, artyom.saevich.77@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Масловская Т. С.

Проект по внедрению электронного голосования в Финляндии был инициирован в 2005 г. Перед началом реализации данного проекта Министерство юстиции изложило общие принципы электронного голосования в основных документах – меморандумах от 19 мая 2003, 12 января 2005 гг. о разработке избирательной информационной системы. Соответствующее предложение было представлено Парламенту 10 марта 2006 г. и нашло одобрение депутатского корпуса. На муниципальных выборах в Финляндии 2008 г. Министерство юстиции впервые организовало электронные выборы в трех муниципалитетах: Карккила, Кауниайнен и Вихти.

В этих муниципалитетах избиратели смогли проголосовать электронным способом на избирательных участках либо в день выборов, либо в период досрочного голосования. Электронное голосование как до, так и в день выборов, проводилось на всех избирательных участках трех муниципалитетов. Также было разрешено традиционное голосование бюллетенями. Дистанционное голосование через Интернет было невозможно на тот период в силу еще слабой распространенности сети среди избирателей.

Оформление данного эксперимента с проведением электронных выборов было оформлено подзаконным актом – Положением об электронном голосовании в Финляндской Республике, действовавшим до конца 2008 г.

По результатам эксперимента был подготовлен Меморандум Министерства юстиции от 30 сентября 2009 г. Министерство юстиции получило 30 заявлений и жалоб, а также были проведены консультации с заинтересованными гражданами и общественными организациями.

Было принято решение о том, что внедрение электронного голосования на избирательных участках пока продолжаться не будет, а вместо этого будет сохранена действующая (традиционная) избирательная система.

На заседании Правительства Финляндии от 24 октября 2016 г. было озвучено, что начнется подготовка к внедрению электронного голосования в качестве альтернативы традиционному голосованию на всех выборах.

Согласно заключению ответственной рабочей группы от 19.12.2017, система онлайн-голосования технически осуществима, но технология еще не находится на достаточно высоком уровне, чтобы соответствовать всем требованиям.

Анализируя опыт Финляндской Республики, приходим к выводу что, при внедрении электронного голосования нужно учитывать такие проблемы, как:

1) сложность использования «личного кабинета избирателя» при проведении избирательной процедуры;

2) отсутствие системы контроля за явкой избирателя только посредством голосования на электронной платформе или в традиционном формате;

3) техническая сложность обеспечения избирательного процесса, требующая как большого числа высококвалифицированных специалистов в области информационных технологий, так и оплаты труда таких специалистов, а также дорогостоящего технического оборудования для обработки и защиты информации;

4) сложность в обеспечении безопасности проведения выборов, во избежание взлома систем, а соответственно, недостоверности результатов выборов, сложности в мерах по сохранению тайны цифрового голосования, которые требуют разработки мер по шифрованию каждого пользователя и его волеизъявления;

5) определенный консерватизм граждан, проявившийся в процессе, когда избиратели не смогли/ не пожелали освоить технические системы электронных выборов, боялись за конфиденциальность сведений либо отказались от электронного участия в принципе (1,9 % от числа голосовавших).

Опыт проведения муниципальных выборов 2017 и 2021 гг. в Финляндской Республике показывает, что электронные формы голосования не применяются.

Целями введения института электронного голосования были упрощение процедуры выборов, увеличение явки избирателей, оцифровка выборов. Однако внедрение электронного голосования включает в себя гораздо больше, чем просто онлайн-голосование.

Поскольку недоверие к прозрачности проведения электронных выборов, простота традиционной формы голосования являются существенным барьером для внедрения элементов электронного голосования, по нашему мнению, только внедрения института электронного голосования для достижения означенных целей недостаточно – необходимо обратить внимание на подготовительный этап: активное правовое просвещение граждан, информирование о применении цифрового голосования, его простоту в применении.

Самаль Е. П.

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Самаль Евгения Павловна, студентка 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, samalzhenka00gmail.com

Научный руководитель: старший преподаватель Куневич Г. Г.

Согласно Конституции Республики Беларусь прокуратура выделена в особую систему органов, призванных выполнять функцию «сдержек и

противовесов» в системе разделения властей. Прокуратура принимает меры к устранению любых нарушений законов, от кого бы эти нарушения ни исходили.

В силу своих природы, характера и функционального предназначения прокуратура «не вписывается» ни в одно из подразделений органов государственной власти. Из этого вовсе не следует, что она не есть государственный орган (орган государства).

Прокуратура Республики Беларусь является частью системы правоохранительных органов, в которую в настоящее время входят: суды во главе с Верховным Судом Республики Беларусь, органы внутренних дел, органы государственной безопасности и т. д. При осуществлении правоохранительной функции государственными органами на первое место выдвигаются проблемы защиты прав и свобод человека и гражданина.

Как отмечают А. А. Данилевич и И. И. Мартинович, «деятельность прокуратуры Республики Беларусь направлена на обеспечение верховенства права, законности и правопорядка, защиту прав и законных интересов граждан и организаций, а также общественных и государственных интересов, это выражено в законодательном закреплении направлений деятельности органов прокуратуры».

Характеризуя деятельность прокуратуры, необходимо отметить некоторые особенности, определяющие ее специфику. Во-первых, прокурорский надзор осуществляется от имени государства (ст. 1 Закона Республики Беларусь от 8 мая 2007 г. № 220-З «О прокуратуре Республики Беларусь»). Это законодательное установление подчеркивает отличие прокурорского надзора от иных видов контрольной деятельности, связанной с исполнением требований законов иными государственными органами (налоговых инспекций, санитарного надзора, пожарного надзора и т. д.).

В отличие от контрольной деятельности других государственных органов прокурорский надзор за исполнением законов распространяется и на законность деятельности контролирующих и правоохранительных органов и осуществляется с использованием полномочий, которыми наделяются только органы прокуратуры.

Так, прокуратуре свойственна не только поднадзорная деятельность Президента Республики Беларусь и Парламента Республики Беларусь, напротив, она обязана обеспечить контроль за исполнением принимаемых ими актов. Отдельные процессуальные решения прокурора, включая дачу санкций на заключение лица под стражу, на продление срока содержания под стражей в качестве меры пресечения, подконтрольны суду и могут быть отменены или изменены судом. Окончательные решения по протестам на незаконные акты исполнительно-распорядительной власти и должностных лиц принимаются не прокурорами, а соответствующими властными структурами и судами. Таким образом, основное правомочие прокурора – выявить нарушение закона и воспрепятствовать ему.

Проблема включения прокуратуры в судебную власть заключается в том, что прокуратура выполняет функции как органа государственного

обвинения, так и органа, контролирующего законность действий других государственных органов. Это может приводить к конфликту интересов и снижению независимости судебной системы. Прокуроры, безусловно, входят в состав судебной власти, но в той мере, в какой они являются инициаторами судопроизводства, его участниками и от решения которых зависит развитие и завершение судопроизводства, свершение правосудия.

Особенностью правового положения органов прокуратуры в системе государственной власти Республики Беларусь является то, что органы прокуратуры занимают особое место в государственной системе Республики Беларусь. Имея функциональное отношение к каждой ветви власти, они, тем не менее, не относятся ни к одной из них. Это специфическое положение прокуратуры в системе государственного устройства, позволяющее уравновешивать ветви власти и обеспечивать их оптимальное функционирование, порождает и специфичность прокурорского надзора как основного вида деятельности прокуратуры.

Тандилян Э. А.

ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛНОМОЧИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В СВЕТЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ 2022 г.

Тандилян Эдвард Аршакович, студент 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, edvardtandilyan@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Масловская Т. С.

Конституционный Суд Республики Беларусь является единственным органом в государстве, наделенным полномочиями по проверке конституционности нормативных правовых актов. В результате внесения изменений в Конституцию в 2022 г. Конституционный Суд был наделен рядом новых полномочий, играющих важную роль в установлении конституционного правосудия. Так, Конституционный Суд:

– по предложению уполномоченных субъектов осуществляет последующий конституционный контроль нормативных правовых актов, а также предварительный конституционный контроль законов, принятых Парламентом, до их подписания Президентом;

– проверяет конституционность проектов законов о внесении изменений и дополнений в Конституцию;

– проверяет конституционность вопросов, выносимых на республиканский референдум;

– проверяет конституционность не вступивших в силу международных договоров.

Ряд некоторых новых полномочий Конституционного Суда конкретизирует его место и положение в системе государственных органов. Конституционный Суд становится фактически конституционным арбитром

между различными ветвями власти, выполняя функцию «хранителя» Конституции. Об этом, в частности, свидетельствуют следующие полномочия:

– по предложению Президента Конституционный Суд дает заключение о наличии фактов систематического или грубого нарушения Конституции палатами Парламента;

– по предложению Президиума Всебелорусского народного собрания дает заключение о наличии фактов систематического или грубого нарушения Конституции Президентом.

Установлен конституционный контроль при проведении выборов: по предложению Президиума Всебелорусского народного собрания Конституционный Суд дает заключения о конституционности проведения выборов Президента, депутатов Палаты представителей и членов Совета Республики. Это является дополнительной гарантией обеспечения свободного волеизъявления избирателей, справедливой и объективной оценки избирательного процесса.

Конституционный Суд дает официальное толкование Конституции. Наделение Конституционного Суда Республики Беларусь таким значимым полномочием свидетельствует об укреплении статуса Конституционного Суда как органа, формирующего конституционную доктрину государства.

Согласно ст. 116^1 Конституции Конституционный Суд в порядке, установленном законом, выносит решения по жалобам граждан на нарушения их конституционных прав и свобод, проверяя конституционность законов, примененных судами общей юрисдикции в конкретном деле, если исчерпаны все другие средства судебной защиты.

Установление института конституционной жалобы на конституционном уровне обеспечивает прямой доступ граждан к конституционному правосудию, позволяет не допускать действия судебных постановлений, основанных на неконституционных нормах законов, дает возможность исключить искажение конституционно-правового смысла норм закона при применении в конкретном судебном деле.

Одним из новых полномочий Конституционного Суда также стал преюдициальный запрос. Под преюдициальным запросом традиционно подразумевают полномочие конституционных судов проверять по запросам судов общей юрисдикции конституционность норм закона или иного нормативного правового акта, подлежащего применению при рассмотрении конкретного дела в ходе судебного процесса в суде общей юрисдикции.

Согласно ст. 116^1 Конституции Конституционный Суд в порядке, установленном законом, выносит решения по запросам судов, проверяя конституционность нормативных правовых актов, подлежащих применению при рассмотрении судами конкретных дел.

Реализация преюдициального запроса служит формированию действенного механизма взаимодействия системы судов общей юрисдикции и Конституционного Суда, поднимает на новый уровень систему судебной защиты прав и свобод граждан.

Введение конституционной жалобы, института преюдициального запроса направлено на реализацию конкретного конституционного контроля в целях конституционализации правоприменительной практики.

Расширение полномочий Конституционного Суда повышает роль конституционного контроля в системе защиты прав граждан, обеспечивает утверждение верховенства Конституции и конституционной законности, реализацию не только буквы, но и духа Конституции в правотворчестве и правоприменении, укрепление конституционного правопорядка.

Теймуров А. И.

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ СТАТУСЕ ВОЕННОСЛУЖАЩЕГО В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Теймуров Али Имамутдинович, магистрант 2 курса Саратовской государственной юридической академии, г. Саратов, Россия, ali.teymurov@internet.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Угланова О. А.

Государственный суверенитет подлежит защите, в том числе посредством обеспечения и укрепления обороноспособности, защиты государственных границ. Основными субъектами такой защиты являются военнослужащие России. Современная трансформация правового статуса военнослужащего в Российской Федерации непосредственно связана с изменением задач конституционного развития российского государства, в основе которого лежат элементы укрепления независимости и самостоятельности российского государства и противодействие внешним угрозам.

В основе закрепления правового статуса военнослужащего лежит Основной закон России, в частности, ст. 59 закрепляет: Защита Отечества является долгом и обязанностью гражданина Российской Федерации. Гражданин Российской Федерации несет военную службу в соответствии с федеральным законом. Соответственно, рамочным законом является Федеральный закон «О статусе военнослужащих».

Россия традиционно играла большую роль в укреплении международного мира и безопасности, поэтому появление новой ст. 79.1 Конституции России свидетельствует о конституционном закреплении значения российского государства в реализации международных принципов. Указанная статья гласит: Российская Федерация принимает меры по поддержанию и укреплению международного мира и безопасности, обеспечению мирного сосуществования государств и народов, недопущению вмешательства во внутренние дела государства.

Военнослужащий относится к категории специального субъекта права, его правовой статус включает в себя совокупность прав и свобод, обязанности, ответственность, ограничения и гарантии реализации указанного статуса. Элементы правового статуса военнослужащего отражают

задачи, стоящие в сфере обеспечения национальной безопасности России и реализации стратегических целей и задач. Помимо Конституции Российской Федерации и указанного федерального закона, правовой основой правового статуса военнослужащего являются также нормативные правовые акты, принятые на уровне региона: постановление Правительства Саратовской области от 24 октября 2022 г. № 1033-П «О предоставлении меры социальной поддержки в форме единовременной денежной выплаты лицам, призванным на военную службу по мобилизации либо заключившим контракт о добровольном содействии в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации». Следует выделить также правовые акты принятые непосредственно на уровне местного самоуправления: постановление администрации муниципального образования «Город Саратов» № 4268 от 19 октября 2022 г. «О внесении изменений в постановление администрации муниципального образования «Город Саратов» от 11 января 2021 года № 21 «Об утверждении Положения о порядке оказания материальной поддержки, организации оздоровительного отдыха, реализации мероприятий социального характера».

Правовому статусу военнослужащего свойственен широкий перечень составляющих элементов, далеко выходящий за рамки универсального правового статуса личности. Военнослужащим помимо дополнительных прав и свобод присущи установленные законом специфические ограничения и обязанности, связанные с необходимостью выполнения поставленных задач в любых условиях, в том числе с риском для жизни. В связи с этим военнослужащим предоставляются дополнительные социальные гарантии и компенсации. Соответственно, чем больше установленных обязанностей и ограничений, тем выше должен быть уровень гарантированности реализации прав военнослужащих и членов их семей и их защиты. Приоритет основных прав и свобод в России провозглашен на конституционном уровне.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что конституционно-правовую основу статуса военнослужащего в Российской Федерации и членов его семьи составляют: Конституция Российской Федерации, рамочный федеральный закон, акты Правительства Российской Федерации, акты субъектов Российской Федерации, акты органов местного самоуправления, а также решения высших органов судебной власти. Основными элементами статуса военнослужащего в Российской Федерации являются: права, свободы, обязанности, ограничения, запреты, ответственность и гарантии, реализуемые в особых условиях. Необходимо на уровне федерального закона закрепить специальные принципы статуса военнослужащего в Российской Федерации, такие как принцип компенсаторности и распространение элементов специального статуса военнослужащего на членов его семьи.

Томчик В. А.

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ПОНЯТИЕ, ЭЛЕМЕНТЫ, ПОЛНОМОЧИЯ

Томчик Вера Андреевна, студентка 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, vera.tomchik.06@mail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Шавцова А. В.

Идея содействия формированию и развитию гражданского общества, его правовому регулированию появляется в Беларуси на этапе прекращения существования Советского Союза и обретения государственного суверенитета. В правовой науке появляются попытки научного осмысления гражданского общества как общественно-политического явления, содержания соответствующего понятия, его структуры, субъектов.

14 февраля 2023 г. Президент Республики Беларусь подписал Закон Республики Беларусь «Об основах гражданского общества» (далее – Закон), который вводит новые понятия: «гражданское общество», «субъекты гражданского общества», «общие и особые формы взаимодействия государственных органов (организаций) и субъектов гражданского общества» и некоторые другие. Согласно данному Закону «гражданское общество – граждане Республики Беларусь, иностранные граждане и лица без гражданства, постоянно проживающие в Республике Беларусь, выражающие свою гражданскую позицию посредством участия в общественных отношениях и институтах, не запрещенных законодательством». По нашему мнению, данное понятие вводится для содействия самоорганизации граждан Республики Беларусь с целью выражения своих интересов и интересов своей страны, а также для правового оформления и регулирования их деятельности.

В правовой науке и Законе также отмечается, что к субъектам гражданского общества следует относить «объединения граждан или юридических лиц на основе членства вне зависимости от количественного, территориального или иного ценза, уставная деятельность которых направлена на решение основных задач взаимодействия государственных органов (организаций) и гражданского общества».

Основные направления деятельности субъектов гражданского общества, формы их взаимодействия прямо Законом не установлены, что позволяет толковать его положения расширительно. Однако они вытекают из поставленных в Законе задач, связанных прежде всего со взаимодействием государственных органов (организаций) и гражданского общества: обеспечение гражданского (народного) единства; обеспечение независимости, государственного суверенитета и территориальной целостности Республики Беларусь; содействие дальнейшему развитию Республики Беларусь как демократического социального правового государства; повышение вовлеченности гражданского общества в управление делами государства, реализацию государственной политики с учетом приоритета национальных интересов; организация конструктивного взаимодействия государственных органов (организаций) и гражданского

общества, направленного на укрепление доверия к институтам государственной власти; учет общественного мнения и законных интересов граждан при осуществлении государственной политики, достижение общественного консенсуса по ключевым вопросам развития Республики Беларусь; повышение гражданского самосознания, политической культуры и социальной ответственности граждан; участие в духовно-нравственном и патриотическом воспитании граждан, основанном на культурных и духовных традициях, сохранении исторической правды и памяти белорусского народа; укрепление единой общности «белорусский народ», воспитание уважения ко всем национальностям, религиям и культурам.

В социально-политической теории имеются несколько моделей взаимодействия гражданского общества и государства. Но «идеальной моделью взаимодействия гражданского общества и государства является полное равенство всех ее структур и элементов (“сильное государство – сильное гражданское общество”), при котором действует принцип паритета». Именно данная модель положена в основу ст. 5 Закона «Содействие государства развитию гражданского общества и субъектов гражданского общества», из которой вытекает необходимость не только ведения диалога между государством и институтами гражданского общества, но и оказание со стороны государства поддержки субъектам гражданского общества, облегчающей конструктивные проявления гражданской активности.

Совершенствование правовой основы в развитии гражданского общества – важный процесс, требующий усилий не только со стороны государства и государственных органов, но и общественных инициатив со стороны институтов гражданского общества. Закон в этом смысле имеет гибкий характер, позволяющий развиваться многообразию форм и способов демократии и гражданской активности.

Трепачко Ю. В.

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ФОРМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВСЕБЕЛОРУССКОГО НАРОДНОГО СОБРАНИЯ С ОРГАНАМИ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ

Трепачко Юлия Владимировна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, trepachko_2004@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Синицына А. М.

Всебелорусское народное собрание (далее – ВНС) проводится в Республике Беларусь еще с 1996 г. В октябре 1996 г. в Беларуси впервые состоялся масштабный народный форум, объединивший представителей всех регионов страны в обсуждении наиболее важных вопросов жизни общества и государства. ВНС тогда рассматривалось как демократический институт, позволявший гражданам принимать участие в жизни государства.

В настоящее время, в связи с изменениями и дополнениями Конституции Республики Беларусь (далее – Конституция), вступившими в

силу 27 февраля 2022 г., ВНС – это высший представительный орган народовластия Республики Беларусь, определяющий стратегические направления развития общества и государства, обеспечивающий незыблемость конституционного строя, преемственность поколений и гражданское согласие. С такими значительными изменениями: придание ВНС особого статуса, наделение его особыми полномочиями, принятие Закона, определяющего его организацию и деятельность, встает вопрос о взаимодействии ВНС с иными органами государственной власти.

Согласно Закону Республики Беларусь от 7 февраля 2023 г. № 248-З «О Всебелорусском народном собрании» (далее – Закон о ВНС), предельная численность делегатов ВНС составляет 1200 человек. Исполнительная власть в ВНС представлена Премьер-министром, его заместителями, другими членами Правительства, председателями областных, Минского городского, районных, городских (городов областного подчинения) исполкомов. Это около 25 % от общего числа делегатов.

Действующее законодательство предусматривает, что взаимодействие ВНС с органами исполнительной ветви власти может осуществляться по различным направлениям.

Одним из полномочий ВНС является ежегодное заслушивание Премьер-министра о выполнении программ социально-экономического развития, что позволяет всеобъемлюще оценить работу Правительства и внести необходимые коррективы в организацию его деятельности.

Согласно ст. 15 Закона о ВНС по итогам заслушивания Премьер-министра Республики Беларусь ВНС вправе внести в Совет Министров Республики Беларусь предложения по вопросам выполнения программы социально-экономического развития Республики Беларусь. Однако, возможно, правильнее будет вести речь о внесении в Совет Министров обязательных для исполнения требований, так как ВНС заслушивает именно отчет как итог выполненной работы.

Следует также обратить внимание на тот факт, что для представителей исполнительной власти из регионов, выступление с докладом на заседании ВНС является дополнительной возможностью обратить внимание на проблемы, существующие на региональном уровне, в том числе в социальной и экономической сферах.

Дальнейшее взаимодействие может осуществляться через совещания представителей Совета Министров, которые учли вопросы и предложения председателей исполнительных комитетов, выступивших с докладами, с Президиумом ВНС, так как именно этот коллегиальный орган обеспечивает оперативное решение вопросов. В ходе данных совещаний постепенно могут приниматься решения по освещенным представителями исполнительной власти вопросам. Такая форма взаимодействия может быть закреплена в Регламенте ВНС.

Проекты решений об утверждении основных направлений внутренней и внешней политики, военной доктрины, концепции национальной безопасности, программы социально-экономического развития Республики

Беларусь вносятся на рассмотрение Всебелорусского народного собрания Президентом Республики Беларусь или Советом Министров Республики Беларусь.

Среди полномочий ВНС – право отменять акты исполнительной власти, которые противоречат интересам национальной безопасности. Это дает ВНС возможность контролировать действия Правительства и других органов власти, обеспечивая соответствие их решений общегосударственным интересам.

Следовательно, вышеперечисленные полномочия можно рассматривать в качестве согласованности действий ВНС как представительного органа и исполнительной ветви власти.

Таким образом, ВНС в современном понимании, является отличной возможностью если не для полного решения проблем, существующих на региональном уровне, то мощным рычагом для обращения внимания общественности и государства на существующие в каждом регионе страны насущные споры и проблемы. Эти механизмы взаимодействия обеспечат эффективное сотрудничество между ВНС и Советом Министров, способствуя реализации государственной политики и учету интересов граждан.

Тригуб Д. В.

ПРАВО ГРАЖДАН НА ВАКЦИНАЦИЮ

Тригуб Денис Владимирович, студент 1 курса Международного государственного экологического института имени А. Д. Сахарова Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, den3gub@mail.ru

Научный руководитель: старший преподаватель Наумович Т. В.

Вакцинация – одна из самых значительных достижений современной медицины, которая спасла миллионы жизней и предотвратила распространение опасных инфекционных заболеваний. Однако, несмотря на очевидные преимущества, вопрос о праве граждан на вакцинацию вызывает множество споров и обсуждений. Рассмотрим, что такое право на вакцинацию, его юридические и этические аспекты, а также влияние на общественное здоровье.

Каждый гражданин имеет право пройти медицинское обследование и получить медико-санитарную помощь в любом учреждении здравоохранения нашей страны с учетом его профиля и мощности. Как известно, охрана здоровья включает в себя широкий комплекс мероприятий, в том числе и здоровую окружающую среду, охрану труда и др. Право на вакцинацию можно рассматривать как часть более широкого права на здоровье. Оно включает в себя доступ к безопасным, проверенным и эффективным вакцинам, информацию о них, а также свободу выбора. В большинстве стран право на здоровье закреплено в конституциях или международных

договорах, таких как Всеобщая декларация прав человека и Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах.

По определению, которое дает Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) вакцинация – это простой, безопасный и эффективный способ защиты от болезней до того, как человек вступит в контакт с их возбудителями. Вакцинация задействует естественные защитные механизмы организма для формирования устойчивости к ряду инфекционных заболеваний и делает вашу иммунную систему сильнее.

Как и болезни, вакцины тренируют иммунную систему выработке специфических антител. Однако вакцины содержат только убитые или ослабленные формы возбудителей той или иной болезни – вирусов или бактерий, – которые не приводят к заболеванию и не создают риска связанных с ним осложнений. По данным ВОЗ, в 2023 г. мировая численность детей, не получивших ни одной прививки (так называемых «детей с нулевой дозой»), составила 14,5 млн человек. В разных странах законодательство о вакцинации варьируется. В некоторых государствах вакцинация является обязательной для определенных групп населения, например, для детей, чтобы обеспечить коллективный иммунитет. Это вызывает вопросы о балансе между индивидуальными правами и общественными интересами. Некоторые страны для обеспечения общественной безопасности ввели ответственность за отказ от вакцинации. Так, Парламент Германии принял закон, который делает обязательными прививки детей от кори и вводит штрафы для родителей, если не будут вакцинировать детей. Власти Австрии подготовили законопроект, согласно которому за отказ от обязательной вакцинации от коронавируса нужно заплатить штраф. В Греции штрафовать хотят только людей старше 60 лет. За отказ – ежемесячный штраф 100 евро. В Республике Беларусь в соответствии со ст. 45 Закона «О здравоохранении» пациент имеет право отказаться от проведения профилактических прививок.

Сторонники обязательной вакцинации утверждают, что она необходима для защиты уязвимых групп населения, таких как новорожденные или люди с ослабленным иммунитетом. С другой стороны, противники обязательной вакцинации поднимают вопросы о свободе выбора и возможности принимать решения о собственном здоровье.

Этические дилеммы вокруг вакцинации связаны с вопросами личной свободы и ответственности перед обществом. Каждый человек имеет право принимать решения о своем здоровье, однако эти решения могут повлиять на других. И, как известно, решение о вакцинации детей принимают их законные представители. Вакцинация не только защищает индивидуумов, но и способствует созданию коллективного иммунитета, который защищает тех, кто не может быть вакцинирован по медицинским показаниям.

В условиях пандемии COVID-19 этот вопрос стал особенно актуальным. Многие государства внедрили программы вакцинации и призвали граждан делать прививки. Однако возникли протесты против обязательной вакцинации, что привело к конфликтам между правительствами и гражданами.

Вакцинация играет ключевую роль в обеспечении общественного здоровья. Например, благодаря прививкам удалось практически ликвидировать такие заболевания, как оспа и полиомиелит. И как смогли установить ученые, коллективный иммунитет формируется тогда, когда достаточное количество людей вакцинируется, это снижает вероятность распространения инфекции.

Однако недостаточная вакцинация может привести к вспышкам заболеваний. Например, в последние годы наблюдается рост случаев кори в странах с низким уровнем вакцинации. Это подчеркивает важность не только индивидуального выбора, но и ответственности перед обществом.

Одним из ключевых факторов, влияющих на решение о вакцинации, на наш взгляд, является доступность информации. Многие люди принимают решения на основе слухов или недостоверных источников информации. По этой причине крайне важно каждому государству, которое заботится о своих гражданах, обеспечить население достоверными данными о вакцинах и их безопасности. Важно понимать, что вакцинация – это не только личный выбор, но и ответственность перед обществом.

Хайбулаев З. М.

ФЕДЕРАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Хайбулаев Зубаир Магомедарипович, магистрант 2 курса Саратовской государственной юридической академии, г. Саратов, Россия, haibulaev_z@bk.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Угланова О. А.

Государств с федеративной формой государственного устройства в мире значительно меньше, чем унитарных государств. Становление федеративного государства обусловлено многими составляющими, в том числе историей образования государства, географическими особенностями, национальным составом, уровнем развития народного суверенитета и демократических институтов управления в стране. История знает примеры, когда на фоне развития национальных отношений и необходимости функционирования институтов народовластия, государство трансформирует форму государственно-территориального устройства и переходит из унитарного государства в федеративное.

Федеративный характер государственно-территориального устройства – это не только устройство территории страны и правовое закрепление рассматриваемой формы. Федеративное устройство предполагает особый режим управления государством, предоставления субъектам федерации возможностей на равной основе участвовать в осуществлении государственной власти, выработки основополагающих направлений развития страны в целом.

Федеративное государство не возникает одномоментно. Становление подлинно федеративных отношений – это процесс, требующий постоянного развития и совершенствования. В основе функционирования федеративных отношений лежат принципы федеративных отношений, получивших юридическое закрепление и механизм их реализации.

Принципы федеративных отношений конкретного государства отражают специфику развития страны и целеполагающие задачи государственного масштаба. В основе федеративных отношений, как правило, лежат принципы государственной целостности, разграничения предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов федерации, равноправия субъектов федерации, самоопределения народов.

С точки зрения осуществления государственного управления целеполагающее значение имеет принцип разграничения предметов ведения и полномочий между федеральным и региональным уровнями реализации государственных функций. Основной закон федеративного государства закрепляет модель разграничения указанных полномочий. В зависимости от установленной модели конституционно устанавливаются предметы ведения федерального центра, субъектов федерации, а также предметы совместного ведения. Предметы совместного ведения в условиях функционирования федеративных отношений предполагают возможность учета особенностей субъектов федерации, их экономического развития, географии, климата и других составляющих. Совместное ведение предполагает и установление особенностей механизма реализации полномочий в данной сфере. Субъекты федерации имеют право принимать участие в механизме принятия федеральных законов по данным полномочиям, также разрабатывать собственные законы, с учетом критериев, установленных федеральным законодательством.

Подлинно федеративные отношения, построенные на конституционных принципах, способствуют развитию демократических институтов и их участию в укреплении государственного суверенитета страны. Инструментами развития демократии в условиях федеративных отношений являются:

1) механизм формирования высшего законодательного органа власти федеративного государства, который как правило, должен состоять из двух палат. Порядок избрания палат включает в себя необходимость учета представительства субъектов и их участие в дальнейшем в работе рассматриваемого органа;

2) механизм разработки, обсуждения и принятия федеральных законов, принимаемых по предметам совместного ведения федерального центра и ее субъектов;

3) механизм реализации органами государственной власти субъектов федерации права законодательной инициативы на федеральном уровне;

4) механизм участия субъектов федерации в работе совещательных органов, функционирующих при федеральных органах государственной власти;

5) механизм участия субъектов федерации в реализации стратегических планов развития федеративного государства.

Федеративная форма государственно-территориального устройства является наиболее оптимальной с условиях функционирования многонационального государства. Рассматриваемая форма предполагает учет интересов субъектов и их участие в механизме государственного управления и развития демократических институтов.

Черногузова В. С.

ОТРАЖЕНИЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В КОНЦЕПЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Черногузова Валерия Сергеевна, студентка 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, chernolera26@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Шавцова А. В.

Концепция национальной безопасности Республики Беларусь (далее – Концепция), утвержденная Решением Всебелорусского народного собрания от 25.04.2024 № 5, является гарантом обеспечения безопасности личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз во всех сферах жизнедеятельности и закрепления данной обязанности государства на законодательном уровне. Она отражает тенденции современного мира и состояние Республики Беларусь в настоящее время, включая достигнутые цели и направления потенциального развития, в том числе в области прав и свобод человека. Так, согласно Концепции, государство поощряет институт гражданского общества для совершенствования общественных отношений без излишнего внешнего контроля, а также принимает меры для устранения абсентеизма среди белорусского общества путем обеспечения и расширения участия граждан в государственном управлении. Это в первую очередь является базовыми условиями для реализации человеком права, закрепленного в ст. 37 Конституции Республики Беларусь.

Важно отметить, что основные права и свободы человека коррелируют со стратегическими национальными интересами Республики Беларусь. Тем самым государство еще раз устанавливает свою обязанность перед гражданами обеспечивать их права, закрепленные в Конституции Республики Беларусь.

Среди стратегически важных национальных интересов, названных в Концепции, можно выделить реализацию следующих прав человека: право на развитие, право на достойный уровень жизни, право на образование, право на брак и семью и другие. Именно данные права человека законодатель посчитал наиболее важными для государства и общества в настоящий период развития Республики Беларусь, раскрывая и дополняя их в последующих главах Концепции. Полагаем, это обусловлено тем, что прежде всего названные права являются базовыми в правовом статусе человека. Кроме

того, это объясняется их значимостью в правоприменительной деятельности и необходимостью решения актуальных проблем в рамках практической реализации.

Отметим также, что Концепция охватывает все основные права человека, однако в ее стратегических положениях, содержащихся во второй главе, отражены именно названные права человека, что показывает социальные приоритеты и направления государственной политики Республики Беларусь на ближайшее десятилетие.

Интересы в демографической сфере направлены на государственную поддержку института семьи, стимулирование повышения показателей рождаемости. В современном мире выявлены такие угрозы, как пониженное стремление молодежи к вступлению в брак, рост числа неполных семей, снижение уровня здоровья женщин, снижение репродуктивных установок населения, массовые миграционные процессы. Республика Беларусь, являясь активным субъектом международных отношений, также ставит перед собой задачи по содействию нейтрализации данных угроз. Основное направление государственной политики в данной сфере должно быть направлено на сочетание, с одной стороны, сохранения интеллектуального и трудового потенциала республики, и с другой стороны, всестороннего стимулирования рождаемости. Возможно, стоит обратить особое социально-экономическое внимание на государственном уровне на решение вопросов предложения населению привлекательных условий труда, налогообложения, привлечения трудовых мигрантов, расширение сфер их занятости и интеллектуального развития, культурной интеграции.

Уровень жизни является экономическим показателем, отражающим соотношение доходов населения и потребление товаров. Белорусская экономика является высокозатратной, так как подвержена внешнему влиянию, не обладает в достаточной степени по сравнению с рядом других государств богатыми ресурсами полезных ископаемых, поэтому стоит острая необходимость в развитии отечественного высокотехнологичного производства.

Кроме того, для осуществления государственной программы занятости отечественный производитель должен быть ориентирован не только на предоставление рабочих мест для трудоспособного населения, но и создание условий вовлечения лиц с ограниченными возможностями, обеспечив им эффективные условия для трудовой реализации, стимулирование дальнейшего обучения, повышения квалификации и роста показателей образованности в целом. Расширение практики использования гибких (нестандартных) форм занятости для лиц с ограниченными возможностями в целях повышения социально-экономических показателей, в том числе индекса человеческого развития, человеческого потенциала.

В Концепции закрепляется такой национальный интерес, как реализация конституционных прав граждан на получение, хранение и распространение полной, достоверной и своевременной информации. Право на информацию подвержено внешним угрозам в виде деструктивного информационного

воздействия на личность, общество, наносящего вред национальным интересам и безопасности Республики Беларусь. Среди мер нейтрализации внешних угроз в информационной сфере следует отметить повышение качества и конкурентоспособности национального белорусского контента и продукции национальных СМИ, которые призваны занимать доминирующее положение внутри страны и максимально популяризироваться во внешнем информационном пространстве, в том числе в сети Интернет. Доступность иностранных и международных СМИ обусловливает необходимость определить и конкретизировать ряд категорий информации, источником которых должны быть исключительно белорусские СМИ и которые должны занимать доминирующее положение в информационной среде страны. Например, информация о действиях и решениях государственных органов, политических партий, государственные новости и т. п.

Нейтрализация угроз для обеспечения безопасности – это полноценный комплекс мер, требующий консолидации работы всех государственных органов. В силу того, что присутствует тенденция перегруженности государственных органов, представляется целесообразным возложить некоторые обязанности по контролю за реализацией и защитой прав и свобод человека и гражданина на депутатский корпус – важнейший институт демократии и народного представительства. В Республике Беларусь существует немало государственных структур, осуществляющих среди прочих функцию контроля за деятельностью государственных органов. Преимущество депутатского корпуса перед такими структурами состоит в том, что существенной характеристикой правового статуса депутатов является непосредственное избрание народом, независимость, что обеспечивается конституционными гарантиями, наличием ряда полномочий и обязанностей, в том числе на депутатский запрос, законодательную инициативу, регулярными встречами с избирателями, рассмотрением их обращений и другими. Совершенствование института депутатского контроля позволило бы значительно снизить нагрузку на административный аппарат Республики Беларусь.

Чуманская А. В.

БИОГЕНЕТИЧЕСКИЕ ПРАВА: ПОНЯТИЕ И МЕСТО В СИСТЕМЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Чуманская Анастасия Викторовна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, cumanskaaanastasia@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Синицына А. М.

Биогенетическое право начало свое формирование сравнительно недавно. Возникновением считается вторая половина XX в., когда медицинские достижения в области биологии, медицины и генетики стали

все более значимыми и вызывали множество вопросов в социальной сфере, а также сфере этики и юриспруденции.

Одним из ключевых событий, которое способствовало развитию биогенетического права, было появление новых медицинских технологий и процедур, таких как искусственное оплодотворение, трансплантация органов и тканей, генная терапия и клонирование.

Биогенетическое право – область права, которая занимается регулированием вопросов, связанных с биологическими науками, медициной, генетикой и другими аспектами, связанными с человеком и его биологическими характеристиками.

Биогенетические права в субъективном же смысле можно определить как права личности на контроль и использование своего генетического материала.

Таким образом, к числу биогенетических прав относятся:

- право на защиту генома человека;
- репродуктивные права (включает в себя вопросы, связанные с правом на выбор решения вопроса о рождении ребенка, а также вопросы искусственного оплодотворения, суррогатного материнства, абортов и контроля над репродуктивными технологиями);
- право на генетическую информацию (сюда входит право на получение информации о своем генетическом состоянии и рисках наследственных заболеваний);
- право на трансплантацию органов и тканей (биогенетическое право регулирует вопросы, связанные с донорством, получением и пересадкой органов и тканей, включая этические, юридические и медицинские аспекты).

Главное предназначение биогенетических прав как субъективной категории заключается в защите индивидуальных интересов человека и человечества в условиях стремительного развития биотехнологий. Эти права обеспечивают не только защиту физического и духовного здоровья, но и право на сохранение уникальности человеческой природы.

Признаки биогенетических прав заключаются непосредственно в двойственности субъектов, потому что человек и человечество в целом выступают как объекты и субъекты прав. Также можно выделить индивидуальную защиту, так как права направлены на защиту личных интересов в контексте использования генетической информации и технологий отдельного субъекта. На государстве лежит обязанность защищать биогенетические права граждан через законодательство и социальные программы, а также учитывать тенденцию стремительного развития биотехнологий в данной сфере и формировать законодательство в соответствии с таким развитием.

Для более точного определения места биогенетического права в системе права человека целесообразно вспомнить классификацию прав человека.

Традиционно в науке выделяют три поколения прав человека. Однако с течением времени сформировалось четвертое поколение прав – соматические (личностные) права. Эта группа прав включает право личности на изменение

своего тела, репродуктивные права, в том числе на услуги суррогатного материнства, на смену пола, трансплантацию органов, тканей, на выбор формы ухода из жизни и др. Данные права обусловлены научно-техническим прогрессом и возможностью людей проводить биофизические трансформации и изменять свое воплощение в социальной сфере, а также распоряжаться своей жизнью.

На наш взгляд, выделение биогенетических прав в отдельную группу нецелесообразно в данный момент времени по ряду причин, одна из которых заключается в том, что для достижения эффективного регулирования вопросов, связанных с биогенетическими правами, требуется интеграция различных областей права (например, медицинского, экологического и социального) что и подчеркивает необходимость рассматривать их в контексте более широкой правовой системы.

Важно отметить, что биогенетические права являются частью четвертого поколения прав человека, что свидетельствует об их актуальности и значимости в условиях стремительного научно-технического прогресса.

Таким образом, дальнейшее развитие биогенетических прав требует комплексного подхода и активного участия государства в их защите, что позволит обеспечить гармоничный симбиоз новых технологий и правовых норм, направленных на защиту личности.

Шаро О. У.

СВОБОДА ЛИТЕРАТУРНОГО ТВОРЧЕСТВА В КИТАЕ

Шаро Отто Усубович, аспирант кафедры конституционного права юридического факультета Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, ya.otto-sharo@ya.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Чешко В. Ю.

Понятие «творчество» неразрывно связано с понятием «культура». Традиционная китайская культура включает в себя национальные и религиозные обычаи, литературу, музыку, живопись, архитектуру, кинематограф, декоративно-прикладное искусство китайского народа. Безусловно, сфера творчества настолько широка, что не может ограничиваться одной лишь культурой. Среди творческих профессий особо выделяется профессия литературного работника (писателя, переводчика, сценариста, журналиста, редактора, публициста, библиотекаря и др.). Например, для полноценного восприятия аудиторией информации недостаточно сухого изложения фактов, журналист в таком случае должен обладать талантом подачи материала, облечения фактов в интересную форму, не искажающую при этом содержания. Это обстоятельство отражает одну из основных черт литературной работы, суть которой заключается не в монотонном следовании определенным стандартам и правилам, а в стремлении реализации творческих подходов к осуществляемой работе.

Многогранность и многосторонность литературы Китая обеспечивается структурой своего восхождения: китайская литература корнями закреплена в родной земле, а ветвями своими охватывает весь мир. Лозунг Мао Цзэдуна «Пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ», провозглашенный им в 1957 г., стал основой для широкой политической кампании по укреплению демократических тенденций в китайском обществе конца 1950-х гг. Гласность и либерализация, взявшие верх в тот период, затронули практически все сферы общественной жизни. Можно сказать, что реализация данного лозунга активными темпами продолжается и по сей день. Первые мысли о свободе творчества в Китае были высказаны императором Цинь Шихуанди (259 до н. э. – 210 до н. э.), продолжателем политической традиции которого являлся Мао Цзэдун. Пройдя через все политические лихолетья середины XX в. от Китайской Республики до Культурной революции, Китай смог не просто сохранить традиционную базу культуры, а приумножил ее, сделав частью своего общенационального культурного кода. Европейское понимание свободы творчества не соперничает с негласными догмами китайского общества, а, скорее, представляет собой иной ценностный подход. Современная китайская литература (Мо Янь, Май Цзя, Цань Сюэ и др.), становящаяся с каждым годом все популярнее в Западной Европе, демонстрирует объективную универсальность и прогресс творческого потенциала Китая, что не могло бы состояться без фундаментальной правовой базы, обеспечивающей свободу творчества в этой стране.

Статья 47 Конституции Китайской Народной Республики гласит: «Граждане Китайской Народной Республики пользуются свободой научно-исследовательской деятельности, литературно-художественного творчества и деятельности в иных областях культуры. Государство поощряет и поддерживает творческую работу граждан в сфере образования, науки, техники, литературы, искусства и в иных сферах культуры, отвечающую интересам народа». Содержание данной конституционно-правовой нормы Основного Закона Китайской Народной Республики сильно отличается от принятого в странах романо-германской правовой системы конституционно-правового закрепления свободы творчества. Наши доводы следующие.

Во-первых, на наш взгляд, ст. 47 Конституции Китайской Народной Республики имеет формальные схожести со ст. 47 Конституции СССР 1977 г. Схожести эти выражаются не только порядковым номером статей конституций двух государств. Советская Конституция гарантировала гражданам СССР в соответствии с целями коммунистического строительства свободу научного, технического и художественного творчества. Несмотря на отсутствие специальных целей для реализации права на свободу творчества в Китае, стоит отметить круг субъектов конституционно-правовых отношений, на которых распространяется указанная свобода: свобода научно-исследовательской деятельности, литературно-художественного творчества и деятельности в иных областях культуры гарантирована только гражданам Китайской Народной Республики. Для сравнения: в соответствии со ст. 51

Конституции Республики Беларусь каждый имеет право на участие в культурной жизни. Это право обеспечивается общедоступностью ценностей отечественной и мировой культуры, находящихся в государственных и общественных фондах, развитием сети культурно-просветительных учреждений. Свобода художественного, научного, технического творчества и преподавания гарантируется. Интеллектуальная собственность охраняется законом. Государство содействует развитию культуры, научных и технических исследований, внедрению инноваций на благо общих интересов. Термин «каждый» включает в себя термин «граждане», но никак иначе.

Во-вторых, Китай – государство, где коммунистическая партия (КПК) является ведущей политической силой в стране и определяет путь социально-экономического и политического развития согласно целям и идеям коммунистического общества. Очевидно, что КПК оказывает значительное влияние на уровень развития гражданского общества, прав и свобод китайских граждан. Из этого следует, что, несмотря на отсутствие формального закрепления в законодательстве целей коммунистического строительства, свобода творчества в Китае реализуется на началах, не противоречащих коммунистической идеологии.

В-третьих, в ст. 47 Конституции КНР перечисляются сферы творческой деятельности, в частности, образование, наука, техника, литература, искусство и в иные сферы культуры, отвечающие интересам народа, которые поощряются государством. Данное перечисление свойственно далеко не всем конституциям зарубежных государств и свидетельствует об особом отношении Китая к указанным областям творческой деятельности. Особо стоит отметить, что Китай демонстрирует комплексный и целостный подход к стратегическому планированию научно-технологического развития, базирующийся на четком определении ключевых приоритетов и соответствующей постановке долгосрочных целей и задач.

Таким образом, следует констатировать, что свобода литературного творчества в Китайской Народной Республике закреплена на основе Конституции КНР, имеет свои политико-правовые особенности реализации, отличающиеся от правовой практики стран Европы.

Шебулдаева Д. С.

КОЛЛЕКТИВНЫЕ ПРАВА: ПОНЯТИЕ, КЛАССИФИКАЦИЯ И ОТРАЖЕНИЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Шебулдаева Дарья Сергеевна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, dshebuldaeva@gmail.com.

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Киселёва Т. М.

Исторически теория прав человека базировалась на индивидуализме, исключающем, на первый взгляд, коллективные права, однако жизнь индивида невозможна вне процессов социализации и множественности

субъектов, следовательно, индивидуальные права находятся в тесной взаимосвязи с коллективными правами.

Важность коллективных прав состоит в том, что они способствуют сохранению и развитию идентичности, культуры, языка и традиций различных групп, обеспечивая защиту коллектива как целостного субъекта.

Отсутствие единого мнения о понятии и классификации коллективных прав выражается в невозможности реализации и защиты субъектами данных прав, что обусловливает недостижимость построения справедливого общества.

Благодаря анализу различных точек зрения ученых-юристов на природу и особенности коллективных прав можно сделать вывод о том, что под коллективными правами следует понимать права человека, субъектом которых выступает коллектив, наделенный правом, и реализация которых осуществляется непосредственно коллективом либо частью коллектива в лице индивида.

Коллективные права, как и все правовые явления, подлежит рассматривать в широком понимании с различных перспектив, поэтому необходима классификация данных прав для определения всех субъектов прав и специфики реализации ими коллективных прав.

В рамках данного исследования предлагается разделение коллективных прав на три подвида: общемировые, этнические и групповые. Общемировыми признаются права, субъектом которых выступает мировое сообщество и реализация которых требует сопричастности всех субъектов права: право на культурное сотрудничество, право на развитие, право на благоприятную окружающую среду, право жить в достойных условиях. Этнические права включают в себя права народов и права меньшинств как полноценных субъектов прав человека. К правам народов относятся право на самоопределение, право собственности и владения на земли, традиционно занимаемые народами, право создавать свои собственные СМИ на своих языках; к правам меньшинств – право пользоваться достояниями своей культуры, исповедовать свою религию и отправлять религиозные обряды, создавать и поддерживать свои собственные учреждения. Субъектом групповых прав выступают маргинализированные слои населения: дети, пенсионеры, заключенные, инвалиды. Особенность данного подвида заключается в двоякости субъектов: их реализация возможна либо группой лиц, либо одним лицом – членом группы.

Все вышеперечисленные коллективные права закрепляются в разработанных ООН конвенциях, декларациях и принципах, которые оказывают влияние и на законодательство Республики Беларусь.

Общемировые права на международном уровне регламентированы, как правило, в декларациях, задавая общие направления политики каждого демократического правового государства – можно говорить о косвенном закреплении данных прав в национальном законодательстве.

Этнические права народов указаны в Конвенции о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах, которая

была подписана Республикой Беларусь, но до сих пор не ратифицирована, что видится необходимым, поскольку является основополагающим документом о правах народов, в то же время в Законе № 1926-XII «О национальных меньшинствах в Республике Беларусь» нашли отражение безусловное большинство международных норм, закрепляющих коллективные права меньшинств.

Групповые права устанавливаются рядом законов Республики Беларусь, в частности:

– Законом № 105-З «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь», который является образцом закрепления коллективных групповых прав;

– Законом № 183-З «О правах инвалидов и их социальной интеграции», утверждающем, что инвалиды обладают всеми правами, определенными Конституцией. Дальнейшее упоминание, однако, права на образование и права на участие в культурной жизни носит дублирующий характер. Целесообразным является определение особенностей осуществления данных прав для инвалидов, а не их копирование;

– Законом № 2570-XII «О правах ребенка». Представляется необходимым скорректировать ст. 25 Закона, название которой предполагает закрепление права на отдых, но в статье речь идет о выборе занятий во внеучебное время, что сложно назвать отдыхом. Предлагаем следующую формулировку: «Каждый ребенок имеет право на отдых, право на участие в играх и развлекательных мероприятиях как единолично, так совместно с другими детьми».

Отсутствие закрепления как индивидуальных, так и коллективных прав иных уязвимых групп населения создает ситуации, при которых защита прав не может осуществляться на необходимом уровне, что требует дополнительных мер контроля и законодательных инициатив.

Шепилова М. В.

ПРОБЛЕМА РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА РАВНЫЙ ДОСТУП ГРАЖДАН К ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЕ В ГЕНДЕРНОМ АСПЕКТЕ

Шепилова Мария Викторовна, студентка 2 курса Саратовской государственной юридической академии, г. Саратов, Россия, masha.shepilova.05@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Угланова О. А.

Любое правовое и демократическое государство должно предоставлять и гарантировать своим гражданам право участвовать в работе органов власти. Конституция Российской Федерации содержит соответствующее положение, разделяя его на несколько отдельных частей, одной из которых является право на равный доступ граждан к государственной службе. В свете тенденций развития данной тематики, хотелось бы вспомнить, что в марте

2024 г. Президент Российской Федерации В. В. Путин поддержал увеличение числа женщин на государственных постах, однако отметил, что важно руководствоваться при назначении не только гендерным фактором. «У нас в правительстве мало женщин», – признал Путин. «Мы же все-таки при принятии таких кадровых решений руководствуемся не гендерными соображениями, а соображениями личных, деловых качеств, профессиональной подготовки», – подчеркнул глава государства.

Правовое регулирование данного аспекта осуществляется на конституционном уровне. В ст. 32 Конституции РФ закреплено право на равный доступ граждан к государственной гражданской службе. Граждане имеют равный доступ на занятие любой государственной должности в соответствии с их способностями и профессиональной подготовкой независимо от их национальной принадлежности, расовой, гендерной и др.

Особое внимание в современном мире уделяется вопросу гендерного неравенства в структуре государственной службы. Следует заметить, что этот вопрос является одним из самых дискуссионных среди действующих специалистов в области права и психологии, а также весьма обсуждаем в медиа пространстве: статьи в газетах «Ведомости», «Комерсантъ».

Говоря о гендерном неравенстве в государственной службе РФ, следует изучить общую теорию гендерного дисбаланса. Различные специалисты в области социологии и психологии выделяют ряд причин: позитивные и негативные стереотипы по Ричарду Анкеру, стереотипы мускулинности и феминности, разделения профессиональных и семейных ролей, специфики трудовой деятельности, горизонтальная профессиональная сегрегация («стеклянные стены»). Те или иные причины указывают нам на многогранность и сложность данной темы, решения проблемы гендерного дисбаланса в государственной гражданской службе в России требуется особенный подход.

Глава государства в 2024 г. отмечает, что количество женщин вообще во всех звеньях руководства у нас недостаточное. Но представляется, было бы ошибкой делать так, как это делается в некоторых странах, – по гендерному принципу отбирать на определенные должности.

В Российской Федерации тенденция, что кандидатов нужно выбирать в первую очередь «по личным деловым качествам». И по многим направлениям женщины работают крайне ответственно и показывают блестящие результаты. В. В. Путин считает «упущением» то, что в стране нет женщин-губернаторов, и пообещал «обязательно поработать с коллегами на этот счет».

Согласно данным опроса представителей российского бизнеса, проведенного Ассоциацией менеджеров летом 2023 г., только в 34 % российских компаний женщины составляют более половины управленческой команды.

По данным Счетной палаты, для российского рынка труда характерна гендерная сегрегация: женщины наиболее часто работают в сферах с низкими зарплатами и мало заняты в отраслях с высокими зарплатами.

Попытка недооценивать значимость гендерного неравенства может оказать негативное воздействие на весь институт государственной службы, подорвать авторитет демократической системы управления государством. Гендерная политика в системе государственной службы является важнейшим ресурсом, обеспечивающим укрепление российской системы государственной службы.

Шидловский В. А.

ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ И ИХ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Шидловский Валентин Андреевич, студент 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, alex31102012shidl@gmail.com

Научный руководитель: доктор юрид. наук, профессор Василевич Г. А.

Понятие «традиционные ценности» включает в себя систему устоявшихся моральных, культурных и социальных принципов, которые передаются из поколения в поколение, формируя мировосприятие, убеждения и ценностный базис членов конкретного общества, который включает в себя уважение к семье, любовь к Родине, сохранение культурной идентичности, духовного наследия и исторической памяти.

В преамбуле Конституции Республики Беларусь отражены основные ценностные и мировоззренческие ориентиры, такие как ответственность за настоящее и будущее, сохранение национальной самобытности, опора народа на многовековую историю развития белорусской государственности, что свидетельствует о значимости культурно-духовного наследия и традиций в белорусском обществе.

В части второй ст. 15 Конституции закреплено положение о том, что государство занимается обеспечением сохранения исторической правды и памяти о героическом подвиге белорусского народа в годы Великой Отечественной войны. Против белорусского народа оккупанты осуществляли геноцид и множество других злодеяний. На протяжении всей войны белорусы ежедневно вносили Великий вклад в Победу над фашизмом и смогли отстоять свою землю. Таким образом, вышеназванная статья указывает на важность сохранения исторической правды, патриотизма, любви к Родине и готовности к защите своего Отечества.

Обязанности граждан в сфере культуры закреплены в ст. 33 Кодекса Республики Беларусь о культуре. В соответствии с ней граждане обязаны беречь историко-культурное наследие, уважать государственные языки Республики Беларусь, сохранять историческую память о героическом прошлом белорусского народа, бережно относиться к культурным ценностям, уважать культурные традиции и языки национальных общностей, а родители должны заботиться об эстетическом воспитании и культурном развитии детей, о приобщении их к культурным благам и деятельности.

Воспитание у молодого поколения чувства патриотизма, гражданственности, уважения к памяти защитников Отечества, закону и правопорядку, норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства возложена также на педагогических работников и профессорско-преподавательский состав, что закреплено в ст. 17 Кодекса Республики Беларусь об образовании.

В главе 2 Концепции правовой политики закреплены историко-культурные основы и идеологические императивы правовой политики нашего государства, несущие в себе ценностный смысл. В указанной главе изложен длительный, сложный процесс становления и развития белорусского государства, а также его различные исторические и полиэтнические формы. Согласно Концепции Беларусь, как государство, возникла на политической карте мира около 12 столетий назад. Исходя из этого можно уверенно утверждать, что белорусский народ имеет право на самоопределение, является полноправным субъектом мирового сообщества и может самостоятельно существовать и развиваться в рамках своего суверенного государства.

На мой взгляд, главный венец традиционных ценностей – семья. Она не только формирует личность, но и создает устойчивую основу для общества и государства. В условиях глобализации и стремительных изменений семья является оплотом стабильности, где каждый член чувствует свою значимость и поддержку. Она помогает справляться с вызовами времени и сохранять связь с прошлым, через нее передаются культурные обычаи, праздники и традиционные устои, которые связывают поколения. Важно помнить, что именно в семейном кругу мы учимся уважать и ценить наше наследие. Институты брака, как союза мужчины и женщины, семьи, материнства, отцовства и детства находятся под защитой Республики Беларусь, что закреплено в ст. 32 Конституции. Все это и становится основой для формирования здоровых отношений в обществе и государстве.

В условиях стремительных изменений, характерных для современного общества, вопросы защиты традиционных ценностей становятся особенно актуальными, поскольку они играют ключевую роль в обеспечении стабильности и гармонии в обществе, а также в поддержании культурной идентичности. В своем выступлении на торжественной церемонии подписания Решения республиканского референдума 2022 г. Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко описал состояние конституционно-правовой защиты традиционных ценностей: «Мы не просто укрепили, я бы сказал, зацементировали наши принципы: суверенитет, сохранение исторической памяти, патриотизм, защита традиционной семьи как союза женщины и мужчины и многое другое».

Таким образом, необходимо продолжать развивать законодательство в данной сфере, поскольку конституционно-правовая защита традиционных ценностей является неотъемлемой частью устойчивого и гармоничного развития общества. Она способствует сохранению исторической правды и культурной идентичности, обеспечению социальной стабильности и формированию уважительного отношения к историко-культурному наследию.

Шпак Е. Л.

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Шпак Егор Леонидович, студент 2 курса Академии управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь,
shpak.2018.2006@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Курак А. И.

На современном этапе развитие цифровой экономики является одним из приоритетных направлений государственной политики Республикі Беларусь. Это обусловлено необходимостью повышения эффективности и конкурентоспособности национальной экономики, а также улучшения качества жизни граждан. Цифровая экономика представляет собой новую модель экономического развития, основанную на использовании информационных и коммуникационных технологий, а также на создании и распространении цифровых продуктов и услуг.

Законодательство Республики Беларусь в области цифровой экономики включает в себя ряд нормативных актов, регулирующих различные аспекты цифровой экономики, такие как электронная коммерция, электронные деньги, информационная безопасность и защита цифровых данных.

Конституция Республики Беларусь устанавливает основные принципы и нормы, регулирующие развитие цифровой экономики. В частности, ст. 13 Конституции Республики Беларусь гарантирует право граждан на свободное развитие и использование своих способностей и имущества, а ст. 14 устанавливает принцип свободы предпринимательства.

Развитие цифровой экономики в Республике Беларусь также регулируется рядом законов и подзаконных актов. Например, Закон Республики Беларусь «О цифровой экономике» устанавливает основные принципы и нормы развития цифровой экономики, а также определяет полномочия государственных органов и должностных лиц в этой области.

Нормативные правовые основы развития цифровизации экономики в Республике Беларусь заложены в программных документах, среди которых: Программа деятельности Правительства Республики Беларусь до 2025 г., предусматривающая обеспечение внедрения и интеграции информационно-коммуникационных и передовых производственных технологий в сферы жизнедеятельности общества и отрасли национальной экономики; Государственная программа «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы, формирование которой выполнялось с учетом Стратегии развития информатизации в Республике Беларусь на 2016–2022 годы, одобренной Президиумом Совета Министров Республики Беларусь (протокол от 3 ноября 2015 г. № 26), и законодательства, регулирующего вопросы информатизации, создания информационных технологий, обеспечения защиты информации, а также результатов научных исследований, практического опыта создания и развития информационно-коммуникационных технологий (ИКТ).

Международное сотрудничество является важным фактором развития цифровой экономики в Республике Беларусь. Членство в таких организациях, как Всемирная торговая организация (ВТО) и Организация объединенных наций (ООН), позволяет стране участвовать в соблюдении стандартов в области цифровой экономики, а также получать доступ к передовым технологиям и опыту других стран мира.

Цифровая экономика играет решающую роль в повышении эффективности и конкурентоспособности национальной экономики, а также в улучшении качества жизни граждан. Однако для достижения успеха в развитии цифровой экономики необходимо тщательно учитывать конституционно-правовые аспекты, чтобы гарантировать соответствие принципов развития цифровой экономики нормам Конституции Республики Беларусь. В частности, необходимо обеспечить, чтобы развитие цифровой экономики осуществлялось в соответствии с принципами демократии, социальной справедливости, закрепленными в Конституции. Это предусматривает создание условий для равного доступа к цифровым технологиям и услугам для всех граждан, независимо от их причин, места жительства или других факторов. Кроме того, развитие цифровой экономики должно осуществляться с учетом требований безопасности и защиты государства, а также защиты прав и интересов граждан в цифровой среде. Это требует создания эффективной системы кибербезопасности, защиты государственных данных и предотвращения киберпреступности.

Таким образом, развитие цифровой экономики в Республике Беларусь должно быть основано на принципах Конституции и направлено на обеспечение благосостояния и безопасности граждан, а также на устойчивость позиций государства в глобальной экономике.

В связи с этим необходимо продолжать совершенствовать законодательство Республики Беларусь в области цифровой экономики, чтобы создать благоприятные условия для развития бизнеса и привлечения инвестиций. Кроме того, необходимо продолжать международное сотрудничество в области цифровой экономики, чтобы получить доступ к передовым технологиям и опыту других стран.

Шуршилова А. Д.

ВОПРОСЫ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОХРАНЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Шуршилова Анастасия Дмитриевна, магистрант Саратовской государственной юридической академии, г. Саратов, Россия, kuznetsov.ns9@yandex.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Угланова О. А.

Испокон веков для абсолютно любого государства культура являлась безграничной ценностью, что немаловажно и в современности. Главная цель охраны культурного наследия – сберечь уникальные творения природы и

богатейшую историко-культурную память всех народов. Российское государство на протяжении всего своего развития уделяло внимание сбережению и восстановлению памятников культуры. На сегодняшний день действует большое количество нормативных правовых актов, регулирующих вопросы охраны культурного наследия. Однако полагаем, что анализ законодательства, регулирующего вопросы охраны культурного наследия необходимо проводить в ретроспективном контексте, что и явилось целью нашего исследования.

Сохранение памятников старины всегда входило в культурную политику государства и занимало в ней особое место. Принято считать, что первые шаги были сделаны Петром I в XVIII в. Именно с него начинается государственный опыт охраны объектов культурного наследия в России. Первым законом, детально урегулировавшем деятельность государства по охране объектов культурного наследия стал Закон РСФСР «Об охране и использовании памятников истории и культуры», принятый 15 декабря 1978 г. И хотя в указанном Законе не было термина «культурное наследие», однако именно данным нормативным правовым актом впервые на государственном уровне были закреплено понятие «Памятники истории и культуры».

На сегодняшний день, если рассматривать нормативные правовые акты, регулирующие отношения в рассматриваемой сфере по принципу юридической силы, верховенство принадлежит Конституции Российской Федерации.

До 2020 г. ученые неоднократно затрагивали вопрос об отсутствии в Основном Законе обязанности государства по охране объектов культурного наследия. В марте 2020 г. в результате внесения поправок в Конституцию РФ появились положения, которые по своему характеру можно назвать «прорывными», так как был сделан акцент на сохранение культуры, самобытности народов, населяющих Россию. Так, согласно ч. 4 ст. 68 Конституции РФ культура в Российской Федерации является уникальным наследием ее многонационального народа, а ст. 69 гласит: «Российская Федерация гарантирует права коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации».

Вторым по значимости является Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». В соответствии со ст. 61 указанного закона при нарушении законодательства в сфере охраны культурного наследия для их сохранения применяются различные меры гражданско-правовой, административной, уголовной и дисциплинарной ответственности. Многие положения данного федерального закона получили свое развитие в нормативных правовых актах Правительства Российской Федерации и федеральных органов исполнительной власти, которые обладают надлежащей компетенцией.

Отдельного внимания заслуживают кодифицированные нормативные правовые акты. Так, отдельные требования, направленные на сохранение

объектов культурного наследия, содержатся в Земельном кодексе Российской Федерации. Существует и иное законодательство, регламентирующее данную сферу общественных отношений.

Специальная норма об уголовной ответственности содержится в ст. 243 Уголовного кодекса Российской Федерации, которая предусматривает ответственность за уничтожение или повреждение памятников истории, культуры, природных комплексов или объектов, взятых под охрану государства.

Затрагивает вопросы охраны объектов культурного наследия и Гражданский кодекс Российской Федерации, согласно ст. 240 которого в случаях, когда собственник культурных ценностей, отнесенных в соответствии с законом к особо ценным и охраняемым государством, бесхозяйственно содержит эти ценности, что грозит утратой ими своего значения, такие ценности по решению суда могут быть изъяты у собственника путем выкупа государством или продажи с публичных торгов.

Таким образом, правовое регулирование является важнейшим двигателем в отношениях между обществом и объектами культурного наследия. С помощью законодательства уполномоченным государственным органам удается предупредить огромное количество преступлений и правонарушений, способных оказать непоправимое воздействие на объекты культуры.

Яковенко К. Н.

О ЗНАЧЕНИИ ПРЕАМБУЛЫ КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Яковенко Карина Николаевна, студентка 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, karinamalinova13@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Масловская Т. С.

Слово «преамбула» образовано от латинского *preambulus*, что в переводе означает «предшествующий», «идущий спереди». Преамбула представляет собой вступление в тот или иной нормативный правовой акт, которое дает толчок к пониманию его содержания. Наш Основной Закон также содержит подобное вступление.

Можно сказать, что Преамбула появилась еще в тексте Конституции ССРБ 1919 г. Такой вывод сделан исходя из вкладываемого нами содержания в само понятие Преамбулы, ее основного значения. На наш взгляд, данная часть того или иного правового акта помогает понять его суть, идеологическое содержание, с чем, по нашему мнению, справилась в 1919 г. Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа Белоруссии. Отражение в Основном Законе нашли лишь те положения, которые закрепляли задачи ССРБ, а также ее идеалы. Бесспорно, что говорить о современном понимании Преамбулы в этом случае сложно, но, опираясь на такие факторы, как суть правового акта, задачи и идеалы, все же можно

проследить схожесть с ней. С формальных позиций впервые преамбула появилась в Основном Законе БССР 1978 г., который содержал торжественное вступление не только идеологического, но и исторического характера.

Преамбула современной Конституции содержит указание на ее принятие белорусским народом и затрагивает такие фундаментальные понятия, как признание права на сохранение самобытности и суверенитета, право на самоопределение, признание народа в качестве субъекта мирового сообщества, приверженность общечеловеческим ценностям.

Обращая внимание на значение текста Преамбулы, профессор Г. А. Василевич отмечает, что «ее положения имеют фундаментальное (базовое) значение для уяснения смысла других норм Конституции». Т. С. Масловская указывает, что «юридическое значение преамбулы заключается в том, что все конституционные положения должны соответствовать целям и принципам, отраженным в преамбуле», а также обращает внимание на ее значительную роль при толковании конституционных положений.

Важность роли Преамбулы можно понять исходя из осознания того, насколько на самом деле фундаментальными являются закрепленные в ней положения. Кроме того, она содержит сокращенное название нашего государства (не только Республика Беларусь, но и Беларусь), а также называет Конституцию Основным Законом, что не нашло своего отражения ни в одной статье Конституции.

Определенный научный интерес вызывает вопрос: можно ли считать Преамбулу Конституции Республики Беларусь источником права? Здесь важно подчеркнуть сразу несколько моментов.

Существуют разные подходы к определению источника права. Он представляет собой официальную форму выражения правовых норм, итог правотворческой деятельности государства. Квалифицирующими признаками источника права в формальном смысле являются: особый порядок принятия акта; содержание нормативных предписаний; формальная определенность; социальная регулируемость (урегулирование тех или иных общественных отношений); обязательный характер содержания. Представляется, что Преамбула Конституции Республики Беларусь соответствует вышеуказанным признакам.

В Законе «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» 2000 г. определялось, что нормативный правовой акт может иметь преамбулу, но при этом включение в нее нормативных предписаний, как правило, не допускалось (ст. 28). В Законе Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. «О нормативных правовых актах» определено, что преамбула акта является вступительной частью акта и, как правило, не содержит нормативных правовых предписаний. Исходя из этого, делаем вывод, что преамбула может являться составной частью акта, а также содержать нормативные правовые предписания.

Обратим внимание, что в ч. 2 ст. 7 Основного Закона установлено, что он обладает высшей юридической силой, а все акты государственных органов издаются в соответствии с Конституцией. Важно то, что в данной статье идет речь обо всём тексте Конституции, куда входит и Преамбула.

Ответ на вопрос о том, является ли Преамбула нашего Основного Закона источником права, на самом деле, не однозначный. Данная тема требует дальнейшего научного осмысления и анализа. Если бы содержащиеся в Преамбуле принципы не были раскрыты в основной части Конституции, можно было бы с большей уверенностью говорить о Преамбуле как источнике права. Также такой вывод можно сделать исходя из ч. 2 ст. 7 Основного Закона, где в качестве источника права говорится о Конституции в целом, без каких-либо оговорок. Кроме того, подкрепляет выводы соответствие Преамбулы признакам источника права.

Liu Xinyi

A COMPARATIVE STUDY OF CONSTITUTIONAL REVIEW SYSTEMS IN CHINA AND BELARUS

Liu Xinyi, Master's student of the Belarusian State University
Minsk, Belarus, liuluxi666@gmail.com

Scientific Supervisor: lecturer Artsemyeu Siarhei

As the fundamental law of the country, a constitution stipulates a country's operating model, its political system, powers of state institutions, and people's basic rights, and has the highest legal force. Laws, regulations, other normative documents, state powers, and citizen behavior should have a constitutional basis. Therefore, constitutional review of various legal forms has become a necessary means to safeguard the authority of a constitution, and nowadays, there are different models of systems of constitutional review in the world.

Since the founding of the People's Republic of China, China's constitutional system has begun to have its own characteristics, mainly through extensive solicitation of people's opinions. China has a large population. As a state power organ, the National People's Congress, which exercises state power on behalf of the people, has the power to formulate the constitution, to amend the constitution, and to review the constitutionality of other laws.

According to Articles 62 and 67 of the Constitution of the People's Republic of China, the National People's Congress has the power to supervise the implementation of the Constitution and revoke administrative regulations, resolutions which contradict with the Constitution.

It is worth noting that in March 2018, the First Session of the 13th National People's Congress passed a constitutional amendment, and later changed the Legal Committee of the National People's Congress into the Constitution and Legal Committee of the National People's Congress. This means that we have given the NPC the power to review the Constitution in a more clear institutionalized way.

The objects of constitutional review in China only include laws, administrative regulations, local regulations, autonomous regulations and some other regulations and rules.

The process of constitutionality review.

China's review procedures include active review and passive review.

If the special committee of the National People's Congress or the working body of the Standing Committee of the National People's Congress believes that administrative regulations of government bodies and normative legal acts (local regulations, autonomous regulations and separate regulations) of local bodies conflict with the Constitution or laws, or there are issues with their constitutionality or legality, they may submit the case to a rule-making body which passed the document. If the normative document following a written review opinion is modified or abolished by the rule-making bodies, the review will be terminated.

On the contrary, the Standing Committee of the National People's Congress shall submit proposals and suggestions for cancellation to the Chairman's Conference, which shall decide and submit them to the Standing Committee for deliberation and decision.

Then there is a passive review, in which the State Council, the Central Military Commission, the National Supervisory Commission, the Supreme People's Court, the Supreme People's Procuratorate, and the Standing Committees of the People's Congresses of provinces, autonomous regions, and municipalities think that administrative regulations, local regulations, autonomous regulations, and separate regulations to be unconstitutional. A written request for review may be submitted to the Standing Committee of the National People's Congress, and the relevant special committees and working bodies of the Standing Committee of the National People's Congress will review and put forward opinions. Other state agencies, social groups and individuals may also submit written opinions to the Standing Committee of the National People's Congress.

In general, the constitutional review systems of the two countries are very different. China's review subject belongs to the National People's Congress, while Belarus has a special constitutional court.

ИНФОРМАЦИОННОЕ И АДМИНИСТРАТИВНО-ДЕЛИКТНОЕ ПРАВО

Антко А. А.

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЯ НАЛОГОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Антко Артем Андреевич, студент 2 курса Брестского государственного университета им. А. С. Пушкина, г. Брест, Беларусь, artyom.antko@gmail.com

Научный руководитель: старший преподаватель Сливко О. Я.

Налоговое законодательство имеет особое значение для каждого современного государства. Сущность всех налогов заключается в их использовании государством в качестве важнейшего инструмента современной государственной политики, оказывающего серьезное влияние на все сферы жизнедеятельности общества и самого государства. Государство устанавливает соответствующий правовой режим налогообложения субъектов хозяйствования, чтобы утвердить стабильность и правопорядок в финансово-бюджетной сфере общества. В Республике Беларусь для лиц, совершивших противоправное деяние в сфере налогообложения, предусмотрены различные виды юридической ответственности. Сконцентрируем внимание на административной ответственности в указанной сфере.

В первую очередь необходимо отметить, что меры административной ответственности за нарушение налогового законодательства являются разновидностью государственного (административного) принуждения, они применяются в установленном законодательством порядке уполномоченными государственными органами, их должностными лицами в отношении физических и юридических лиц, совершивших административное правонарушение в сфере налогообложения.

В данном случае административную ответственность можно определить как обязанность лица, нарушившего налоговое законодательство, претерпеть лишения имущественного характера в результате применения к нему государством в лице налоговых органов в установленном порядке санкций. Цель этого вида юридической ответственности выражается в возмещении ущерба, причиненного определенным правонарушением, а также в предупреждении совершения новых противоправных деяний как самим нарушителем законодательства, так и другими лицами.

Учитывая важность правомерного поведения всех участников налоговых правоотношений, законодатель выделил в Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП) отдельную главу, в которой содержится большинство нормативных положений об ответственности за нарушение налогового законодательства. Однако не все административные правонарушения против порядка налогообложения находятся в гл. 14 КоАП, они также закреплены и в смежных главах, таких как гл. 12 КоАП (нарушение порядка ведения бухгалтерского или иного учета (составления

отчетности) и правил хранения бухгалтерских документов и (или) иных документов, необходимых для исчисления и уплаты налогов) и гл. 24 КоАП (нарушение порядка декларирования доходов и имущества).

Необходимо отметить, что согласно КоАП, действующему с 1 марта 2021 г., административная ответственность за некоторые правонарушения в сфере налогообложения смягчена. По части нарушений размеры штрафов остались неизменны, а часть статей КоАП 2003 г. в действующем КоАП отсутствует. Меры административных взысканий за правонарушения налогового законодательства, предусмотренных гл. 14 КоАП, ограничиваются штрафом. К дополнительным взысканиям за данные правонарушения отнесены взыскание стоимости и конфискация. Кроме того, на основании ч. 3 ст. 6.9 КоАП за совершение административных правонарушений может быть применена специальная конфискация.

Важным аспектом исследования является определение специфики субъекта административной ответственности за правонарушения в сфере налогового законодательства. Законодатель нормативно признал юридических лиц как субъектов административного правонарушения в данной сфере. Изучая мнения различных авторов по данной проблеме, можно сказать, что вина юридического лица определяется через действия (бездействие) его должностного лица. Наряду с юридическими и физическими лицами, индивидуальными предпринимателями субъектами административной ответственности признаются специальные субъекты – налоговые агенты, небанковские кредитно-финансовые организации, банки.

Таким образом, некоторые аспекты административной ответственности за нарушение налогового законодательства требуют дальнейшего совершенствования и исследования, что, несомненно, будет способствовать достижению баланса прав и законных интересов всех участников налоговых правоотношений. Применение административных взысканий предопределено целями административной ответственности за нарушение в сфере налогообложения. Взыскания налагаются в целях защиты интересов личности, общества и государства от административных правонарушений для обеспечения установленного правопорядка и предупреждения новых административных правонарушений в сфере налогового законодательства.

Апанасёнок Н. В.

ПРОБЛЕМЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ АВТОРСКОГО ПРАВА, СМЕЖНЫХ ПРАВ И ПРАВА ПРОМЫШЛЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Апанасёнок Никита Витальевич, студент 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, apnivit@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Чешко В. Ю.

В Республике Беларусь ответственность за нарушение авторского права, смежных прав и права промышленной собственности установлена ст. 10.15 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях

(далее – КоАП). Объективной стороной данного правонарушения является: разглашение без согласия сущности изобретения, полезной модели, промышленного образца или иного объекта права промышленной собственности до официальной публикации сведений о них – по ч. 1 ст. 10.15 КоАП и незаконное распространение или иное незаконное использование объектов интеллектуальной собственности – по ч. 2 ст. 10.15 КоАП. Предусмотренное деяние, совершенное в течение года после наложения административного взыскания, влечет ответственность по ст. 201 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК). Также, на основании большей общественной опасности, к преступлениям отнесено совершение вышеописанного деяния сопряженного с получением дохода в крупном размере (500 и более базовых величин) или с причинением ущерба на вышеуказанную сумму, либо совершенного группой лиц по предварительному сговору, либо совершенного должностным лицом с использованием своих служебных полномочий.

Часть 1 ст. 10.15 КоАП содержит ясные границы деяний, подпадающих под действие данной части статьи, в то же время ч. 2 вышеуказанной статьи представляется более пространной. Круг деяний, подпадающих под квалификацию по ч. 2 ст. 10.15 КоАП, крайне широк, в особенности из-за формулировки «или иное незаконное использование объектов интеллектуальной собственности».

К использованию объектов интеллектуальной собственности относится как осуществление личных неимущественных прав, так и осуществление имущественных прав. Нарушением же авторского и смежных прав, согласно ст. 55 Закона Республики Беларусь от 17 мая 2011 г. № 262-З «Об авторском праве и смежных правах», считаются любые действия, противоречащие его требованиям, что иллюстрирует проблему широкого охвата правонарушений в ч. 2 ст. 10.15 КоАП.

Статья 10.15 КоАП Республики Беларусь не выделяет различий между разными видами незаконного использования интеллектуальной собственности, хотя разница в общественной вредности может быть значительной. Например, под эту статью подпадает и аспект коммерческого шпионажа, выражающийся, к примеру, в копировании чертежей интегральных микросхем для присвоения авторства, и присвоение авторства, когда студент использует материалы чужой кандидатской диссертации в своей курсовой работе. Хотя плагиат, безусловно, является правонарушением, его общественная вредность несопоставима с вредностью коммерческого шпионажа, а в примере со студентом скорее даже малозначительна.

Возникает и вопрос о необходимости дополнительных мер для предотвращения принуждения к соавторству на объекты промышленной собственности, созданных в рамках трудовых отношений. Такое принуждение может исходить от руководителей и должностных лиц, которые, используя служебное положение, необоснованно указывают себя в качестве соавторов и получают вознаграждения.

В таких областях, как музыка и кино, и ином коллективном творчестве интеллектуальная собственность часто включает многослойные авторские права, что значительно затрудняет работу правоприменителей. Также актуальным остается вопрос о защите прав на инновационные объекты, такие как технологии смарт-контрактов, которые стремительно развиваются и требуют специфического подхода в регулировании. Квалификация их незаконного использования по ст. 10.15 КоАП в нынешней редакции представляется ошибочной и не соответствует их реальной значимости.

Следует помнить, что в сфере интеллектуальной собственности задействованы не только частные, но и важнейшие публичные интересы. Потеря авторства на изобретение может привести к негативным последствиям не только для конкретного автора, но и для общества в целом, так как результаты интеллектуальной деятельности играют все более важную роль в культурной, научной и экономической сферах. Однако на данный момент защита этих интересов остается на базовом уровне, и необходимость улучшения законодательных мер очевидна.

Подводя итог, хочу отметить, что широкая формулировка ст. 10.15 КоАП Беларуси затрудняет правоприменение и не учитывает разницу в общественной опасности различных правонарушений в области интеллектуальной собственности. Для решения этой проблемы представляется важным уточнить формулировку ст. 10.15 КоАП и дополнительно разграничить правонарушения по степени общественной опасности и размерам ущерба.

Буданов В. И.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ РАБОТ КАК ВИДА АДМИНИСТРАТИВНОГО ВЗЫСКАНИЯ

Буданов Вадим Игоревич, студент 3 курса Академии МВД Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь, interpol.hungrily408@passinbox.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Крюков В. Н.

Реформирование административно-деликтного законодательства Республики Беларусь завершилось принятием обновленного Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП), вступившего в силу 1 марта 2021 г. К ранее существовавшим видам взысканий был добавлен новый – общественные работы.

Статистика Верховного Суда Республики Беларусь по назначению общественных работ районными (городскими) судами демонстрирует значительный рост числа лиц, к которым данная мера ответственности была применена с момента вступления в силу нового КоАП: с 20 лиц в 2021 г. до 1731 и 2755 лиц в 2022 и 2023 гг. соответственно. Однако доля этих взысканий в общей структуре по сравнению со штрафом и административным арестом остается невеликой. К примеру, в первом полугодии 2024 г. из 78 121 лиц, на которых районными (городскими) судами были наложены

административные взыскания к общественным работам привлечено 1409 правонарушителей (т. е. около 1,8 %), тогда как административный арест применялся к 21 498 правонарушителям (27,52 %), а штраф к 55 192 правонарушителям (70,65 %). Аналогичные пропорции наблюдаются и в статистических данных за предыдущие годы.

В случае уклонения лица от выполнения общественных работ согласно ст. 25.13 КоАП предусмотрен штраф в размере от двух до двадцати базовых величин или административный арест.

Однако порядок привлечения к ответственности по указанной статье, урегулированный гл. 22 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – ПИКоАП), отличается излишней сложностью, что на практике нередко приводит к неправильному применению правовых норм.

К примеру, согласно п. 1 ч. 3 ст. 22.6 ПИКоАП уклоняющимся от выполнения общественных работ признается лицо, не вышедшее на общественные работы без уважительных причин более двух раз (т. е. минимум три) после официального предупреждения. При этом местный исполнительный и распорядительный орган, исполняющий административное взыскание в виде общественных работ, официально предупреждает такое лицо об административной ответственности в случае нарушения им порядка и условий выполнения общественных работ. К таким нарушениям относятся, в частности, отказ от выполнения определенного вида работ, неявка в установленный срок для выполнения работ или их невыполнение без уважительных причин.

Согласно ч. 4 ст. 7.1 КоАП привлечение лица к ответственности за уклонение от общественных работ не освобождает от их последующего выполнения. При этом на практике такое лицо, как правило, в дальнейшем их не исполняет, чем нарушается провозглашенный общеправовой принцип равенства перед законом.

По нашему мнению, процедура замены одного вида взыскания другим, применяемая в КоАП ряда европейских государств, представляет собой прогрессивный шаг к индивидуализации ответственности. Такой подход позволяет учитывать конкретные обстоятельства и личные характеристики правонарушителя, что значительно повышает эффективность правоприменения. Например, возможность замены общественных работ штрафом или административным арестом в случае уклонения от их выполнения способствует более гибкому реагированию на поведение правонарушителей, мотивируя их к соблюдению установленных требований и снижая риск повторных нарушений.

Кроме того, идея замены штрафа на общественные работы по ходатайству правонарушителя в случае финансовых трудностей последнего также заслуживает внимания. В таких ситуациях правонарушитель будет заинтересован в добросовестном выполнении общественных работ, что исключит необходимость применения мер принудительного исполнения.

Полагаем, что практическая реализация рассматриваемого взыскания нуждается в дальнейшем осмыслении. В частности, предлагаем:

- дополнить ст. 6.5 КоАП частью 5 в следующей редакции: «В случае уклонения лица от выполнения общественных работ суд по представлению органа, исполняющего административное взыскание в виде общественных работ, может заменить их штрафом полностью или неотбытую часть из расчета одна базовая величина за два часа общественных работ»;
- исключить ст. 25.13 из КоАП.

Таким образом, совершенствование норм законодательства с учетом предложенных изменений может способствовать превращению института общественных работ в действительно адекватную и действенную меру административной ответственности.

Будюхина Д. Д.

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: ЭФФЕКТИВНОСТЬ И ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ

Будюхина Дарья Денисовна, студентка 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, dbudyukhina@inbox.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Чешко В. Ю.

На современном этапе развития общественных отношений, в условиях цифровизации, существования глобальной компьютерной сети Интернет, свободного доступа практически к любой информации и развития информационного общества, несовершеннолетние раньше получают представление о таких категориях, как правомерность и противоправность, могут сознавать опасность совершаемых ими деяний, в состоянии оценивать отрицательный характер своих действий и предвидеть неблагоприятные последствия такого поведения с 16, а в некоторых случаях и с 14 лет. Более того, прослеживается тенденция, связанная с ростом количества совершенных несовершеннолетними правонарушений при увеличивающемся проценте повторного привлечения к ответственности. Данные обстоятельства выступили в качестве основания для ответной реакции законодателя на происходящие в обществе процессы, что выразилось в закреплении в Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП) ряда административных правонарушений, ответственность за совершение которых наступает до достижения лицом совершеннолетия.

Административная ответственность несовершеннолетних имеет свою специфику и в целом представляет собой вынужденную необходимость претерпеть отрицательные и неблагоприятные последствия совершенных противоправных деяний ввиду привлечения к административной ответственности и наложения административного взыскания уполномоченными на то субъектами административного права в рамках действующего законодательства. Целью привлечения к административной

ответственности лиц, не достигших возраста совершеннолетия, является не только их наказание, но и воспитательное воздействие, поскольку законодатель заинтересован в том, чтобы лицо перевоспиталось и в будущем не привлекалось к ответственности, поддерживая в обществе состояние законности и правопорядка, выполняя свои трудовые функции и работая на благо общества и государства. В связи с этим вытекает ряд приведенных далее положений, закрепленных в гл. 9 КоАП.

Законодатель, учитывая юный возраст данной категории правонарушителей и не до конца сформированную психику, устанавливает льготный режим привлечения к административной ответственности и наложения взысканий. Так, к несовершеннолетним не применяются такие виды взысканий, как административный арест, общественные работы, штраф налагается со спецификой, а лишить несовершеннолетнего права заниматься определенной деятельностью можно не более чем на один год. Предусматриваются и иные особенности, например, возможность применения мер воспитательного характера при освобождении несовершеннолетнего от административной ответственности, к каковым законодатель относит разъяснение законодательства, возложение обязанности принести извинения потерпевшему, возложение обязанности загладить причиненный вред и ограничение досуга.

Безусловно, предполагается, что применяемые к несовершеннолетним меры административной ответственности обусловливают меньший объем и степень лишения и ограничения прав и свобод лиц по сравнению с совершеннолетними правонарушителями, однако анализ вышеперечисленных мер воспитательного характера ставит под вопрос данную характеристику, поскольку, например, ограничение досуга тесно связано с ограничением права граждан на свободу передвижения, закрепленного в ст. 30 Конституции Республики Беларусь. Возложение обязанности принести извинения и загладить причиненные вред связано с принуждением несовершеннолетнего против его воли к совершению определенных действий. Представляется возможным предложить наряду с применением норм, установленных действующим законодательством, некоторые меры, предусмотренные гл. 5 КоАП «Профилактические меры воздействия», такие как устное замечание, предупреждение, наряду с предусмотренными гл. 9 КоАП особыми условиями административной ответственности, особыми сроками, по истечении которых лицо считается не подвергавшимся административному взысканию, а также условиями неприменения административных взысканий. Применение иных мер воздействия на несовершеннолетних позволит больше воздействовать на воспитание подрастающего поколения и оказание помощи в становлении на законопослушный путь.

Таким образом, подводя итоги всего вышеперечисленного, можно заключить, что административно-деликтное законодательство, в том числе и нормы, посвященные ответственности несовершеннолетних, вносят существенный вклад в регулирование общественных отношений, а также

являются предметов споров и рассуждений ученых-юристов, что позволяет законодателю принимать новые меры, направленные на совершенствование норм действующего законодательства.

Бульбо Е. В.

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ КРАУДСОРСИНГОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРАВОТВОРЧЕСТВЕ

Бульбо Евгения Викторовна, студентка 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минска, Беларусь, bulboevgenia@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Абламейко М. С.

На современном этапе правотворчество столкнулось с необходимостью внедрения информационных технологий, что обусловлено общим уровнем развития правовой системы Республики Беларусь. В таких условиях разумным будет обратиться к краудсорсинговым технологиям.

«Краудсорсинг – как определяет его Р. В. Парфенов, – это решение каких-либо задач силами заинтересованных лиц, деятельность которых координируется на базе информационных технологий, что позволяет осуществить сбор и анализ информации, обсудить и выработать решение широким кругом лиц с различными точками зрения, широтой планирования и креативностью».

Преимуществом использования данных технологий в первую очередь является возможность построения прямого диалога между обществом и государством, что в свою очередь непременно будет способствовать демократизации правотворчества. Немаловажным достоинством выступает факт участия широкого круга лиц в сборе и анализе информации, обсуждении и выработке решений, что обеспечивает большую вероятность создания качественного нормативного правового акта. Использование краудсорсинговых технологий в правотворчестве, как отмечает П. В. Соловьев, повышает лояльность общества к принимаемым нормативным правовым актам, поскольку общественность является одним из авторов этого решения. А также влияет на равномерное разделение ответственности за качество и эффективность нормативного правового акта между гражданами и уполномоченными государственными органами.

Стоит отметить, что первые шаги в данной области уже предприняты, поскольку с 2018 г. в нашей стране функционирует сайт «Правовой форум Беларуси», а с 1 февраля 2019 г. в соответствии с Законом Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах» ему был придан статус официальной площадки для публичного обсуждения проектов нормативных правовых актов. Конечной же целью, как отмечает П. В. Соловьев, является создание новой системы взаимодействия государства и населения через переход от подготовки проекта нормативного правового акта государством и его последующей оценки гражданами

к процедуре совместного осуществления нормотворческой деятельности, в том числе на стадиях планирования, нормотворческой инициативы и подготовки проекта.

Однако стоит понимать, что дальнейшее развитие использования краудсорсинговых ресурсов в сфере правотворчества может столкнуться с рядом проблем. Наиболее значимые из них: расхождение во мнениях как внутри общества между социальными группами, так и вовне, с позицией государства, что может повлечь за собой возникновение социальных конфликтов; а также вполне реальна возможность оттеснения мнения специалистов преимущественным большинством, имеющим недостаточный уровень правовой культуры для полной оценки всех последствий принимаемой нормы.

Как результат, возникает объективная необходимость создать правила, регламентирующие порядок и способы участия граждан в правотворчестве через краудсорсинговые технологии, а также разработать новый подход к архитектуре нормативных правовых актов, поскольку необходимо понимать, что участие столь широкого круга лиц привнесет некоторую стихийность в процесс правотворчества.

Таким образом, разработка нового подхода к правотворчеству с помощью краудсорсинговых технологий выглядит достаточно перспективной и своевременной, однако для эффективного и здорового развития системы права и законодательства Республики Беларусь вышеупомянутый подход не должен и не может рассматриваться как единственно возможный, впоследствии заменяющий все остальные формы правотворчества.

Воскресенская М. А.

К ВОПРОСУ ОБ ИЗМЕНЕНИИ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Воскресенская Марта Александровна, студентка 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь,
marthyandalex@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Чешко В. Ю.

В 2022 г. в законодательстве Республики Беларусь, регулирующем дорожное движение, произошли поэтапные изменения, которые коснулись новшеств непосредственно в Правилах дорожного движения и вступили в силу 27 октября 2022 г.

Последние изменения были внесены Указом Президента Республики Беларусь от 31 июля 2023 г. № 240 «О международном автостраховании».

Нормативно-правовой основой, регулирующей законодательство в области дорожного движения, является Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 января 2021 г. № 91-З (далее – КоАП Республики Беларусь). В настоящее время Кодексом за нарушение

Правил дорожного движения предусмотрен штраф, а в некоторых случаях лишение права заниматься определенной деятельностью.

Согласно ч. 2 ст. 4.1 КоАП Республики Беларусь, основной целью административной ответственности является воспитание физического лица, совершившего административное правонарушение, а также предупреждение совершения новых правонарушений как лицом, его совершившим, так и другими физическими или юридическими лицами. Для более эффективной реализации вышеупомянутых целей допустимо введение дополнительных мер административной ответственности.

В период с 12 по 27 сентября 2024 г. на Правовом форуме Беларуси проходило общественное обсуждение проекта Указа Президента Республики Беларусь об изменениях в Правила дорожного движения. В результате обсуждения данного проекта Указа в специальную тему поступило 627 сообщений.

Из общего числа сообщений, затрагивающих тему спешивания при пересечении отмеченными категориями участников дорожного движения проезжей части дороги, количество граждан, не поддерживающих предлагаемую поправку, составляет порядка 57 %, «за» – высказались около 43 %. Однако следует отметить, что в подавляющем большинстве случаев «не спешивание» поддержали сами велосипедисты или лица, передвигающиеся на средствах персональной мобильности (СПМ).

Одновременно гражданами предложены и иные изменения в Правила дорожного движения, из которых можно выделить следующие: уменьшить максимальную скорость движения на СПМ; увеличить возрастной порог для передвижения на СПМ; упорядочить размещение СПМ и велосипедов; разрешить велосипедистам двигаться по проезжей части, вне зависимости от наличия иных элементов дороги; предусмотреть сдачу экзаменов и получение водительского удостоверения для велосипедистов и лиц, передвигающихся на СПМ.

Стоит отметить, что во время пандемии получило широкое распространение использование электросамокатов во многих странах, в том числе и в нашей стране, поэтому нам необходимо задуматься над правилами использования данного вида средства персональной мобильности.

Так, в Нидерландах прокатиться получится только по собственному участку – использование электросамокатов на дорогах общего пользования запрещено под угрозой штрафа в €360 и конфискации транспортного средства.

В Сингапуре электросамокаты фактически запрещены: передвигаться на них можно только по велодорожкам, которых в городе-государстве очень мало. Нарушителям грозит штраф в 2 тыс. сингапурских долларов ($1,4 тыс.) или до трех месяцев лишения свободы.

В Японии главное требование – наличие водительского удостоверения. При этом ношение шлема является рекомендательным, но необязательным, а скорость движения ограничена 20 км/ч. Благодаря жестким требованиям в Японии до сих пор не зарегистрировано серьезных ДТП с электросамокатами.

Таким образом, запрет на использование электросамокатов и велосипедов на тротуарах – необходимый шаг, чтобы пешеходы снова чувствовали себя в безопасности на общественных дорожках.

Важно отметить, что любые изменения направлены в первую очередь на совершенствование системы и организации, в данном случае Правил дорожного движения и их безопасности.

Введение такого вида административной ответственности, как направление на сдачу экзамена, является эффективным способом обеспечения безопасности дорожного движения, а также воспитания лица, совершившего правонарушение, и предотвращения совершения им аналогичных правонарушений.

Корректировка законодательства – важный шаг на пути создания безопасной среды. Но, пожалуй, не меньшее значение имеет культура поведения участников дорожного движения. Безопасность на дорогах – это прежде всего действия людей, которые ценят жизнь и здоровье – собственные, родных и близких, а также с уважением и вниманием относятся к окружающим.

Галькевич Я. А.

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ПОПЫТКИ СОВЕРШЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Галькевич Яна Александровна, студентка 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, law.galkevicYA@bsu.by

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Чешко В. Ю.

Неоконченным правонарушением является такое деяние, которое по тем или иным причинам не достигло желаемых целей. Им является попытка совершения административного правонарушения.

Понятие «попытка совершения административного правонарушения» закреплено в ст. 1.10 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП), в соответствии с которой попытка совершения административного правонарушения – умышленное действие физического лица, непосредственно направленное на совершение административного правонарушения, если при этом оно не было доведено до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам.

Из юридической теории следует, что квалификация совершенного деяния как попытки совершения административного правонарушения должна происходить при установлении трех объективных признаков и одного субъективного.

Объективные признаки:

1) попытка представляет собой действия (бездействие), которые непосредственно направлены на совершение административного правонарушения;

2) попытка характеризуется тем, что при его совершении правонарушение не получает полного завершения, не доводится до конца;

3) недоведение его до конца происходит по обстоятельствам, не зависящим от виновного.

Субъективный признак: попытка может быть совершена только с прямым умыслом и с наличием у лица конечной цели.

В КоАП не содержится отдельной статьи, посвященной попытке, однако ряд норм позволяет квалифицировать такие деяния. Так, в п. 3 ст. 2.1 КоАП закреплено, что административная ответственность за попытку совершения административного правонарушения наступает в случаях, прямо предусмотренных Особенной частью КоАП (таких статей всего 6).

В рамках данной темы особое внимание следует уделить ст. 18.15 КоАП, которая регулирует управление транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения. Диспозиция статьи говорит: управление транспортным средством лицом, находящимся в состоянии алкогольного опьянения, при наличии абсолютного этилового спирта в крови или выдыхаемом воздухе в концентрации до 0,8 промилле включительно или наличии паров абсолютного этилового спирта в концентрации до 380 микрограммов на один литр выдыхаемого воздуха включительно. Так, за управление автомобилем в нетрезвом виде санкция статьи предусматривает серьезное наказание – лишение права заниматься определенной деятельностью сроком на 3 года и крупный штраф в размере ста базовых величин.

Интересным является тот факт, что многие граждане сталкиваются с ситуацией, когда находятся за рулем автомобиля в состоянии опьянения, но не собираются никуда ехать. Возникает вопрос: подлежат ли они административной ответственности в этом случае? Согласно разъяснениям УГАИ ГУВД Мингорисполкома все зависит от того, воздействует ли водитель на органы управления транспортным средством. Если человек находится за рулем припаркованной и незаведенной машины, то состав административного правонарушения отсутствует. Однако, если зафиксирован факт воздействия на органы управления, сотрудники ГАИ могут доставить водителя на освидетельствование, по результатам которого будет принято дальнейшее решение.

Согласно правилам дорожного движения к органам управления транспортного средства относятся: рулевое колесо, педали сцепления, тормоза и «газа», рычаг коробки переключения передач, рычаг стояночного тормоза («ручник»). Автомобиль предполагает также наличие дополнительных органов управления, к которым относятся: переключатель указателей поворотов, включатель габаритных огней, переключатель света фар, включатель стеклоочистителя и стеклоомывателя, замок зажигания.

Исходя из разъяснений УГАИ ГУВД Мингорисполкома, если лицо совершит воздействие на одно из вышеперечисленных органов управления автомобиля, то оно будет привлечено к административной ответственности сотрудниками ГАИ. Из чего можно сделать вывод, что данное лицо совершает попытку совершения административного правонарушения,

а именно – управления транспортным средством в состоянии опьянения. Следовательно, представляется целесообразным закрепить формулировку «а равно попытка на такое правонарушение» в ст. 18.15 Особенной части КоАП.

Таким образом, попытка совершения административного правонарушения в Республике Беларусь представляет собой важный аспект правоприменительной практики. Квалификация таких действий позволяет учитывать намерения правонарушителей и способствует более справедливому подходу к защите общественного порядка.

Герасимов К. К.

ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Герасимов Кирилл Константинович, студент юридического факультета Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, kirill2006gr@gmail.com

Научный руководитель: преподаватель Кандыбо О. М.

В XXI в. от успешности выполнения государством информационных функций, включая обеспечение открытости государственных органов, предоставление интерактивных государственных услуг, создание и развитие электронного правительства, зависит внешнее и внутреннее благополучие страны. Применение современных технологий для сбора, обработки и передачи информации стало ключевым фактором в повышении эффективности управления. В результате этих изменений возникла новая концепция государственного управления – электронное правительство, которая не только улучшает работу государственного аппарата, но и трансформирует отношения между государством и гражданами в условиях глобального информационного общества.

Термин «электронное правительство» является русским аналогом английского «Electronic Government» или «e-Government». Суть этого понятия заключается в использовании современными правительственными структурами различных уровней информационных технологий для непосредственного предоставления информации и оказания услуг различным категориям пользователей.

Основные цели создания электронного правительства включают оптимизацию предоставления государственных услуг населению и бизнесу, а также поддержку и расширение возможностей самообслуживания граждан. Эти цели достигаются через взаимодействие между государством, гражданами и организациями по следующим направлениям: 1) государство – граждане (G2C); 2) государство – бизнес (G2B); 3) различные ветви власти (G2G); 4) государство – государственные служащие (G2E); 5) граждане – государство (C2G).

В рамках единого организационного и информационно-коммуникационного пространства была разработана и продолжает

развиваться система высококачественного предоставления государственных электронных услуг как гражданам, так и бизнесу. Кроме того, созданная инфраструктура электронного правительства открывает возможности для расширения электронного взаимодействия за пределами Республики Беларусь.

В сфере межведомственного информационного взаимодействия в Республике Беларусь на сегодняшний день достигнуты следующие результаты:

– разработана единая технологическая инфраструктура для электронного взаимодействия государственных органов и организаций, основанная на межведомственных информационных системах, центрах обработки данных и Единой республиканской сети передачи данных (ЕРСПД);

– установлены нормативные правовые основы для формирования и развития системы предоставления электронных услуг органами государственной власти, в частности, постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 9 августа 2010 г. № 1174 была утверждена Стратегия развития информационного общества в Республике Беларусь на период до 2015 года, предусматривающая создание системы «Электронное правительство»;

– обеспечены единые механизмы идентификации и аутентификации участников информационного взаимодействия в государственных информационных системах и при получении электронных услуг;

– создан универсальный механизм для выполнения административных процедур в электронном формате и предоставления электронных услуг через Единый портал электронных услуг;

– развиваются процессы трансграничного юридически значимого электронного взаимодействия. Это процессы, при которых страны обмениваются юридически важной информацией и документами через интернет, что позволяет людям и компаниям, находящимся в разных странах, вести дела друг с другом без необходимости физического присутствия.

Таким образом, электронное правительство придает новое качество управленческим институтам, их институционализации. Оно имеет также технологический аспект: совершенствовать работу уже существующих структур и по-новому организовать систему взаимодействия между центром, регионами и органами самоуправления граждан. Можно констатировать, что в настоящее время в Республике Беларусь функционирует отдельные элементы системы электронного правительства, которые обеспечивают автоматизацию управленческих процессов и значительно повышают эффективность государственного управления, а также упрощают, делают комфортным и быстрым взаимодействие с гражданами и бизнесом. В ближайшей перспективе следует сосредоточиться на увеличении объема государственных электронных услуг, так как повышение уровня информатизации в работе с гражданами и организациями является ключевым принципом для сокращения бюрократии в государственном аппарате.

Гончар Н. А.

ПОДХОДЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Гончар Наталья Анатольевна, студентка 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, goncar2005@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Кондратович Н. М.

В последние годы искусственный интеллект (далее – ИИ) стал неотъемлемой частью нашей повседневной жизни, кардинально изменив способ, которым мы работаем, общаемся и принимаем решения. Одной из главных проблем, связанных с этим стремительным внедрением, является отсутствие четкого правового регулирования. Современные законодательства зачастую не успевают за быстрым развитием технологий, что создает правовые «пробелы», в которых могут возникать злоупотребления и нарушения прав граждан. Вопросы ответственности за действия ИИ, защита персональных данных и обеспечение прозрачности алгоритмов требуют внимательного изучения и комплексного подхода.

Первый подход к регулированию искусственного интеллекта заключается в необходимости принятия акта законодательства, который мог бы установить четкие и универсальные правила деятельности, связанной с ИИ. На сегодняшний день Совет Европы стал пионером в этом направлении, приняв первый в истории международный юридически обязывающий договор, касающийся ИИ. Он обязывает стороны принимать активные меры для того, чтобы системы искусственного интеллекта проектировались, разрабатывались и использовались с учетом защиты прав человека, основ демократического общества и принципов верховенства права.

Кроме того, с августа 2024 г. вступил в силу закон Европейского союза о регулировании ИИ – Закон «Об искусственном интеллекте». Он нацелен на формирование единой правовой базы для применения искусственного интеллекта и охватывает все отрасли, за исключением военной.

Второй подход заключается в принятии руководящих принципов, регулирующих деятельность ИИ. Так, в 2019 г. страны, входящие в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), согласились принять набор принципов, в которых изложены некоторые ценности, поддерживающие развитие искусственного интеллекта. Эти принципы подразумевают, что технологии искусственного интеллекта должны быть прозрачными и понятными, функционировать надежно и безопасно, включать механизмы подотчетности, а также разрабатываться с учетом верховенства закона, прав человека и демократических ценностей. Кроме того, утверждается, что технологии ИИ должны содействовать экономическому развитию. Принятие данного пакета принципов сформировали основные направления не только западной политики в области ИИ, но и по всему миру.

В рамках данного подхода можно выделить создание в Российской Федерации Кодекса этики в сфере ИИ. Он выделяется своим акцентом на

человекоцентричном и рискоориентированном подходах к анализу будущего ИИ. Так, в нем четко определена исключительно человеческая ответственность за моральные риски, связанные с разработкой и интеграцией ИИ, а также подчеркивается необходимость учитывать гуманистическую природу этих технологий. Они должны не только не препятствовать, но и содействовать развитию личности, улучшению ее когнитивных навыков, а также сохранению человеческой цивилизации и культуры.

Третий подход к регулированию деятельности, связанной с использованием искусственного интеллекта, заключается в создании международной организации. В 2020 г. премьер-министр Канады Джастин Трюдо и президент Франции Эммануэль Макрон учредили Глобальное партнёрство по ИИ (GPAI). Эта организация позволяет её участникам обмениваться достижениями и информацией в области исследований ИИ, способствуя международному сотрудничеству в разработке ответственного ИИ и формированию глобальной политики в этой сфере. В партнёрство входят 29 стран, включая государства из Африки, Южной Америки и Азии.

Таким образом, подходы к правовому регулированию ИИ развиваются динамично и разнообразно, что обусловливает необходимость эффективного и гибкого подхода к данной теме. На данный момент можно выделить три основных направления: правовое регулирование на уровне законодательства, создание этических норм и стандартов, а также формирование международных организаций и платформ для сотрудничества. Это многогранное регулирование позволяет учитывать уникальные вызовы и потребности, присущие конкретным регионам или секторам экономики, а также обеспечивает более устойчивый и безопасный путь к интеграции ИИ в общественную жизнь.

Развитие правового регулирования в области ИИ требует от стран открытости к экспериментам, сотрудничества на международной арене и постоянного диалога между государственными органами, научными кругами и гражданским обществом. Дальнейшее развитие этого вопроса может служить основой для создания справедливой и эффективной правовой среды, способствующей инновациям, но одновременно защищающей интересы общества.

Гордей П. В., Кротова П. А.

АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ В ОБЛАСТИ ЗАГРЯЗНЕНИЯ ВОД

Гордей Полина Викторовна, Кротова Полина Алексеевна, студентки 2 курса Белорусского государственного экономического университета, г. Минск, Беларусь, polinagordey@icloud.com, polinakrotova28@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Рамазанова Н. О.

Одной из ключевых проблем современности является обеспечение экологической безопасности, которая является необходимым условием для существования и развития человечества. Следует отметить, что важным

аспектом обеспечения экологической безопасности является работа по предотвращению, обнаружению и пресечению экологических правонарушений, а также привлечение виновных к ответственности за их совершение. При этом специфика правонарушений против экологической безопасности заключается в том, что вред, причиняемый человеку, образуется посредством изначального вредоносного воздействия на окружающую среду, в результате чего уже природный объект становится источником экологических угроз для жизни и здоровья личности.

Водные ресурсы страны играют ключевую роль в дальнейшем экономическом развитии, что обосновывает необходимость введения административной ответственности за загрязнение вод, реализации мероприятий по восстановлению экологического состояния водоемов и улучшению рационального использования водных ресурсов. Предметом противоправного посягательства на водные объекты являются поверхностные или подземные воды, а также источники питьевого водоснабжения, причем посягательство на вышепоименованный основной предмет связано с посягательством на дополнительные объекты – жизнь и здоровье человека, животный или растительный мир, рыбные запасы, лесное или сельское хозяйство.

Загрязнение вод выражается в изменении физико-химического состава воды вследствие поступления в водный объект загрязняющих веществ, микроорганизмов, тепла. Засорение вод представляет собой накопление в водном объекте посторонних предметов (мусор, затонувшая древесина, отходы животноводческих комплексов и т. д.).

Стоит отметить, что по данным Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь по итогам прошлого года самыми загрязненными реками страны оказались Свислочь, Лошица, Мухавец.

Если рассматривать актуальность данной проблемы в зарубежных странах, то, например, в Российской Федерации, состояние водных объектов со временем ухудшается. Как итог, наступают такие негативные последствия, как деградация водных и прибрежных экосистем, серьезные проблемы со здоровьем населения, связанные с потреблением некачественной питьевой воды. Устранение этих проблем можно считать одним из направлений социальной политики государства.

Что касается правового регулирования обеспечения экологической безопасности в нашей стране, в том числе применение ответственности за загрязнение вод, главой 15 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях «Административные правонарушения против экологической безопасности, окружающей среды и порядка природопользования» предусмотрен 61 состав экологических правонарушений, а также согласно ст. 16.34 указанного кодекса загрязнение либо засорение поверхностных или подземных вод – влекут наложение штрафа в размере до двадцати базовых величин, на индивидуального предпринимателя – до ста базовых величин, а на юридическое лицо –

до пятисот базовых величин. Однако можно наблюдать исключения из принципа неотвратимости административной ответственности в сфере водного законодательства. В примечании к главе 16 КоАП («Правонарушения против экологической безопасности, окружающей среды и порядка природопользования») установлено, что лицо освобождается от административной ответственности за совершение правонарушения с вынесением предупреждения при соблюдении ряда условий.

Следует проводить разграничения административного правонарушения и уголовного преступления «Загрязнение либо засорение вод», которыми являются: административная преюдиция, крупный размер ущерба (сумма, в 250 и более раз превышающая размер базовой величины), умышленное загрязнение или засорение источников питьевого водоснабжения, заболевание людей либо наступление смерти человека вследствие загрязнения или засорения вод.

Законодательство в области охраны водных ресурсов постоянно совершенствуется, однако проблема остается актуальной из-за недостаточной эффективности контроля и мониторинга. Важным аспектом является также повышение эффективности просвещения граждан о значимости чистоты водных ресурсов и последствиях их загрязнения.

Таким образом, административные правонарушения в области загрязнения вод представляют собой серьезную угрозу как для экосистем, так и для здоровья человека. Вода является жизненно важным ресурсом, и ее загрязнение может иметь катастрофические последствия для окружающей среды, биоразнообразия и качества жизни населения.

Демченко А. С.

ПЕРСПЕКТИВЫ ВВЕДЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СОВЕРШЕНИЕ НЕЗАКОННЫХ СДЕЛОК (ОПЕРАЦИЙ) С ЦИФРОВЫМИ ЗНАКАМИ (ТОКЕНАМИ)

Демченко Артур Сергеевич, студент 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, demcharthur@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Чешко В. Ю.

Сфера цифровых знаков (далее – токенов) и криптовалют в целом продолжает свою закономерную эволюцию в Республике Беларусь. Не секрет, что общественные отношения в сфере информационных технологий развиваются крайне стремительно, что требует постоянной актуализации правового регулирования соответствующей области. Исключением не является и необходимость введения юридической ответственности за совершение незаконных сделок (далее – операций) с токенами.

Отметим, что Декретом Президента Республики Беларусь от 21.12.2017 № 8 (далее – Декрет) установлен перечень разрешенных операций с токенами, а именно майнинг, хранение токенов в виртуальных кошельках, обмен токенов на иные токены, приобретение, отчуждение токенов за

белорусские рубли, иностранную валюту, электронные деньги, дарение и завещание токенов.

Если обратиться к Уголовному кодексу и Кодексу Республики Беларусь об административных правонарушениях (КоАП), то они не устанавливают какой-либо ответственности за совершение незаконных операций с токенами. На данный момент правоприменительная практика пошла по пути привлечения лиц, осуществляющих незаконную предпринимательскую деятельность в сфере токенов, к административной ответственности по ст. 13.3 КоАП (незаконная предпринимательская деятельность). Обратим внимание на один из важнейших критериев осуществления незаконной предпринимательской деятельности в данной сфере: речь идет о подмене собой работы криптообменника, криптобиржи, иного резидента Парка высоких технологий (далее – ПВТ), осуществляющего деятельность в сфере токенов. Иными словами, лицо, не являющееся резидентом ПВТ и совершающее сделки не для себя, а в интересах третьих лиц, согласно Декрету признается осуществляющим незаконную предпринимательскую деятельность.

Логическое продолжение правового регулирования совершения вышеуказанных операций было получено в Указе Президента Республики Беларусь от 17.09.2024 № 367 (далее – Указ), который установил, что физические лица и индивидуальные предприниматели – резиденты ПВТ вправе совершать соответствующие операции исключительно при посредничестве резидентов ПВТ, осуществляющих соответствующий вид деятельности. Совершение операций с токенами с нарушением этих требований является незаконным и запрещается. Что касается ответственности, то согласно п. 3 Указа до 1 июня 2025 г. должно быть обеспечено внесение предложений по установлению административной ответственности за нарушение требований Указа.

Одними из ключевых доводов в пользу необходимости введения административной ответственности за данное правонарушение являются необходимость мониторинга ввода и вывода денежных средств с криптобирж (в контексте роста преступности в киберсфере).

Если обратиться к опыту зарубежных государств по рассматриваемому вопросу, то, например, согласно действующему законодательству Российской Федерации гражданам разрешено приобретать криптовалюту на иностранных платформах, однако использование криптовалюты для расчетов запрещено. Так, весной 2023 г. обсуждался законопроект о введении ответственности за криптовалютные расчеты. Данные предложения, увы, остались нереализованными. Обратим лишь внимание, что согласно законопроекту за использование криптовалюты в качестве средства оплаты товаров, услуг или работ могли быть введены административные штрафы от 20 тыс. до 1 млн российских рублей.

Нам видится целесообразным введение административной ответственности за совершение незаконных операций с токенами и ее инкорпорация в главу 12 «Административные правонарушения в области

финансов, рынка ценных бумаг и банковской деятельности» Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях. Субъектом правонарушения может являться вменяемое физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста; индивидуальный предприниматель (исходя из предписаний Указа). Непосредственный объект – общественные отношения, складывающиеся в сфере установленного порядка совершения операций с токенами. Объективная сторона правонарушения – совершение общественно вредного деяния в виде совершения одной или нескольких незаконных операций с токенами. Наконец, субъективная сторона заключается в совершении правонарушения умышленно или по неосторожности. Санкция статьи может предусматривать наложение административного взыскания в виде наложения штрафа от *пятидесяти до ста базовых величин с конфискацией предмета административного правонарушения или без конфискации*, а на индивидуального предпринимателя – *от ста до двухсот базовых величин с конфискацией предмета административного правонарушения или без конфискации*.

Дубинчик Р. В.

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Дубинчик Родион Валерьевич, студент 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Абламейко М. С.

Искусственный интеллект (ИИ) – это область компьютерной науки, занимающаяся созданием систем и программ, способных выполнять задачи, требующие человеческого интеллекта. К таким задачам относятся обработка естественного языка, машинное обучение, компьютерное зрение и робототехника. С развитием технологий ИИ становится все более распространенным в различных сферах, включая медицину, финансы, транспорт и образование, что подчеркивает его значимость в современном обществе.

С увеличением влияния ИИ на повседневную жизнь и различные отрасли экономики возникает необходимость в его регулировании на международном уровне. Основные причины важности международных актов включают глобальное воздействие технологий, этические и правовые аспекты, стимуляцию инноваций, сотрудничество стран и устойчивое развитие. ИИ не знает границ, и технологии могут быть разработаны в одной стране и использоваться в другой, что делает необходимым согласованное регулирование.

Использование ИИ поднимает множество этических вопросов, включая защиту частной жизни и безопасность данных, поэтому международные акты могут помочь установить стандарты для ответственного использования. Четкие и согласованные правила способствуют развитию технологий,

обеспечивая защиту прав граждан и интересов общества. Кроме того, международные акты способствуют сотрудничеству государств в области исследования и разработки ИИ, что может привести к созданию более безопасных и этичных технологий.

В конечном итоге регулирование ИИ на международном уровне может помочь в достижении целей устойчивого развития, обеспечивая использование технологий на благо общества и окружающей среды. Таким образом, международные акты играют ключевую роль в формировании безопасного и этичного использования ИИ, что важно для гармоничного развития технологий в глобальном масштабе.

Основные международные организации, работающие с ИИ: в 2021 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию, подчеркивающую необходимость глобального подхода к этике ИИ и его воздействию на общество; ЮНЕСКО приняла Рекомендации по этике ИИ, которые содержат принципы для обеспечения ответственного и этичного использования технологий; в 2019 г. ОЭСР представила «Принципы ИИ», которые подчеркивают важность инклюзивности, прозрачности и ответственности в разработке и применении технологий; в 2021 г. Европейским союзом был представлен «Акт об ИИ», который определяет рамки для безопасного и этичного использования ИИ в Европе. Эти международные организации играют ключевую роль в формировании глобальной политики, направленной на регулирование и этическое использование ИИ, что важно для обеспечения безопасного и устойчивого развития технологий.

Подходы к регулированию ИИ на уровне национальных правительств варьируются в зависимости от культурных, экономических и правовых контекстов, что влияет на эффективность и этичность использования технологий в разных странах.

Искусственный интеллект оказывает значительное влияние на права человека как положительное, так и отрицательное. К основным аспектам этого влияния относятся:

1) *приватность и защита данных*. Использование ИИ для анализа больших объемов данных может угрожать праву на приватность. Алгоритмы, применяемые для мониторинга и анализа личной информации, могут приводить к несанкционированному доступу к данным и нарушению конфиденциальности. Это особенно актуально в контексте систем распознавания лиц и слежения;

2) *доступ к ресурсам*. ИИ может как улучшить, так и ухудшить доступ к основным ресурсам, таким как здоровье, образование и работа. Например, системы ИИ могут оптимизировать распределение медицинских услуг, однако они также могут привести к неравенству в доступе к этим услугам среди различных социальных групп;

3) *свобода слова и выражения*. Алгоритмы модерации контента могут ограничивать свободу слова, если они используются для цензуры или удаления контента, который не соответствует определенным стандартам. Это

вызывает опасения по поводу того, как ИИ может влиять на демократические процессы и общественные дискуссии.

Искусственный интеллект представляет собой мощный инструмент, способный преобразовать множество сторон нашей жизни, от бизнеса и медицины до образования и общественной безопасности. Однако его развитие также вызывает серьезные правовые и социальные вопросы. Международные организации, такие как ООН, ЮНЕСКО, ОЭСР и ЕС, играют важную роль в формировании стандартов и рекомендаций по этическому и безопасному использованию ИИ. Важно отметить, что решение этих вопросов требует согласованных усилий на глобальном уровне, чтобы обеспечить служение ИИ на благо обществу и уважению прав человека. Рекомендации по улучшению международного регулирования искусственного интеллекта могут включать укрепление международного сотрудничества, а именно регулярные международные конференции, которые могут способствовать обмену знаниями и лучшими практиками между странами. Это поможет выработать совместные решения. Можно также упомянуть образование и осведомленность, а именно повышение уровня осведомленности о возможностях и рисках ИИ среди широкой аудитории.

Исакова В. А.

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕИСПОЛНЕНИЕ РОДИТЕЛЯМИ ИЛИ ИНЫМИ ЗАКОННЫМИ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОБЯЗАННОСТЕЙ ПО ИХ СОДЕРЖАНИЮ И ВОСПИТАНИЮ

Исакова Владислава Александровна, студентка 4 курса Белорусского государственного экономического университета, г. Минск, Беларусь, Isakova2003vlada@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Рамазанова Н. О.

Воспитание и содержание несовершеннолетних – одна из важнейших задач, стоящих перед обществом и государством. Родители играют ключевую роль в данном процессе, так как именно они несут первичную ответственность за формирование личности своих детей, их физическое, эмоциональное и социальное развитие. В условиях современного общества возникают различные факторы, которые могут негативно воздействовать на выполнение родителями своих обязанностей. В Республике Беларусь законодательство четко определяет права и обязанности родителей, а также последствия за их неисполнение. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях от 06.01.2021 г. № 91-З (далее – КоАП Республики Беларусь) содержит нормы, регулирующие административную ответственность родителей и иных законных представителей за ненадлежащее выполнение обязанностей по воспитанию и содержанию несовершеннолетних. Административная ответственность родителей и иных законных представителей за неисполнение обязанностей по воспитанию и

содержанию несовершеннолетних основывается на принципах защиты прав ребенка, а также на необходимости обеспечения его благополучия. Невыполнение данных обязанностей может привести к различным негативным последствиям, как для самого ребенка, так и для общества в целом. Важно отметить, что административная ответственность является не только наказанием, но и способом побудить родителей к более ответственному поведению.

На практике органы опеки и попечительства сталкиваются с рядом трудностей при привлечении родителей и иных законных представителей к административной ответственности. Основные проблемы включают:

1) недостаток информации о фактах ненадлежащего выполнения родительских обязанностей. Органы опеки и попечительства часто испытывают нехватку ресурсов для полноценной работы с семьями в кризисной ситуации;

2) социальные факторы, такие как бедность или отсутствие образования, которые могут влиять на поведение родителей. Низкий уровень образования у родителей может привести к недостаточной осведомленности о методах воспитания и правах детей;

3) психологические аспекты. Стресс, депрессия и иные психологические проблемы могут существенно влиять на поведение родителей. Родители, испытывающие эмоциональные трудности, могут не справляться с обязанностями по воспитанию, что ведет к ухудшению отношений с детьми. В то время как дети, растущие в неблагоприятной атмосфере, могут развивать собственные психологические проблемы, что в свою очередь может привести к девиантному поведению.

Для повышения эффективности системы ответственности родителей или иных законных представителей за воспитание детей считаем необходимым предложить ряд мер.

1. Образование и просвещение. Создание определенных курсов и семинаров, где родители смогут получить знания о психологии ребенка, методах воспитания и решении конфликтов. Также введение обязательных программ по семейным отношениям и воспитанию в учебных заведениях для подростков, чтобы подготовить их к будущей родительской ответственности.

2. Психологическая поддержка. Необходимо обеспечить семьям доступ к психологической помощи для родителей и детей, особенно в кризисных ситуациях.

3. Укрепление социальных связей. К ним следует отнести разработку программ, направленных на укрепление местных сообществ и поддержку семей путем проведения совместных мероприятий, праздников и культурных событий.

Для решения проблемы недостатка информации у органов опеки и попечительства о фактах ненадлежащего исполнения родительских обязанностей, автор считает необходимым проведение встреч с практиками и специалистами в области детской психологии и социальной работы. Следует также разработать информационные ресурсы, такие как базы данных с

доступом к актуальной информации о детях, семьях и ресурсах. А также обеспечить доступ к данной базе для всех сотрудников органов опеки, что позволит быстро находить необходимую информацию.

Таким образом, административная ответственность родителей за неисполнение своих обязанностей – важный аспект защиты прав несовершеннолетних. Несмотря на существующие проблемы и вызовы, законодательство Республики Беларусь предоставляет необходимые инструменты для регулирования данной сферы. Однако для повышения эффективности системы требуется комплексный подход и активное сотрудничество всех заинтересованных сторон.

Кудинова У. Ю.

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЭЛЕКТРОННОЙ ДЕМОКРАТИИ НА МЕСТНОМ УРОВНЕ

Кудинова Ульяна Юрьевна, студентка 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, law.kudinova260506@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Синицына А. М.

Широкое распространение информационно-коммуникационных (далее – ИКТ) технологий создает предпосылки для развития электронной демократии, под которой понимается использование ИКТ для расширения возможности участия граждан в общественно-политической деятельности.

Электронная демократия осуществляется на двух уровнях: республиканском и местном.

Электронная демократия направлена на обеспечение новых направлений взаимодействия граждан и государственных органов. В современном мире вовлечение граждан в процессе управления делами государства и общества невозможно представить без использования ИКТ, поэтому одна из основных целей внедрения ИКТ в работу местных органов власти – создание условий для обеспечения прозрачности и открытости их деятельности. Информационно-коммуникационное взаимодействие органов местного управления и самоуправления с населением осуществляется посредством размещения информации об их деятельности в сети Интернет, возможности налаживания обратной связи с гражданами и предоставления им электронных услуг.

Как элемент электронной демократии также можно рассматривать, например, коммуникацию между населением (особенно молодежью) и представителями органов местного управления и самоуправления посредством созданных последними аккаунтами в социальных сетях. Через создание аккаунтов органов местной власти и их должностных лиц и их продвижение общество будет больше осведомлено об их деятельности, нежели чем через официальный сайт. Через социальные сети можно не только узнавать о деятельности местных органов власти, но и предлагать

идеи развития, улучшения АТЕ, а также предлагать идеи для совершенствования АТЕ.

Главным аспектом электронной демократии является изменение формы и степени вовлечения граждан в принятие управленческих решений на местном уровне. Примером могут выступать электронные петиции, создаваемые гражданами по различным вопросам, которые в последующем рассматриваются органами власти; опросы и голосования, проводимые местными органами власти для выявления интересов и потребностей общества; платформы обратной связи, посредством которых, граждане могут оставлять отзывы о работе государственных учреждений и служб.

Одной из распространенных форм электронной демократии является электронное голосование. В ряде государств оно помогает осуществлять процесс голосования через сеть Интернет и тем самым упрощать процессы избрания органов местного самоуправления, обеспечивая наибольшую вовлеченность граждан в формирование местных органов. В Республике Беларусь данный институт не нашел своего законодательного закрепления и практического отражения ни на местном, ни на республиканском уровнях.

Закон Республики Беларусь от 4 января 2010 г. № 108-З «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь» предусматривает порядок реализации гражданских инициатив, который развивается в решениях соответствующих местных Советов депутатов и предусматривает применение ИКТ (например, направление гражданских инициатив в электронном варианте посредством электронной почты). Вместе с тем, представляется, применение ИКТ при рассмотрении проектов гражданских инициатив целесообразно расширить, обеспечив информирование населения о внесенных в уполномоченные органы гражданских инициатив через Интернет-ресурсы и широкое обсуждение проектов и голосование по ним населением на открытых цифровых платформах.

Согласно законодательству одной из форм участия граждан в осуществлении местного самоуправления является участие в финансировании и (или) возмещении расходов бюджета на определенные ими цели.

В наше время очень популярной становится идея краудсордингa, краудфандинга и краудинвестинга. Краудсординг представляет собой процесс привлечения коллективного интеллекта или информации от общественности для решения задач или создания чего-то нового. Краудфандинг и краудинвестинг способствуют привлечению денежных средств, в том числе посредством сети Интернет. Представляется, что использование данных институтов местными органами власти поможет привлечь наибольшее количество инвестиций для развития регионов.

По нашему мнению, помимо выделенных нами возможных направлений развития электронной демократии на местном уровне перспективным также является: проведение электронных анкетирований, для выявления потребностей общества; введение такого института как электронный отчет депутатов, на сайте местного Совета депутатов о проделанной работе в своем районе и перспективах развития.

Курто Я. А.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ФАКТОР РИСКА В ОТНОШЕНИИ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ

Курто Яна Андреевна, магистрант Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой, г. Новополоцк, Беларусь, 20pr3.kurto.y@pdu.by

Научный руководитель: канд. юрид. наук Соловьев П. В.

Современное цифровое пространство развивается под воздействием технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ). Несмотря на то, что применение ИИ демонстрирует эффективность в различных областях, оно также связано с большими рисками. Рассмотрим влияние ИИ на сферу защиты персональных данных.

Актуальность рассматриваемого вопроса подтверждается Концепцией правовой политики Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 28.06.2023 г. № 196. Концепция устанавливает, что необходимо урегулировать вопрос применения искусственного интеллекта в сферах законодательства.

М. С. Абламейко определяет ИИ как мультимодальную интеллектуальную компьютерную систему принятия решений, которая на основе входных данных, используя самообучающие технологии, получает результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека, функционируя в определяемом правовом поле. Данное понятие позволяет проанализировать как преимущества, так и негативные стороны применения технологий ИИ в отношении персональных данных.

Обработка персональных данных системами ИИ состоит из двух этапов: этапа обучения, в течение которого ИИ учится выявлять закономерности и выполнять требуемые задачи, и этапа использования, при котором ИИ непосредственно применяет полученные данные для достижения целей ИИ. Входные данные, на основе которых ИИ проходит самообучение, могут состоять в том числе и из персональных данных.

Обработка персональных данных ИИ имеет ряд преимуществ.

Во-первых, скорость и эффективность систем ИИ позволяют обработать массивы информации быстрее и результативнее, чем человек.

Во-вторых, ИИ может быть использован для защиты персональных данных. При применении технологии возможно предотвращение утечек информации, предупреждение возможных угроз и выявление несанкционированного доступа к данным с помощью машинного обучения. Однако наличие преимуществ использования ИИ не исключает соответствующих рисков.

На этапе обучения ИИ может преднамеренно либо непреднамеренно запомнить полученные данные в своей системе. Чем больше информации получают системы ИИ на этапе обучения, тем эффективнее они выполняют свои задачи. К сожалению, данные, используемые для совершенствования

технологии, в большинстве случаев собираются в отсутствие свободного, однозначного и информированного согласия со стороны субъекта персональных данных.

Информация, получаемая от пользователей, обычно хранится в базах данных ИИ. Персональные данные, хранящиеся в этих системах, могут включать конфиденциальную информацию, такую как паспортные данные, место проживания, номера телефонов и т. д.

Алгоритмы ИИ анализируют огромные массивы данных клиентов, такие как их пользовательская активность в Интернете, покупки и др. ИИ также используется банками, страховыми компаниями и иными учреждениями для анализа информации о пользователях, например, их семейного или финансового положения, места проживания и т. д.

Некоторые системы ИИ обучены идентифицировать человека с помощью биометрических данных, что ставит под угрозу конфиденциальность персональных данных человека и неприкосновенность частной жизни. К примеру, такими системами являются технологии распознавания лиц Facebook, Apple Siri, Amazon Alexa и т. д. Полученные данные могут использоваться для создания дипфейков, а именно сгенерированного фото-, аудио- или видеоконтента на основе реальных данных. Дипфейки могут создаваться с целью шантажа либо достижения иных целей, т. е. причинения ущерба человеку.

В случае нарушения требований к защите персональных данных при применении ИИ разработчики систем должны быть привлечены к ответственности. Так, в январе 2022 г. Национальная комиссия по информатике и свободам (CNIL) Франции наложила штраф на компанию Google и социальную сеть Facebook за нарушения при сборе информации о пользователях. В октябре 2022 г. компания Clearview AI была подвержена наказанию в виде штрафа тем же органом по причине незаконного сбора, обработки, хранения и использования биометрических данных граждан Франции.

Республика Беларусь не обладает должным уровнем защиты персональных данных при использовании ИИ. На современном этапе предлагается использование общих требований, установленных Законом Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных».

Развитие технологий ИИ способствует повышению результативности различных отраслей. Делается вывод о том, что быстрое развитие технологии ИИ создает значительные риски в отношении персональных данных и конфиденциальности. Разработчики должны уделять большое внимание информационной защите систем ИИ.

Мандрик Т. В.

ВОПРОСЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В СФЕРЕ ВЕДЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРОЦЕССА И ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

Мандрик Тимофей Владимирович, курсант 3 курса Академии МВД Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь, mandriktimofey99@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Семенюк Д. П.

12 сентября 2011 г. Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко подписал Указ № 409 «Об образовании Следственного комитета Республики Беларусь», а уже с 1 января 2012 г. новая следственная структура приступила к своему функционированию. Деятельность подразделений Следственного комитета Республики Беларусь (далее – Следственный комитет) урегулирована Законом Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 403-З «О Следственном комитете Республики Беларусь». Основные задачи, возложенные на Следственный комитет, перечисляются в ст. 4 данного Закона. Однако Следственный комитет защищает не только охраняемые Уголовным кодексом Республики Беларусь права и законные интересы граждан и организаций, но также права и законные интересы граждан, охраняемые Кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП), что в свою очередь подчеркивает связь Следственного комитета с административно-правовой деятельностью.

Это вытекает из того что, согласно п. 3, 6 ч. 2 ст. 3.30 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – ПИКоАП) следователь является лицом, уполномоченным составлять протоколы об административных правонарушениях по ст. 24.1–24.4, 24.58, 25.2, 25.4–25.6 КоАП, однако на основании ст. 3.2 ПИКоАП рассматривать дела об административном правонарушении по данным статьям будет суд.

Если исходить из определения «общей профилактики правонарушений», указанного в ст. 1 Закона Республики Беларусь от 4 января 2014 г. № 122-З «Об основах деятельности по профилактике правонарушений», то задача по выявлению нарушений закона, причин и условий, способствующих совершению преступлений, принятие мер по их устранению является по своей сути задачей, направленной на профилактику правонарушений. Но, в ст. 5 данного Закона Следственный комитет прямо не указан как субъект профилактики правонарушений и может быть перечислен лишь в качестве иной военизированной организации.

В настоящее время Следственным комитетом уделяется значительное внимание вопросам профилактики, о чем свидетельствует проведение конференций по проблемам профилактики с участием представителей комитета. Так, 16 октября 2024 г. состоялась научно-практическая конференция на тему «Борьба с коррупцией: комплекс мер, принимаемых в Республике Беларусь».

Стоит отметить, что в последнее время особое внимание уделяется следственной профилактике как отдельному виду профилактики правонарушений. 18 октября 2024 г. в Следственном комитете состоялась презентация монографии «Теория и практика следственной профилактики».

Сотрудники Следственного комитета проводят также немало встреч с обучающимися в школах, колледжах и иных учреждениях образования нашей страны, а также с рабочими коллективами на предприятиях.

Проводя сравнительный анализ, следует отметить, что органы Комитета государственного контроля рассматривают дела об административных правонарушениях по ст. 24.1–24.2, 24.4, 25.3, 25.5 КоАП, что в свою очередь повышает профилактическую эффективность деятельности Комитета. Но при этом необходимо учитывать факт того, что Комитет государственного контроля указан в перечне субъектов профилактики правонарушений.

Наделение должностных лиц Следственного комитета полномочиями по рассмотрению дел об административных правонарушениях будет соответствовать его основным задачам. Данная новелла будет также способствовать снижению нагрузки на суды общей юрисдикции, что находит свое отражение в Указе Президента Республики Беларусь от 10 октября 2011 г. № 454 «О мерах по совершенствованию деятельности общих судов Республики Беларусь», в котором одной из необходимых мер по оптимизации судебной нагрузки и совершенствованию процедуры судопроизводства является введение альтернативной подведомственности по ряду категорий дел об административных правонарушениях.

На основании изложенного предлагаю:

для повышения профилактических возможностей следственных органов, а также для более эффективного выполнения задач, возложенных на Следственный комитет, наделить Следственный комитет в лице руководителей его территориальных подразделений правом на рассмотрение дел об административных правонарушениях по ст. 24.1–24.2, 24.4, 25.3, 25.5 КоАП.

внести Следственный комитет в перечень субъектов профилактики правонарушений, закрепленных в ст. 5 Закона Республики Беларусь от 4 января 2014 г. № 122-З «Об основах деятельности по профилактике правонарушений».

Молодьянов В. А.

ПОЛНОМОЧИЯ КОМИССИИ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПО НАЛОЖЕНИЮ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ВЗЫСКАНИЙ

Молодьянов Василий Андреевич, курсант 4 курса Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь, vasya.mol10@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Каразей О. Г.

В соответствии с постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 10 декабря 2003 г. № 1599 «О порядке образования и деятельности комиссий по делам о несовершеннолетних» комиссии по делам

несовершеннолетних (далее – КДН) образовываются на трех уровнях: республиканском (при Совете Министров Республики Беларусь); областном (при облисполкомах и Мингорисполкоме); первичном (при райгорисполкомах, администрациях районов).

Следует отметить, что КДН республиканского и областного уровней в большой степени выполняют координирующую и информационно-просветительскую функции, непосредственно с несовершеннолетними и их родителями не взаимодействуют. В то же время именно КДН первичного уровня принимают непосредственные меры по защите, восстановлению и реализации прав и законных интересов детей.

Исключительно КДН первичного уровня наделены полномочиями рассматривать дела об административных правонарушениях. По своей структуре данный орган, ведущий административный процесс, является коллегиальным со специальными административно-юрисдикционными полномочиями.

В ст. 3.5 Процессуального-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – ПИКоАП), определено, что в компетенцию рассмотрения КДН входят все административные правонарушения, совершенные несовершеннолетними (за исключением правонарушений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства, постоянно не проживающими в Республике Беларусь, а также случаев, когда санкциями Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП) предусмотрены конфискация, взыскание стоимости, запрет на посещение физкультурно-спортивных сооружений). В то же время представляется, что законодатель заложил «брак», наличие которого побуждает неверно трактовать соответствующие положения законодательства. В рассматриваемой статье идет прямое указание, что КДН не рассматривает дела об административных правонарушениях, когда санкциями КоАП предусмотрены конфискация, взыскание стоимости и запрет на посещение физкультурно-спортивных сооружений. Если относительно конфискации все понятно, то указание на возможность наличия в санкциях статей Особенной части КоАП административных взысканий в виде взыскания стоимости и запрета на посещение физкультурно-спортивных сооружений являются неверным.

В ч. 2 ст. 6.10 КоАП обозначено, что взыскание стоимости может применяться, если в санкции предусмотрена конфискация предмета административного правонарушения, орудий и средств его совершения. Аналогично можно сказать и про запрет на посещение физкультурно-спортивных сооружений. Это вытекает из ч. 2 ст. 6.11 КоАП, предусматривающей, что запрет на посещение физкультурно-спортивных сооружений может применяться за совершение на территории физкультурно-спортивного сооружения во время проведения спортивно-массового мероприятия, спортивного соревнования административных правонарушений, предусмотренных статьями 10.1, 17.6, 19.1, 19.3, 19.10–19.12, 24.3, 24.23 КоАП, если за их совершение предусмотрен административный арест.

Таким образом, нет необходимости предусматривать в ПИКоАП указание о рассмотрении КДН дел об административных правонарушениях в случае, когда санкцией КоАП предусмотрено взыскание стоимости, так как такое невозможно. При этом следует согласовать положения ст. 6.11 КоАП и 3.5 ПИКоАП относительно возможности применения запрета на посещение физкультурно-спортивных сооружений.

В связи с этим полагаем обоснованным в ст. 3.5 ПИКоАП слова «предусмотрены конфискация, взыскание стоимости,» заменить словами «предусмотрена конфискация, а также может применяться».

Сам факт наличия у КДН полномочий на рассмотрение дел об административных правонарушениях в целом соответствует Минимальным стандартным правилам ООН, касающимся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинским правилам).

Вместе с тем реализация данной функции вызывает определенные вопросы по поводу объективности исследования обстоятельств дела и независимости КДН. Членов данного коллегиального органа назначает руководитель исполкома, они подконтрольны и подотчетны председателю КДН – заместителю председателя исполкома. Отсутствие юридического образования у большинства его членов может сказаться на правильном применении ими норм материального и процессуального права. По этим причинам, полагаем, в перспективе следует пересмотреть порядок рассмотрения дел об административных правонарушениях, совершенных несовершеннолетними, делегировав соответствующие административно-юрисдикционные полномочия исключительно суду.

Новик А. Г.

ЭЛЕКТРОННЫЙ МУНИЦИПАЛИТЕТ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Новик Алексей Геннадьевич, студент 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, novikag1@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Кондратович Н. М.

В условиях стремительного развития информационных технологий и глобализации процессов управления, понятие «электронный муниципалитет» становится все более актуальным. Электронный муниципалитет представляет собой сложную систему, интегрирующую современные информационные технологии в органы местного самоуправления с целью повышения качества предоставляемых услуг, доступности информации и удобства взаимодействия граждан с властями. В Республике Беларусь, как и во многих странах мира, данная концепция начала активное развитие, что отражает желание государства улучшить свою публичную администрацию и создать более прозрачную, открытую и эффективную систему управления и самоуправления.

Электронный муниципалитет, как эффективный инструмент управления и предоставления услуг, начинает формироваться в Беларуси с учетом исторических, политических и экономических факторов, которые влияют на

его развитие и внедрение. Как отмечает Г. Г. Куневич, «Развитие информационного общества в Беларуси традиционно фокусируется на взаимодействии человека, общества и государства в контексте электронного правительства. При этом местный уровень и проблемы развития форм электронного участия граждан в местном самоуправлении остаются недостаточно изученными и не получают должного внимания. В Республике Беларусь ИКТ развиваются на республиканском уровне, а местный уровень является вторичным. Часто для определения практики использования информационных технологий в сфере местного самоуправления используют термин «электронный муниципалитет»». Формирование систем электронного управления в стране происходит на фоне стремительных изменений в информационных технологиях и мировой практике создания электронного правительства.

В конце XX – начале XXI в. Беларусь столкнулась с необходимостью модернизации государственного управления. Переход к рыночной экономике и международные стандарты требовали более эффективного взаимодействия государства с гражданами. Традиционные методы управления оказались неэффективными, в связи с этим возникла необходимость в электронном муниципалитете. С начала 2000-х годов Беларусь активно развивала информационные технологии, что создало основу для внедрения инноваций в государственное управление. Государство осознало ценность цифровых технологий для повышения прозрачности и подотчетности местных органов власти, что стало решающим фактором для создания электронного муниципалитета.

Однако, несмотря на достижения, Республика Беларусь сталкивается с рядом проблем, которые ограничивают полноценное развитие электронного муниципалитета. Основными проблемами развития электронного муниципалитета являются:

Недостаточная цифровая инфраструктура: развитие электронного муниципалитета в Беларуси сталкивается с рядом трудностей. Неравномерное распределение цифровой инфраструктуры по регионам создает цифровое неравенство.

Нехватка квалифицированных кадров: для эффективного внедрения электронного муниципалитета требуются специалисты с соответствующими навыками в области информационных технологий и управления. Однако в Республике Беларусь существует нехватка специалистов, способных разрабатывать и поддерживать электронные системы.

Правовая база и регулирование: существующая правовая база не всегда соответствует современным требованиям электронного управления. Необходимость в адаптации законодательства к новым реалиям включает вопросы защиты данных, кибербезопасности и обеспечения прав граждан при взаимодействии с электронными системами.

Но, несмотря на все вышеперечисленные проблемы во внедрении электронного муниципалитета в Республике Беларусь, имеется немало перспектив его развития:

Улучшение цифровой инфраструктуры: вложение в расширение интернет-доступа, особенно в удаленных районах, сможет значительно повысить уровень доступности услуг. Также потребуется интеграция современных технологий, таких как 5G, которые обеспечат более высокие скорости передачи данных и более стабильное соединение.

Обучение и повышение квалификации кадров: создание программ подготовки и переподготовки для государственных служащих позволит развивать необходимые навыки и знания в области развития информационно-коммуникационных технологий.

Разработка современного законодательства: для успешного и результативного внедрения электронного муниципалитета необходимо проводить адаптации существующего законодательства. Данные адаптации подразумевают разработку норм, регулирующих использование новых технологий, защиту данных, а также права и обязанности граждан при использовании электронных услуг и взаимодействии с ними.

Новикова М. А.

ФОРМЫ ЭЛЕКТРОННОЙ ДЕМОКРАТИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И ИНЫХ СТРАНАХ СНГ

Новикова Милана Алексеевна, студентка 1 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, novikavamillana@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Синицына А. М.

Электронная демократия в странах СНГ включает в себя различные формы применения ИКТ, способствующие участию граждан в процессе принятия решений, имеющих значение для государства и общества. Проанализируем в сравнительном аспекте некоторые из них.

Электронное голосование. Апробирование систем электронного голосования произошло во многих странах постсоветского пространства (РФ, Казахстан, Молдова и др.). В избирательном законодательстве РФ «электронное голосование» определено как голосование без использования бюллетеня, изготовленного на бумажном носителе, с использованием технического средства. Также используется дефиниция «дистанционное электронное голосование». В Казахстане электронное голосование определяется иначе, под ним понимается форма голосования, при которой избиратели передают избирательный бюллетень с использованием электронных технологий (онлайн-голосование) и/или подсчет голосов осуществляется с помощью оптического сканирования избирательных бюллетеней. Законодательство о выборах и референдумах Республики Беларусь не предусматривает применение электронного голосования.

Порталы государственных услуг. Многие страны СНГ разработали платформы для предоставления государственных услуг в онлайн-формате. В Республике Беларусь это портал государственных услуг «Е-Паслуга»,

который позволяет гражданам получать доступ к ряду услуг онлайн. На практике некоторые услуги могут быть недоступны или требовать личного присутствия, что ограничивает практическое применение данной формы электронной демократии. Аналогичный портал под названием «Госуслуги» функционирует в Российской Федерации, он направлен на упрощение получения справок, оплаты налогов и т. д. Казахстан активно предоставляет электронные услуги через портал «Электронное правительство».

Опросы и консультации. В странах СНГ государственные органы используют онлайн-опросы и консультации для сбора мнений граждан по ключевым вопросам, что позволяет отразить их точку зрения. В Республике Беларусь опросы и консультации часто проводятся на уровне местных властей и в рамках выборов. В Российской Федерации – от муниципального до федерального, платформы «Открытые данные» и «Госуслуги» служат местом для сбора мнений граждан по ключевым вопросам.

Социальные сети и онлайн-платформы. В современных реалиях социальные сети активно применяются для коммуникации между государственными органами и населением. Это помогает укрепить взаимодействие и улучшить обратную связь. В РФ активно используются социальные сети «ВКонтакте» и «Telegram» для голосования по различным общественным инициативам и для сбора мнений о законопроектах. Эти же социальные сети используются и в Республике Беларусь и служат местами для обсуждения политических, социальных и экономических вопросов.

Петиции и инициативы. В некоторых странах СНГ предусмотрены механизмы подачи электронных петиций и инициатив, что позволяет гражданам выражать свои просьбы и предложения напрямую властям. В Российской Федерации платформа «Российская общественная инициатива» позволяет гражданам выдвигать свои предложения и собирать подписи. Аналогичная платформа «Open Space» существует в Республике Казахстан, которая даёт возможность гражданам инициировать обсуждения и петиции.

Также в странах СНГ распространение получила практика подачи обращения в государственные органы через Интернет. В РФ для этих целей разработана система «Обратная связь», в Республике Беларусь – платформа «Обращения.бел». Данные ресурсы упрощают процесс взаимодействия между гражданами и властью, а также повышают скорость реагирования на обращения.

Мониторинг и оценка. В ряде стран СНГ созданы платформы для мониторинга действий властей и оценки их работы, что дает возможность гражданам участвовать в контроле. К примеру, российская платформа «Госуслуги», которая включает механизмы обратной связи и оценки работы властей. В Республике Беларусь действует проект «Электронное правительство», который включает мониторинг удобства и доступности предоставляемых услуг. В Казахстане также существует платформа «Открытое правительство», которая предполагает предоставление отчетов государственных органов и оценку активности пользователей.

Несмотря на противоречивое отношение к использованию ИКТ в рамках демократических институтов, на сегодняшний день электронная демократия активно развивается. Сравнительный анализ регулирования и практики внедрения форм электронной демократии на республиканском и местном уровнях в странах СНГ демонстрирует разницу законодательных подходов, а также применимых технологий и позволяет выработать ряд организационно-правовых предложений, которые могут быть восприняты в Республике Беларусь. В частности, видится необходимым разработать единую стратегию внедрения элементов электронной демократии, расширить функционал существующих электронных платформ, повысить цифровую грамотность граждан и предпринять дополнительные меры для обеспечения защиты прав граждан в цифровом пространстве.

Расолько М. В.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: ПЕРСПЕКТИВЫ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Расолько Мария Валерьевна, учащаяся 3 курса Юридического колледжа Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, maria_rasolkIIo@mail.ru

Научный руководитель: преподаватель Балицевич-Рында Л. Н.

На данный момент ни одна из действующих Конституций стран не содержит прямых упоминаний и четкого правового регулирования развития и применения технологии искусственного интеллекта (далее – ИИ). Но стремительное развитие технологий и возможностей ИИ, расширение сфер его применения требует особого подхода к правовому регулированию связанных с данной технологией отношений, который бы учитывал уникальные особенности, угрозы и вызовы, связанные с использованием ИИ в различных сферах жизни общества.

ИИ рассматривается как система, способная выполнять задачи, требующие интеллектуальных усилий, включая обучение, принятие решений и взаимодействие с окружающей средой. Выделяется классификация ИИ на узкий и общий ИИ, а также на системы, использующие машинное обучение, нейронные сети и другие алгоритмы.

Самым важным аргументом в пользу закрепления конституционно-правовых основ использования ИИ является необходимость обеспечения прав и свобод человека, включая право на личную жизнь, защиту данных и доступ к информации, в контексте функционирования цифровых технологий на основе ИИ. Можно выделить и другие потенциально возможные проблемы и риски, связанные с развитием ИИ, которые должны быть урегулированы нормами права. К примеру, проблема определения юридической ответственности за нарушения законодательства, совершаемые в результате работы технологий на основе какой-либо модели ИИ по причине неконтролируемого процесса самообучения искусственного разума; риски

дискриминации и предвзятости, разжигание вражды между различными группами населения, нарушение информационной безопасности страны и др.

На наш взгляд, масштаб использования ИИ и риски, которые возникают при этом, обосновывают необходимость закрепления на конституционном уровне хотя бы основных принципов применения ИИ для обеспечения прав и свобод человека, государственного суверенитета и национальной безопасности.

Правовое регулирование основ применения технологий с использованием возможностей ИИ в Республике Беларусь, на наш взгляд, должно строиться в первую очередь на основе принципа гуманизма, соблюдения конституционных ценностей и, учитывая специфику ИИ, даже использования ряда этических принципов.

Не менее важным является принцип законности. Считаем, при обучении ИИ необходимо изначально закладывать требования соблюдения важнейших принципов и норм как минимум ключевых международных документов в области защиты прав человека, таких как Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах. В целях обеспечения контроля за исполнением таких требований считаем необходимым закрепление и принципа прозрачности, что подразумевает, в частности, открытость алгоритмов и решений, принимаемых ИИ.

Важно отметить, что в Республике Беларусь активно осуществляется работа по исследованию возможностей, угроз и перспектив ИИ, разработке основ правового регулирования ИИ. Так, в рамках III Форума-выставки IT-Академграда «Искусственный интеллект в Беларуси» в октябре 2024 г. был представлен проект модельного закона СНГ «О технологиях искусственного интеллекта», а также даны разъяснения содержания Кодекса этики в сфере ИИ.

Изучение зарубежных моделей регулирования деятельности, связанной с ИИ, а также инициативы ООН, на наш взгляд, также могут служить основой для формирования и совершенствования национальных правовых норм в этой сфере. В этом аспекте, безусловно, заслуживает внимания Глобальный план действий по устранению рисков, связанных с ИИ, и всеобщему использованию его преобразующего потенциала, который в сентябре 2024 г. представил Консультативный орган высокого уровня по искусственному интеллекту, созданный главой ООН. Эксперты Консультативного органа заявили о необходимости создания Глобальной сети по развитию потенциала ИИ и Глобального фонда ИИ для устранения пробелов в потенциале и сотрудничестве, подчеркнув важность совместной работы международного сообщества в области управления ИИ с целью заложить основы глобальной архитектуры управления ИИ, устранить пробелы в существующих механизмах управления им и содействия развитию и защите прав человека.

Убеждены, что конституционно-правовое закрепление основ и успешное правовое регулирование управления ИИ в Республике Беларусь станет основой для управления искусственным интеллектом в интересах человека, устойчивого и безопасного развития технологий, способствующих благосостоянию нашего общества.

Роговцев Д. В.

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ КОММЕРЧЕСКОЙ ТАЙНЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Роговцев Дмитрий Викторович, студент 1 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, avadregas7@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Абламейко М. С.

В рамках данной работы предпринята попытка рассмотреть сущность правового режима коммерческой тайны, а также проблемы, возникающие в процессе его реализации. Согласно Закону Республики Беларусь от 5 января 2013 г. № 16-З «О коммерческой тайне», коммерческая тайна – это сведения любого характера (технического, производственного, организационного, коммерческого, финансового и иного), в том числе секреты производства (ноу-хау), соответствующие требованиям настоящего Закона, в отношении которых установлен режим коммерческой тайны. В качестве основных субъектов, с которыми владелец вступает в правовые отношения в части предоставления доступа к коммерческой тайне, можно отнести контрагента и работника, получившего доступ к данной тайне в результате заключения трудового договора.

Отношения, возникающие в области коммерческой тайны, регулируются как законодательством о коммерческой тайне, так и международно-правовыми актами, содержащими обязательства Республики Беларусь. Правовая охрана будет действовать с момента введения режима коммерческой тайны до тех пор, пока охраняемые сведения соответствуют требованиям охраноспособности, а также работает принятый их обладателем режим коммерческой тайны.

В области правового режима коммерческой тайны существует ряд проблем и вопросов.

Во-первых, дискуссионным остается вопрос о природе коммерческой тайны. Основными элементами спора являются цель обеспечения коммерческой тайны и особенности методов ее обеспечения. Сторонники первого подхода к вопросу, в частности, А. П. Сергеев и В. А. Дозорцев, считают коммерческую тайну одним из институтов интеллектуальной собственности. Данная позиция может быть подкреплена тем, что коммерческая тайна развивалась в тесном взаимодействии с институтом интеллектуальной собственности, а также тем, что обладает многими ее свойствами: является нематериальной, выступает результатом интеллектуальной деятельности и пр. Сторонники второго подхода считают коммерческую тайну самостоятельным объектом гражданских прав. К последним можно отнести О. А. Городова и А. В. Коломийца. Суть данного подхода состоит в разнице мотивов: если владелец коммерческой тайны намерен предпринимать все усилия для обеспечения ее конфиденциальности, так как она представляет выгоду до момента раскрытия, то владелец информации, представляющей интеллектуальную собственность, может быть заинтересован в ее не только раскрытии, но и распространении.

Во-вторых, все больше на передний план в условиях информационного общества выходит проблема технологической просвещенности. Вследствие этого увеличивается шанс распространения конфиденциальных сведений. Из наиболее распространенных примеров можно выделить фишинг и компрометацию корпоративной почты. Причем в большинстве случаев при должном уровне знаний миновать опасность сложности не представляет. Кроме того, имеет место быть как неосторожность персонала, так и его намеренные действия, направленные на распространение коммерческой тайны. Таким образом, мы приблизились к вопросу лояльности. В последние несколько десятилетий произошли изменения в условиях труда и, как следствие, в степени лояльности работника, что повысило вероятность нарушения психологического договора. Лояльность сотрудников к своему работодателю зависит от размеров предприятия. Статистические данные свидетельствуют о том, что почти 80 % работников малых и средних предприятий лояльны к своим предприятиям, тогда как в крупных компаниях этот показатель составляет менее 50 %. В связи с этим возникает необходимость привлечения технических специалистов, которые смогут в полной мере обеспечить сохранность конфиденциальных данных в случае попытки их распространения.

Подводя итог, можем отметить, что некоторые вопросы, возникавшие в сфере коммерческой тайны, урегулированы Законом Республики Беларусь от 5 января 2013 г. № 16-З «О коммерческой тайне», в котором она была определена как не относящаяся к объектам интеллектуальной собственности, что разрешило вопрос ее природы. Что касается практических вопросов, связанных с эффективностью методов обеспечения коммерческой тайны, считаем необходимым принимать меры по увеличению уровня осведомленности персонала, имеющего отношение к коммерческой тайне, а также расширению штата технических специалистов, располагающих знаниями в сфере технологий, которые будут способствовать обеспечению сохранности конфиденциальных сведений, представляющих собой коммерческую тайну.

Романовский А. А.

НЕДОСТАТКИ ПРИМЕНЕНИЯ ПРЕСЕКАТЕЛЬНОГО СРОКА ОРГАНОМ, УПОЛНОМОЧЕННЫМ НА ВЕДЕНИЕ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРОЦЕССА

Романовский Александр Александрович, магистрант Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, law.romanovsaa@bsu.by

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Самарин В. И.

Белорусский законодатель в Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП) связал возможность привлечения лиц к административной ответственности с истечением сроков со дня обнаружения и совершения административного правонарушения

(ст. 7.6). В настоящей публикации остановимся на анализе категории «дата обнаружения административного правонарушения» с учетом его обнаружения органом, уполномоченным на ведение административного процесса (далее – орган) в соответствии со ст. 3.30 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – ПИКоАП).

Содержание понятия «обнаружение административного правонарушения» в законодательстве Республики Беларусь отсутствует, в целях его правильного применения обратимся к таким категориям, как «поводы и основания» для начала административного процесса.

В ч. 1 ст. 9.1 ПИКоАП определены возможные поводы к началу административного процесса, которые носят формально-технический характер. Конкретные требования к их оформлению в отношении заявления физического лица (далее – заявление) и сообщения должностного лица государственного органа, общественного объединения, иной организации (далее – сообщение) определены в ст. 9.2 и 9.3 ПИКоАП соответственно.

Законодатель не установил конкретные требования к применению такого повода к началу административного процесса, как непосредственное обнаружение признаков административного правонарушения судом, органом. Обращаясь к буквальному содержанию понятия «обнаружение» и возможности органа действовать в пределах полномочий, предусмотренных законодательством, можно сделать вывод, что, например, при рассмотрении обращений граждан, должностное лицо может обнаружить признаки административного правонарушения и зафиксировать данный факт внутренним документом (например, в невоенизированных организациях – докладной запиской). Аналогичный алгоритм работы – путем составления соответствующего рапорта – установлен в системе органов Министерства внутренних дел Республики Беларусь.

Основаниями для начала административного процесса в соответствии с ч. 2 ст. 9.1 ПИКоАП являются: «… достаточные данные, указывающие на признаки административного правонарушения, предусмотренного Особенной частью КоАП, …». Анализируя их содержание, можно предположить, что законодатель именно с ними связывал факт обнаружения административного правонарушения. Таким образом, с учетом понятия поводов (в части непосредственного обнаружения) и оснований, предусмотренных ч. 2 ст. 9.1 ПИКоАП, сомнений относительно установления даты обнаружения административного правонарушения нет, однако указанное не распространяется на такие поводы, как заявление и сообщение.

КоАП содержит достаточно много составов административных правонарушений, носящих формальный характер, что в действительности говорит о том, что все необходимые сведения для обнаружения состава административного правонарушения могут быть отражены и подтверждены прилагающимися к заявлению или сообщению материалами, однако при этом в ПИКоАП отсутствуют конкретные формы фиксации факта обнаружения оснований для начала административного процесса, влекущие для лица, в

отношении которого поступило заявление или сообщение, смещение сроков со дня обнаружения на более позднее время, что непосредственно затрагивает его интересы.

Аналогичным образом можно проанализировать ситуацию со стороны органа. Ни ПИКоАП, ни КоАП не содержат конкретных сроков, до истечения которых поступившее заявление или сообщение подлежит оценке должностным лицом. В действительности можно столкнуться с ситуацией, когда в связи с перегруженностью должностных лиц оценка конкретного материала откладывается, что, исходя из формулировки оснований для начала административного процесса и отсутствия формы фиксации, может повлечь освобождение лиц от административной ответственности в связи с истечением сроков со дня обнаружения административного правонарушения и не позволит достичь целей административной ответственности, предусмотренных ст. 4.1 КоАП.

Таким образом, целесообразным видится закрепить в ПИКоАП конкретные сроки оценки поводов и форму фиксации наличия оснований для начала административного процесса, что в совокупности регламентирует деятельность органов, устранит спорные ситуации относительно установления даты обнаружения и будет способствовать защите интересов сторон.

Смирнова Д. В.

ВЛИЯНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И АВТОМАТИЗАЦИИ НА ИНФОРМАЦИОННУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ И ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАБОТЫ С ПЕРСОНАЛЬНЫМИ ДАННЫМИ

Смирнова Дарья Викторовна, студентка 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь,

Научный руководитель: заместитель декана по идеологической и воспитательной работе юридического факультета Сухопаров В. П.

В последние десятилетия развитие технологий искусственного интеллекта (ИИ) стало одним из самых значительных достижений науки и техники. Однако с ростом применения ИИ в различных сферах человеческой деятельности возникает необходимость в более глубоком понимании этических аспектов, связанных с его использованием. Понятие этики в сфере искусственного интеллекта охватывает широкий спектр вопросов, включая ответственность разработчиков, прозрачность алгоритмов, защиту данных и влияние на общество.

В эпоху цифровых технологий конфиденциальность личных данных становится одной из наиболее актуальных проблем. Сбор и обработка персональных данных без согласия пользователей представляют собой серьезное нарушение этических норм и прав человека. Многие компании и организации используют алгоритмы и системы для автоматического сбора информации о пользователях, зачастую не информируя их о целях и

способах обработки этих данных. Это может привести к утрате доверия со стороны потребителей и вызвать негативные последствия для репутации организаций. Кроме того, существует риск утечки информации, который может произойти из-за хакерских атак, недостатков в системах безопасности или неправомерных действий сотрудников. В Республике Беларусь за нарушение защиты персональных данных наступает ответственность согласно Закону Республики Беларусь «О защите персональных данных», ст. 19, ст. 23.7 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях, ст. 203-1, ст. 203-2 Уголовного кодекса Республики Беларусь.

Одна из наиболее острых проблем заключается в том, кто должен нести ответственность в случае аварий или нежелательных последствий, вызванных действиями ИИ. Например, если автономный автомобиль попадает в аварию, возникает вопрос: кто несет ответственность – разработчик программного обеспечения, производитель автомобиля, владелец транспортного средства или сам ИИ?

Другим важным аспектом является необходимость определения юридического статуса ИИ. В настоящее время ИИ не имеет правосубъектности, что затрудняет привлечение его к ответственности. Этот вопрос требует комплексного подхода и обсуждения на уровне законодательства, чтобы установить четкие правила и нормы, касающиеся действий ИИ. Возможные решения могут включать создание новых юридических категорий, которые позволят учитывать специфику работы ИИ и обеспечивать защиту прав людей, затронутых его действиями. На данный момент в Республике Беларусь некоторые аспекты использования ИИ регулируются следующими нормативными правовыми актами: Декрет Президента Республики Беларусь от 21.12.2017 № 8 «О развитии цифровой экономики»; Указ Президента Республики Беларусь от 01.02.2010 № 60 «О мерах по совершенствованию использования национального сегмента сети Интернет»; Закон Республики Беларусь от 07.05.2021 № 99-З «О защите персональных данных»; Закон Республики Беларусь от 10.11.2008 № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации»; Концепция информационной безопасности Республики Беларусь, утвержденная постановлением Совета Безопасности Республики от 18.03.2019 № 1.

ИИ оказывает значительное влияние на социальные структуры и отношения. Прежде всего ИИ трансформирует рынок труда. Алгоритмы, используемые в социальных сетях и приложениях, влияют на то, как люди общаются и получают информацию.

Угрозы, связанные с использованием ИИ, в различных сферах значительны. Использование искусственного интеллекта (ИИ) в кибербезопасности, роботизации и военных технологиях открывает новые горизонты, но также влечет за собой значительные угрозы и этические дилеммы. В сфере кибербезопасности ИИ может быть использован как для защиты систем, так и для атак на них. Автоматизированные системы могут анализировать огромные объемы данных для выявления уязвимостей, но также могут быть использованы злоумышленниками для создания более

сложных и эффективных кибератак. В контексте роботизации, особенно в производственной сфере, автоматизация процессов может привести к значительным изменениям на рынке труда и повысить риски для безопасности работников. Роботы, управляемые ИИ, могут действовать автономно, что ставит под сомнение вопросы ответственности в случае их сбоев или аварий.

Для того чтобы минимизировать риски и гарантировать, что создаваемые системы соответствуют высоким стандартам безопасности и этики, необходимо внедрение этических принципов в процесс разработки. Тестирование новых технологий является ключевым шагом к созданию ответственного ИИ. Этические нормы должны быть интегрированы на всех этапах – от концептуализации и проектирования до реализации и оценки. Это может включать создание мультидисциплинарных команд, которые будут учитывать различные перспективы, а также разработку четких стандартов и руководств, направленных на соблюдение этических норм. Такие меры помогут не только повысить качество разрабатываемых систем, но и укрепить доверие пользователей к технологиям ИИ, что, в свою очередь, будет способствовать их более широкому и безопасному применению в различных сферах жизни.

Стельмах А. А.

ЦИФРОВОЙ СУВЕРЕНИТЕТ VS ЦИФРОВАЯ ДИКТАТУРА

Стельмах Анна Александровна, учащаяся 2 курса Юридического колледжа Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, mademoiselle_annanutasun@mail.ru

Научный руководитель: преподаватель Балицевич-Рында Л. Н.

При выходе на новый уровень развития технологий, преобразовании информации в цифровую форму государство должно оперативно реагировать на связанные с этим новые угрозы и принимать своевременные меры для обеспечения государственного суверенитета. Особенно актуальным становится проблема обеспечения информационного суверенитета как составной части государственного суверенитета.

Информационный суверенитет касается в первую очередь информации стратегического для государства значения, персональной информации граждан как охраняемых государством субъектов и внутригосударственного информационного пространства, которое имеет для независимости государства, по нашему мнению, не меньшее значение, чем его территория. В Концепции национальной безопасности Республики Беларусь информационная безопасность определена как состояние защищенности информационных пространства, инфраструктуры и ресурсов от внешних и внутренних угроз в информационной сфере. Для того чтобы иметь возможность прогнозировать, распознавать и купировать угрозы информационному суверенитету государства, необходима государственная поддержка развития

технологического и цифрового направления науки. Безусловно, в совеременных реалиях развитие собственных разработок в сфере цифровых технологий – важная гарантия государственного суверенитета наряду с обеспечением материальной и промышленной баз.

Выделим, на наш взгляд, самые актуальные вопросы, которые возникают в связи с обеспечением и защитой информационного суверенитета Республики Беларусь.

1. Насколько оправдано импортозамещение цифровых технологий (под цифровыми технологиями здесь подразумеваем все то, что связано с электронными вычислениями и преобразованием данных: гаджеты, электронные устройства, технологии, программы и т. п.)? Использование преимущественно иностранных технологий и цифровых систем на территории страны, безусловно, обусловливает высокую степень зависимости от их поставщиков. Но, полагаем, полный отказ от высоких достижений, современных разработок и различных ресурсов, сервисов в сфере цифровых технологий, принадлежащих другим странам, иностранным корпорациям, отдельным компаниям, может привести к сильному отставанию страны во многоих сферах экономики, жизни в целом в сравнении со странами, которые пользуются «чужими» достижениями науки и техники. Полагаем, минимизировать риски, в частности, от блокад доступа к цифровым технологиям поможет установление международных правил, договоренностей, разработка международных механизмов защиты нарушенных прав в сфере пользования цифровыми технологиями. Такие меры будут содействовать обеспечению информационной безопасности в отдельных странах и в масштабе Всемирной паутины.

2. От цифрового суверенитета к цифровой диктатуре? Цифровая диктатура – политика государства, направленная на сбор, контроль и пропаганду с помощью цифровых технологий. Несмотря на антагонистичность понятий, методы их реализации в некоторой степени схожи: контроль за информационным пространством, обеспечение недопущения информационной интервенции. Однако различие в том, что, при цифровой диктатуре информация используется как подчиняющий себе все сферы деятельности общества фактор, а цифровой суверенитет напротив обеспечивает слаженную работу всех этих сфер с допущением инакомыслия в рамках информационной безопасности страны и контролирует внешний «фронт», предотвращая все виды информационных атак.

В целях недопущения перехода от цифрового суверенитета к цифровой диктатуре, на наш взгляд, необходимо постоянно совершенствовать стратегии его обеспечения, опираясь на новейшие достижения науки и положительный опыт других демократических стран. Также нельзя забывать, что все предпринимаемые для обеспечения цифрового суверенитета меры должны учитывать законные интересы человека, его права, свободы и гарантии их реализации, которые являются высшей ценностью и целью общества и государства (ст. 2 Конституции Республики Беларусь). Особенно важным в этом аспекте является обеспечение права человека на свободу

информации, гарантируемое ст. 19 Всеобщей декларации прав человека, согласно которой «каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ», и ст. 34 Конституции Республики Беларусь, гарантирующей гражданам «право на получение, хранение и распространение полной, достоверной и своевременной информации о деятельности государственных органов, о политической, экономической, культурной и международной жизни, состоянии окружающей среды.».

Для защиты суверенитета Республики Беларусь и прав и свобод граждан также считаем необходимым проведение планомерной работы по объединению белорусского общества в информационном пространстве для укрепления позиций государства на международном уровне.

Чичиков И. О.

СОГЛАСИЕ НА ОБРАБОТКУ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В МЕДИЦИНСКИХ УЧРЕЖДЕНИЯХ: ПОНЯТИЕ И ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

Чичиков Иван Олегович, студент 4 курса Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой, г. Новополоцк, Беларусь, i.o.chichikov@students.psu.by

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Шахновская И. В.

Информатизация системы здравоохранения представляет собой один из наиболее значимых трендов современного общества, что требует повышенного внимания к вопросам защиты персональных данных. Информационные технологии активно внедряются в работу медицинских учреждений, предоставляя новые возможности для управления данными пациентов. В условиях цифровизации медицины возникает необходимость четкого регулирования процесса обработки персональных данных, в том числе получения согласия на их использование.

Персональные данные – это информация, которая идентифицирует физическое лицо и включает такие сведения, как имя, фамилия, отчество, паспортные данные, адрес проживания и информация о состоянии здоровья. Согласно законодательству, обработка персональных данных пациента возможна только при наличии его согласия. Этот процесс регулируется как законодательством о защите персональных данных, так и специальными нормативными актами, касающимися вопросов здравоохранения.

Объем данных, которые просят предоставить, должен соответствовать целям их обработки. По общему правилу персональные данные можно получать и обрабатывать с согласия лица, которому они принадлежат.

Каждый пациент любых больниц и клиник, при обращении в организации, сообщает свои персональные данные и дает согласие на их

обработку. Это прежде всего требуется для автоматизации работы врача, который вносит данные о пациенте в специализированную программу, определенный веб-сервис, программное обеспечение.

Согласие на обработку персональных данных представляет собой добровольное, осознанное и однозначное выражение воли пациента, позволяющее медицинским учреждениям осуществлять сбор, хранение и использование информации о пациенте. Такое согласие может быть выражено в письменной форме, а также в форме электронного документа, что особенно актуально в условиях развития электронных медицинских карт и информационных систем здравоохранения.

Вопросы обработки персональных данных в медицинских учреждениях регулируются рядом нормативных актов. Основными правовыми документами являются: Закон Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных» и Закон Республики Беларусь от 18 июня 1993 г. № 2435-XII «О здравоохранении». Эти нормативные акты устанавливают обязательство медицинских учреждений получать согласие пациента на обработку его данных, а также подробно прописывают порядок получения и отзыва такого согласия.

Постановление Минздрава от 07.06.2021 № 74 утверждает формы и порядок предоставления согласия на обработку данных пациента. Согласно данному нормативному акту, согласие пациента должно быть получено до внесения его данных в электронную систему, и оно действует до его отзыва. При этом пациент или его законный представитель имеет право в любой момент отозвать согласие, направив соответствующее заявление в медицинское учреждение.

Особое внимание уделяется защите информации, составляющей врачебную тайну. Медицинские учреждения обязаны информировать пациента о праве отказаться от внесения таких данных в централизованную информационную систему здравоохранения (ЦИСЗ), что гарантирует защиту конфиденциальности.

Несмотря на наличие четкой правовой базы, на практике существуют проблемы с пониманием процесса обработки персональных данных. Пациенты часто не получают достаточной информации о том, как их данные будут использоваться, что снижает их доверие к медицинским учреждениям. Отсутствие прозрачности может также вызвать сомнения относительно защиты персональных данных.

Для решения данных проблем необходимо проводить образовательные мероприятия среди пациентов и медицинского персонала, направленные на повышение осведомленности о правилах обработки персональных данных. Важно также усиливать меры информационной безопасности, внедряя современные технологии защиты данных, такие как шифрование и многоуровневое управление доступом.

Согласие на обработку персональных данных играет ключевую роль в обеспечении защиты конфиденциальности пациентов и соблюдении норм законодательства. Правильное оформление и получение согласия на

обработку данных позволяет медицинским учреждениям эффективно управлять информацией о пациентах, минимизируя риски утечек данных и неправомерного использования.

Законодательное регулирование в области защиты персональных данных пациентов направлено на создание доверительных отношений между пациентом и медицинским учреждением, что является важным аспектом для развития цифрового здравоохранения.

Шумилов Г. Д.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ ОКАЗАНИИ ЭЛЕКТРОННЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСЛУГ НАСЕЛЕНИЮ

Шумилов Глеб Дмитриевич, студент 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, hlebshumilau@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Синицына А. М.

Исходя из анализа проекта Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2040 г., можно сделать вывод, что Республика Беларусь входит в период новой технологической революции, ставя акцент на построении интеллектуальной экономики. В ближайшие годы все отрасли и сферы жизни страны должны перейти на новые цифровые экономические модели, основанные в том числе на использовании технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ).

В Республике Беларусь одним из элементов электронного правительства является единый портал электронных услуг «Е-Паслуга» (далее – «Е-Паслуга», ЕПЭУ), в связи с чем необходимо более подробно остановиться на потенциальной интеграции ИИ при оказании электронных государственных услуг населению Республики Беларусь посредством использования ЕПЭУ.

В Республике Беларусь понятие «искусственный интеллект» часто упоминается в различных нормативных правовых актах. Среди основных следует упомянуть Декрет Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики», Указ Президента Республики Беларусь от 7 мая 2020 г. № 156 «О приоритетных направлениях научной, научно-технической и инновационной деятельности на 2021–2025 годы», постановление Совета Безопасности Республики Беларусь от 18 марта 2019 г. № 1 «О концепции информационной безопасности Республики Беларусь», а также проект Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2040 г. Законодательно термин ИИ закреплен в одном правовом акте: в п. 7.22 постановления Национального статистического комитета Республики Беларусь от 9 сентября 2022 г. № 84. Исходя из данного определения, мы можем сделать вывод, что ИИ может быть применен для автоматизации процессов, для которых ранее было необходимо воздействие человека, а также упрощения взаимодействия потенциальный получателей электронных государственных услуг с «Е-Паслуга».

Следует отметить, что опыт ряда зарубежных стран демонстрирует успешное внедрение технологий ИИ при оказании электронных государственных услуг населению.

В Австралии поставлен вопрос о создании GovPass совместно с голосовым помощником Alex. Благодаря данному решению будет сокращен срок обработки обращений граждан при оказании электронных государственных услуг. Следует отметить, что в Австралии отсутствует правовая регламентация искусственного интеллекта. При этом, исходя из Документа для обсуждения «Безопасный и ответственный подход. Искусственный интеллект в Австралии» 2023 г., принятие специального закона не планируется.

В ходе реализации Национальной стратегии искусственного интеллекта в ОАЭ к 2031 г., а также на основании Закона ОАЭ № 1 2020 г. «Учреждение Smart Дубай», было запущено мобильное приложение коммунальных услуг DEWA совместно с виртуальным помощником Rammas, благодаря чему граждане могут получать ответы на любые волнующие их вопросы в круглосуточном режиме.

Российская Федерация (далее – РФ) крайне серьезно подошла к вопросу регулирования правового статуса ИИ. Среди основного нормативного правового акта следует упомянуть Указ Президента РФ от 10 декабря 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации. В России в 2021 г. был принят Кодекс этики в сфере ИИ. В ходе анализа Портала государственных услуг РФ, самым заметным элементом является чат-бот Максим, который с помощью технологий нейросетей помогает пользователям найти необходимую им услугу, а также может дать ответ на конкретный вопрос.

В октябре 2024 г. в Республике Беларусь был поднят вопрос о создании института ИИ, а также были введены 12 стандартов РФ по использованию технологий ИИ. Представляется верным учесть опыт РФ, разработав при этом свой собственный стандарт, который сможет учесть опыт нашего государства. На наш взгляд, целесообразным является применение технологий ИИ при предоставлении электронных услуг в части функционирования виртуального помощника, который впоследствии мог бы упрощать взаимодействие с «Е-Паслуга», предоставляя ответы на вопросы пользователей. Благодаря ИИ также возможно улучшить качество предоставления услуг посредством оценивания качества предоставляемых услуг с использованием ИИ.

Таким образом, нормативные правовые акты, составляющие правовую основу оказания электронных услуг населению в Республике Беларусь, не содержат специальных норм, предусматривающих возможность использования технологий ИИ в данной сфере. Представляется, что в целях обеспечения внедрения технологий ИИ при оказании государственных услуг населению посредством использования «Е-Паслуга», необходимо дополнить Указ Президента Республики Беларусь от 16 декабря 2019 г. № 460 «Об общегосударственной автоматизированной информационной системе»

положениями об основах применения ИИ при взаимодействии с ЕПЭУ. ИИ может трансформировать государственную политику в сфере оказания государственных услуг населению. Республике Беларусь стоит учесть зарубежный опыт при разработке стратегии использования ИИ в данной сфере, адаптируя его к собственным потребностям.

Dilixiati D.

CIRCUMVENTION OF THE LAW AS A CONFLICT OF PRIVATE AND PUBLIC INTEREST (ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF BELARUS)

Dilixiati Duolikun, master student at Belarusian State University, Minsk, Belarus, law.dilisyat@bsu.by

Supervisor: Mikhailouski Vadzim, PhD of Political Science, associate professor

If it is possible to apply the rules of foreign law in relations with a foreign element, the parties may be tempted to circumvent the legal norms of domestic legislation, which form the basis of the national legal order, containing imperative prescriptions and regulating the relevant relations regardless of the law to be applied. One of the legal mechanisms designed to prevent the emergence of such a situation is the institute of “circumvention of the law”.

Article 1097 of the Civil Code of the Republic of Belarus (hereinafter – the Civil Code of Belarus) establishes that "*agreements and other actions of participants in relations regulated by civil legislation aimed at circumventing the rules of this section on the applicable law to subject the relevant relations to another law are invalid. In this case, the law of the relevant state subject to application in accordance with this Section shall apply*".

For example, in case of cross-border transfer, personal data "leave" the scope of Belarusian legislation and fall under the jurisdiction of another state (the legislation "does not follow" the data). in the absence of rules on cross-border transfer, there would be a possibility to circumvent the requirements of paragraph 14 of Article 1 of the Law of the Republic of Belarus of May 7, 2021 No. 99-3 "On personal data protection" by transferring processing to other countries with simplified requirements for data processing.

The institution of circumvention of the law traditionally comes from private law. In the doctrine prevails the point of view, according to which the *circumvention of the law is recognized as an act of a person, which does not contain elements prohibited by law*, but at the same time *serves to achieve the purpose prohibited by law*. In studying the legality of the persons’ actions, the focus so far has been exclusively on the purpose (*unjust intent of the parties*) of the subject's legal action and the determination of the peremptory norm that is violated by such actions (*ius cognes).*

Nevertheless, until now, the application of the institution of circumvention of the law in the field of public economic law raises many interpretative doubts, both in doctrine and in judicial practice.

The fundamental problem concerns the consideration of *a persons' intentions*, i.e. whether they must have an *a priori intention to act to circumvent the law*, or whether *they can do so unconsciously*. The said problem is particularly significant in public economic law, since, on the one hand, persons are *free to act* (*freedom of contract principle*, see for example, art. 2 of the Civil Code of the Republic of Belarus (thereof – the Civil Code of Belarus), and, on the other hand, *must comply with strict* rules about the regulated activity; in practice, due to the complexity of normative matter, it is difficult to indicate at what point an action is nevertheless lawful.

Thus, Mr. Alex Muranov, Russian lawyer considers the following: "Suppose Russian persons who do not want to notarize a transaction in Russia (because of the high state duty), go to another country where a simple written form is established for such transactions, and there they make such a transaction and subsequently claim that the rule of locus regit formam actum applies to it. From the point of view of the cl*assical theory of "circumvention of the law" there is a* circumvention of the law in this particular case.

But since we are still able to apply to Article 1097 of the Civil Code of Belarus, nothing will come of it. First, there is no "circumvention" in this case, because "the rules of this section on the applicable law" (*locus regit formam actum*) must be applied, and the parties insist on it. Second, the parties have not subjected the form of the transaction to some other law, but to *the law of the place of the transaction*.

It seems, since this institution is a form of control over the interpretation and application of legal norms by persons (including general legal principles, for example, *principle of estoppel*), it should also cover cases when persons in fault do not realize the nature of their actions.

Thus, in the case of circumvention of the law, there is *a conflict between the values of business freedom and public interest* (e.g.: concessions, licenses, special permits – rights and obligations arising from them).

In law, a *value is a socially recognized and established practice of behavior*, which is transformed into the sphere of norming laws and creating *metanorms*, which is conditioned by the *reaction of the state* (*institution of law circumvention*), aimed at consolidating the already existing consistent and hierarchically ordered system of values included in legal norms. That is, the control over the circumvention of the law is carried out as a control over compliance with systemic norms.

The control of circumvention of the law is complicated and concerns such points as: 1) *in fraudem legis* (*anything done in fraudem legis is void in law)*; 2) general control over whether their *mutual will* (*purpose of transactions*) is not directed to generate an effect prohibited by law.

By virtue of the principle of *ignorantia iuris nocet* all subjects of economic relations are obliged to comply with applicable legal norms, i.e. reference to the absence of a *deliberate purpose* (*unlawful intent to circumvent the law*) does not exempt from liability.

There are two forms of *non-compliance with the law*: 1) *contra legem (against the law)*, behavior prohibited by a legal norm or non-compliance with such a norm; and 2) *praeter legem (outside the law)* actions, i.e. an intentional act to achieve a prohibited purpose through conduct that purportedly constitutes the application of a different legal norm.

However, there is also *indirect action* which is *not stipulated*, but also *not prohibited by law*, i.e. which does not undermine the values contained in other norms, since such action is legitimate in certain situations.

Another important provision in the interpretation of the institute of circumvention of the law is Art. 9 of the Civil Code of Belarus (*abuse of right – estoppel*), which defines *expressis verbis* the limits of formation of private law actions and determines the consequences of exceeding such limits – *invalidity of actions* (absolute), or the action does not give rise to the legal consequences that the party hoped for, i.e. *illegality*.

Thus, the author comes to the following findings:

1. There is a margin for actions not provided for but not prohibited by law in any legal system (*legislative gap*).

2. Subjects of economic legal relations are obliged to comply with duly established legal norms.

3. Circumvention of the law and control of the integrity of system values shall be applied in public economic law on the basis of general principles of interpretation of public law.

4. As a rule, the actual action is within the limits of another lawful action, if the intention is lawful, and goes beyond the legally permissible, due to the collision with the prohibiting norm, if it is unlawful.

5. Circumvention of the law, on the contrary, indicates a violation of the values essential to the legal system.

6. Circumvention of the law in public economic law as a rule applies to actions of private law nature, but in relation to the norms of public law, in connection with which it is assessed in accordance with the provisions of the Civil Code of the Republic of Belarus, supplemented by the norms of public law – control of a complex nature.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПУБЛИЧНОЕ И ИНТЕГРАЦИОННОЕ ПРАВО

Белоплотов А. О.

К ВОПРОСУ О ЕДИНОМ СТАНДАРТЕ УСЛУГ ПО ПОДКЛЮЧЕНИЮ К ИНЖЕНЕРНЫМ СЕТЯМ В ЕАЭС

Белоплотов Антон Олегович, аспирант кафедры земельного, градостроительного и экологического права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева, г. Екатеринбург, Россия, anton_beloplotov.99@mail.ru

Научный руководитель: доктор юрид. наук, профессор Винницкий А. В.

По результатам проведенного сравнительно-правового анализа правового регулирования общественных отношений по подключению объектов капитального строительства (далее – ОКС) можно сделать вывод, что национальные правопорядки государств – членов Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) имеют много общего.

Положения Договора о Евразийском экономическом союзе (ст. 82–84) посвящены в первую очередь допуску хозяйствующих субъектов государств-членов на соответствующие рынки субъектов естественных монополий договаривающихся сторон. Отмечается, что подобная деятельность должна соответствовать единым принципам. Однако положения, напрямую касающиеся подключения ОКС к сетям ресурсоснабжения, в актах союза не содержатся.

Применительно к обеспечению ОКС инженерными сетями единство подходов государств – членов ЕАЭС заключается в отнесении деятельности по подключению как неотъемлемой части градостроительной деятельности к сфере антимонопольного регулирования, а также к перечню регулируемых услуг.

В соответствии с Законом Республики Казахстан от 27.12.2018 № 204-VI «О естественных монополиях» деятельность по технологическому присоединению подчинена законодательству о естественных монополиях, отнесена к перечню регулируемых услуг. Примечательно, что получение услуг по подключению возможно посредством веб-портала «Электронное правительство», о чем имеется оговорка в Законе Республики Казахстан «О государственных услугах».

Законом Республики Беларусь от 05.07.2004 № 300-З «Об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности в Республике Беларусь» предусмотрено, что технологическое присоединение ОКС к инженерным сетям обеспечивается в рамках осуществления градостроительной деятельности на основании принципа недискриминационного доступа.

Здесь необходимо отметить подход Республики Беларусь к квалификации рассматриваемых отношений, который несколько отличается

от Российской Федерации: деятельность по оказанию услуг по подключению осуществляется в рамках законодательства об административных процедурах, что однозначно свидетельствует о публично-правовой природе данных правоотношений.

Исследование опыта ближайших евразийских партнеров показывает, что советская концепция регулирования технологического присоединения (через получение технических условий) во многом сохранилась в законодательстве бывших союзных республик.

Примечательно, что ст. 79 Договора о ЕАЭС предусмотрено, что государства-члены развивают долгосрочное взаимовыгодное сотрудничество в сфере энергетики, в том числе на основании принципа гармонизации национальных норм и правил функционирования технологической и коммерческой инфраструктуры.

Отсутствие единого подхода в определении правовой природы рассматриваемых правоотношений, которые возникают при реализации практически любого градостроительного проекта, препятствует формированию общего экономического пространства применительно к градостроительной деятельности.

Принимая во внимание концептуальное сходство регулирования технологического присоединения в странах ЕАЭС, которое заключается в отнесении данных правоотношений к сфере деятельности естественных монополий, а также в высокой степени императивного государственного регулирования порядка предоставления соответствующих услуг, полагаем, что имеются все методологические предпосылки для формирования общего стандарта предоставления услуг по подключению ОКС к инженерным сетям в ЕАЭС.

Предоставление услуг по подключению ОКС к инженерным сетям, хотя и носит общественно-значимый характер, осуществляется, как правило, негосударственными органами, что в контексте применения публично-правовых механизмов в регулировании позволяет отнести деятельность по подключению к публичным услугам неадминистративного характера.

Однако необходимо отметить, что подобные нормативные акты интеграционного характера скорее могут лишь закрепить общую концепцию правового регулирования, отражающую правовую природу правоотношений, основные гарантии получателей услуг.

В свою очередь детальная регламентация процедуры подключения, по нашему мнению, должна осуществляться на национальном уровне с учетом особенностей отраслевого законодательства, а также рынка соответствующих услуг отдельного государства.

Бурак А. А.

ДЕФИНИЦИИ «ЭКСТРЕМИЗМ» И «ТЕРРОРИЗМ» В МЕЖДУНАРОДНОМ И НАЦИОНАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ЭФФЕКТИВНОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ДАННЫМ ЯВЛЕНИЯМ

Бурак Андрей Александрович, студент 4 курса Витебского государственного университета имени П. М. Машерова», г. Витебск, Беларусь, pathethiccone@gmail.com

Научный руководитель: канд. пед. наук, доцент Ивашкевич Е. Ф.

Экстремизм и терроризм представляют собой сложные и взаимосвязанные явления, которые стали одной из наиболее острых проблем современности. Они подрывают основы международной безопасности, стабильности государств и благополучия обществ. Несмотря на широкое использование терминов «экстремизм» и «терроризм» в политическом и научном дискурсе, в доктрине международного права до сих пор отсутствует их универсальное общепризнанное толкование. Основные субъекты международного права оперируют этими понятиями, зачастую вкладывая в них различное содержание, исходя из собственных интересов и правовых традиций, что существенно затрудняет выработку согласованных подходов к борьбе с экстремизмом и терроризмом на глобальном уровне. Тем не менее в ряде международных документов предпринимаются попытки выработать общие подходы к пониманию экстремистской и террористической деятельности. С 1960-х гг. ООН принимает конвенции против отдельных его видов (захват самолетов, заложников, защита ядерных материалов). Первая попытка сформулировать общее определение терроризма на универсальном уровне была предпринята в 1999 г. в рамках работы над проектом Всеобъемлющей конвенция о международном терроризме, которая оказалась неудачной из-за отсутствия консенсуса в отношении его дефиниции. В последние десятилетия принят ряд актов, направленных на превенцию отдельных видов террористической деятельности, а именно: международные конвенции о борьбе с бомбовым терроризмом (1997), с актами ядерного терроризма (2005) и др. Особое место занимает Конвенция о борьбе с финансированием терроризма (1999) и Резолюция 1373 (2001), обязывающая страны криминализировать такое финансирование, отказывать в убежище террористам и пресекать вербовку. Шанхайская конвенция (2001) определяет экстремизм как насильственный захват или удержание власти, а терроризм – как действия, направленные на запугивание населения и принуждение властей.

В широком смысле под экстремизмом понимается приверженность крайним взглядам и методам достижения определенных целей, выходящим за рамки общепринятых правовых и этических норм. Однако такое обобщенное определение не позволяет в полной мере раскрыть юридическую сущность данного явления и его специфические признаки. В Шанхайской

конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом 2001 г. экстремизм определяется как «какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них», а терроризм трактуется как «деяние, направленное на то, чтобы вызвать смерть какого-либо гражданского лица или любого другого лица, не принимающего активного участия в военных действиях в ситуации вооруженного конфликта, или причинить ему тяжкое телесное повреждение, а также нанести значительный ущерб какому-либо материальному объекту, равно как организация, планирование такого деяния, пособничество его совершению, подстрекательство к нему, когда цель такого деяния в силу его характера или контекста заключается в том, чтобы запугать население, нарушить общественную безопасность или заставить органы власти либо международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения …», помимо этого, включая отсылку к дефинициям вышеперечисленного списка конвенций.

В законодательстве отдельных государств с учетом национальной специфики также закрепляются различные дефиниции экстремизма и терроризма. В Республике Беларусь действует Закон от 03.01.2002 «О борьбе с терроризмом», содержащий развернутую характеристику терроризма как особо опасного противоправного явления. В 2008 г. был принят Закон Республики Беларусь «О противодействии экстремизму», определяющий характерные черты экстремизма и устанавливающий систему мер по предупреждению и пресечению экстремистской деятельности. Очевидно, данные определения во многом имеют «перекрестный» контент и взаимосвязаны между собой. Таким образом, в современном юридическом дискурсе экстремизм и терроризм понимаются как противоправная деятельность, основанная на приверженности крайним взглядам и направленная на насильственное изменение основ конституционного строя, нарушение общественной безопасности, прав и свобод граждан.

Васько О. И.

К ВОПРОСУ О РАЗРЕШЕНИИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО СПОРА МЕЖДУ МАЛАЙЗИЕЙ И СИНГАПУРОМ ОТНОСИТЕЛЬНО СУВЕРЕНИТЕТА НАД ПЕДРА-БРАНКА

Васько Ольга Игоревна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, kdrot.si@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук Емельянович О. В.

Территориальный спор – это конфликт между двумя или более государствами, связанный с их притязаниями на определенную территорию. Территориальные споры по-прежнему остаются одним из самых острых

вопросов в отношениях между государствами. Исторически территориальные споры часто разрешались силой, что являлось угрозой международной безопасности и стабильности. В современном мире государства для разрешения своих территориальных споров в мирном порядке могут обратиться в Международный Суд ООН, который является важным инструментом для урегулирования споров между государствами на основе международного права.

Решения Международного Суда ООН имеют прецедентный характер, и для понимания их значения необходимо рассмотреть конкретное дело. Анализ такого дела позволит изучить правовые аргументы сторон, увидеть практическое применение международных договоров и проанализировать факторы, которые влияют на решение Межударного Суда ООН.

Представляет интерес территориальный спор, рассмотренный Международным Судом ООН, между Малайзией и Сингапуром относительно суверенитета над Педра-Бранка/Пулау-Батупутех. Со своей стороны Малайзия утверждала, что обладает исконным правовым титулом на остров Педра-Бланка и остров «не мог в какое-либо соответствующее время рассматриваться как «*terra nullius*» и быть объектом приобретения посредством завладения» со стороны Сингапура. Сингапур же утверждал, что определенные исторические события свидетельствовали о вступлении острова со статусом «*terra nullius*» во владение «*à titre de souverain*» посредством «законного завладения».

В контексте рассмотрения статуса Педра-Бранка Международный Суд ООН обратил внимание на *имеющие значение договоры*. А именно имеет значение Англо-Голландский договор 1824 г., заключенный между Великобританией и Нидерландами (далее – Договор). Данный договор, определяющий сферы влияния в регионе, имеет ключевое значение для решения вопроса о статусе острова. В соответствии со ст. 12 Договора, Нидерланды снимали свои возражения против занятия Великобританией острова Сингапур, а Великобритания согласилась не открывать никаких представительств на островах Каримон, на островах Батам, Бинтан, Лингин, а также на прочих островах к югу от Сингапурского пролива, и обязалась не заключать никаких договоров с тамошними властителями. Анализ содержания статьи позволяет заключить, что все острова, расположенные к югу от Сингапура, как и сам Сингапур, относились к британской сфере влияния. Следовательно, остров Педра-Бранка, находясь в этой зоне, может быть рассмотрен как часть территории Султаната Джохор (ныне штат Малайзии), которая в то время находилась под британским протекторатом в соответсвии с заключенным договором. Этот факт опровергает версию о том, что Педра-Бранка являлась «*terra nullius*».

Продолжая рассматривать договоры, Международный Суд ООН рассмотрел Крофурдский договор 1824 г., в соответствии с которым Султан и Теменгонг Султаната Джохора уступили Ист-Индийской компании остров Сингапур, вместе с прилегающими к нему островами в пределах десяти географических миль от побережья указанного главного острова Сингапур.

Как утверждала Малайзия, спорная земля находилась за пределами обозначенного расстояния, и потому Педра-Бранка продолжала принадлежать Султанату Джохор. Однако и этот факт не являлся для Международного Суда ООН определяющим суверенитет Малайзии над островом, поскольку не служил прямым доказательством признания суверенитета над Педра-Бранка.

Для Международного Суда ООН имеет значения последующее поведение сторон. В 1836 г. на спорной земле началось строительство Хорсбургского маяка государственным инспектором Сингапура Джоном Томсоном. В данном случае имеют значение два обстоятельства: Султан и Теменгонг дали согласие на строительство маяка в Сингапурском проливе, а на церемонии закладки фундамента не присутствовал никто от джохорских властей. Таким образом, Султанат Джохор не возражал против строительства маяка британскими властями. В частности, также была изучена переписка 1953 г. между секретарем Сингапура и британским советником Султаната Джохор, которая касалась толкования Крофурдского договора, в том числе вопроса о суверенитете над островом Педра-Бланка. Анализ этой переписки позволяет сделать вывод, что Султанат Джохор не претендует на право собственности в отношении острова. Данное обстоятельство является дополнительным аргументом в пользу того, что Султанат Джохор не считал остров своей территорией, следовательно, учитывая сказанное ранее, Сингапур беспрепятственно осуществлял фактический контроль и административное управление островом, с молчаливым согласием властей Султаната Джохор. Данные обстоятельства являлись ключевыми для решения Международного Суда ООН.

Международный Суд ООН, всесторонне исследовав все обстоятельства, приходит к заключению, что суверенитет над островом Педра-Бланка принадлежит Сингапуру.

Таким образом, в результате рассмотрения дела, касающегося суверенитета над Педра-Бланка, был создан прецедент, который имеет значение для формирования прецедентного права в практике Международного Суда ООН.

Головач П. Н.

О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РАМКАХ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА БЕЛАРУСИ И РОССИИ

Головач Павел Николаевич, студент 3 курса юридического факультета Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, pavelgolovac65@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук Емельянович О. В.

Актуальность данного исследования заключается в необходимости анализа и корреляции норм концепций национальной и информационной безопасности Республики Беларусь с концепцией информационной

безопасности Союзного государства для выявления современных угроз и разработки эффективных мер по их нейтрализации.

Концепция национальной безопасности Республики Беларусь утвержденная решением Всебелорусского народного собрания от 25.04.2024 № 5 (далее – Концепция национальной безопасности) является одним из основных актов в республике в сфере информационной безопасности. В ней отражены основные направления национальной политики и содержится перечень национальных интересов Республики Беларусь в различных сферах.

Постановлением Совета безопасности Республики Беларусь от 18.03.2019 была утверждена Концепция информационной безопасности Республики Беларусь (далее – Концепция информационной безопасности). Данный документ регулирует информационное направление политики нашей страны и конкретизирует нормы Концепции национальной безопасности.

Являясь надежными партнерами в сфере информационной безопасности, Республика Беларусь и Российская Федерация активно сотрудничают в разработке и внедрении совместных мер по защите информационных систем и ресурсов. Постановлением Высшего Государственного Совета Союзного государства от 22.02.2023 утверждена Концепция информационной безопасности Союзного государства (далее – Концепция Союзного государства).

Проанализировав данные концепции, мы сможем проследить основные положения, которые отражены в союзном документе и в нашем национальном законодательстве, касающиеся угроз, целей, а также задач и основных направлений нейтрализации источников угроз и защиты информационной безопасности.

В Концепции Союзного государства (п. 9-13 главы III) и Концепции национальной безопасности (п. 46 главы 6) выявлены следующие общие (в частности, внешние) *угрозы* информационной безопасности:

- *доминирование ведущих зарубежных государств в мировом информационном пространстве, монополизация ключевых сегментов информационных рынков зарубежными информационными структурами;*
- *целенаправленная деятельность зарубежных государств, международных и иных организаций, отдельных лиц, наносящая вред национальным интересам Беларуси и России в информационной сфере;*
- *осуществление активного информационного воздействия, направленного на разрушение национальной самобытности, культурных и традиционных духовно-нравственных ценностей народов России и Беларуси.*

Говоря о *целях*, которые закреплены в Концепции информационной безопасности Республики Беларусь (п. 15 главы 6 раздела III) и Концепции Союзного государства (п. 16 главы IV), следует отметить, что они сформулированы почти идентично: *целью обеспечения информационной безопасности является достижение и поддержание такого уровня защищенности информационной сферы, который обеспечивает реализацию национальных интересов Беларуси и России, их прогрессивное развитие на основе формирования и устойчивого развития единого безопасного*

информационного пространства Союзного государства. Достижение цели обеспечения информационной безопасности Союзного государства осуществляется путем решения *задач и основных направлений нейтрализации источников угроз информационной безопасности*. В Концепции национальной безопасности (п. 59 главы 8) и Концепции Союзного государства (п. 17 главы IV) они сформулированы следующим образом:

- *создание условий для эффективного предупреждения, выявления и пресечения преступлений и иных правонарушений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий;*
- *предотвращение и отражение деструктивного информационно-технического воздействия на информационные ресурсы государств-участников;*
- *защита информации, содержащей сведения, доступ к которым ограничен национальными законодательствами государств-участников, владельцами которой являются государства, организации и граждане*.

Таким образом, коррелирование норм концепций национальной и информационной безопасности Республики Беларусь с Концепцией информационной безопасности Союзного государства подчеркивает важность координации усилий и сотрудничества в данной области для обеспечения стабильного развития и защиты национальных интересов, а также демонстрирует согласованность подходов концепций и исключительную важность международных актов в развитии национального законодательства.

Горун К. О.

ХАРАКТЕРИСТИКА КОМПЕТЕНЦИИ СУДА ЕАЭС: ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ

Горун Кристина Олеговна, студентка 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, krytsinaharun@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Хотько О. А.

В современных условиях глобализации экономическая интеграция государств играет ключевую роль в мировой экономике. Одним из таких объединений является Евразийский экономический союз (ЕАЭС), который создан в 2014 г. с целью углубления экономического, торгового и политического сотрудничества между его участниками. В рамках ЕАЭС была учреждена судебная система, включая Суд ЕАЭС (Суд), который обеспечивает защиту прав и законных интересов государств-членов, а также физических и юридических лиц.

Основной целью создания Суда является обеспечение правоприменения и защита прав государств-участников, а также юридических лиц в рамках ЕАЭС. Суд функционирует как независимый орган, призванный разрешать споры, возникающие в процессе реализации законодательства ЕАЭС,

и осуществлять надзор за соблюдением правовых норм, установленных в рамках союза.

Суд ЕАЭС наделен специфической компетенцией, она определяет пределы его вмешательства в споры и правоотношения, возникающие в рамках действия норм законодательства союза. Компетенция Суда ЕАЭС охватывает несколько ключевых аспектов. Во-первых, Суд рассматривает дела о соответствии правовых актов ЕАЭС, включая акты наднациональных органов, требованиям Договора и другим международным обязательствам. Во-вторых, он разрешает споры между государствами-участниками, а также споры между государствами и юридическими лицами, связанными с деятельностью в рамках ЕАЭС.

Согласно Регламенту Суда, утвержденному решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 г. № 101, он также вправе рассматривать обращения по вопросам толкования норм права, что позволяет обеспечить единообразие правоприменительной практики. Такой подход способствует укреплению правовой определенности и стабильности в рамках ЕАЭС.

Суд ЕАЭС рассматривает споры, возникающие по вопросам реализации Договора о ЕАЭС, международных договоров в рамках Союза и (или) решений органов Союза: по заявлению государства-члена и по заявлению хозяйствующего субъекта.

Анализируя положения Статута Суда Евразийского экономического союза (приложение № 2 к Договору о ЕАЭС), можно выявить проблему об отсутствии возможности обращения в Суд ЕАЭС у физических лиц, чьи права могут быть затронуты решениями наднационального органа. Так, например, Договор устанавливает правовое регулирование для любых физических лиц в рамках таможенных, инвестиционных отношений, конкуренции на трансграничных рынках, однако эти лица не имеют права прямого обращения в Суд по спорам с наднациональным регулятором.

Судебная практика, формируемая Судом, способствует единообразному применению норм права и обеспечивает правовую защиту интересов участников экономической деятельности в рамках Союза. Однако необходимо отметить, что существующие механизмы разрешения споров иногда сталкиваются с проблемами, связанными с недостаточной унификацией законодательства государств-членов.

Таким образом, Суд Евразийского экономического союза играет важную роль в формировании правовой системы интеграционного объединения. Судебная практика обеспечивает правовую определенность, защищает права субъектов, способствует мирному разрешению споров и интеграции правовых систем. Все эти аспекты подчеркивают значимость Суда как ключевого института, способствующего стабильности и развитию ЕАЭС.

Гришина О. В.

ПРОЕКТ ПО СОВМЕСТНОМУ ИСПОЛЬЗОВАНИЮ СЕВЕРНОГО МОРСКОГО ПУТИ

Гришина Ольга Васильевна, студентка 4 курса Российского государственного университета нефти и газа (Национального исследовательского университета) имени И. М. Губкина, г. Москва, Россия, OlgaGrishina1806@yandex.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Смирнов М. Г.

Северный морской путь (далее – СМП) – это водная магистраль, связывающая западную часть России, все арктические территории страны и Дальний Восток. Данный путь считается одной из самых значимых мировых транспортных артерий, так как он является одним из глобальных маршрутов мировой торговли. Особенностью СМП является его географическое положение – Северный морской путь проходит по морям Северного Ледовитого океана и частично Тихого океана, связывая в единый транспортный коридор регионы Азии и Европы.

Юридический статус СМП закреплен во многих нормах как национального, так и международного права. Так, например, в законодательстве Российской Федерации (далее – РФ) в Кодексе торгового мореплавания Российской Федерации установлен состав акватории СМП (п. 1 ст. 5.1), закреплены правила и организация плавания в акватории, также процесс определения размера цены за ледокольную проводку судна, ледовую лоцманскую проводку судна и иные положения. Немаловажным актом в российском законодательстве является также Стратегия развития Арктической зоны РФ и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 г., утвержденная Указом Президента РФ в 2020 г. Помимо этого, вопрос СМП раскрывается в международных договорах. В частности, Конвенция ООН 1982 г. по морскому праву содержит положения, регулирующие статус вод исключительно экономических зон (куда входит СМП) и правила, применяемые к различным судам. Среди других международно-правовых актов стоит указать Международный кодекс для судов, эксплуатирующихся в полярных водах 2017 г., который содержит особые требования к судам и их использованию. Эти нормы считаются дополнением к уже существующим Конвенции СОЛАС-74 и Конвенции МАРПОЛ 73/78.

На основании рассмотренной законодательной базы нами выдвигаются следующие предложения:

1) предоставить Республике Беларусь в зоне СМП национальный правовой режим;

2) специальные соглашения в рамках ЕАЭС – создание совместной правовой платформы;

3) двусторонние соглашения и преференции для Беларуси, куда могли бы войти механизмы определения тарифов и условий для белорусских компаний;

4) тарифные льготы;

5) привлечение Беларуси к проектам модернизации портов на СМП и созданию логистических центров;

6) экономические стимулы, такие как поддержка экспорта белорусской продукции через СМП, льготные условия кредитования и страхования для белорусских перевозчиков;

7) участие Беларуси в производстве атомных танкеров для Арктики, чтобы снизить логистические расходы и поддержать ее промышленность через совместные инвестиции;

8) Беларусь может интегрироваться в арктические российские СПГ-проекты, обеспечивая себе льготные поставки.

СМП – стратегически важная транспортная артерия, которая может принести существенные экономические выгоды как для России, так и для Беларуси, удовлетворив интересы обоих государств. Экспортные товары из Беларуси ранее отправлялись через порты балтийских республик и Украины – это был наиболее удобный вариант с точки зрения логистики. Однако после введения санкций Беларусь начала искать альтернативу. СМП может стать надежной заменой старым логистическим путям и сейчас объясним почему.

Для Беларуси можно выделить следующие преимущества: развитие международной торговли, увеличение товарооборота за счет снижения времени и цены доставки товаров, энергоресурсов; возможность расширить свои экспортные рынки, активно используя СМП для транзита результатов своего производства; укрепление экономического сотрудничества союзных государств; безопасность грузоперевозок и выход к морю. Кроме того, обеспеченность судами зоны СМП в настоящее время является недостаточной – предлагаем Беларуси совместный проект по расширению судостроительного производства с созданием совместного предприятия по производству судов с арктическим и ледокольным оборудованием. СМП может стать основным торговым путем для Беларуси через Российскую Федерацию и на юг, и на север.

Для России достоинства такой интеграции могут быть следующими: помимо увеличения объемов перевозок и усиления экономических связей, присутствие союзного государства обеспечит инвестиции в развитие портов СМП и арктической инфраструктуры, строительство новых танкеров, в проекты по добыче и транспортировке энергоресурсов.

Таким образом, перспективы развития совместного проекта можно считать многообещающими. Несмотря на то, что проект по интеграции Беларуси в использование СМП представляет собой сложное стратегическое и экономическое решение для союзных государств, тем не менее оно могло бы укрепить политические связи, расширить экономические возможности, развить инфраструктуру и повысить конкурентоспособность обеих стран на международной арене, принеся обеим сторонам прибыль.

Гусева О. В.

К ВОПРОСУ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО СТАТУСА КОЛЛАБОРАНТОВ, УЧАСТВОВАВШИХ В ПРЕСТУПЛЕНИЯХ НАЦИСТОВ НА ТЕРРИТОРИИ БССР

Гусева Ольга Владимировна, студентка 4 курса Российского государственного университета нефти и газа (Национального исследовательского университета) имени И. М. Губкина, г. Москва, Россия, olgagu0305@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Смирнов М. Г.

В 2025 г. будет отмечаться 80-летие Великой Победы, когда Красная армия одержала безоговорочную победу над немецко-фашистскими захватчиками. Весь Советский Союз плечом к плечу сражался с врагом, не жалея себя. Но, к сожалению, в истории Великой Отечественной войны были не только герои, но и предатели.

Впервые проблема международно-правовой квалификации деятельности пособников нацистов была поднята на Нюрнбергском трибунале. Созданный для суда над лидерами Третьего рейха, нацистскими лидерами трибунал затронул и значительное количество сопутствующих вопросов, связанных с преступлениями фашистского режима. Одним из таких вопросов было участие в преступлениях (в том числе в форме соучастия) нацистов местных коллаборационистов из числа антисоветских и уголовных элементов.

Как известно, Беларусь одна из первых подписала Декларацию об образовании СССР и Союзный Договор. Белорусская Советская Социалистическая Республика стала неотъемлемой частью Советского Союза, и внесла значительный вклад в Великую Победу.

Но коллаборационизм процветал и среди советских граждан на территории БССР, которые добровольно сотрудничали с врагом, передавая чрезвычайно важную информацию и осуществляя иные действия, наносящие урон своему государству. Сам термин «коллаборационизм» зародился в период наполеоновских войн и подразумевал под собой всестороннее сотрудничество. Негативную окраску данное определение приобрело в начале Второй мировой войны, когда коллаборационизм приравнивался к сотрудничеству с врагом, государственной измене и пособничеству.

Рассуждая о деятельности коллаборантов, участвовавших в преступлениях нацистов на территории БССР, следует иметь в виду, что нацисты привлекли к сотрудничеству и уехавших из Беларуси в разное время по политическим мотивам эмигрантов.

Акинчиц Фабиан Иванович (1886–1943) был одним из белорусских коллаборантов. Он являлся одним из основателей и руководителей Белорусской национал-социалистической партии, которая была создана на основе идей фашизма в связи с победой национал-социалистического движения в Германии. В начале Второй мировой войны Акинчиц обратился к нацистской партии с предложением помощи в обучении и подготовке кадров,

в том числе пленных, для будущей диверсионной группы на территории БССР, а также в распространении националистских идей среди белорусов. Помимо этого, Акинчиц и его группа отправляла доносы на ведущих белорусских деятелей. Благодаря их работе, фашисты смогли значительно усилить свои позиции на территории БССР в 1941–1942 гг.

К 1943 г. на территории БССР существовали отряды местных коллаборационистов различной ведомственной подчиненности и степени мотивации. Так, наиболее многочисленными были отряды так называемой «полиции охраны порядка» (нем. Schutzpolitzei), которые создавались оккупантами во всех городских и районных управах. Все управы входили в созданный немцами специальную административную единицу – генеральный округ «Белоруссия» (нем. Weißruthenien). Одновременно на территории БССР действовали отряды Белорусской самообороны (БСА – Беларусская самаахова), проекта гауляйтера Вильгельма Кубе по привлечению местных националистов с общим названием Белорусская народная самопомощь.

Наконец, в конце 1943 г. по инициативе СС была создана Белорусская центральная рада, орган «независимого» самоуправления, который с наступлением Красной Армии превратился в Белорусскую краевую самооборону.

Островский Радослав Казимирович был министром просвещения Белорусского государства, а во время Великой Отечественной войны оказывал значительную помощь немецкому оккупационному руководству. В 1943–1944 гг. являлся президентом Белорусской центральной рады (БЦР), которая выступала неким коллаборационистским центром, объединившим большую часть белорусских националистов. Деятельность БЦР, которую курировал Островский, заключалась в осуществлении борьбы с партизанами, а также в обучении населения необходимым навыкам, из чего в последующем была сформирована Белорусская краевая оборона. После войны Островский стал одним из ведущих деятелей белорусской эмиграции, переоформив коллаборационистскую Белорусскую центральную раду в «правительство в изгнании», и избежав суда.

Отдельно следует упомянуть вспомогательные службы коллаборантов – «Союз белорусской молодежи» (Саюз беларускай моладзі) как аналога Гитлерюгенда и «Белорусской службы Родине» (Беларуская служба Бацькаўшчыне), аналога Имперской службы трудовой повинности Германии, которые занимались подготовкой молодежи допризывного возраста.

В 1944 г. стало понятно, что симпатии местного населения БССР завоевать не удалось и немцы стали активнее развивать национально-коллаборантский сегмент, предоставив БЦР право создания штурмовой бригады СС «Беларусь» и Белорусского легиона на базе Белорусской самообороны.

Однако крах Германии не дал этим планам осуществиться. Большинство подразделений коллаборационистов были расформированы по причине массового дезертирства личного состава. Однако наиболее мотивированные

части, прежде всего из числа совершивших преступления против мирных жителей, ушли на Запад с целью сдаться в плен союзникам.

Проблема квалификации действий коллаборантов заключается в следующем. Во-первых, субъективный состав коллаборантов. Большая часть из них являлась советскими гражданами. Это позволяло судить их по советскому уголовному законодательству, однако никак не отражало международный характер совершенных ими преступлений. Во-вторых, видные деятели белорусских коллаборантов (Островский, Витушка, Космович, Акинчиц) не были гражданами СССР и, следовательно, положения об измене Родине советского законодательства на них не распространялись. В-третьих, квалификация преступления «геноцид» появилась уже после Нюрнбергского трибунала, в 1948 г., в одноименной конвенции. А к тому времени изменилась политическая обстановка в мире, и белорусские пособники нацистов стали интересны западным спецслужбам и органам пропаганды. Все эти факторы привели к тому, что вопросы участия в преступлениях нацистов многочисленных коллаборантов с территории СССР так и остались без должной международно-правовой квалификации.

В настоящее время Генеральная прокуратура Республики Беларусь приняла решение о признании деяний нацистов на территории Беларуси геноцидом, в число преступников отнесены не только немецкие подразделения СС и СД, но и их пособники. Однако вопрос об объявлении преступными всех организаций, созданных из местных коллаборантов, подобно тому, как объявили преступной организацию СС на Нюрнбергском трибунале, пока не поднимался. Следует создать список таких коллаборантских организаций на территории БССР и РСФСР и объявить их преступными организациями.

Журавская Л. Н.

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВОСУДИЯ В ЕАЭС

Журавская Людмила Николаевна, студентка 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, ludmilazhur@icloud.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Хотько О. А.

Интеграционное правосудие является результатом работы наднациональных судебных инстанций в рамках региональных экономических союзов государств и представляет собой специфический подход к осуществлению правосудия в рамках интеграционных объединений. Интеграционное правосудие направлено на создание единого правового пространства, в котором соблюдаются права граждан и юридических лиц, а также обеспечиваются принципы верховенства закона и правовой определенности.

Развитие интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) требует создания стабильной и предсказуемой правовой системы, которая будет способствовать укреплению

экономических отношений между государствами-членами. Вместе с тем Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) играет важную роль в формировании и поддержании правопорядка, обеспечивая единообразное толкование и применение норм права Союза. Таким образом, актуальность темы является обоснованной.

В рамках ЕАЭС функционирует Суд, целью создания которого является обеспечение в соответствии с положениями Статута Суда единообразного применения государствами-членами и органами Союза Договора, международных договоров в рамках Союза, международных договоров Союза с третьей стороной и решений органов Союза. Основной формой деятельности Суда ЕАЭС является интерпретация права Союза, обеспечение правового единообразия и судебный контроль в сфере нормоприменения. Посредством судебного нормоконтроля суд влияет на формирование правового поля самой организации, а также обеспечивает соблюдение правовых норм ЕАЭС.

В силу подп. 1 п. 50 Статута Суда Евразийского экономического союза Суд при осуществлении правосудия, которое включает и предоставление консультативного заключения, применяет общепризнанные принципы и нормы международного права. При вынесении судебного акта Суд основывается на общих конституционных традициях государств – членов Союза, а также международных соглашениях о защите прав человека.

Суд наделен функцией обеспечивать единообразное применение Договора и других актов в рамках Союза. Он выносит решение, которое является обязательным для исполнения сторонами спора или Комиссией, однако форму и способ исполнения могут определить сами стороны.

Следует отметить, что нормативные заключения Суда не имеют обязательной силы, в связи с чем можно утверждать, что компетенция Суда по осуществлению правосудия имеет определенные ограничения. К таким ограничениям можно отнести также и то, что Суд рассматривает споры, связанные с реализацией Договора о ЕАЭС, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза. Однако он не имеет полномочий рассматривать дела, касающиеся национальных правовых вопросов, что ограничивает возможности граждан обращаться в Суд и, в свою очередь, значительно ослабляет его возможность оказывать влияние на формирование и совершенствование правового порядка Союза, укрепление интеграционной динамики в целом.

Пункт 102 Статута Суда предусматривает, что Суд не создает норм права Союза. Не в его компетенции отменять или изменять нормы права ЕАЭС либо вообще исключать их действие. Суд не вправе определять меры обеспечительного характера.

Наряду с вышеизложенным, при осуществлении судебного нормоконтроля Суд участвует в процессе развития права ЕАЭС. В частности, признавая ту или иную норму не соответствующей источникам, имеющим большую юридическую силу, Суд участвует в формировании правовой системы Союза.

Важно отметить, что только Суд ЕАЭС наделен разъяснительной компетенцией, направленной на создание условий для единообразного применения договоров, т. е. выполняет правотолковательную деятельность и задачу интеграции. Кроме того, толкование норм права может осуществляться Судом и в процессе разрешения споров. По справедливому мнению А. Г. Тунян следовало бы предусмотреть правовую возможность для Суда в резолютивной части судебного решения закреплять уточняющие модели поведения, что могло бы внести определенность в правовую систему сообщества и положительно сказаться на развитии права ЕАЭС.

Таким образом, правосудие в ЕАЭС реализуется через деятельность Суда ЕАЭС, который обеспечивает единообразное толкование и применение норм права Союза, что способствует гармонизации правоприменительной практики и укреплению правопорядка. В связи с этим важной задачей является обеспечение автономности права ЕАЭС и его приоритета над национальными правовыми системами в целях создания единого правового пространства и эффективного функционирования интеграционных процессов в рамках Союза, что, в свою очередь, требует скоординированных усилий и сотрудничества между государствами – членами ЕАЭС для их успешного разрешения и укрепления правовой системы Союза. Наряду с этим можно отметить, что меры по улучшению доступа к правосудию для граждан государств – участников Союза, а именно обеспечение правовой помощи, например, создание специализированных юридических консультаций; цифровизация судебных процессов, позволят создать более доступную и справедливую систему правосудия в ЕАЭС, что будет способствовать защите прав всех граждан государств-участников и укреплению правопорядка в Союзе.

Кульша Е. Ю.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ В ПЕРИОД ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

Кульша Елизавета Юрьевна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, likyza22@gmail.com

Научный руководитель: магистр юрид. наук, ст. преподаватель Шевко Н. М.

При складывающейся ситуации в мировом сообществе, вопрос международно-правовой защиты детей в период вооруженных конфликтов не теряет своей актуальности. Официальная статистика Организации Объединенных Наций наглядно иллюстрирует недостаточную эффективность принимаемых мер и используемых механизмов, призванных обеспечить безопасность жизни и здоровья детей во время военных действий.

Так, в период с 2005 до 2022 г. Организацией Объединенных Наций было подтверждено 315 тысяч серьезных нарушений прав детей в условиях вооруженного конфликта. С 2005 г. во всем мире в результате войн на всех континентах по меньшей мере 120 тысяч детей, т. е. в среднем почти 20 детей в день, были убиты или получили увечья. Не менее 105 тысяч детей

завербованы или используются вооруженными силами и вооруженными группами. Более 32,5 тысяч детей похищены и более 16 тысяч детей подверглись сексуальному насилию.

При характеристике международно-правовой защиты детей в период вооруженных конфликтов в первую очередь необходимо исходить из их особого статуса как наиболее уязвимой категории. Конвенция о правах ребенка 1989 г. закрепила особый статус детей в целом и в период вооруженных конфликтов в частности. Так, преамбула конвенции закрепляет, что «дети имеют право на особую защиту и помощь». Такой подход обусловлен тем, что в силу возраста, а также интеллектуальной и физической незрелости дети не способны самостоятельно реализовать свои права и защитить себя от противоправных действий. Помимо этого, психика ребенка является крайне неустойчивой ввиду внешних факторов, влияющих на нее.

Во время вооруженных конфликтов дети находятся под покровительством Женевской конвенции от 12 августа 1949 г. о защите гражданского населения (далее – IV Женевская конвенция 1949 г.), а также Дополнительных протоколов к ней.

Исходя из содержания данных актов, мы можем классифицировать международно-правовую защиту детей следующим образом: 1) общая защита детей как лиц, входящих в категорию гражданского населения; 2) специальная защита детей, обусловленная их особым статусом.

Наиболее проблемным вопросом при осуществлении охраны детей в период вооруженных конфликтов является установленный ограничитель возраста, при котором ребенок имеет право на особую защиту. Так, IV Женевская конвенция 1949 г. содержит нормы о том, что дети до 15 лет и матери детей до 7 лет подпадают под категорию гражданского населения, для которых могут создаваться специальные санитарные или безопасные зоны. Таким же образом решен вопрос эвакуации из осажденных или находящихся в окружении зон. Учитывая тот факт, что в большинстве стран мира возрастом совершеннолетия является 18 лет, а в отдельных странах – 21 год, целесообразным является повышение возраста до 18 лет, главным образом обусловленное особенностями физического, интеллектуального и психологического развития ребенка.

Одним из механизмов защиты детей в период вооруженных конфликтов является эвакуация. Рассматривая данный способ защиты, необходимо отметить, что ст. 78 Дополнительного протокола I к IV Женевской конвенции 1949 года закрепила, что при отсутствии неотложных причин, ни одна сторона, находящаяся в конфликте, не должна принимать мер по эвакуации детей, кроме собственных граждан, в иностранное государство. Исходя из содержания данной нормы, эвакуация, как механизм защиты детей в период вооруженных конфликтов, применяется постфактум, т. е. в целях устранения последствий военных действий.

Однако эвакуация представляется наиболее эффективным и максимально обеспечивающим защиту жизни и здоровья детей механизмом. Только эвакуация в безопасную зону способствует снижению уровня пострадавших в результате военных действий. По этой причине данный

механизм необходимо применять как превентивную меру, предостерегающую от возможности посягательства на жизнь и здоровье детей, как наиболее уязвимой и незащищенной категории гражданского населения.

Таким образом, закрепление особого статуса и регламентация прав детей в международных актах не является сдерживающим фактором от посягательств на их жизнь, здоровье, телесную неприкосновенность. Наиболее рациональным решением данной проблемы может стать непосредственная эвакуация детей в безопасные зоны. При этом необходимо помнить, что защита детей на международно-правовом уровне в период вооруженных конфликтов не решит проблему их незащищенности, если соответствующие меры не будут приниматься на нижестоящих уровнях, вплоть до института семьи, который в первую очередь несет ответственность за безопасность ребенка.

Лёвкин Г. А.

СУДЕБНЫЙ ПРЕЦЕДЕНТ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО СУДА ООН: РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАКТИЧЕСКОЙ СФЕРЫ ПРИСОЕДИНЕНИЯ ГОСУДАРСТВ – УЧАСТНИКОВ СУДА К ВЫНЕСЕННЫМ РЕШЕНИЯМ (ОПРЕДЕЛЕНИЯМ) СУДА

Лёвкин Глеб Андреевич, студент 3 курса Барановичского государственного университета, г. Барановичи, Беларусь, gleblevkin273gmail.com@mail.ru

Научный руководитель: канд. филос. наук, доцент Петровский Н. А.

Учрежденные 17 июля 1998 г. нормы Римского статута Международного уголовного суда ООН (далее – Статут МУС), ознаменовали, с нашей точки зрения, принципиально новый подход к установлению на международно-правовом уровне развития государств – участников ООН основного правового источника англо-саксонской правовой семьи – «*судебного прецедента*», поскольку позволили осуществлять процесс систематизации материалов уголовных дел о преступлениях (с приложенным к таким материалам копией судебного решения МУС), непосредственно отнесенных к юрисдикции МУС, в единый кодификационный, носящий обязательный характер исполнения для государств, подписавших и ратифицировавших нормы Римского статута МУС, судебно-правовой акт: «*судебный прецедент МУС о порядке правового разрешения индивидуального преступления международного характера, совершенного физическим лицом*.

Обратим внимание на норму ч. 1 ст. 4 Статута МУС: «*Суд обладает международной правосубъектностью*». Эта норма, по нашему мнению, определяет, что положения рассмотренных Судом материалов уголовных дел в отношении индивидуальных физических лиц и постановленный обвинительный приговор с назначенной Судом мерой уголовного наказания, распространяют юридическую силу на все государства – участники МУС, что обусловливает возникновение юридического факта о необходимости исполнения назначенного Судом наказания в отношении осужденного.

В то же время ряд ученых-правоведов относит вынесенные Международным Судом ООН решения по спорам государств – участников ООН к элементам нормообразования в международном праве. Однако, на наш взгляд, признание решений Международного Суда ООН в качестве структурных элементов процесса нормообразования не подразумевает признание именно судебного прецедента, вынесенного составом судей МУС в качестве объекта отношений по установлению международной судебной практики, поскольку придает существенное значение уже устоявшейся, многонациональной по характеру правового воздействия на субъектов международных правоотношений судебной практике Международного Суда ООН.

Актуальность научной проблематики о необходимости отнесения судебного прецедента МУС и порядка практической реализации присоединения государств – участников МУС к вынесенным решениям Суда, с нашей точки зрения, является проблемным аспектом в установлении общих положений об определении основных источников современного международного права, что также исходит из норм п. 1(a) ст. 103, п. 1 ст. 105 Статута МУС. Так, согласно нормам п. 1(a) ст. 103, п. 1 ст. 105 Статута МУС, «*наказание в виде лишения свободы отбывается в государстве, назначаемом Судом из перечня государств, уведомивших Суд о своей готовности принять лиц, которым вынесен приговор, а равно, с соблюдением условий, предусмотренных п. 1(b) ст. 103, приговор о назначении наказания в виде лишения свободы является обязательным для государств-участников, которые ни при каких обстоятельствах не могут изменять его*».

В то же время, на наш взгляд, осуществление реализации порядка признания государствами – участниками Статута МУС утвержденных судебных прецедентов такого Суда не всегда находит собственное отражение в действительности приведения судебного решения в исполнение, в силу отсутствия присоединения государств – участников Суда к его судебным решениям, посредством их подлинного удостоверения. Видение такого проблемного аспекта, по нашему мнению, исходит из «принципиальности» государств – участников МУС об уклонении содержания лица, осужденного по судебному решению МУС, в национальной пенитенциарной системе.

Принимая во внимание положения норм п. 1(a) ст. 103, п. 1 ст. 105 Статута МУС об обязательности государством – участником Статута МУС приведения в исполнение наказания в виде лишения свободы и невозможности изменения его, с целью обеспечения верховенства законной силы судебного прецедента МУС, а равно придания статуса источника международного права, с нашей точки зрения, имеет место быть совершенствование нормы ст. 103 Статута МУС: внесение положений, устанавливающих уголовную ответственность должностных лиц, подписавших соглашение о передаче на содержание осужденного лица и не принявших в короткие сроки решения о принятии в национальную пенитенциарную систему лица, осужденного составом судей МУС.

Логвинов П. Д.

СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ ДЛЯ СТРАН ЕАЭС В ОБЛАСТИ ФИНАНСОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Логвинов Павел Дмитриевич, студент 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, logvinovpd@yandex.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук Емельянович О. В.

Финансовая безопасность является одним из ключевых элементов национальной безопасности любого государства, особенно в условиях глобальной интеграции. Страны Евразийского экономического союза (ЕАЭС), стремясь к углублению экономического сотрудничества, сталкиваются с многочисленными вызовами и угрозами в области финансовой безопасности, которые могут существенно повлиять на устойчивое развитие и экономическую стабильность. Современные вызовы, такие как волатильность мировых финансовых рынков, санкционное давление, киберугрозы и иные проблемы, ставят страны ЕАЭС перед необходимостью выработки эффективных механизмов обеспечения финансовой стабильности и защиты своих экономик.

В правовой доктрине устоялось представление о финансовой безопасности как наиболее важной подсистеме экономической безопасности государства. Так, О. Ш. Петросян под финансовой безопасностью предлагает понимать создание условий устойчивого, надежного функционирования финансовой системы государства, региона, предотвращающих возникновение финансового кризиса, дефолта, деструкцию финансовых потоков, сбои в обеспечении основных участников экономической деятельности финансовыми ресурсами, нарушение стабильности денежного обращения, уровень эффективности государственного управления, его ветвей власти и их институтов.

Евразийский экономический союз (далее – ЕАЭС, Союз) – это интеграционное образование, ориентированное на стимулирование развития стран-участниц, определяющее единую внешнеторговую, финансовую и макроэкономическую политику. Экономический союз является промежуточным интеграционным объединением, завершающей формой которого является политический союз. Интеграция происходит посредством добавления новых сфер, подвергающихся унификации. Формирование финансового механизма ЕАЭС осуществляется с 1 января 2015 г. (с момента введения в действие Договора о ЕАЭС) в тесной взаимосвязи с компетенциями ЕАЭС. Единые таможенная территория и таможенное регулирование; зачисление и распределение ввозных таможенных пошлин, антидемпинговых, компенсационных, специальных пошлин; косвенные налоги; бюджет ЕАЭС; техническое регулирование, включая единые санитарные, фитосанитарные меры; внешнеторговая политика в отношении третьих стран; единые меры нетарифного регулирования; контроль за конкуренцией на трансграничных рынках относятся исключительно к компетенции ЕАЭС.

К. А. Татарникова выделяет следующие угрозы финансовой безопасности страны: 1) обесценивание национальной валюты; 2) инфляция; 3) снижение

уровня жизни населения; 4) повышение стоимостных кредитных ресурсов; 5) увеличение налогового бремени; 6) спад заявок граждан; 7) рост риска невозврата значительной доли кредитов; 8) дефицит бюджета; 9) умышленное сокрытие объемов доходов, трудового коллектива от налоговых органов; 10) рост государственного долга.

Следует отметить, что недостаточный уровень финансовой безопасности существенно препятствует экономическому развитию, тормозит торговые отношения и внешнеэкономическую деятельность, а также ослабляет финансовую, страховую и бюджетную системы. Кроме того, он ограничивает возможности государства в проведении самостоятельной экономической политики. В этом контексте ключевая задача государственных органов – обеспечить финансовую стабильность путем глубоких и прогрессивных экономических реформ, а также совершенствования правовой базы. Для обеспечения устойчивых финансовых отношений необходимо создать надежную правовую и информационную инфраструктуру, внедрить эффективные методы управления и контроля над экономикой. Валютный контроль играет решающую роль в защите экономики, помогая предотвратить негативные последствия резких колебаний в движении капитала. Однако в данной сфере существуют две серьезные проблемы, требующие безотлагательного решения.

Первая проблема, на наш взгляд, заключается в чрезмерной сложности системы валютного контроля. Это вынуждает участников финансовых операций искать обходные способы для проведения транзакций, часто прибегая к анонимным технологиям, таким как блокчейн. Вторая проблема связана с пассивностью государственных органов в отношении широкомасштабных злоупотреблений в экономической сфере, что в долгосрочной перспективе способствует усилению криминализации экономики.

Для обеспечения прозрачности в экономике, на наш взгляд, необходимо проводить скоординированную финансовую, денежно-кредитную и социально-экономическую политику в рамках не только национального законодательства, но и в рамках ЕАЭС.

Остапенко В. В.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПЕРЕХОДА К ЧИСТЫМ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИМ ИСТОЧНИКАМ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Остапенко Валерия Викторовна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, keraostapenko0101@gmail.com

Научный руководитель: доктор юрид. наук, профессор Толочко О. Н.

В 2020 г. в Нью-Йорке были установлены климатические часы, показывающие оставшееся время до необратимых изменений климата. На сегодняшний момент, согласно часам, у мира осталось менее шести лет, чтобы все исправить.

Так, глобальное изменение климата кардинально трансформировало как международную экономическую, так и политическую обстановку. Повышение уровня моря увеличило риски природных катастроф, потепление напрямую влияет на хаотичную миграцию населения, а непредсказуемые изменения метеорологических условий негативно сказываются на производстве сельскохозяйственной продукции.

Именно в целях предотвращения ущерба, который может быть нанесен всему миру, был разработан такой процесс, как декарбонизация. Данный термин подразумевает переход к низкоуглеродным, возобновляемым источникам энергии, например, к солнечной, ветровой, приливной энергии, к использованию водорода, термоядерному синтезу и другим средствам.

Попытка перехода с одних источников на другие совершенно не новая практика. Так, в мире произошло уже четыре энергетических перехода: от древесины к углю, затем к нефти, газу и, наконец, к возобновляемым источникам энергии с целью вытеснения углеводородов.

Такая же длительная история становления была и у международных правовых актов, прямо или косвенно регулирующих процесс декарбонизации и энергетического перехода. К таким актам относятся Рамочная конвенция ООН об изменении климата, Киотский протокол, Марракешские соглашения и Дохинская поправка. Развитие данной нормативно-правовой базы привело к созданию в 2011–2015 гг. Парижского соглашения.

Основными целями Парижское соглашение ставит ограничение роста среднемировой температуры на отметке 2°С, а также принятие мер для дальнейшего ограничения роста температуры на уровне 1,5°С, обеспечение нулевого показателя выбросов парниковых газов к 2050 г., чтобы любые выбросы были сбалансированы поглощающими механизмами, например, лесными массивами, а также внесение вкладов на национальном уровне с целью развития технологий, направленных на поддержание процесса декарбонизации.

К основным перспективам изменения климатической мировой ситуации при следовании положениям Парижского соглашения, помимо борьбы с глобальным потеплением, можно отнести улучшение технологий в области хранения и использования энергии, например, аккумуляторов, которые будут способствовать более эффективному использованию ресурсов, создание новых рабочих мест, повышение качества жизни населения, улучшение экономической устойчивости за счет появления нового источника для государственного и частного инвестирования, повышение уровня общественного сознания благодаря внедрению устойчивых практик на уровне бизнеса и общества.

Несмотря на все положительные моменты, в процессе осуществления в реальности норм Парижского соглашения возник ряд препятствий. Так, например, несмотря на то, что Парижское соглашение указывает на необходимость международной финансовой поддержки развивающихся

стран в интересах достижения целей по смягчению последствий изменения климата и адаптации, данные страны занимают относительно сдержанную позицию и ставят менее амбициозные цели в части вкладов в развитие чистых энергетических источников.

К другим проблемам, с которыми может столкнуться общество в процессе декарбонизации, можно отнести массовые увольнения в угольной и нефтяной отраслях, которые могут вызвать социальные волнения и протесты, если не будут разработаны программы поддержки для работников. Существующая инфраструктура также в большинстве случаев не приспособлена для работы с новыми, более чистыми технологиями, что требует дополнительных инвестиций и времени.

Таким образом, декарбонизация является необходимым процессом в связи с ухудшающейся климатической ситуацией и ограниченным временем для действий. Парижское соглашение и ряд других актов предлагают конкретные стратегии, но сталкиваются с трудностями, такими как недостаточная финансовая поддержка развивающихся стран и риск социальных протестов из-за перехода к новым источникам энергии. В целях успешной реализации этих мер необходимо адаптировать инфраструктуру под возобновляемые источники, обеспечить программы поддержки для работников, а также активно вовлекать общественность для повышения осведомленности и участия в решении экологических проблем.

Потапов Е. А.

ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ИНФРАСТРУКТУРНОЙ ОБЕСПЕЧЕННОСТИ В СТРАНАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Потапов Егор Андреевич, аспирант кафедры земельного, градостроительного и экологического права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева, г. Екатеринбург, Россия, ptpv.e.a@gmail.com

Научный руководитель: доктор юрид. наук, профессор Винницкий А. В.

Одним из приоритетных направлений социально-экономического развития государств – членов Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) является качественное обновление городской среды и формирование комфортных условий проживания граждан. В целях ее реализации в каждом из указанных государств были разработаны и утверждены программные документы, содержащие цели, планы действий по их достижению, в том числе механизмы контроля. Так, в федеральном проекте Российской Федерации «Формирование комфортной городской среды» контроль осуществляется с помощью индекса качества городской среды, а в Государственной программе «Комфортное жилье и благоприятная среда» на 2021–2025 годы Республики Беларусь – с помощью методики оценки эффективности использования бюджетных средств. В других странах ЕАЭС механизмы контроля не «вшиты» в программные документы.

Так или иначе, в программных документах, по общему правилу, не содержатся какие-либо предоставительно-обязывающие нормы. Фактически планирование основано на текущих и прогнозируемых показателях и объеме бюджетного финансирования.

В свою очередь, правовые инструменты, формирующие комфортную городскую среду, содержатся в законодательстве о градостроительной деятельности.

Основной параметр комфортности условий проживания граждан находится в прямой зависимости от обеспеченности жилых объектов услугами и ресурсами со стороны объектов инфраструктуры (или, иными словами, от уровня инфраструктурной обеспеченности).

При анализе законодательства государств – членов ЕАЭС в области градостроительной деятельности на предмет наличия (отсутствия) специальных правовых инструментов, определяющих уровень инфраструктурной обеспеченности населенных пунктов, были выявлены следующие подходы к определению инфраструктурной обеспеченности населенного пункта:

1. Опосредование параметров обеспеченности и доступности объектов инфраструктуры в виде самостоятельного документа:

– региональных и местных нормативов градостроительного проектирования (Российская Федерация);

– государственных нормативов (Республика Казахстан и Кыргызская Республика).

Вышеперечисленные документы фактически агрегируют в себе гарантии обеспеченности населения объектами, обладающих социальным эффектом (например, 1 парковочное место на 35 «жилых» кв. м).

Они имеют тесную связь с ранее существовавшей советской системой градостроительства и учитываются при подготовке всех видов градостроительной документации.

2. Отсутствие самостоятельного документа, определение инфраструктурной обеспеченности с помощью программ развития территорий населенных пунктов (Республика Беларусь и Республика Армения).

Второй подход обусловлен тем, что параметры обеспеченности и доступности инфраструктурными объектами фактически «вшиваются» при подготовке градостроительной документации.

Обращается внимание, что отсутствие специального документа не означает умаление гарантий населения на получение социально значимых услуг, поскольку общее планирование и зонирование территории населенного пункта невозможно без учета потребностей самого населения, как правило, выраженных в программных и стратегических документах.

Тем самым отсутствие нормативов может объясняться стремлением законодателя к формированию лаконичной правовой системы в области градостроительства, поскольку наличие в ней нормативов закономерным образом приводит к вопросам 1) их объема в содержании; 2) соотношения с градостроительной документацией и 3) другими административными актами в области градостроительства.

Примечательно также, что аналогичный подход в определении инфраструктурной обеспеченности поддерживается во Франции и Германии.

Таким образом, в странах ЕАЭС выявлено два основных подхода к определению параметров обеспеченности и доступности инфраструктурных объектов. В условиях гармонизации и сближения законодательств представляется возможным объединить два предусмотренных подхода, с одной стороны, сохранив нормативы в виде самостоятельного документа, например, разрабатываемого на уровне населенного пункта и, с другой стороны, объединить их содержание с программными документами развития города, региона и государства в целом.

Чуканов Д. А.

РОЛЬ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ СОВРЕМЕННОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Чуканов Дмитрий Андреевич, студент 3 курса Российского технологического университета МИРЭА, г. Москва, Россия,
mr.chukanof@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Смирнов М. Г.

Международное право в течение своего развития проходило несколько этапов преобразований. Так, можно проследить закономерность глобальных изменений, произошедших в международном праве после Первой и Второй мировых войн, когда по окончанию данных событий полностью пересматривалась и менялась система мирного сосуществования государств, регулируемая, собственно, международным правом. В то же время в России во время Первой мировой войны протекали процессы, усиливающие внутренние противоречия и недовольства в обществе, которые в результате вылились в Февральскую, а потом уже и в Великую Октябрьскую социалистическую революцию. Эти события не могли не оставить свой отпечаток на результатах Первой мировой войны, так как именно новому правительству и новому государству пришлось заканчивать войну, в которую вступила царская Россия. Таким образом, необходимо проанализировать, как Октябрьская революция повлияла на исход Первой мировой войны и как изменилось международное право после Брестского мира, заключенного большевиками с остальными участниками войны.

Собственно, после восстания в Петрограде и свержения Временного правительства, новым Советским правительством был издан «Декрет о мире», который содержал в себе предложение заключить мирный договор всем державам, участвовавшим в конфликте – Первой мировой войне. Также большевики в «Декрете» призывали некоторые государства не поддаваться под колониальное влияние, сопротивляться захвату и аннексии, которые новое правительство понимало как «всякое присоединение к большому или сильному государству малой или слабой народности без точно, ясно и добровольно выраженного согласия и желания этой народности, независимо

от того, когда это насильственное присоединение совершено, независимо также от того, насколько развитой или отсталой является насильственно присоединяемая или насильственно удерживаемая в границах данного государства нация. Независимо, наконец, от того, в Европе или в далеких заокеанских странах эта нация живет».

Таким образом, после подписания «Декрета о мире» советское правительство направило воюющим государствам предложение о заключении мирного договора. По результатам переговоров были обозначены следующие условия, а именно:

- не претендовать на Прибалтику и часть современной Беларуси;
- вывести войска из Финляндии и с Украины, признать Украинскую Народную Республику независимым государством;
- вывести войска с территории Османской империи, а также передать ей округа Ардаган, Батум и Карс;
- принять режим торговли с Германской империей от 1904 г.;
- демобилизовать армию и разоружить флот;
- прекратить революционную пропаганду в Центральных державах и союзных им государствах.

Стоит также отметить, что условия Брестского мира были невыгодными, так как Россия лишалась большой части территорий и армии, с другой стороны, война, которую истощенная страна не могла уже продолжать, была действительно закончена. Впрочем, последующая гражданская война и интервенция держав Антанты показали нереалистичность положений Брестского мира.

Также аспекты, позитивно сказавшиеся впоследствии на развитии международного права, были сформулированы в уже упомянутом «Декрете о мире», которые разделил на три основные группы профессор Г. И. Тункин, а именно: а) принципы социалистического интернационализма в отношениях между социалистическими государствами; б) принципы равноправия и самоопределения наций и народов, направленные своим острием против системы колониализма, а также против всякого национального неравенства; в) принципы мирного сосуществования, нацеленные прежде всего на отношения между государствами с различным социальным строем.

Таким образом, Октябрьская революция изменила международное право. С тех пор международное право, которое ранее руководствовалось принципом «права сильного», стало «антиколониальным» в отличие от периода до Первой мировой войны, а также на данный момент оно все еще придерживается принципа сохранения мира и безопасности.

Следует отметить, что в Республике Беларусь также относятся к идеям Великой Октябрьской социалистической революции с пониманием. Во многом идеи Октябрьской революции о мире в международных конфликтах были реализованы Минскими переговорами по ситуации на Украине. Сама республика с ее моделью социального государства также может считаться хорошим примером эволюции идей октябрьской революции.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА

Басай А. А.

НОВЕЛЛЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИНОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Басай Андрей Анатольевич, студент 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, law.basay@bsu.by

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Валюшко-Орса Н. В.

Исходя из статистики Министерства антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь (далее – МАРТ), в 2023 г. государственными органами Республики Беларусь рассмотрено 10108 обращений потребителей. Основные претензии и жалобы в прошлом году пришлись на сферу ЖКХ и торговлю. Доля последних составила 68 % от общего количества обращений. Причиной тому послужила ситуация, спровоцированная одним из интернет-магазинов.

В ответ на большое количество жалоб на некачественную работу «маркетплейсов» законодателем был выработан ответ в виде изменений и дополнений в законодательстве, регулирующем торговлю в национальном сегменте сети Интернет. Часть изменений и дополнений на сегодняшний день отражена в действующей редакции Закона Республики Беларусь от 8 января 2014 г. № 128-З «О государственном регулировании торговли и общественного питания» (далее – Закон).

Так, ст. 1 Закона, содержащая основные понятия, была дополнена новым термином «интернет-магазин», под которым понимается сайт субъекта торговли в сети Интернет, предоставляющий возможность выбрать товары и заключить с этим субъектом торговли договор розничной купли-продажи на этом сайте. Закрепление на законодательном уровне данного термина устраняет правовую неопределенность такого объекта и позволяет распространить на него сферу действия не только вышеупомянутого Закона, но и иных актов законодательства, таких как, например, Закон Республики Беларусь от 9 января 2002 г. № 90-З «О защите прав потребителей» (далее – Закон от 9 января 2002 г.)

Еще одной немаловажной новеллой Закона является расширение возможных способов торговли в сети Интернет. Теперь в п. 3 ст. 16 Закона закреплено право субъектов торговли на осуществление розничной торговли с использованием сети Интернет не только через интернет-магазин, но и с использованием иных информационных сетей, систем и ресурсов, имеющих подключение к сети Интернет, предоставляющих возможность выбрать товары и заключить с этим субъектом торговли договор розничной купли-продажи в этих сетях, системах и на этих ресурсах.

Следует отметить, что некоторые уже зарегистрированные в установленном порядке интернет-магазины, при осуществлении деятельности, реализуют свои товары через так называемые «интернет-площадки» (маркетплейсы) и приложения для мобильных устройств.

Помимо вышеизложенного, затронуты вопросы соблюдения законодательства субъектами, принимающими участие в функционировании интернет-торговли. Так, в п. 4 ст. 16 Закона закреплена норма, согласно которой владельцы информационных сетей, систем, оказывающие субъектам торговли услуги (де-факто владельцы «интернет-площадок»), связанные с осуществлением этими субъектами торговли розничной торговли с использованием сети Интернет, принимают меры по соблюдению продавцами требований законодательства в области защиты прав потребителей.

Так, владельцев «интернет-площадок» и пунктов выдачи заказов обяжут доводить до сведения покупателя информацию относительно своего местонахождения, контактных данных, а также информацию о продавцах, которая должна содержать их наименование, местонахождение, режим работы и телефоны. Помимо этого, они будут размещать информацию о предоставлении услуг на «интернет-площадке» и обеспечивать техническую возможность направления покупателями обращений и жалоб в электронной форме, тем самым оказывая содействие покупателям в защите их прав, предусмотренных Законом от 9 января 2002 г.

Подводя итог, отметим, что вносимые изменения призваны обезопасить процесс осуществления покупок в сети Интернет и упростить процедуру защиты прав потребителей в случае несоблюдения законодательства не только со стороны недобросовестных продавцов в интернет-магазинах, но и маркетплейсов в целом.

Богомазов Г. И.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИГОРНОГО БИЗНЕСА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Богомазов Глеб Игоревич, студент 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, gleb2005hop@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Рамазанова Н. О.

В современном мире актуален вопрос правового статуса и правового регулирования игорного бизнеса ввиду порождаемых им неблагоприятных последствий. Так, согласно 11-й редакции Международной классификации болезней (ICD-11) «Gaming disorder» характеризуется моделью постоянного или повторяющегося игрового поведения, проявляющегося в нарушении контроля над игрой, возрастающим приоритетом, отдаваемым игре, в той степени, в которой игра становится приоритетной по сравнению с другими жизненными интересами и повседневными делами.

В Республике Беларусь игорный бизнес легален, а также получает активное развитие, сопровождающееся всесторонним государственным регулированием. Законодатель, на наш взгляд, исходит из того обстоятельства, в соответствии с которым четкое и систематизированное государственное регулирование игорного бизнеса позволит относить его к дополнительным источникам пополнения республиканского или местных бюджетов за счет поступающих налоговых отчислений.

Вместе с тем в силу особой специфики рассматриваемого процесса, нельзя не отметить наличие некоторых пробелов в правовом регулировании игорного бизнеса, порождающих возможности «de facto» обходить установленные «de jure» «правила игры», тем самым причиняя вред обществу и государству.

Например, виртуальное игорное заведение ООО «СТАТУСКВО», больше известное как Betera (далее – Betera) добросовестно осуществляет свою деятельность. Так, фактически оказываемые Betera услуги полностью совпадают с теми услугами, которые оно может оказывать ввиду получения лицензии на осуществления деятельности в сфере игорного бизнеса, а также исполняет все возложенные на него законодательством обязанности, вытекающие из осуществления данного вида деятельности, в том числе по допуску в виртуальное игорное заведение только физических лиц, достигших 21-летнего возраста.

Однако, помимо добросовестных участников данных правоотношений, есть и иные лица, чьи фактически оказываемые населению услуги не совпадают с теми услугами, которые они должны оказывать в соответствии со своим правовым статусом.

Участником гражданских правоотношений является республиканское унитарное предприятие «БЕЛОРУССКИЕ ЛОТЕРЕИ», более известное как организатор республиканской мгновенной электронной лотереи «Белбэт» (далее – Белбэт). Так, на организатора лотереи не распространяются требования по подтверждению личности и соответственно возраста участника лотереи. Казалось бы, что отсутствие требования по подтверждению возраста при проведении мгновенных лотерей не критично ввиду «безопасной природы» данного явления и неспособности вызвать зависимость у несовершеннолетнего игрока. Однако, рассматриваемая мгновенная электронная лотерея не схожа по своей сути с «обычными лотерейными билетами», ввиду ее правовой природы и способа проведения: выигрышные лотерейные ставки в ней определяются непосредственно после приема лотерейных ставок. Исходя из ее правовой природы, а также проведением лотереи на сайте (в приложении), который оформляется таким образом, чтобы быть схожим с оформлением «однорукого бандита» и иных подобных игр в казино, можно отметить, что хоть «de jure» нормы законодательства не нарушены, но «de facto» мы получаем онлайн-казино, где даже не требуется подтверждение возраста, что, по мнению автора, приводит к вовлечению несовершеннолетних в азартные игры и развитию впоследствии у молодежи лудомании.

На наш взгляд, в контексте меры противодействия рассматриваемым противоправным деяниям, целесообразно установить возрастной ценз для участия в электронных лотереях ввиду того, что по своей природе они значительно отличаются от «безобидных» бумажных лотерейных билетов: электронный способ их проведения позволяет облачить данную лотерею в форму, больше схожую с азартными играми, такими как «однорукий бандит», например. Следовательно, нарушается тот «дух закона», который законодатель вкладывал при санкционировании рассматриваемых явлений, а именно отсутствует разграничение между «лотереей» и «азартной игрой» в том смысле, в котором их понимает большинство.

Борщевская Д. Н., Гриб А. А.

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА УЧАСТИЕ В АЗАРТНЫХ ИГРАХ ВНЕ ИГОРНЫХ ЗОН

Борщевская Дарья Николаевна, Гриб Алеся Александровна, студентки 2 курса Белорусского государственного экономического университета, г. Минск, Беларусь, grib.alesya@internet.ru, darya05start@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук Рамазанова Н. О.

С развитием технологий и изменениями в законодательстве возникли новые вызовы, связанные с увеличением числа нелегальных азартных игр и их участия в жизни граждан. Административное законодательство, регулирующее эту сферу, направлено на защиту граждан от потенциальных рисков и негативных последствий, связанных с азартными играми. В данной работе мы хотим обратить внимание на возможные пробелы в законодательстве в сфере регулирования игорного бизнеса.

Игромания – прежде всего заболевание, проявляющееся в виде патологической зависимости от азартных игр (казино, игровые автоматы, онлайн-игры и др.), которое, как следствие, в большинстве случаев приводит к негативным последствиям. Болезненное влечение к азартным играм относится к психическим нарушениям.

В соответствии со статистикой, приводимой в интервью с руководителем Parimatch Belarus Юлией Лешковой, в Беларуси в настоящее время играет примерно 4-5 % от всего населения. В некоторых регионах эта цифра выше в 2 раза. Однако с легализацией онлайн-казино цифры только растут, так как контролировать онлайн-сферу намного сложнее.

Сферу игорного бизнеса в Республике Беларусь регулируют следующие нормативные правовые акты:

Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 января 2021 г. № 91-З (далее – КоАП);

Указ Президента Республики Беларусь от 10 января 2005 г. № 9 «Об утверждении Положения об осуществлении деятельности в сфере игорного бизнеса».

Организация или проведение азартных игр вне установленных игорных зон является незаконным и подлежит административной ответственности согласно ст. 13.6 КоАП «Нарушение законодательства в сфере игорного бизнеса». Из анализа статьи следует, что административной ответственности подлежат лица, причастные к организации и проведению незаконных азартных игр, а деятельность физический лиц, т. е. участников данного мероприятия, хоть и подразумевается незаконной, но санкцией не карается.

Необходимость переноса игорного бизнеса в специально отведенные игорные зоны была вызвана стремлением защитить широкие слои населения от негативных последствий. Однако на сегодняшний день правоохранительные цели в этой области реализованы далеко не полностью. Несмотря на приложенные усилия, необходимо отметить, что незаконные подпольные игорные заведения продолжают существовать повсеместно.

В конфликте между нарушителем законодательства об азартных играх и государством акцентируется экономический аспект. Основным следствием этого является желание заставить предпринимателя своевременно и полностью уплачивать налоги, а также предотвратить дальнейшую деятельность, связанную с нарушением законодательства. В то же время приоритетной задачей государства в области игорного бизнеса должна быть защита нравственности, прав и законных интересов граждан. Данную проблему можно решить с помощью привлечения к ответственности физических лиц, т. е. непосредственно посетителей незаконных игорных заведений.

В настоящее время в административно-деликтном законодательстве Республики Беларусь отсутствуют нормы, которые бы устанавливали ответственность для физических лиц за незаконное участие в азартных играх. В то же время очевидно, что одним из ключевых факторов существования нелегальных игорных заведений является наличие клиентов. На наш взгляд, введение административной ответственности для таких участников могло бы способствовать сокращению числа посетителей нелегальных игорных заведений.

Необходимость и оправданность подобных мер очевидны. Практика работы нелегальных игорных заведений показывает, что все игроки понимают незаконность данной деятельности и свою роль в этом процессе. Однако привлечь посетителей к юридической ответственности за участие в играх невозможно из-за отсутствия соответствующих запретов.

Важной задачей является также информирование населения об ответственности за участие в нелегальных азартных играх, что поможет предупредить данную деятельность. Это требует совместных усилий всех заинтересованных сторон – государства, образовательных учреждений, медиа и самих граждан.

Необходимо продолжать совершенствование законодательства, учитывая изменения в обществе и новые формы азартных игр, такие как онлайн-казино. Совершенствование законодательства – это не просто необходимость, а важный шаг к созданию безопасной и ответственной среды для игроков.

Босак М. В.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОЛНОМОЧИЙ КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ

Босак Мария Владимировна, студентка 1 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, mariabosak435@gmail.com

Научный руководитель: канд. полит. наук, доцент Михайловский В. С.

Комитет государственной безопасности (далее – КГБ) – это государственный орган, осуществляющий обеспечение национальной безопасности Республики Беларусь в сфере общества и государства. Комитет государственного контроля (далее – КГК) – государственный орган, осуществляющий контроль за исполнением республиканского бюджета и др. КГБ и КГК в настоящее время являются особо важными государственными органами, осуществляющими контроль за общественно значимыми сферами жизни государства. Дальнейшее изучение и сравнение полномочий данных органов поможет повысить уровень понимания общества об их деятельности.

В настоящее время найти информацию о полномочиях каждого органа можно в Законе Республики Беларусь «О комитете государственного контроля Республики Беларусь и его территориальных органах» от 1 июля 2010 г. № 142-З и в Законе Республики Беларусь «Об органах государственной безопасности Республики Беларусь» от 10 июля 2010 г., а также в Указе Президента Республики Беларусь «О некоторых вопросах Комитета государственной безопасности» от 23 июля 2013 г. № 325.

Рассмотрим полномочия, функции и задачи без их детального разграничения. Выделены следующие пункты для сравнения: основные задачи, функции и полномочия.

Задачи КГБ: обеспечение национальной безопасности Республики Беларусь в различных сферах жизни общества и государства; оценка текущего состояния национальной безопасности Республики Беларусь; осуществление контрразведывательной деятельности и внешней разведки; планирование мероприятий по организации обороны Республики Беларусь; осуществление мер по предупреждению и выявлению угроз национальной безопасности Республики Беларусь.

Задачи КГК: обеспечение экономической безопасности Республики Беларусь; предупреждение и пресечение правонарушений в экономической сфере; осуществление контроля за использование бюджетных средств; ведение административного процесса.

Исходя из вышенаписанного, мы можем сделать вывод, что перед этими органами стоят схожие задачи: безопасность, контроль, предупреждение и пресечение угроз безопасности. Главным различием в реализации безопасности является сфера деятельности органов, а именно: КГБ – национальная безопасность, КГК – экономическая.

Функции КГБ: анализ политической обстановки в Республике Беларусь и прогноз дальнейшего ее развития; принятие правовых актов и

осуществление контроля за их исполнением; осуществление контроля за защитой государственных секретов; ведение административного процесса; разработка различных мер по предупреждению, выявлению и пресечению террористической и иной экстремистской деятельности; обеспечение безопасности государственных органов.

Функции КГК: осуществление контроля за исполнением республиканского и местных бюджетов, использованием средств республиканского и местных бюджетов; принятие мер профилактики правонарушений в экономической сфере, участие в борьбе с коррупцией и преступностью; принятие нормативных правовых актов.

На первый взгляд, можно сказать, что функции данных органов совершенно несхожи, так как КГБ работает в основном в политической сфере государства, а КГК – в экономической. Это так, однако после полного рассмотрения их функций можно выделить и общее: КГБ и КГК обладают полномочиями для принятия новых нормативных правовых актов, а также оба органа проводят профилактические действия по обеспечению безопасности (данные функции каждый из органов осуществляет в сфере своей деятельности).

Полномочия КГК: запрашивание и получение необходимой информации; проведение проверок, мониторинга и иных мероприятий; безвозмездное пользование информационными системами государственных органов; ведение административного процесса.

Полномочия КГБ закреплены в Законе Республики Беларуси «Об органах государственной безопасности Республики Беларусь» и в Указе Президента Республики Беларусь «О некоторых вопросах Комитета государственной безопасности».

Таким образом, задачи и функции КГБ и КГК отличаются сферой деятельности, но схожи своей сущностью. На этой основе можно предположить, что полномочия данных органов осуществления государственной безопасности также имеют определенные сходства. Важно также отметить, что некоторые функции КГБ находят свое отражение в полномочиях КГК. Например, одной из функций КГБ является ведение административного процесса, что также отражено в полномочиях КГК.

Гончарова В. А.

«ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО» В ПУБЛИЧНОМ УПРАВЛЕНИИ: АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Гончарова Виктория Александровна, студентка 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, viktoria.goncharova09@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Рамазанова Н. О.

Сегодня электронное правительство – это способ предоставления информации и оказания уже сформировавшегося набора государственных услуг гражданам, бизнесу, другим ветвям государственной власти и

государственным чиновникам, при котором личное взаимодействие между государством и заявителем минимизировано и максимально возможно используются информационные технологии. Такая система автоматизирует управленческие процессы, повышая эффективность государственного управления и снижая издержки социальных коммуникаций.

Трансформация государства при внедрении электронного правительства характеризуется двумя свойствами: качественный характер и универсальность. Электронное правительство качественно меняет тип взаимодействия государства с гражданами на смену одностороннему взаимодействию приходит двустороннее, т. е. для граждан появляется возможность реально участвовать в процессе принятия государственных решений. Для успешной реализации проектов в области электронного правительства очень важно понимать, что информационные технологии выступают лишь в качестве инструмента преобразования административных процессов и структур и не могут сами по себе решить проблемы, стоящие перед государственными структурами. Информационные системы лишь формализуют уже установившиеся административные процессы, поэтому автоматизация государственного управления эффективна лишь после проведения организационных реформ. Осознание взаимосвязи между электронным правительством и другими реформами в сфере государственного управления позволит принимать более качественные решения в вопросе внедрения новых информационных систем в системе государственного управления.

В Республике Беларусь на государственном уровне особое внимание уделяется вопросам развития электронного правительства, без которого построение информационного общества невозможно. 9 августа 2010 г. постановлением Совета Министров № 1174 была принята «Стратегия развития информационного общества в Республике Беларусь на период до 2015 года», предусматривающая создание системы «Электронное правительство». Что касается законодательства Республики Беларусь, то в нем понятие «электронное правительство» не раскрывается, хотя сам термин используется. На сегодня в Республике Беларусь даже без специального регулирования существует определенная практика публичного обсуждения проектов правовых актов органов исполнительной власти в сети Интернет. При этом процедура такого обсуждения не единообразна, ее порядок во многом зависит от решения органа, проводящего такое обсуждение. В частности, обсуждение проектов правовых актов возможно на официальных сайтах ряда органов исполнительной власти и на правовом форуме Беларуси. Открытость органов исполнительной власти в нормотворческой деятельности обеспечивается также при официальном опубликовании нормативных правовых актов. В Республике Беларусь единственным источником официального опубликования всех нормативных правовых актов является Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. На нем существует специальная рубрика, где можно ознакомиться с датой официального опубликования акта, датой и номером

включения акта в национальный реестр правовых актов, с текстом акта в редакции официального опубликования, а в последующем – со сведениями о внесенных изменениях и дополнениях в соответствующий акт. Кроме того, пользователи имеют возможность оформить онлайн-подписку на рассылку информации об официальном опубликовании правовых актов.

На данном этапе развития одной из главных административно-правовых проблем функционирования электронного правительства в Республике Беларусь является формирование адекватной концептуальной и правовой базы для организации процессов электронного взаимодействия граждан и государственных органов. С целью обеспечения нормативной базы следует нормативно закрепить термины «электронное правительство» и «государственная услуга». При формировании электронного правительства возникает вопрос о его правовом регулировании. Данная проблема обусловлена прогрессом в области общественных отношений и их универсальной цифровой трансформации. Для его построения государство нуждается в толковании и закреплении ряда определений и их правовом урегулировании.

Дюбкина Д. Д.

РАЗВИТИЕ ЭТИКИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ

Дюбкина Дарья Дмитриевна, студентка 2 курса Академия управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь, daryadubkina20050709@mail.ru

Научный руководитель: преподаватель Березко А. А.

Государственному служащему необходимо уделять внимание не только профессиональной подготовке, но и вопросам норм морали и нравственности. Закон Республики Беларусь от 01.06.2022 № 175-З (ред. от 03.01.2024) «О государственной службе» (с изм. и доп., вступившими в силу с 24.04.2024) закрепляет общие требования служебной этики государственных гражданских служащих. Этика служащего влияет также на качество принятых решений: государственный деятель, руководствуясь нормами морали и нравственности, принципом справедливости, способен принять решение исходя из проблем общества.

Этика государственных служащих включает в себя как следование нормам морали, так и внешний вид, культуру речи. Традиционно выделяют такие качества для служащих, как честность и добросовестность, соблюдение законности, ответственность за решения, принятые служащим, профессионализм. Безусловно, вышеизложенные качества являются основополагающими, однако существуют и другие требования, которые предлагаются государственному служащему для поддержания имиджа. В свободное от работы время, вне зависимости от того, где находится и с кем находится, он (далее служащий) также должен следовать нормам этики.

Огромное значение среди проблем этики уделяется вопросам лексики государственных деятелей. Процесс глобализации в современном мире

приводит к результатам упрощения лексики среди людей. Ставя задачу, служащий должен четко понимать, какого результата нужно добиться, правильно поставленная цель позволяет определить средства ее достижения. Как правило, письменная форма речи характеризуется официально-деловым стилем. Устная речь не должна содержать грубой лексики, допускается употребление элементов литературного языка. Речь, письменная и устная, должна соответствовать высоким стандартам этики. Ключевыми критериями общения являются: ясность и точность, уважение и внимание к собеседнику (слушателю), сухость речи, отсутствие ярких эмоций, объективность, ответственность за свои слова, доступность. Критерий объективности подразумевает изложение информации без предвзятости к собеседнику (слушателю), информация должна быть проверенной и четко сформулированной. Для государственного служащего важным критерием является конфиденциальность, понимание ответственности за разглашенную информацию. Необходимо соблюдать все вышеизложенные критерии в речи для поддержания имиджа.

Значимым критерием этики является умение устранять конфликтные ситуации, возникающие в процессе работы. Служащему необходимо обладать таким качеством, как эмпатия – способностью проявить понимание и сочувствие к эмоциям граждан. Безусловно, регулярное обучение и развитие в сфере решения управленческих конфликтов приведет к повышению этических стандартов не только отдельных государственных деятелей, но и системы этики в целом.

Служащие не должны стремиться к финансовой выгоде – это препятствует честному выполнению своих функций и обязанностей. К данному пункту относится запрет на принятие подарков, благодарностей и иных ценных предметов от физического лица или юридического лица, в отношении которых государственный деятель обязан выполнять работу. Служащие не должны отдавать предпочтение определенным физическим лицам и юридическим лицам, в отношении которых направлена деятельность служащего. Вне зависимости от национальности, расы, физических несовершенств, возраста и пола граждан служащие обязаны выполнять работу по закону, честно, обеспечивая равные возможности каждому гражданину.

Процесс повышения уровня этики государственных служащих является сложной, важной задачей, которая требует системного подхода. Эффективным подходом к этическому развитию является поощрение деятелей. Награждение и также публичная похвала способствует увеличению мотивации и желания качественно и добросовестно выполнять поставленные цели. Эффективным подходом также является идея создания площадок для обсуждения этических дилемм: проведение семинаров, лекций, тренингов, обучающих курсов по этическому развитию. Оценка эффективности работы госслужащего должна выстраиваться исходя из четко установленных критериев, к которым относится уровень выполнения задач, качество обслуживания граждан, осознание ответственности за свои действия и решения. Закон Республики Беларусь от 01.06.2022 № 175-З закрепляет положение о дисциплинарной

ответственности государственных служащих за нарушение положений этики. Этика формируется в результате развития стабильной власти, в ходе борьбы с коррупцией и недобросовестной конкуренцией. Следовательно, необходимо развивать законодательство, уделять внимание уровню доверия между государством и населением. Возможность создания новой морально-этической картины, основанной на традиционных ценностях, актуальна для Беларуси.

Жилевич У. С.

ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ВО ФРАНЦИИ

Жилевич Ульяна Сергеевна, студентка 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, ad375447429717@yandex.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Карамышев А. В.

Государственный служащий является неотъемлемым атрибутом в стране, занимаясь решением значимых проблем, связанных с развитием общества, улучшением экономической, социальной и политической обстановки. В своей деятельности государственный служащий опирается на законодательство и высокие моральные устои, что позволяет ему принимать взвешенные и ответственные решения. Права и обязанности государственных служащих могут различаться в зависимости от должности, уровня власти и других факторов. Все граждане имеют право на поступление на государственную службу после прохождения профессиональной подготовки. Продвижение по службе и присвоение более высоких классных чинов происходит в соответствии с определенными правилами и процедурами, закрепленными во Французском законодательстве. Все сотрудники в государственной службе делятся на четыре уровня – A, B, C и D, которые определяются уровнем ответственности при принятии управленческих решений. В категорию А (категория высших должностей) входят высшие государственные должности, директора, начальники отделов, советники. Категория В (категория средних должностей) состоит из ассистентов, администраторов и инспекторов. В категорию С (категория исполнительных должностей) входят: технические сотрудники, секретари, операторы. Наличие иерархии позволяет гарантировать занятость государственных служащих и продвижение по карьерной лестнице для профессиональной мобильности.

Размер заработной платы государственного служащего определяется на основе индекса, присвоенного группе должностей, к которой он относится, его ранга, уровня заработной платы, а также системы общих и специальных премий и надбавок. Эти надбавки могут включать в себя выплаты на питание, лечение, различные виды отдыха, оплату ухода за ребенком, а также различные пособия и другие виды поддержки. Государственным служащим регламентировано получение дополнительных выплат и льгот, таких как надбавки на оплату жилья (размер зависит от региона проживания), семейные пособия, надбавки за классный чин, специальные надбавки (за

выполнение сложных, опасных или ответственных задач). Эти дополнительные выплаты отличаются разнообразием, непрозрачностью и неравномерностью распределения между категориями и группами государственных служащих.

Государственные служащие обладают особыми привилегиями. Наделением привилегиями занимается государство, которое обязано защищать государственных служащих от угроз, насилия, оскорблений, клеветы или ущерба, связанных со служебной деятельностью, а также возмещать причиненный моральный и материальный ущерб, который был получен во время рабочего времени. Государственный служащий имеет право на доступ к своему служебному досье, на помощь защитника, на рассмотрение дела органом, включающим представителей его служебного уровня («право суда равных»). Эти гарантии и права служат важным механизмом защиты государственных служащих от произвольных или необоснованных дисциплинарных мер, поддерживая стабильность и защищенность государственной службы. Прекращение выполнения своих служебных обязанностей, которое приводит к потере статуса государственного служащего, происходит в следующих ситуациях: выход на пенсию, добровольная отставка, увольнение, отстранение от должности.

Возраст выхода на пенсию для государственных служащих составляет 60 лет. Это требование является обязательным для всех. Любой государственный служащий, проработавший 15 лет, может подать заявление о выходе на пенсию, которая будет выплачиваться ему по достижении пенсионного возраста.

Государственный служащий может быть отстранен от должности в качестве высшей дисциплинарной меры и в соответствии с установленной процедурой. Данная мера автоматически влечет за собой потерю права на пенсию. Кроме того, он может быть уволен с согласия комиссии в случае доказанной профессиональной непригодности или в соответствии с Законом об освобождении кадров. В этом случае он может получать право на пособие.

Французская модель государственной службы характеризуется развитой системой защиты прав и законных интересов государственных служащих как ключевого ресурса эффективной и профессиональной государственной администрации.

Земляной А. К.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ В КОНТЕКСТЕ ВОЕННОЙ ДОКТРИНЫ

Земляной Алексей Константинович, студент 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, plesquare@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Карамышев А. В.

Государственное управление представляет собой систему взаимодействия органов власти, направленную на реализацию государственной политики и обеспечение общественной безопасности. В условиях динамично

меняющегося мирового порядка и растущих угроз, связанных с безопасностью, военная доктрина приобретает особую значимость. Она определяет стратегические направления защиты государства, его интересов и суверенитета.

В Республике Беларусь военная доктрина формирует основы оборонной политики, учитывает как внутренние, так и внешние вызовы. Актуальность данной темы обусловлена необходимостью интеграции военной доктрины в систему государственного управления, что требует анализа существующих подходов и выявления проблемных аспектов. Исследование взаимосвязи между этими двумя сферами позволяет лучше понять механизм обеспечения безопасности и стабильности в стране.

Военная доктрина Республики Беларусь, утвержденная Решением Всебелорусского народного собрания от 25 апреля 2024 г. № 6, определяет важное системное понятие военной организации государства как совокупности органов государственного управления, Вооруженных Сил Республики Беларусь, других войск и воинских формирований, военизированных организаций Республики Беларусь, оборонного сектора экономики с его органами управления, других государственных органов и организаций, совместная деятельность которых направлена на решение задач обеспечения военной безопасности и вооруженной защиты Республики Беларусь.

Военная доктрина Республики Беларусь формирует, по сути, новый уровень ответственности для всей системы государственного управления в контексте рисков и вызовов внутренних военных опасностей. Так, в важной материально-производственной сфере задача состоит в том, чтобы не допустить снижения научно-технического потенциала, отставания от общемировых тенденций в разработке и внедрении современных технологий создания вооружения, военной и специальной техники, недостаточных темпов модернизации производственных мощностей оборонного сектора экономики Республики Беларусь, уровня подготовки должностных лиц государственных органов по вопросам обеспечения военной безопасности и обороны.

Потенциальной военной опасностью на уровне вызова определено, в частности, нарушение (срыв) сроков и объемов выполнения государственных программ по оснащению Вооруженных Сил и других войск современными образцами (системами), необходимыми запасами материальных средств, значительное снижение уровня готовности государства к обеспечению обороны и стабильного функционирования экономики в период нарастания военной угрозы и в военное время.

Данные положения ясно и категорично нацеливают всю систему государственных органов на то, чтобы не снизить управляемость подведомственными сферами, более того, повысить эффективность.

Значимый акцент Военная доктрина ставит на внешнеполитической деятельности государства, его военной политике. Основу этого направления составляют миролюбивые устремления белорусского народа. Республика Беларусь выступает за укрепление международного мира и безопасности, осуждает любой военный конфликт как средство реализации политики и

придерживается принципов мирного урегулирования споров, равенства государств, невмешательства во внутренние дела, других общепризнанных принципов и норм международного права. Здесь важно подчеркнуть, что наше государство уважает политическую независимость и государственный суверенитет других государств.

Важное значение придается развитию и укреплению систем коллективной безопасности в рамках Союзного государства, ОДКБ и Содружества Независимых Государств, формированию новых эффективных систем глобальной и региональной безопасности, способствующих восстановлению взаимного доверия, достижению военного равновесия сил в Европе на минимальных уровнях оборонной достаточности, прекращению военного противостояния и гонки вооружений, продвижению инициатив по поддержанию международного мира и безопасности под эгидой Организации Объединенных Наций (далее – ООН), Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (далее – ОБСЕ) и ОДКБ.

Успешная реализация военной доктрины и ее интеграция в систему государственного управления могут значительно повысить уровень безопасности и устойчивости Республики Беларусь. Важно продолжать работу над улучшением взаимодействия между гражданскими и военными ведомствами, а также развивать стратегическое мышление, позволяющее адекватно реагировать на изменяющиеся условия и угрозы.

Клок К. С.

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ РЕЖИМЫ: ПОНЯТИЕ, ВИДЫ

Клок Ксения Сергеевна, студентка 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, klokksusha.booking@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Михаленок С. А.

Нормами административного права регламентирован порядок деятельности органов государственного управления в ситуациях, требующих принятия мер для обеспечения безопасности личности, общества и государства. В таких случаях устанавливаются административно-правовые режимы (далее – АПР, режим). При этом на субъектов общественных отношений в сфере государственного управления возлагаются дополнительные обязанности, допускаются определенные ограничения установленных законами прав.

Ограничения прав граждан и юридических лиц зависят от сущности каждого конкретного административно-правового режима и включают в себя, например, проверку документов, введение пропускного режима, досмотр вещей, запрет пребывания граждан на определенных территориях без специального разрешения, реквизицию имущества, приостановление деятельности организаций, мобилизацию и иные меры. Соблюдение правил поведения в рамках действия АПР обеспечивается компетентными органами государственного управления.

АПР изучались рядом отечественных и зарубежных ученых (И. С. Розанов, Д. Н. Бахрах, В. Б. Рушайло, С. С. Маилян, В. Ф. Ермолович, Д. В. Перевалов, А. П. Лиманская и др.). При этом в правовой науке по-прежнему отсутствует единство мнений относительно определения понятия «административно-правовой режим». В широком смысле АПР понимается как общий режим деятельности органов государственного управления по реализации возложенных на них правомочий. В узком смысле – рассматривается как совокупность правил поведения, деятельности граждан, организаций, закрепленных в нормативных правовых актах, порядок реализации ими прав и законных интересов в определенных ситуациях в сфере публичного управления, направленный на обеспечение национальной безопасности и общественного порядка специально создаваемыми для этой цели органами государственного управления (их подразделениями, должностными лицами).

Элементами содержания административно-правовых режимов являются: целевое назначение; принципы установления и поддержания АПР; объекты и правовое регулирование их деятельности или использования; административно-правовой статус субъектов режима; средства обеспечения режима.

Особый интерес представляют средства обеспечения режимов – совокупность способов, приемов, основанных на нормах административного и других отраслей права, при помощи которых реализуется АПР, в связи с тем, что их использование и составляет содержание деятельности органов государственного управления.

К основным их видам целесообразно отнести:

- специальное государственное регулирование, направленное на создание нормативных условий функционирования отдельных объектов;
- широкое применение прямого государственного принуждения;
- разрешительный способ реализации прав и свобод, выполнение определенных работ, осуществление деятельности при условии предварительного согласования;
- контроль уполномоченных субъектов за функционированием объектов АПР;
- организационно-техническое обеспечение осуществления (соблюдения) установленных режимных правил.

Разнообразие АПР актуализирует их классификацию. В научной литературе выделяются различные виды АПР. Так, в зависимости от целей их применения устанавливаются режимы, определяющие порядок проживания, передвижения, осуществление деятельности на определенных территориях: режимы чрезвычайного положения, военного положения, контртеррористической операции, повышенной готовности, закрытого административно-территориального образования.

Представляется возможным классифицировать АПР в зависимости от порядка осуществления деятельности, способной нанести ущерб

безопасности личности, общества и государства при ее ненадлежащей правовой регламентации, выделить режимы: государственных секретов, оборота оружия, въезда в страну и выезда из страны граждан и иностранцев, регистрационного учета граждан, проведения массовых мероприятий, лицензирования определенных видов деятельности и иные. По сферам деятельности различают АПР, возникающие: в сфере управления экономикой; в социально-культурной сфере; в социально-политической сфере.

В заключение следует отметить, что основания установления и введения АПР зависят от различных факторов (социальных, природных). Их многообразие не позволяет законодательно установить конструкцию единого АПР, регламентируемого специальным нормативным правовым актом в силу существенных различий их объектов, средств обеспечения, правового статуса их субъектов. Вышесказанное также позволяет утверждать, что правовая природа АПР требует дальнейшего изучения.

Колосовская А. А.

ОСОБЕННОСТИ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Колосовская Анна Александровна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, annakolosovskayaa@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Краснобаева Л. А.

Основным законом во Французской Республике в сфере защиты персональных данных является Закон № 78-17 от 6 января 1978 г. «Об обработке данных, файлах и свободах» с многочисленными изменениями (Loi n°78-17 du 6 janvier 1978 relative à l'informatique, aux fichiers et aux libertés, далее – Закон № 78-17). В нем *персональные данные* определяются как любая информация относительно физического лица, которое идентифицировано или может быть идентифицировано, прямо или косвенно, со ссылкой на идентификационный номер или на один или несколько присущих ему элементов. Для того чтобы определить, может ли лицо быть идентифицировано, необходимо рассмотреть совокупность средств, которые позволяют идентифицировать данное лицо и которыми располагает или к которым может иметь доступ лицо, ответственное за обработку данных, или любое другое лицо. Во Франции идентификация напрямую зависит от средств, которыми располагает тот, кто использует эти данные (чаще всего это органы власти, поэтому французский закон остается «привязанным» к администрации).

Преимуществом Закона № 78-17 является то, что он адресован как частным, так и публичным лицам, т. е. обработка персональных данных в публичном и частном секторах одинакова, правовой режим един.

В соответствии со ст. 3 Закона № 78-17 лицо, ответственное за обработку персональных данных, – это лицо, орган публичной власти, служба или организация.

Национальная комиссия по информатике и свободам (далее – Комиссия) – это первый орган независимой административной власти во Франции. Его *задачами* являются: информирование лиц, персональные данные которых собираются, и лиц, ответственных за обработку, об их правах и обязанностях; дача заключений на профессиональные регламенты по обращениям профессиональных организаций и объединений; наблюдение за правильностью процесса обработки персональных данных (выдача разрешений и заключений на обработку данных, издание нормативных актов, рассмотрение рекламаций, петиций и жалоб, дача заключений по обращениям органов публичной власти и судов, информирование прокурора Республики о правонарушениях); публичное информирование о развитии информационных технологий.

Для выполнения своих функций Комиссия имеет право давать рекомендации и принимать индивидуальные решения, а также издавать регламентарные акты (нормативные акты исполнительной власти – декреты и постановления, издающиеся по вопросам, не входящим в сферу законодательства).

Комиссия является независимой административной властью. Ее независимость обеспечивается способом формирования (от различных органов и гражданского общества), сроком мандата (5 лет), запретом конфликта интересов, отсутствием предварительного финансового контроля за расходами Комиссии.

Так, можно выделить следующие *особенности* Закона № 78-17:

1) персональные данные умерших лиц могут быть обработаны, если субъект данных не выразил свой отказ при жизни;

2) возраст предоставления согласия на обработку данных – 15 лет;

3) любой субъект вправе зарегистрироваться в специальном регистре – Bloctel и тем самым выразить отказ от рекламных звонков и писем (сообщений). Такой отказ действует 3 года и может продлеваться на тот же самый срок;

4) в трудовых правоотношениях не обязательно получение письменных согласий на обработку персональных данных, поскольку это предполагается изначально, поэтому: разрешена запись телефонных разговоров сотрудников, если это соответствует заранее определенной цели; разрешено изучение рабочей электронной почты, если у писем нет пометки «личное»; разрешено отслеживание геолокации транспортных средств, управляемых сотрудниками, если это осуществляется во время работы.

Стабилизация общественных отношений в сфере защиты персональных данных возможна при условии временного ограничения прав и свобод граждан. Так, французский Закон № 78-17 играет ключевую роль в данной сфере: определяет понятие «персональные данные», устанавливает права и обязанности по обработке данных частных и публичных лиц. В свою

очередь, Комиссия является органом независимой административной власти во Франции, ответственным за контроль и обеспечение соблюдения закона в области обработки персональных данных. Комиссия, обладая совокупностью административно-правовых мер убеждения и принуждения, способна упорядочить общественные отношения в сфере защиты персональных данных.

Колесник М. В.

ПРАВО НА ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В ХОДЕ ЛИЧНОГО ПРИЕМА ГРАЖДАН

Колесник Мария Викторовна, студентка 2 курса Академии управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь, kolesnikmaria629@gmail.com

Научный руководитель: преподаватель Березко А. А.

Право на обращение граждан, иностранных граждан и юридических лиц в Республике Беларусь входит в систему основополагающих конституционных прав и закреплено в ст. 40 Основного Закона государства. Наиболее полно и комплексно право на обращение урегулировано Законом Республики Беларусь от 18.07.2011 № 300-З (ред. от 17.07.2023) «Об обращениях граждан и юридических лиц». Так, согласно абзацу 2 ст. 1 данного Закона, «обращение – это индивидуальные или коллективные заявление, предложение, жалоба, изложенные в письменной, электронной или устной форме».

Легальное определение личного приема в законодательной среде отсутствует, однако, изучив Закон Республики Беларусь «Об обращениях граждан и юридических лиц», можно сформулировать его дефиницию. Так, личный прием граждан и юридических лиц – это форма взаимодействия органов государственной власти и управления с гражданами и юридическими лицами, предусматривающая возможность обращения к представителю государственного органа для получения ответов на интересующие вопросы.

Вопросом, вызывающим обсуждения, является норма Закона, предусматривающая возможность использования аудио- и видеосъемки в ходе личного приема. Согласно Закону заявителям разрешено вести аудио- и видеозапись лишь с разрешения должностного лица, ведущего прием, в то время как должностное лицо органа, ведущего личный прием, обязано уведомить заявителя о применении аудио- или видеозаписи в ходе личного приема, причем согласие заявителя на это не требуется.

В настоящее время граждане все чаще уверены в том, что они имеют право без предварительного разрешения вести аудиозапись, фотографировать, осуществлять видеозапись во время личного приема, полагая, что они уверены в своих знаниях законодательства, в частности, относительно права на информацию и возможностей его реализации. Более того, пользуясь данным правом, граждане либо пытаются контролировать работу органов

государственной власти, либо же хотят защитить себя от возможных недоразумений или противоправных действий со стороны государственного органа.

Согласно п. 6 ст. 6 и п. 8 ст. 7 Закона предусматривается возможность применения как заявителем, так и руководителем организации технических средств. Причем абзац 6 п. 2 ст. 6 и абзац 6 п. 2 ст. 15 предполагают, что если заявитель не уведомит должностное лицо об использовании технических средств, то устное обращение остается без рассмотрения по существу.

Запись аудио- или видеоматериалов во время ведения личного приема граждан в государственных органах может рассматриваться как средство обеспечения безопасности как самих сотрудников, так и граждан. Такие записи могут быть использованы в качестве доказательств в случае конфликтной ситуации, угрозы безопасности или могут служить для уточнения информации и обеспечения точного воспроизведения сделанных заявлений и просьб.

Данная процедура является не только средством безопасности для гражданина, но и важным способом защиты интересов обеих сторон. Публичный характер государственного органа обязывает его представителей обеспечить прозрачность и законность проводимых мероприятий. Предупреждение о ведении записи перед началом приема позволяет избежать недоразумений и споров, а также зафиксировать все существенные моменты беседы в контексте.

Это действие также предотвращает возможное искажение смысла обсуждаемых вопросов, а также создает возможность для документирования решений или обязательств, принятых в ходе встречи. Важно соблюдать законодательство о защите персональных данных и конфиденциальности, представленное, в частности, Законом Республики Беларусь от 07.05.2021 № 99-З (ред. от 01.06.2022) «О защите персональных данных», при использовании любых записывающих устройств и обеспечить согласие всех участников на проведение записи.

Таким образом, личный прием является способом подачи обращений и одной из форм реализации конституционного права граждан на обращение. Личный прием предусматривает возможность получения информации, консультаций для выяснения интересующих вопросов. Использование аудио- и видеозаписей во время личного приема в государственных органах может рассматриваться как средство обеспечения безопасности и обеспечения прозрачности процесса. Предупреждение о ведении записи перед началом приема является важным шагом для создания доверительной обстановки и защиты интересов обеих сторон. Соблюдение законодательства о защите персональных данных и получение согласия участников на проведение записи является обязательным условием при использовании записывающих устройств. В противном случае, отсутствие такого согласия может повлечь за собой оставление устного обращения без рассмотрения по существу.

Кудрякова Д. В.

СПОСОБЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАКОННОСТИ И ДИСЦИПЛИНЫ В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ

Кудрякова Дарья Викторовна, студентка 2 курса Академии управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь, d_kudryakova@bk.ru

Научный руководитель: преподаватель Березко А. А.

Законность является основополагающим элементом функционирования демократического общества. Она обеспечивает свободу и реализацию прав граждан, способствует формированию гражданского общества и осуществлению демократии. Законность необходима для эффективной работы государственного механизма и гармоничного взаимодействия граждан с обществом.

Правомерность рассматривается как строгое соблюдение законов всеми государственными органами, должностными лицами, гражданами и общественными организациями. Важно также учитывать качество самих законов и их соответствие реальным социальным отношениям. Законы должны быть не только справедливыми, но и доступными для понимания, чтобы каждый гражданин мог осознавать свои права и обязанности.

Кроме того, ключевым аспектом законности является наличие механизма защиты прав граждан. Это включает в себя независимую судебную систему, которая способна обеспечить справедливое разрешение споров и защиту от произвола со стороны властей. Важным элементом законности является также правовая культура, которая формируется через образование и информирование граждан об их правах и обязанностях. Осознание значимости законности на уровне индивида способствует активному участию в жизни общества и укрепляет демократические ценности.

Законность выступает важным принципом государственной деятельности и методом регулирования общественных отношений. Она определяет режим взаимодействия между государственными органами, гражданами и негосударственными организациями, основываясь на строгом соблюдении норм законодательства.

В контексте государственного управления законность можно рассматривать как систему отношений, в которой ключевым аспектом является соблюдение правовых норм. Основными способами обеспечения законности в этой сфере являются контроль и надзор, которые можно классифицировать по различным видам в зависимости от специфики их применения в разных областях.

Для усиления законности в управлении необходимо реализовать правовые и организационные мероприятия в двух направлениях: снижение зависимости одной ветви власти от другой и увеличение контрольных полномочий каждой ветви власти по отношению к должностным лицам других ветвей. Учитывая сложность и многогранность контроля как социального и правового явления, его следует рассматривать не только как

важнейшую функцию государственного управления, но и как неотъемлемую часть управленческого процесса, а также как необходимое условие для квалифицированного и эффективного руководства во всех сферах деятельности.

Созданный государственно-правовой механизм для обеспечения законности и дисциплины в государственном управлении включает два основных элемента: организационные структуры управления, которые охватывают деятельность государственных органов, направленную на соблюдение законности и дисциплины, и организационно-правовые методы, способствующие эффективному функционированию этих структур.

Система способов обеспечения законности выглядит следующим образом: контроль, который в зависимости от уровней делится на внутриведомственный, межведомственный, вневедомственный, и общий надзор. Эти уровни контроля помогают создать комплексный механизм обеспечения законности, позволяя различным органам эффективно взаимодействовать и следить за соблюдением законодательства.

Главное отличие надзора от контроля заключается в том, что надзор, как метод обеспечения законности в работе органов исполнительной власти, представляет собой постоянное и систематическое наблюдение со стороны компетентных государственных органов за деятельностью органов государственного управления или должностных лиц, не находящихся под их непосредственным подчинением.

Государственная дисциплина требует от государственных служащих высокой степени ответственности, соблюдения законности и порядка, а также профессионализма в выполнении своих обязанностей. Это способствует стабильности и эффективности функционирования государственного аппарата в целом.

В частности, поддержание законности способствует укреплению доверия к институтам власти, снижению коррупции и повышению качества государственного управления. В условиях демократического общества законность становится не только обязательным требованием, но и важным условием для устойчивого развития государства и обеспечения социальной справедливости. Таким образом, соблюдение государственной законности и дисциплины является ключевым фактором для достижения эффективного и ответственного управления.

Кулаженко Е. А.

КРИПТОВАЛЮТА КАК ОБЪЕКТ ПУБЛИЧНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Кулаженко Егор Александрович, студент 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, e0864271@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Краснобаева Л. А.

В настоящее время криптовалюта представляет собой инновационный институт общественных отношений, который вызывает научный интерес у специалистов различных отраслей права.

С точки зрения административного права, особый интерес представляет процесс правового регулирования криптовалюты со стороны государства и механизм, с помощью которого эти правоотношения реализуются на практике.

Как отмечается в Концепции правовой политики Республики Беларусь, Беларусь стала одной из первых стран в мире, которая в 2017 г. легализовала использование технологии блокчейн и обращение криптовалюты.

Декрет Президента Республики Беларусь от 21.12.2017 № 8 «О развитии цифровой экономики» (далее – Декрет № 8) определяет правовой режим блокчейна, криптовалют, токенов, майнинга, смарт-контрактов. Документом обозначен правовой статус субъектов – операторов криптоплатформ и операторов по обмену криптовалют. Кроме того, затронуты вопросы налогообложения операций с криптовалютами и применения других публично-правовых норм к подобным операциям.

Ключевым изменением, внесенным этим нормативным правовым актом, является особый статус Парка высоких технологий (ПВТ) в сфере операций с криптовалютой. Государство, действуя через ПВТ, осуществляет регулирование и контроль за этими операциями, что придает им публично-правовой характер.

Последующие акты, регламентирующие отношения в данной области, приняты во исполнение и на основании Декрета № 8. Так, Решением Наблюдательного совета ПВТ от 23 октября 2018 г. регламентируются требования, предъявляемые к заявителям для регистрации их в качестве резидентов, правила осуществления деятельности оператора криптоплатформы и оператора обмена криптовалют. Изданный в марте 2023 г. Указ Президента Республики Беларусь № 80 «Об отдельных вопросах налогообложения» предусмотрел продление до 1 января 2025 г. действия налоговых льгот и разработку концепции дальнейшего развития криптосферы в Беларуси. Указ Президента Республики Беларусь от 14.02.2022 № 48 «О реестре адресов (идентификаторов) виртуальных кошельков и особенностях оборота криптовалюты» предусмотрел создание реестра адресов (идентификаторов) виртуальных кошельков, использовавшихся (используемых) для осуществления противоправной деятельности. Данные положения сформулированы в целях минимизации рисков вовлечения виртуальных кошельков, использовавшихся (используемых) для осуществления противоправной деятельности, в гражданский оборот, а также установления особенностей оборота криптовалюты в уголовном процессе и исполнительном производстве.

Административно-правовой механизм, созданный в этой сфере, позволяет контролировать отношения, ограничивая права субъектов на пользование криптовалютой. В частности, разрешены майнинг, хранение токенов в виртуальных кошельках, обмен на другие токены, их приобретение и отчуждение за белорусские рубли, иностранную валюту и электронные деньги, а также дарение и завещание токенов.

Эта деятельность, осуществляемая физическими лицами самостоятельно и только для себя, без привлечения других физических лиц по трудовым и

гражданско-правовым договорам, не является предпринимательской. Токены не подлежат декларированию.

Важно отметить, что согласно подп. 2.6 п. 2 Декрета № 8, если иное не предусмотрено законодательством, предпринимательская деятельность физических лиц, а также юридических лиц, не являющихся резидентами Парка высоких технологий (ПВТ), является незаконной и запрещена.

Таким образом, административно-правовой механизм оборота и реализации криптовалюты представляет собой совокупность средств, которые влияют на общественные отношения и организуют их в соответствии с задачами общества и государства.

Лужанкова Е. Ю.

ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В ОБЛАСТИ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Лужанкова Екатерина Юрьевна, студентка 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, eluzankova@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук Рамазанова Н. О.

Особое место в социальной политике Республики Беларусь занимают физическая культура и спорт. Эта отрасль является одной из важнейших, на которую государство возложило решение проблем социального комплекса, неразрывно связанного с состоянием и укреплением здоровья населения.

Актуальность темы объяснима возросшим интересом к физкультурно-оздоровительной сфере жизни общества, поскольку эта область является главным стимулом приобщения нации к здоровому образу жизни. В нашей стране разработана Государственная программа «Физическая культура и спорт» на 2021–2025 годы, согласно которой развитие физической культуры и спорта является эффективным инструментом оздоровления нации и укрепления международного имиджа Республики Беларусь.

Понятие «спорт» в Республике Беларусь закреплено на уровне законодательства, что обеспечивает легальность терминологии в рассматриваемой сфере: спорт – сфера деятельности, представляющая собой совокупность видов спорта, сложившаяся в форме спортивных мероприятий. Если обратиться к зарубежному законодательству, то в Азербайджанской Республике на законодательном уровне определяется, что спорт является составной частью физической культуры, направленной на постоянное совершенствование физической подготовки лица посредством комплекса различных физических упражнений, его участие в соревнованиях всех уровней и достижение высоких результатов. Не выделяют сложившееся понятие «государственное управление в сфере физической культуры и спорта». В литературе под этим процессом подразумевают системно интегрированную, функционально-иерархически организованную деятельность по планированию, реализации, контролю государственно-властного воздействия на общественные отношения в области спорта и физической

культуры, осуществляемая органами государственного управления путем административно-правового регулирования, организационно-координационного, финансового и иного администрирования.

Согласно белорусскому законодательству управление и регулирование в сфере физической культуры и спорта строятся на основе сочетания государственного и общественного управления и регулирования. Это обеспечивается государственными органами, наделенными государственно-властными полномочиями в данной сфере. Государственные органы, обладая общей компетенцией, обеспечивают решение весьма широкого спектра вопросов в сфере спорта. Министерство спорта и туризма как государственный орган, наделенный специальной компетенцией, непосредственно руководит развитием физической культуры и спорта в пределах своей компетенции. В организации физической культуры и спорта в нашей стране выделяют четыре уровня иерархии: республиканский, областной, районный и первичный. Областные и районные органы управления создаются в соответствии с административным устройством Республики Беларусь. К уровню первичной организации относят управленческую структуру коллектива физической культуры, спортивного клуба, секции и т. д.

Государственное управление характеризуется иерархией, в которой прослеживается взаимодействие органов на основе применения различных способов административно-правового регулирования. Помимо этого, наряду с иерархическими связями между физкультурно-спортивными организациями различных уровней наблюдаются и горизонтальные связи.

Однако обеспечение государственного управления в сфере спорта является весьма проблемным вопросом. Важная роль в функционировании данной отрасли отводится кадровому обеспечению. Главная проблема в сфере спорта и физической культуры – недостаточность подготовленных и квалифицированных профессиональных спортивных менеджеров. Компетентные знания таких специалистов необходимы как в рамках небольших спортивных мероприятий, так и крупномасштабных соревнований. Серьезной проблемой является также слабая теоретико-методическая научная база по подготовке в сфере физической культуры. Наблюдается сдвиг в сторону финансовой, а не спортивной стороны функционирования организаций в управлении. Актуальным является вопрос о неравномерном распределении финансов в спортивной деятельности в стране, а также отсутствие определенности в соотношении объема финансирования со стороны Министерства спорта и туризма Республики Беларусь и федераций.

Таким образом, государственное управление в сфере спорта обеспечивает реализацию государственной социальной политики. Главной особенностью такого управления в Республике Беларусь является достижение согласованности действий государственных органов и спортивных организация в целях обеспечения эффективности функционирования такой социальной системы, как физическая культура и спорт. Проблемы, обозначенные нами, требуют решения и регламентации в законодательстве Республики Беларусь.

Мирошников И. А.

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ И ВИДОВ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Мирошников Илья Александрович, соискатель Саратовской государственной юридической академии, г. Саратов, Россия, ia.miroshnikov@mail.ru

Научный руководитель: доктор юрид. наук, профессор Соколов А. Ю.

Экстремистская деятельность видится комплексным явлением, которое исследуется в различных областях научного знания. Идеология экстремизма является масштабной угрозой, выходящей за рамки государства. Для наиболее полного исследования понятия необходимо дать ему определение и классифицировать по различным основаниям.

В первую очередь следует обратиться к легальным определениям понятия экстремизма. Как в Федеральном законе от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», так и в Законе Республики Беларусь от 4 января 2007 г. № 203-З «О противодействии экстремизму» был избран подход к определению понятия экстремизма путем перечисления деяний, которые признаются экстремистской деятельностью. При этом закон Республики Беларусь уточняет в определении субъектов данной деятельности и ее направленность на независимость, территориальную целостность, суверенитет, основы конституционного строя, общественную безопасность.

Однако обе легальные дефиниции являются казуальными и не содержат признаков самого экстремизма, а деятельность, которая в соответствии с законами признается экстремистской, в перечне перечисляется без какой-либо иерархии.

Думается, данный подход законодателей к определению в целом можно считать допустимым, однако следует отметить, что более корректным было бы указать, что в упомянутых актах даются не определения, а содержание экстремистской деятельности, поскольку данные термины не являются синонимичными.

Исследуя понятие экстремизма, можно прийти к выводу, что существующие определения не позволяют в полной мере отразить специфику данного социально-политического явления. Экстремизм по-разному закрепляется в национальном законодательстве, а попытки выработки единого подхода на надгосударственном уровне отвергаются. При этом отмечается, что в литературе можно выделить два сформировавшихся подхода к экстремизму: узкий (в рамках которого рассматриваются противоположные позиции: понимание экстремизма только как системы взглядов либо только как деятельности) и широкий (который исходит из того, что экстремизм является системой идей и взглядов, перерастающих в крайние формы деятельности).

Представляется, что широкий подход к пониманию экстремизма наиболее соответствует целям его исследования в правовом поле, в связи

с чем следует исходить из понимания экстремизма как основанной на системе идей и взглядов деятельности, запрещенной законодательством.

По вопросу систематизации видов и форм экстремизма в литературе существуют различные мнения. Так, выделяют правовую и неправовую формы экстремизма.

Думается, данная классификация не является удачной: в качестве примеров неправовой формы экстремизма приводятся дискриминация при приеме на работу, которая не содержит признаков состава уголовно наказуемого деяния, приготовление к совершению преступлений экстремистской направленности небольшой или средней тяжести при отсутствии в деяниях лиц признаков иных составов правонарушений. Однако в первом случае усматриваются признаки состава административного правонарушения по ст. 5.62 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (дискриминация), а вторая ситуация немыслима без совершения различного рода правонарушений (например, ст. 282.2 Уголовного кодекса Российской Федерации, ст. 361-1 Уголовного кодекса Республики Беларусь). Более того, сама характеристика экстремизма как правового противоречит сущности данного явления, поскольку данная деятельность всегда находится вне правового поля.

Более логичным видится деление экстремизма на виды по различным основаниям. Так, по сфере жизни общества, в которой распространяются данные взгляды, можно выделить политический, экономический, социальный и духовный экстремизм. По возрастному критерию экстремизм можно подразделить на детский, подростковый, молодежный, экстремизм среди людей зрелого и пожилого возраста. По направленности на объект, исходя из конституционного определения равенства, можно рассматривать такие виды экстремизма, как по половому, расовому, национальному признаку, по признаку языка, происхождения, имущественного или должностного положения, принадлежности к общественным объединениям, религиозный экстремизм.

Таким образом, экстремизм необходимо рассматривать в широком аспекте как запрещенную законодательством детальность, основанную на системе идей и взглядов. В то же время на законодательном уровне был избран подход к отождествлению экстремизма и способов осуществления экстремистской деятельности, что является не вполне корректным, но в целом допустимо для целей административно-правового регулирования. Анализируя различные подходы к систематизации экстремизма, предлагается рассматривать классификации по сфере жизни общества, по возрастному критерию, по направленности на объект, исходя из конституционного определения равенства.

Семёнова Д. А.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРОЦЕДУРАХ: ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Семёнова Дарья Андреевна, студентка 2 курса Академии управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь, d.semenova2024@gmail.com

Научный руководитель: преподаватель Берёзко А. А.

Современные технологии становятся важным инструментом в государственной сфере, позволяя значительно улучшить качество административных процедур. Наличие необходимой правовой базы и высокая заинтересованность государственных органов должны стать существенным импульсом для активизации цифровой трансформации сферы осуществления административных процедур. В целом перед государственными органами поставлена глобальная задача по переводу максимального количества административных процедур в электронную форму для осуществления их через единый портал электронных услуг.

Портал электронных услуг стал важным шагом в направлении цифровизации, позволяя гражданам получать доступ к различным государственным услугам, таким как регистрация бизнеса или получение справок, не выходя из дома. Граждане больше не должны тратить часы, ожидая своей очереди в кабинетах; теперь они могут управлять своими делами в удобное для себя время: отслеживать статус своих заявлений, получать актуальную информацию о ходе административных процессов. Это формирует доверие к государственным учреждениям и снижает уровень коррупции, так как действия государственных служащих становятся более открытыми для контроля со стороны общества.

Автоматизация административных процессов – еще одна важная возможность, которую предоставляют современные технологии. Использование электронных форм и систем управления данными позволяет значительно сократить время выполнения административных процедур и уменьшить вероятность ошибок.

Эти изменения способствуют оптимизации работы государственных учреждений, что в свою очередь повышает их общую эффективность. Закон Республики Беларусь от 7 декабря 2023 г. № 314-З «Об изменении Закона Республики Беларусь “Об основах административных процедур”» вводит понятие осуществления административной процедуры в электронной форме и определяет требования к использованию информационно-коммуникационных технологий.

Тем не менее на пути к цифровизации возникают и серьезные вызовы. Одним из основных является безопасность данных. При увеличении объема собираемой информации возрастает риск утечки персональных данных. Несмотря на широкое использование гражданами интернета, их

компьютерная грамотность значительно отстает от темпов внедрения компьютерных технологий в повседневную жизнь. Кроме того, многие жители Беларуси недостаточно серьезно относятся к защите своей информации и личных данных, что часто приводит к тому, что они становятся жертвами киберпреступлений. Французский законодатель также сталкивается с этой проблемой и гибко подходит к внедрению электронного документооборота. Даже при полной цифровизации публичного управления сохраняется право на общение с администрацией в неэлектронной форме. Для решения вопроса доступа к интернету во Франции создана служба специальных помощников, обеспечивающая поддержку при получении публичных услуг. В этом контексте важным является постановление Совета Министров Республики Беларусь от 12 декабря 2023 г. № 879, которое определяет перечень государственных информационных ресурсов, подлежащих интеграции с общегосударственной автоматизированной информационной системой для осуществления административных процедур.

Для дальнейшего развития административных процедур с использованием современных технологий необходимо учитывать действующее законодательство. В частности, необходимо разработать долгосрочную стратегию цифровизации, которая будет учитывать потребности всех групп населения и обеспечивать доступность электронных услуг для всех граждан. Важным шагом станет организация курсов и тренингов для сотрудников государственных органов, чтобы они могли эффективно использовать новые технологии и адаптироваться к изменениям. Кроме того, следует уделить внимание развитию инфраструктуры, обеспечивающей доступ к интернету и современным устройствам в удаленных и сельских районах.

Требует внимания и обеспечение безопасности данных: необходимо внедрить более строгие меры по защите персональных данных и разработать систему мониторинга для предотвращения утечек информации. Создание механизмов обратной связи с гражданами позволит им делиться своими предложениями и замечаниями относительно качества предоставляемых услуг.

Таким образом, использование современных технологий в административных процедурах в Республике Беларусь открывает новые перспективы для повышения качества государственного управления и улучшения обслуживания граждан. Однако для успешной реализации этих возможностей необходимо учитывать вызовы, с которыми сталкивается общество.

Комплексный подход, включающий образование, защиту данных и внимание к потребностям всех слоев населения, станет залогом успешной цифровизации административных процедур. В конечном итоге современные технологии могут стать мощным инструментом для создания более эффективной и доступной системы государственного управления, если их внедрение будет осуществляться с учетом всех факторов и потребностей общества.

Яхновец А. С.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ АТТЕСТАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАЖДАНСКИХ СЛУЖАЩИХ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Яхновец Александра Сергеевна, студентка 3 курса Академии управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь, Aleksandraahnovec5@gmail.com

Научный руководитель: преподаватель Березко А. А.

В современном обществе непрерывное развитие государства требует соответствующих изменений и дополнений в его правовой системе. Последние поправки к Закону Республики Беларусь от 01.06.2022 № 175-З «О государственной службе», принятые 03.01.2024 г., направленны на уточнение правового статуса государственных гражданских служащих (далее – гражданские служащие). Данные изменения необходимы для четкого разграничения ролей и функций гражданских служащих в государственной системе.

В существующей обстановке особую важность приобретают направления для совершенствования процесса аттестации гражданских служащих в Республике Беларусь. Рассмотрим некоторые ключевые направления развития существующей системы аттестации:

1) для более справедливой оценки профессиональных навыков гражданских служащих необходимо включать в состав аттестационной комиссии специалистов с правом совещательного голоса. Это повысит объективность процесса и уровень доверия к комиссии со стороны сотрудников. Решение о прохождении аттестации может быть принято открытым голосованием членов комиссии, а совещательное мнение специалиста учитывается в случае разногласий между членами комиссии;

2) предлагается вовлечь в процесс аттестации служащих государственного органа различных уровней – от руководителей до служащих этого государственного органа. Участие гражданских служащих государственного органа всех уровней будет способствовать объединению усилий для достижения общих целей развития государственного органа. При такой организации аттестационной комиссии и самого процесса аттестации, служащий сможет объективно оценить свои возможности и определить направления для профессионального роста и карьерного развития;

3) обычно все гражданские служащие подлежат аттестации, за исключением тех, кто занимает высшие должности или был избран на должность. Однако существуют исключения, такие как освобождение от аттестации в случае недавнего назначения на должность или беременности. Аттестация гражданских служащих проводится каждые три года аттестационными комиссиями, назначаемыми соответствующими государственными органами, в которых служащий проходит службу. Исходя из практики других стран, таких как Германия, Франция, США, предлагаем

проводить аттестацию гражданских служащих ежегодно. Это могло бы стать стимулом для постоянного совершенствования и актуализации их знаний.

4) в законодательстве не урегулирована ответственность гражданских служащих, которые не являются на аттестацию по необоснованным причинам или отказываются от нее. Например, в Российской Федерации неявка на аттестацию или отказ от нее без уважительных причин влечет за собой дисциплинарные меры, а аттестация переносится. В Республике Казахстан повторная неявка на аттестацию без уважительных причин может привести к увольнению. В связи с этим представляется разумным закрепить в законодательстве Республики Беларусь требование о привлечении гражданских служащих, которые не явились на аттестацию без уважительной причины или отказались от нее, к дисциплинарной ответственности. Закрепление в законодательстве Республики Беларусь данного требования будет способствовать повышению ответственности и дисциплины среди государственных служащих и позволит устранить неопределенности;

5) при регламентации ежегодной аттестации следует усилить систему непрерывного обучения гражданских служащих. Предлагаем проведение комплекса мероприятий, направленных на повышение компетентности гражданских служащих, включая развитие коммуникативных навыков, улучшение внимательного отношения к гражданам, проведение тренингов по формированию командной работы для укрепления коллективного духа и психологического благополучия, а также создание ситуаций для оценки профессионального поведения в нестандартных ситуациях. Важным аспектом являются индивидуальные собеседования, которые широко используются в государственных и муниципальных учреждениях Европы. Эта практика обеспечивает прямой контакт между руководством и сотрудниками, позволяя честно обсудить результаты аттестации. Сотрудникам также предоставляется возможность задавать вопросы и высказывать свое мнение.

Таким образом, в рамках совершенствования системы аттестации гражданских служащих, предлагаем следующее: 1) включить в состав аттестационной комиссии специалиста с правом совещательного голоса; 2) привлечь в процесс аттестации служащих различных уровней; 3) изменить периодичность аттестации; 4) ввести дисциплинарную ответственность за неявку или отказ от прохождения аттестации; 5) усилить систему непрерывного обучения гражданских служащих.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО, ФИНАНСОВОЕ И НАЛОГОВОЕ ПРАВО

Варава А. А.

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА ФИНАНСОВУЮ ИНДУСТРИЮ

Варава Артур Александрович, студент 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, arthurvarava@icloud.com

Научный руководитель: старший преподаватель Кавалей З. О.

Развитие технологий на данном этапе развития общества происходит активно и распространяется на все сферы жизни человека. Исключением не стал и финансовый рынок: появилось новое перспективное направление – рынок финансово-технологических услуг, так называемый FinTech. На сегодняшний день рынок финансовых технологий считается как один из самых активно развивающихся. Республика Беларусь активно внедряет информационные технологии в финансовую сфер, что позволяет оптимизировать процессы, повысить эффективность и прозрачность работы, а также создать новые возможности развития рынка.

Сегодня, в связи с ростом компьютерных мощностей, под цифровизацией понимают внедрение искусственного интеллекта в бизнес-процессы, накопление и обработку больших объемов информации, использование в финансовых процессах технологии хранения и обработки данных, основанной на системе распределенного реестра.

Развитию сектора финтех поспособствовало применение цифровых технологий, в том числе на мобильных устройствах, привели к автоматизации процесса оказания финансовых услуг и финансовых технологий.

Термин «финтех» (FinTech) – неологизм, образованный от слияния двух слов «финансовый» и «технология», означающий применение нефинансовыми компаниями, IT-компаниями цифровых технологий на основе интернета для оказания финансовых услуг, характерных для банков или небанковских кредитно-финансовых организаций (НКФО). С точки зрения Всемирного банка DFS – это финансовый сервис, который базируется на цифровых технологиях для доставки и использования конечным потребителем. Финансовые технологии развиваются в следующих направлениях: удаленная идентификация; система быстрых платежей; финансовый маркетплейс; открытые интерфейсы; регулятивная «песочница».

Говоря о финансовом праве в условиях цифровизации, необходимо отметить, что новые технологии, с точки зрения финансового права, ведут к расширению предмета правового воздействия (например, рассматриваемая отрасль стала решать общественные отношения по поводу обращения электронных денег), а с другой – являются инструментом, который

способствует регулированию, администрированию, финансовому надзору и контролю.

Существует несколько классификаций финансовых технологий. Немецкие экономисты в своем исследовании выделяют следующие виды финансовых технологий:

1) с помощью краудфандинга – привлечение денежных средств для финансирования проектов и отдельных компаний через онлайн-платформы, которое чаще всего используется стартапами;

2) управлением активами и специализированные системы консультирования, управления личными финансами, инвестирования и банкинга;

3) платежами (альтернативные платежные способы, блокчейн и криптовалюта);

4) другие финансовые технологии, которые используются в сфере страхования.

Развитию ФинТех-отрасли в стране также способствуют действия государства. Так, для резидентов Парка высоких технологий предусмотрено отсутствие процентной ставки НДС; с 2008 г. действует система «Расчет» (АИС ЕРИП), упрощающая прием платежей от юридических и физических лиц; до 2023 г. деятельность по созданию, приобретению и отчуждению токенов не облагается налогами; согласно принятому 27 августа 2022 г. Закону Республики Беларусь «О платежных системах и платежных услугах» разрешаются платежи в пользу третьих лиц, т. е. расширен перечень платежных услуг финансового рынка и т. д. Можно также отметить Указ Президента Республики Беларусь от 17.09.2024 № 367 «Об обращении цифровых знаков (токенов)», в соответствии с которым физические лица могут продавать и покупать криптовалюту только через белорусские криптобиржии т. д.

Перечень операций, которые разрешены в Беларуси для физических лиц, определены нормами подп. 2.2 п. 2 Декрета от 21.12.2017 № 8 «О развитии цифровой экономики». Данный декрет также заложил правовую основу для осуществления операций с цифровыми токенами через резидентов Парка высоких технологий. Это привело к появлению на белорусском рынке криптовалютных бирж, инвестиционных онлайн-платформ, криптовалютных кошельков, которые были отнесены к направлению «Инвестиции» и занимают в данной категории наибольшую долю.

В Республике Беларусь появляется все больше финансовых и технологических стартапов в сфере платежей, краудфандинга и краудинвестинга, интернет-порталов для предпринимателей, предлагающих удобные сервисы для ведения бизнеса и управления финансами. Все это – только начало пути, по которому белорусские банки и финансовые компании должны пойти, чтобы получить основные преимущества и возможности, которые открываются по мере роста сегмента финансовых технологий.

Глухотаренко Д. А.

КОМИТЕТ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ КАК СУБЪЕКТ ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ

Глухотаренко Диана Алексеевна, студентка 3 курса Академии управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь, gluhotarenkod@gmail.com

Научный руководитель: старший преподаватель Насонова И. В.

Финансовый контроль – это деятельность уполномоченных субъектов, осуществляемая с помощью специальных форм и методов, урегулированная нормами права, в целях установления законности и достоверности финансовых операций, объективной оценки экономической эффективности финансово-хозяйственной деятельности и выявления резервов ее повышения, увеличения доходных поступлений в бюджет и сохранности государственной собственности.

Субъектами финансового контроля являются особые органы государственного управления, а также организации, которые в пределах своей компетенции имеют право осуществлять проверки финансово-хозяйственной деятельности. Президент Республики Беларусь, Национальное собрание Республики Беларусь, Совет Министров Республики Беларусь, местные финансовые органы наделены общей компетенцией в системе финансового контроля. Специальными органами, уполномоченными осуществлять финансовый контроль в Республике Беларусь, являются Комитет государственного контроля, Министерство финансов, Министерство по налогам и сборам, Государственный таможенный комитет, Национальный банк.

Комитет государственного контроля Республики Беларусь и его территориальные органы являются высшим органом финансово-экономического контроля. Его деятельность основывается на принципах законности; открытости и гласности, соблюдения и охраны интересов государства, прав и законных интересов граждан Республики Беларусь, иностранных граждан и лиц без гражданства, в том числе индивидуальных предпринимателей и организаций; единства системы органов Комитета государственного контроля и централизации управления ими; равенства прав и законных интересов всех проверяемых субъектов; ответственности Комитета государственного контроля и его территориальных органов (их работников) за нарушение законодательства при осуществлении контроля.

Комитет государственного контроля и его территориальные органы не только осуществляют финансовый контроль, но и работают во взаимодействии с другими государственными органами и организациями, в том числе иностранных государств, международными организациями и гражданами. Руководители Комитета государственного контроля, вправе принимать участие в заседаниях государственных органов и организаций при рассмотрении вопросов, относящихся к компетенции Комитета государственного контроля и его территориальных органов.

На основе информации о финансово-хозяйственных операциях, состоянии денежных счетов проверяемых органов делаются заключения, которые передаются в Совет Министров, министерства, государственные комитеты и другие органы для рассмотрения и принятия соответствующих мер. В случае выявления фактов воровства денежных средств и материальных ценностей, взяточничества и других злоупотреблений материалы проверок передаются в соответствующие компетентные органы. Государственные органы, иные организации и другие граждане обязаны в установленный срок письменно информировать органы финансового контроля о принятых мерах по исполнению решений (предписаний, постановлений). Решения Комитета государственного контроля, его территориальных органов и должностных лиц могут быть обжалованы в вышестоящий орган Комитета государственного контроля, прокуратуру и (или) в суд в случаях, если организации и граждане считают, что действия (бездействие) сотрудников контролирующих органов ущемляют их права и законные интересы.

Комитет государственного контроля взаимодействует с правоохранительными, контролирующими и иными органами иностранных государств в соответствии с законодательными актами и международными договорами Республики Беларусь. Так, Комитет государственного контроля является полноправным членом таких влиятельных международных институтов, как Международная организация высших контрольных органов, Совет руководителей высших органов финансового контроля государств – участников СНГ. Членство в этих организациях способствует укреплению международного авторитета нашей страны, позволяет Комитету государственного контроля получать информационные и методические материалы, оперативно обмениваться информацией с контрольными органами других стран, использовать их опыт, что позволяет повысить эффективность проверок, особенно во внешнеэкономической деятельности.

Жихарева А. И.

ТРАНСПОРТНЫЙ НАЛОГ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Жихарева Анастасия Игоревна, студентка 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь,
anastasiya26zhihareva@gmail.com

Научный руководитель: старший преподаватель Кавалей З. О.

Законом Республики Беларусь от 29 декабря 2020 г. № 72-З с 1 января 2021 г. в Республике Беларусь (далее – Беларусь) введен транспортный налог (глава 28^1 Особенной части Налогового кодекса Республики Беларусь (далее – НК)). В Российской Федерации (далее – РФ) этот налог имеет более продолжительную историю существования и преобразования. В современной истории России так называемый дорожный налог был введен Законом от 18 октября 1991 г. № 1759-I «О дорожных фондах в Российской Федерации».

С 1 января 2003 г. Федеральным законом от 24 июля 2002 г. № 110-ФЗ был введен транспортный налог. Введение такого налога в Республике Беларусь и в Российской Федерации имеет важное стратегическое, а также вполне обоснованное значение. Это обусловлено несколькими причинами. Во-первых, увеличением количества водителей. Во-вторых, увеличением транспортного потока (например, согласно данным Белстата в 2022 г. обеспеченность населения легковыми автомобилями на 1000 человек населения по всей территории Республики Беларусь составляла 323 автомобиля, а в 2023 г. – уже 330), что, соответственно, означает увеличение государственных расходов на поддержание надлежащего состояния дорог общего пользования и усовершенствование транспортно-коммуникационной и логистической систем. На наш взгляд, в этом и заключается основная причина введения такого налога в Беларуси: опыт зарубежных государств, социально-экономические условия «подтолкнули» законодателя к его установлению.

Итак, как уже было сказано, для Беларуси это относительно новый вид налога, правовая конструкция которого может нуждаться в конкретизации и совершенствовании. Необходимо понять, насколько проработаны и урегулированы механизмы взимания транспортного налога в Республике Беларусь, в связи с этим считаем целесообразным сравнить такие механизмы, приняв за основу налоговое регулирование в другой стране. За объект сравнения возьмем Российскую Федерацию. Выявим ключевые сходства и различия в правовой сущности данного налога и обоснуем конкретные предложения, касающиеся реформ взимания транспортного налога в Беларуси.

Исходя из анализа главы 281 НК и главы 28 части 2 Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ), мы можем выделить несколько схожих черт в правовом регулировании. Так, в названных главах определяются плательщики транспортного налога, объект налогообложения, налоговая база, налоговые льготы и основания для их применения, налоговый период, налоговая ставка, порядок исчисления налога, а также порядок и сроки уплаты налога. Многие базовые аспекты правового регулирования транспортного налога схожи, но при этом имеется достаточное количество различий. Например, в ст. 356 НК РФ закрепляются общие положения о транспортном налоге: данный налог устанавливается НК РФ и законами, вводится в действие законами субъектов федерации о налоге и обязателен к уплате на их территории. В НК такого положения не закреплено. В п. 1 ст. 3072 НК установлено, что объектами налогообложения признаются транспортные средства, зарегистрированные физическими лицами или организациями в ГАИ МВД, в РФ объектам дана более подробная формулировка, определенная в п. 1 ст. 358 НК РФ – это автомобили, мотоциклы, мотороллеры, автобусы и другие самоходные машины и механизмы на пневматическом и гусеничном ходу, самолеты, вертолеты, теплоходы, яхты, парусные суда, катера, снегоходы, мотосани, моторные лодки, гидроциклы, несамоходные (буксируемые суда) и другие водные и воздушные транспортные средства. Отличаются и сроки уплаты

налога: в Беларуси физические лица должны оплатить налог не позднее 15 ноября года, следующего за истекшим налоговым периодом (п. 2 ст. 3078 НК), а организации – не позднее 22 февраля года, следующего за текущим налоговым периодом (п. 4 ст. 3078 НК), в РФ первые должны оплатить налог в срок не позднее 1 декабря года, следующего за истекшим налоговым периодом, а вторые – в срок не позднее 28 февраля года, следующего за истекшим налоговым периодом (абз. 2, 3 п. 1 ст. 363 НК РФ).

Таким образом, в правовом регулировании транспортного налога в двух странах имеются как сходства, так и различия. Стоит признать, что в Российской Федерации правовое регулирование более точное и емкое, чем в Республике Беларусь. Однако и Беларусь, несмотря на относительную новизну существования налога, добилась огромных успехов в его взимании. Как социально ориентированное государство, оно уделяет пристальное внимание расширению перечня налоговых льгот, заботится об уязвимых категориях населения, полностью или частично освобождая их от уплаты налога, и т. д. Соответственно, исходя из приведенных сравнительно-правовых исследований, целесообразно совершенствовать правовое регулирование транспортного налога в Республике Беларусь, основываясь на собственном практическом опыте его применения в отношении налогоплательщиков, а также на международном опыте, в том числе на налоговом законодательстве Российской Федерации.

Концевая М. В.

НАЛОГ НА ДОРОГОСТОЯЩИЕ АВТОМОБИЛИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Концевая Марина Викторовна, студентка 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, marina.k-2004@yandex.ru

Научный руководитель: старший преподаватель Кавалей З. О.

Налоги являются неотъемлемой частью формирования государственного бюджета в большинстве стран мира. В Республике Беларусь государственный бюджет состоит из 70–80 % налоговых доходов. За счет денежных средств, поступающих в государственный бюджет Республики Беларусь в виде налогов, происходит финансирование государственных расходов, регулирование национальной экономики, обеспечение финансовой независимости государства, стабилизация социального неравенства в государстве.

Для полноценного осуществления вышеизложенных функций необходимо увеличивать поступления от налогов. С октября 2021 г. в Республике Беларусь велась дискуссия о введении нового, так называемого «налога на роскошь». Налог на роскошь – это вид налога, которым облагаются предметы роскоши или услуги, которые считаются неосновными или дискреционными.

Предметы роскоши и «лишние» доходы малой доли населения, создающие социальную «пропасть» между гражданами, следует подвергать налогообложению.

Белорусский законодатель пришел к следующему. С 1 января 2024 г. введена норма в Налоговый кодекс Республики Беларусь (далее – НК) о повышенном налоге на дорогостоящие автомобили, что можно назвать одной из разновидностей налога на роскошь.

В законодательстве Республики Беларусь отсутствует термин «налог на роскошь». Законодатель лишь устанавливает повышенную ставку налогообложения для определенных транспортных средств. Теперь, согласно п. 1^1 ст. 307^7 НК по транспортным средствам, с года выпуска которых прошло не более трех лет, включенным в перечень транспортных средств повышенной комфортности, определяемый Советом Министров Республики Беларусь, транспортный налог, включая авансовые платежи, исчисляется по ставкам, увеличенным в десять раз.

Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 20 марта 2024 г. № 194 определен перечень таких транспортных средств.

В целом исследования налога на роскошь в разных странах показывают, что он может иметь как положительный, так и отрицательный эффект, а конкретное воздействие будет зависеть от множества факторов.

В Российской Федерации (далее – РФ) с 2014 г. одной из разновидностей налога на роскошь является налог на дорогостоящие автомобили стоимостью более 10 миллионов рублей. Изначально порог составлял 3 миллиона рублей, но в 2022 г. его увеличили из-за роста цен на автомобили. В список попало 449 моделей, и ставка налога определяется увеличением в три раза.

Опыт Российской Федерации показывает, что введение налога на роскошь не привело к значительному пополнению налоговых доходов консолидированного бюджета субъектов РФ. Прирост в целом составил 1,4 % от общего объема налоговых доходов бюджетов субъектов РФ, 0,07 % от общих объемов налоговых доходов консолидированного бюджета.

Для эффективного функционирования такого нововведения в Республике Беларусь необходимо наблюдать за фактическим исполнением обязанности граждан по уплате такого налога. Вероятно, что налог на роскошь может привести к поиску путей по уклонению от его уплаты, а также к снижению потребительских расходов и нежеланию инвестировать в рынки предметов роскоши, что негативно скажется на белорусской экономике.

Подобные налоги чаще всего вводятся в высокоразвитых странах, где люди могут позволить себе товары класса «люкс» и где разнообразие таких товаров выше. По последним данным, в Республике Беларусь преобладают бюджетные марки автомобилей, а дорогие иномарки ввозятся в единичных количествах. Под налог на роскошь подпадает довольно небольшое количество автомобилей. При этом количество людей, чья покупательная способность позволяет им приобретать такие автомобили, сокращается. Более того, реальный располагаемый доход белорусов также снизился, что делает менее вероятным, что белорусы будут тратить деньги на потребление предметов роскоши.

Таким образом, совершенно очевидно, что для обоснования введения такого института, как «налог на роскошь», необходимо понять его целесообразность. Многие страны после введения «налога на роскошь» не раз его дорабатывали и вносили коррективы и поправки в налоговое законодательство с целью увеличить положительный экономический и социальный эффект, но при этом не нарушить принципы налогового законодательства и конституционные права и свободы налогоплательщиков, что приводит к социальной напряженности. Предполагаем, что и Республике Беларусь потребуется не один год для обеспечения эффективного функционирования такого нововведения.

Кохович А. А.

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ДОГОВОР КАК ПРАВОВАЯ ФОРМА ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Кохович Анастасия Андреевна, студентка 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, kohovich75@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Рамазанова Н. О.

Административный договор в современных условиях становится все более актуальной правовой формой, используемой в рамках государственного управления в сфере предпринимательской деятельности в Республике Беларусь. Его применение часто связано с необходимостью регулирования специфических отношений между государственными органами и частными субъектами. Вместе с тем существование административных договоров вызывает определенную проблематику, требующую более глубокого анализа.

Одной из основных проблем является недостаточная правовая регламентация института административного договора. На данный момент в законодательстве Республики Беларусь отсутствует четкое определение и система норм, регулирующих данный вид правового акта. Это создает неопределенность и различные трактовки в правоприменительной практике.

Существуют случаи, когда административные и гражданские правоотношения пересекаются. В таких ситуациях может возникать конфликт норм, что приводит к правовым неясностям, затрудняющим защиту прав и законных интересов сторон. Неясность правового статуса таких договоров порой приводит к злоупотреблениям со стороны одних из участников, особенно если они ведут к ущемлению прав предпринимателей.

Существует также проблема неравенства сторон в рамках административных договоров. В большинстве случаев одна из сторон (государственный орган) обладает большей властью и влиянием, что может привести к принудительному подписанию условий договора, невыгодных для предпринимателя. Это создает потенциальные риски для бизнеса, особенно для малых и средних предприятий, которые не могут эффективно защищать свои интересы.

Сложности возникают и в механизме контроля за исполнением обязательств, вытекающих из административных договоров. В случае невыполнения условий договора государственные органы могут применять санкции, что может негативно сказаться на предпринимательской деятельности. На практике это может приводить к излишнему административному давлению на бизнес.

Отсутствие прозрачности в процессе заключения и исполнения административных договоров также вызывает нарекания. Часто процедуры не являются публичными или открытыми для контроля со стороны общественности, что может приводить к коррупционным рискам и дискриминации благоприятных условий для отдельных компаний.

Таким образом, административный договор как форма государственного управления в сфере предпринимательской деятельности, сталкивается с множеством проблем, которые требуют внимательного анализа и скорейшего разрешения. Необходима разработка комплексного подхода к правовому регулированию административных договоров, который включал бы четкое законодательное закрепление института, а также гарантии для обеспечения равенства сторон, повышения прозрачности и эффективности контроля за исполнением обязательств. Это не только позволит улучшить деловую среду в Республике Беларусь, но и создаст более справедливые условия для ведения бизнеса.

Кулешова А. А.

К ВОПРОСУ ОБ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ УСЛУГ, ОКАЗЫВАЕМЫХ СУБЪЕКТАМИ АГРОЭКОТУРИЗМА

Кулешова Анастасия Андреевна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, law.kuleshovAA@bsu.by

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Валюшко-Орса Н. В.

В целях создания благоприятных условий для развития агроэкотуризма, улучшения условий жизни граждан в сельской местности, малых городских поселениях, а также совершенствования сельской инфраструктуры 4 октября 2022 г. Президент Республики Беларусь подписал Указ № 351 «О развитии агроэкотуризма» (далее – Указ).

В пункте 5 Указа установлен исчерпывающий перечень услуг, которые могут оказывать субъекты агроэкотуризма. В частности, в данном перечне закреплено, что субъекты агроэкотуризма имеют право предоставлять: жилые комнаты в агроэкоусадьбе для проживания, транспортное обслуживание, проводить презентации, юбилеи, банкеты, мастер-классы, физкультурно-оздоровительные и культурные мероприятия и др.

Для определения границ, оказываемых субъектами услуг, в рамках «культурного мероприятия» обратимся к п. 2 ст. 213 Кодекса Республики Беларусь о культуре. Так, к культурным мероприятиям относятся: культурно-зрелищные мероприятия, фестиваль, праздник, конкурс, форум, выставка,

мастер-класс и другие мероприятия. При этом, если программа мероприятия включает в себя публичное исполнение результатов творческой деятельности коллективами художественного творчества и (или) исполнителями, оно является культурно-зрелищным мероприятием вне зависимости от места его проведения, количества приглашенных лиц, получения либо неполучения его организатором прибыли. Исходя из анализа вышеприведенной статьи, разновидностью культурного мероприятия является культурно-зрелищное, а субъекты агроэкотуризма при предоставлении услуг по проведению презентаций, юбилеев, банкетов де-юре, если на территории агроэкоусадьбы используются результаты творческой деятельности коллективами художественного творчества и (или) исполнителями, являются организаторами.

Однако, анализируя изменения, которые внесены Законом Республики Беларусь от 21 июля 2022 г. № 201-З «Об изменении законов по вопросам культуры» в Кодекс Республики Беларусь о культуре, можно отметить следующее.

Во-первых, организатор культурно-зрелищного мероприятия – это юридическое лицо, индивидуальный предприниматель, зарегистрированный в Республике Беларусь, которые осуществляют деятельность по проведению культурно-зрелищных мероприятий. Исходя из данного определения, субъекты агроэкотуризма не подпадают под категорию организаторов, поскольку имеют иную организационно-правовую форму.

Во-вторых, организаторы культурно-зрелищного мероприятия подлежат включению в реестр в соответствии с законодательством об административных процедурах. При этом они должны соответствовать следующим требованиям: деятельность по организации и проведению культурно-зрелищных мероприятий должна являться основным видом деятельности; организатор должен иметь опыт предпринимательской деятельности или стаж работы не менее 3 лет, связанный с организацией и проведением культурно-зрелищных мероприятий.

Таким образом, субъекты агроэкотуризма на данный момент не могут в полной мере оказывать услуги по проведению всех видов культурных мероприятий на территории соответствующей агроэкоусадьбы. Более того, на практике может сложиться ситуация, когда для предоставления услуг по проведению презентаций, юбилеев, банкетов субъектам агроэкотуризма потребуется обратиться к организаторам культурно-зрелищных мероприятий, зарегистрированным в реестре. Например, когда условный юбилей, свадьба, иное мероприятие будет сопровождаться творческой деятельностью кавер-групп, артистов, танцевальных исполнителей, субъекты агроэкотуризма обязаны через организаторов получить гастрольное удостоверение, утвердить программу мероприятия. На наш взгляд, такой подход является излишне усложненным и требует корректировки законодательства в области культуры, которая бы давала возможность субъектам агроэкотуризма самостоятельно и в полной мере оказывать услуги, закрепленные в Указе, не прибегая к посторонней помощи.

Леоновец Д. С.

ПРИМЕНЕНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РАБОТЕ ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ В РАМКАХ ЕАЭС

Леоновец Дарья Сергеевна, студентка 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, leonovetsdasha@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Краснобаева Л. А.

В современном мире цифровые технологии оказывают значительное влияние на все аспекты жизни человека, государства и общества в целом. Цифровизация позволяет автоматизировать множество процессов, снизить ресурсные затраты, повысить эффективность выполнения различных задач, а также укрепить конкурентоспособность стран и экономических союзов.

Интеграция проявляется в увеличении объема трансграничных перевозок, данных и документации, что, в свою очередь, усложняет процессы поставок и контроля за соблюдением законодательства. В связи с этим возрастает значимость работы таможенных органов. Внедрение цифровых технологий становится одним из способов обеспечения их административно-правовой деятельности.

Обоснование необходимости цифрового развития государств – членов ЕАЭС можно найти в основных направлениях реализации Цифровой повестки ЕАЭС до 2025 года.

Решения в области цифровой торговли и таможни включают в себя переход на электронный документооборот, таможенную очистку и лицензирование/сертификацию. Планируется также модернизация электронных таможенных систем по принципу «цифровой по умолчанию» и другие меры. Таможенный кодекс ЕАЭС, вступивший в силу 1 января 2018 г., установил стратегические нормы, соответствующие концепции «цифровой таможни». Например, электронное таможенное декларирование стало обязательным, осуществляется переход на автоматическую регистрацию и автоматический выпуск товаров, помещаемых под таможенные процедуры.

30 сентября 2024 г. в рамках III Евразийского экономического форума состоялась встреча заместителей руководителей таможенных служб ЕАЭС, на которой они поделились своим опытом и целевыми ориентирами. Так, в Республике Армении представлено «Национальное единое окно для внешней торговли», в Кыргызской Республике осуществляется реализация единой информационной платформы «Смарт Бажы» («Смарт-таможня»), задачей Федеральной таможенной службы России является внедрение к 2030 г. в таможенные процессы искусственного интеллекта, в Республике Беларусь таможня ведет реализацию концепции «умного» выпуска товаров, последним достижением которой стало создание в 2022 г. центра электронного декларирования. В ходе реализации данной концепции 27 августа 2024 г. оформлена первая электронная пассажирская декларация ЕАЭС, произошло внедрение системы электронных контрольных талонов, системы контроля транспортных средств с использованием навигационных пломб.

В результате становится очевидным, что использование передовых технологий в таможенной сфере способствует оптимизации и автоматизации процедур контроля, что приводит к упрощению таможенных процессов, более эффективному распределению ресурсов и обмену информацией. Важно, чтобы процесс цифровизации происходил не только в рамках национальных таможенных систем, но и в сотрудничестве и обмене опытом между всеми участниками союза.

Полагаем, что ключевым моментом является внедрение унифицированных процессов в таможенной сфере. Это включает в себя механизмы «одного окна», использование электронных навигационных пломб, разработку системы отслеживания грузов с их помощью, применение искусственного интеллекта и современных технологий для защиты этих механизмов от внешних и внутренних угроз.

Мадрид А. Ю.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ЕДИНОГО НАЛОГА КАК СРЕДСТВО СТИМУЛИРОВАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Мадрид Антон Юрьевич, студент 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, madridanton2ac@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Пилипенко А. А.

В соответствии с анализом Национального статистического комитета Республики Беларусь «Основные экономические показатели деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства Республики Беларусь» по состоянию 2023 г. в нашей стране зарегистрировано 252 113 индивидуальных предпринимателей (ИП); также в деятельности ИП принимают участие физические лица, привлекаемые по трудовым и (или) гражданско-правовым договорам, в количестве 64 416 чел. Выручка от реализации продукции, товаров, работ, услуг на конец 2023 г. составила 15 118,1 млн. руб.

Единый налог – универсальный платеж в бюджет для индивидуальных предпринимателей и некоторых физических лиц, которые осуществляют деятельность, не попадающую в разряд предпринимательской. Его уплата автоматически освобождает от необходимости начислять подоходный налог, НДС, экологический налог, налог на добычу природных ресурсов, некоторые местные налоги и сборы.

В ст. 334 Налогового кодекса Республики Беларусь (Особенная часть) от 29 декабря 2009 г. № 71-З перечислено, кто является плательщиками единого налога с индивидуальных предпринимателей и иных физических лиц.

Выбор системы налогообложения – важный шаг для любого предпринимателя, поскольку от него зависит финансовое благополучие и успех бизнеса. Каждая система имеет свои особенности и применяется в зависимости от конкретных условий работы. Общая система налогообложения, как правило, предполагает уплату более высоких налогов, но при этом она предоставляет предпринимателю большую свободу в выборе

видов деятельности и способов ее осуществления. Она может быть выгодна предприятиям, имеющим значительные расходы и низкую прибыль, так как в этом случае налоговая нагрузка окажется меньше по сравнению с упрощенной системой.

Упрощенная систем налогообложения, которую представляет единый налог, напротив, предполагает уплату более низких налогов, но ограничивает предпринимателя в выборе видов деятельности. Она может быть эффективной для предприятий с ограниченным количеством видов деятельности и относительно простыми финансовыми операциями. Несмотря на ограничения, упрощенная система отличается своей гибкостью и удобством, что делает ее привлекательной для многих предпринимателей.

Однако на эффективность единого налога влияет множество факторов, проанализировав которые можно сделать выводы о возможных проблемах налоговой системы:

1) уровень налоговой нагрузки. Высокая налоговая нагрузка может свести на нет стимулирующий эффект налога, так для индивидуального предпринимателя при высоком уровне затрат и низкой рентабельности осуществление деятельности может быть экономически нецелесообразно, в связи с чем государство оказывает сдерживающее влияние на данный сегмент экономики. Также существует такой момент, как то, что ИП уплачивают налог еще до начала деятельности, несмотря на количество выручки и клиентов. Данная проблема решается установлением такой налоговой нагрузки, которая была бы достаточной для пополнения бюджета, но и была удобной для ИП;

2) процедуры администрирования и контроля. Бюрократия является одной из проблем современного документооборота. Именно поэтому стоит создать максимально простую систему администрирования и контроля.

Для анализа возможных проблем с единым налогом можно использовать методы регрессионного анализа для изучения влияния налога на основные показатели развития предприятий. В методе анализа важно также учитывать специфику отрасли и региона, так как влияние единого налога может отличаться в зависимости от конкретных условий.

На основе проведенного нами социального опроса получилось вывести определенную статистику об осведомленности граждан о едином налоге. В опросе приняли участи более ста человек, из которых 95 % лица в возрасте от 17 до 24 лет, остальные 5 % лица в возрасте более 30. Из всех опрошенных 70 % знают, что такое единый налог. О субъектах, которые облагаются единым налогом, осведомлены 53 %. В окружении 42 % опрошенных присутствуют люди, деятельность которых облагается единым налогом, а 3 % сами являются таковыми субъектами. Главным вопросом стало: «Считают ли этот способ налогообложения для ИП и физических лиц хорошим вариантом?», на что 85 % опрошенных согласились с тем, что единый налог является хорошим способом налогообложения.

Таким образом, единый налог можно считать эффективным средством стимулирования предпринимательства в нашей стране. С каждым годом

количество ИП растет, соответственно их доля участия в экономике тоже. Опираясь на результаты опроса, можно сделать вывод, что немалое количество людей осведомлены о налоге, а также считают данный способ налогообложения хорошим.

Миходёнок Е. А.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ

Миходёнок Ева Александровна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, evamihodenok6@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Карамышев А. В.

Среди исследователей нет единодушия по вопросу о том, каким по характеру должно быть правовое регулирование искусственного интеллекта – универсальным или направленным на регламентацию конкретных новых систем искусственного интеллекта. На сегодняшний день применение искусственного интеллекта практически не обеспечено должной международной основой.

Первые примеры регулирования непосредственно технологий ИИ относятся к медицине и государственному управлению. Например, директива об автоматизированном принятии решений для федеральных учреждений (Канада, 2019). Соблюдение директивы обязательно с 1 апреля 2020 г. и предполагает периодичность проведения проверки каждые 6 месяцев. Эта директива распространяется на все автоматизированные системы принятия решений, разработанные или приобретённые после 1 апреля 2020 г. Последствия несоблюдения директивы варьируются от профилактических мер вплоть до требований по «заморозке» системы и существенных ограничений работы организации. Правительство Канады все чаще стремится использовать искусственный интеллект для принятия или поддержки административных решений по улучшению предоставления услуг. Правительство намерено использовать искусственный интеллект таким образом, чтобы это соответствовало основным принципам административного права, таким как прозрачность, подотчетность, законность и процессуальная справедливость. Директива применяется к любой системе, инструменту или статистической модели, используемой для принятия административного решения или соответствующей оценки клиента. Эта директива распространяется только на автоматизированные системы принятия решений в производственной среде и не распространяется на системы, работающие в тестовой среде. Пример регулирования ИИ в государственном управлении в Канаде демонстрирует важность соблюдения этических и правовых стандартов при использовании технологий в государственных учреждениях. Регулярные проверки систем, разработанных после 1 апреля 2020 г., подчеркивают необходимость мониторинга и оценки влияния ИИ на

процессы принятия решений. Это также помогает выявлять потенциальные риски и недостатки, которые могут возникнуть при использовании автоматизированных систем. Интересно, что директива не распространяется на тестовые системы, что может быть связано с необходимостью экспериментирования и доработки технологий перед их внедрением в реальную практику. Это создает пространство для инноваций, но также поднимает вопросы о том, как обеспечить безопасность и этичность таких тестов.

Особое внимание, по мнению ряда исследователей, следует уделить принципам правового регулирования исследуемой тематики. В Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года Российской Федерации предусмотрены такие принципы, как стимулирование развития технологий регуляторными средствами («стимулирование как основа регулирования»); регуляторное воздействие, основанное на рискориентированном, междисциплинарном подходе; расширение применения инструментов со-регулирования и саморегулирования, формирование кодексов (сводов) этических правил; человекоориентированный подход.

К основной проблеме правового регулирования в рассматриваемой сфере относится проблема ответственности за причиненный технологией искусственного интеллекта вред. Является ли разумный робот объектом или субъектом? Можно ли рассматривать искусственный интеллект как технический объект, находящийся под контролем человека, или же объект, обладающий элементами автономии?

Анализ научной литературы, международных актов позволяет вывести ряд доминирующих положений в правовом регулировании искусственного интеллекта: системы искусственного интеллекта должны рассматриваться исключительно как объекты; ответственность за причиненный ими вред несут владельцы и пользователи, но при возрастании автономности систем искусственного интеллекта их ответственность может изменяться в сторону уменьшения; необходимо обсуждение проблем, возникающих в этой сфере.

Что касается Республики Беларусь, то вопросы цифровой трансформации поднимаются в ряде документов стратегического планирования. Декрет Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики» предоставляет резидентам Парка высоких технологий право на осуществление в установленном порядке деятельности в сфере ИИ. Несмотря на постепенное совершенствование законодательства в сфере цифровых технологий, информатизации, вопросам создания, внедрения, использования технологий с ИИ уделено недостаточно внимания. В 2023 г. Беларусь разработала и предложила странам СНГ проект модельного закона о регулировании ИИ. Окончательно разработка модельного закона СНГ о технологиях искусственного интеллекта завершится в 2025 г.

Павлючук С. М.

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ УГРОЗ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Павлючук Светлана Максимовна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, svetatiger16@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Валюшко-Орса Н. В.

На современном этапе развития общества и государства вопросы в сфере информационной безопасности становятся все более актуальными.

В соответствии с Концепцией информационной безопасности Республики Беларусь, утвержденной постановлением Совета Безопасности Республики Беларусь от 18 марта 2019 г. № 1 (далее – Концепция), информационная безопасность – состояние защищенности сбалансированных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз в информационной сфере.

Следует отметить, что весьма важным на современном этапе является вопрос о классификации угроз информационной безопасности, так как информационная безопасность тесно взаимосвязана с угрозами в информационной сфере, а именно с их нейтрализацией и защитой от них.

В Концепции представлена лишь одна классификация исходя из определения информационной безопасности: внешние и внутренние угрозы. Однако законодатель раскрывает эти понятия в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Решением Всебелорусского народного собрания от 25 апреля 2024 г. № 5. В п. 37 названной Концепции закреплено, что в информационной сфере внутренними источниками угроз национальной безопасности являются: зависимость Республики Беларусь от импорта информационных технологий, средств информатизации и защиты информации, неконтролируемое их использование в системах, отказ или разрушение которых может причинить вред национальной безопасности; активное использование информационно-коммуникационных технологий для совершения правонарушений и др. Кроме того, определено, что внешними источниками угроз национальной безопасности в информационной сфере являются: доминирование ведущих зарубежных государств в мировом информационном пространстве, монополизация ключевых сегментов информационных рынков зарубежными информационными структурами и др. (п. 46).

Обращаясь к научной доктрине, некоторые авторы, например Т. А. Заяц, в статье «Организация систем информационной безопасности в бизнесе» предлагает следующую классификацию угроз информационной безопасности: по характеру происхождения угроз (стихийные, антропогенные, техногенные); по расположению источника угроз (внешние и внутренние); по объекту информационной безопасности, на который направлены угрозы (угрозы конфиденциальности, угрозы целостности, угрозы доступности).

Такие авторы, как А. С. Соколовская и Э. Ш. Шацкая в статье «Информационная безопасность: угрозы и меры противодействия» по природе возникновения угрозы информационной безопасности делят на четыре группы: естественные, искусственные, непреднамеренные (случайные) и преднамеренные (умышленные).

Исходя из Концепции и изученной научной доктрины предлагаем следующую классификацию угроз информационной безопасности.

По причине происхождения: естественные (катаклизмы, независящие от человека, приводящие к сбою программ и утечке данных); искусственные, которые также делятся на: непреднамеренные (ошибки сотрудников, человеческий фактор) и преднамеренные (кибератаки, кибертерроризм).

По источнику происхождения: внутренние (источники угроз, которые находятся внутри системы); внешние (источники угроз за пределами системы, несанкционированный доступ к секретной информации, шпионаж).

По степени воздействия: пассивные и активные. Пассивные угрозы заключаются в несанкционированном доступе к информации, не препятствующем работе системы. Например, получение информации без изменения внутреннего кода системы.

Целью активных угроз является подрыв функционирования системы и уничтожение основных компонентов, нарушающих стабильную работоспособность.

Резюмируя вышеизложенное, представляется целесообразным закрепить предлагаемую нами классификацию угроз информационной безопасности в Концепции информационной безопасности Республики Беларусь для оптимальной защиты интересов личности, общества и государства.

Платонова И. Е.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КРИПТОВАЛЮТЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Платонова Ирина Евгеньевна, студентка 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, platonova.ira.2004@gmail.com

Научный руководитель: старший преподаватель Кавалей З. О.

Первым и значительным шагом в правовом регулировании криптовалют в Республике Беларусь стало принятие Декрета Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики» (далее – Декрет № 8). Так, на законодательном уровне были закреплены следующие термины: виртуальный кошелек, криптовалюта, майнинг, цифровой знак (токен), реестр блоков транзакций (блокчейн).

В соответствии с Декретом № 8, криптовалюта – биткоин, иной цифровой знак (токен), используемый в международном обороте в качестве универсального средства обмена. Следовательно, на данный момент в Республике Беларусь криптовалюта, имея стоимостное выражение, не

является платежным средством. Несмотря на закрепление данного термина в законодательстве, сегодня отсутствует единый подход к пониманию сущности криптовалюты как правового явления, что порождает проблемы, связанные с механизмом правового регулирования.

Следует отметить, что в рамках мировой экономики происходит интенсивное развитие рынка криптовалюты. Так, в целях совершенствования цифровой экономики Республики Беларусь, считаем необходимым рассмотреть возможность внедрения криптовалюты как средства платежа. Безусловно, введение новых финансовых активов в финансово-кредитную систему государства требует детального правового регулирования. Однако, ввиду анонимности, большой волатильности криптовалюты, а также возможности взлома цифровых кошельков, и при условии наличия механизма правового регулирования, стоит подходить к этому вопросу с большой осторожностью, так как в данном случае речь идет о национальной экономической безопасности государства.

Так, И. А. Маньковский предлагает «в целях защиты бюджетных средств и предупреждения противоправных посягательств в указанной сфере ввести криптовалюту в гражданский и, соответственно, экономический оборот лишь в частном секторе национальной экономики». Данный подход позволяет внедрить криптовалюту в национальную экономику, что позволит «включиться в перспективные экономические процессы на глобальном уровне». Автор предлагает также возложить на Центральный банк функции регулирования и контроля крипторынка.

По нашему мнению, контроль уполномоченными государственными органами за деятельностью по созданию и применению криптовалюты должен осуществляться, включая налогообложение ее оборотов. Что касается налогообложения операций с криптовалютой в данное время, то Указом Президента Республики Беларусь от 28 марта 2023 г. № 80 «Об отдельных вопросах налогообложения» продлевается действие налоговых льгот, предусмотренных Декретом № 8 до 1 января 2025 г.

На сегодняшний день ключевые положения Декрета № 8 предоставляют возможность физическим лицам владеть токенами и совершать следующие операции: майнинг, хранение токенов в виртуальных кошельках, обмен токенов на иные токены, их приобретение, отчуждение за белорусские рубли, иностранную валюту, электронные деньги, а также дарить и завещать токены. Также Указом Президента Республики Беларусь от 17 сентября 2024 г. № 367 «Об обращении цифровых знаков (токенов)» определено, что физические лица, в том числе индивидуальные предприниматели – резиденты Парка высоких технологий могут совершать сделки (операции) по приобретению токенов путем передачи, перечисления (перевода) белорусских рублей, иностранной валюты, электронных денег исключительно с привлечением операторов криптоплатформ, операторов обмена криптовалют, иных резидентов Парка высоких технологий, осуществляющих соответствующий вид деятельности.

Важно отметить, что все перечисленные ранее операции физические лица могут осуществлять лишь в своих личных целях. Деятельность, совершаемая с криптовалютой в интересах третьих лиц, признается противоправной и квалифицируется как незаконная предпринимательская деятельность. К сожалению, на практике существует проблема неоднозначного понимания физическими лицами законных и незаконных операций с криптовалютой.

На наш взгляд, разработка нового нормативного правового акта, в котором более четко будет проведена граница между запрещенными и разрешенными действиями, производимыми с криптовалютой, поспособствует решению данной проблемы.

В заключение следует отметить то, что, несмотря на наличие как положительных, так и отрицательных признаков криптовалюты как средства платежа, необходимо рассмотреть возможность внедрения криптовалюты в национальную экономику государства. Стоит признать, что создание нового механизма правового регулирования потребует серьезных усилий со стороны государственных органов. Однако развитие цифровой экономики поспособствует глобальному развитию всей экономической системы государства. Говоря о проблемах правового регулирования криптовалюты как универсального средства обмена, требуется детализация законодательства.

Поболь В. А.

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕИСПОЛНЕНИЕ РОДИТЕЛЯМИ И ИНЫМИ ЗАКОННЫМИ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОБЯЗАННОСТЕЙ ПО ИХ СОДЕРЖАНИЮ И ВОСПИТАНИЮ

Поболь Виктория Андреевна, студентка 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, pobol.lena@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук Рамазанова Н. О.

За последние годы прослеживаются увеличивающиеся тенденции к злоупотреблению родительскими правами, неисполнению родительских обязанностей, увеличению числа детей, лишенных родительского попечения. Несовершеннолетние оказываются в социально опасном положении, которое представляет угрозу для жизни. Для того чтобы родители выполняли возложенные на них обязанности надлежащим образом, законодатель предусмотрел применение к ним мер воздействия в виде административной ответственности. В последние годы в Республике Беларусь принят ряд нормативных правовых актов, направленных на повышение родительской ответственности за воспитание детей. В них пристальное внимание уделяется проблеме прав, предоставляемых родителям для достижения главной цели – надлежащего воспитания подрастающего поколения.

Так, в ч. 3 ст. 32 Конституции Республики Беларусь закреплены обязанности родителей в воспитании детей, заботы об их здоровье, развитии

и обучении. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье (далее – КоБС) устанавливает, что родители несут ответственность за воспитание своих детей: они обязаны заботиться о физическом, духовном и нравственном развитии детей, об их здоровье, образовании и подготовке к самостоятельной жизни в обществе (ст. 75).

В случае невыполнения или ненадлежащего выполнения родителями обязанностей по воспитанию детей к ним применяются меры воздействия, предусмотренные брачно-семейным законодательством. Высшей мерой семейно-правовой ответственности за виновное невыполнение «родительского долга» является лишение родительских прав, которое производится только в судебном порядке.

В соответствии с Кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП) административная ответственность родителей понимается как вид юридической ответственности, который состоит в применении административного взыскания за виновное деяние. Объектом правонарушения по ст. 10.3 КоАП являются общественные отношения в сфере защиты прав и законных интересов детей, складывающиеся по поводу выполнения конституционной обязанности родителей воспитывать детей. Согласно ч. 1 ст. 10.3 КоАП за невыполнение родителями или лицами, их заменяющими, обязанностей по воспитанию детей, повлекшее совершение несовершеннолетним деяния, содержащего признаки административного правонарушения либо преступления, но не достигшим ко времени совершения такого деяния возраста, с которого наступает административная или уголовная ответственность за совершенное деяние, – влечет предупреждение или наложение штрафа в размере до десяти базовых величин. В соответствии с ч. 2 ст. 10.3 КоАП неисполнение родителями или лицами, их заменяющими, обязанностей по сопровождению несовершеннолетнего в возрасте до шестнадцати лет либо по обеспечению его сопровождения совершеннолетним лицом в период с двадцати трех до шести часов вне жилища – влечет предупреждение или наложение штрафа в размере до двух базовых величин.

Ответственность семьи за ребенка закреплена и ст. 17 Закона Республики Беларусь от 19 ноября 1993 г. № 2570-XII «О правах ребенка» Родители (опекуны, попечители) должны создавать необходимые условия для полноценного развития, воспитания, образования, укрепления здоровья ребенка и подготовки его к самостоятельной жизни в семье и обществе. Законные представители обязаны сопровождать детей, не достигших возраста шестнадцати лет, в период с двадцати трех до шести часов вне жилища либо обеспечивать их сопровождение совершеннолетними лицами». В ч. 5 ст. 17 этого же Закона закреплено, что в случаях, установленных законодательными актами Республики Беларусь, родители (опекуны, попечители) несут ответственность за нарушение детьми законодательства Республики Беларусь, т. е. за совершение ребенком, не достигшим возраста административной либо уголовной ответственности, деяния, содержащего

признаки правонарушения либо преступления, предусматривается административная ответственность родителей или лиц, их замещающих.

Таким образом, в современных условиях, когда общественные и семейные ценности подвергаются различным испытаниям, необходимость контроля за выполнением родительских обязанностей становится особенно актуальной. Административная ответственность в данной сфере играет ключевую роль в формировании ответственного поведения родителей, стимулируя их к выполнению обязательств перед детьми. Это позволяет создать более здоровую и безопасную среду для роста и развития подрастающего поколения, что в свою очередь является залогом устойчивого будущего общества.

Тилигузов К. П.

ДИСЦИПЛИНА И ПРАВОПОРЯДОК В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ

Тилигузов Кирилл Петрович, студент 1 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, kirilltilig@yandex.by

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Михайловский В. С.

Закон, правопорядок и дисциплина необходимы для эффективного государственного управления. Актуальность данной темы заключается в увеличении народного доверия к органам государственного управления, этот вопрос становится определяющим для предотвращения коррупции. Необходимость данной темы заключается в обнаружении недочетов в нынешнем законодательстве и, соответственно, предложении решения данных недочетов. Целью данной работы является точное отображение сути дисциплины и правопорядка в системе государственного управления, демонстрация методов обеспечения дисциплины и правопорядка в госуправлении.

Дисциплина является, во-первых, определенным порядком поведения людей, отвечающим сложившимся в обществе нормам права и морали, а также требованиям той или иной организации. Во-вторых, это своевременное и надлежащее выполнение правил и обязательств, соблюдение принятых законов и норм экономической деятельности. В-третьих, отрасль научного знания, учебный предмет.

Правопорядок – это вид общественного порядка, предусмотренный правовыми нормами и основанный на реализации принципа законности, представляющий собой упорядоченность и организованность общественных отношений.

Обеспечение дисциплины среди государственных служащих и в государственных органах управления способствует надлежащему исполнению их функций, а поддержание правопорядка позволяет государству выполнять свои задачи по защите прав и свобод граждан. Основными способами обеспечения дисциплины и правопорядка являются:

законодательные меры, контроль и надзор, административные меры, образовательные программы и повышение квалификации.

Существует два базовых вида обеспечения правопорядка и дисциплины в государстве: контроль и надзор. Контроль – это процесс наблюдения и оценки действий государственных органов и должностных лиц для обеспечения их деятельности в согласии с законами и установленными правилами. Государственный надзор – это деятельность специальных государственных органов по надзору за неподведомственными им лицами, направленная на предупреждение, выявление и пресечение нарушений требований нормативных правовых актов, в процессе которого могут применяться меры государственного принуждения.

Государственный надзор осуществляется в следующих формах: выборочные проверки (проводятся для оценки соблюдения утвержденных правил и стандартов), внеплановые проверки (проводятся по особым причинам, не предусмотренным планами проверок; эти проверки могут быть проведены после получения жалоб и заявлений от граждан и организаций, если есть свидетельства нарушения законодательства), мероприятия технического характера (включают действия для проверки, соответствуют ли технологические процессы и технические средства установленным стандартам и нормам), меры профилактического и предупредительного характера (направлены на повышение осведомленности субъектов о требованиях законодательства и предотвращение возможных нарушений).

Если говорить про государственный контроль, то, исходя из Указа Президента Республики Беларусь 16 октября 2017 г. № 376, можно заявить, что государственный контроль осуществляется в формах выборочных проверок, внеплановых проверок, мероприятий технического характера,

Таким образом, правопорядок и дисциплина играют определяющую роль в обеспечении государственного управления. Контроль и надзор способствуют поддержанию дисциплины и соблюдению законов.

Федорович А. А.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ АДМИНИСТРАТИВНЫХ АКТОВ В ЗАРУБЕЖНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Федорович Анастасия Андреевна, студентка 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, anastasiafedorovic711@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Карамышев А. В.

Тема административной процедуры является относительно новой для стран, ранее входивших в состав СССР. Это связано с тем, что в СССР не было традиции законодательного регулирования процедур, связанных с деятельностью органов государственного управления. Это направление стало актуальным после обретения ими независимости и необходимости создания собственной нормативно-правовой базы в новых условиях.

Обязательным для абсолютного большинства административно-процедурных законов стран бывшего СССР является наличие отдельного раздела, посвященного детальному регулированию административных актов. Типичным для законов (кодексов) об административной процедуре зарубежных государств является закрепление правовых понятий «административный акт», «благоприятный административный акт», «обременяющий административный акт», «законный административный акт», «незаконный административный акт», «ничтожный административный акт». При этом законы устанавливают различные правовые последствия принятия таких актов. Действительно, характер будущего административного акта влияет на объем действий, которые должен предпринять административный орган при его принятии. При благоприятном акте административный орган должен учитывать мнение адресата, а также тщательно обосновывать принимаемое решение, т. е. четкое законодательное закрепление этих категорий способствует повышению гарантий защиты прав и законных интересов граждан и организаций в отношениях с государственной администрацией. Например, «незаконный благоприятствующий административный акт» по общему правилу не подлежит отмене, исходя из принципа защиты доверия частного лица к вынесенному акту. Законы определяют ограниченные основания для такой отмены.

Позитивным достижением стран бывшего СССР является также законодательное урегулирование вопросов, которые ранее обсуждались лишь на уровне юридической науки. В частности, это касается понятия «ничтожного административного акта». Подходы большинства наших стран относительно определения ничтожного административного акта, т. е. акта, который вообще не имеет юридической силы с момента принятия, схожи и касаются очевидных ошибок такого акта. Например, в законе Туркменистана «Об административных процедурах» среди оснований для ничтожности административного акта перечисляются случаи, когда невозможно установить, каким административным органом он принят; он был принят некомпетентным административным органом; он требует от заинтересованного лица совершения противоправного деяния, которое является преступлением либо административным правонарушением и др. Ничтожный административный акт недействителен с момента его принятия и не подлежит применению или исполнению. Неисполнение ничтожного административного акта не влечет какую-либо ответственность для заинтересованного лица. Для признания акта ничтожным никакая процедура, как правило, не требуется, но в наших странах частным лицам предоставляется возможность обращения в органы власти за признанием акта ничтожным, что тоже абсолютно оправдано.

Для большинства стран, ранее состоявших в СССР, новым подходом является порядок вступления в силу административных актов. Если раньше считалось, что индивидуальный административный акт вступает в силу с момента его принятия (такое правило до сих пор действует в законодательстве Республики Беларусь), то сейчас более обоснованным

признается правило о вступлении акта в силу с момента его доведения до сведения адресата и/или других лиц, чьи права и законные интересы затрагиваются данным актом. При этом крайне важно, чтобы законы содержали четкие положения о порядке уведомления о принятии административного акта, а также презумпции, определяющие момент ознакомления соответствующих лиц с таким актом.

Еще одним интересным моментом является урегулирование вопроса о сроке действия административного акта. Очень детально этот вопрос прописан в Законе Армении. Административный акт, принятый на определенный срок, действует до истечения предусмотренного им срока. Административный акт, принятый на неопределенный срок действует до тех пор, пока не заменен другим актом или не признан утратившим силу. Но особенно полезными кажутся нормы упомянутого Закона, согласно которым, если решение регулируемого вопроса связано с совершением определенного действия или с наступлением события, то срок действия такого акта заканчивается в момент исполнения этого условия. Такая норма также очень полезна, поскольку не позволяет ревизовать уже исчерпавшие себя административные акты. Хотя следует признать, что в этом вопросе подходы стран отличаются. Для Республики Беларусь такая систематизация весьма интересна, поскольку фактически такие акты на практике имеют место. Зарубежный опыт регламентации административных актов может быть использован при совершенствовании законодательства Беларуси.

Щербин Н. А.

К ВОПРОСУ О ЦИФРОВИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Щербин Николай Александрович, студент 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, nihodi8@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Краснобаева Л. А.

Республика Беларусь прошла несколько этапов цифровизации государственного управления, первым из которых стало принятие постановления Совета Министров от 27 ноября 1995 г. № 444 «О программе информатизации Республики Беларусь». Этот документ поставил цель ускорить информатизацию страны и создать информационную сеть как неотъемлемую часть инфраструктуры рыночной экономики.

Важным шагом в развитии цифровизации стало утверждение Государственной программы «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы (постановление Совета Министров от 2 февраля 2021 г. № 66). Программный документ нацелен на дальнейшее совершенствование цифровой инфраструктуры, повышение уровня цифровизации отраслей экономики и подготовку кадров в сфере информационных технологий. Государственная программа содержит информацию об уже реализованных проектах в области цифровизации, таких как развитие телекоммуникационной

инфраструктуры, массовое подключение физических и юридических лиц к волоконно-оптическим линиям связи, модернизация Общегосударственной автоматизированной информационной системы (ОАИС), цифровизация медицинского сектора и многие другие.

В настоящее время Республика Беларусь занимает лидирующие позиции в рейтингах цифровизации. Согласно отчету Организации Объединенных Наций о развитии электронного правительства за 2022 год Беларусь продемонстрировала высокие результаты в субиндексе человеческого капитала, войдя в первую тридцатку из 193 стран, участвующих в рейтинге. В отчете Всемирной организации интеллектуальной собственности Беларусь занимает 38 место среди 133 по показателю «Доступ к информационно-коммуникативным технологиям» и 55 место по показателю «Использование информационно-коммуникативных технологий».

В Республике Беларусь созданы основополагающие информационные системы для функционирования электронного правительства:

– система межведомственного документооборота государственных органов (СМДО) – разработана для облегчения обмена электронными документами между различными инстанциями;

– общегосударственная автоматизированная информационная система (ОАИС) – предназначена для объединения всех государственных информационных ресурсов и систем;

– Государственная система управления открытыми ключами проверки электронной цифровой подписи (ГосСУОК) – включает в себя сеть аккредитованных организаций, предоставляющих услуги по распространению открытых ключей для создания и проверки цифровых подписей.

Кроме того, в Республике Беларусь функционирует множество автоматизированных информационных систем: АИС «ИДО», АИС «Отчет», АИС «Электронный чек», АИС «Учет многодетных семей», АИС «Расчет налогов», АИС «ЕГР», АИС «Конфискат» и многие другие. Для оптимизации процессов взаимодействия на уровне G2C (взаимодействие между государством и гражданами) был создан сайт «обращения.бел». Доступ к системе «обращения.бел» бесплатный и воспользоваться ею могут как заявители, так и государственные органы и иные организации, к которым поступают обращения в электронной форме.

Подводя итог, можно с уверенностью сказать, что политика цифровизации государственного управления в Республике Беларусь успешно реализуется, что подтверждается высокими позициями страны в международных рейтингах. Создана эффективная система электронного правительства, включающая межведомственный документооборот, общегосударственную информационную систему и другие ключевые компоненты. Это свидетельствует о постоянном стремлении к развитию цифровой инфраструктуры и повышению уровня цифровизации в стране.

Яковлев К. С.

ОСНОВЫ ФРАНЦУЗСКОЙ МОДЕЛИ ОКАЗАНИЯ ПУБЛИЧНЫХ УСЛУГ

Яковлев Кирилл Семенович, студент 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, kirillstorto@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Краснобаева Л. А.

Актуальным направлением государственного строительства в Республике Беларусь является совершенствование правового регулирования оказания публичных услуг населению. В связи с этим актуализируется вопрос изучения иностранных моделей оказания публичных услуг.

Понятие публичной услуги в административном праве Франции определяется через понятие публичной службы. По мнению Э. В. Талапиной, современное французское административное право основывается на трех «китах»: юридических лицах публичного права, публичных службах и административной юстиции. Содержание понятия публичной службы расширялось с конца XIX в. в связи с деятельностью системы административной юстиции, в частности, Государственного совета. Публичная служба в первую очередь определяется как деятельность, осуществляемая в целях удовлетворения общественных интересов под контролем/опекой (финансированием или назначением лиц в органы управления юридического лица) полномочных лиц публичной администрации (постановления Государственного совета от 22 января 1921 г., от 28 июня 1963 г.). Публичная услуга определяется как способ осуществления деятельности, вместе с целями отличающий публичную службу от полиции (Ж. Ведель), а также фактическая деятельность (форма) реализации функций публичной администрации (Г. Бребан). При этом следует учитывать, что обеспечение публичного порядка как основная цель полиции позволяет поставить последнюю на одну ценностную плоскость с публичной службой. Отличие по критерию цели проводится в связи с тем, что обеспечение публичного порядка – основная и стабильная цель полиции, цель же публичной службы постоянно изменяется в соответствии с потребностями населения.

Любую деятельность составляют объект и субъект. Объект публичной службы можно определить как общественные отношения между участниками административно-управленческой системы. Первоначально субъектами публичной службы выступали публичные юридические лица: само государство, территориальные образования, публичные учреждения, в связи с чем публичная служба получала органический (формальный) признак, позволявший отличать ее от любой другой деятельности, отвечающей коллективным потребностям (материальный признак). Данные лица реализовывали публичные полномочия, действовали преимущественно в режиме административного права и были подсудны административной юстиции. Однако постепенно правоприменительная практика признала существование публичных служб торгового и промышленного характера, осуществляемых учреждениями, преимущественно подчиненными режиму частного права: их персонал в принципе подчинен режиму Трудового

кодекса Франции, и тем самым он приравнивается к лицам наемного труда в частном секторе, они располагают финансовыми счетами коммерческого типа и подчинены тем же правилам налогообложения, что и предприятия частного сектора, и, наконец, они совершают коммерческую деятельность в соответствии с нормами торгового законодательства. Появились примеры злоупотребления неопределенностью публичных служб: учреждения, работники которых по статусу являлись государственными служащими, выполнявшие управленческие функции, но преимущественно подчиненные режиму частного права. Решение неопределенности публичной службы было построено на следующих позициях: 1) правовой режим публичной службы всегда подчинен нормам административного права в определенной степени; 2) публичные службы подразделяются на службы административного и коммерческого характера; 3) службы административного характера осуществляются юридическими лицами публичного права – государственными управленческими учреждениями.

Практическое назначение разграничения служб административного и коммерческого характера заключается в определении полномочий, непередаваемых лицам, преимущественно подчиненным нормам частного права; разграничении государственных управленческих и коммерческих учреждений – в определении применимого права и подсудности. Таким образом, публичные услуги во Франции в первую очередь составляют объект правового регулирования административного права. В течение длительного промежутка времени французское административное право не нуждалось в систематизации административных процедур, однако положение изменилось в 2015 г. с принятием Кодекса «О взаимодействии между обществом и администрацией». Интерес представляет то, что Кодекс регулирует процедурные вопросы административных актов (издания, действия, содержания), совершения иных юридически значимых действий администрацией, под которой понимаются государство и выступающие от его имени образования, территориальные образования, государственные управленческие учреждения, а также иные лица публичного и частного права, наделенные задачами в сфере административных служб (ст. L100-3). На наш взгляд, из толкования публичной услуги как способа (одного из) осуществления публичной службы, формы реализации функции, напрашивается вывод о том, что предоставление публичных услуг во французской модели не рассматривается в качестве полномочной деятельности, но скорее как фактической деятельности, осуществляемой под контролем, от имени администрации. Если такая деятельность еще и реализует службы административного характера, то она регулируется нормами административного процедурно-процессуального права.

В завершение следует подчеркнуть, что признание публичной услуги как предмета административно-правового регулирования будет способствовать выделению категории субъективных прав граждан на получение публичной услуги и формированию специального субъектного состава, осуществляющего их предоставление.

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ, ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ И АГРАРНОЕ ПРАВО

Ашарчук Я. В.

СИСТЕМА ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ ОХРАНУ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ НА МЕЖДУНАРОДНОМ И НАЦИОНАЛЬНОМ УРОВНЯХ

Ашарчук Янина Владимировна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, yanina.asharchuk@gmail.com

Научный руководитель: доктор юрид. наук, профессор Макарова Т. И.

В Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» обозначены 17 Целей устойчивого развития (далее – ЦУР), которые охватывают социальную, экологическую и экономическую сферы.

Согласно ч. 1 ст. 11 Закона Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» Министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь (далее – Минприроды) определено координатором Целей устойчивого развития экологической направленности. К таким отнесены: цель 6 «Чистая вода и санитария»; цель 9 «Индустриализация, инновации и инфраструктура»; цель 11 «Устойчивые города и населенные пункты»; цель 12 «Ответственное потребление и производство»; цель 13 «Борьба с изменением климата»; цель 14 «Сохранение морских экосистем»; цель 15 «Сохранение экосистем суши»; цель 17 «Партнерство в интересах устойчивого развития».

В Государственной программе «Охрана окружающей среды и устойчивое использование природных ресурсов» на 2021–2025 гг., ответственным заказчиком которой является Минприроды, в качестве эколого-ориентированных указаны цели 6, 12, 13, 15. В названной государственной программе не упоминается ЦУР 14, так как считается, что Республика Беларусь ввиду отсутствия выхода к морю не может выполнять задачи данной цели. Следует не согласиться с таким подходом, поскольку наше государство находится на Черноморско-Балтийском водоразделе, следовательно, наши реки впадают в моря, поэтому от качества наших рек зависит и состояние морской среды. Более того, крупные реки Беларуси являются трансграничными и подпадают под действие Конвенции по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер 1992 г., стороной которой является Республика Беларусь.

Как видим, Минприроды предлагает широкий взгляд на ЦУР экологической направленности, включая цели, только частично направленные на охрану окружающей среды, например, ЦУР 9, 11 и 17. Так, в перечне показателей ЦУР 9 и 11 назван такой объект охраны, как

атмосферный воздух, на который в ходе осуществления экономической деятельности оказывается вредное воздействие (выбросы городов, предприятий). Цель 17 обеспечивает сотрудничество в области устойчивого развития, поэтому данная цель охватывает взаимодействие различных государственных органов, организаций и населения в рамках охраны окружающей среды.

Отдельно стоит выделить ЦУР 7 «Недорогостоящая и чистая энергия». В задаче 7а ЦУР 7 установлено положение о технологиях в области экологически чистой энергетики, следовательно, должны создаваться такие источники энергии, которые не оказывают вредного воздействия на окружающую среду. ЦУР 12 направлена на рациональное использование природных ресурсов.

Систематизацию Целей устойчивого развития можно провести и в зависимости от объекта охраны – компонента природной среды либо природного объекта. Большинство из них включаются в ЦУР 15 (земля, леса, недра, болота, растительный и животный мир в его видовом разнообразии), а также ЦУР 6 (леса, недра, болота, воды), ЦУР 14 (морская среда), ЦУР 13 (климат), ЦУР 9 и 11 (атмосферный воздух).

Таким образом, предлагается систематизировать Цели устойчивого развития, обеспечивающие охрану окружающей среды, следующим образом:

1) Цели устойчивого развития, направленные на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов: ЦУР 6, ЦУР 12, ЦУР 13, ЦУР 14 и ЦУР 15;

2) Цели устойчивого развития, смежные первой группе, обеспечивающие, кроме природоохранных, социальные и экономические задачи: ЦУР 7, ЦУР 9, ЦУР 11, ЦУР 17;

3) иные Цели устойчивого развития (ЦУР 1, ЦУР 2, ЦУР 3, ЦУР 4, ЦУР 5, ЦУР 8, ЦУР 10, ЦУР 16), обеспечивающие соблюдение принципа «взаимосвязи и неделимости ЦУР» триады устойчивого развития – экономика, социальная сфера, охрана окружающей среды.

Балашенко Н. С.

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ ЗАКРЕПЛЕНИИ И РЕАЛИЗАЦИИ ТРЕБОВАНИЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СФЕРЕ ТЕПЛОЭНЕРГЕТИКИ

Балашенко Никита Сергеевич, аспирант Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, bns2001.by@gmail.com

Научный руководитель: доктор юрид. наук, доцент Шахрай И. С.

Теплоэнергетика занимает ключевое место в энергоснабжении, вместе с тем эта деятельность сопровождается значительным воздействием на окружающую среду загрязняющих веществ, углеводородными выбросами, а также потреблением водных и земельных ресурсов. В связи с этим

экологические требования становятся неотъемлемой частью правового регулирования отношений в этой сфере.

В соответствии со ст. 1 Закона Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г. № 1982-XII «Об охране окружающей среды» (в редакции от 17.07.2023) под «требованиями в области охраны окружающей среды (природоохранные требования, требования экологической безопасности)» понимаются «предъявляемые к хозяйственной и иной деятельности обязательные условия, ограничения или их совокупность, установленные законами, иными нормативными правовыми актами, в том числе обязательными для соблюдения техническими нормативными правовыми актами в области охраны окружающей среды, нормативами в области охраны окружающей среды».

Экологическая опасность тепловых электростанций (далее – ТЭС) предопределяется их воздействием на окружающую среду, которое в свою очередь можно подразделить на физические воздействия (акустическое воздействие, электромагнитное воздействие, радиационное, тепловое загрязнение), непосредственные воздействия, связанные с привнесением или изъятием из природной среды отдельных компонентов (химическое загрязнение, выбросы вредных веществ); косвенные воздействия (гравитационное осаждение твердых частиц и аэрозолей, химические реакции вредных веществ выброшенных в атмосферу и гидросферу). Таким образом, при обеспечении экологической безопасности в процессе деятельности ТЭС, следует учитывать особенности как отдельных видов, так и комплексного воздействия на окружающую среду.

Особенности требований к объектам теплоэнергетики устанавливаются п. 1 ст. 61 Закона «Об охране окружающей среды» и, помимо общих требований к объектам хозяйственной и иной деятельности, предусмотренных ст. 56–60 Закона, включают оснащение таких объектов сооружениями очистки выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух, сбросов сточных вод в окружающую среду, обеспечивающими выполнение требований в области охраны окружающей среды, безопасное размещение отходов производства, мероприятия по снижению образования и выбросов в окружающую среду газов, в том числе оказывающих влияние на климат, и соблюдению температурного режима поверхностных водных объектов.

В обеспечении экологической безопасности при функционировании объектов теплоэнергетики особое место занимает модернизация физически и морально устаревшего энергетического оборудования, модернизация тепловых сетей с истекшими сроками службы, постоянный мониторинг очистительного оборудования на объектах теплоэнергетики и соблюдение норм и стандартов.

В заключение следует еще раз отметить не только ключевую роль теплоэнергетического сектора в энерго- и теплоснабжении, но и существенное воздействие его деятельности на окружающую среду, изменение климата, вызываемое выбросами, увеличивающими концентрацию

углекислого газа в атмосфере, что рассматривается одной из наиболее актуальных проблем современности. Установленные законодательством экологические требования направлены на снижение этого воздействия путем регулирования выбросов, управления отходами и контроля за использованием природных ресурсов. Их соблюдение позволяет не только обеспечить экологическую безопасность объектов теплоэнергетики, но и повысить эффективность функционирования отрасли в правовом и техническом аспектах. Таким образом, внедрение и контроль исполнения экологических требований являются необходимым условием для сбалансированного развития теплоэнергетики и минимизации ее негативного влияния на природу.

Галдина Е. В.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Галдина Екатерина Владимировна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь,
galdina.ekkaterina@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Мороз О. В.

Одной из форм участия общественности в принятии экологически значимых решений является общественная экологическая экспертиза (далее – ОЭЭ). Ее значимость выражается в том, что именно общественность инициирует проведение ОЭЭ, посредством чего реализуется закрепленное в Конституции Республики Беларусь право каждого на благоприятную окружающую среду. Данная природоохранная мера имеет превентивный характер.

Наряду с ОЭЭ, правовое закрепление находит и государственная экологическая экспертиза (далее – ГЭЭ). При сравнении определений ОЭЭ и ГЭЭ, указанных в ст. 1 Закона Республики Беларусь от 18 июля 2016 г. № 399-З «О государственной экологической экспертизе, стратегической экологической оценке и оценке воздействия на окружающую среду» и п. 2 Положения о порядке организации и проведения общественной экологической экспертизы, утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 29 октября 2010 г. № 1592, становится очевидной их схожесть. Цели экологической экспертизы в целом, изложенные в ст. 37 Закона Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г. № 1982-XII «Об охране окружающей среды», выступают в качестве основы данных дефиниций. Отличие заключается только в расширении в определении ГЭЭ перечня документов, содержание которых подлежит оценке на соответствие требованиям экологического законодательства: «… и (или) иной документации». Считаем данное различие несущественным. Целесообразно внести изменения в легальные определения ОЭЭ и ГЭЭ: включить признаки, позволяющие их отграничить. В данном контексте

видится актуальным одно из предлагаемых в научной литературе определений, содержащее указание на ее инициаторов.

Перечень объектов, подлежащих ОЭЭ у́же в сравнении с ГЭЭ. Это не способствует учету мнения общественности при принятии экологически значимых решений в отношении тех проектных решений, которые подлежат ГЭЭ, но не подлежат ОЭЭ. При дальнейшем совершенствовании законодательства необходимо устранить данный недостаток.

ОЭЭ зависит от проведения общественных обсуждений отчетов об оценке воздействия на окружающую среду или докладов по стратегической экологической оценке. Прежде чем ее назначить, необходимо провести соответствующие общественные обсуждения. С одной стороны, такой подход способствует реализации участия общественности в принятии экологически значимых решений: специалисты, осуществляющие ОЭЭ, имеют доступ и к результатам общественных обсуждений. Другими словами, они могут получать материалы в том же составе, что и для проведения ГЭЭ, за исключением информации, распространение и (или) предоставление которой ограничено или запрещено законодательством. С другой стороны, существующая позиция законодателя не содействует расширению перечня объектов, подлежащих ОЭЭ, так как отмеченные обсуждения проводятся в отношении определенного круга объектов.

Койфман М. А.

ПРИНЯТИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО КОДЕКСА КАК НАПРАВЛЕНИЕ РЕАЛИЗАЦИИ ЭКОЛОГИЧЕСКО ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА

Койфман Михаил Александрович, студент 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, 6200602@gmail.com

Научный руководитель: доктор юрид. наук, профессор Макарова Т. И.

Пункт 2 ст. 46 Конституции Республики Беларусь гласит: «Государство осуществляет контроль за рациональным использованием природных ресурсов в целях защиты и улучшения условий жизни, а также охраны и восстановления окружающей среды».

Для достижения этой цели, согласно Единому правовому классификатору Республики Беларусь, в настоящее время в нашем государстве функционирует более ста нормативных правовых актов, регулирующих защиту окружающей среды и рациональное природопользование. Такое количество правовых документов нуждается в систематизации, в создании одного нормативного правового акта. Ученые-правоведы Республики Беларусь увидели решение проблемы в Экологическом кодексе, что отразилось в постановлении Совета Министров Республики Беларусь от 16 декабря 2005 г. «Об утверждении Концепции проекта Экологического кодекса Республики Беларусь», принятом в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 1 февраля 2005 г. № 55 «Об утверждении плана подготовки законопроектов на 2005 год» (далее – Концепция).

Идея Экологического кодекса не является новой, так как ее реализацию можно наблюдать в странах Европейского союза, например, во Франции, где Кодекс включает шесть книг, каждая из которых имеет разделы, главы, отделы и подотделы. Он состоит из Общей и Особенной частей (975 статей). Общая часть (книга I) включает в себя принципы, цели, экологическую ответственность. Особенная часть (книги II–VI) регламентирует охрану природы, лесов, вод, воздуха, обращение с опасными веществами, отходами.

Пример государств, использующих Экологический кодекс, встречается и среди стран – участниц ЕАЭС. Так, Экологический кодекс Республики Казахстан от 2 января 2021 г. № 400-VI ЗРК является уже вторым по счету. Кодекс основан на 12 принципах, наиболее важным из которых является принцип «загрязнитель платит», означающий, что предприятия, оказывающие негативное влияние на окружающую среду посредством осуществления своей хозяйственной деятельности, должны нести расходы по осуществлению мер по компенсации экологического ущерба окружающей среде. Наблюдая за результатами кодификации экологического законодательства в Республике Казахстан, можно сделать вывод, что принятие подобного нормативного правового акта в Республике Беларусь становится все более актуальным.

Тем не менее первая попытка создания Экологического кодекса Республики Беларусь не удалась. Последующий анализ Концепции, сделанный учеными-правоведами, позволил определить возможные причины неудачи:

1) разработка Экологического кодекса Республики Беларусь в настоящее время недостаточно целесообразна и обоснована в силу отсутствия предкодификационных мероприятий и недостаточного проведения иных форм систематизации;

2) Экологический кодекс в силу специфики отрасли не сможет максимально полно регулировать экологические правоотношения, но будет по замыслу Концепции представлять собой новую редакцию Закона «Об охране окружающей среды» с включением некоторых принципиальных положений, регулирующих некоторые институты Особенной части экологического права;

3) структурное реформирование экологического права нуждается в широком привлечении научного сообщества при финансировании его участия из бюджетных средств, выделяемых на разработку Экологического кодекса;

4) концепции наиболее важных законопроектов и кодексов целесообразно выносить на широкое, в том числе всенародное, обсуждение.

Определив причины, не дававшие возможность осуществить задуманное, принята вторая попытка: разработана Концепция проекта Экологического кодекса Республики Беларусь (далее – Экологический кодекс) в соответствии с п. 36 плана подготовки проектов законодательных актов на 2023 год, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 30 декабря 2022 г. № 467, и ст. 43 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах».

Принятие Экологического кодекса будет иметь положительный эффект не только для физических и юридических лиц Республики Беларусь, так как принесет с собой сокращение количества разнообразных правовых актов, регулирующих экологические отношения, модернизацию экологических норм и заполнение пробелов в законодательном регулировании охраны окружающей среды, приведение национального экологического законодательства в соответствие с европейскими и международными стандартами, что однозначно облегчит процесс ведения предпринимательской деятельности, но и значительно расширит влияние экологической функции государства, так как позволит сохранить функционирование природных экологических систем, эффективно использовать природные ресурсы, невозобновляемые сырьевые и энергетические ресурсы, а также минимизирует образование отходов.

Копыш В. А.

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ЗЕМЕЛЬНОГО СЕРВИТУТА

Копыш Виктория Андреевна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, kopyyshvvv@gmail.com

Научный руководитель: доктор юрид. наук, доцент Шахрай И. С.

Земельный сервитут является классическим институтом земельного и гражданского права, известным еще римскому частному праву. За время своего существования институт земельных сервитутов в римском праве претерпел существенные изменения, превратившись в довольно сложную, но достаточно упорядоченную конструкцию, которая активно используется и современным правом. В Республике Беларусь земельный сервитут введен в ходе земельно-правовой реформы 1990-х гг.

Согласно п. 1.19 ст. 1 Кодекса Республики Беларусь о земле от 23 июля 2008 г. № 425-З (в редакции от 18 июля 2022 г.) (далее – КоЗ) земельный сервитут – право ограниченного пользования чужим земельным участком, устанавливаемое для обеспечения прохода, проезда, прокладки и эксплуатации газопроводов, нефтепроводов, воздушных и кабельных линий электропередачи, линий электросвязи и других подобных сооружений, обеспечения водоснабжения и мелиорации, размещения геодезических пунктов, а также для иных целей, которые не могут быть обеспечены без предоставления такого права.

Земельный сервитут отнесен к ограничениям (обременениям) прав на земельные участки как ст. 3 КоЗ, так и Законом Республики Беларусь от 22 июля 2002 г. № 133-З «О государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним». Так, в качестве объекта государственной регистрации земельный сервитут упоминается и в Инструкции о порядке заполнения регистраторами свидетельства (удостоверения) о государственной регистрации, утвержденной постановлением Государственного комитета по имуществу Республики Беларусь от 24.08.2006 № 26, согласно

которой сведения о наличии ограничений (обременений) прав на земельные участки указываются в примечании свидетельства о государственной регистрации.

С учетом сказанного возникает вопрос о том, является земельный сервитут правом или ограничением (обременением) прав на земельный участок?

Противоречивые подходы можно наблюдать и в части гражданско-правового-регулирования земельного сервитута. В цивилистической литературе традиционно земельный сервитут рассматривается как вещное право ограниченного пользования земельным участком. Так, Е. А. Суханов предлагает рассматривать сервитут как возникающее на основе соглашения собственников соседних участков право ограниченного пользования соседним земельным участком. Трудности в отнесении земельного сервитута к праву или ограничению (обременению) обусловлены параллельным использованием в ст. 268 Гражданского кодекса Республики Беларусь (ГК) от 7 декабря 1998 г. № 218-З понятий «право ограниченного пользования чужим земельным участком» и «обременение сервитутом». Нельзя не отметить и то, что земельный сервитут является земельно-правовым институтом, и, исходя из ст. 1 ГК, к земельным отношениям гражданское законодательство применяется только в части, не противоречащей земельному законодательству.

Рассматривая земельный сервитут как ограничение (обременение) прав ученые (Я. С. Солодова, В. В. Игнатович, О. А. Хотько) отмечают, что ограничение (обременение) не есть само вещное право, а это элемент вещных прав. Принимая во внимание данное положение, необходимо уточнить, что ограничения не идентичны обременениям. Однако в новой редакции КоЗ законодатель отказался от понятия «вещное право», что обосновано с учетом специфики права землепользования, в том числе земельного сервитута как права ограниченного пользования «чужим» земельным участком.

При этом между земельным сервитутом и ограничением (обременением) есть различия по способу установления, по целям установления, по сроку установления, по возможности назначения платы за пользование земельным участком. Именно по этой причине О. А. Хотько рассматривает земельный сервитут как вид обременения прав на земельный участок, отмечая при этом, что земельный сервитут является классической формой обременения земельного участка. Мнение Л. В. Щенниковой заключается в том, что земельный сервитут следует понимать как обременение земельного участка, которое может заключаться как в ограниченных полномочиях по его использованию другим собственником, так и в ограничении собственных полномочий.

Таким образом, земельный сервитут имеет дуалистическую правовую природу, одновременно являясь как правом ограниченного пользования земельным участком, так и правовой формой ограничения (обременения) прав на земельные участки.

Малюгина Е. И.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ТУРИЗМА

Малюгина Елизавета Ивановна, студентка 1 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, lizula170916@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Жлоба А. А.

В юридической литературе под экологическим туризмом, или экотуризмом, часто понимают вид туризма, ориентированный на изучение природы и культурного наследия с минимальным антропогенным воздействием на окружающую среду.

Основные принципы экологического туризма включают: устойчивое использование природных ресурсов; сохранение биологического разнообразия; поддержка местных сообществ и их культурного наследия.

Такой подход способствует созданию устойчивой туристической практики, которая приносит экономическую выгоду без вреда для окружающей среды.

Экотуризм, как правило, осуществляется в границах особо охраняемых природных территорий (далее – ООПТ). Последние включают в себя «заповедники, национальные парки, заказники, памятники природы» Наибольший потенциал для развития экотуризма имеют ООПТ с уникальными экосистемами, например, национальные парки.

Учитывая вышеизложенное, в состав нормативных правовых актов, регулирующих общественные отношения по рассматриваемой теме, входят:

– Закон Республики Беларусь от 15 ноября 2018 г. № 150-З «Об особо охраняемых природных территориях», устанавливающий правовые основы создания, охраны и использования ООПТ, в котором закреплены категории и виды ООПТ, порядок их создания и управление ими;

– Закон Республики Беларусь от 11 ноября 2021 г. № 129-З «О туризме», регулирующий деятельность в сфере туризма и направленный на формирование государственной политики в данной области.

Эти акты устанавливают общие положения по организации туристической деятельности и территориальной охране природы, однако в них недостаточно учтены особенности экотуризма в границах ООПТ. Данные особенности определяются следующим:

– популярные ООПТ испытывают перегрузку посетителями, что приводит к деградации экосистем, вытаптыванию растительности, нарушению местообитаний животных. Так, в национальном парке «Беловежская пуща» в пиковые сезоны наблюдается значительное увеличение туристического потока;

– отсутствует или недостаточно развита туристическая инфраструктура (экотропы, информационные центры, места отдыха), что может приводить к неконтролируемому передвижению туристов по территории ООПТ;

– ограниченное участие местного населения. Местные сообщества не всегда вовлечены в процесс развития экотуризма, что лишает их потенциальных экономических выгод и может приводить к конфликтам интересов.

В целях комплексной оптимизации правового регулирования экологического туризма считаем необходимым установить механизмы взаимодействия между государственными органами, туристическими компаниями и местными сообществами; разработать стандарты экологического туризма, основанные на международном опыте и рекомендациях Всемирной туристской организации; повысить уровень информированности населения о принципах устойчивого туризма и его значении для охраны природы; обеспечить информационную поддержку экотуризма, включая создание электронной платформы для бронирования посещений ООПТ в рамках экотуризма и получения информации, необходимой для планирования таких посещений. Данные предложения могут быть реализованы посредством выделения в Законе «О туризме» отдельной главы, посвященной экологическому туризму.

Мироненко К. А.

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ ЗАКРЕПЛЕНИИ ИЗЪЯТИЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ НУЖД

Мироненко Ксения Алексеевна, студентка 1 курса магистратуры Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, mironenkoksenia9@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Мороз О. В.

Изъятие земельных участков для государственных нужд выступает в качестве основания для прекращения прав землепользователей. Его механизм предполагает лишение права на землю одних землепользователей и передачу этих участков субъектам, реализующих государственные потребности. Данный вариант изъятия допустим при правомерном поведении землепользователей, что существенно отличает рассматриваемый институт от изъятия земельных участков за нарушение земельного законодательства, которое выступает в качестве меры воздействия.

Действующее земельное законодательство предусматривает термин «изъятие земельных участков для государственных нужд». При этом его определение не нашло правового закрепления. Следует согласиться с мнением, что будет более корректным отразить в законодательстве понятие «государственные и общественные нужды» вместо «государственные нужды», так как общественные нужды могут обеспечиваться опосредованно при удовлетворении государственных нужд. Представляется разумным и аргумент, согласно которому понятие «государственные и общественные нужды» в большей степени соответствует терминологии Конституции Республики Беларусь, предусматривающей отчуждение имущества по мотивам общественной необходимости.

В Кодексе Республики Беларусь о земле от 23 июля 2008 г. № 425-З государственные нужды раскрываются через перечисление конкретных потребностей, а не через признаки. При этом их исчерпывающий перечень в

законодательстве отсутствует. В Положении о порядке изъятия и предоставления земельных участков, утвержденном постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 13 января 2023 г. № 32, они излагаются посредством целей изъятия земельных участков, что также представляется ошибочным. Подобная проблема прослеживается и в законодательстве других стран. Следует согласиться с авторами, указывающими на необходимость правового закрепления определения, отражающего сущность данного понятия, с отдельным изложением круга потребностей (оснований) изъятия земельных участков для государственных нужд.

Кроме указанного кодекса к числу основных нормативных правовых актов следует относить Положение о порядке изъятия и предоставления земельных участков и Положение о порядке выкупа земельных участков, находящихся в частной собственности, для государственных нужд, утвержденные постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 13 января 2023 г. № 32. На современном этапе развития правового регулирования рассматриваемых отношений был принят также Указ Президента Республики Беларусь от 2 февраля 2009 г. № 58 «О некоторых мерах по защите имущественных прав при изъятии земельных участков для государственных нужд», детально регламентирующий вопросы реализации имущественных прав граждан и организаций при изъятии у них земельных участков.

Дальнейшей систематизации соответствующих правовых норм будет способствовать принятие единого нормативного правового акта, комплексно регулирующего различные аспекты изъятия земельных участков для государственных нужд. На наш взгляд, главной проблемой при такой систематизации является то, что может нарушиться целостность правового закрепления общего порядка изъятия и предоставления земельных участков, так как процедура изъятия земельных участков для государственных нужд является составной его частью.

Михалкевич И. С.

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ ПОНЯТИИ ПРИРОДНЫХ ТЕРРИТОРИЙ, ПОДЛЕЖАЩИХ СПЕЦИАЛЬНОЙ ОХРАНЕ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Михалкевич Ирина Сергеевна, аспирант 1 года обучения Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, soboleki@yandex.ru

Научный руководитель: доктор юрид. наук, профессор Макарова Т. И.

Согласно ст. 5 Закона Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г. № 1982-XII «Об охране окружающей среды» в редакции от 17 июля 2023 г. № 294-З (далее – Закон «Об охране окружающей среды») природные территории, подлежащие специальной охране, являются объектами отношений в области охраны окружающей среды наряду с компонентами природной среды, особо охраняемыми природными территориями, биосферными резерватами и другими природными объектами и комплексами.

Термин «природные территории, подлежащие специальной охране» впервые юридически был закреплен именно в данном нормативном правовом акте, однако без введения какой-либо дефиниции: в законодательстве лишь указаны цели выделения вышеназванных территорий и отнюдь не исчерпывающий перечень объектов, отнесенных к ним. Так, исходя из ст. 80 Закона «Об охране окружающей среды», данные территории выделяются в целях сохранения полезных качеств окружающей среды, на них могут устанавливаться ограничения и запреты на осуществление отдельных видов хозяйственной и иной деятельности, которые указываются в соответствующих документах, к примеру, удостоверяющих права на пользование земельным участком и т. п. Установленные ограничения и запреты учитываются при разработке и реализации различных схем и проектов, указанных в п. 2 ст. 80 Закона «Об охране окружающей среды». К природным территориям, подлежащим специальной охране, относятся: курортные зоны, курорты; зоны отдыха; парки, скверы и бульвары; водоохранные зоны и прибрежные полосы; зоны санитарной охраны источников питьевого водоснабжения централизованных систем питьевого водоснабжения; рекреационно-оздоровительные и защитные леса; типичные и редкие природные ландшафты и биотопы; естественные болота и их гидрологические буферные зоны; места обитания диких животных и места произрастания дикорастущих растений, относящихся к видам, включенным в Красную книгу Республики Беларусь; природные территории, имеющие значение для размножения, нагула, зимовки и (или) миграции диких животных; охранные зоны особо охраняемых природных территорий (ООПТ); иные территории, для которых установлен специальный режим охраны и использования.

Следует отметить тот факт, что в предыдущей редакции Закона «Об охране окружающей среды» среди природных территорий, подлежащих специальной охране, выделялись зоны санитарной охраны месторождений минеральных вод и лечебных сапропелей, которые в действующей редакции уже отсутствуют. И напротив: в действующую редакцию помимо курортных зон включены курорты, отсутствующие в прошлой редакции нормативного правового акта. Интересно, что в Российской Федерации курорты относятся к особо охраняемым природным территориям (далее – ООПТ). Из Федерального закона от 14 марта 1995 г. № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» раздел VIII «Лечебно-оздоровительные местности и курорты» исключен в 2013 г., однако существует специальный нормативный правовой акт, регулирующий правовой режим курортных зон – Федеральный закон от 23 февраля 1995 г. № 26-ФЗ «О природных лечебных ресурсах, лечебно-оздоровительных местностях и курортах», согласно которому курорты относятся соответственно к ООПТ, имеющим свои особенности в использовании и защите, что указано в его преамбуле.

Рассматривая понятие природных территорий, подлежащих специальной охране, нельзя не отметить, что они находятся в тесной взаимосвязи с ООПТ и биосферными резерватами, также имеющими свои особые режимы охраны. Так, понятие биосферного резервата было введено в законодательство

посредством изменений и дополнений к Закону «Об охране окружающей среды» от 6 мая 2010 г., в соответствии со ст. 1 которого биосферный резерват включает в себя в том числе и природные территории, подлежащие специальной охране (их части). Также рассматриваемые территории входят в состав природоохранных и в состав национальной экологической сети. Согласно определению природные территории, подлежащие специальной охране, так же, как и ООПТ, предназначены для сохранения естественных экологических систем, биологического и ландшафтного разнообразия, обеспечения непрерывности среды обитания объектов животного мира.

Таким образом, природные территории, подлежащие специальной охране, являются самостоятельным объектом правоотношений в области охраны окружающей среды и выделяются для сохранения полезных качеств окружающей среды. На них могут устанавливаться ограничения и запреты на осуществление отдельных видов хозяйственной и иной деятельности. Данные территории предназначены для сохранения биоразнообразия и естественных экосистем. Однако, несмотря на присутствие в законодательных актах целей создания и выделения рассматриваемых территорий, их перечня, существует проблема разграничения двух основных видов природоохранных территорий – «особо охраняемых» и «подлежащих специальной охране».

Нагорная А. Д.

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ ЗАКРЕПЛЕНИИ ОСОБЫХ ПРАВИЛ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ РЕЗИДЕНТАМ СВОБОДНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЗОН

Нагорная Анастасия Дмитриевна, магистрант Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, 121350minsk@gmail.com

Научный руководитель: доктор юрид. наук, доцент Шахрай И. С.

Свободная экономическая зона (далее – СЭЗ) представляет собой часть территории Республики Беларусь с определенными границами, в пределах которой устанавливается специальный правовой режим осуществления хозяйственной деятельности для ее резидентов. В целях поддержки хозяйственной деятельности, осуществляемой резидентами СЭЗ, осуществляется предоставление последним земельных участков, правовой режим которых имеет существенные особенности.

Особенности изъятия и предоставления земельных участков в границах СЭЗ устанавливаются в Кодексе Республики Беларусь о земле от 23 июля 2008 г. № 425-З в редакции от 18 июля 2022 г. (далее – КоЗ), а также в Положении о порядке изъятия и предоставления земельных участков, утвержденном постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 13 января 2023 г. № 32 «О мерах по реализации Закона Республики Беларусь от 18 июля 2022 г. № 195-З «Об изменении кодексов» (далее – Положение).

Так, в соответствии с вышеприведенными актами в границах СЭЗ полномочиями по изъятию и предоставлению земельных участков наделены администрации СЭЗ, а также исполнительные комитеты. Администрации СЭЗ предоставляют земельные участки только резидентам таких зон в строго определенных целях и на определенных условиях. В частности, земельный участок в границах СЭЗ предоставляется без проведения аукциона в целях строительства и обслуживания объектов недвижимого имущества на праве аренды. Исполнительный комитет, на территории которого располагается СЭЗ, также может осуществлять процедуру предоставления и изъятия земельных участков. Предоставление земельных участков исполнительным комитетом осуществляется только нерезидентам СЭЗ на общих условиях, определенных в КоЗ и Положении.

Предоставление земельных участков может проводиться как с процедурой предварительного согласования места размещения земельного участка, так и без нее. Не требуется предварительного согласования места размещения земельного участка в случае предоставления последнего для строительства и обслуживания объекта недвижимого имущества в границах СЭЗ и его предварительного определения в генеральном плане СЭЗ.

В остальных случаях обязательным этапом предоставления земельного участка является предварительное согласование его местоположения, осуществляемое исполнительными комитетами в порядке, установленном в главе 3 Положения. После проведения предварительного согласования исполнительным комитетом администрация СЭЗ готовит решение об изъятии и предоставлении соответствующего земельного участка своему резиденту.

Вместе с тем вышеприведенное существование двух компетентных органов на территории СЭЗ требует особого внимания к законодательной регламентации процедуры изъятия и предоставления земельных участков, поскольку неточная регламентация может повлечь нарушение прав лиц, заинтересованных в предоставлении земельных участков, снижения эффективности проведения процедуры изъятия и предоставления земельных участков, излишнюю бюрократизацию, превышение служебных полномочий должностными лицами.

Отдельно следует отметить, что администрация СЭЗ также наделена компетенцией по изменению целевого назначения земельных участков и границ земельных участков в пределах своей территории. Закрепление такой компетенции повышает эффективность дальнейшего использования земельных участков ее резидентами.

По результатам проведения процедуры изъятия и предоставления земельного участка резиденту СЭЗ земельный участок предоставляется на праве аренды. При этом аренда земельного участка осуществляется на особых условиях: резидент СЭЗ освобождается от платы за право аренды земельного участка.

Таким образом, особенности предоставления земельных участков в границах СЭЗ обусловлены спецификой статуса территории СЭЗ, а также хозяйственной деятельности, которую осуществляют резиденты СЭЗ.

В частности, специфика предоставления земельных участков выражается в следующем:

– в наделении администрации СЭЗ специальной компетенцией по изъятию и предоставлению земельных участков, изменения их границ и целевого назначения;

– сохранении аналогичной компетенции у исполнительных комитетов, на территории которых располагается СЭЗ;

– установлении административного порядка предоставления земельных участков без проведения аукциона;

– ограниченности целей, в соответствии с которыми предоставляются земельные участки в границах СЭЗ;

– предоставлении резидентам СЭЗ по результатам проведения процедуры изъятия и предоставления земельных участков права аренды земельного участка на особых условиях.

Тишалович К. Д.

АГРОБИОРАЗНООБРАЗИЕ КАК ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ

Тишалович Карина Дмитриевна, магистрант Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, tishalovichk@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Кузьмич И. П.

Агробиоразнообразие – это основа устойчивого развития сельского хозяйства и обеспечения продовольственной безопасности страны. По данным доклада Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО) «Состояние биоразнообразия в мире для производства продовольствия и ведения сельского хозяйства» за 2022 год, под угрозой исчезновения сегодня находится 28 % местных пород скота, всего девять культур обеспечивают 66 % объема продукции мирового растениеводства, 97 % мяса приходится на восемь видов сельскохозяйственных животных, почти пятую часть видов, внесенных в Красный список находящихся под угрозой видов, составляют растения и животные, употребляемые в пищу.

Юридическое понятие «агробиоразнообразие» содержится в таких документах, как Конвенция СНГ «О сохранении агробиоразнообразия» (далее – Конвенция), заключенная в Бишкеке 07.06.2016, и Постановление Межпарламентской ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств от 18 апреля 2014 г. № 40-8 «О модельном законе “Об экологическом агропроизводстве”» (далее – Модельный закон).

Так, в соответствии со ст. 1 Конвенции и ст. 4 Модельного закона *агробиоразнообразие* – это все компоненты биоразнообразия, имеющие отношение к продовольствию и сельскому хозяйству, а также все компоненты биоразнообразия, составляющие агроэкосистему, т. е. многообразие и изменчивость животных, растений и микроорганизмов на генетическом, видовом и экосистемном уровнях, без которых невозможно обеспечить устойчивость основных функций агроэкосистемы, ее структуры и процессов.

При этом под биоразнообразием в указанных актах понимается вариабельность живых организмов из всех источников, включая наземные, морские и иные водные экосистемы и экологические комплексы, частью которых они являются. Данное определение соответствует Конвенции о сохранении биоразнообразия (Рио-де-Жанейро, 1992 г.).

ФАО, в свою очередь, определяет агробиоразнообразие следующим образом: «многообразие и изменчивость животных, растений и микроорганизмов, прямо или опосредованно используемых при производстве продовольствия и ведении сельского хозяйства, в том числе при выращивании сельскохозяйственных культур, в животноводстве, лесном и рыбном хозяйстве. Оно включает многообразие генетических ресурсов (разновидностей, пород) и видов, используемых для производства продовольствия, кормов, волокон, топлива и фармацевтических препаратов. Кроме того, в него входит многообразие непромысловых видов, способствующих производству (почвенные микроорганизмы, хищники, опылители), а также видов, населяющих более широкую окружающую среду и поддерживающих агроэкосистемы (сельскохозяйственные, пастбищные, лесные и водные), и многообразие агроэкосистем».

Данное понятие является достаточно широким и охватывает не только непосредственно используемые в сельском хозяйстве сорта растений и породы животных, но и иные объекты, в том числе относящиеся к дикой природе.

В национальном законодательстве Республики Беларусь термин «агробиоразнообразие» не встречается, однако нельзя сказать, что проблема сохранения биологического разнообразия в сельском хозяйстве совершенно ускользает от внимания законодателя.

Так, в постановлении Совета Министров Республики Беларусь от 21 декабря 2021 г. № 733 «О национальном плане действий по сохранению и устойчивому использованию биологического разнообразия на 2021–2025 годы» отдельным пунктом плана мероприятий названо «обеспечение устойчивого ведения сельского хозяйства с учетом сохранения биологического разнообразия». В постановлении Совета Министров Республики Беларусь от 22 марта 2022 г. № 161 «О концепции национальной системы обеспечения биологической безопасности» отмечается, что «в сельском хозяйстве риски в области биологической безопасности обусловлены в основном ввозом животных и растений, продукции животного и растительного происхождения, генно-инженерных (трансгенных) растений, животных и микроорганизмов».

В ст. 30 Закона Республики Беларусь от 20 мая 2013 г. № 24-З «О племенном деле в животноводстве» также предусмотрены меры по сохранению генофондных (малочисленных) пород, которые включают создание генофондных стад, банков спермы и эмбрионов.

Таким образом, в законодательстве Республике Беларусь проблема необходимости сохранения биоразнообразия в сельском хозяйстве признается, однако не рассматривается комплексно, отсутствует как термин «агробиоразнообразие», так и в целом какое-либо единство терминологии в рамках данного вопроса. Исследование понятия «агробиоразнообразие» как

правовой категории и включение данного термина в законодательные акты будет способствовать более глубокому пониманию сущности происходящих в сельском хозяйстве процессов, а также позволит выработать системный подход к снижению рисков для биологического разнообразия в сельском хозяйстве.

Циуньчык А. И.

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПЕРЕХОДА К ЗЕЛЁНОЙ ЭКОНОМИКЕ В КОНТЕКСТЕ ПРИНЯТИЯ НОВОЙ РЕДАКЦИИ ЗАКОНА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ «ОБ ОХРАНЕ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ»

Циуньчык Анастасия Игоревна, студентка 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, ciuncikanastasia@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Лизгаро В. Е.

На сегодняшний день понятие «зелёная экономика» представляет собой модель организации экономики, главной целью которой является развитие производства с сохранением окружающей среды. Для того чтобы создать некое равновесие между деятельностью человека и сохранением благоприятной окружающей среды, феномен «зелёной» экономики выступает более чем подходящим вариантом. Именно поэтому многие государства добавляют в свою политику этап перехода к такой модели экономики. Однако достижение поставленной цели может быть обеспечено только в том случае, если она будет не просто озвучена, но и нормативно закреплена.

В Республике Беларусь был принят ряд правовых документов, которые свидетельствуют о плавном переходе к «зелёной» экономике и ее закреплении в нашем государстве в условиях устойчивого развития. Так, основополагающие принципы экономии и бережливости, в соответствии с которыми развивается «зелёная» экономика, были закреплены еще 14 июня 2007 г. в Директиве Президента Республики Беларусь № 3 «О приоритетных направлениях укрепления экономической безопасности государства». Позже, постановлением Совета Министров от 21 декабря 2016 г. № 1061 был принят Национальный план действий по развитию «зелёной» экономики в Республике Беларусь до 2020 года. Его стратегическая цель – содействие достижению «зелёного» экономического роста в условиях сохранения природного капитала и повышения занятости путем создания зелёных рабочих мест. Кроме того, именно он определил «зелёную» экономику в современном ее понимании. На сегодняшний день данный документ заменен Национальным планом, действующим до 2025 г. Проанализировав его, можно сказать, что намеченные в нем цели к концу года станут практически достижимыми. Об этом свидетельствует успешность внедрения отдельных принципов зеленой экономики в различных направлениях: устойчивое потребление и производство, энергоэффективное строительство, развитие инфраструктуры для электротранспорта и многое другое.

Приоритетное место среди законодательных актов Республики Беларусь в области окружающей среды занимает Закон Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г. «Об охране окружающей среды» (далее – Закон), который является основополагающим актом, устанавливающим правовые основы охраны окружающей среды, природопользования, экологические требования к хозяйственной и иной деятельности. Изначально определение «зелёной» экономики в данном нормативном правовом акте не упоминалось, однако даже в самой первой его редакции среди основных принципов охраны окружающей среды наблюдался принцип «снижения вредного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду на основе использования наилучших доступных технических методов и технологий, которые обеспечивают выполнение требований в области охраны окружающей среды» и некоторые другие условно отражающие связь с концепцией «зелёной» экономики.

Следует обратить внимание, что в 2023 г. Закон изложен в новой редакции, в которой закреплено понятие «зелёная экономика» как модель организации экономики в Республике Беларусь, направленная на достижение целей социально-экономического развития при существенном сокращении экологических рисков и темпов деградации окружающей среды (ст. 1). Кроме этого, Закон определяет стимулирование применения наилучших доступных технических методов, ресурсосберегающих технологий и практик, перехода к новой модели экономики как одну из главных задач в области охраны окружающей среды и направления государственной политики Республики Беларусь в области охраны окружающей среды (ст. 7). Здесь стоит обратить внимание, что переход к такой модели упоминается как часть реализации государственной политики, что свидетельствует о закреплении перехода на законодательном уровне.

Глава 9 Закона в редакции от 17 июля 2023 г. получила новое название «Экономический механизм охраны окружающей среды и природопользования. “Зелёная» экономика”». Отдельно следует рассмотреть ст. 47, которая содержит информацию о новой модели экономики. Среди мер, направленных на ее развитие, можно выделить внедрение различных инноваций, принятие мер по переходу к экономике замкнутого цикла, продвижение экологического туризма и агроэкотуризма; научное обеспечение перехода к «зелёной» экономике; и т. д. Можно заметить, что данный перечень открытый, что говорит о возможности расширительного толкования данной нормы Закона. Так, дополнительные меры по развитию «зелёной» экономики можно найти и в других документах, например, в Программе социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы, Национальном плане действий в области адаптации к изменению климата до 2023 года и т. п.

В соответствии с новыми подходами, отраженными в Законе, развитие «зелёной» экономики в Республике Беларусь обеспечивается посредством учета результатов экономической оценки экосистемных услуг при принятии решений по вопросам охраны окружающей среды и рационального (устойчивого) использования природных ресурсов» (ст. 47 Закона).

Экосистемные услуги действительно позволяют получать обществу выгоды в экономической, социальной и, особенно, экологической сферах. Следовательно, и в рамках «зелёной» экономики использование экосистемных услуг приведет к сохранению, восстановлению и устойчивому функционированию естественных экологических систем, существенному сокращению экологических рисков и темпов деградации окружающей среды. Понятие «экосистемные услуги» впервые на законодательном уровне закреплено в новой редакции Закона от 17 июля 2023 г., а Положение о порядке и условиях проведения экономической оценки экосистемных услуг утверждено постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 27 февраля 2024 г. № 123.

Переход к «зеленой» экономике, а также ее развитие в Республике Беларусь обеспечивается в том числе посредством принятия мер по переходу к экономике замкнутого цикла и это четко закреплено в Законе (ст. 47). Циркулярная экономика (экономика замкнутого цикла) – это организации экономики, ориентированная на замкнутый материальный цикл ресурсного обеспечения, снижение потребления всех видов сырьевых и топливно-энергетических ресурсов и максимальное использование отходов (ст. 47), т. е. в отличие от традиционной модели экономики, такая модель предусматривает повторное использование и переработку существующих материалов и продуктов. Особенности развития экономики замкнутого цикла зафиксированы соответствующим постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 29 мая 2024 г. № 393 «О Национальной стратегии развития экономики замкнутого цикла Республики Беларусь на период до 2035 года». И в этом огромный плюс для развития зеленой экономики, ведь в результате вторичного использования материалов значительно уменьшаются выбросы углекислого газа, количество свалок с отходами, уменьшается потребление ограниченных в количестве ресурсов. Экономика замкнутого цикла является не просто этапом в переходе к «зелёной» экономике, это ее составная часть, которая развивается и функционирует вместе с ней.

Таким образом, переход к «зелёной» экономике в современном мире имеет приоритетное значение, а в его правовом обеспечении в Республике Беларусь особая роль принадлежит головному акту экологического законодательства – Закону «Об охране окружающей среды», новая редакция которого заложила соответствующую правовую основу.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО, МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

Алексиевич Е. С.

ИНСТИТУТ ПРИЗНАНИЯ ГРАЖДАНИНА БЕЗВЕСТНО ОТСУТСТВУЮЩИМ И ОБЪЯВЛЕНИЯ УМЕРШИМ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ РИСКОВ

Алексиевич Екатерина Сергеевна, учащаяся 3 курса Юридического колледжа Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, aleksiyevich.katrina@yandex.ru

Научный руководитель: преподаватель Карпенко Ж. П.

На протяжении последних лет значительное количество людей гибнет или пропадает без вести в результате миграции, стихийных природных явлений, вооруженных конфликтов, террористических актов и т. д. Применение и развитие институтов признания гражданина безвестно отсутствующим и объявления умершим сегодня актуально как никогда. Определенные процедуры позволяют регулировать юридические последствия отсутствия информации о местонахождении человека, обеспечивая возможность принятия необходимых решений и действий как в его интересах, так и интересах его иждивенцев и других близких родственников. При этом важно, чтобы законодательство в полной мере учитывало специфику обстоятельств, при которых лицо отсутствует.

Правовое регулирование безвестного отсутствия и предполагаемой смерти лица зависит от исторического контекста и конкретных правовых традиций различных стран. Так, еще в римском праве была известна конструкция cura bonorum absentis или установление опеки над имуществом отсутствующего. В Средние века уже появляются институты «объявления безвестного отсутствия» и «объявления безвестно отсутствующего умершим», а также два подхода к ним: силезская система, где ключевым моментом является срок отсутствия лица, и саксонская система, где действует презумпция предельной продолжительности жизни по каноническим нормам.

В Германии при объявлении умершим были объединены подходы силезской и саксонской систем. Так, если с окончания года, в котором были получены последние сведения о лице, прошло 10 лет или 5 лет, если ему исполнилось 80 лет, такое лицо может быть объявлено умершим. Для военных действий срок составляет год с мирного договора (их фактического окончания) или год с обстоятельств, дающих основание предполагать его гибель.

В Испании также предусматриваются исключительные сроки для процедуры в различных обстоятельствах, а объявление умершим при военных действиях аналогично немецкому, только сроки увеличены вдвое.

Французский «классический кодекс» вообще не содержит «объявление лица умершим», а закрепляет процедуры презумпции и признания лица

безвестно отсутствующим (по наступающим последствиям оно совпадает с объявлением лица умершим) без наличия каких-либо специальных сроков.

В свою очередь, китайский законодатель предусматривает лишь одно исключительное обстоятельство – несчастный случай.

Признание гражданина безвестно отсутствующим в соответствии с белорусским законодательством производится в судебном порядке по заявлению заинтересованного лица, где ключевыми моментами являются отсутствие сведений о месте пребывания гражданина, срок, в течение которого эти сведения отсутствуют – не менее одного года; отсутствие указанных сведений подтверждается доказательствами о невозможности их установления. Процесс объявления гражданина умершим имеет определенные сложности, особенно в оценке обстоятельств для применения сокращенных сроков. Важным моментом является установление фактов, связанных с причинами предполагаемой гибели гражданина, в частности при пропаже военнослужащего, где течение двухлетнего срока отсутствия сведений о лице начинается после окончания военных действий.

Сравнительный анализ законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации позволяет сделать вывод о схожести систем права и иных сроках для исследуемых процедур. Нормы при объявлении умершим лица при военных действиях различаются существеннее. В Российской Федерации для военнослужащих или находящихся в приграничной территории лиц время отсутствия сведений составляет 3 месяца с момента признания лица безвестно отсутствующим или 6 месяцев с последних сведений при наличии обстоятельств, дающих основание предполагать его гибель. Такой подход законодателя обеспечивает соблюдение принципов правовой определенности и стабильности в гражданских правоотношениях.

Алещенко М. А.

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ОПЦИОНОВ В ДОГОВОРАХ С УЧАСТИЕМ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ

Алещенко Мария Андреевна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, maryaalescanka@gmail.com

Научный руководитель: доктор юрид. наук, доцент Мещанова М. В.

В силу п. 1 ст. 399-2 Гражданского кодекса Республики Беларусь от 07.12.1998 № 218-З (далее – ГК), по опционному договору одна сторона на условиях, предусмотренных этим договором, вправе потребовать в установленный договором срок от другой стороны совершения предусмотренных опционным договором действий. Исходя из ст. 399-2 ГК, заключать опционный договор правомочны практически все субъекты гражданских правоотношений. Единственное ограничение по субъектному составу такого соглашения установлено п. 2 ст. 399-2 ГК, согласно которому хозяйственное общество, акции (доля в уставном фонде) которого

принадлежат государству, государственное юридическое лицо могут быть стороной опционного договора, если это предусмотрено законодательными актами. Ввиду отсутствия нормативно предусмотренных ограничений по субъектному составу, в российской практике широкое распространение получило заключение опционных договоров об оказании услуг с потребителями. Потенциально такие договоры могут иметь место и в белорусской практике, в связи с чем неизбежно возникнет вопрос о соотношении норм об опционном договоре и норм законодательства о защите прав потребителей.

В соответствии с п. 3 ст. 399-2 ГК опционным договором может быть предусмотрена плата за право заявить по нему требование. Как отмечает А. В. Василевский, условие о таком встречном предоставлении не является существенным. Исходя из п. 4 ст. 399-2 ГК, по общему правилу такой платеж не подлежит возврату, если иное не предусмотрено соглашением сторон. В настоящее время нормативно изъятий касательно возврата платежа по опционному договору не установлено. Вместе с тем, согласно ст. 19 Закона Республики Беларусь от 09.01.2002 № 90-З «О защите прав потребителей» (далее – Закон № 90-З), условия договора, ограничивающие права потребителя по сравнению с правами, установленными Законом № 90-З и иным законодательством о защите прав потребителей, считаются ничтожными. В ст. 38 Закона № 90-З предусмотрено право потребителя на односторонний отказ от договора об оказании услуг и корреспондирующая обязанность исполнителя, если денежная сумма, уплаченная потребителем по договору, от исполнения которого потребитель отказался, превышает фактически понесенные исполнителем расходы на исполнение такого договора, вернуть потребителю уплаченную им по такому договору денежную сумму. В связи с этим возникает вопрос, обязан ли исполнитель при одностороннем отказе потребителя вернуть платеж по опционному договору, исходя из требований ст. 38 Закона № 90-З?

С одной стороны, допустимо предположить, что в данной норме, идет речь только о платежах за оказание услуг. С другой стороны, в тексте самой нормы упоминается денежная сумма по договору в целом, а не сумма, уплаченная только за оказание услуг. В ст. 399-2 ГК отсутствует указание на то, что платежи за право потребовать исполнение по договору учитываются отдельно от иных платежей по договору. Полагаем, что они не будут дифференцированы и в самом договоре, поскольку опционный договор об оказании услуг будет отличаться от «классического» договора об оказании услуг лишь условием, соответствующим ст. 399-2 ГК.

Аналогичный вопрос часто возникал в российской судебной практике. В связи с этим Верховный Суд Российской Федерации в обзоре судебной практики по защите прав потребителей от 18.10.2023 констатировал, что «условие договора, согласно которому у потребителя при отказе от исполнения договора отсутствует или ограничивается право на возврат уплаченных денежных средств, является недействительным, как ущемляющее права потребителя», приводя в качестве примера

неправомерные решения судов нижестоящих инстанций, отказывавших во взыскании платежа в пользу потребителя по опционному договору об оказании услуг при одностороннем отказе потребителя от договора. Тем самым Верховный Суд истолковал, что платеж по опционному договору приравнивается к платежам за оказание услуг.

Резюмируя вышесказанное, допустимо сделать вывод о том, что поскольку потребитель является «слабой» стороной в правоотношениях, не способной влиять на содержание договора, он нуждается в особой защите своих прав по таким договорам. В связи с этим положительным видится опыт Российской Федерации в части разрешения вопроса о необходимости возврата платежа по опционному договору потребителю в случае его одностороннего отказа от договора. В перспективе представляется необходимым дополнить п. 4 ст. 399-2 ГК указанием на то, что платеж по опционному договору не подлежит возврату, если иное не предусмотрено законодательством, в целях единообразного понимания законодательства и формирования эффективной судебной практики.

Бань М. А.

ИНСТИТУТ ПРЕДДОГОВОРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ КОДЕКСЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Бань Михаил Андреевич, студент 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, mishaban13123@gmail.com

Научный руководитель: преподаватель Павловский В. О.

13 ноября 2023 г. вступил в силу новый Закон Республики Беларусь «Об изменении кодексов», который существенно изменил гражданское законодательство Беларуси. Одним из главных новшеств стала введенная ст. 404-1 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК), регулирующая ответственность сторон за недобросовестное поведение на этапе переговоров о заключении договора.

До принятия указанного закона белорусское законодательство не содержало ясной нормы о добросовестности при переговорах и преддоговорной ответственности. Вместо этого применялись общие положения о принципах гражданского права, недобросовестном осуществлении гражданских прав и ответственности за причинение вреда.

Согласно ст. 399 ГК, стороны могут заключить предварительный договор, который обязывает их в будущем заключить основной договор. Если одна из сторон нарушает это обязательство и уклоняется от заключения основного договора, то другая сторона вправе обратиться в суд. Суд может обязать недобросовестную сторону заключить основной договор на тех условиях, которые были согласованы в предварительном договоре, а также взыскать с нее компенсацию за причиненные убытки.

Отсутствие предварительного договора создавало правовой пробел. Это означало, что даже если одна из сторон вела себя недобросовестно во время

переговоров и причинила убытки другой стороне, привлечь ее к ответственности было затруднительно, поскольку отсутствовали четкие правовые нормы, регулирующие такую ситуацию.

Основополагающий принцип свободы договора подразумевает не только право каждого отказаться от заключения договора, но и право на заключение договора на условиях, которые устраивают обе стороны. Чтобы гарантировать реализацию этого права, закон устанавливает определенные требования к участникам договорных отношений.

В то же время стоит понимать, что принципы добросовестности, соблюдаемые сторонами во время переговоров, не являются безусловной гарантией заключения договора. Однако их соблюдение значительно повышает вероятность достижения соглашения. Юридическая ответственность наступает не за сам факт несостоявшейся сделки, а за недобросовестное поведение одной из сторон на преддоговорной стадии, т. е. за действия, противоречащие принципам честной конкуренции.

Концепция нового закона о преддоговорной ответственности в Беларуси базируется на понимании того, что ответственность за действия, совершенные до заключения договора, представляет собой самостоятельный правовой институт.

Введенная ст. 404-1 ГК устанавливает новую норму, обязывающую стороны вести переговоры добросовестно, и предусматривает ответственность за недобросовестное поведение на преддоговорной стадии, вне зависимости от наличия между ними соглашения.

Пункт 2 данной статьи обязывает стороны к добросовестному ведению переговоров. Недобросовестными действиями считаются, в частности, предоставление заведомо ложной или неполной информации, а также одностороннее расторжение переговоров без обоснованных причин.

Согласно п. 3 ст. 404-1 ГК, сторона, виновная в недобросовестном ведении или прерывании переговоров, несет ответственность в виде возмещения причиненных убытков.

Статья 404-1 ГК позволяет сторонам заключить соглашение о порядке ведения переговоров, которое может дополнять или уточнять общие требования закона. Однако условия такого соглашения, направленные на ограничение ответственности за недобросовестные действия, являются ничтожными.

Следует отметить, что информация, переданная одной стороной другой в ходе переговоров как конфиденциальная, должна оставаться тайной. Даже если договор не будет заключен, сторона, получившая эту информацию, не имеет права ее разглашать или использовать для своей выгоды. В случае нарушения этого правила она обязана возместить причиненные убытки.

Независимо от того, был ли заключен договор после переговоров или нет, правила о добросовестном ведении переговоров и ответственности за их нарушение действуют.

Новая норма Гражданского кодекса фиксирует, что правила о преддоговорной ответственности применяются даже в тех случаях, если договор так и не был подписан.

Таким образом, внедрение нормы о преддоговорной ответственности устраняет пробел в законодательстве, обеспечивая правовую защиту интересов сторон на стадии предварительных переговоров и создавая более стабильную договорную обстановку. Внедрение этого правового института повысит предсказуемость договорных отношений и создаст более благоприятные условия для инвестиций, особенно в проектах с повышенным риском.

Бобровницкая Э. Б.

О ФОРМЕ ДОГОВОРА ПРИ ОКАЗАНИИ ВОЗМЕЗДНЫХ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ АНОНИМНО

Бобровницкая Эльнара Бахтияровна, аспирантка 2 года обучения Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, elnabobrovn.28@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Короткевич М. П.

Порядок, условия оказания и перечень медицинских услуг, которые могут быть оказаны на условиях анонимности, установлены в Инструкции о порядке и условиях оказания медицинской, в том числе психиатрической, помощи анонимно, утвержденной постановлением Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 24.07.2012 № 111 (далее – Инструкция № 111). Медицинские услуги могут оказываться анонимно на платной или бесплатной основе в порядке, установленном законодательством Республики Беларусь (п. 5 Инструкции № 111). Указанное право граждан базируется на положениях ч. 14 ст. 14 Закона Республики Беларусь от 18.06.1993 № 2435-XII «О здравоохранении» (далее – Закон). Исходя из ст. 15 Закона, платные медицинские услуги в государственных учреждениях здравоохранения оказываются гражданам Республики Беларусь на основании письменных договоров (за исключением платных медицинских услуг, оказываемых анонимно), т. е. законодатель не установил обязательное требование о письменной форме договора возмездного оказания медицинских услуг на условиях анонимности. В связи с этим актуальным представляется вопрос о форме договора при оказании возмездных медицинских услуг анонимно.

Важно отметить, что анонимность при оказании определенных медицинских услуг обеспечивается тем, что в медицинские документы не заносятся подлинные фамилии, собственное имя, отчество (если таковое имеется), место жительства (место пребывания) пациента (п. 2 Инструкции № 111). Вся необходимая информация указывается самим пациентом (его законным представителем) без предъявления паспорта гражданина Республики Беларусь, вида на жительство в Республике Беларусь, удостоверения беженца, документа, удостоверяющего личность иностранного гражданина.

Требование о соблюдении простой письменной формы договора возмездного оказания медицинских услуг, заключаемого организациями здравоохранения любой формы собственности, а также индивидуальными предпринимателями с любым гражданином, вытекает из п. 2 ст. 22, ст. 162 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК). При этом п. 2 ст. 160 ГК допускает заключать в устной форме сделки, исполняемые при самом их совершении, за исключением тех, для которых установлена нотариальная форма, и сделок, несоблюдение простой письменной формы которых влечет их недействительность. Учитывая специфику оказания медицинских услуг как вида профессиональной деятельности, необходимость несения временных и иных затрат для ее оказания, крайне ограниченное количество медицинских услуг, оказываемых анонимно, может быть предоставлено сразу при заключении договора. Следовательно, учитывая требования гражданского законодательства Республики Беларусь, необходимо заключать договор на оказание возмездных медицинских услуг, оказываемых анонимно, в простой письменной форме.

На целесообразность заключения рассматриваемого договора в простой письменной форме также указывает тот факт, что при оказании медицинских услуг ненадлежащего качества пациенту будет крайне затруднительно защитить свои права. В соответствии с п. 11 Инструкции № 111 пациентам, которым медицинская услуга оказывается анонимно, не выдаются медицинские документы, подтверждающие оказание такой услуги анонимно. В интересах пациента может быть выдана на руки памятка, содержащая информацию об опасности нарушений врачебных предписаний. Однако даже при наличии письменного договора пациенту в таком случае будет крайне затруднительно доказать факт оказания ему медицинских услуг.

Интересным представляется подход к обеспечению анонимности лиц, используемый при проведении профилактических мероприятий по предупреждению распространения социально опасных заболеваний, вируса иммунодефицита человека анонимно. Согласно п. 4 Инструкции о порядке проведения профилактических мероприятий по предупреждению распространения социально опасных заболеваний, вируса иммунодефицита человека анонимно, утвержденной постановлением Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 01.12.2017 № 106 (далее – Инструкция № 106), обратившемуся лицу не требуется предъявить документ, удостоверяющий личность. Ему лишь необходимо указать информацию, необходимую для присвоения ему идентификационного кода. Порядок присвоения идентификационного кода установлен в п. 8 Инструкции № 106. Считаем, применение указанного подхода при оказании медицинских услуг на условиях анонимности позволит на практике заключать в простой письменной форме рассматриваемый договор, что упростит защиту прав пациента в случае их нарушения. На основании вышеизложенного, предлагаем закрепить в Инструкции № 111 порядок присвоения пациентам идентификационного кода, а также уточнить норму ст. 15 Закона, исключив из нее возможность не заключать рассматриваемый договор в письменной форме.

Бутакова Я. С.

КОРПОРАТИВНЫЕ СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ АКЦИОНЕРОВ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ РОССИИ)

Бутакова Яна Сергеевна, аспирант Аспирантской школы по праву, преподаватель Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия, yanabutakova@yandex.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Фонотова О .В.

Ограничение корпоративных прав ввиду санкций представляет собой серьезную проблему для участников корпоративных отношений в целом, но особенно для акционеров. Санкционные меры негативно сказываются в том числе и на деятельности отечественных корпораций, которые могут оказаться формально санкционированными в силу распространения на них санкций от подсанкционных участников (акционеров).

Санкционирование мажоритарного акционера распространяет ограничительные меры на любые юридические лица в той мере, в какой они принадлежат или контролируются им (в том числе любые дочерние компании в любой юрисдикции по правилу 50 %+). Отметим, что владение определяется фактическим участием в уставном капитале юридического лица и уставить его наличие или отсутствие достаточно просто.

В США в санкционных целях значение имеет только владение, а контроль не учитывается. Для определения факта распространения европейских санкций на лицо, дополнительно к критерию владения, законодательство ЕС применяет критерий контроля (п. 55b Руководящих принципов по санкциям). Здесь ключевыми являются два аспекта: наличие полномочий в совокупности с фактическими возможностями назначать исключительно правом голоса подсанкционного лица большинство членов органов управления компании (которые занимали свои должности в течение текущего и предыдущего финансового года); наличие единоличного контроля по соглашению с другими акционерами или участниками компании (что может быть выражено во внутренних соглашениях и корпоративных документах) над большинством голосов акционеров или участников в этой компании.

Одним из главных способов защиты бывших мажоритарных акционеров стало изменение корпоративной структуры владения активами, а именно снижение доли владения ниже 50 %. В структуре владения появляются бывшие топ-менеджеры компании, но уже в роли акционеров. В структуре владения также появляются компании, зарегистрированные в Китае и ОАЭ, что существенно облегчает внешнюю торговлю и проведение платежей в иностранной валюте. После событий 2022 г. бенефициары все чаще реализуют возможность создания фондов в дружественных странах. Например, в ОАЭ в свободной экономической зоне в Абу-Даби. Являясь юридическим лицом и чем-то средним между трастом и компанией, такой фонд может владеть активами, выступать стороной в суде, совершать сделки.

Важно подчеркнуть, что для минимизации санкционных рисков неподсанкционных акционеров в компании с подсанкционным акционером, на наш взгляд, необходимо реализовать следующее:

– обеспечить отсутствие большинства голосов подсанкционного акционера в компании, а также отсутствие его полномочий по назначению единоличного исполнительного органа и органов управления компании;

– прекратить любое доминирующее влияние подсанкционного акционера (например, должны быть отозваны доверенности от компании на него);

– подготовить нотариальные заверения подсанкционного акционера о том, что между ним и компанией нет каких-либо соглашений, связанных с предоставлением контролирующих функций и полномочий. Подобные заверения могут направляться по запросу контрагентам и/или банкам;

– исключить назначение родственников подсанкционного акционера на ключевые должности компании;

– в случаях продажи акций компании для снижения фактического владения акционера, бывшим сотрудникам компании необходимо проверить и обеспечить отсутствие какой-либо аффилированности с ними;

– зоной особого риска является информация о финансировании покупки долей/акций новыми акционерами.

Необходимым представляется внесение положений в Устав компании, максимально защищающих интересы бывшего мажоритария на случай обратного выкупа акций/долей. Такими условиями могут быть, например, запрет на выход участников из общества или специальные условия такого выхода.

Таким образом, корпоративный способ минимизации санкционных рисков и защиты акционеров, а вместе с ними и компании, в современную эпоху санкций заключается в формировании новой корпоративной структуры, в которой подсанкционное лицо будет лишено контроля и владения, утратив контрольный пакет акций, а вместе с этим и способность назначать или избирать должностных лиц и органы, осуществляя свое доминирующее право голоса.

Драгун К. И.

СООТНОШЕНИЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО ДОГОВОРА С МЕДИАТИВНЫМ СОГЛАШЕНИЕМ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Драгун Кристина Ивановна, учащаяся 3 курса Юридического колледжа Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, dragunkristina07@gmail.com

Научный руководитель: преподаватель Карпенко Ж. П.

Медиация в нашей стране является сравнительно новым методом урегулирования конфликтов, но уже получила широкое распространение под воздействием множества социальных факторов. Однако важным вопросом является юридическое значение медиативного соглашения.

Медиативное соглашение, достигнутое сторонами в результате процедуры медиации, проведенной после передачи спора на рассмотрение суда, имеет процессуальную природу, что позволяет применять к такому соглашению процессуальное законодательство. Часто медиативное соглашение, достигнутое до передачи дела в суд, соотносят с понятием правового договора. Это позволяет определить, можно ли применять к медиативному соглашению нормы Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) о договорах.

С древних времен люди стремились решать конфликты, договариваясь между собой. Основу современного договорного права составляет разработанная древнеримскими юристами около 2000 лет назад часть римского права о договорах.

Согласно ст. 390 ГК договором признается соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей. Договором являются лишь те сделки, которые выражают соглашение двух или более сторон. В соглашении проявляется волевой элемент договора – волеизъявление его участников.

В соответствии со ст. 1 Закона Республики Беларусь от 12.07.2013 № 58-З «О медиации» (далее – Закон о медиации) под медиативным соглашением понимается соглашение, заключенное сторонами по результатам переговоров, проведенных в установленном законодательством порядке в целях урегулирования спора (споров).

Таким образом, гражданско-правовой договор и медиативное соглашение выражают соглашение сторон. Однако, понятие «соглашение» шире, и не каждое соглашение будет являться договором, а только такое, которое обладает следующими признаками:

1) должно быть правомерным;

2) должно быть направлено на возникновение, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей;

3) должно быть достигнуто с определенной правовой целью.

Проанализировав медиативное соглашение, можно сказать, что оно обладает всеми перечисленными признаками. Значит, медиативное соглашение, согласно которому стороны возлагают на себя некоторые обязанности, определяют или изменяют свои права, можно считать правовым договором.

Одновременно с этим медиативное соглашение имеет ряд отличий от классического договора. Так, медиативное соглашение, помимо подписей сторон, должно содержать еще подпись медиатора. Однако медиатор не приобретает никаких гражданских прав и обязанностей, а лишь подтверждает, что соглашение было достигнуто при его участии в процессе.

Впервые медиация в современном ее понимании появилась в 1970-х гг. в США и в скором времени распространилась по всему миру. Многие страны включили понятия о медиации в законодательство.

В белорусском законодательстве, в отличие от большинства других стран, нет официального закрепления понятия «медиативное соглашение» в качестве разновидности гражданско-правовой сделки.

В Российской Федерации медиация имеет более широкое применение на законодательном уровне. Так, медиативное соглашение, достигнутое сторонами в результате процедуры медиации, проведенной после передачи спора на рассмотрение суда или третейского суда, может быть утверждено в качестве мирового соглашения в соответствии с процессуальным законодательством или законодательством о третейских судах, законодательством о международном коммерческом арбитраже.

Медиативное соглашение по возникшему из гражданских правоотношений спору, достигнутое сторонами в результате процедуры медиации, проведенной без передачи спора на рассмотрение суда или третейского суда, представляет собой гражданско-правовую сделку, направленную на установление, изменение или прекращение прав и обязанностей сторон. Иными словами, правовая природа медиативного соглашения в Российской Федерации ставится в зависимость от факта передачи спора на рассмотрение суда или третейского суда.

Медиация как процесс урегулирования конфликтов на законодательном уровне в Республике Беларусь нуждается в дальнейшем совершенствовании. На наш взгляд, медиативное соглашение, достигнутое до передачи дела в суд, можно определить как правовой договор, который будет направлен на решение спора между сторонами. Значит, к медиативному соглашению могут применяться не только нормы Закона о медиации, но и определенные положения ГК о договорах.

Зенькович В. Д.

КОНВЕРТИРУЕМЫЙ ЗАЁМ

Зенькович Виолетта Дмитриевна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, law.zenkovic@bsu.by

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Протасовицкий С. П.

Относительно новым для Республики Беларусь является договор конвертируемого займа, который ныне внедрен в ст. 770^1 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК). По такому договору одна сторона (займодавец) передает в собственность другой стороне (заемщику) деньги, а заемщик, при наступлении определенного договором обстоятельства, которое может зависеть от воли займодавца и/или заемщика, либо при выполнении заемщиком или третьими лицами определенных действий, передает займодавцу принадлежащие ему акции, долю (часть доли) в уставном фонде или увеличивает уставный фонд на сумму конвертируемого займа с передачей займодавцу акций, эмитентом которых является заемщик, или доли в уставном фонде. По сути, это сводится к обмену денежных средств займодавца на акции или долю заемщика с отсрочкой. Денежные средства после заключения такого договора поступают в собственность заемщика – определенной организации. Организация, получая такое финансирование, начинает реализовывать имеющиеся у нее идеи и проекты. По истечении определенного срока,

который установлен в договоре, или в момент наступления определенных обстоятельств такая организация-заемщик должна предоставить свое встречное исполнение договора: передать свои акции или долю займодавцу. В этот момент и происходит конвертация денежных средств.

Анализируя правовую природу конвертируемого займа, А. В. Качалова справедливо отмечает, что данный институт в отечественном правовом поле возник по аналогии с американскими договорными конструкциями – Simple Agreement for Future Equity (SAFE) и Keep it Simple Security (KISS), которые уже достаточно давно и успешно применяются в США. В англосаксонской правовой системе конвертируемый заем представляет собой тип инвестиций в компанию, которые могут быть обменены на вложенные средства и проценты либо на акции в течение определенного времени. Юридически заем оформляется соглашением о конвертируемом займе (convertible debt) или реже – выпуском конвертируемых облигаций (convertible notes). В такой конструкции кредитору предоставляется выбор способа исполнения обязательства, что дает ему больше правовой защищенности.

Конвертируемый заем сложно отнести к традиционным заемным обязательствам и называть его разновидностью договора займа не вполне корректно. Природа конвертируемого займа вызывает споры среди правоведов. Одни, как А. В. Богданов, считают этот договор смешанным, совмещающим элементы корпоративного договора и займа. Другие, как Е. А. Волина, полагают, что это инвестиционный договор, аналог залога неразмещенных акций. Существует также мнение, что это заем, содержащий элементы отступного, в качестве которого и выступают ценные бумаги получателя средств. Каждая из этих позиций имеет свои преимущества и недостатки. Наиболее подходящим представляется последнее, ведь конвертируемый заем соединен с рисками: если стартап не реализован и организация не приумножила свой капитал, тогда невыгодно становиться ее акционером или дольщиком, рациональнее потребовать возврат суммы займа. Но при этом отступное подразумевает альтернативу в исполнении для должника. В то же время сама природа конвертируемого займа предполагает наличие такой альтернативы лишь у кредитора, заимодавца, и только при указании данного положения в договоре.

Использованный в белорусском законодательстве механизм действия конвертируемого займа таков, что конвертация денежных средств в акции обязательна, а возврат суммы займа и выплата процентов являются лишь дополнительной опцией. Это существенно отличает конвертируемый заем от обычного договора займа, при котором встречное исполнение – это всегда возврат переданной суммы с уплатой процентов или без таковой уплаты.

Существенные условия договора конкретно законодателем не закреплены. Исходя из дефиниции п. 1 ст. 770^1 ГК, можно выделить в качестве существенного – условие о предмете, которое распадается на: 1) сумму займа; 2) обстоятельства, при наступлении которых заемщик передает акции или возвращает сумму займа; 3) акции (доли) или порядок их определения.

Законодатель указывает также некоторые условия, которые «предусматриваются сторонами в договоре»: 1) срок передачи акций/доли (увеличения уставного фонда); 2) цена акций, доли (части доли) в уставном фонде или порядок ее определения; 3) размер и порядок уплаты процентов за пользование займом (при их наличии). Так как сама конструкция нормы не содержит обязанности включить эти условия в договор, а сами они по себе не названы в качестве обязательных, считаем, что при их отсутствии признать договор незаключенным нельзя: при необходимости такие условия подлежат установлению по ст. 295, 394 и 762 ГК. В силу того, что конструкция договора выстроена через «передает деньги»–«передает акции», то договор является реальным и считается заключенным с момента передачи денежных средств.

При этом полагаем, что при заключении договора конвертируемого займа необходимо будет не только согласовать условия, но и провести определенную процедуру. В силу внесения изменений в ст. 106 ГК, решение о заключении договора конвертируемого займа относится к исключительной компетенции общего собрания акционеров. Так, вероятно, механизм заключения договора конвертируемого займа будет внедрен в белорусское законодательство по модели, существующей в Российской Федерации: изначально будет приниматься решение общего собрания акционеров по всем существенным условиям договора, потом его необходимо нотариально удостоверить. В любом случае правового регулирования такого договора на данный момент недостаточно: считается рациональным создать новые и внести ряд изменений в уже существующие нормативные правовые акты.

Кадыш О. С.

КОНСУЛЬТАТИВНЫЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ СУДА ЕАЭС КАК ЭЛЕМЕНТ УНИФИКАЦИИ ЛИЗИНГОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ЕАЭС

Кадыш Ольга Сергеевна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, 0810oli.in@gmail.com

Научный руководитель: преподаватель Павловский В. О.

Консультативное заключение Суда Евразийского экономического союза от 10.07.2020 № СЕ-2-1/2-20-БК «По заявлению Министерства юстиции Российской Федерации о разъяснении подпункта 4 пункта 2 статьи 67 Договора о Евразийского экономического союза от 29.05.2014, пункта 62 Протокола о торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций (приложение № 16 к Договору о Евразийском экономическом союзе, подписанному в г. Астане от 29.05.2014 (далее – Договор о ЕАЭС)), пунктов 3 и 15 Протокола по финансовым услугам (приложение № 17 к Договору о ЕАЭС)» (далее – Заключение), адресованное в ответ на запрос Российской Федерации по вопросам лизинговой деятельности в 2020 г., стало наиболее известным актом рекомендательного характера в запросе вопросов, направленных Суду Евразийского экономического союза (далее – Суд ЕАЭС).

Излагая суть поставленного перед Судом ЕАЭС вопроса, Российская Федерация акцентировала внимание на отсутствие правовой определенности статуса лизинговых организаций, не являющихся банковскими организациями. В этом отношении Протокол по финансовым услугам (Приложение № 17 к Договору о ЕАЭС) предусматривает, что к финансовым услугам относятся банковские услуги, в число которых включен финансовый лизинг, тем самым Протокол применяется в части лизинга только по отношению к банкам.

В сформированной правовой позиции в форме запроса акцентируется внимание на кредитных (финансовых) характеристиках лизинговой услуги. Считается, что статус юридического лица в части отнесения его к банкам или микрофинансовым организациям не должен влиять на отнесение финансового лизинга к предмету регулирования того или иного протокола.

С учетом этого Российская Федерация поставила перед Судом ЕАЭС главный вопрос: входят ли лизинговые услуги, оказываемые лизинговой организацией, не являющейся банком, в предмет регулирования Протокола по финансовым услугам (Приложение № 17 к Договору о ЕАЭС) либо они регулируются положениями Протокола о торговле услугами (Приложение № 16 к Договору о ЕАЭС)? Суд ЕАЭС в своем Заключении поддержал позицию Российской Федерации, которой она придерживается в отношении статуса юридического лица и оказываемых им лизинговых услуг. В своем Заключении в ответ на запрос Российской Федерации Суд ЕАЭС пришел к тому, что деятельность лизинговых организаций, не являющихся банками, является финансовой услугой, и поэтому регулируется на уровне ЕАЭС Протоколом по финансовым услугам, также указанном в приложении 17 к Договору о ЕАЭС.

Заключение стало известным и вызвало большое внимание стран ЕАЭС, оно имеет принципиальное значение для интерпретации и применения норм права ЕАЭС в части регулирования и толкования Договора о ЕАЭС в отношении лизинговой деятельности. Запрос Российской Федерации в Суд ЕАЭС касался не просто теоретических вопросов, а реальной проблемы. Речь шла об активно обсуждаемой с 2016 г. реформе российского рынка лизинговых услуг, где главным регулятором лизинговой деятельности в стране становится Центральный банк Российской Федерации, получающий право пруденциального надзора за всеми лизинговыми организациями. Проект Закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности специальных субъектов лизинговой деятельности» № 586986-7 (далее – Законопроект) по этому вопросу был принят в первом чтении Госдумой, но представители Евразийской экономической комиссии (далее – ЕЭК) настаивали, что Законопроект нарушает положения Договора о ЕАЭС. Мнение ЕЭК было однозначным и заключалось в следующем: в первую очередь лизинг является услугой, в отношении которой уже создан общий рынок услуг в ЕАЭС и на котором государствам – членам Союза запрещено односторонне ужесточать существующие на момент вступления Договора ЕАЭС в силу требования. Комиссия соглашалась на введение новых требований только в отношении лизинговых операций, осуществляемых банками или их дочерними организациями. После этого рассмотрение Законопроекта было приостановлено.

Таким образом, Консультативное заключение Суда ЕАЭС по делу о лизинге может иметь значение для интерпретации и применения правовых норм, касающихся лизинговых договоров, заключаемых в рамках Евразийского экономического союза. В целом Консультативное заключение Суда ЕАЭС по делу о лизинге может служить базисной моделью создания системы унифицированного правового регулирования лизинга, существенным образом влиять на развитие международных отношений, в том числе путем создания единого лизингового пространства в ЕАЭС.

Кобак С. В.

ДОГОВОР СЧЁТА ЭСКРОУ КАК СПОСОБ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

Кобак София Витальевна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, soniakobak@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Семенихин М. А.

В новой редакции Гражданского кодекса Республики Беларусь с 19.11.2024 появляется новый институт – договор счета эскроу. Согласно ст. 774^1, депонент открывает счет в банке (у эскроу-агента) для учета и блокирования денежных средств в целях передачи их третьей стороне (бенефициару) при наступлении определенных оснований, предусмотренных договором счета эскроу. Правила, дополняющие эту норму также закреплены в ст. 210^1–210^5 гл. 22 Банковского кодекса Республики Беларусь (далее – БК).

В банковском праве используется аналогичный по функциям институт. Аккредитив, регулируемый положениями ст. 254–266 БК, является безотзывным обязательством, в силу которого банк по поручению и от имени своего клиента (приказодателя) должен осуществить платеж получателю денежных средств (бенефициару), если соблюдены все условия аккредитива.

В правовом регулировании и договора счета эскроу, и аккредитива указывается, что они представляют из себя самостоятельное обязательство по отношению к обязательствам, вытекающим из договора купли-продажи или иного договора, которым предусмотрена эта форма расчетов. В обоих случаях задействуется третья сторона (банк или небанковская кредитно-финансовая организация), следящая за выполнением условий обязательства. Однако в случае с аккредитивом банк-эмитент требует предоставления всех документов (согласно ст. 254 БК аккредитив может исполняться посредством платежа при надлежащем представлении документов, платежа с отсрочкой, акцепта и оплаты или учета переводного векселя, негоциации, необходимых по условиям сделки), а эскроу-агент обязан проверить именно соблюдение условий сделки. Оба инструмента снижают риски для сторон, связанные с ненадлежащим исполнением или неисполнением обязательств.

На наш взгляд, по аналогии с аккредитивом договор счета эскроу также можно использовать в целях обеспечения исполнения обязательств. Анализируя правоприменительную практику Российской Федерации, можно выделить преимущества договора счета эскроу в обеспечительном плане.

Так, одним из преимуществ, которое мы отмечали ранее, является тот факт, что эскроу-агент осуществляет полный контроль над выполнением основной сделки – с самого ее начала до полного исполнения. Ответственность за сохранность средств лежит на нем. И при ошибке, если деньги переданы необоснованно или преждевременно, он обязан компенсировать пострадавшей стороне материальный ущерб в полном объеме.

Следует также отметить, что счета эскроу более гибкие, они просты в оформлении. Аккредитив строго регламентирован законодательством, стороны сделки ограничены в существенных изменениях условий сделки.

Заметим, что приостановление операций по счету эскроу, наложение ареста и обращение взыскания на денежные средства, находящиеся на счете эскроу, по обязательствам депонента перед третьими лицами и по обязательствам бенефициара не допускается, кроме п. 2 ст. 210[4].

Таким образом, можно предположить, как будет работать счет эскроу в качестве способа обеспечения исполнения обязательств. При заключении договора с эскроу-агентом стоит оговорить обстоятельства, при которых бенефициар получит денежные средства от эскроу-агента, в то время как при их ненаступлении денежные средства будут возвращены депоненту. Использование счета эскроу в данном случае можно воспринимать как залог имущественного права, так как в случае ненадлежащего исполнения или неисполнения обязательств бенефициару переходит право требования со счета денежных средств. Главными преимуществами для использования именно счета эскроу является использование третьей стороны – банка, которая будет следить за правильностью и полнотой исполнения обязательств, а также тот факт, что третьи лица не смогут наложить арест или обратить взыскание на денежные средства, находящиеся на счете.

Костюк В. В.

НЕЗАКЛЮЧЕННОСТЬ И НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ ДОГОВОРА

Костюк Виктория Валерьевна, студент 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, V1276889@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Стрижак М. С.

В теории белорусского и российского гражданского права до сих пор не существует единого мнения по вопросу о соотношении недействительных и незаключенных договоров.

Рассмотрим вопрос о правовой природе данных договоров. В. П. Шахматов отмечал, что недействительная сделка – это сделка, состав которой не соответствует описанным в нормах права признакам состава сделок данного вида в силу общественно вредных или общественно нежелательных свойств. Другие ученые, такие как Д. О. Тузов, И. С. Петерский, считают нецелесообразным включение недействительных сделок в существующую систему юридических фактов, объясняя свою точку зрения нелогичностью употребления термина «сделка» для обозначения

такого действия, которое хотя и направлено на достижение определенного правового результата, но в силу разных причин не может его порождать.

Д. О. Тузов, О. В. Гутников, В. И. Уруков считают незаключенный договор сделкой, не соответствующей требованиям закона, сделкой, которую следует считать ничтожной. Другая группа ученых (М. И. Брагинский, О. Н. Садиков, О. А. Красавчиков) придерживается мнения о необходимости выделения незаключенных договоров в отдельную категорию. Один из основных аргументов, приводимых в литературе в пользу разграничения недействительных и незаключенных договоров, состоит в том, что последние, в отличие от недействительных сделок, не являются юридическими фактами и, соответственно, не влекут никаких юридических последствий, с чем следует согласиться. Важное значение при этом для правоприменительной практики имеют различия между последствиями рассматриваемых договоров. В отношении незаключенных договоров не могут применяться такие способы защиты гражданского права, как признание сделки недействительной и применение последствий ее недействительности, поскольку признание договора незаключенным – самостоятельный способ защиты гражданских прав. Незаключенный договор не порождает правовых последствий, в том числе не получится требовать исполнения обязательств по договору. В случае исполнения такого «договора» одна сторона (приобретатель) без соответствующих оснований приобретает или сберегает имущество за счет другой стороны (потерпевшего), т. е. имеет место неосновательное обогащение. Следовательно, в данном случае подлежат применению нормы о неосновательном обогащении (гл. 59 Гражданского кодекса Республики Беларусь, далее – ГК). Некоторые авторы подвергают критике судебную практику, которая применяется к незаключенным договорам, вместо применения положений о последствиях недействительности сделок, нормы об обязательствах из неосновательного обогащения или виндикации. Р. Ю. Закиров полагает, что в данном случае нормы гражданского законодательства виндикации или об обязательствах из неосновательного обогащения не предусматривают возвращения обеим сторонам переданного (полученного) по договору и целесообразней применять нормы о реституции, которые больше соответствует интересам сторон при незаключенном договоре. По мнению И. Е. Степанова, последствия «незаключенного» договора, в случае его исполнения, должны быть такими же, как последствия недействительности сделок.

Согласно ст. 402 ГК договор считается заключенным, если между сторонами в требуемой в подлежащих случаях форме достигнуто соглашение по всем существенным условиям договора. Названные в законодательстве существенные условия не всегда являются значимыми для сторон, фактическое достижение которых не всегда имеет существенное значение для сделки. К примеру, не такими важными для сторон являются условия о штрихкодировании товаров в договорах поставки, формальные условия о необходимости указания номеров свидетельств в договоре строительного подряда и т. п. Полагается, что в данном случае целесообразнее введение более диспозитивных норм для регулирования максимально возможного

объема второстепенных норм. Ввиду сложности корректировки всей нормативной базы, можно было бы применить аналогию закона в ч. 2 ст. 181 ГК в соотношении с ч. 1 данной статьи: при несогласовании отдельных условий договора, суд вправе признать договор заключенным, если можно предположить, что сделка была бы совершена и без включения несогласованной ее части. В предложенном случае подобную норму можно будет применять и в тех случаях, когда стороны оставили пробелы в тексте договора.

В силу дискуссионности данного вопроса в данный момент существует необходимость законодательного закрепления положений о незаключенном договоре для внесения определенности в соотношение этого понятия с недействительностью договора и единообразия правоприменительной практики по данной категории судебных споров.

Костюк К. Ю.

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ДОГОВОР КАК ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКТ

Костюк Ксения Юрьевна, студент 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Стрижак М. С.

В соответствии с ч. 1 ст. 39 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) договором признается соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей. Как можно отметить, исходя из анализа законодательства, договор представляет собой определенную разновидность сделки, иными словами, юридического факта. Равно как любая сделка, договор является правомерным действием, которое полностью направлено на конкретные последствия.

Относительно многопонятийного представления о договоре научные дискуссии велись еще в советской и постсоветской юридической литературе. Признавая договор соглашением двух или нескольких лиц о возникновении, изменении или прекращении гражданских правоотношений, одни авторы отмечали, что под договором понимаются также само обязательство и документ, фиксирующий возникновение этого обязательства; другие выступали против такого подхода, полагая, что в этом случае имеет место разночтение одного и того же термина; третьи же противопоставляли договор понятию сделки.

О. С. Иоффе считал, что договор должен быть изучен как юридический факт и как правоотношение, а содержание договора в качестве сделки соответствует условиям, на которых достигнуто соглашение сторон. Можно утверждать, что однозначного подхода к определению и содержанию гражданско-правового договора доктрина не создала. Продолжаются дискуссии по множеству вопросов, связанных с гражданско-правовым договором, его местом в системе и, соответственно, соотношением с такими правовыми явлениями, как юридические факты, сделки, правоотношения, соглашения.

Особую роль в юридической доктрине играет сложная дискуссия об определении места договора в системе источников права. В. В. Витрянский считает, что «договор представляет собой особый вид гражданско-правовых сделок, ключевым (видообразующим) признаком которого является то обстоятельство, что он носит характер соглашения сторон». Соответственно, при конкуренции источников регулирования договорных отношений установлен приоритет норм договорного права как специальных норм, а нормы о сделках должны применяться к договору как общие нормы дополнительным образом, т. е. заполнять пробелы регулирования лишь в субсидиарном порядке при отсутствии специальных правил в общих положениях о договоре.

Как правило, договор является волевым актом. Но, несмотря на это, данный волевой акт характеризуется наличием определенных отличительных особенностей. Так, он представляет собой единое волеизъявление, которое соответственно выражает совместную волю двух сторон. В целях того, чтобы данная общая воля могла быть сформирована и закреплена в договоре, он в обязательном порядке должен быть свободен от какого-либо внешнего воздействия. В первую очередь свобода договора подразумевает, что субъекты гражданского права являются свободными в решении соответствующего вопроса, заключать либо не заключать договор. В соответствии с ч. 1 ст. 391 ГК граждане и юридические лица свободны в заключении договора.

По нашему мнению, понуждение к заключению договора должно быть возможным тогда, когда обязанность заключить договор предусмотрена законодательством или добровольно принятым обязательством. Законодательство – это система нормативных правовых актов, характеризующаяся их внутренней согласованностью, иерархией и обеспечивающая правовое регулирование общественных отношений (ст. 3 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах»). Гражданское законодательство – система нормативных правовых актов, которая включает в себя содержащие нормы гражданского права:

- Конституцию Республики Беларусь, Гражданский кодекс, иные законы и нормативные правовые акты Президента Республики Беларусь;
- постановления Правительства Республики Беларусь, изданные в соответствии с законодательными актами;
- акты Конституционного Суда Республики Беларусь, Верховного Суда Республики Беларусь и Национального банка, изданные в пределах их компетенции по регулированию гражданских отношений, установленной Конституцией Республики Беларусь и принятыми в соответствии с ней иными законодательными актами;
- акты министерств, иных республиканских органов государственного управления, местных органов управления и самоуправления, изданные в случаях и пределах, предусмотренных законодательными актами, распоряжениями Президента Республики Беларусь и постановлениями Правительства Республики Беларусь (ст. 3 ГК).

К договорам применяется такое общее правило, как «закон обратной силы не имеет», что, бесспорно, наделяет определенной устойчивостью гражданского оборота. По этой причине все участники договора могут быть уверены в том, что дальнейшие изменения в законодательстве не могут изменить условий заключенных ими договоров. Однако наряду с этим потребности последующего развития гражданского оборота могут столкнуться с определенными препятствиями, которые сформированы в условиях заключенных договоров.

Исходя из проведенного исследования, представляется, что договором признается соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей. Гражданско-правовой договор является волевым актом. Посредством гражданско-правового договора граждане расходуют полученные ими денежные средства, приобретая на них ценности, способные удовлетворять их потребности. К договорам применяется такое общее правило, как «закон обратной силы не имеет».

Купрейчик А. А.

ПРИМЕНЕНИЕ ДОКТРИНЫ ЭСТОППЕЛЬ ПРИ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНТРАКТОВ

Купрейчик Александр Анатольевич, магистрант Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, kupresasha@gmail.com

Научный руководитель: доктор юрид. наук, доцент Мещанова М. В.

В международном контрактном праве активно применяется доктрина английского общего права, согласно которой ни одна сторона спора не должна извлекать выгоду из своего недобросовестного поведения под угрозой лишения ее судом права ссылаться на юридически значимые обстоятельства в обоснование своих требований и возражений.

В настоящее время данная доктрина широко известна под названием «эстоппель» (от англ. *estop – «лишать права выдвигать возражения»*). Она также знакома ряду иных юрисдикций под такими наименованиями, как «Verwirkung» («*доктрина утраты права*» – ФРГ), «legittimo affidamento» («*защита легальных ожиданий*» – Италия), «renonciation implicite» («*подразумеваемый отказ*» – Франция). В свою очередь, в национальном праве Беларуси и иных постсоветских государств ее законодательное оформление опосредовано нормами, связанными с реализацией принципа добросовестности участников гражданских правоотношений.

Наиболее частыми случаями обращения к доктрине эстоппель в международном контрактном праве является непоследовательное и непредсказуемое поведение контрагента, в том числе и в случае несоответствия заявления о недействительности договора истинной воле, выраженной при его исполнении. В связи с этим целью эстоппеля является пресечение действий, не соответствующих первоначальному волеизъявлению стороны, ссылающейся

на обстоятельства, способные повлечь вред либо иные неблагоприятные последствия для другой стороны по договору, о которых первая сторона знала или не могла не знать при его заключении. Формами реагирования правоприменителя на подобные действия являются лишение стороны права на возражения, что способно привести к отказу в удовлетворении заявленных требований, основанных на непоследовательном поведении.

Правовые основы для обращения к концепции эстоппеля содержатся, в частности, в таких актах *lex mercatoria*, как Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА (далее – Принципы УНИДРУА), Принципы европейского договорного права (далее – PECL), «Принципы, определения и модельные правила европейского частного права. Проект общей справочной схемы» (далее – DCFR).

Принципы УНИДРУА 2016 г. не только прямо устанавливают обязанность для сторон действовать «в соответствии с добросовестностью и честной деловой практикой в международной торговле» (п. 1 ст. 1.7), но и прямо закрепляют запрет «несовместимого поведения» (ст. 1.8). Более того, Принципы УНИДРУА 2016 г. также содержат специальные положения о запрете непоследовательного поведения при постановке вопроса о недействительности договора (ст. 3.1.3, 3.2.9, 3.2.10, 3.2.12). Примечательно, что в качестве одного из доводов в обоснование действительности заключенного между сторонами договора Международный коммерческий арбитражный суд при Торгово-промышленной палате Российской Федерации по делу № 302/1996 привел положения ст. 3.15 Принципов УНИДРУА 1994 г. (сходны со ст. 3.2.12 Принципов УНИДРУА 2016 г.), направленные на ограничение периода оспаривания международных контрактов «разумным сроком».

Статья 1:106 PECL говорит о необходимости «поощрения добросовестности», а ст. 1:201 PECL прямо обязывает действовать контрагентов добросовестно в их договорных отношениях. PECL также устанавливают запрет непоследовательного поведения под угрозой лишения права ссылаться на юридически значимые обстоятельства в отношении недействительности договора (ст. 4:113 и 4:114).

Сходное регулирование отношений сторон при недействительности договора также имеют DCFR (ст. I.-1:103, II.-7:102, II.-7:210, II.-7:211).

При этом в п. 3 ст. III-1:103 DCFR особо обращено внимание на то, что если действия стороны противоречат стандарту добросовестности и честной деловой практики, то это может воспрепятствовать нарушителю использовать или полагаться на свое право, меру защиты или возражение, которые были бы доступны такому лицу в отсутствие нарушения.

Национальное законодательство многих государств (России, Казахстана, Армении, Кыргызстана, Молдовы и др.) также содержит нормы, развивающие доктрину эстоппель в их договорном праве.

19 ноября 2024 г. вступили в силу изменения, направленные также на расширение в Гражданском кодексе Республики Беларусь случаев обращения к принципу добросовестности для регулирования договорных отношений

сторон, в том числе в ситуациях, когда одной из них известно о наличии пороков договора, которые в последующем могут повлечь его недействительность (ч. 4 п. 3, п. 4 ст. 167, ст. 401^1).

Тем не менее, несмотря на потенциал рассматриваемых изменений, решающая роль при формировании их содержательного наполнения будет принадлежать суду.

Лищенко Е. Я.

К ВОПРОСУ О ПРЕДМЕТЕ ДОГОВОРОВ ВОЗМЕЗДНОГО ОКАЗАНИЯ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ ПО ПРИМЕНЕНИЮ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ РЕПРОДУКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Лищенко Елена Ярославовна, магистрант Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, alenalishchanka@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Короткевич М. П.

Определение предмета договора как одного из его существенных условий является ключевым для обеспечения правовой определенности и формирования правоотношения, возникающего из соответствующего договора. В настоящее время в законодательстве отсутствует единство подхода к определению предмета договоров возмездного оказания медицинских услуг по применению вспомогательных репродуктивных технологий (далее – ВРТ), заключаемых при осуществлении экстракорпорального оплодотворения и искусственной инсеминации.

Законом Республики Беларусь от 7 января 2012 г. «О вспомогательных репродуктивных технологиях» (далее – Закон о ВРТ) ВРТ относятся к методам оказания медицинской помощи. Примечательно, что в Модельном законе от 28 ноября 2014 г. № 41-21 «Об охране репродуктивных прав и репродуктивного здоровья граждан», принятом постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ, ВРТ относятся к методам терапии бесплодия, а не к разновидности медицинской помощи как в Законе о ВРТ. Закон Республики Беларусь от 18 июня 1993 г. «О здравоохранении» медицинскую помощь определяет как комплекс медицинских услуг, направленных на сохранение, укрепление и восстановление здоровья пациента, изменение и поддержание эстетического вида пациента, включающий медицинскую профилактику, диагностику, лечение, медицинскую абилитацию, медицинскую реабилитацию и протезирование, осуществляемый медицинскими работниками (ст. 1).

Согласно п. 4 Положения о порядке оказания платных медицинских услуг гражданам Республики Беларусь государственными учреждениями здравоохранения, утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 10 февраля 2009 г. № 182, договор, заключаемый с государственным учреждением здравоохранения при оказании услуг должен содержать следующие обязательные условия: 1) объем и стоимость платных медицинских услуг; 2) сроки оказания платных медицинских услуг;

3) порядок расчетов за платные медицинские услуги; 4) права, обязанности и ответственность сторон по договору. При этом в перечне платных медицинских услуг, оказываемых гражданам Республики Беларусь государственными учреждениями здравоохранения, утвержденном постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 10 февраля 2009 г. № 182, отдельно не перечисляются услуги, оказываемые при применении ВРТ. В свою очередь, в п. 21 перечня среди услуг по акушерству и гинекологии обозначены услуги, некоторые из которых, по нашему мнению, могут быть оказаны только при применении ВРТ, в частности, искусственная инсеминация, экстракорпоральное оплодотворение, а некоторые, и в иных случаях, в частности, медико-генетическое обследование и консультации, а также услуги по хранению и криоконсервации половых клеток (данные услуги могут быть оказаны любым гражданам, так как право на хранение половых клеток имеют также лица, не имеющие медицинских показаний к применению вспомогательных репродуктивных технологий согласно ч. 2 ст. 16 Закона о ВРТ). Исходя из изложенного, полагаем, что предметом исследуемых договоров следует рассматривать объем медицинских услуг, оказываемых при применении ВРТ, а именно конкретные медицинские вмешательства либо комплекс медицинских вмешательств, иные действия, которые соответствуют перечисленным в п. 21 перечня услугам, подходящим к оказанию при применении ВРТ.

По нашему мнению, важно отметить и сложность констатации соответствия медицинских услуг по применению ВРТ всем характеристикам медицинской помощи, определяемой законодателем, как отмечено выше, как комплекс медицинских услуг, направленных на обозначенные цели. Медицинские услуги по применению ВРТ направлены не на излечение бесплодия, а на преодоление бесплодия, поэтому целью заключения договоров возмездного оказания услуг по применению ВРТ является не восстановление здоровья пациентки, целью заключения таких договоров выступает проведение комплекса медицинских вмешательств, осуществления иных действий, которые, к сожалению, могут не всегда привести к желаемому результату – преодолению бесплодия.

Ловчий А. С.

ПРАВИЛО «CONTRA PROFERENTEM» В КОНТЕКСТЕ ПРИНЦИПА СВОБОДЫ ДОГОВОРА

Ловчий Артем Сергеевич, студент 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, lovcijartem@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Третьякова И. П.

Принцип свободы договора находит свое закрепление в ст. 2 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) как основное начало гражданского законодательства, а также в ст. 391 ГК в качестве нормы обязательственного права. Данный принцип является основополагающим, обеспечивая рациональное ведение договорных отношений, что, в свою

очередь, сказывается на эффективном удовлетворении и защите не только частных интересов, но и развитии экономики государства в целом.

Принцип свободы договора в первую очередь подразумевает под собой свободу вступления в договорные отношения. Под данной свободой понимается, что субъект сам, в независимости от других лиц решает, вступать ли ему в договорные отношения или же воздержаться. Указанный принцип подразумевает самостоятельный выбор контрагента по договору, а именно выбор другой стороны договора по своему желанию и усмотрению, а также и в отказе заключения договора с ней. Что касается определения содержания договора, то по общему правилу, условия договора определяются по усмотрению сторон. В ст. 2 ГК закреплено, что участники гражданских правоотношений свободны в установлении своих прав и обязанностей на основе договора и в определении любых его условий, не противоречащих законодательству. При этом допускается заключение договоров как предусмотренных, так и не предусмотренных действующим законодательством.

Стоит отметить, что принцип свободы договора не является безграничным. Законодатель предусмотрел, что свобода вступления в договорные отношения может быть ограничена законодательством или же добровольно принятым обязательством. Например, к договорам, обязательность заключения которых предусмотрена законодательством, следует отнести публичный договор (договор, заключенный юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем и устанавливающий их обязанности по продаже товаров, выполнению работ или оказанию услуг, которые они по характеру своей деятельности должны осуществлять в отношении каждого, кто к ним обратится (ст. 396 ГК). Принцип свободы договора может ограничиваться, когда содержание условий договора определяются одной из сторон, например, при заключении договора присоединения: договор, условия которого определены одной из сторон в формулярах или иных стандартных формах и могли быть приняты другой стороной не иначе как путем присоединения к предложенному договору в целом (ст. 398 ГК). Часть 2 п. 1 ст. 398 ГК определяет договор присоединения в сфере страхования.

В договоре присоединения выделяют сильную и слабую сторону. Используя договоры присоединения, экономически более сильная сторона вырабатывает единообразный набор условий, которые предлагаются всем клиентам, вступающим с ней в договорные отношения (например, банки). У слабой стороны фактически нет вариантов поведения, поскольку она не ведет переговоров, в том числе по уточнению, изменению отдельных условий договора, а получает уже готовую типовую проформу, разработанную другой стороной договора, которую должна либо принять целиком, либо отказаться от заключения договора вовсе. При этом существует практика, когда более сильная сторона намеренно включает неясное условие, которое затем пытается толковать в свою пользу. В связи с этим возникает вопрос, в пользу кого суд должен толковать спорное условие договора, где изначально, на стадии заключения, одна из сторон должна согласиться со всеми предложенными контрагентом условиями? Предусмотрел ли законодатель «защиту» заранее слабой стороны в регулировании данных гражданско-правовых отношений?

Проанализировав зарубежное законодательство и практику рассмотрения подобных споров, обнаруживаем так называемое правило толкования договора «contra proferentem». Данное правило заключается в том, что неясное или спорное положение договора толкуется против стороны, предложившей его текст, и, соответственно, в пользу того, кто его принял. Подобное толкование договора вполне характерно для многих зарубежных правопорядков. Российское законодательство также решило не стоять на месте. Впервые данное правило нашло прямое отражение в судебной практике, когда Президиум ВАС РФ вынес постановление от 6 марта 2012 г. по делу № А71-10080/2010 при рассмотрении спора по договорам с кредитными организациями. Позднее правило «contra proferentem» было прямо закреплено в постановлении Пленума ВАС РФ от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах».

Так в чем же заключается плюс данного правила? Как отмечает доктор юридических наук А. Г. Карапетов, «данное правило создает стимулы к более тщательному подходу к формированию договорных условий для той стороны, которая обычно подготавливает условия договора (сильная сторона). Если она понимает, что любая оставленная неясность в смысле текста будет истолкована в пользу контрагента, то получает стимул к тому, чтоы готовить договор более внимательно и выражаться ясно настолько, чтобы потенциальный контрагент понял смысл договорных положений». Таким образом, правило «contra proferentem» является хорошим стимулом повышения качества договорной работы. Данное правило могло бы быть закреплено в национальном праве, как минимум применительно к договору присоединения.

Несмотря на вышеперечисленные ограничения и регулирование законодательством области договорного права, принцип свободы договора не утрачивает своей значимости, а наоборот, его роль в современном гражданском обороте только укрепляется и возрастает. Принцип является одним из ключевым для понимания сущности как договорного, так и частного права в целом.

Манёнок В. М.

ДОВЕРЕННОСТЬ КАК СДЕЛКА

Манёнок Вадим Максимович, студент 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, vadimmanenok0@icloud.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Стрижак М. С.

Согласно Гражданскому кодексу Республики Беларусь доверенностью признается письменное уполномочие, выдаваемое с учетом определенных требований одним лицом другому для представительства перед третьими лицами. Таким образом, законодатель рассматривает доверенность в качестве односторонней сделки, обязательно в письменной форме (юридического документа), обеспечивающей содержание представительства. Следовательно, доверенность должна соответствовать всем требованиям, предъявляемым к сделкам Гражданским кодексом.

Для действительности сделки-доверенности, как и для любой другой сделки, необходимо наличие следующих элементов: законность ее содержания; способность участников совершать сделки; соответствие воли волеизъявлению; соблюдение формы, установленной законом.

В законе прямо не определены виды доверенностей, однако в доктрине в зависимости от объема и характера полномочий, которыми наделяется представитель, различают доверенности генеральные (общие), специальные и разовые. Генеральной считается доверенность, которая уполномочивает представителя на совершение широкого круга сделок и других юридически значимых действий в течение определенного периода времени. Специальная доверенность выдается на совершение представителем нескольких сделок или иных действий (как правило, однородных и которые относятся к одной сфере деятельности представителя). Разовая же доверенность выдается на совершение конкретной сделки либо иного конкретного действия, который носят разовый характер.

Гражданский кодекс также предусматривает простую и нотариальную письменную форму доверенности. Простая письменная форма предусмотрена во всех случаях без исключения. Доверенность на совершение сделок, требующих нотариальной формы, должна быть удостоверена нотариально. К нотариально удостоверенным доверенностям приравниваются, например, доверенности лиц, находящихся в учреждениях, исполняющих наказание в виде ареста, ограничения свободы, лишения свободы, пожизненного заключения, или местах содержания под стражей, удостоверенные начальниками соответствующих учреждений, исполняющих наказание, или руководителями администраций мест содержания под стражей.

Максимальный срок действия сделки-доверенности составляет три года. Исключение составляет только доверенность, удостоверенная нотариусом и предназначенная для совершения действий за границей, если в самой доверенности не указан срок ее действия. Такая доверенность будет действовать до ее отмены лицом, выдавшим доверенность.

Закон предусматривает возможность совершения сделки-доверенности в порядке передоверия в случаях, если в самой доверенности предусмотрена возможность передоверия либо когда представитель вынужден силою обстоятельств для охраны интересов представляемого. Порядок же совершения доверенности в порядке передоверия является более строгим по отношению к первоначальной доверенности, поскольку полномочия лица, которому передоверено совершение действий, производны от полномочий первоначального представителя. Так, она должна быть нотариально удостоверена (независимо от формы первоначальной доверенности); срок ее действия не может превышать срока действия доверенности, на основании которой она выдана; доверенность не может выходить за рамки ограничений, которые установлены в первоначальной доверенностью; представитель, передавший полномочия другому лицу, должен известить об этом лицо, выдавшее доверенность, и сообщить ему необходимые сведения о лице, которому переданы полномочия.

Одним из существенных условий договора является его срок, в течение которого представитель вправе действовать от имени представляемого. В законе предусмотрен закрытый перечень обстоятельств, с наступлением которых действие доверенности прекращается. Однако, представим ситуацию, что, предоставив полномочие представительства в качестве забора выигрыша в лотерее, недобросовестный представитель решил забрать выигрыш себе. Что делать в таком случае? В Гражданском кодексе не предусмотрена ответственность недобросовестного представителя и отсутствуют правила аннулирования юридических последствий осуществления полномочий недобросовестным представителем.

Считаю целесообразным дополнить содержание ст. 189 Гражданского кодекса таким обстоятельством прекращения доверенности, как «признание судом доверенности недействительной по иску потерпевшего, чьи права или законные интересы были нарушены». Таким образом, вследствие данного обстоятельства, суд сможет признать представителя недобросовестным, доверенность – недействительной, наступившие юридические последствия – ничтожными, а лицо, чьи права и законные интересы были нарушены, вправе будет потребовать моральную компенсацию.

Никоненко Е. С.

КОМПЕНСАЦИЯ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА КАК СПОСОБ ЗАЩИТЫ НАРУШЕННЫХ ЛИЧНЫХ НЕИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ

Никоненко Елена Сергеевна, студентка 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, elenanikonenko1998@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Стрижак М. С.

Требование о компенсации морального вреда является одной из форм гражданско-правовой ответственности за нарушение личных неимущественных прав. Так, в ст. 152 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) содержится следующее: если гражданину причинен моральный вред (физические или нравственные страдания) действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину другие нематериальные блага, а также в иных случаях, предусмотренных законодательством, гражданин вправе требовать от нарушителя денежную компенсацию указанного вреда.

Рассматриваются общие условия наступления гражданско-правовой ответственности за причинение морального вреда: 1) причинение морального вреда; 2) наличие противоправного поведения причинителя вреда; 3) причинная связь между неправомерным действием и моральным вредом; 4) это вина причинителя вреда. Наличие рассмотренных условий является необходимыми для привлечения лица, причинившего вред к ответственности и получения денежной компенсации. Без этих оснований гражданин не имеет право на компенсацию морального вреда. Таким образом, основанием для

получения компенсации морального вреда является нарушение нематериальных благ и иных неимущественные прав человека, которые принадлежат ему от рождения и охраняются законом.

Ключевым для юридической практики вопросом является вопрос о пределах судейского усмотрения при определении размера компенсации морального вреда. Кроме того нет единообразия в разрешении дел, связанных с компенсацией морального вреда по отдельным категориям, а именно: возмещение морального вреда, причиненного повреждением здоровья (например, при оказании медицинских услуг), в сфере трудовых отношений; при незаконных действиях правоохранительных органов; при посягательстве на честь и достоинство человека. Учитывая, что принципы, которыми должен руководствоваться суд при определении размера компенсации морального вреда носят общий и расплывчатый характер, можно констатировать, что определение размера компенсации морального вреда основывается фактически на свободном судейском усмотрении. Положение, когда теория, с одной стороны, а закон и практика – с другой, носят разнонаправленный характер и противоречат друг другу, не может быть признано удовлетворительным. Решение данной проблемы может быть достигнуто путем законодательного закрепления рамок и установления определенного базиса для определения размера компенсации морального вреда.

На наш взгляд, для определения минимального размера компенсации морального вреда за нарушение личных неимущественных прав необходимо в качестве базового размера установить размер минимальной заработной платы, так как она является государственным минимальным социальным стандартом в области оплаты труда, который устанавливается с учетом потребностей работников в материальных благах и услугах.

Важно учесть и то, что п. 16 постановления Пленума Верховного Суда от 27 сентября 2000 г. № 7 закрепляет положение о том, что при определении размеров компенсации морального вреда суду следует учитывать материальное положение потерпевшего и причинителя вреда. Закономерно возникает вопрос о соблюдении принципа равенства участников гражданских отношений. На наш взгляд, имущественное положение причинителя вреда либо потерпевшего не должны влиять на расчет компенсации морального вреда. В ст. 970 ГК закреплена денежная форма компенсации морального вреда. Вместе с тем в законодательстве, в судебной практике Республики Беларусь используются денежная и натуральная формы компенсации морального вреда, причем как по раздельности, так и в совокупности. Предпочтительной видится денежная форма, так как деньги являются универсальным средством исполнения обязательств, и потерпевший, получив денежную компенсацию, имеет возможность по своему усмотрению приобрести любую вещь, товар, услугу и т. п. Кроме того, в случае достижения внесудебного соглашения между причинителем вреда и потерпевшим о компенсации морального вреда в натуральной форме на практике могут усматриваться в действиях участников соглашения злоупотребления правом или иное неправомерное действие

Таким образом, мы можем сделать следующие теоретические выводы: 1) главные признаки национального законодательства, регулирующего компенсацию морального вреда за нарушение личных неимущественных прав, – субъективность его установления и учет судом суммы компенсации, указанной в исковом заявлении; 2) для надлежащего правового регулирования в ППВС № 7 необходимо закрепить положение о том, что минимальный размер компенсации морального вреда за нарушение личных неимущественных прав должен составлять одну минимальную заработную плату; 3) считаем целесообразным исключить из ППВС № 7 положение об учете материального положения потерпевшего и имущественного (финансового) положения причинителя вреда при определении размеров компенсации морального вреда.

Новик Т. Н.

ОСОБЕННОСТИ КЛАССИФИКАЦИИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ДОГОВОРОВ

Новик Татьяна Николаевна, студентка 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, miotatyana1@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Стрижак М. С.

В науке гражданского права существует дискуссия, связанная с пониманием классификации гражданско-правовых договоров.

Одним из спорных вопросов является классификация договоров в зависимости от имущественного предоставления. Это возмездные договоры, в которых имущественную выгоду, плату или иное встречное предоставление за исполнение своих обязанностей получают обе стороны, и безвозмездные договоры, по которым только одна сторона обязуется предоставить что-либо другой стороне без получения от нее платы или иного встречного предоставления.

Дискуссия заключается в вопросе о том, может ли конкретный договор быть возмездным или безвозмездным в зависимости от предусмотренных условий в нем. Верным будет мнение о том, что это зависит от вида договора. Например, договор купли-продажи всегда является только возмездным, договор дарения – только безвозмездным. Однако договоры хранения, поручения могут быть как возмездными, так и безвозмездными. Тем не менее законодатель установил общее правило (ст. 393 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК)), согласно которому договор предполагается возмездным, если из законодательства, содержания или существа договора не вытекает иное.

Следующим спорным вопросом является классификация договоров в зависимости от момента заключения договора, то есть выделение договоров реальных и консенсуальных. Некоторые авторы, такие как М. М. Рассолова, П. В. Алексия классифицируют на реальные и консенсуальные не договоры, а все сделки в целом. Другие же авторы, например, М. В. Карпычева и

А. М. Хужина делят по такому критерию именно договоры. В свою очередь Ю. В. Рогова придерживается второго мнения, с которым следует согласиться, так как не совсем верно делить все сделки на консенсуальные и реальные. Такое деление можно произвести в отношении только двусторонних и многосторонних сделок, т. е. сделок, являющихся договорами. Это объясняется тем, что согласно ст. 154 ГК сделка – это определенные действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. Иными словами, это поведение, которое не может быть реальным или консенсуальным. В этом контексте можно отметить, что односторонняя сделка не может быть реальной или консенсуальной. Консенсуальные договоры – это договоры, для возникновения которых достаточно одного соглашения сторон (например, купля-продажа, поставка и др.). Реальные – это договоры, считающиеся заключенными с момента передачи вещи на основе соглашения (например, заем, перевозка грузов, хранение и др.), т. е. помимо достигнутого соглашения должна последовать передача вещи (денег, оказание услуг и т. п.). Для реальной сделки характерно, что права и обязанности не могут возникнуть до момента передачи вещи. В этом ее принципиальное отличие от консенсуальной сделки.

На основе ст. 403 ГК можно сделать вывод, что, помимо четкого выделения по данному критерию классификации многими цивилистами только консенсуальных и реальных договоров, существуют и иные договоры. Так, есть договоры, момент заключения которых зависит от наличия их государственной регистрации. Например, договор купли-продажи недвижимого имущества, по которому переход права собственности на недвижимость подлежит обязательной государственной регистрации. Второй пример – это договор ренты, который согласно ст. 555 ГК подлежит нотариальному удостоверению, а договор, предусматривающий отчуждение недвижимого имущества под выплату ренты, подлежит государственной регистрации.

Отдельно стоит сказать и про договоры, заключаемые на бирже, которые согласно Закону Республики Беларусь «О товарных биржах» считаются заключенными с момента их регистрации товарной биржей, если иное не предусмотрено правилами биржевой торговли товарной биржи. По мнению Ю. В. Роговой, такие договоры составляют самостоятельную группу так называемых формальных (регистрируемых) договоров. Соответственно, из-за специфики момента заключения таких договоров отличаются и последствия несоблюдения установленных соответствующими нормами правил. Например, согласно ч. 3 ст. 522 ГК в случаях, когда одна из сторон уклоняется от государственной регистрации перехода права собственности на недвижимость, суд вправе по требованию другой стороны вынести решение о государственной регистрации перехода права собственности. А сторона, необоснованно уклоняющаяся от государственной регистрации перехода права собственности, должна возместить другой стороне убытки, вызванные задержкой регистрации.

Таким образом, рассмотрение вышеупомянутых дискуссионных вопросов способствует предотвращению неблагоприятных последствий для сторон в случае неверного понимания природы того или иного договора, которые могут выражаться, например, в неправильном определении момента возникновения прав и обязанностей сторон вследствие неверного определения момента заключения самого договора.

Осмоловский С. В.

CLICK-WRAP СОГЛАШЕНИЯ КАК СПОСОБ ЗАКЛЮЧЕНИЯ СДЕЛОК В ЭЛЕКТРОННОЙ ФОРМЕ

Осмоловский Станислав Викторович, студент 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, stanislav.osmolovsky@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Свадковская Е. А.

Заключение click-wrap договора происходит путем проставления на элементе сайта (check-box) с подписью «я согласен(а)», находящееся после текста договора. Обычно, не отметив данный check-box, потребитель не может продолжить оформление заказа или перейти к оплате товара. Таким образом, данные действия можно расценивать как акцепт. В силу п. 1 ст. 408 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) акцептом признается ответ лица, которому адресована оферта, о ее принятии.

Отметим, что акцепт не должен содержать изменения условий оферты или каких-либо дополнительных условий, в противном случае он будет являться встречной офертой.

Исторически первым судебным решением, в котором была признана юридическая сила собственно click-wrap-соглашения, являлось решение по делу Hotmail Corp. v. Vans Money Pie, Inc., в котором соглашение о порядке пользования почтовым ящиком на сайте www.hotmail.com было признано действительным, включая условие о запрете рассылки спама.

Российская практика признает действительность click-wrap-соглашений. В постановлении Девятого арбитражного апелляционного суда от 22 апреля 2019 г. № 09АП – 9865/2019 было установлено, что одним из условий признания такого соглашения действительным для обеих сторон является то, что пользователь должен совершить акцепт пользовательского соглашения.

Апелляционное определение Московского городского суда от 15 мая 2018 г. по делу № 33-15765/2018 установило, что размещение видео на хостинге YouTube происходит при четком выражении пользователем согласия на дальнейшее обнародование и использование произведения на условиях, отраженных в пользовательском соглашении.

Белорусское законодательство не содержит норм, направленных на регулирование данных соглашений. Следовательно, порядок заключения click-wrap-соглашений должен осуществляться с помощью общих положений о заключении договора. По нашему мнению, это обосновано тем, что законодатель исходит из отсутствия предпосылок к этому, поскольку

регулирование click-wrap-соглашений полностью укладывается в рамках п. 3 ст. 404 ГК. К click-wrap-соглашениям применимы нормы о публичной оферте (ст. 464 ГК), поскольку такое предложение направлено неопределенному кругу лиц. Из этого следует, что воля правообладателя считать себя связанным его условиями в случае, если другая сторона их примет. Особенность направления оферты посредством click-wrap-соглашения обусловлена архитектурой сети Интернет.

Однако в российской литературе имеются дискуссии относительно правовой природы данных соглашений. Одни исследователи относят их к договорам, заключаемым посредством обмена электронными документами, другие – к договорам, заключаемым конклюдентными действиями. Также отметим, имеются мнения об отсутствии в click-wrap-соглашениях юридической силы вовсе.

На наш взгляд, click-wrap-соглашения целесообразно относить к договорам, заключаемых посредством конклюдентных действий в силу п. 3 ст. 408 ГК. Поскольку в тексте соглашения имеются указания на то, что, кликая по кнопке «я согласен», пользователь выражает свое согласие с условиями договора, совершение таких действий является действием по выполнению указанных в оферте условий, т. е. акцептом письменной оферты конклюдентными действиями. Такое предложение обычно содержит существенные условия договора или имеет отсылку к нему. Например, при покупке билетов с помощью веб-сайта *intercars-tickets.com* для оформления заказа пользователю следует проставить в check-box «галочку» «с правилами ознакомлен и согласен», где имеется гиперссылка к Правилам для пассажиров.

А. И. Савельев выделил условия, способствующие повышению шансов признания click-wrap-соглашений заключенными: 1) пользователю должна быть обеспечена возможность предварительного ознакомления с условиями такого договора до того, как он будет считаться заключенным; 2) пользователь должен иметь возможность отказаться от принятия его условий; 3) принятие условий соглашения должно являться необходимым с технической точки зрения условием получения услуги, товара и т. п.; 4) пользователь должен иметь доступ на исправление допущенных ошибок при оформлении заказа; 5) обеспечение возможности распечатать и сохранить условия такого соглашения. По нашему мнению, данные рекомендации способствуют уменьшению количества спорных ситуаций относительно действительности данных соглашений и способствуют формированию «здоровой» правоприменительной практики.

В заключение отметим, что признание такого договора заключенным, привносит гибкость, оперативность и автоматизацию процесса его заключения в первую очередь в коммерческие отношения.

Прокопович И. А.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ САНКЦИЙ ООН

Прокопович Илья Александрович, курсант Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь,
standoff2iliazt@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук Стабровский Е. И.

В современном мире возникающие между государствами сложности должны урегулироваться дипломатическим путем с помощью правовых средств. При этом государство обладает суверенитетом, имеет право проводить самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику. Вместе с тем эта политика не всегда соответствует требованиям международного права. В таких случаях международным сообществом выработаны специальные средства, инструменты для принуждения такого государства к соблюдению норм международного права.

В современных условиях единственным законным средством принуждения государства являются санкции, одобренные Советом Безопасности Организации Объединенных Наций (далее – Совет Безопасности ООН). Меры, принимаемые для защиты прав или жизненных (национальных) интересов государств, являются односторонними мерами.

Как отмечает Х. Кехлер, «меры, принятые одним или группой (альянсом) государств, по своей природе являются односторонними, тогда как решения, санкционированные Советом Безопасности ООН от лица международного сообщества, относятся к разряду многосторонних».

Основным документом, на основании которого могут быть введены санкции, является Устав ООН. Согласно п. 7 ст. 2 Устава ООН, самой Организации запрещено «вмешательство в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию любого государства». Однако, как мы можем заметить, в настоящий момент вопросы, касающиеся прав и свобод человека, вышли за пределы государственных границ и стали предметом международного внимания.

Однако это положение п. 7 ст. 2 Устава ООН имеет и продолжение, которое предписывает определенные исключения. Они же позволяют, в свою очередь, ООН вмешиваться во внутренние конфликты, которые создают реальную угрозу международному миру, и только в таком случае Совет Безопасности ООН имеет право ссылаться на главу VII Устава ООН и применять принудительные меры.

Согласно главе VII Устава ООН только Совет Безопасности ООН имеет мандат международного сообщества на применение санкций. Согласно ст. 24 Устава ООН для обеспечения быстрых и эффективных действий Организации Объединенных Наций ее Члены возлагают на Совет Безопасности главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности и соглашаются в том, что при исполнении его обязанностей, вытекающих из этой ответственности, Совет Безопасности действует от их имени.

Но важно отметить, что даже принудительные меры, предпринимаемые по распоряжению Совета Безопасности ООН, были бы предприняты по причине угрозы международному миру, а не по причине нарушения прав человека. Эта ситуация может быть лишь поводом для рассмотрения соответствующей проблемы, если она представляет реальную угрозу международному миру и безопасности.

Нарушение прав человека иногда именуется в средствах массовой информации, политических и иных документах «гуманитарной интервенцией». Однако это не дает Совету Безопасности ООН права отдавать распоряжения о применении принудительных мер, военного вмешательства.

Практика показывает, что Совет Безопасности ООН несколько раз оценивал серьезное нарушение прав человека в некоторых странах как реальную угрозу международному миру. Так, Резолюцией 688 (1991 г.) Совет Безопасности ООН осудил «репрессии против иракского гражданского населения во многих частях Ирака, в том числе в районах проживания курдского населения»; оценил, что их «последствия создают угрозу международному миру и безопасности в регионе»; потребовал от Ирака «в качестве вклада в ликвидацию угрозы международному миру и безопасности в этом регионе немедленно прекратить эти репрессии» и «незамедлительно обеспечить международным гуманитарным организациям доступ ко всем нуждающимся в помощи во всех частях Ирака».

Таким образом, можно сделать вывод, что в современном мире законное применение принудительных мер в отношении государств возможно в связи с угрозами миру и безопасности по решению Совета Безопасности ООН.

Румянцев Н. А.

ПРЕДДОГОВОРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Румянцев Никита Андреевич, студент 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, nikrumian@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Третьякова И. П.

Институт «ответственности» является весьма многогранным понятием в гражданском праве Республики Беларусь. Но до недавнего времени в нем существовал пробел, касающийся ответственности сторон до заключения договора. Однако взаимодействие Республики Беларусь с правовыми системами других государств, изучение их опыта привело к необходимости совершенствования отдельных норм гражданского права. Одним из таких изменений стал Закон Республики Беларусь от 13 ноября 2023 г. № 312-З «Об изменении кодексов» (далее – Закон), где официально был введен институт «преддоговорной ответственности».

Стоит отметить, что как такового определения преддоговорной ответственности в Законе нет. В ст. 404^1 Закона даются лишь общие положения, которыми стороны обязаны руководствоваться, и недобросовестные действия, которых стороны обязаны избегать при проведении переговоров.

Институт преддоговорных отношений в отечественном законодательстве еще находится на стадии развития, а преддоговорная ответственность за недобросовестное ведение переговоров о заключении договора является сравнительно новой и возникла из прецедентов, возникающих при ведении переговоров с нарушением правил. Не всегда ведение переговоров о заключении договора основано на принципе добросовестности, являющимся одним из основных принципов при ведении переговоров. Вместе с тем нужно брать во внимание, что добросовестное поведение контрагентов на стадии ведения переговоров не должно однозначно приводить к заключению договора, хотя и значительно увеличивает вероятность достижения положительного результата в данном процессе. Ответственность наступает не за факт незаключения договора, а за недобросовестное поведение на преддоговорной стадии отношений. Например, одна организация считает, что контрагента следует привлечь к ответственности за недобросовестные переговоры, так как он инициировал их, чтобы получить коммерческую информацию или помешать сделке организации с третьим лицом. Субъекту хозяйствования потребуется привести доказательства злонамеренности действий другой стороны.

Стоит указать, что преддоговорная ответственность не является однородной по своей сути. Несмотря на то, что нормы о преддоговорной ответственности помещены в общей части договорного права Республики Беларусь, обоснованным является вывод о невозможности признания преддоговорной ответственности сугубо договорной, поскольку в случае незаключенного договора самих по себе договорных правоотношений не возникает. В зависимости от оснований и условий наступления ответственности за нарушения на преддоговорной стадии она может выражаться в форме договорной (если договор в итоге все-таки был заключен) или внедоговорной (квазидоговорной, деликтной) ответственности.

Согласно исследованиям российского ученого, доктора юридических наук А. Г. Карапетова, ответственность за недобросовестное ведение переговоров в виде возмещения убытков (culpa in contrahendo, precontractual liability) хорошо известна многим европейским правопорядкам. Специальные правила об этом сейчас включены в гражданские кодексы многих стран (Германия, Франция, Италия, Нидерланды и др.), а там, где такие нормы в законе не установлены, эти правила выводятся судебной практикой. Во многих странах этот институт сначала развивался исключительно в судебной практике с опорой на принцип добросовестности или (и) общие правила деликтного права, прежде чем он был закреплен в гражданской кодификации (например, Франция до 2016 г., Германия до 2002 г.). Регулируют преддоговорную ответственность и акты международной унификации частного права (ст. 2.1.15 Принципов УНИДРУА, ст. II.–3:301 Модельных правил европейского частного права). Практически все страны, которые признают общий принцип доброй совести в частном праве, в XX в. развили обширную практику привлечения к ответственности за недобросовестность на стадии переговоров и заключения договора.

В Республике Беларусь же надобностью ввода подобного института с содержанием аналогичных положений с последующей адаптацией их в отечественное законодательство явилось осознание потребности в избежании правовой неопределенности на стадии, предшествующей заключению договора, а также необходимость создания предпосылки для укрепления договорной дисциплины в сфере хозяйственной деятельности. Адаптация в наше законодательство данного правового института обеспечит дополнительную стабильность гражданского оборота и послужит в первую очередь интересам инвесторов в таких сферах, как венчурное финансирование, инновационное предпринимательство и другие.

Если сделать вывод из всего вышесказанного, то введение института «преддоговорной ответственности» стало еще одним примером в развитии гражданского законодательства в Республике Беларусь, что, несомненно, является довольно важным шагом в имплементации общепринятых норм в сферу гражданско-правовых правоотношений. Полагаем, что при реализации данной нормы возникнут проблемы привлечения к ответственности другой стороны вследствие, например, недоказанности элементного состава (наличие причинно-следственной связи между неправомерными действиями (бездействием) ответчика и убытками истца. Однако какой будет практика применения данной нормы в праве Республики Беларусь покажет время.

Савченко М. А.

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЗАЩИТЫ ЧЕСТИ, ДОСТОИНСТВА И ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ

Савченко Мария Александровна, студентка 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, savchnko_ma@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Стрижак М. С.

Честь, достоинство и деловая репутация являются такими качествами, которые наиболее полно характеризуют человека в глазах окружающих, что придает им особенную ценность.

Определение чести, достоинства и деловой репутации не нашло четкого отражения в законодательстве Республики Беларусь, что усложняет процесс доказывания факта причинения вреда чести, достоинству и деловой репутации человека. Кроме того, закрепление данных терминов создаст возможность четкого отграничения их от других охраняемых гражданским законодательством нематериальных благ.

Пленум Верховного Суда Республики Беларусь понимает деловую репутацию как общественную оценку профессиональных и деловых качеств при выполнении обязанностей, а также оценку хозяйственной деятельности как участника хозяйственных правоотношений другими участниками.

На основании исследований О. В. Власовой честь и достоинство – комплементарные понятия. Под честью понимается внешнее признание ценности человека, а достоинство – объективная ценность личности.

Гражданско-правовая защита чести, достоинства и деловой репутации значительно выделяется на фоне других отраслей права своими способами. Статья 153 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) устанавливает, что лицо, в отношении которого были распространены сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию, может требовать возмещения морального вреда и убытков, замены документа, где указаны недостоверных сведений, а также опровержение, распространенных сведений.

На основании ст. 153 ГК можно выделить обязательные для установления факты: несоответствие сведений действительности, порочащий характер сведений, распространение сведений.

Следует отметить, что в теории и в судебной практике также существует проблема толкования содержащегося в ст. 153 ГК понятия «сведения». Сторонники широкого понимания включают в это понятие сведения о фактах и оценочные суждения об этом факте или личности, а сторонники узкого понимания – только информацию о фактах.

Требование об опровержении порочащих сведений осуществляется только в том случае, если распространитель не докажет, что данные сведения действительны. Так, в гражданском процессе обязанность по доказыванию соответствия таких сведений действительности возлагается на ответчика, а истец же должен доказать только факт распространения.

Однако нанести вред чести, достоинству и деловой репутации человека может также информация, которая соответствует действительности. Такие сведения чаще всего носят персональный характер и составляют личную жизнь гражданина. В постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь указано, что порочащими являются только сведения, не соответствующие действительности, которые умаляют честь, достоинство или деловую репутацию с точки зрения соблюдения законов, норм морали, обычаев.

В ряде стран распространение сведений как достоверных, так и ложных, которые позорят честь конкретного физического или юридического лица и которые оно может рассматривать как оскорбление, носит название диффамация. Данный термин не нашел отражения в законодательстве большинства современных стран, однако его использование могло бы увеличить уровень защиты чести, достоинства и деловой репутации человека.

Обратим внимание, что ответственность и размер денежной компенсации морального вреда за распространения порочащих честь и достоинство сведений, не соответствующих действительности, не зависит от степени вины распространителя. А в случае распространения достоверной информации, но все также порочащей честь, достоинство и деловую репутацию, степень вины распространителя является основанием для установления размера возмещения морального вреда, ответственности в целом, что вытекает из положений ст. 969 и ст. 970 ГК, где установлены основания компенсации морального вреда, а также способ и размер компенсации морального вреда.

Таким образом, можно сделать вывод, что гражданское законодательство не возлагает в полной мере ответственности на лицо, распространившее соответствующие действительности сведения, которые прочат честь, достоинство или деловую репутацию другого лица. Такая информация имеет персональных характер и относится к частной жизни человека, что также является нематериальным благом в соответствии со ст. 151 ГК. Данный аспект действительно несправедлив, так как в мире полном современных технологий причинить вред чести, достоинству и деловой репутации можно и достоверными сведениями, которые лицо хотело бы сохранить в тайне.

Сацук Ю. А.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПУБЛИЧНОГО СЕРВИТУТА В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И ЗА РУБЕЖОМ

Сацук Юлия Алексеевна, учащаяся 3 курса Юридического колледжа Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, kotikula678@gmail.com

Научный руководитель: преподаватель Бухов Г. И.

Сервитут как ограниченное вещное право известен юридической науке со времен римского частного права. Опыт зарубежных стран свидетельствует о широких возможностях его применения. Вместе с тем в Республике Беларусь потенциал рассматриваемого института не в полной мере реализован в законодательстве и правоприменении.

Одной из выявленных особенностей законодательного закрепления сервитута за рубежом является его разделение на публичный и частный. В белорусском законодательстве подобное разграничение отсутствует.

В Республике Беларусь регулирование сервитута осуществляется в Гражданском кодексе (ст. 268–270), Кодексе Республики Беларусь о земле (ст. 21, 57). Так, например, существует нормативное определение земельного сервитута: под ним понимается право ограниченного пользования чужим земельным участком, устанавливаемое для обеспечения прохода, проезда, прокладки и эксплуатации газопроводов, нефтепроводов, воздушных и кабельных линий электропередачи, линий электросвязи и других подобных сооружений обеспечения водоснабжения и мелиорации, размещения геодезических пунктов, а также для иных целей, которые не могут быть обеспечены без предоставления такого права.

Как видно из определения, оно учитывает возможность установления сервитута в публичных интересах. Вместе с тем публичный и частный сервитут имеют значительные отличия, которые, на наш взгляд, должны найти свое отражение и в их правовом регулировании.

Одним из государств, осуществляющих разделение сервитутов на публичные и частные, является Российская Федерация. Частный сервитут в российском праве устанавливается соглашением сторон, а в случаях, когда стороны не смогли достичь договоренности, то разрешение на обременение

устанавливается судом. Публичный сервитут устанавливается нормативно в интересах общества и государства. Так, в соответствии с п. 1 ст. 39.37 Земельного кодекса Российской Федерации публичный сервитут может устанавливаться в целях строительства, реконструкции, эксплуатации, капитального ремонта объектов электросетевого хозяйства, тепловых сетей, водопроводных сетей, размещения строительной техники, необходимой для обеспечения строительства, ремонта инженерных сооружений, объектов транспортной инфраструктуры федерального, регионального или местного значения (на срок строительства), устройства пересечений автомобильных дорог или железнодорожных путей с железнодорожными путями на земельных участках, находящихся в государственной собственности и др. Отличительной особенностью российского подхода к регулированию публичного сервитута является достаточно подробная детализация целей его установления.

Французской Республике также известно разделение сервитутов на частный и публичный. Положением ст. 649 Гражданского кодекса Франции закрепляется, что сервитуты, установленные законом, могут иметь своей целью в том числе общественные или коммунальные интересы. Исходя из ч. 1 ст. 650 следует, что сервитуты, которые установлены в государственных или коммунальных интересах, имеют своим предметом проезжую дорогу вдоль государственных рек, строительство либо ремонт дорог и другие общественные или коммунальные сооружения.

Как видно из приведенных положений французского гражданского законодательства, цели установления публичного сервитута закреплены не так широко, как в законодательстве Российской Федерации.

Германское гражданское уложение содержит нормы исключительно о частноправовых сервитутах. При этом обременение земельного участка, находящегося в частной собственности, в пользу общественного интереса право Германии относит не к вещным правам на землю, но к ограничению права собственности. Доктрина исходит из четкого разделения понятий обременения собственности в пользу конкретного лица или лиц или в пользу неограниченного круга лиц. Современное законодательство Германии публичное обременение земельных участков относит исключительно к сфере регулирования публичного права.

Заметим, что в последние годы прослеживается тенденция сближения белорусского законодательства с законодательством других государств в рамках участия в ЕАЭС и СНГ. Так, например, в рамках законодательства СНГ разработан Модельный закон о публичных сервитутах, учитывающий специфику данного института.

По нашему мнению, законодательное разграничение публичного и частного сервитута целесообразно и в Республике Беларусь. Это поможет расширить сферу частноправового регулирования, решить возникающие и потенциально возможные конфликты, связанные с балансом частных и публичных интересов.

Сергеева С. С.

ОСОБЕННОСТИ УДОСТОВЕРЕНИЯ ДОКУМЕНТОВ, ЯВЛЯЮЩИХСЯ ОСНОВАНИЕМ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИСТРАЦИИ СДЕЛКИ С НЕДВИЖИМЫМ ИМУЩЕСТВОМ

Сергеева Софья Сергеевна, студентка 4 курса Академии управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь, sonia2004763@gmail.com

Научный руководитель: старший преподаватель Медведева В. В.

Недвижимое имущество является специфическим объектом гражданских правоотношений, который обладает своим порядком государственного регулирования. Основным инструментов государственного регулирования правоотношений с недвижимым имуществом является государственная регистрация недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним. Однако некоторые из правоотношений с недвижимым имуществом могут быть обременены дополнительными этапами регулирования. Одним из таких примеров служит механизм государственного регулирования сделок с недвижимым имуществом. Регулирование оборота недвижимого имущества посредством заключения сделок с недвижимым имуществом происходит в два этапа: первым этапом является обязательное нотариальное удостоверение документов, являющихся основанием государственной регистрации сделки с недвижимым имуществом (далее – удостоверение сделки), вторым этапом – государственная регистрация сделки. Несоблюдение одного из вышеизложенных этапов влечет за собой недействительность сделки с недвижимым имуществом, согласно п. 1 ст. 166 Гражданского кодекса Республики Беларусь. Данный порядок позволяет обеспечить безопасность вещных прав граждан, включая индивидуальных предпринимателей (далее – ИП), и юридических лиц от незаконного распоряжения недвижимым имуществом.

Ввиду политики цифрового развития Республики Беларусь происходит перевод административных процедур и государственных услуг в электронный формат в рамках подпрограммы «Цифровое развитие государственного управления», утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 2 февраля 2021 г. № 66 «О Государственной программе “Цифровое развитие Беларуси” на 2021–2025 годы». Исключением не стало и удостоверение сделок с недвижимым имуществом организациями по государственной регистрации недвижимого имущества, что нашло отражение в распоряжении Премьер-министра Республики Беларусь от 27 апреля 2020 г. № 119р «Об административных процедурах, планируемых к переводу в электронную форму». Однако на практике возникает вопрос о том, как перевести удостоверение в электронную форму.

Согласно п. 1 ст. 68 Закона Республики Беларусь от 22 июля 2002 г. № 133-З «О государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним» (далее – Закон о государственной регистрации), регистратор может осуществить по просьбе любой из сторон сделки составление документов, являющихся основанием для государственной

регистрации сделки с недвижимым имуществом. По этой причине возникает вопрос о порядке составления документов, являющихся основанием для государственной регистрации сделки с недвижимым имуществом в случае осуществления удостоверения в электронной форме.

Исходя из сложившейся практики осуществления удостоверения сделок с недвижимым имуществом вне помещения организации по государственной регистрации и из новых правовых тенденций в сфере государственной регистрации, нами разработаны два варианта составления документов, являющихся основанием для государственной регистрации сделки с недвижимым имуществом: сторона сделки будет запрашивать составление документов перед подачей заявления на удостоверение сделки; составление документов будет реализовываться регистратором недвижимости в онлайн-формате посредством видео-конференц-связи со сторонами сделки и иными участниками. На наш взгляд, оба из предложенных варианта могут быть реализованы на практике. Однако для их реализации требуется внести нормы, закрепляющие порядок составления документов при электронном удостоверении сделок с недвижимым имуществом, в постановление Государственного комитета по имуществу Республики Беларусь от 8 августа 2013 г. № 38 «Об утверждении Инструкции о порядке удостоверения регистратором документов, являющихся основанием для государственной регистрации сделки с недвижимым имуществом».

Таким образом, недвижимое имущество, являясь специфическим объектом гражданских правоотношений, обладает особыми инструментами государственного регулирования, одним из которых является удостоверение сделок с недвижимым имуществом. Осуществление удостоверения сделок регистратором представляет особый интерес ввиду тенденции к переводу всех административных процедур в электронный формат, в том числе и удостоверения сделок с недвижимым имуществом. Однако на практике возникают вопросы по реализации перевода в электронную форму: порядок составления документов, являющихся основанием для государственной регистрации сделки. Нами предложены варианты способов составления документов при электронном удостоверении сделки с недвижимым имуществом. Оба из предложенных вариантов могут быть реализованы на практике.

Станкевич М. А.

НОВЕЛЛЫ В ОБЛАСТИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ

Станкевич Максим Андреевич, студент 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, stenli.maksim@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Третьякова И. П.

В современном мире предпринимательство стало неотъемлемой частью экономической жизни. Оно охватывает широкий спектр деятельности, включая малый и средний бизнес, а также индивидуальные инициативы.

Предпринимательская деятельность физических лиц играет важную роль в экономике, способствуя созданию рабочих мест, инновациям и развитию местных сообществ.

В соответствии со ст. 1 Гражданского кодекса Республики Беларусь предпринимательская деятельность – это самостоятельная деятельность юридических и физических лиц, осуществляемая ими в гражданском обороте от своего имени, на свой риск и под свою имущественную ответственность и направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи вещей, произведенных, переработанных или приобретенных указанными лицами для продажи, а также от выполнения работ или оказания услуг, если эти работы или услуги предназначаются для реализации другим лицам и не используются для собственного потребления.

22 апреля 2024 г. принят Закон Республики Беларусь № 365-З «Об изменении законов по вопросам предпринимательской деятельности» (далее – Закон), основные положения которого вступают в силу с 1 октября 2024 г.

В соответствии с Законом предпринимательская деятельность осуществляется в Республике Беларусь юридическими и физическими лицами в порядке и на условиях, установленных законодательством.

В новой редакции ст. 22 Гражданского кодекса определены правовые основания осуществления гражданином индивидуальной предпринимательской деятельности без образования юридического лица. Так, гражданин вправе заниматься индивидуальной предпринимательской деятельностью с момента государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя или без государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя, но с момента и с соблюдением условий, предусмотренных в подпунктах 2 и 3 ч. 1 п. 1 ст. 22 Гражданского кодекса, в частности, с момента уведомления налогового органа о применении особых режимов налогообложения для осуществления: самостоятельной профессиональной деятельности; ремесленной деятельности в порядке и на условиях, определенных Президентом Республики Беларусь, а также деятельности по оказанию услуг в сфере агроэкотуризма в порядке и на условиях, определенных Президентом Республики Беларусь (с момента принятия решения местным органом власти об осуществлении гражданином такой деятельности).

При этом Закон предоставляет гражданину право осуществлять индивидуальную предпринимательскую деятельность в одной или нескольких вышеуказанных формах, например, гражданин вправе осуществлять самостоятельную профессиональную деятельность, определенную в Перечне видов деятельности, разрешенных для осуществления в качестве самостоятельной профессиональной деятельности, и в качестве индивидуального предпринимателя вид деятельности, который разрешен для осуществления в таком статусе.

Законом также предусмотрено, что физическое лицо, зарегистрированное в качестве индивидуального предпринимателя, вправе создать в упрощенном порядке коммерческую организацию, учреждаемую одним лицом.

Вместе с тем не допускается государственная регистрация коммерческой организации, создаваемой физическим лицом, зарегистрированным в качестве индивидуального предпринимателя, в случае включения этого лица в перечни организаций, формирований, индивидуальных предпринимателей и граждан, причастных к экстремистской деятельности, перечень организаций и физических лиц, в том числе индивидуальных предпринимателей, причастных к террористической деятельности.

Права и обязанности (включая исполнение налоговых обязательств) индивидуального предпринимателя переходят к этой организации в соответствии с передаточным актом.

Таким образом, новые формы предпринимательской деятельности открывают широкие перспективы для физических лиц, желающих реализовать свои предпринимательские амбиции.

Хильман С. И.

ОПЦИОННЫЙ ДОГОВОР КАК НОВЫЙ ПРАВОВОЙ ИНСТИТУТ В ГРАЖДАНСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Хильман Софья Игоревна, студентка 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, sofya.khilman@icloud.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Семенихин М. А.

Среди новелл Гражданского кодекса Республики Беларусь, вступающих в силу 19 ноября 2024 г., особое место занимают «опцион» и «опционный договор».

Прообраз опционов можно увидеть еще в Римской Империи. Так, римляне и финикийцы в морских грузоперевозках использовали специальные контракты, которые похожи на современные грузовые опционы. Непосредственно понятие «опцион» появилось, предположительно, в Голландии в XVII в. во время так называемой «тюльпановой лихорадки». Садовники, выращивающие тюльпаны, приобретали опционы пут, которые позволяли им продавать будущий урожай по подходящей цене. Покупатели, напротив, скупали колл, чтобы зафиксировать текущую цену на тюльпаны и перепродавать их по все время растущим рыночным ценам с прибылью. Опционы сыграли большую роль в надувании «тюльпанового пузыря», но спекулировать непосредственно этим производным инструментом начали позднее. Дело в том, что после панической распродажи на рынке тюльпанов, сдувания пузыря, целой серии банкротств и краха экономики Голландии, опционы на долгое время были запрещены во всем мире.

Ранее понятия «опцион» и «опционный договор» были закреплены в Декрете Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики». Исходя из содержания данного документа, ставилась задача провести в рамках Парка высоких технологий правовой эксперимент для апробации новых правовых институтов на предмет возможности их имплементации в гражданское законодательство

Республики Беларусь. Резидентам Парка высоких технологий было предоставлено право заключать между собой и (или) с третьими лицами соглашение о предоставлении опциона на заключение и опционный договор.

Опционы берут свое начало с англосаксонской правовой семьи. Опцион в английском праве – это контракт, согласно которому одна сторона предоставляет другой за вознаграждение право в будущем потребовать заключение с ней какого-то иного контракта. В бизнесе опционы делятся на два вида:

1) call-опцион – держатель опциона в течение установленного опционом срока вправе заключить контракт на покупку какого-то актива у лица, выдавшего опцион, по заранее согласованной цене;

2) put-опцион – держатель опциона в течение установленного опционом срока вправе заключить контракт на продажу какого-то актива лицу, выдавшему опцион, по заранее согласованной цене.

Исходя из этого, можно полагать, что введение права на заключение опциона в белорусском законодательстве – довольно интересный эксперимент. Ведь законодательство Республики Беларусь относится к романо-германской правовой семье. И по итогам данного эксперимента можно будет ответить на два вопроса: 1) «приживется» ли в белорусском законодательстве такой правовой институт, как опционный договор? 2) возможно ли использование института одной системы в другой?

Если говорить о том, кого больше всего заинтересует введение опционного договора, то это субъекты бизнеса, которые смогут заключать:

– опцион на заключение договора, схожий с опционом в английском праве. Держатель может на основании безотзывной оферты акцептовать в течение срока действия на тех или иных условиях, о которых стороны договорились ранее, например, на покупку держателем опциона какого-то актива (call-опцион) или на его продажу (put-опцион);

– опционный договор, который предоставляет право держателю опциона потребовать от другой стороны выполнения определенных действий. Иными словами, держатель опциона в течение его срока может по своему усмотрению потребовать от контрагента или передачи держателю опциона актива (call-опцион), или принятия от держателя опциона какого-то актива (put-опцион).

Следует также отметить, что опционный договор и опцион на заключение договора смогут заключать и физические лица.

Не менее важным остается вопрос о том, к какому виду договоров отнести опционный договор. Существует точка зрения, что опционный договор – разновидность организационного договора, поскольку направлен не на товарообмен, а на его организацию, т. е. на установление взаимосвязей участников будущего товарообмена. В положениях Декрета в отношении опционных сделок закреплено, что по опционному договору одна сторона на условиях, предусмотренных этим договором, вправе потребовать в установленный договором срок от другой стороны совершения определенных опционным договором действий (в том числе уплатить

денежные средства, передать, предоставить или принять имущество, исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности). Более того, они ставят целью организацию товарообмена путем установления взаимосвязей между участниками. Следовательно, опционные сделки следует относить к организационным договорам.

Таким образом, введение в гражданское законодательство Республики Беларусь такого правового института, как «опционный договор» позволяет предоставить новые возможности по организации экономических отношений. Немалую роль опционный договор играет также в отношениях между физическими лицами. Ведь опционы могут использоваться в сфере договорных отношений, в частности, в отношениях по поставке, аренде недвижимого имущества. Безусловно, рано говорить о том, приживется ли у нас в гражданском законодательстве опционный договор. Но, на наш взгляд, данный институт должен получить широкое распространение в Республике Беларусь. Несмотря на то, что нововведения – это не всегда успешно, все-таки – это своеобразный шаг вперед.

Шепелевич М. Ю.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СНОСА САМОВОЛЬНОЙ ПОСТРОЙКИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Шепелевич Мария Юрьевна, магистрант Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, 6129911@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Третьякова И. П.

Снос объекта самовольного строительства представляет собой гражданско-правовую санкцию, которая применяется к субъекту самовольного строительства за нарушение требований законодательства.

При сносе объекта самовольного строительства возникают вопросы: каков алгоритм действий при принятии решения о сносе самовольной постройки, в какой срок необходимо осуществить снос самовольной постройки? Ответы на данные вопросы в Гражданском кодексе Республики Беларусь (далее – ГК) или иных нормативных правовых актах не регламентированы, поэтому в литературе не существует единства мнений.

Многие ученые, например Т. Н. Уколова, Д. О. Филатова, отмечают, что отсутствие нормативной регламентации сроков для сноса самовольной постройки порождает принятие субъективных решений исполнительными органами.

Проанализировав судебную практику по обжалованию решений исполкомов о сносе объектов самовольного строительства, можно заметить, что в основном исполкомы устанавливают срок в 1 месяц с момента вынесения решения для осуществления сноса такого объекта. Реже исполкомы устанавливают 2 месяца для сноса, еще реже 3 месяца. Иногда в решениях о сносе указывается срок для сноса менее, чем один месяц, например, исполком обязал произвести снос в течение 25 дней.

Считаем, что на законодательном уровне необходимо закрепить срок, в течение которого лицо, осуществившее самовольное строительство, должно осуществить снос постройки. Исходя из изученной судебной практики, предлагаем установить срок от одного до трех месяцев с момента вынесения решения исполкомом.

Законодатель в п. 4–6 ст. 223 ГК признает возможность легализации объектов самовольного строительства при отсутствии нарушений градостроительных норм и существенных правил безопасности. Наличие таких нарушений влечет негативные последствия для лица, осуществившего строительство в виде сноса и (или) приведения постройки в соответствие с необходимыми правилами и земельного участка в соответствие с целевым назначением. На наш взгляд, так быть не должно, нужно установить условия, при которых возможно принятие таких решений, а именно закрепить, что «решение о сносе самовольной постройки принимается в случае наличия существенных нарушений, которые носят неустранимый характер».

В связи с отсутствием четких условий, при которых возможен снос самовольной постройки, возникают проблемы и в судебной практике. Исполком принял решение о сносе объекта самовольного строительства в связи с тем, что лицо, осуществившее строительство, после уведомления его исполкомом о необходимости обратиться с заявлением в «Одно окно» для ввода в эксплуатацию объекта строительства, с таким заявлением не обратилось. Суд по первой инстанции не удовлетворил требования истца и обязал снести самовольную постройку. Истец обжаловал решение суда в судебную коллегию по гражданским делам Минского областного суда и уже судебная коллегия удовлетворила требования, а решение суда и исполкома отменила в связи с тем, что для принятия решения о сносе недостаточно факта отказа лица, осуществившего строительство, от обращения в исполком для введения постройки в эксплуатацию.

Исходя из вышеизложенного, снос является одним из гражданско-правовых последствий самовольного строительства. В результате исследования выявлены проблемы, связанные с отсутствием закрепленной в законодательстве процедуры принятия решения о сносе, отсутствием оснований, при которых исполком принимает решение о сносе, а когда о приведении постройки в соответствующее необходимым требованиям состояние, отсутствием нормативно установленного срока для осуществления сноса. Также подход законодателя, отраженный в ст. 223 ГК, при котором сносу подлежат самовольные постройки, которые не соответствуют любым градостроительным нормам и существенным правилам безопасности, оценивается нами отрицательно. В связи с этим необходимо дополнить п. 3 ст. 223 ГК: «Решение о сносе самовольной постройки может быть принято при наличии существенных нарушений градостроительных норм и правил безопасности, которые носят неустранимый характер.

Снос самовольной постройки должен быть осуществлен в сроки от одного до трех месяцев за счет лица, осуществившего самовольное строительство. Установление срока сноса определяется решением исполнительного комитета с учетом допущенных нарушений».

Щеврук К. В.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНСТИТУТОВ ВИНДИКАЦИИ И РЕСТИТУЦИИ

Щеврук Ксения Валерьевна, студентка 3 курса Юридического колледжа Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, k.shchevruk1@gmail.com

Научный руководитель: преподаватель Карпенко Ж. П.

В процессе взаимодействия сторон при осуществлении гражданского оборота во все времена от римского частного права до сегодняшних дней, вопрос защиты прав собственности является особенно актуальным. Реституция и виндикация – два ключевых механизма, используемых для восстановления нарушенных прав. Оба этих способа имеют свои особенности и применяются в зависимости от обстоятельств дела. Так, одним из обсуждаемых аспектов является применение веерной реституции, процесса, представляющего собой последовательное признание цепочки сделок недействительными и применение реституции по всему ряду сделок с целью возврата утраченной вещи.

Процесс веерной реституции подразумевает под собой не только юридические преобразования, но и социально-экономические. В Беларуси применение веерной реституции вызывает множество проблем, обусловленных недостаточным правовым регулированием, конфликтом интересов сторон и отсутствием соответствующих механизмов для реализации.

Исследование и актуализация проблемы применения веерной реституции в Беларуси являются не только необходимыми для защиты прав граждан, но и важным элементом в процессе построения правового государства.

Особую значимость исследуемый вопрос приобрел в условиях увеличения числа споров о праве собственности в свете изменения современных социально-экономических условий, когда участники данных правовых отношений задаются вопросом: как выбрать надлежащий способ защиты?

Для правильности выбора важно понимать и различать эти правовые институты по следующим основаниям.

По правовой природе, когда виндикация – это вещно-правовой способ защиты, который позволяет собственнику истребовать принадлежащее ему имущество у лица, с которым он не состоял в договорных отношениях и у которого имущество находится в незаконном владении, а реституция, в свою очередь, относится к обязательственно-правовым способам защиты; она направлена на восстановление прежнего состояния сторон в недействительной сделке и предполагает возврат полученного по такой сделке имущества.

Основание применения, которым для виндикации будет истребование имущества из чужого незаконного владения, а для реституции – недействительность сделки.

Различия в правовом регулировании.

Последствия применения, которые в виндикации выражены в возвращении имущества собственнику, а в реституции каждая из сторон обязана возвратить другой все полученное по сделке.

Различия по составу заявителей: надлежащими заявителями виндикационного иска могут быть:

– собственник имущества;

– правопреемник собственника;

– лица, обладающие правом владения; в реституции надлежащими заявителями, помимо вышеперечисленных субъектов, могут выступать и заинтересованные лица.

Цель применения виндикации – возврат незаконно отчужденного имущества, в то время как применение реституции предполагает восстановление права собственности на имущество, которое было передано вследствие недействительной сделки.

Особенности применения заключаются в том, что отличительной чертой виндикации является возможность использования в случае удержания имущества добросовестным приобретателем, тогда как реституция не применяется в отношении имущества, переданного в законное владение добросовестным приобретателем.

Таким образом, вопрос защиты прав собственности остается актуальным, так как в контексте белорусского законодательства применение механизма веерной реституции представляет собой сложный и многоуровневый процесс, вызывающий разнообразные правовые и социально-экономические проблемы.

Действующего законодательства недостаточно для регулирования всех аспектов, связанных с веерной реституцией, что может приводить к конфликтам интересов сторон и затруднять процесс восстановления нарушенных прав, в том числе в судах, в части принятия обоснованных решений.

Бидюк Е. В.

НОВАЦИИ ПОРЯДКА РАЗДЕЛА СУПРУГАМИ ДОЛИ В УСТАВНОМ ФОНДЕ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ОБЩЕСТВА

Бидюк Елизавета Витальевна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, e-bidyuk@bk.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Короткевич М. П.

Хозяйственным обществом признается коммерческая организация, уставный фонд которой разделен на доли (акции) ее участников. Общество владеет имуществом, внесенным в уставный фонд ее учредителями (участниками), на праве собственности и данное имущество не принадлежит больше никаким субъектам, кроме общества, ни на праве общей долевой собственности, ни на праве общей совместной собственности. Учредители (участники) хозяйственного общества приобретают обязательственные права, которые определены учредительными документами, в частности, учредителям (участникам) хозяйственного товарищества, общества с ограниченной ответственностью или общества с дополнительной ответственностью принадлежит право на долю в уставном фонде. Под долей в уставном фонде следует понимать не имущество, которое учредитель внес в уставный фонд общества, а совокупность прав и обязанностей учредителей, участников и общества, т. е. отражение объема обязательственных прав участника в отношении имущества общества.

При разделе имущества, являющегося общей совместной собственностью супругов, если участником общества выступает один из супругов, то на долю в уставном фонде юридического лица может заявить свои права второй супруг. Следовательно, доля в уставном фонде общества, являясь имущественным правом, включается в состав общего имущества супругов, однако не может рассматриваться как вещь, объект вещных прав. Доля в уставном фоне не относится и к имуществу самого общества, которое не отвечает по обязательствам своего участника, являясь при этом собственником своего имущества.

Действующая на 1 октября 2024 г. редакция ст. 259 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК), регламентирует обязательность признания за супругом причитающейся части доли в уставном фонде общества судом. В случае, если суд признал за супругом участника хозяйственного общества право на причитающуюся ему часть доли в уставном фонде, с согласия остальных участников этого общества супруг участника может: стать полноправным участником общества; требовать выплаты стоимости причитающейся ему части доли в уставном фонде; требовать выдачи в натуре имущества на стоимость, равную его доле.

По мнению профессора Я. И. Функа, при наличии решения суда о признании права супруга на часть доли в уставном фонде общества, признается и его право быть участником общества, так как по решению суда он обладает долей в уставном фонде. Однако для вступления в состав участников общества также необходимо их согласие и соответственно волеизъявление самого супруга. Данный подход объясняется тем, что особенностью хозяйственного общества является стабильный состав его участников, поэтому, принимая устав, они вправе ограничить отчуждение долей в уставном фонде третьим лицам. Закон Республики Беларусь от 09.12.1992 № 2020-XII «О хозяйственных обществах» в ст. 101 прямо разъясняет, каким образом должно быть получено согласие остальных участников. Если участники общества откажутся включать в состав общества супруга, за которым по решению суда признано право на часть доли в уставном фонде, то будет реализован один из двух оставшихся вариантов.

После вступления в силу изменений, внесенных в ГК Законом Республики Беларусь от 13.11.2023 № 312-З «Об изменении кодексов», законодатель исключит необходимость судебного признания права на долю за тем супругом, который не является участником хозяйственного товарищества, общества с ограниченной ответственностью или общества с дополнительной ответственностью. В п. 3-1 ст. 259 ГК в новой формулировке определено, что при разделе имущества, находящегося в совместной собственности супругов, супруг участника хозяйственного общества вправе стать участником соответствующего общества с согласия остальных участников общества; требовать выплаты стоимости причитающейся ему части доли его супруга в уставном фонде; выдачи в натуре имущества на такую стоимость.

Таким образом, после вступления в силу изменений, внесенных в ГК Законом от 13.11.2023, в законодательстве исключается необходимость предварительного судебного признания права супруга на причитающуюся ему часть доли в уставном фонде. Указанное вносит определенность в вопрос раздела доли в уставном фонде, принадлежащей одному из супругов, так как позволяет супругам согласовать условие о разделе доли в уставном фонде без признания судом права на причитающуюся часть доли, например, посредством включения соответствующего условия в соглашение о разделе имущества, являющегося общей совместной собственностью супругов, или брачного договора, возможность реализации положений которых уже не будет вызывать сомнений на практике.

Богданович А. С.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СОГЛАШЕНИЯ О ДЕТЯХ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Богданович Алина Сергеевна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, alinabogdanovic07@gmail.com

Научный руководитель: старший преподаватель Русенчик Т. М.

Родители обязаны создавать условия, способствующие всестороннему развитию ребенка, его воспитанию, образованию, укреплению здоровья, а также подготовке к самостоятельной жизни в семье и обществе. В целях обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетних детей родители вправе заключить между собой соглашение о детях.

В рамках такого соглашения родители могут урегулировать вопросы, касающиеся места проживания детей, порядка общения с ними и участия в их воспитании родителем, проживающим отдельно, размера алиментов на детей, условий выезда детей за пределы Республики Беларусь, а также другие аспекты, связанные с воспитанием и содержанием детей, при условии, что это не нарушает их прав и интересов, а также не противоречит законодательству.

На сегодняшний день ст. 76-1 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье от 9 июля 1999 г. № 273-З (далее – КоБС) предусматривает два варианта оформления соглашения о детях: первый – письменная форма с обязательным нотариальным удостоверением, второй – заключение соглашения в процессе расторжения брака в судебном порядке. Согласно Закону Республики Беларусь от 8 июля 2024 г. № 26-З «Об изменении законов по вопросам регулирования брачных и семейных отношений» процедура заключения соглашения в судебном порядке будет отменена. По нашему мнению, это является нерациональным, так как утверждение соглашения судом является важным элементом контроля за его соответствием законодательным требованиям и интересам ребенка.

Кроме того, соглашение о детях может регулировать вопросы воспитания и содержания исключительно в отношении несовершеннолетних детей (ч. 1 ст. 76-1 КоБС). Данный подход законодателя считаем неоправданным, поскольку он ограничивает права родителей в отношении их совершеннолетних нетрудоспособных детей, которые в силу объективных причин не способны в достаточной степени удовлетворять свои материальные, духовные потребности, обеспечивать себя и нуждаются в помощи родителей после достижения совершеннолетия.

На основании ст. 76-1 КоБС соглашение о детях представляет собой договор, заключаемый родителями несовершеннолетнего ребенка. Согласно ст. 50 КоБС возникновение родительских правоотношений связывается с фактом рождения ребенка, что означает невозможность заключения

соглашения о детях на будущее время. Считаем это положение необоснованным, так как немаловажным является то, что родители могут заранее договориться о таких ключевых аспектах, как распределение обязанностей по уходу за новорожденным, место проживания ребенка и порядок общения с обоими родителями. Это создаст стабильную и комфортную среду для ребенка с момента его рождения.

Как сказано выше, родители могут определить свои права и обязанности по вопросам содержания детей, если это не нарушает прав и законных интересов ребенка и других лиц. В связи с этим возникает вопрос о возможности включения в соглашение об уплате алиментов положений о передаче имущества в собственность ребенка, как это предусмотрено ст. 103-6 КоБС. Считается, что такой подход, в зависимости от воли родителей и интересов ребенка является целесообразным и может быть включен в соглашение.

Следует также отметить, что существуют трудности и в определении алиментов в данном соглашении, так как родители могут скрывать свои доходы, работать неофициально или уклоняться от исполнения соглашения о детях. В таких ситуациях даже государственные органы могут не обладать достаточными инструментами для эффективного взыскания средств.

Установленные суммы алиментов могут не соответствовать изменяющимся потребностям ребенка или финансовым возможностям родителей, что вызывает необходимость частых пересмотров судебных решений, что не всегда делается своевременно.

Несмотря на наличие соглашения о детях, один из родителей может препятствовать другому в общении с ребенком, особенно если отношения между бывшими супругами напряженные. Наличие такого нарушения условий соглашения сложно обнаружить, что приводит к затяжным конфликтам. Это также указывает на то, что в настоящий момент не существует эффективного механизма контроля за четким исполнением условий соглашения о детях.

Таким образом, соглашение о детях является важным инструментом для урегулирования вопросов, связанных с воспитанием и содержанием несовершеннолетних детей, однако оно имеет ряд недостатков. Отмена возможности заключения соглашений в судебном порядке может снизить контроль за их соответствием законодательству и интересам ребенка. Кроме того, ограничение соглашений только несовершеннолетними детьми лишает родителей права обеспечивать поддержку совершеннолетним нетрудоспособным детям. Также возникают проблемы с исполнением соглашений, особенно в отношении алиментов и общения с детьми, что указывает на необходимость совершенствования правовых механизмов и контроля.

Волкова В. А.

О ПРИРОДЕ АЛИМЕНТНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

Волкова Виктория Александровна, студентка 2 курса Саратовской государственной юридической академии, г. Саратов, Россия, chudolen198170@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Кабышева Т. В.

Кратко обрисую ту модель семейного права (в части алиментов на содержание несовершеннолетних детей и прав разведенных родителей по отношению к их детям), которая представляется наиболее подходящей под сложившиеся в современной России социально-экономические условия. Точнее, не всю модель, а именно те моменты, которые отличаются от отраженного в нынешнем Семейном кодексе Российской Федерации (далее – СК РФ) и отдельных нормах Гражданского кодекса Российской Федерации порядка.

1. В наиболее распространенном сценарии, алиментное обязательство на несовершеннолетнего ребенка – это денежное обязательство родителя, не проживающего постоянно с ребенком, перед другим родителем, который (как правило) проживает с этим ребенком. Уточнение «как правило» внесено как оговорка для ситуаций, когда ребенок-подросток живет то с одним родителем, то с другим, но де-факто его нужды финансирует напрямую только один родитель, а второй лишь перечисляет алименты первому.

2. Такое обязательство возникает в момент заключения соглашения о порядке содержания ребенка («соглашения о порядке уплате алиментов») или решения суда о взыскании алиментов.

3. Указанное обязательство является результатом трансформации неденежного (натурального) обязательства родителя по содержанию своего ребенка. Если точнее, то в результате трансформации обязанность содержать ребенка (не имеющая твердого денежного выражения) возлагается целиком и полностью на содержащего родителя, а у второго алиментирующего родителя остается лишь денежное обязательство.

4. Важно отметить, что это денежное обязательство, будучи установленным по соглашению сторон, может иметь не твердое денежное выражение, а быть привязано к стоимости (например: «оплатить стоимость таких-то курсов английского языка» или «приобрести музыкальный инструмент в соответствии с требованиями музыкальной школы»).

5. Более того, как и кредитный договор может предусматривать отдельные неденежные обязательства (нарушение которых влечен неустойку или изменяет сроки исполнения денежного обязательства), так и алиментное обязательство может содержать акцессорные неденежные обязанности, например: выдавать в заданные сроки требуемые консульствами зарубежных стран нотариальные согласия на выезд ребенка. Но это не отменяет его денежной природы.

6. Кредитором в этом обязательстве является вовсе не ребенок, а содержащий родитель, а должником – алиментирующий родитель. Эта модель годна и для случаев, когда «содержащий родитель» – это опекун, а алиментирующий родитель – это лишенное родительских прав лицо (лица).

7. Рационализация этой модели следующая: в изначальный момент трансформации (изначального обязательства родителя содержать своего ребенка в алиментное обязательство), когда содержащий родитель подает иск либо заключает с алиментирующим родителем соглашение об алиментах, имеет место своеобразный регресс: алиментирующий родитель отказался добровольно содержать ребенка (или не смог прийти с содержащим родителем к согласию о совместном исполнении натурального обязательства по содержанию), поэтому содержащий родитель стал вынужден единолично содержать ребенка, и у него появляется особое, денежное требование ко второму родителю, размер которого определяется судом или договором.

8. Откровенно говоря, моментом трансформации я бы признавал даже сам момент прекращения совместного проживания (во всяком случае, для детей доподросткового возраста). Ибо содержание как забота о ребенке, обеспечение всей его жизнедеятельности, по-настоящему возможно только при совместном с ребенком проживании. В период, когда родители такого маленького ребенка живут уже раздельно, пусть даже соглашение еще не подписано и иск еще не подан, проживающий отдельно родитель – уже алиментирующий, так как не может исполнять натуральное обязательство, предусмотренное СК РФ. Соответственно, алименты должны «начисляться» именно с этой даты, а не с даты иска/заключения соглашения.

9. Исполнение алиментного обязательства может быть только денежным и только в адрес содержащего родителя (если иное не предусмотрено их соглашением), т. е. подарки и карманные деньги ребенку, если родители не договорились об ином, таким исполнением не являются. С другой стороны, любые деньги, полученные содержащим родителем от алиментирующего (в том числе в период раздельного проживания до иска/соглашения) без указания их назначения, должны зачитываться в счет уплаты алиментов, пока не доказано иное.

Гонченко А. А.

ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ЛИШЕНИЯ РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И ДРУГИХ СТРАН СНГ

Гонченко Алина Александровна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, gonchenko04@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Короткевич М. П.

Лишение родительских прав – исключительная мера семейно-правовой ответственности, применяемая в отношении родителя за виновное противоправное действие или бездействие в отношении своего

несовершеннолетнего ребенка, которая направлена на защиту его законных интересов и выражается в лишении родителя прав, основанных на факте родства с ребенком. Государства, входящие в состав Содружества Независимых Государств (далее – СНГ) ранее входили в состав СССР. После распада СССР каждое государство развивалось по-своему. В рамках настоящего исследования сравним опыт каждого их них относительно определения правовых последствий лишения родительских прав.

Согласно ст. 82 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье (далее – КоБС) наиболее существенным правовым последствием лишения родительских прав является утрата родителем всех прав, основанных на факте родства с ребенком (право на воспитание, право на получение содержания от него, право на пенсионное обеспечение после смерти ребенка, право на наследство по закону и др.). Законодательства других стран СНГ правовым последствием также называют утрату объема прав по отношению к ребенку, основанному на факте родства, включая право на льготы и государственные пособия, установленные для граждан, имеющих детей.

Лишение родительских прав не влияет на обязанность родителей по содержанию ребенка, которая сохраняется за родителями, лишенными родительских прав. По законодательству Республики Беларусь родители вместо обязанности по содержанию детей, могут нести обязанность по возмещению расходов, затраченных государством на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении.

Еще одним последствием лишения родительских прав выступает лишение права родителя, лишенного родительских прав в отношении своего ребенка, быть опекуном, попечителем или усыновителем (ч. 2 ст. 82, ч. 1 ст. 125 КоБС). В нормах семейного законодательства иных стран СНГ данное ограничение содержится только в разделах об усыновлении ребенка: усыновителем, опекунами (попечителями) не может быть лицо, лишенное по суду родительских прав (например, п. 3 ч. 1 ст. 127, п. 1 ч. 1 ст. 146 Семейного кодекса Российской Федерации).

В странах СНГ гарантируется сохранение за ребенком, в отношении которого родитель (родители) лишены родительских прав, права собственности на жилое помещение или право пользования жилым помещением, а также имущественные права, в том числе на получение наследства. В соответствии с ч. 6 ст. 81 Семейного кодекса Узбекистана данное право ребенка сохраняется до момента его усыновления. Законодательство Республики Беларусь гарантирует сохранение права собственности на жилое помещение или права владения и пользования жилым помещением, закрепленным за ними в порядке, установленном законодательством.

Согласно положениям гл. 13 КоБС срок, по истечении которого ребенка, родители которого лишены родительских прав, можно усыновить (удочерить), не указан. Только в соответствии с ч. 1 ст. 120 КоБС усыновление ребенка допускается до момента приобретения им дееспособности в полном объеме. Законодательства большинства иных стран СНГ устанавливают, что

усыновление ребенка, в отношении которого родители лишены родительских прав, осуществляется по истечении шести месяцев со дня вынесения решения о лишении родительских прав. Семейный кодекс Туркменистана обозначает такой срок в один год.

Законодательства Беларуси, Казахстана, Молдовы и Туркменистана допускают возможность общения с ребенком родителей, лишенных родительских прав, по согласию органа, осуществляющего функции опеки и попечительства, опекуна (попечителя) (отличается только очередность обращения), при условии, что общение отвечает интересам ребенка. Другие страны такой возможности не определяют.

Таким образом, в странах СНГ схожими правовыми последствиями лишения родительских прав являются утрата всех прав, основанных на факте родства с ребенком; сохранение обязанности по содержанию ребенка (алиментные обязательства; расходы, затраченные государством на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении); невозможность стать усыновителем, опекуном (попечителем); сохранение за ребенком права собственности, права пользования и владения жилым помещением.

Различия в положениях законодательства: КоБС не устанавливает срок, по истечении которого ребенок, в отношении которого родители лишены родительских прав, может быть усыновлен; некоторые страны СНГ содержат положения о возможности общения родителей с ребенком после лишения родительских прав.

Ксензова А. М.

ПРОБЛЕМЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ РЕБЕНКА, РОЖДЕННОГО СУРРОГАТНОЙ МАТЕРЬЮ

Ксензова Анастасия Михайловна, студентка 4 курса юридического факультета Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, aksenzova1610@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Короткевич М. П.

Развитие вспомогательных репродуктивных технологий (далее – ВРТ) позволило управлять процессами зачатия и рождения ребенка, что в свою очередь потребовало появления новых правовых актов, которые разрешали бы вопрос установления происхождения детей, рожденных в результате применения ВРТ.

При рождении ребенка женщиной, состоящей в браке, права и обязанности между матерью, отцом и ребенком возникают автоматически с момента рождения ребенка, происхождение ребенка от родителей основывается на факте рождения ребенка конкретной женщиной и записи акта о заключении брака. В случае рождения ребенка суррогатной матерью, данный общий порядок не может быть применим, в связи с этим актуальным видится исследование вопросов установления происхождения детей,

рожденных суррогатной матерью. Правовые вопросы установления происхождения детей, рожденных в результате применения суррогатного материнства, являются сложными, так как связаны с этическими, социальными и религиозными проблемами.

Порядок установления происхождения детей при реализации ВРТ в Республике Беларусь закреплен на законодательном уровне. Согласно ст. 52 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье (далее – КоБС), супруг, давший в установленном порядке согласие на применение вспомогательных репродуктивных технологий в отношении своей супруги, признается отцом рожденного ею ребенка и не вправе оспаривать свое отцовство, за исключением случая, когда имеются доказательства, что супруга забеременела не в результате применения вспомогательных репродуктивных технологий. Женщина, родившая ребенка, признается матерью и в том случае, если ребенок зачат из яйцеклетки, изъятой из организма другой женщины, за исключением рождения ребенка суррогатной матерью. Матерью ребенка, рожденного суррогатной матерью, признается женщина, заключившая с суррогатной матерью договор суррогатного материнства. Отцом ребенка, рожденного суррогатной матерью, признается супруг женщины, заключившей с суррогатной матерью договор суррогатного материнства. Если женщина, заключившая с суррогатной матерью договор суррогатного материнства, не состоит в браке, сведения об отце ребенка вносятся в запись акта о рождении в порядке, предусмотренном ч. 1 ст. 55 КоБС.

Подход, используемый отечественным законодателем, на наш взгляд, является верным, так как при применении суррогатного материнства ребенок является результатом намерения стать матерью женщины, заключившей договор, а также ее супруга (если эта женщина состоит в браке), а также их последующих действий и волеизъявлений.

Согласно КоБС, наличие надлежащим образом оформленного договора суррогатного материнства и медицинских документов, подтверждающих его исполнение, автоматически делает женщину, заключившую договор с суррогатной матерью (генетическую мать, женщину, которая воспользовалась донорской яйцеклеткой), и ее супруга законными родителями. Следовательно, в Республике Беларусь правоотношения между матерью и ребенком, рожденным в результате применения суррогатного материнства, устанавливаются на основе медицинской справки о рождении, где матерью новорожденного ребенка указывается генетическая мать или женщина, заключившая с суррогатной матерью договор суррогатного материнства, если для зачатия ребенка использована донорская яйцеклетка. Медицинская справка о рождении выдается лицам, которые в соответствии с законодательством вправе делать заявлении о регистрации рождения. В рассматриваемой ситуации такими лицами будут выступать женщина, заключившая договор суррогатного материнства, ее супруг (при наличии) и иные лица, которые закреплены в ст. 205 КоБС. Договор суррогатного материнства носит строго личный характер. Согласно ст. 388 Гражданского

кодекса Республики Беларусь смерть гражданина является основанием для прекращения обязательства, если обязательство тесно связано с личностью.

Следует отметить, что в научной литературе существует дискуссия о правовой природе договора суррогатного материнства, нет единого мнения относительно судьбы договора, в случае смерти женщины, заключившей договор суррогатного материнства с суррогатной матерью, ее супруга (если она состояла в браке). Указанное не позволяет определить более точные последствия и дальнейшие возможные действия суррогатной матери по выполнению обязанностей по договору суррогатного материнства (по вынашиванию и рождению ребенка). Кроме того, решения требуют и вопросы регламентации установления происхождения ребенка, рожденного суррогатной матерью, в случае смерти к моменту рождения ребенка женщины, заключившей с суррогатной матерью договор суррогатного материнства, а также ее супруга (при наличии).

Соловьёва Д. Д.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРИМЕНЕНИЯ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ РЕПРОДУКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Соловьёва Диана Дмитриевна, студентка 3 курса Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева, г. Екатеринбург, Россия, Solovevadiana433@gmail.com

Научный руководитель: старший преподаватель Русенчик Т. М.

В Российской Федерации в ч. 1 ст. 55 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 323) закреплено легальное определение вспомогательных репродуктивных технологий (далее – ВРТ) – это методы лечения бесплодия, при применении которых отдельные или все этапы зачатия и раннего развития эмбрионов осуществляются вне материнского организма (в том числе с использованием донорских и (или) криоконсервированных половых клеток, тканей репродуктивных органов и эмбрионов), а также суррогатное материнство.

При буквальном толковании данной нормы складывается впечатление, что причинами использования ВРТ является только наличие бесплодия, однако в соответствии с Приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 31 июля 2020 г. № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» (далее – Приказ № 803н) и Письмом Минздрава России от 05.03.2019 № 15-4/И/2-1908 «О направлении клинических рекомендаций (протокола лечения). Вспомогательные репродуктивные технологии и искусственная инсеминация» (далее – Письмо № 15-4/И/2-1908) в перечне причин также содержатся наличие показаний к преимплантационному генетическому тестированию, сексуальные нарушения,

что препятствуют выполнению полового акта и дискордантные пары с ВИЧ. Необходимо отметить, что окончательное решение о наличии показаний и противопоказаний для применения ВРТ принимается лечащим врачом, а при выявлении ограничений процедура лишь приостанавливается до момента устранения таковых, если их устранение представляется возможным. В ст. 1 Закона Республики Беларусь от 07.01.2012 № 341-З «О вспомогательных репродуктивных технологиях» (далее – Закон о ВРТ) также содержится легальное определение: «вспомогательные репродуктивные технологии – это методы оказания медицинской помощи, при которых отдельные или все этапы зачатия и (или) раннего развития эмбриона (эмбрионов) до переноса его (их) в матку осуществляются в лабораторных условиях». Последнее определение представляется наиболее удачным, поскольку оно отражает сущность применения ВРТ как метода оказания медицинских услуг, а не ограничивается лишь лечением бесплодия.

Одним из видов ВРТ является экстракорпоральное оплодотворение (далее – ЭКО), которое заключается в соединении сперматозоида и яйцеклетки вне организма женщины, развитии образовавшегося в результате этого соединения эмбриона и дальнейшем переносе данного эмбриона в матку (ст. 1 Закона о ВРТ). Важно отметить, что регулирование применения ЭКО в рассматриваемых странах также различно. В Беларуси данный вид ВРТ не применяется в отношении пациентки, достигшей 50 лет (ст. 6 Закона о ВРТ), а в России аналогичного ограничения законодательно не установлено и женщина любого возраста может воспользоваться ЭКО, учитывая лишь медицинские показания и противопоказания, содержащиеся в Приказе № 803н.

В законодательстве Российской Федерации на сегодняшний день существует коллизия норм Семейного кодекса Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (далее – СК РФ) и ФЗ № 323, что заключается в несовпадении круга лиц, которые могут воспользоваться ВРТ и впоследствии быть записанными в качестве родителей ребенка. В п. 4 ст. 51 СК РФ круг субъектов ограничивается лицами, которые состоят в браке и дали на это свое письменное согласие. Часть 3 ст. 55 ФЗ № 323 помимо супругов уполномочивает применять ВРТ мужчине с женщиной, не состоящих в браке. В связи с этим несовпадением последние часто сталкиваются в органах ЗАГС с отказом в регистрации их в качестве родителей.

Немаловажным аспектом является и запрет в Российской Федерации на одновременное использование донорских половых клеток и суррогатного материнства, что содержится в Федеральном законе от 19.12.2022 № 538-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», в Республике Беларусь подобного запрета нет. Кроме того, сами требования к суррогатным матерям в рассматриваемых странах отличаются: согласно п. 10 ст. 55 ФЗ № 323 суррогатной матерью может быть женщина в возрасте от 25 до 35 лет, а в Республике Беларусь такой возраст снижен до 20 и достигает 49 лет в случаях, установленных ст. 22 Закона о ВРТ. Подобная разница в регулировании предоставляет возможность обхода законодательства и становится полем для совершения правонарушений.

Таким образом, в результате проведенного анализа выявлена разница в российском и белорусском подходах к применению ВРТ. В связи с этим считаем необходимым внести в законодательство Российской Федерации следующие изменения: ч. 1 ст. 55 ФЗ № 323 изложить следующим образом: «ВРТ – это методы оказания медицинской помощи, при которых отдельные или все этапы зачатия и (или) раннего развития эмбриона (эмбрионов) осуществляются вне материнского организма, а также суррогатное материнство», а абзацы первый и второй п. 4 ст. 51 после слов «Лица, состоящие в браке» дополнить словами «, а также мужчина и женщина, не состоящие в браке». Представляется, что внесение данных изменений усовершенствует правовое регулирование ВРТ и устранит сложившиеся правовые пробелы и коллизии.

Читакова Д. С.

СУБЪЕКТЫ СОГЛАШЕНИЯ ОБ УПЛАТЕ АЛИМЕНТОВ

Читакова Дарья Сергеевна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, chitakova2706@gmail.com

Научный руководитель: старший преподаватель Русенчик Т. М.

Соглашение об уплате алиментов (соглашение о содержании своих несовершеннолетних и (или) нуждающихся в помощи нетрудоспособных совершеннолетних детей) представляет собой важный инструмент для обеспечения материального содержания несовершеннолетних и нуждающихся в помощи нетрудоспособных совершеннолетних детей. Это соглашение регулирует порядок, форму и условия предоставления алиментов, что позволяет сторонам избежать конфликтов и судебных разбирательств. Вместе с тем в настоящее время различаются подходы к определению субъектов соглашения об уплате алиментов в теории и практике. Такое различие создает определенные трудности в понимании данного значимого элемента для данного соглашения.

По своей сути соглашение об уплате алиментов – особый семейно-правовой договор, регулирующий правоотношения членов семьи по вопросам предоставления содержания во внесудебном порядке. Это добровольное, взаимовыгодное решение, основанное на цивилизованном подходе родителей к вопросу о содержании несовершеннолетних детей и совершеннолетних нетрудоспособных детей. С учетом указанного, одни авторы понимают под сторонами Соглашения об уплате алиментов обоих родителей, а другие – одного из родителей, проживающего отдельно, в связи чем обязанного исполнять обязательство по содержанию ребенка, и самого ребенка. Представляется более справедливой точка зрения первой группы авторов, разделяем ее и считаем, что сторонами Соглашения об уплате алиментов могут быть родители между собой (плательщик и получатель) или законные представители несовершеннолетних (плательщик-родитель, а получатель – законный представитель, распоряжающийся в интересах несовершеннолетнего полученными средствами на содержание).

Согласно ст. 103-1 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье от 9 июля 1999 г. № 278-З (далее – КоБС) соглашение об уплате алиментов заключается между родителем, обязанным уплачивать алименты, и лицом, получающим алименты.

Как указывалось выше, одной из сторон соглашения является лицо, получающее алименты, тем самым получается размытость формулировки. Белорусский законодатель ограничил случаи применения соглашения об уплате алиментов только правоотношениями родителей, а также родителей и их детей по вопросам предоставления содержания несовершеннолетним детям и нуждающимся в помощи совершеннолетним нетрудоспособным детям. В то же время российский законодатель допускает в ст. 99 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) заключение соглашения об уплате алиментов в любых случаях исполнения алиментных обязанностей, в том числе обязанностей по предоставлению содержания супругу (бывшему супругу), нетрудоспособным нуждающимся в помощи родителям и т. д. Более того, согласно ст. 102 СК РФ соглашение об уплате алиментов может заключаться в пользу несовершеннолетнего ребенка или совершеннолетнего недееспособного члена семьи.

Таким образом, проанализировав данную тему, можно утверждать, что институт соглашения об уплате алиментов позволит устранить неточности относительно правовой природы соглашения путем установления более конкретного субъектного состава, расширения круга лиц, получающих алименты. И именно для того, чтобы доктрина не претерпела крушения, необходимо расширить круг данных лиц, но про супругов вопрос достаточно обтекаем, поэтому предлагаем ввести специальную норму, которая несколько определила бы положение супругов в данном соглашении.

Безусловно, соглашение об уплате алиментов имеет определенные неточности, пробелы, но это объясняется лишь тем, что данное соглашение достаточно новое, и в скором времени его субъектный состав будет более точным.

Шмакова К. А.

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ УСЛОВИЙ ЗАКЛЮЧЕНИЯ БРАКА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И ФРАНЦУЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Шмакова Ксения Александровна, магистрант факультета международных отношений Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, ksyushashmakova@icloud.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Ананич С. М.

В условиях глобализации, активизации миграционных процессов правовое регулирование брачных и семейных отношений приобретает все большее значение. Ежедневное взаимодействие лиц между собой приводит к возникновению множества правоотношений, в том числе брачно-семейных.

На сегодняшний день в большинстве государств брак рассматривается как добровольный юридически оформленный союз двух лиц, имеющий в качестве своей цели создание семьи и включающий совместное ведение общего хозяйства.

В Республике Беларусь для заключения брака между мужчиной и женщиной необходимо выполнение следующих условий: наличие взаимного согласия лиц, вступающих в брак; достижение ими брачного возраста, а также отсутствие препятствий к заключению брака. По общему правилу, брачный возраст в Республике Беларусь устанавливается в 18 лет (ст. 18 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье, далее – КоБС). Его снижение возможно в пределах до трех лет в исключительных случаях по заявлению лиц, вступающих в брак. Решение о снижении брачного возраста принимает орган, регистрирующий акты гражданского состояния. При этом согласия родителей, попечителей несовершеннолетних на заключение брака не требуется (ч. 3 ст. 18 КоБС).

Материальные условия вступления в брак, закрепленные во французском законодательстве, схожи с белорусским законодательством. Так, во Франции заключение брака возможно между двумя любыми дееспособными лицами, достигшими совершеннолетия, а также при наличии взаимного согласия лиц, вступающих брак, и при отсутствии препятствий к заключению брака (ст. 144–147, ст. 161–163 Гражданского кодекса Франции, далее – ГК Франции). Во Французской Республике брачный возраст для обоих супругов составляет 18 лет. Однако государственный прокурор места заключения брака вправе сделать исключение и снизить брачный возраст, но не более чем на два года, при наличии серьезных причин (ст. 145 ГК Франции). Перечень таких причин в Гражданском кодексе Франции не закреплен. Стоит отметить, что несовершеннолетние лица не могут вступать в брак во Франции без согласия отца и матери (ст. 148 ГК Франции).

Рассматривая препятствия к заключению брака, стоит отметить, в Республике Беларусь недопустимо заключение брака между лицами, из которых хотя бы одно лицо состоит уже в другом браке, зарегистрированном в установленном порядке; между родственниками по прямой восходящей и нисходящей линии, между братьями и сестрами, усыновителями (удочерителями) и усыновленными (удочеренными), а также между лицами, из которых хотя бы одно лицо признано судом недееспособным (ст. 19 КоБС). В случае сокрытия таких обстоятельств и вступления в брак, а также в случае заключения брака без намерения создать семью (фиктивный брак) данный союз будет признан недействительным.

Во Франции невозможно заключить брак, если один из супругов уже состоит в другом действительном браке; между родственниками по прямой восходящей и нисходящей линии, по боковой линии между братом и сестрой, а также брак запрещен между дядей и племянницей, тетей и племянником (ст. 147, ст. 161–163 ГК Франции). Интересно, что при заключении брака во Франции фамилии супругов не меняются. Во Франции мужчина и женщина, вступив в брак, сохраняют свои добрачные фамилии. Фамилия супруга лишь

отражается в официальных документах супруги как «используемая фамилия» («nom d’usage») и в таком виде может добавляться к добрачной фамилии.

В Республике Беларусь при вступлении в брак супруги вправе самостоятельно избрать фамилию одного из супругов в качестве их общей фамилии либо сохранить свои добрачные фамилии. Возможно также избрать двойную фамилию, состоящую из добрачных фамилий супругов. Однако соединение более двух фамилий не допускается (ст. 21 КоБС).

Таким образом, сравнивая условия вступления в брак в Беларуси и Франции, следует отметить, что они в основном совпадают. Брачный возраст в обоих государствах составляет 18 лет, а также при наличии определенных обстоятельств он может быть снижен. Вместе с тем в перечне препятствий к заключению брака в законодательстве Франции отсутствуют такие обстоятельства, как заключение брака между усыновителями и усыновленными, а также между лицами, из которых хотя бы одно лицо признано судом недееспособным. Существенным отличием является то, что во Франции требуется согласие родителей несовершеннолетних на заключение брака. В Республике Беларусь такое согласие не требуется, что представляется более обоснованным с учетом необходимости реализации интересов несовершеннолетних лиц. Среди различий можно выделить также отсутствие возможности изменения фамилии другого супруга при вступлении в брак во Франции, несмотря на наличие желания супруга (супругов). По мнению автора, в законодательстве Республики Беларусь норма, содержащаяся в ст. 21 КоБС, о возможности избрания фамилии при вступлении в брак является значимой и подлежит дальнейшему сохранению.

ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ПРАВО И ПРАВО ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Абушкевич П. А.

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ РЕКЛАМЫ И РЕКЛАМНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Абушкевич Полина Андреевна, студентка 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, abushkev.pa@gmail.com

Научный руководитель: преподаватель Мешкова Н. А.

В современном мире реклама играет значительную роль в экономике и обществе, ведь она влияет на поведение потребителя, а также является неотъемлемым элементом современных конкурентных отношений. По этой причине вопросы правового регулирования рекламной деятельности становятся все более актуальными.

После распада СССР в Республике Беларусь законодательство о рекламе сформировалось фактически с нуля, поскольку в СССР особой необходимости в рекламе не было, а соответственно, не было соответствующего законодательного массива, регулирующего осуществление рекламной деятельности. Разработка Закона Республики Беларусь от 10 мая 2007 г. № 225-З «О рекламе» (далее – Закон о рекламе) в Республике Беларусь велась с учетом опыта зарубежных стран и на основе принципов международного регулирования рекламной деятельности. К тому времени в некоторых европейских государствах уже были специальные законы о рекламе, в частности, во Франции (1979 г.), Испании (1988 г.), Германии (1990 г.), в январе 1995 г. принят закон о рекламе в России. Нормативной основой для осуществления рекламной деятельности на внешнем рынке является Международный кодекс рекламной деятельности (далее – МКР), последняя редакция которого принята в 1986 г. советом Международной торговой палаты. В 2024 г. в Закон о рекламе были внесены изменения. На наш взгляд, важным изменением является то, что теперь услуги по размещению (распространению) рекламы вправе оказывать рекламораспространители, включенные в Реестр рекламораспространителей (далее – Реестр), за исключением ряда случаев, указанных в ч. 3 п. 14 ст. 10 (например, наружная реклама, реклама на транспортных средствах и внутри их салонов и др.).

До изменений рекламораспространители были вправе без включения в Реестр оказывать услуги по размещению (распространению) рекламы в сети Интернет (в том числе с использованием рекламных сервисов), не связанные с размещением в сетевом издании.

Услуги по размещению и распространению рекламы могут оказывать только те, кто включен в соответствующий Реестр. Исключения сделаны для наружной рекламы, рекламы на транспорте и внутри салона, внутри здания капитального строения, в виде листовок, а также при проведении спортивных, массовых, спортивно-массовых мероприятий, туристических конкурсов.

В Реестр должны подать сведения те, кто оказывает услуги по размещению рекламы в интернете. При этом не нужно включаться в реестр тем лицам, которые размещают свою рекламу на собственных сайтах либо в своих аккаунтах в социальных сетях. Если же субъект хозяйствования оказывает услуги по размещению рекламы иных лиц, он должен подать данные в Реестр рекламораспространителей до начала осуществления своей деятельности. Для этого нужно направить в адрес МАРТ уведомление, обязательно на бумажном носителе. Форму уведомления можно найти на сайте МАРТ. В течение 5 рабочих дней после получения письма регулятор внесет сведения в реестр.

Таким образом, свою рекламу на собственных сайтах либо в своих аккаунтах в социальных сетях можно размещать без включения в Реестр. Однако теперь реклама других лиц на своем сайте либо в социальной сети без включения в Реестр является нарушением законодательства о рекламе и влечет ответственность согласно ч. 1 ст. 13.9 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП). Распространение рекламы иных лиц без включения в реестр может квалифицироваться как незаконная предпринимательская деятельность по ст. 13.3 КоАП.

На наш взгляд, данные нововведения позволяют лучше контролировать рекламную деятельность, так как теперь каждый рекламораспространитель будет зарегистрирован в Реестре. Таким образом, рекламная деятельность станет более прозрачной и сможет обезопасить потребителей в Беларуси от недобросовестной рекламы. Создание Реестра может также помочь рекламораспространителям найти себе новых рекламодателей. К примеру блогерам, которые находятся в начале своей карьеры. Регистрация дает возможность легально и открыто осуществлять деятельность на рынке рекламы.

Таким образом, законодательство о рекламе в Беларуси сформировано на основе международного опыта и принципов, с учетом законодательных актов зарубежных стран. Недавние изменения в законе, включая создание Реестра рекламораспространителей, направлены на улучшение контроля за рекламной деятельностью и повышение прозрачности рынка, что способствует защите потребителей и позволяет рекламораспространителям легально осуществлять деятельность на соответствующем рынке.

Артюх В. Л.

ПОЛИТИКА ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЭКСПОРТА

Артюх Владимир Леонидович, студент 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, uladzimirarciuch@gmail.com

Научный руководитель: старший преподаватель Максименко Е. В.

Импортозамещение и экспорт являются неотъемлемой и важнейшей частью экономического развития Республики Беларусь и любого другого государства. Для начала следует рассмотреть, что такое экспорт и импорт с точки зрения законодательства и научных определений.

В соответствии с Законом Республики Беларусь от 25 ноября 2004 г. № 347-З «О государственном регулировании внешнеторговой деятельности» экспорт товара – это вывоз товара с таможенной территории Республики Беларусь в целях реализации за ее пределами, а импорт товара – это ввоз товара на таможенную территорию Республики Беларусь для использования на территории Республики Беларусь и реализация этого товара на территории Республики Беларусь.

По мнению В. В. Зарянкина, импортозамещение – это сокращение или прекращение импорта определенных товаров путем их вытеснения (замещения) с внутреннего рынка страны аналогичным отечественным товаром, что характеризуется более высокими потребительскими качествами и стоимостью не выше импортных. А. Ф. Комилов считает, что под импортозамещением принято понимать стратегию поощрения внутренней промышленности путем введения ограничений на импорт.

В части развития экспорта можно отметить ряд нормативных правовых актов Республики Беларусь.

Так, Закон Республики Беларусь от 25 ноября 2004 г. № 347-З «О государственном регулировании внешнеторговой деятельности» закрепляет правовые основы государственного регулирования внешнеторговой деятельности, права и обязанности государственных органов Республики Беларусь в области внешнеторговой деятельности в целях обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь, в том числе в экономической сфере, стимулирования развития национальной экономики, обеспечения благоприятных условий для внешнеторговой деятельности.

Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 24 декабря 2020 г. «Об утверждении Программы деятельности Правительства Республики Беларусь на период до 2025 года» были определены задачи продвижения товаров и услуг на новые рынки, реализации сбалансированной экспортной стратегии, совершенствования механизмов финансовой и нефинансовой поддержки экспортеров и определены механизмы их реализации.

Специальные меры защиты экономических интересов при осуществлении внешней торговли регламентированы Законом Республики Беларусь от 25 ноября 2004 г. № 346-З «О мерах по защите экономических интересов Республики Беларусь при осуществлении внешней торговли товарами».

Республика Беларусь принимает меры по содействию развития экспорта товаров, работ, услуг путем страхования экспортных рисков и предоставления экспортных кредитов. Указом Президента Республики Беларусь от 25 августа 2006 г. № 534 «О содействии развитию экспорта товаров (работ, услуг)» были утверждены Положение о страховании (перестраховании) экспортных рисков и Положение о порядке компенсации потерь банкам от предоставления экспортных кредитов, а также банкам и небанковским кредитно-финансовым организациям, осуществляющим финансирование под уступку денежного требования (факторинг) при реализации экспортных контрактов.

Политика экспорта ориентирована на рынок стран СНГ и ЕАЭС. Политика импортозамещения базируется на создании благоприятной среды

для роста национальной промышленности, которая выражается в создании стимулов (административных, технических, внешнеторговых, валютных и т. п.) для развития отдельных отраслей отечественной промышленности с целью повышения их конкурентоспособности на внутреннем рынке.

В 2024 г. Беларусь стала полноправным членом Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Аналогичным статусом в организации обладают такие страны, как Индия, Иран, Казахстан, Китай, Кыргызстан, Пакистан, Российская Федерация, Таджикистан и Узбекистан. Как отмечают эксперты, на страны ШОС приходится около 60 % территории Евразии, четверти мирового ВВП и около половины населения планеты. Данное событие будет способствовать углублению партнерских отношений с государствами Азиатского региона, в целом расширяет возможности доступа Республики Беларусь в перспективный Азиатско-Тихоокеанский регион.

Республика Беларусь предпринимает все меры по развитию экспорта и импортозамещения как основы поддержания национальной экономической безопасности.

Богдановский Е. Д.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ

Богдановский Евгений Дмитриевич, студент 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, 3771285@gmail.com

Научный руководитель: старший преподаватель Максименко Е. В.

Согласно научному определению культура – это совокупность материальных и духовных ценностей, выражающая определенный уровень исторического развития данного общества и человека.

Под культурой согласно Кодексу Республики Беларусь о культуре понимается культурное наследие и культурная деятельность. Культурная деятельность определяется в данном Кодексе как деятельность по созданию, реставрации (возрождению), сохранению, защите, изучению, использованию, распространению и (или) популяризации культурных ценностей, предоставлению культурных ценностей, эстетическому воспитанию граждан Республики Беларусь, иностранных граждан и лиц без гражданства, организация культурного отдыха (свободного времени) населения, оказание методической помощи субъектам культурной деятельности. Культурное наследие – это совокупность культурных ценностей.

Как отмечает С. А. Сидорова, правоотношения в области культуры чрезвычайно разнообразны и относятся как к свободе творчества по созданию и распространению культурных ценностей, так и к сохранению культурного наследия.

Для обеспечения сохранности и поддержания в надлежащем состоянии объектов культурного наследия государство осуществляет ряд функций, особое место среди которых занимают функции охраны и надзора.

Однако сфера культуры в настоящее время рассматривается не только как производитель и хранитель культурных ценностей, но и как важный сектор экономики, обеспечивающий рост занятости, доходов и налоговых отчислений в государственный бюджет.

Необходимость государственного регулирования культурной деятельности обусловлена высокой социальной значимостью культуры, ее растущим влиянием на экономику, образ жизни населения и его трудоспособность.

Как отмечают исследователи в данной сфере общественных отношений, одно из первых определений понятия «культурная политика» введено в оборот на круглом столе ЮНЕСКО в 1967 г. в Монако. В докладе «Политика в сфере культуры – предварительные соображения» под политикой в сфере культуры понимался «комплекс операциональных принципов, административных и финансовых видов деятельности и процедур, которые обеспечивают основу действий государства в области культуры».

Таким образом, сфера культуры и искусства, как и любая другая сфера экономики, находится под определенным влиянием административных, правовых и экономических методов государственного регулирования.

Правовое регулирование хозяйственной деятельности в сфере культуры в Беларуси охватывает различные направления, включая законодательство, регулирующее деятельность культурных учреждений, авторские права, финансирование культурных проектов и защиту культурного наследия.

В связи с этим можно выделить ряд аспектов развития культуры в Республике Беларусь.

1. Законодательная база. Основными нормативными правовыми актами являются Конституция Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь о культуре, Гражданский кодекс Республики Беларусь, законодательство об авторском праве и смежных правах, а также ряд иных актов законодательства, регулирующих вопросы в данной сфере общественных отношений.

2. Культурные учреждения. Регулирование деятельности культурных учреждений, таких как театры, музеи, библиотеки, осуществляется через лицензирование, аккредитацию и установление стандартов.

3. Авторские права. Защита авторских прав на произведения искусства, литературы и музыки важна для стимулирования творческой деятельности. Законодательство обеспечивает защиту прав авторов и их наследников.

4. Финансирование. Государственное финансирование культурных проектов, а также поддержка частных инициатив через гранты и субсидии способствуют развитию культурной сферы.

5. Защита культурного наследия. Законодательство включает меры по охране памятников истории и культуры, что способствует сохранению национального наследия.

6. Международное сотрудничество. Беларусь участвует в международных соглашениях и конвенциях в области культуры, что способствует обмену опытом и ресурсами.

Эти аспекты формируют правовую основу для устойчивого развития культурной сферы в стране.

Дроздов Д. И.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РИЭЛТЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Дроздов Даниил Игоревич, студент 4 курса Гродненского государственного университета им. Я. Купалы, г. Гродно, Беларусь, daniildrozdov294@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Белоусов А. Л.

Цифровое развитие Беларуси относится к приоритетным направлениям социально-экономического развития страны, которое связано с внедрением информационно-коммуникационных и передовых производственных технологий в отрасли национальной экономики, а также все сферы жизнедеятельности общества. Содержание данного направления развития как процесса последовательной цифровой трансформации экономической деятельности и государственного управления получило свое закрепление в Государственной программе «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы, утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 2 февраля 2021 г. № 66. Цифровая трансформация затронула все виды экономической деятельности, в том числе и риэлтерскую деятельность.

Рассматривая процесс цифровой трансформации риэлтерской деятельности, необходимо отметить, что его правовой основой является прежде всего Указ Президента Республики Беларусь от 9 января 2006 г. № 15 «О риэлтерской деятельности в Республике Беларусь», который предоставил риэлтерским организациям право получать информацию от государственных органов и иных организаций об объектах недвижимости, о правах на них, юридических и физических лицах – сторонах сделки, что значительно упростило реализацию сделок с недвижимостью. Косвенное влияние на цифровое развитие риэлтерской деятельности имел также Указ Президента Республики Беларусь от 25 августа 2006 г. № 530 «О страховой деятельности», которым была заложена правовая основа для «проведения риэлтерской экспертизы» при оказании риэлтерских услуг.

Риэлтерская деятельность является разновидностью публичной услуги, что предполагает удовлетворение общественных интересов. Порядок оказания данных услуг четко и детально регламентирован законодательством. Для оказания риэлтерской услуги необходимо иметь специально выданную государством лицензию на право осуществления данной деятельности. Из этого можно сделать вывод, что риэлтерская услуга тесно связана с публичной властью. Свидетельством этому является содержание проведения риэлтерской экспертизы, представляющий собой процесс работы с документами, проверки и исключения возможных рисков признания сделки с объектом недвижимости в будущем ничтожной либо недействительной, который осуществляется с использованием информационно-коммуникационных технологий. Для проведения данной экспертизы риэлтерские организации имеют право получать информацию от государственных органов и иных организаций, в частности Национального кадастрового агентства (данные из Единого

государственного регистра недвижимого имущества, включающие сведения об актуальных правах, ограничениях (обременениях) прав на объект недвижимого имущества в форме электронного сообщения).

Негативное влияние на цифровое развитие риэлтерской деятельности оказывает отсутствие государственного информационного ресурса, содержащего данные о гражданском состоянии в Республике Беларусь – правовом положении конкретного гражданина как носителя различных гражданских прав и гражданской ответственности, определяемое фактами и обстоятельствами естественного и общественного характера. Наличие данного информационного ресурса позволило бы повысить качество и сократить время проверки прав других лиц, не указанных в сделке, но имеющих потенциальные права на отчуждаемое имущество, учитывая наследников умерших, которые по различным причинам могут не иметь информации о смерти родственника (например, находясь за границей или не поддерживая связь). Это также касается лиц, имеющих право на наследство, таких как внебрачные дети или признанные умершими. В связи с этим государству целесообразно создать такой информационный ресурс, что значительно упростило бы работу нотариусам и риэлтерам.

Таким образом, риэлтерская деятельность тесно связана с цифровизацией – преобразованием рабочих процессов в цифровой формат, включающей в себя применение технологий для автоматизации бизнес-процессов, улучшения качества риэлтерских услуг и повышения эффективности работы коммерческих организаций, осуществляющих риэлтерскую деятельность. Цифровизация вносит весомый вклад в процесс осуществления риэлтерской деятельности, в том числе и риэлтерской экспертизы, значительно их упрощая. Цифровое развитие имеет значительные преимущества, но в нем содержатся и отдельные недостатки, которые необходимо учитывать государству, в частности человеческий фактор. Так, риэлтерской организации наряду с использованием источников оцифрованной информации для более качественного оказания услуг необходимо прибегать к дополнительному изучению традиционных бумажных носителей во избежание допущенных ответственными за оцифрованную информацию лицами ошибок.

Евстратенко В. А.

ЗАЩИТА ДАННЫХ И ОБЕСПЕЧЕНИЕ КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТИ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Евстратенко Виктория Александровна, студентка 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь,
vika.evstratenko2004@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Пантелеева Н. В.

В эпоху искусственного интеллекта (далее – ИИ) субъекты хозяйственной деятельности (далее – СХД) все чаще используют передовые технологии для получения ценной информации, автоматизации процессов,

установления хозяйственных связей, улучшения качества обслуживания клиентов, принятия решений, создания контента, оптимизации анализа данных, продаж, маркетинга, кибербезопасности и многого другого. В связи с этой тенденцией использование ИИ вызывает множество вопросов относительно защиты данных и соблюдения правил их конфиденциальности.

Полагаем, защита данных, обрабатываемых системами искусственного интеллекта, имеет первостепенное значение. На данный момент в Республике Беларусь нет единого, комплексного нормативного правового акта, регламентирующего использование искусственного интеллекта. И многие СХД ориентируются в сложившихся условиях ведения хозяйственной деятельности, внедряя ненадежные меры безопасности для защиты конфиденциальной информации от несанкционированного доступа, заимствования или копирования, как это может быть экономически и практически им выгодно.

При включении ИИ в работу СХД крайне важно иметь глубокое понимание соответствующих правил защиты данных, находящихся в их юрисдикции. На данный момент вопросы ИИ фрагментарно отражены примерно в 30 нормативных правовых актах, что является серьезной проблемой для полноценного регулирования отношений в этой сфере.

С появлением ИИ эта проблема коснулась практически всех стран мира. Первый в мире закон, определяющий правила использования систем, основанных на искусственном интеллекте, вступил в силу 1 августа 2024 г. в Европейском союзе. Закон призван регулировать, как «поставщики» и «операторы» систем ИИ могут надлежащим образом обращаться с системами ИИ в соответствии с рисками, которые они представляют. «Поставщик» систем искусственного интеллекта – это в самом широком смысле компания, которая предлагает или разрабатывает систему искусственного интеллекта под своим собственным брендом. Операторы – это те, кто использует технологии искусственного интеллекта. Следовательно, любая компания может принадлежать к этой группе. Чем выше риск системы ИИ, тем строже нормативные требования. Первый в мире подобный нормативный правовой акт классифицирует все основанные на ИИ системы по уровню риска – от низкого до неприемлемого. Он определяет правила использования этих инструментов, в том числе систем распознавания лиц, предиктивной аналитики и генеративного ИИ. С февраля 2025 г. некоторые из них будут запрещены, например, распознавание лиц в реальном времени, пусть и с некоторыми исключениями.

Практически все страны Содружества Независимых Государств развивают законодательство в области ИИ. Однако движение идет неравномерно. Именно поэтому государства сошлись во мнении, что в области искусственного интеллекта необходимо единое региональное правовое регулирование. Сейчас ведется активная работа над модельным законом «Об искусственном интеллекте» для стран СНГ. Причем в конкурсе на его разработку победил Объединенный институт проблем информатики НАН Беларуси.

В 2025 г. рабочая группа должна завершить процесс его разработки и представить окончательный вариант. Целью подготовки модельного закона «Об искусственном интеллекте» является содействие формированию единых подходов к системе правового регулирования общественных отношений, возникающих в связи с использованием технологий ИИ, которая ориентирована на человека и направлена на улучшение качества жизни населения, заслуживает доверия, при обеспечении высокого уровня безопасности функционирования, а также обеспечивает повышение эффективности экономики и социальной сферы за счет стимулирования разработки, внедрения и использования ИИ.

Издание подобного Закона должно послужить основой для унификации национального законодательства с целью выработки системного регулирования использования ИИ.

Основными аспектами, на которые, на наш взгляд, стоит обратить внимание, являются:

- шифрование. Это мощный инструмент, который может быть использован для преобразования данных в нечитаемый формат, ограничивая их доступность для тех, у кого нет авторизованного доступа;
- внедрение комплексной программы информационной безопасности, которая включает в себя такие меры, как контроль доступа, безопасные протоколы хранения и передачи, системы обнаружения вторжений и регулярный аудит безопасности;
- проведение оценки уязвимостей и тестов для выявления и устранения потенциально слабых мест в системах искусственного интеллекта.

В заключение хотелось бы отметить, что крайне целесообразно для правового регулирования использования ИИ и правовой системы Республики Беларусь в целом было бы принять единый систематизированный нормативный правовой акт, который определил бы концепцию развития искусственного интеллекта, чем дополнил существующее законодательство с целью придти к единому изложению и подходу правовой регламентации в области искусственного интеллекта.

Иванцова Д. Ю.

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИГОРНОГО БИЗНЕСА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Иванцова Дарья Юрьевна, студентка 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, ivantsova.darya1811@gmail.com

Научный руководитель: преподаватель Мешкова Н. А.

В современном мире осуществление деятельности в сфере азартных игр является одним из самых экономически выгодных видов деятельности. Как и любая другая сфера деятельности игорный бизнес идет в ногу со временем, а стремительное внедрение цифровых технологий в различные области

общественных отношений требует своевременного совершенствования законодательства с учетом влияния процессов цифровизации.

Первые онлайн-казино появились в 1994 г., именно тогда организация Microgaming разработала первую платформу для сетевых азартных игр. Стоит отметить, что территориальность как таковая в глобальной сети Интернет отсутствует. Доступ игрока к интернет-казино легко осуществим из любой точки мира, а само казино может быть зарегистрировано в любой стране.

В Республике Беларусь до 1 апреля 2019 г. деятельность онлайн-казино не регулировалась на законодательном уровне, однако отсутствие легализации не означало недоступности игровых платформ. Иностранные виртуальные игорные заведения находились в свободном доступе для пользователей на территории государства при отсутствии налоговых поступлений в бюджет от этого вида деятельности, что потребовало корректировки законодательства с целью вывода онлайн-казино в правовое поле, уменьшения рисков развития проблемы неконтролируемого осуществления данного вида деятельности, а также удовлетворения фискального интереса государства.

В Беларуси для обозначения индустрии азартных игр применяется термин «игорный бизнес». Регулируется рассматриваемая деятельность следующими нормативными правовыми актами: главой 35 Особенной части Налогового кодекса Республики Беларусь; Указом Президента Республики Беларусь от 07.08.2018 № 305 «О совершенствовании правового регулирования игорного бизнеса»; Положением «Особенности лицензирования деятельности в сфере игорного бизнеса» к Указу Президента Республики Беларусь от 07.08.2018 № 305 «О совершенствовании правового регулирования игорного бизнеса»; Положением об осуществлении деятельности в сфере игорного бизнеса (утверждено Указом Президента Республики Беларусь от 10.01.2005 № 9 в редакции Указа Президента Республики Беларусь от 07.08.2018 № 305); Концепцией развития игорного бизнеса в Республике Беларусь (утверждена постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 12.01.2011 № 31, разработана в соответствии с поручениями Главы государства и Правительства).

Основа государственной политики в отношении регулирования игорного бизнеса с учетом влияния современных цифровых технологий заложена именно в 2011 г. Концепцией развития игорного бизнеса в Республике Беларусь (далее – Концепция), которая предусматривает совершенствование подходов при регулировании государством деятельности в сфере организации игорного бизнеса с учетом использования передовых цифровых технологий. В Концепции обозначено, что передовые цифровые технологии оказывают влияние на развитие игорного бизнеса с помощью внедрения электронных средств как в игровое оборудование, так и в организацию игрового процесса, что, конечно же, требует совершенствования государственного контроля в целях обеспечения достоверных данных о процессе осуществления азартных игр и отслеживания реальных доходов игорных заведений.

Необходимо отметить, что в сети Интернет функционируют сайты, предоставляющие возможность бесконтрольно участвовать в азартных играх в формате онлайн и не подпадающие под национальную правовую

регламентацию, ввиду чего можно сделать вывод, что механизм работает недостаточно эффективно, поскольку доступ в легальные традиционные заведения на территории Республики Беларусь у физического лица, имеющего ограничения, отсутствует, а в сети Интернет аналогичные игры находятся в свободном доступе.

Решением данной проблемы занимается правовое регулирование игорного бизнеса в сети интернет. На виртуальные игорные заведения, зарегистрированные в Республике Беларусь, распространяется запрет на предоставление услуг лицам, не достигшим 21-го года и имеющим соответствующие ограничения, который реализуется посредством идентификации каждого посетителя сайтов, предоставляющих возможность участия в азартных играх, с помощью идентификации и аутентификации.

При легализации онлайн игорного бизнеса установлен законодательный запрет к распространению с 1 апреля 2021 г. на территории Республики Беларусь информации, содержание которой направлено на организацию и (или) проведение азартных игр с использованием сети Интернет в нарушение требований законодательных актов, регулирующих деятельность в сфере игорного бизнеса, и ограничение доступа к сайтам, содержащим такую информацию. Нелегальные игорные заведения в сети Интернет подлежат блокировке, что существенно осложняет доступность азартных игр для лиц, которые должны быть ограждены от участия в азартных играх, и защищает национальный сегмент рынка от недобросовестной конкуренции.

В заключение стоит отметить, что внедрение цифровых технологий в сферу азартных игр должно сопровождаться созданием новых правовых норм и совершенствованием существующих, определяющих порядок осуществления деятельности игорного бизнеса в изменяющихся условиях. Необходимо и дальше усиленно продолжать развитие правовой регламентации порядка работы онлайн-казино в сети Интернет для всесторонней защиты прав участников отношений, возникающих в достаточно новом формате, интересов государства и общества.

Литвинович М. Г.

К ВОПРОСУ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ БАНКРОТСТВА В ЧАСТИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМ ДОЛЖНИКА

Литвинович Мария Геннадьевна, аспирант 1 года обучения Белорусского государственного экономического университета, г. Минск, Беларусь, maschalitvinovich29@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Рудович Н. И.

Институт субсидиарной ответственности призван обеспечивать стабильность гражданского оборота и защиту интересов его участников, является средством пропорционального и справедливого распределения рисков, возникающих между участниками товарно-денежных отношений. Несмотря на то, что институт субсидиарной ответственности введен в

интересах кредиторов, существуют позиции, отражающие противоположную – отрицательную его сторону. Распространено мнение, согласно которому при наличии дополнительной ответственности должностных лиц в рамках ведения финансово-хозяйственной деятельности организации имеющиеся денежные средства не вкладываются в экономику из-за страха последующего привлечения в роли субсидиарного должника, что значительно тормозит ее развитие. Из указанного можно сделать вывод, что нормы, регламентирующие привлечение к субсидиарной ответственности по обязательствам должника, подлежат строгой и единообразной регламентации.

Интерес к изучению темы о привлечении лиц к субсидиарной ответственности по обязательствам непосредственно должника-банкрота в настоящее время подкрепляется вступлением в законную силу 1 октября 2023 г. Закона Республики Беларусь «Об урегулировании неплатежеспособности» № 227-З. Так как привлечение к субсидиарной ответственности является дополнительной и одновременно последней возможностью взыскания долга с дебитора, признанного банкротом, а также с учетом ранее принятого Декрета Президента Республики Беларусь от 23.11.2017 г. № 7 «О развитии предпринимательства», изменившего основания для подачи указанных исковых заявлений, изменениям подверглись и соответствующие нормы законодательства о несостоятельности и банкротстве.

Как и ранее, Закон не предусматривает возможности привлечения к субсидиарной ответственности индивидуального предпринимателя, что является логичным и обоснованным, так как указанный субъект хозяйствования по обязательствам отвечает всем своим имуществом, за исключением имущества, на которое в соответствии с законодательством не может быть обращено взыскание.

Нововведением Закона является указание на возможность подачи исков о привлечении к субсидиарной ответственности в суд только после открытия ликвидационного производства. Так, отмечено на невозможность предъявления данных исковых заявлений в рамках других процедур: защитного периода, конкурсного производства и санации.

Также отмечено, что подача таких исков по обязательствам должника-банкрота после завершения процедуры не представляется возможной. Полагаем, что вышеуказанные новые правовые нормы положительно повлияют на развитие института субсидиарной ответственности в процедуре банкротства, так как одновременно способствуют более основательному подходу как со стороны управляющего, так и со стороны кредиторов, к решению вопроса о подаче такого иска.

Вместе с тем в настоящее время в Законе закреплены нормы, обязывающие управляющего к подаче иска о привлечении к субсидиарной ответственности по обязательствам должника, в частности, при принятии собранием кредиторов соответствующего решения. Одновременно оговорка, например, о наличии у управляющего права не подавать соответствующее заявление при установлении факта отсутствия одного из необходимых оснований (в частности, виновных умышленных действий субсидиарного

должника, приведших к банкротству должника-банкрота) отсутствует. Кредиторы, желающие любыми средствами удовлетворить образовавшиеся денежные требования, могут злоупотреблять данной нормой, тем самым затягивая срок ликвидационного производства, открытого в отношении должника, и необоснованно увеличивая сумму внеочередных расходов (задолженности) должника. В случае отсутствия оснований для привлечения к субсидиарной ответственности по обязательствам должника, предусмотренных п. 1 ст. 9 Закона (или одного из них), такое исковое заявление удовлетворено не будет. Полагаем, что в случае несовпадения мнений кредиторов и антикризисного управляющего по вопросу наличия или отсутствия оснований для подачи такого иска, первыми может быть использовано право на подачу жалоб на действия (бездействие) второго.

Таким образом, по нашему мнению, прослеживается положительное развитие правовых норм, касающихся вопроса привлечения к субсидиарной ответственности по обязательствам должника-банкрота. Одновременно стоит отметить, что некоторые нововведения Закона в данной сфере непременно подлежат дополнительному изучению, в том числе на практике, и совершенствованию в целях установления рациональности их существования и применения.

Мединв. В.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ОБЛАСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Мединв Владислав Витальевич, студент 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, waydewatts@yandex.by

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Пантелеева Н. В.

Обеспечение и регулирование внешних экономических связей, без сомнения, является одной из важнейших задач любого государства. Она реализуется не только деятельностью на международной арене, но и созданием необходимого фундамента на внутреннем уровне. В вопросе дефиниции внешнеэкономической деятельности предлагаем взять за основу определение, которое дает в своем учебном пособии Ю. Н. Кудрявец: *хозяйственная деятельность белорусских субъектов (юридических лиц и индивидуальных предпринимателей), осуществляемая с иностранными субъектами как на территории Республики Беларусь, так и за ее пределами.* Профессор О. Н. Толочко в своей работе выделяет следующие виды указанной деятельности: *внешняя торговля, производственная кооперация, инвестиционная деятельность, валютные и финансово-кредитные отношения*. На данный момент вышеописанная деятельность в нашем государстве регулируется рядом нормативных правовых актов: законами Республики Беларусь «О таможенном регулировании в Республике Беларусь» от 10 января 2014 г. № 129-З, «О государственном регулировании внешнеторговой деятельности» от 25 ноября 2004 г. № 347-З, Указом

Президента Республики Беларусь «О порядке проведения и контроля внешнеторговых операций» от 27 марта 2008 г. № 178 и многими другими.

В каких же направлениях необходимо совершенствовать законодательство о внешнеэкономической деятельности? Белорусские ученые, в частности А. М. Абрамович и О. Н. Толочко, в своих работах указывали на перспективу развития отраслевого законодательства по пути дальнейшей систематизации. Необходимость этого возникает в связи с определенной неупорядоченностью и неполнотой существующих в данный момент хозяйственных норм в сфере внешних экономических связей, их рассредоточенностью по огромному количеству различных актов, что ведет к существенному усложнению понимания законодательства для субъектов внешнеэкономической деятельности, недостатку информации о проведении внешнеэкономических сделок. Доцент А. Ю. Ломако также отмечала, что значительной проблемой является отсутствие в белорусском законодательстве достаточной нормативной базы для регулирования хозяйственного взаимодействия между отечественными и иностранными субъектами, в особенности в вопросе, какое именно право подлежит применению в том или ином случае. Это ведет к возникновению коллизионных норм, ведь в каждой стране те или иные отношения регулируются по-разному. Вариантом преодоления данных проблем, на наш взгляд, может стать разработка законодательного акта о внешнеэкономической деятельности. Подобный акт, который бы систематизировал и унифицировал нормы гражданского и хозяйственного права, касающиеся внешнеэкономических отношений, регулировал особенности применения национального либо иностранного законодательства, упорядочил порядок заключения внешнеэкономических сделок, смог бы существенно дополнить и упростить белорусское законодательство в данной сфере.

Еще одной перспективной инициативой является, по нашему мнению, принятие программы развития внешнеэкономической деятельности. Программы социально-экономического развития, регулярно принимаемые в Республике Беларусь, конечно, содержат положения, которые касаются внешнеэкономической политики. Однако, на наш взгляд, заслуживает внимания идея разработки отдельного программного документа, который утвердил бы основные цели развития внешнеэкономической политики, направления совершенствования системы регулирования данной деятельности, в том числе и дополнения существующего внешнеэкономического права в вопросах регулирования новейших и актуальнейших экономических тенденций.

Обсуждая подобную тему, нельзя не вспомнить об одном из приоритетных направлений внешней политики Республики Беларусь – интеграции в рамках ЕАЭС. В 2020 г. решением Высшего евразийского экономического совета был утвержден план стратегических направлений интеграции. Он утвердил множество актуальных направлений углубления сотрудничества между государствами – членами ЕАЭС. В целом главным стратегическим направлением можно назвать максимальное сокращение

барьеров и ограничений для свободного передвижения товаров, услуг, капитала и рабочей силы на внутреннем рынке ЕАЭС. На наш взгляд, евразийская интеграция указывает белорусскому государству потенциальное направление развития внешнеэкономического законодательства в сторону сближения с нормами и стандартами государств ЕАЭС.

Подводя итог, можем сказать, что в развитии белорусского внешнеэкономического законодательства видится два главных направления: 1) дальнейшая его систематизация и унификация с целью упорядочения и упрощения отечественного законодательства; 2) его движение в сторону сближения с законодательством стран – участников ЕАЭС для обеспечения выхода интеграционного процесса на новый этап.

Мельникова В. А.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ESG-КОНЦЕПЦИИ В ПРАВОВОМ ПОЛЕ

Мельникова Варвара Андреевна, студентка 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, melnickova.varwara@yandex.by

Научный руководитель: старший преподаватель Максименко Е. В.

В современном мире, характеризующемся стремительным технологическим прогрессом, все большее внимание уделяется вопросам устойчивого развития, которое призвано обеспечить не только текущий экономический рост, но и благополучие будущих поколений. В модели роста, основанной на принципах устойчивости, бизнес, как ключевой двигатель экономического развития, должен следовать определенным экологическим, социальным и управленческим стандартам, которые объединены под термином ESG-концепция (Environmental, Social, and Governance). Сама концепция устойчивого развития получила широкое признание еще в 1980–1990 гг., а ее конкретизация для бизнеса в виде ESG-принципов была сформулирована в 2004 г.

В настоящее время эксперты отмечают, что, несмотря на отсутствие обязательной юридической силы, ESG-принципы сопоставимы с правовыми нормами, оказывая существенное воздействие на общественные отношения и создавая правовые и экономические последствия. Формируется новая парадигма ответственного ведения бизнеса, направленная на обеспечение устойчивого развития и основанная на нормативной архитектуре ESG-принципов и стандартов, находя выражение в стратегиях устойчивого развития компаний и нефинансовой отчетности, ESG-рейтинговании и оценке ESG-рисков судебного или арбитражного разбирательства, инкорпорации в контракты оговорок «об устойчивости» и становлении концепции «устойчивого контракта», внедрении процедуры ESG due diligence.

Сегодня белорусский бизнес выказывает приверженность корпоративной социальной ответственности, которая рассматривается как часть ESG-концепции и внедряет ESG-принципы в свою работу.

В аналитической работе Представительства Программы развития ООН в Беларуси «Руководство по применению экологических, социальных и управленческих стандартов (ESG-стандартов) субъектами хозяйствования в Республике Беларусь» отмечается, что белорусские организации уделяют внимание тем вопросам ESG-повестки, которые урегулированы в рамках законодательства, в связи с чем отсутствует системный подход к реализации ESG-стандартов. На наш взгляд, важным является создание нормативного правового акта, призванного обеспечить комплексную реализацию ESG-стандартов белорусским бизнесом.

В декабре 2023 г. вопросы, связанные с реализацией ESG-принципов и использованием их в качестве инструментов конкуренции, обсуждались на конференции «На пути к устойчивому будущему: ESG-вызов», организованной Министерством экономики Республики Беларусь. Выступая, заместитель министра экономики Андрей Картун подчеркнул, что «государство будет предъявлять дополнительные требования к бизнесу по экологической и социальной ответственности. Планируется выработать стандарты нефинансовой отчетности. Будут сформулированы и рекомендации по интеграции ESG-принципов в стратегию развития компаний». Следовательно, уже сегодня существует интенция введения ESG-стандартов в национальное правовое поле.

Проанализировав ряд международных и национальных документов, посвященных устойчивому развитию, изучив международный и отечественный опыт реализации ESG-принципов, можно сделать выводы о перспективах развития ESG-концепции в правовом поле Республики Беларусь.

1. Комплексное внедрение ESG-принципов в работу создает ряд конкурентных преимуществ для белорусского бизнеса, включая усиление репутации бренда, улучшение условий труда и сокращение негативного влияния на окружающую среду, привлечение инвестиций, в том числе с помощью инструментов «зеленого финансирования», и сохранение конкурентоспособности на внешних рынках. В то же время создание целостной ESG-архитектуры в организации сопряжено с издержками.

2. Белорусский бизнес уже внедряет отдельные ESG-принципы в свою работу, что, однако, пока не происходит системно. В целях обеспечения комплексной реализации ESG-принципов считаем значимым принятие отдельного нормативного правового акта, определяющего национальную модель развития ESG-концепции, учитывая отечественный опыт и международные стандарты.

3. Системное введение ESG-принципов в национальное правовое поле предполагает создание форм нефинансовой отчетности, требований к содержанию стратегий устойчивого развития организаций, моделей устойчивых контрактов, содержащих оговорку об «об устойчивости», и национальной системы оценки ESG-рисков и ESG-рейтингования.

Так, в целях обеспечения комплексного подхода к реализации ESG-принципов считаем важным принятие нормативного правового акта, призванного сформировать национальную модель развития ESG-концепции, а также внесение дополнений в соответствующие акты инвестиционного, трудового, экологического законодательства.

Наварич С. С.

МЕРЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ СУБЪЕКТОВ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Наварич Святослав Сергеевич, студент 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, svyatoslav.navarich@mail.ru

Научный руководитель: старший преподаватель Гавриленко А. В.

Государственная поддержка субъектов хозяйствования – это обеспечение правовых и экономических условий, которые позволяют предпринимателям поддерживать свою экономическую деятельность и развиваться. Цели и принципы государственной поддержки малого и среднего предпринимательства имеют соответствующее законодательное закрепление, например, создание благоприятных условий для развития субъектов малого и среднего предпринимательства и конкуренции.

Говоря про классификацию мер государственной поддержки субъектов хозяйствования, можно выделить финансовые, нефинансовые меры, а также имущественную и информационную поддержку.

Финансовая поддержка направлена на предоставление субъектам малого предпринимательства прямого финансирования в виде субсидий, кредитов, льготных и долгосрочных гарантий, полной или частичной компенсации финансовым структурам недополученной прибыли при кредитовании малых предприятий по пониженной процентной ставке, а также совместного финансирования за счет средств бюджета и финансово-кредитных организаций. Данная помощь может быть как безвозвратной, так и под условия, предполагающие строгое использование средств по назначению с последующим возвратом или частичной компенсацией. В любом случае перед государством стоит важная задача обеспечения необходимого и достаточного уровня бюджетных ассигнований, а также их эффективного и рационального использования. Согласно п. 2 Положения о порядке и условиях (критериях) предоставления государственной финансовой поддержки субъектам малого и среднего предпринимательства, субъектам инфраструктуры поддержки малого и среднего предпринимательства, утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 28.06.2024 № 459 государственная финансовая поддержка за счет средств республиканского бюджета предоставляется субъектам малого и среднего предпринимательства при реализации ими инвестиционных проектов, бизнес-проектов по следующим направлениям: создание, развитие и расширение производства продукции (товаров, выполнения работ, оказания услуг); организация, развитие производства, реализация экспортоориентированной, импортозамещающей продукции; производство продукции, направленной на энерго- и ресурсосбережение; внедрение новых технологий и в иных случаях.

Меры государственной нефинансовой поддержки включают в себя осуществление защиты прав и законных интересов субъектов малого, среднего предпринимательства и крупных субъектов предпринимательской

деятельности; формирование и развитие системы информационной поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства; формирование и реализацию государственных программ и др. При этом в Беларуси действует сеть субъектов инфраструктуры поддержки малого и среднего предпринимательства (субъекты инфраструктуры), состоящая из центров поддержки предпринимательства и инкубаторов малого предпринимательства, что также относится к государственной нефинансовой поддержке.

Согласно ст. 19 Закона Республики Беларусь от 01.07.2010 № 148-З «О поддержке малого и среднего предпринимательства», Центром поддержки предпринимательства является юридическое лицо, осуществляющее деятельность по обеспечению экономической и организационной поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства. В соответствии со ст. 20 данного Закона инкубатором малого предпринимательства является юридическое лицо, имеющее на праве собственности, хозяйственного ведения, оперативного управления или на ином законном основании специально оборудованные под офисы и производство товаров (выполнение работ, оказание услуг) помещения и находящееся в них имущество и предоставляющее их в соответствии с законодательством в пользование начинающим свою деятельность субъектам малого предпринимательства в целях оказания им помощи в развитии и приобретении финансовой самостоятельности. Основными органами (организациями), регулирующими поддержку субъектов хозяйствования, являются Белорусский фонд финансовой поддержки предпринимателей, учреждения финансовой поддержки предпринимателей, общества взаимного финансирования субъектов малого и среднего предпринимательства.

Таким образом, в целом в настоящее время в Республике Беларусь создана надлежащая правовая основа в сфере оказания государственной поддержки субъектам хозяйственной деятельности. Реализуемая в настоящее время реформа предпринимательской деятельности затронула и вопросы оказания государственной поддержки соответствующим субъектам. Представляется целесообразным по завершении реформирования сферы осуществить мониторинг практики применения обновленного законодательства для уяснения его эффективности.

Нестерчук А. А.

РАЗВИТИЕ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ВОПРОСЫ СИСТЕМАТИЗАЦИИ

Нестерчук Александра Аркадьевна, студентка 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, alexandranester4uk@yandex.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Куницкая О. М

Законодательство является необходимым условием функционирования системы права любого государства, определяя форму существования права. Практика убедительно свидетельствует о том, что реально существует

регламентация комплексных, разнородных социальных отношений в соответствующих жизненно важных сферах, нуждающихся в правовом регулировании. По мнению некоторых авторов, независимо от подходов к хозяйственному праву реально существует хозяйственно-правовое регулирование и хозяйственное законодательство. Формы совершенствования хозяйственного законодательства – это формы его систематизации.

В соответствии со ст. 72 Закона Республики Беларусь от 17.07.2018 г. «О нормативных правовых актах» нормотворческие органы (должностные лица) в пределах их компетенции, другие уполномоченные государственные органы (организации) регулярно проводят анализ нормативных правовых актов и принимают меры по их систематизации, означающей деятельность по упорядочению, актуализации нормативных правовых актов, приведению их в единую, внутренне согласованную систему.

Среди ученых в области хозяйственного права есть мнение о необходимости кодификации хозяйственного законодательства, которая повысит качество правоприменения в самом широком смысле. В противовес данной концепции утверждается, что принятие единого кодифицированного акта приведет к неравенству интересов государства и общества; усложнит правоприменение; идеи кодификации хозяйственного законодательства во многом дублируют Гражданский кодекс Республики Беларусь.

Анализируя Хозяйственный кодекс Украины от 16 января 2003 г. № 436-IV, можно отметить, что он является лишь дополнением к существующему Гражданскому кодексу Украины от 16 января 2003 г. № 435-IV, восполняя пробелы регулирования последнего, что размывает рамки между гражданским и хозяйственным законодательством.

Опыт Казахстана показал, что Предпринимательский кодекс Республики Казахстан от 29 октября 2015 г. № 375-V представляет собой консолидацию, поскольку, по сути, воспроизводит законы в сфере экономики. Видится, что в начале пути систематизации хозяйственного законодательства такой вариант может быть наиболее оправданным, поскольку в первую очередь разграничивается сфера гражданского и хозяйственного права. Применительно к Республике Беларусь такой вариант систематизации может обеспечить реализацию правовой политики государства, содержащейся в Указе Президента Республики Беларусь от 28 июня 2023 г. № 196 «О Концепции правовой политики Республики Беларусь», положения которой основаны на социальной ответственности бизнеса перед государством, обществом и гражданами путем установления соответствующих принципов, простоте правоприменения, обеспечивающей декларированное направление развития форм предпринимательской деятельности и организованного ведения бизнеса.

В белорусской научно-исследовательской среде выработана Концепция Хозяйственного кодекса Республики Беларусь, которая учитывает последние достижения науки хозяйственного права и обосновывает проведение кодификации хозяйственного законодательства.

Низовцов И. А.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЛОГИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Низовцов Игорь Александрович, магистрант юридического факультета Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, igornizovtsov@mail.ru

Научный руководитель: доктор юрид. наук, профессор Бондаренко Н. Л.

Настоящие проблемы, а также потенциальные возможности логистики требуют серьезного внимания как экономистов, так и юристов. Сегодня наша страна находится весьма близко к эпицентру геополитической напряженности, на нее оказывается беспрецедентное санкционное давление, что переводит вопрос эффективного осуществления логистической деятельности в плоскость национальной экономической безопасности. Развитие логистической деятельности, выступающей эффективным инструментом управления логистическими потоковыми процессами и фактором повышения конкурентоспособности национальных субъектов хозяйствования, адекватно вписывается в актуальную концепцию пруденциальной политики государства. В то же время эффективное осуществление того или иного вида хозяйственной деятельности невозможно без его надлежащего правового регулирования.

На данный момент необходимо констатировать, что ***законодательство Республики Беларусь, регулирующее логистическую деятельность, характеризуется фрагментарностью и бессистемностью***, что порождает проблемы на практике. Так, в законодательстве отсутствует содержательное понятие логистической деятельности, не определен правовой ее предмет, сущность, содержание, режим осуществления, а также правовой статус субъектов, осуществляющих логистическую деятельность.

В 2011 г. по инициативе Министерства транспорта и коммуникаций Республики Беларусь был подготовлен проект Закона «О логистической деятельности» – тем самым произведена попытка определить механизмы государственного регулирования, управления и контроля в области логистической деятельности, порядок создания логистических центров и требования к ним. В проекте Закона также были отражены правовые и организационные основы осуществления логистической деятельности, права и обязанности клиента и субъекта хозяйствования по договору на оказание логистических услуг, а также особенности национальной системы обеспечения и сертификации логистической компетентности физических лиц. Однако данный Закон так и не был принят. Как следствие, на сегодняшний день много вопросов, касающихся определения понятия и правовой природы логистической деятельности, остались открытыми.

Полагаем, работу над Законом «О логистической деятельности» следует возобновить. А для этого в свою очередь необходимо на доктринальном уровне разработать целый ряд правовых концептуальных положений о логистике как о виде хозяйственной деятельности, регулируемом правом.

В целях реализации такой задачи ***необходимо квалифицировать предмет, сущность и содержание логистической деятельности, объект логистических правоотношений, складывающихся по поводу осуществления такой деятельности, а также изучить юридическую специфику правового регулирования логистической деятельности и определить правовой статус субъектов, осуществляющих логистическую деятельность***. В данном ключе необходимо отметить, что логистика находится «на стыке» экономики и права, поэтому исследование логистической деятельности возможно, как отмечают белорусские ученые Н. Л. Бондаренко и А. В. Шидловский, только на основе принципа междисциплинарности как идеи, методологии и механизма, позволяющего обнаружить сложные системообразующие связи между смежными областями правового (*и не только правового*) знания.

В данных обстоятельствах важно учитывать, что ***логистическая деятельность, являющаяся многоплановым видом хозяйственной деятельности, предопределяет наличие сложной системы ее правового регулирования***. Логистические правоотношения в Республике Беларусь регулируются множеством нормативных актов международного, наднационального (*в рамках ЕАЭС*) и национального уровня. Если быть более точным, то на сегодняшний день логистическая деятельность регулируется нормами таких отраслей и подотраслей хозяйственного права, как кондиционное, инфраструктурно-пруденциальное право.

Кондиционные правовые нормы призваны обеспечивать соответствие логистической деятельности и ее результатов нормативным регламентам, устанавливаемым государством. Нормы инфраструктурно-пруденциального права направлены на обеспечение непрерывного и системного взаимодействия субъектов общественных отношений, свойственных обществу и государству социальных, экономических и политических институтов и имеющихся в распоряжении общества и государства объектов гражданских и политических прав.

Вышеуказанные обстоятельства делают для законодателя практически невозможным создание отдельной отрасли логистического законодательства. Однако принятие рамочного Закона «О логистической деятельности» способно в данной ситуации разрешить ряд важных проблем, связанных с «разрозненностью» норм, регулирующих логистическую деятельность, механизмами государственного регулирования, управления и контроля в области логистической деятельности, порядком создания логистических центров и установлением особых требований к ним.

В настоящее время уже реализуется План мер по созданию условий для ускоренного развития сферы логистических услуг в Республике Беларусь. Сотрудники Министерства транспорта и коммуникаций указывают на то, что дальнейшая работа по совершенствованию логистической системы будет продолжена.

Орловский Р. В.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Орловский Руслан Витальевич, студент 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, rrruslanooorlovskiy@mail.ru

Научный руководитель: старший преподаватель Гавриленко А. В.

Определение кинематографа в национальном законодательстве закреплено в Кодексе Республики Беларусь о культуре. В Республике Беларусь под кинематографией понимают совокупность творческих, производственных, научных, технологических, технических, образовательных, информационных, просветительских и других процессов, направленных на производство, показ и распространение фильмов.

В Республике Беларусь действует 8 организаций кинематографии. К ним относятся: РУП Национальная киностудия «Беларусьфильм», КУП «Брестоблвиновидеопрокат», УП «Киновидеопрокат» Витебского областного исполнительного комитета, КУП «Гроднооблкиновидеопрокат», КУП «Гомелькиновидеопрокат», КУП «Минскоблвиновидеопрокат», Могилевское областное производственное УП «Киновидеопрокат», УП «Киновидеопрокат» Мингорисполкома.

Унитарное предприятие Национальная киностудия «Беларусьфильм» является единственной организацией из приведенного списка, которая самостоятельно занимается не только показом и распространением фильмов, но и производством. Ежегодно «Беларусьфильм» выпускает несколько фильмов.

В Беларуси придается большое значение поддержке национальных фильмов. Под национальными фильмами понимаются фильмы, отражающие важнейшие события национальной истории и культуры, современной жизни Республики Беларусь, посвященные общечеловеческим гуманитарным, социальным и нравственным проблемам, событиям мировой истории, имеющим важное социально-культурное значение для Республики Беларусь. Производство национальных фильмов полностью или частично финансируется из республиканского бюджета. Размеры и условия финансирования из республиканского бюджета производства национальных и других фильмов устанавливаются Президентом Республики Беларусь. Первоочередной показ национальных и других фильмов, производство которых полностью или частично финансировалось из республиканского бюджета, осуществляется в Республике Беларусь. Исходные материалы национальных и других фильмов, производство которых полностью или частично финансировалось из республиканского бюджета, передаются на хранение в Белорусский государственный архив кинофотофонодокументов, в другой архив в соответствии с законодательством о культуре и законодательством в сфере архивного дела и делопроизводства.

В 2021 г. был принят Указ Президента Республики Беларусь № 146 «О развитии кинематографии», который регулирует государственное финансирование. Указ расширил направления финансирования в сфере кинематографической деятельности, определил условия, порядок и особенности использования бюджетных средств и меры ответственности их получателей. Было принято решение о возможности бюджетного финансирования производства киноальманахов студенческих фильмов для выявления молодых талантливых кинематографистов и реализации их творческого потенциала. Государство оказывает финансовую помощь и при производстве кинолетописей, что будет способствовать формированию киноархива важных государственных и исторических событий.

В Указе установлено, что средства республиканского бюджета, выделяемые Министерству культуры на кинематографию, направляются на:

производство фильмов в игровой, неигровой, анимационной и смешанной формах (далее, если не предусмотрено иное, – фильмы), включая их рекламу, изготовление цифрового формата фильмов, изготовление копий фильмов для сдачи в архив, а также на производство кинолетописей;

создание и экспертизу литературных сценариев фильмов, приобретение имущественных прав на литературные сценарии фильмов;

субтитрирование, дублирование и (или) тифлокомментирование фильмов на государственные и иностранные языки;

реставрацию и оцифровку исходных материалов фильмов, кинолетописей, которые находятся в учреждении "Белорусский государственный архив кинофотофонодокументов" и иных архивных учреждениях, изготовление цифровых копий фильмов, кинолетописей для сдачи в архив;

подготовку и проведение кинематографических мероприятий, в том числе конференций, семинаров, выставок, кинопремий, мастер-классов, сценарных конкурсов, кинофестивалей, участие в таких мероприятиях, а также в международных кинофестивалях и кинорынках;

предоставление субсидий государственным организациям кинематографии, осуществляющим производство фильмов (далее – государственные организации кинематографии).

В целом основными нормативными правовыми актами, регулирующими государственную поддержку (финансирование) кинематографической деятельности в Республике Беларусь, являются Кодекс Республики Беларусь о культуре, Указ Президента Республики Беларусь от 16 апреля 2021 г. № 146 «О развитии кинематографии», Закон Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 419-З «О государственных закупках товаров (работ, услуг)». Таким образом, в Республике Беларусь создана надлежащая нормативная база в сфере регулирования кинематографической деятельности, однако она требует дальнейшего совершенствования для развития указанного направления хозяйственной деятельности.

Пригара В. В.

КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬ КАК ПОБОЧНЫЙ НЕГАТИВНЫЙ ЭФФЕКТ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Пригара Валерия Вадимовна, студентка 4 курса Белорусского государственного экономического университета, г. Минск, Беларусь, prigaralera0@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Рудович Н. И.

Информационные технологии в современном обществе постоянно развиваются, меняются и модернизируются, играя значимую роль практически во всех сферах жизнедеятельности человека. Тем не менее, несмотря на очевидный позитивный эффект от внедрения и развития информационных технологий, сегодня можно наблюдать тенденции развития киберпреступности. Это обусловлено тем, что многие ошибочно считают, что цифровая информация надежна защищена.

Эффективное законодательство объективно является основой для обеспечения развития деятельности по противодействию преступлениям в сфере информационных технологий.

Первой страной, столкнувшейся с киберпреступностью, были Соединенные Штаты Америки. Так, в 1977 г. здесь был разработан законопроект о защите федеральных компьютерных систем, устанавливающий уголовную ответственность за преступления в сфере информационных технологий.

Впоследствии с учетом норм данного законопроекта был принят в 1984 г. Закон о мошенничестве и злоупотреблении с применением компьютеров (Computer Fraud and Abuse Act), в который неоднократно вносились изменения и дополнения.

Многие санкции, установленные данным нормативным правовым актом, до сих пор активно используются в правоприменительной практике и являются неотъемлемым элементом системы противодействия киберпреступности.

Компьютерная преступность носит трансграничный характер, что обусловливает необходимость формирования международно-правового регулирования.

Так, Будапештская конвенция о преступности в сфере компьютерной информации 2001 г. является первым международным договором о преступлениях, совершенных через сеть Интернет и другие компьютерные сети, и касается, в частности, нарушений авторских прав, мошенничества с использованием компьютерных технологий, нарушений безопасности сети. Она также содержит ряд полномочий и процедур, таких как обыск компьютерных сетей и перехват.

В настоящее время актуальной проблемой не только в Республике Беларусь, но и за рубежом, является хищение имущества путем компьютерной модификации. Оно имеет свои разновидности:

1) фишинг – вид интернет-мошенничества, целью которого является получение доступа к конфиденциальным данным пользователей (логины, пароли). В большинстве ситуаций «фишинг» осуществляется путем рассылки на электронную почту либо посредством мобильных мессенджеров писем, рекламных сообщений, уведомлений, содержащих гиперссылки на сайты-двойники, либо публичного размещения сайтов-двойников в глобальной сети Интернет (банков, социальных сетей, площадок бесплатных объявлений и др.), переходя по которым заведенное в заблуждение лицо, по собственной невнимательности, заполняя предложенную форму, вводит идентификационные данные, передавая их виновным;

2) вишинг – это устная разновидность мошенничества, при которой злоумышленники, используя телефонную коммуникацию, под разными предлогами стимулируют людей к совершению действий якобы в их собственных интересах. Частым примером на практике является звонки якобы государственных органов;

3) кардинг – вид мошенничества, при котором производится операция с использование платежной карточки или ее реквизитов, не инициированная и не подтвержденная ее держателем. Зачастую злоумышленникам даже не требуется иметь доступ к самой карточке.

Используются подставные лица (дропы), предоставляющие свои банковские карты для «транзита» украденных мошенниками денег. Они переводят незаконно полученные денежные средства между разными счетами, тем самым путают следы киберпреступников и усложняют работу правоохранительных органов. К сожалению, наблюдается тенденция вовлечения в данную преступную схему несовершеннолетних лиц.

Таким образом, одной из основных причин роста преступлений в киберсфере выступает недостаточная цифровая грамотность наших граждан.

Согласно п. 76 постановления Совета Безопасности Республики Беларусь от 18 марта 2019 г. № 1 «О Концепции информационной безопасности Республики Беларусь» приоритетным направлением деятельности уполномоченных государственных органов является профилактика киберпреступности, основанная на популяризации среди населения, прежде всего молодежи, нетерпимости к асоциальному поведению в информационном пространстве, проведении разъяснительной работы в СМИ и сети Интернет в целях формирования безопасной национальной информационной экосистемы.

Следует также отметить, что полностью избавиться от киберпреступности на современном этапе невозможно, поскольку она имеет самые разнообразные формы и способы, затрагивает все страны мира.

Сидорова А. О.

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННОЙ ТОРГОВЛИ: ЧТО ГОВОРИТ ЗАКОН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ О МАРКЕТПЛЕЙСАХ

Сидорова Анна Олеговна, студентка 2 курса Казанского федерального университета, г. Казань, Россия, annasovagvin@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук Гараева Г. Х.

Электронная торговля, исходя из определения Т. В. Дианової, это процесс, непосредственно направленный на совершение актов купли-продажи с использованием средств электронной коммуникации. Зачастую в электронной торговле между сторонами – продавец-потребитель – выступает посредник – маркетплейс, во многом являясь ключевым звеном в цепочке действий: оплата товара-доставка-получение товара. Для оказания услуг маркетплейсы используют доступные виды гражданско-правовых договоров. И. В. Фролов, рассматривая специфику правоотношений в электронной торговле, указывает, что договор купли-продажи товаров и договор возмездного оказания услуг, заключаемые дистанционным способом, являются, во-первых, консенсуальными, поскольку в момент заключения договоров не происходит обмена товара или услуги на деньги; во-вторых, публичными, так как они могут быть заключены с неограниченным количеством лиц; в-третьих, договорами присоединения, поскольку их условия определены продавцом или лицом, оказывающим услугу, принимаются потребителем путем присоединения к предложенному договору в целом. Так, «Ozon» заключает с контрагентами договоры о возмездном оказании услуг, об агентировании, о комиссии.

Ввиду недостаточной законодательной базы существуют проблемы защиты прав продавцов, покупателей и лиц, содействующих получению товара, а также создается неопределенность для юристов, сопровождающих дела торговых онлайн-площадок. Во-первых, до сих пор не разработан вид гражданско-правового договора, который мог бы быть использован каждым маркетплейсом, что облегчило бы контроль над правомерностью его условий. Публичный характер заключаемого договора позволяет маркетплейсам в одностороннем порядке вносить изменения в договор и обязуют продавцов самостоятельно отслеживать эти изменения. Так, в феврале 2022 г. Арбитражный суд Московского округа вынес постановление в пользу ООО «Вайлдберриз» в споре с истцом ООО «ЛАМОБАЙЛ». Маркетплейс в одностороннем порядке установил дополнительную плату за продажу товара выше розничной цены, рассчитанной самим сервисом, на время проведения акции, о которой продавец уведомлялся онлайн. Аргументами суда являлись следующие доводы: продавец товара проявил бездействие, тем самым приняв условия акции; оферта изначально предполагала данные условия, принятые при заключении продавцом; истцом не был доказан факт нарушения существенных условий договора; данный маркетплейс не

является монополистом в сфере услуг. С одной стороны, условия договора не были нарушены ни одной из сторон, но с другой стороны, подобная возможность одностороннего повышения вознаграждения, не требующая от продавцов письменного согласия, заставляет задуматься об ограничении власти маркетплейсов в установлении условий договора.

Во-вторых, существует проблема взимания маркетплейсами денежных средств за возврат товаров надлежащего качества. Так, это компенсирует издержки предпринимателей на обратную транспортировку, но многие покупатели добросовестно совершают покупки в онлайн-магазинах и при совершении заказа рискуют не получить подходящий товар ввиду недостаточной информации на странице товара или по ошибке продавца. Так, в Республике Беларусь эта проблема урегулирована ст. 28 Закона «О защите прав потребителей»: требование о возврате уплаченной за товар денежной суммы подлежит удовлетворению продавцом незамедлительно, о взимании платы за возврат речи нет. В январе 2023 г. ООО «ИМВБРБ» (правообладатель «Wildberries») был привлечен к ответственности за нарушение закона. Однако маркетплейсом вновь были совершены попытки восстановить платный возврат, ссылаясь на положения п. 3 ст. 476 Гражданского кодекса Республики Беларусь. Это было санкционировано Министерством антимонопольного регулирования Республики Беларусь и на данный момент платный возврат на территории страны не действует, что является прогрессивной мерой защиты прав покупателей (в Российской Федерации действует платный возврат).

На данный момент в Российской Федерации разрабатывается законопроект Минэкономразвития «О платформенной экономике в Российской Федерации». Судя по комментариям Федеральной антимонопольной службы, он содержит идеи упомянутого ранее законопроекта о маркетплейсах и дополняет его новыми условиями. Так, критике органа подверглись следующие положения: введение статуса «крупная посредническая платформа», в зависимости от ежедневного количества пользователей; приоритет товаров в поисковой строке товаров, продвижение которых было дополнительно проспонсировано продавцами; запрет платформам удерживать суммы штрафов и пеней продавцов до рассмотрения жалобы стороны через специальную систему обжалования. В Республике Беларусь также идет разработка схожего законопроекта.

Подводя итог, можно отметить, что законодатели следят за развитием электронной торговли. Вероятно, в ближайшее время в Союзном государстве законом будут урегулированы вопросы о персональных данных продавца, введена ответственность за продажу немаркированных товаров и оказана более сильная поддержка оригинальной продукции, произойдет разграничение электронных платформ, оказывающих различные виды онлайн-услуг, а также будут ограничены полномочия маркетплейсов в создании собственных условий публичных договоров.

Хаменко К. М.

ЕСТЕСТВЕННАЯ МОНОПОЛИЯ КАК НЕОБХОДИМЫЙ ЭЛЕМЕНТ СИСТЕМЫ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ

Хаменко Карина Михайловна, учащаяся 3 курса Юридического колледжа Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, karinasmya@gmail.com

Научный руководитель: преподаватель Литвинович М. Г.

Монополия – это экономическая структура рынка, в которой одна компания или организация контролирует всю продажу определенного товара или услуги, без значительной конкуренции со стороны других производителей. «Организации-монополисты» зачастую занимаются производством и сбытом уникальной и необходимой, не имеющей аналогов продукции, охватывая своей деятельностью всю соответствующую отрасль и не допуская конкуренции в ней.

Представляется, что монополия представляет собой отрицательный институт, являясь изначально правонарушением. Частым результатом монополистических действий субъектов хозяйствования являются снижение качества продукции, установление высоких цен на нее, отсутствие развития в сфере и неэффективность производства. Одновременно стоит отметить, что именно монополия влияет на формирование единых стандартов производства, возможность проведения исследований в сфере и большие технологические возможности.

Министерство антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь поквартально подводит итоги по выявлению нарушений, учету обращений за разъяснениями в сфере антимонопольного регулирования, а также включению и исключению субъектов естественных монополий из Государственного реестра хозяйствующих субъектов, занимающих доминирующее положение на товарных рынках, что позволяет дать оценку уровню монополизации на рынке, улучшить качество жизни населения и развивать экономику страны.

На практике выделяют: естественную, искусственную, открытую и государственную монополии. Отличительная черта естественной монополии, в частности, заключается в способе ее образования. Появление такого субинститута, по сути, не зависит от воли определенного субъекта. Естественная монополия устанавливается в обществе благодаря своим технически сложным конструкциям (моделям) и экономической нецелесообразности для конкуренции, что вытекает и из легального определения, закрепленного в Законе Республики Беларусь от 16 декабря 2002 г. № 162-З «О естественных монополиях».

Наиболее распространенными сферами данного вида монополий являются железные дороги, система водоснабжения, нефть и газ, а также энергоснабжение и сети. В данных сферах наличие организаций в количестве больше одной добавило бы проблем с экономической точки зрения, в

определении единого тарифа, а также в нерегулируемых перебоях «продукта». Ввиду подмеченного, Закон содержит нормы, четко прописывающие необходимость установления единого тарифа, а потребители, таким образом, защищаются от некачественной и несвоевременной подачи необходимой продукции.

Монополия держится на рынке благодаря двум условиям: субаддитивности функций издержек и устойчивости. Первое основание указывает на то, что гораздо более экономически целесообразно сфокусировать всю деятельность на одном предприятии, чем разделить на несколько точек. Второе – указывает на неконкурентоспособность в этой отрасли, и новичкам экономически невыгодно выходить на рынок, что возвращает к первому условию и показывает их совместность.

При проведении сравнительно-правового анализа источников, регламентирующих регулирование естественных монополий в Республике Казахстан и Республике Беларусь, установлены следующие отличия:

– различия сфер естественных монополий: например, не выступает аэронавигационное обслуживание международных и транзитных полетов в качестве такой сферы в Республике Казахстан, в то время как все аэронавигационные услуги являются областью естественных монополий в Республике Беларусь;

– в законодательстве Республики Казахстан введены новые понятия, применяющиеся в рамках института: например, стратегические товары, субъект естественной монополии малой мощности, необоснованный доход;

– по нашему мнению, нормы о естественных монополиях в Республике Казахстан более регламентированы в отличие от законодательства Республики Беларусь: например, отдельные главы посвящены формированию тарифа, субъектам естественных монополий, ответственности в указанной сфере.

Таким образом, институт естественной монополии является неотъемлемым элементом рынка Республики Беларусь. Сферы, регулируемые подобным образом, не могут в полной мере эффективно существовать с несколькими поставщиками. Регулирование этих секторов помогает сохранить доступность услуг для населения и стимулировать инвестиции в необходимую инфраструктуру. Из-за отсутствия конкуренции естественные монополии могут иметь тенденцию к злоупотреблению рыночной властью, что делает необходимым более детально отнестись к государственному регулированию норм, в том числе предусматривающих ответственность таких субъектов.

ПРАВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Бурнашева А. А.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТОВАРНЫХ ЗНАКОВ В КАЧЕСТВЕ КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ ПРИ РАЗМЕЩЕНИИ КОНТЕКСТНОЙ РЕКЛАМЫ В СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»

Бурнашева Анастасия Андреевна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, nastya.burnasheva.18@bk.ru

Научный руководитель: старший преподаватель Козорезова Р. В.

Законодательство Республики Беларусь не содержит легального определения контекстной рекламы. В специализированной литературе по маркетингу контекстная реклама определяется как вид рекламы в сети Интернет, где осуществляется показ рекламы в поисковых системах, привязанный к определенным ключевым словам.

Ключевыми словами являются слова, вводимые интернет-пользователем в поисковой строке, для нахождения необходимой информации. Рекламодатель самостоятельно определяет, какие ключевые слова будут использованы в рекламе, что является правомерным. Однако существуют ситуации, когда лицо, не являясь правообладателем, использует товарный знак в качестве ключевого слова, что порождает правовые проблемы.

В соответствии с п. 2 ст. 1019 Гражданского кодекса Республики Беларусь, никто не может использовать охраняемый на территории Республики Беларусь товарный знак без разрешения его владельца.

Согласно п. 9 ст. 10 Закона Республики Беларусь от 10.05.2007 № 225-З «О рекламе» в рекламе не допускается использование наименований организаций, товарных знаков и (или) знаков обслуживания лицами, не имеющими права на такое использование.

В пункте 1 ст. 20 Закона Республики Беларусь от 5 февраля 1993 г. № 2181-XII «О товарных знаках и знаках обслуживания» определены способы использования товарного знака, среди которых выделяется применение товарного знака в глобальной компьютерной сети Интернет (в том числе в доменном имени, при иных способах адресации).

В правоприменительной практике прослеживаются разные позиции о том, является ли использование товарного знака в ключевых словах нарушением исключительного права.

Так, в решении Коллегии по делам интеллектуальной собственности Верховного Суда Республики Беларусь от 09.12.2021 по делу № 1ИГИП21133 судом был сделан вывод, что ключевые слова в настройке контекстной рекламы выполняют только техническую функцию и применяются для показа рекламного объявления в поисковой системе. Такое использование товарных знаков и фирменных наименований в контекстной рекламе не

индивидуализирует чьи-либо товары или услуги и не создает возможности их смешения, в связи с чем такие действия не нарушают исключительные права правообладателя.

В российских судах сформировалась такая же правовая позиция (Постановление Суда по интеллектуальным правам от 15.12.2014 № С01-1177/2014 по делу № А17-7691/2013). Однако можно встретить и противоположные решения.

Так, Суд по интеллектуальным правам Российской Федерации указал, что арбитражный суд первой инстанции не привел правового обоснования в отношении того, каким законом либо иным нормативным правовым актом установлены понятия общих правил рекламных объявлений и ключевого слова, а также возможность использования в рекламе в качестве ключевых слов, сходных с товарным знаком иного лица, без согласия правообладателя. Апелляционный суд отклонил довод о технической роли ключевых слов, как не основанный на законе (Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 11 октября 2017 г. № 13АП-20195/17).

В. О. Дятлова отмечает, что в практике Европейского суда «использование ключевого слова, тождественного или сходного до степени смешения с товарным знаком конкурента, является нарушением прав на товарный знак в случае, если реклама, появляющаяся в поисковой системе, не позволяет обычным пользователям Интернета или позволяет с трудом установить, исходят ли товары или услуги, упоминаемые в рекламе, от владельца товарного знака или экономически связанного с ним предприятия, или же исходят от третьего лица».

Стоит упомянуть, что использование товарного знака в ключевых словах может представлять собой совершение субъектом акта недобросовестной конкуренции. Согласно п. 172 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации», использование рекламодателем при размещении контекстной рекламы в сети «Интернет» в качестве критерия для показа рекламного объявления ключевых слов (словосочетаний), тождественных или сходных до степени смешения с принадлежащим другому лицу средством индивидуализации, с учетом цели такого использования может быть признано актом недобросовестной конкуренции (ст. 146 Федерального закона «О защите конкуренции», ст. 10.bis Парижской конвенции).

Таким образом, использование ключевых слов, содержащих товарные знаки, лицами, не являющимися правообладателями, может быть квалифицировано как законные действия, как нарушение прав на товарный знак, так и как акт недобросовестной конкуренции. Данная квалификация основывается на комплексной оценке всех обстоятельств конкретного случая.

Гусева Т. С.

НЕДОБРОСОВЕСТНАЯ КОНКУРЕНЦИЯ КАК ИНСТИТУТ ПРАВА ПРОМЫШЛЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Гусева Татьяна Сергеевна, студентка 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, @tana.guseva.04@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Ядревский О. О.

Споры по недобросовестной конкуренции возникают именно на границе сравнения визуальных образов (например, что-то бело-синее, с полосами по бокам и желтым посередине), зачастую потребитель делает осознанный выбор в пользу того или иного товара исходя из отложившегося в памяти визуального образа – цветовых пятен, что отличает их от споров установления сходства до степени смешения товарных знаков, где происходит детальное сравнение всех элементов.

Определение недобросовестной конкуренции дано в ст. 1 Закона Республики Беларусь от 12 декабря 2013 г. № 94-З «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции».

Недобросовестная конкуренция – направленные на приобретение преимуществ (выгод) в предпринимательской деятельности действия хозяйствующего субъекта или нескольких хозяйствующих субъектов, которые противоречат Закону Республики Беларусь «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции», иным актам антимонопольного законодательства или требованиям добросовестности и разумности и могут причинить или причинили убытки другим конкурентам либо могут нанести или нанесли вред их деловой репутации. Основными правовыми источниками, закрепляющими формы недобросовестной конкуренции, являются Гражданский кодекс Республики Беларусь (далее – ГК) и Закон Республики Беларусь «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции». Согласно п. 2 ст. 1029 ГК недобросовестной конкуренцией признаются:

1) все действия, способные каким бы то ни было способом вызвать смешение в отношении юридических лиц, граждан, осуществляющих индивидуальную предпринимательскую деятельность, товаров, работ, услуг или предпринимательской деятельности конкурентов.

К таким действиям можно отнести, например, незаконное использование торговым объектом не принадлежащего ему товарного знака, фирменного наименования, географического указания на товарах, их упаковках, вывесках.

Например, на упаковке товара «женская сумка» указано: Made in the Republic of Belarus. Designed in Italy. Производитель товара частично заказывал материалы для сумок в Италии, окончательный пошив производился в Республике Беларусь. Однако торговый объект указал на ценнике: «Сумка женская. Производство Италии» и тем самым ввел в заблуждение возможных покупателей, незаконно используя географическое указание;

2) ложные утверждения при осуществлении предпринимательской деятельности, способные дискредитировать юридическое лицо, гражданина,

осуществляющего индивидуальную предпринимательскую деятельность, товары, работы, услуги или предпринимательскую деятельность конкурента;

3) указания или утверждения, использование которых при осуществлении предпринимательской деятельности может ввести в заблуждение относительно характера, свойств, пригодности к применению или количества товаров, работ, услуг конкурента;

4) другие действия, противоречащие требованиям ГК и иных актов законодательства о конкуренции или требованиям добросовестности и разумности, при осуществлении предпринимательской деятельности.

Какие можно использовать способы превентивного противодействия недобросовестной конкуренции? Эти способы можно условно разделить на несколько групп.

К первой группе противодействия относится получение исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности (т. е. регистрация товарных знаков, промышленных образцов, полезных моделей, изобретений и т. д.).

Ко второй группе относится активное продвижение своей продукции и товарных знаков на рынке (реклама, участие в конкурсах, выставках и т. д.). В данном случае следует не забывать сохранять документальное подтверждение такого участия, а именно договоры, дипломы, награды, промо продукцию и т. д.

К третьей группе относится документальное оформление результатов своей деятельности по созданию новых видов товара, дизайна упаковки, товарных знаков и т. д. (оформление договоров, служебных заданий и т. д.).

Законодательством Республики Беларусь предусмотрено, что защита от недобросовестной конкуренции может осуществляться юридически заинтересованными лицами как способами, предусмотренными ГК, так и в соответствии с антимонопольным законодательством. Гражданско-правовой способ защиты предполагает предъявление в суд исков о признании действий субъектов хозяйствования, связанных с приобретением права на товарные знаки (знаки обслуживания), недобросовестной конкуренцией, административно-правовой способ – обращение юридически заинтересованных лиц в уполномоченный антимонопольный орган.

Практика показывает, что в большинстве случаев защита от недобросовестной конкуренции осуществляется в административном порядке.

Поскольку право выбора того или иного способа защиты принадлежит юридически заинтересованному лицу, учитывающему различные факторы, в том числе территориальную и финансовую доступность, представляется, что неготовность субъектов хозяйствования прибегать к судебной защите в первую очередь обусловлена нежеланием нести судебные расходы, связанные с уплатой государственной пошлины. Кроме того, порядок принятия решения антимонопольным органом является более простым по сравнению с судебной процедурой.

Эффективное регулирование данного института права промышленной собственности содействует развитию инноваций и стабильности в экономике, обеспечивая справедливые условия для всех ее участников.

Калинушкина Н. Ю.

ПЛАГИАТ И МУЗЫКАЛЬНАЯ ИНДУСТРИЯ

Калинушкина Наталья Юрьевна, студентка 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, kalinanatali2004@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Ядревский О. О.

Плагиат в музыкальной индустрии – это сложный и актуальный вопрос, вызывающий множество споров и дискуссий. В эпоху цифровых технологий и глобального доступа к информации, границы между вдохновением и копированием становятся все более размытыми. Современные технологии, включая стриминговые сервисы и социальные сети, значительно изменили способы создания и распространения музыки, сделав ее более доступной для широкой аудитории, но в то же время увеличив риск плагиата. В условиях высококонкурентного рынка, где музыкальные произведения должны привлекать внимание слушателей и выделяться среди множества других, некоторые исполнители и композиторы могут быть склонны заимствовать идеи или аудиовизуальные элементы у своих коллег. Это порождает не только этические, но и юридические вопросы, касающиеся авторских прав и интеллектуальной собственности.

Плагиат в музыке может оказывать значительное влияние на рынок, и его последствия проявляются в различных аспектах. Вот некоторые из них:

- юридические последствия;
- нарушение авторских прав;
- качество музыки;
- экономические последствия;
- цифровая эпоха и доступность;
- инновации.

В целом плагиат в музыке имеет сложное и многогранное влияние на рынок, которое требует баланса между защитой прав авторов и поддержкой инноваций в индустрии.

Лейблы звукозаписи – это компании, которые продают записанную музыку. Они выполняют широкий спектр функций в музыкальной индустрии, включая набор и развитие новых артистов (известные как A&P, что означает «искусство и репертуар»), издание музыки и защита авторских прав.

В основе традиционной музыкальной индустрии лежат три основных процесса:

1) создание музыкального продукта. Написание текста, музыки, создание аранжировки, исполнение, звукозапись;

2) маркетинг музыки. Маркетинг включает брэндинг, информатизацию, создание музыкального сообщества (фан-базы исполнителя) и т. д.;

3) распространение музыки. Музыка распространялась преимущественно на аудиовизуальных носителях через музыкальные магазины и на концертных выступлениях музыкантов.

В прошлом крупные компании отвечали за разработку, распространение и маркетинг артистов. Без них у музыкантов было бы очень мало возможностей добиться успеха, если бы они хотели самостоятельно решать все технические, маркетинговые и бизнес-аспекты. Для начинающего музыканта это было практически невозможно. Это были непреодолимые проблемы для любого, кто еще не успел прочно закрепиться в отрасли или не располагал большими деньгами, чтобы инвестировать в свою карьеру.

Тем не менее звукозаписывающие компании играют важную роль в развитии артистов, стимулируя объем работы и индивидуальный рост, сохраняя при этом ориентацию на прибыльность и результаты, основанные на данных. Многие музыканты уходят из индустрии из-за отсутствия надлежащего руководства в поиске ниши, возможностей заработать деньги или правильного пути для себя. Музыкальное покровительство, которое, по сути, предоставляют звукозаписывающие компании, по-прежнему имеет ценность в современной развивающейся музыкальной индустрии.

Этические аспекты плагиата затрагивают несколько ключевых моментов:

1) музыканты и композиторы вкладывают значительные усилия, время и креативность в создание своих произведений;

2) каждый артист стремится создать уникальный звук и стиль;

3) плагиат может отразиться на более широкой музыкальной индустрии, создать неравные условия для музыкантов, особенно тех, кто пытается пробиться на рынок;

4) в музыкальной индустрии существует традиция заимствования – многие жанры, такие как рэп и хип-хоп, активно используют семплирование;

5) артисты, которые используют чужие идеи без должного признания, могут утратить доверие своих слушателей;

6) плагиат может отрицательно сказаться на доходах оригинальных авторов;

7) музыканты и артисты строят свои имиджи на основе оригинальности и уникальности;

8) плагиат может иметь отрицательное влияние на сознательность плагиатора.

Таким образом, плагиат в музыкальной индустрии – это многогранная проблема, требующая комплексного подхода. Защита авторских прав, уважение к чужому творчеству и развитие креативности – это ключевые факторы для здравого функционирования музыкальной индустрии и сохранения ее культурного наследия. Важно, чтобы все участники индустрии осознавали свою ответственность и стремились к честной конкуренции, что в конечном итоге приведет к созданию большего количества оригинального и значимого искусства.

Коваленко М. А.

АРОМАТ КАК ОБЪЕКТ ПРАВА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Коваленко Милена Александровна, студентка 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, milena.kovalenko13@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Ядревский О. О.

Запах – свойство чего-либо, воспринимаемое обонянием. Он является постоянным спутником человеческого существования, неотъемлемым элементом жизнедеятельности. Термин «аромат» произошел из греческого языка, где означал приятный запах. Не все ароматы, с которыми сталкивается человек, имеют природное происхождение: ряд ароматов производится в процессе целенаправленной творческой деятельности с применением специфических отраслевых знаний. Свое объективное выражение такие ароматы получают в парфюмерных изделиях: духах, парфюмерных водах, туалетных водах, свечах и т. д.

В мировой практике существуют дела, предметом разбирательства которых становилось авторское право на аромат. Так, Верховный суд Нидерландов при рассмотрении спора между Lancôme и Kecofa пришел к выводу, что существует различие между ароматом духов и их формулой, сравнивая их с бумагой страниц книги, которая не подлежит защите авторским правом, и содержанием книги, которое авторским правом защищается. Требование оригинальности в отношении духов, по мнению суда, признается соблюденным при условии, что они не будут точно воспроизводить натуральные запахи, к примеру, аромат роз, а будут иметь «личный штрих», что означает необходимость применения творчества при создании аромата.

Противоположной позиции придерживался Кассационный суд (Франция) при рассмотрении спора между Bsiri-Barbir и Haarmann & Reimer. Принятое решение содержало идею того, что духи производятся с применением чисто технических знаний и не представляют собой создание формы выражения, которая может пользоваться защитой как результат умственной деятельности.

В настоящее время производители парфюмерии часто защищают свои права путем регистрации товарного знака на название духов. Безусловным плюсом данного способа защиты является срок – регистрация товарного знака действительна в течение 10 лет с даты подачи заявки, а также он может быть продлен по заявлению владельца каждый раз на 10 лет. Однако такой подход никаким образом не защищает сам аромат.

Истории известны случаи регистрации обонятельного товарного знака. Например, когда производитель теннисных мячей решил распылить на свои товары эссенцию, напоминающую аромат свежескошенной травы, чтобы покупателям не нужно было читать название бренда для понимания того, мячи какой компании находятся перед ним.

Встречается также получение патента на химический состав парфюмерии. Однако и в этом случае объектом защиты выступает не сам запах, а формула, с помощью которой он получен. Но получение патента также обязывает производителя аромата раскрыть процесс, с помощью которого он пришел к аромату, что позволит будущим конкурентам использовать данную информацию в своих интересах.

Флакон и крышка изделия могут охраняться в качестве промышленного образца.

Эти способы не противоречат друг другу: возможна одновременная охрана состава аромата как изобретения и внешнего вида духов как промышленного образца. Является спорной возможность отнесения аромата к секретам производства (ноу-хау). Состав аромата не может являться секретом, поскольку количество содержащихся в газовых смесях компонентов и их качественные характеристики возможно определить в результате хроматографического анализа газа. Однако секретным может быть информация о процессе получения аромата.

Сложность признания аромата объектом права интеллектуальной собственности представляет также природа духов: наличие верхних, средних и нижних нот, каждая из которых длится разные периоды времени, а также тот факт, что кожа разных людей по-разному воздействует на запах определенных духов. С такими податливыми и непостоянными сортами запахов и их продолжительностью было бы очень трудно предоставить охрану авторским правам на ароматы.

Несмотря на это, процесс создания духов все еще остается творческим процессом интеллектуального характера, в результате которого при помощи поиска комбинаций и подбора состава с учетом отраслевых знаний формируется объект, не нашедший точного и единообразного механизма правовой охраны в сфере интеллектуальной собственности.

Коваль А. М.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ОХРАНЫ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВ НАНИМАТЕЛЯ НА КОМПЬЮТЕРНУЮ ПРОГРАММУ

Коваль Антонина Михайловна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, t.k.ovalll@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Кадурин А. Ю.

В процессе деятельности любой компании, занимающейся разработкой компьютерных программ, создаются объекты интеллектуальной собственности. Поскольку стоимость разрабатываемых программ и IT-решений только растет и зачастую занимает значительную долю всех нематериальных активов компании, очень важно правильно оформить права на объекты интеллектуальной собственности, соблюдая законодательство.

Понятие компьютерной программы содержится в Законе Республики Беларусь от 17 мая 2011 г. № 262-З «Об авторском праве и смежных правах»

(далее – Закон). Компьютерная программа – представленная в объективной форме упорядоченная совокупность команд и данных, предназначенных для использования на компьютере и в иных системах и устройствах в целях обработки, передачи и хранения информации, производства вычислений, получения аудиовизуальных изображений и других результатов. Частью компьютерной программы являются включенные в компьютерную программу документы, детально описывающие функционирование компьютерной программы, в том числе взаимодействие с пользователем и внешними компонентами.

Авторское право на компьютерную программу возникает в силу ее создания и не требует совершения каких-либо дополнительных действий и формальностей. Как правило, компьютерные программы создают работники компаний, осуществляющих разработку IT-продуктов. Исключением являются программисты, осуществляющие деятельность самостоятельно без привязки к конкретной организации. Законодательство Республики Беларусь предусмотрело регулирование данного вопроса в виде такого понятия, как «служебное произведение». В соответствии с Законом «служебное произведение» – произведение науки, литературы, искусства (его часть, имеющая самостоятельное значение), созданное автором по заданию нанимателя или в порядке выполнения обязанностей, обусловленных трудовым договором.

Для возникновения служебного произведения необходимо наличие одного из двух критериев:

1) служебное произведение создано по заданию нанимателя;

2) служебное произведение создано в порядке выполнения обязанностей, обусловленных трудовым договором.

По общему правилу исключительное право на служебное произведение переходит к нанимателю с момента его создания (ч. 2 ст. 17 Закона). При этом договором между нанимателем и автором может быть предусмотрен и иной порядок перехода исключительного права.

Из рассматриваемых особенностей следует, что права нанимателя на компьютерную программу будут зависеть от надлежащего оформления правоотношений автора и нанимателя.

В законодательстве конкретно не предусмотрен определенный список документов, которые необходимо оформить для создания служебного произведения.

Предлагаем рассмотреть некоторые варианты, приведенные далее.

1. Трудовой договор, который будет содержать положения об обязанностях создания компьютерных программ, содержащий положения об интеллектуальной собственности на созданную программу или ее часть.

Рекомендуем прямо указывать в трудовом договоре условие о переходе исключительного права на служебное произведение именно с момента создания. Такое условие может быть сформулировано следующим образом:

«Исключительное право на любой и каждый объект интеллектуальной собственности, созданный работником единолично или в соавторстве по

заданию нанимателя или в порядке выполнения обязанностей, предусмотренных трудовым договором, переходит к нанимателю с момента его создания в полном объеме.»

При этом стоит учитывать, что в соответствии с Законом в случае, если наниматель в течение пяти лет со дня, когда к нему перешло исключительное право на служебное произведение, не начнет использование этого произведения или не передаст исключительное право на это произведение другому лицу, исключительное право на служебное произведение переходит к автору, если иное не предусмотрено договором между нанимателем и автором.

2. Должностная инструкция с полным перечнем должностных обязанностей разработчиков. Если в трудовом договоре по общему правилу прописываются стандартные обязанности конкретного работника в определенной сфере, то в должностной инструкции можно прописать обязанности более детально в соответствии с занимаемой позицией и спецификой обязанностей работника.

3. Фиксирование планов и технических/служебных заданий разработчиков.

Формально критериев надлежаще оформленных трудовых обязанностей достаточно, служебные задания позволяют определить, что именно разрабатывают работники для нанимателя и в какие сроки. Наиболее правильнее будет оформлять такие задания в письменном виде с подписью руководителя и разработчика или команды разработчиков.

Таким образом, охрана прав нанимателя на служебное произведение требует четкого оформления. Бдительность в данном вопросе обеспечит нанимателю безопасное использование созданных его работниками компьютерных программ и обеспечит минимизацию рисков в будущем.

Колодко А. С.

НАРУШЕНИЕ ПРАВ НА ФОТОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Колодко Александра Сергеевна, студентка 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, alexsasha17062006@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Свадковская Е. А.

Развитие интернет-технологий сделало процесс загрузки, хранения и обмена изображениями невероятно простым и доступным для широкой публики. Интернет, в свою очередь, обеспечивает мгновенное распространение фотографий по всему миру. В своей совокупности данные факторы повысили риск нарушения авторского права в связи с незаконным использованием, распространением и иными действиями с фотографиями.

В силу п. 5 ст. 6 Закона Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах» (далее – Закон) фотографические произведения, в том числе произведения, полученные способами, аналогичными фотографии, являются объектами авторского права. Авторское право на фотографию

возникает уже в силу факта ее создания, то есть для осуществления и защиты авторского права не требуется получение патента либо соблюдения каких-либо иных формальностей (п. 1 ст. 8 Закона).

Отсутствие явного запрета на копирование или использование изображения на сайте или аккаунте, где оно размещено, не может интерпретироваться как разрешение на его свободный доступ. Согласно Закону правообладатель вправе распространять свое произведение с указанием имени, псевдонима или анонимно. Следовательно, отсутствие информации об авторском праве на фотографии не освобождает от ответственности за ее неправомерное использование.

Верховный Суд Республики Беларусь 5 сентября 2016 г., отказал в удовлетворении иска фотографа М. к государственной медиакомпании «Белтелерадиокомпания» по поводу нарушения авторского права. Предметом разбирательства стали фотографии северного сияния, сделанные фотографом 17 марта 2015 г. 18 марта в сети Интернет был размещен видеосюжет, в котором ответчик без согласия истца и указания его как автора использовал его фотографии. Суд назначил искусствоведческую экспертизу для проверки, являются ли фотографии истца результатом творческой деятельности.

Эксперт в заключении указал, что в композиционном построении фотографий № 1 и № 2 присутствуют практические навыки работы со съёмочной аппаратурой, но в творческом аспекте это недостаточно выражено в индивидуальном почерке и эстетическом открытии мира, а именно, отсутствует один из основных законов композиции – закон художественной новизны. Непосредственно при фотосъёмке был использован стандартный набор технических функций фотокамеры без применения художественных приёмов[1].

Фотография является объектом авторского права, если она является результатом творческой деятельности. Несмотря на это, национальное законодательство Республики Беларусь не раскрывает понятие «творческая деятельность» напрямую.

Данный пример указывает, что творческий характер фотографических произведений признается при наличии у них свойств новизны, оригинальности и неповторимости. Сравнивая с судебной практикой Российской Федерации, можно заметить существенные различия в оценивании критерия творческой деятельности. В соответствии с ч. 3 п. 80 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10: «Необходимо также принимать во внимание, что само по себе отсутствие новизны, уникальности и (или) оригинальности результата интеллектуальной деятельности не может свидетельствовать о том, что такой результат создан не творческим трудом и, следовательно, не является объектом авторского права».

[1] URL: https://court.gov.by/ru/justice_rb/praktice/intell/foto/ea839ad345afd961.html (дата обращения: 12.10.2024)

В Российской Федерации Суд по интеллектуальным правам выработал позицию, в соответствии с которой фотография имеет творческий характер в силу самого факта его создания.

В Республике Беларусь в случае с фотографическими произведениями признаки оригинальности учитывают выбор автором композиции, ракурса, светового решения (установка света или адаптация под имеющееся освещение), технических настроек фотокамеры, момента съемки. Также принимается во внимание дальнейшая работа автора с полученными фотоснимками: их обработка с использованием специальных компьютерных программ (для цифровых фотоснимков), нестандартные способы проявления фотопленки и печати фотографий (для пленочных фотоаппаратов).

Однако на примере данного дела, наблюдается противоречие признаку оригинальности фотографического произведения. А также в деле фотографа М. обработка фотографий не была признана творческой деятельностью, по сравнению с Российской Федерацией, где обработка полученного изображения при помощи специальных компьютерных программ является творческой деятельностью.

Таким образом, в законодательстве имеется пробел, относительно понятия творческая деятельность, что приводит к неправильной классификации произведений самими авторами, так как охраноспособность фотографических произведений носит оценочный характер.

Коротченко А. А.

СТРИМИНГ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ИСТОРИЯ ПОЯВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ НА ПРИМЕРЕ ИНТЕРНЕТ-ПОРТАЛА VIDEOBEL

Коротченко Анастасия Анатольевна, студентка магистратуры 1 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, anakor2001@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Свадковская Е. А

Уровень развития информационных технологий в Республике Беларусь позволяет говорить о новых явлениях компьютерной индустрии, таких как виртуальные ассистенты, облачный гейминг, стриминг. Обращаясь к ст. 4 Закона Республики Беларусь от 17 мая 2011 г. № 262-З «Об авторском праве и смежных правах» (далее – Закон), которая регламентирует основные термины, используемые в Законе, можно сделать вывод о том, что в ней не содержится упоминания о том, что представляет собой «стриминг».

На основании изучения статистических данных, которые представлены на официальных вей-сайтах Министерства связи и информации Республики Беларусь, а также Национального статистического комитета можем отметить, что в Республике Беларусь в 2023 г. доля населения, пользующаяся Интернетом в различных целях, составила 91,5 %. Анализируя табличные показатели, мы приходим к выводу о том, что начиная с 2012 г. в Республике Беларусь доля пользования интернет-контентом постоянно увеличивается.

Вытеснение стримингом оффлайн-телевидения, а также онлайн-радиовещания требует изучения, так как сейчас этот процесс активно набирает обороты. Нами изучены имеющиеся исследования по данной тематике, в том числе М. Д. Болычевой, М. А. Мирошника, А. С. Птушко, которые пришли к выводу, что стриминг на сегодняшний день – это активно набирающий популярность технический процесс. Его же, в свою очередь, необходимо исследовать и в рамках соответствующего процесса создать должные рамки правовой регламентации.

Исторически первой платформой, которая была предназначена для трансляции игр и иных видов контента, являлся Twitch. Он получил широкую известность и популярность благодаря отсутствию каких-либо ограничений. На данной платформе успешно функционирует алгоритм для бесплатной раскрутки новых авторов, а также возможность поиска контента, который будет интересен исключительно конкретному пользователю. Данная характеристика, в отличие от аналогового телевидения с фиксированной программой передач, положила начало зарождения культуры потребления по выбору. Одним из существенных минусов стоит отметить, что стать партнером платформы крайне тяжело, однако именно такой статус требуется, чтобы показывать свои трансляции в высоком качестве. Кроме того, при получении статуса партнера платформы необходимо отчислять большую часть дохода, полученного от стриминга того или иного контента, в целях поддержания должного функционирования платформы.

Следующим приложением, которое получило широкую известность в Республике Беларусь, можно справедливо назвать YouTube. Следует учитывать, что на данной платформе стать популярным крайне сложно, так как алгоритмы не предусматривают автоматической раскрутки новых пользователей. В связи с этим для получения высокого рейтинга необходимо значительное количество просмотров от реальных пользователей, а также активное взаимодействие с аудиторией.

Проанализировав состояние и доступность платформ и их опций в Республике Беларусь, правительство совместно с заинтересованными лицами разработали качественно новый формат потребления контента, а именно интернет-портал VIDEOBEL. Многими политическими деятелями отмечается, что «одна из целей создания данного проекта – обеспечение информационной безопасности и суверенитета нашей страны» (Марков о портале VIDEOBEL.BY: это инструмент, который не будет находиться в руках наших оппонентов – 12.09.2024). Как подчеркнула И. Акулович, преимущество белорусской медиаплатформы, в сравнении с YouTube или Twitch, заключается в следующем: «Удобство использования. Весь контент белорусских ведущих СМИ будет собран в одном месте, поэтому зрителю и читателю не придется переходить с сайта на сайт в поисках информации». Кроме того, на портале представлен стриминг не только информационного контента, но и некоторых развлекательных шоу. Одним из преимуществ, которые предоставляет новая стриминг-платформа, является возможность прямой трансляции с мероприятий, в которых участвует Президент

Республики Беларусь и иные высшие должностные лица. При этом все видеоматериалы будут сопровождаться тайм-кодами (т. е. объемные программы будут разбиты на тематические отрезки, что позволит легко ориентироваться и экономить время). С технической точки зрения медиапортал адаптирован для просмотра контента на любом устройстве: от смартфона до экрана телевизора.

Как справедливо подчеркнуто в интервью М. Маркова, Министра информации Республики Беларусь, «мы создали белорусскую платформу, на которой будет аккумулироваться производимый нами главный политический видеоконтент». Однако, кроме основного политического видеоконтента, который представлен на портале, предусмотрены онлайн-трансляции событий с участием главы государства, а также республиканских телеканалов, включенных в обязательный общедоступный пакет.

Матох М. А.

ПРИНУДИТЕЛЬНАЯ ЛИЦЕНЗИЯ В ПАТЕНТНОМ ПРАВЕ

Матох Маргарита Александровна, студентка 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, margaritamatoh@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Свадковская Е. А.

Одним из основополагающих принципов патентного права является предоставление «монополии патентообладателю на использование защищенного патентом технического решения» (С. С. Лосев). Однако сама сущность изобретения, полезной модели или промышленного образца заключается в дальнейшем применении данных объектов в социально-экономических интересах развития общества. Отсюда может возникнуть конфликт между патентообладателем и обществом, чья заинтересованность и потребность в охраняемом объекте ограничивается исключительным правом патентообладателя.

Принудительная лицензия является одним из способов контроля государства юридической монополии владельца патента над объектом интеллектуальной собственности, закрепленного на международном уровне. Парижская конвенция по охране промышленной собственности, участником которой является Республика Беларусь, в ст. 5А указывает: «Каждая страна Союза имеет право принять законодательные меры, предусматривающие выдачу принудительных лицензий, для предотвращения злоупотреблений, которые могут возникнуть в результате осуществления исключительного права, предоставляемого патентом, например, в случае неиспользования изобретения». В национальном законодательстве правовое регулирование принудительных лицензий изложено в ст. 38 Закона Республики Беларусь от 16.12.2002 № 160-З «О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы» (далее – Закон «О патентах»).

Анализ данной статьи позволяет выделить основания применения принудительной лицензии. Подача в суд физическим или юридическим лицом на получение им принудительной лицензии возможно только в том случае, если: во-первых, патентообладатель без уважительных причин недостаточно или в принципе не использовал изобретение, полезную модель, промышленный образец «в течение трех лет с даты публикации сведений о патенте» (ст. 38 Закона «О патентах»); во-вторых, физическое или юридическое лицо должно желать и быть готовым использовать данное техническое решение. Под данным критерием понимается еще и то, что у данного лица имеется материальная возможность использовать изобретение, полезную модель или промышленный образец; в-третьих, до обращения в суд о предоставлении принудительной лицензии должна быть попытка альтернативного урегулирования, а именно «заключения лицензионного договора на условиях, соответствующих установившейся практике», и только при отказе патентообладателя в заключении данного договора заявление физического или юридического лица будет правомочным.

Благодаря внесению изменений в 2023 г. в ст. 38 Закона «О патентах» появился административный механизм предоставления принудительной лицензии. «Совет Министров Республики Беларусь…вправе принять решение о предоставлении заинтересованному физическому или юридическому лицу принудительной лицензии…без согласия патентообладателя, но с выплатой ему вознаграждения. Физическое или юридическое лицо, которому предоставлена принудительная простая (неисключительная) лицензия… должно уведомить государственный орган…о выплате или невозможности выплаты такого вознаграждения по причинам, не зависящим от лица».

Стоит отметить, что некоторые критерии не полностью раскрыты в законодательстве, оставляя данные вопросы на практику. Например, отсутствует перечень того, что может являться уважительной причиной для неиспользования или недостаточного использования изобретения, полезной модели или промышленного образца. Как отмечает Д. Д. Ландо: «Представители судебных органов иностранных государств, в которых наработана практика выдачи принудительных лицензий, подтверждают, что толкование норм о предоставлении таких лицензий осуществляется с учетом обстоятельств конкретного дела».

Таким образом, институт принудительной лицензии выступает как важный инструмент для баланса между исключительным правом патентообладателя и общественными интересами. Однако нормы, регулирующие правоотношения, связанные с применением принудительной лицензии, все еще нуждаются в улучшении и совершенствовании. На это нам также указывает постановление Совета Министров Республики Беларусь от 24 ноября 2021 г. № 672 «О Стратегии Республики Беларусь в сфере интеллектуальной собственности до 2030 года»: «Общемировые процессы по активному внедрению новейших технологий во все сферы жизни общества…, а также развитие сотрудничества Республики Беларусь в рамках

глобальных и региональных интеграционных объединений требуют дальнейшего совершенствования законодательства в сфере интеллектуальной собственности. Нормотворческая деятельность в данной области в первую очередь будет направлена в том числе на упрощение механизма принудительного лицензирования».

Мурашко Е. С.

ОХРАНА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ КАК НЕОТЪЕМЛЕМЫЙ ЭЛЕМЕНТ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Мурашко Евгений Сергеевич, курсант 3 курса Академии МВД Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь, murashko-1981@bk.ru

Научный руководитель: старший преподаватель Колесник П. А.

На сегодняшний день вопрос относительно интеллектуальной собственности остается открытым и актуальным. Цифровое развитие общества повлекло за собой ряд положительных моментов, которые, так или иначе, сказываются на деятельности граждан. Разработка компьютерной технологии позволяет разрабатывать программы, модифицировать какие-либо цифровые объекты, сотрудничать с другими людьми посредством данных цифровых объектов и так далее.

Само понятие «интеллектуальная собственность» трактуется по-разному, однако элементы в каждом определении схожи, например, Всемирная организация интеллектуальной собственности, дает такое определение понятию, как закрепленные законом права, которые являются результатом интеллектуальной деятельности в промышленной, научной, литературной и художественной областях.

Охрана интеллектуальной собственности является неотложным процессом в современном мире, так как с развитием информационных технологий, глобальной сети Интернет и т. д., происходит глобализация данной сферы. Вопрос относительно охраны интеллектуальной собственности необходим не только в определенных странах, но и во всем мире.

Если приводить конкретный пример, то можно отметить цифровую торговую площадку, такую как, например, торговая площадка NFT. Люди с разных точек мира взаимодействуют между друг другом, продают какие-либо предметы либо же обмениваются ими, однако существуют ситуации, при которых некоторые лица, пытаются всячески обмануть и незаконно завладеть дорогими предметами другого лица.

Рассматривая продажу NFT, то исходя из определения интеллектуальной собственности, можно удостовериться в том, что картина NFT будет являться объектом интеллектуальной собственности, а ее продажа – исключительным правом, так как данное право возникло в результате художественной деятельности, т. е. написании данной цифровой картины. Как показывает современная практика, существуют акты мошенничества и попытки мошенничества в данной сфере. Определенное неустановленное

лицо посредством убеждения, обещаний либо же угроз, заставляет собственника указанной цифровой картины NFT, незаконно передать ему в собственность право на эту картину с целью продать ее. И таких примеров можно привести множество, то же авторское право на песню, существуют ситуации, в которых два совместных исполнителя одного произведения не могут решить какой-либо вопрос относительно своей песни, что приводит к разногласиям и с одной стороны завладением права на эту песню.

На основе вышеуказанных примеров, следует отметить, что вопрос относительно охраны интеллектуальной собственности актуален. В Республике Беларусь разработана национальная система охраны и управления интеллектуальной собственностью, которая включает в себя:

1) Государственный комитет по науке и технологиям;

2) государственное учреждение «Национальный центр интеллектуальной собственности»;

3) службы по охране и управлению интеллектуальной собственностью в органах государственного управления, научных и промышленных организациях, учреждениях высшего образования;

4) Судебную коллегию по делам интеллектуальной собственности Верховного Суда, Министерство внутренних дел, Следственный комитет и Государственный таможенный комитет, осуществляющие деятельность по защите прав на объекты интеллектуальной собственности;

5) патентных поверенных и оценщиков объектов интеллектуальной собственности и имущественных прав на них.

Рассматривая данный аспект относительно правовой охраны интеллектуальной собственности, стоит отметить тот факт, что законодательство Республики Беларусь сформировано с участием Всемирной организация интеллектуальной собственности и с учетом международных стандартов. К нормативным правовым актам в области охраны интеллектуальной собственности можно отнести: Гражданский кодекс Республики Беларусь; Закон Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах» и т. д.

Беларусь принимает активное участие в двусторонних международных соглашениях относительно интеллектуальной собственности, также в международных договорах СНГ, ЕАЭС, ВОИС. Помимо этого, с 1995 г. является членом Евразийской патентной организации.

В заключение стоит отметить тот факт, что на сегодняшний день интеллектуальная собственность активно прогрессирует и занимает значимое место в жизни людей. Кто-то зарабатывает на этом, кто-то пытается выразить свое эмоциональное состояние, т. е. каждый использует данную возможность по-разному. Исходя из этого следует вывод о том, что охрана интеллектуальной собственности – одна из важных задач, стоящих перед правоохранительными органами.

Переверзский С. А.

РОЛИК В TIKTOK КАК ОБЪЕКТ ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ

Переверзский Станислав Алексеевич, студент 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, pereverzskystas19@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Свадковская Е. А.

В последние годы наблюдается стремительный рост популярности социальных медиа и среди них особое место занимает платформа TikTok, привлекшая внимание миллионов пользователей по всему миру. Пользователи TikTok создают короткие видеоролики, которые являются объектами авторского и смежных прав. Мировая судебная практика уже сталкивалась с делами о нарушениях этих прав, и в последнее время это становится актуально в странах СНГ, в том числе Республике Беларусь, в связи с чем появляется необходимость установить правовой статус видеороликов в TikTok.

Не каждый ролик, опубликованный в TikTok, является объектом авторского и смежных прав. Сам видеоролик может признаваться объектом авторского права только в случае, если он является аудиовизуальным произведением, в отдельных случаях видеоролик выступает как объективная форма выражения объекта авторского права, не являющегося аудиовизуальным произведением. Такое деление обусловлено природой аудиовизуального произведения. Аудиовизуальное произведение – это сложный объект, который включает несколько охраняемых результатов творческой деятельности и неотъемлемой частью которого является видеоряд. Самым распространенным примером аудиовизуального произведения в TikTok является «скетч» – короткий видеоролик комедийного характера. Примером объекта авторского права, не являющегося аудиовизуальным произведением, является танец, который будет охраняться как произведение хореографии. При этом в TikTok есть контент, который не является ни объектом авторского или смежных прав, ни объективной формой его выражения, и впоследствии не подлежит регулированию законодательством в сфере интеллектуальной собственности. Как пример – видеоролики, отражающие окружающую действительность и не содержащие признаков творческой деятельности, такие как TikTok с восходом солнца. В итоге весь контент в TikTok можно разделить на три группы:

- аудиовизуальные произведения;
- объекты авторского и смежных прав, не являющиеся аудиовизуальными произведениями;
- видеоролики, не являющиеся интеллектуальной собственностью;

На основе анализа контента в TikTok и Закона Республики Беларусь от 17 мая 2011 г. «Об авторском праве и смежных правах» можно сделать вывод, что чаще всего в TikTok публикуются следующие объекты авторского и смежных прав: аудиовизуальные произведения, произведения хореографии, музыкальные произведения с текстом и без текста, произведения изобразительного искусства, фотографические произведения, в том числе

произведения, полученные способами, аналогичными фотографии, исполнения. Значительная часть видеороликов в TikTok является объективной формой выражения авторского права и одновременно с тем смежных прав, и это особенность объектов интеллектуальной собственности в TikTok. Например, видеоролик, где человек играет на гитаре, придуманную им песню есть объективная форма выражения музыкального произведения, что порождает авторское право и в то же время – это исполнение произведения в лице автора, что порождает смежные права.

Приложение TikTok предоставляет пользователям инструменты с помощью, которых они могут эффективно устанавливать права на объекты интеллектуальной собственности. Функция «Дуэт» позволяет создать совместное видео двух пользователей, что способствует развитию института соавторства в рамках TikTok. Функция «Упомянуть» позволяет добавить ссылку на видео автора, которым пользователь вдохновился, и тем самым способствуют расширению аудитории автора изначального объекта авторского права и предотвращению конфликтов, связанных с установлением авторства. Грамотное использование всего функционала TikTok позволяет избежать потенциальных правовых споров и защитить собственные права.

При рассмотрении в суде дела о нарушении авторского и смежных прав в отношении видеоролика в TikTok суд должен в первую очередь установить является видеоролик объектом авторского права или объективной формой выражения объекта авторского или смежных прав.

На наш взгляд, при достижении определенного числа судебных решений Пленум Верховного Суда Республики Беларусь вправе принять постановление, которое будет эффективно разъяснять закон в отношении роликов TikTok для достижения справедливого и единообразного регулирования их.

Если дело происходит в отношении аудиовизуального произведения, являющегося объектом авторского права, суд может руководствоваться постановлением Пленума. Если дело происходит в отношении объекта авторского и смежных прав, не являющегося аудиовизуальным произведением, суд должен исходить из содержания нарушенных прав и решать такие дела в таком же порядке, что и аналогичные дела, не связанные с роликами в TikTok, но имеющее схожее содержание.

Савицкая Е. Д.

АВТОРСКОЕ ПРАВО НА ОБЪЕКТЫ, СОЗДАННЫЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Савицкая Екатерина Дмитриевна, студентка 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь,
savitskaykate@icloud.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Ядревский О. О.

Применение искусственного интеллекта (далее – ИИ) в деятельности человека растет сверхбыстрыми темпами, сейчас трудно представить направления деятельности, в которые не проник «Artificial Intelligence».

Сегодня ИИ генерирует тексты, музыку, изображения, видео и даже участвует в изобретательский деятельности. ИИ в разной степени упрощает создание контента: 1) редактирование контента, созданного человеком самостоятельно; 2) исполнение предоставленных исходных данных и темы; 3) создание идеи (объектов интеллектуальной собственности) с помощью «подражания» схожим работам, которые созданы людьми (можно сравнить с художниками, которые вдохновляются работами предшественников).

Если с редактированием и исполнением все понятно: тут вносится вклад человека, тем самым полученный результат можно признавать за пользователем как автором, то с созданием все не так просто, появляется вопрос об авторстве на объекты, которые созданы ИИ. Анализ критериев, которыми должны обладать объекты авторского права для их защиты, показывает, что неотъемлемым будет творческий вклад. В соответствии с законодательством Республики Беларусь автор вносит творческий вклад, с помощью которого создается произведение (ч. 1 ст. 4 Закона Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах» от 17 мая 2011 г. № 262-З: «автор – физическое лицо, творческим трудом которого создано произведение»). Такой же подход, где автором признается физическое лицо, отражен в законодательстве России, США, Великобритании, Европейском союзе и т. д., что говорит об основательном пересмотре норм при включении в данное понятие ИИ.

Существует несколько позиций насчет того, кто является автором произведений, которые созданы с помощью искусственного интеллекта или непосредственно им:

– ИИ является автором;

– ИИ является соавтором;

– ИИ как автор произведения по заданию нанимателя (в сравнение со служебным произведением);

– права авторства принадлежат разработчикам ИИ;

– автором будет человек в любом случае;

– ИИ – это инструмент, который используют люди для создания объектов интеллектуальной деятельности;

– автора нет, объекты, созданные с помощью ИИ, являются общественным достоянием.

Интересно, что нейросеть (ChatGPT, который в основном генерирует тексты) на вопрос: «Кому принадлежит авторское право на произведения, которые ты генерируешь?», ответила следующее: «Авторское право на произведение, созданное мной, принадлежат пользователю, который их запросил, то есть ты можешь использовать генерированные тексты по своему усмотрению». Тут наглядно прослеживается позиция, где ИИ – это инструмент для создания объектов интеллектуальной собственности. Данный подход действительно является самым универсальным и его придерживается большинство стран, так как его внедрение в законодательство потребует наименьших изменений в устоявшемся урегулировании правоотношений в сфере интеллектуальной собственности.

Дискуссионным остается вопрос правовой защиты созданных независимо от человека объектов интеллектуальной деятельности. В данном случае будет уместно рассмотрение таких объектов с призмы позиции нулевого авторства, где созданные объекты – это общественное достояние.

Таким образом, в зависимости от значимости роли ИИ при создании объектов интеллектуальной собственности зависит и выбор позиции права авторства на эти объекты: редактирование – автором будет человек в любом случае; исполнение – ИИ является инструментом, который используют люди для создания объектов интеллектуальной деятельности; создание – автора нет, объекты, созданные с помощью ИИ являются общественным достоянием. И выбор данных позиций понятен, так как ИИ изначально создавался как мощный инструмент для облегчения деятельности человека, поэтому существенные изменения лишь усугубят уже устоявшиеся принципы законодательства об объектах интеллектуальной собственности и приведут к правовой неопределенности.

Седельник Е. Д.

ИЗОБРАЖЕНИЕ КАК КАТЕГОРИЯ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ И КАК ОБЪЕКТ АВТОРСКОГО ПРАВА

Седельник Егор Денисович, магистрант 1 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, sedelnikegor6@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Свадковская Е. А.

Стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий увеличивает количество операций, которые граждане могут осуществить посредством своих персональных данных. Разблокировать смартфон возможно отпечатком пальца, в метрополитене – произвести оплату, использовав изображение собственного лица. А ведь речь идет о предусмотренной Законом Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных» (далее – Закон № 99-З) категории информации, принадлежащей лично каждому из нас – биометрических персональных данных. Так, согласно абзацу второму ст. 1 Закона № 99-З к последним относится информация, характеризующая физиологические и биологические особенности человека, которая используется для его уникальной идентификации (отпечатки пальцев рук, ладоней, радужная оболочка глаза, характеристики лица, его изображение и др.).

Ввиду нередких случаев использования изображения человека (модели), в качестве предмета товарно-денежных отношений, обратимся к особенностям соответствующего феномена, так как последний способен выступать не только лишь в качестве категории персональных данных, но и объектом авторского права. Предложенный работой анализ позволит избежать случаев избыточной обработки персональных данных, которая имеет место, когда при заключении договора уступки исключительных прав или лицензионного

договора, предметом которых выступает изображение, в частности, лица или части тела известного человека в целях рекламы, происходит отбор у него согласия на обработку соответствующей информации. Подобный излишний сбор информации, которую представляют под собой, например, реквизиты формы согласия на обработку персональных данных, является незаконным.

В соответствии с абзацем пятым ч. 2 ст. 6 Закона Республики Беларусь от 17 мая 2011 г. № 262-З «Об авторском праве и смежных правах» (далее – Закон № 262-З) изображение является объектом авторского права и правовая охрана распространяется на рисунки, эскизы, картины, карты, планы, чертежи, кино-, теле-, видео-, фотокадры. Если при помощи любых из вышеназванных форм объективизации изображения появляется возможность прямо или косвенно идентифицировать лицо, которое на них изображено, то данное изображение помимо статуса вида произведения и, соответственно, объекта авторского права, приобретает и статус категории персональных данных.

При этом наличие двойственного статуса не является догмой. Нередко в изображении человека могут отсутствовать элементы персональных данных, в случае если посредством него не представляется возможным произвести идентификацию изображенного субъекта. Здесь речь идет, к примеру, об обезличенных персональных данных. Также часто с позиции Закона № 262-З изображению человека не может быть придан статус изображения как объекта авторского права, ведь для признания последнего таковым согласно ст. 5 и 6 Закона № 262-З необходимо, чтобы оно было выражено в объективной форме (на бумаге, в электронном виде), а также явиться результатом творческой деятельности человека. Примером выступают фотоснимки, произведенные роботами, в частности, камерами для фиксации нарушителей скоростного режима, не являющиеся объектом авторского права, ввиду отсутствия участия в их создании человеческого творчества, однако наделены статусом персональных данных.

По общему правилу, третьим лицам запрещено использовать подобные чужие изображения в любых целях в отсутствие согласия как авторов, так и субъектов персональных данных. Причем художественная ценность изображения не влияет на факт правовой охраны. Даже срисованные изображения с незначительными дополнениями либо обрезанные части последних, не препятствующие идентификации человека, наделяются указанным выше двойным статусом. Следовательно, нередко у контрагентов возникают споры относительно необходимости получения согласия субъекта на обработку персональных данных при заключении сторонами договора, предметом которого выступают изображения, являющиеся, по сути, и персональными данными.

Так, случаи, когда обработка персональных данных происходит без согласия субъекта персональных данных в зависимости от категорий, обозначены в ст. 6 и 8 Закона № 99-З. Согласно абзацу пятнадцатому ст. 6 Закона № 99-З согласия при указанных относительно изображения обстоятельствах не требуется: речь идет о получении персональных данных на основании договора, заключенного (заключаемого) с субъектом

персональных данных в целях совершения действий, установленных этим договором. Следовательно, обеспечивать режимы правовой охраны такому изображению в соответствии с Законом № 99-З нет необходимости. Когда такое изображение выступает предметом незаконного использования как в коммерческих, так и личных целях, то ответственность для соответствующих правонарушителей наступит не только лишь за незаконное использование объекта авторского права, но и за незаконный сбор персональных данных.

Тенько Е. Г.

О ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ПРАВ НА ПРОИЗВЕДЕНИЯ, СОЗДАННЫЕ С ПОМОЩЬЮ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Тенько Елизавета Григорьевна, студентка 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, elizavetatenko@gmail.com

Научный руководитель: преподаватель Шевандо А. И.

В настоящее время мы все чаще слышим об искуственном интеллекте, ведь это та область информационных технологий, которая стремительно развивается. Многие люди в повседневной жизни сталкиваются с нейросетью, будь это личное использование или новость о том, что произведение, сгенерированное искусственным интеллектом, продано за сумму наравне, а то и больше, чем сходное произведение человека. Например, в 2016 г. на благотворительном аукционе были проданы картины нейронных сетей Inceptionism Google, а в октябре 2018 г. на торгах старейшего аукционного дома Christie’s продали картину «Портрет Эдмонда Белами», созданную искусственным интеллектом за $432,5 тыс. В связи с этим возникает закономерный вопрос о правовом регулировании и охране результатов деятельности ИИ.

В первую очередь следует отметить, что же понимается под термином «искусственный интеллект». В зависимости от области науки и целей исследования ИИ можно определить по-разному, однако в общем смысле ИИ – это комплекс программ, разработанных с целью воспроизведения навыков, присущих человеку. Результаты деятельности ИИ сложно перечислить, ведь это могут быть как картины, так и микросхемы. Но являются ли эти результаты объектами права интеллектуальной собственности, а в частности авторского права?

Авторское право распространяется на произведения науки, литературы и искусства в любой объективной форме. Признаками же объекта авторского права являются: 1) невещественный характер; 2) объективная форма существования; 3) результат творческой деятельности. Первые два признака в отношении результатов деятельности ИИ не вызывают сомнения. Однако соответствуют ли сгенерированные произведения результатам творческой деятельности? Вопрос о наличии творчества в результатах деятельности искуственного интеллекта остается дискуссионным. Следует отметить, что

искусственный интеллект – это всего лишь обученная на основании уже существующих примеров программа, которая воспроизводит результат самостоятельно на новом наборе данных. Искусственный интеллект лишь имитирует творческий процесс и создает произведения искусства из уже существующих, что следует из вышеприведенного примера, где нейросеть, созданная Google, на основе приведенных миллионов примеров создала интерпритацию картины Ван Гога. Таким образом, мощь компьютера заключается в способности обрабатывать большой объем информации разнообразным способом: классифицировать его, распределять по ранжиру, выявлять какие-либо стороны и т. д. Эта работа, имеющая большое значение в овладении имеющейся информацией по какому-либо вопросу, все же творческой не является. Автором в соотвествии со ст. 4 Закона Республики Беларусь от 17 мая 2011 г. № 262-З «Об авторском праве и смежных правах» признается физическое лицо, творческим трудом которого создано произведение. Следовательно, ИИ нельзя назвать автором генерируемых им произведений и правами на них он не обладает. Возможно закрепление этих прав за разработчиками программы, ссылаясь на их вклад в обучение ИИ, который в таком случае, согласно ст. 7 Закона «Об авторском праве и смежных правах», и является объектом авторского права как компьютерная программа. Но в таком случае ИИ является лишь техническим средством для создания произведения, исходя из этого разработчик программы только косвенно вносит вклад в результат.

Торчик В. Ю.

КРИТЕРИИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ РАЗМЕРА КОМПЕНСАЦИИ ЗА НАРУШЕНИЕ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВ

Торчик Валерия Юрьевна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, valeriatorchik1@gmail.com

Научный руководитель: старший преподаватель Харитонюк К. Н.

Пункт 2 ст. 56 Закона Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах» (далее – Закон) предусматривает, что в случае нарушения исключительного права на объект авторского права или смежных прав наряду с использованием способов защиты исключительных прав, предусмотренных ст. 989 Гражданского кодекса Республики Беларусь, автор или иной правообладатель вправе требовать по своему выбору от нарушителя вместо возмещения убытков выплаты компенсации в размере от 1 до 50 000 базовых величин, определяемом судом с учетом характера нарушения, при этом автор или иной правообладатель освобождаются от доказывания размера причиненных этим нарушением убытков.

Исходя из содержания данной статьи возникают вопросы: является ли критерий оценки размера компенсации в виде «учета судом характера нарушения» эффективным и каким же образом должен определяться размер взыскиваемой с нарушителя компенсации? Анализ правоприменительной

практики позволяет сделать вывод о том, что требования законодателя к минимальному и максимальному размеру компенсации, а также определение этого размера исходя из характера правонарушения не являются эффективными. Из-за отсутствия механизма расчета этого размера существует огромный риск того, что по аналогичным спорам о защите нарушенного исключительного авторского права размер присужденной компенсации может существенно отличаться, соответственно, требуется выработка более четких критериев для определения размера компенсации.

Методическими рекомендациями по определению размера компенсации за нарушение исключительных прав установлено, что помимо характера нарушения суд должен определять размер компенсации с учетом: характера и существа нарушения; длительности и повторности совершения нарушения; степени вины нарушителя (при ее наличии); последующего поведения нарушителя (принимает ли он меры по устранению нарушения); последствий допущенный нарушений; соразмерности требуемой компенсации последствиям нарушения; принципов разумности и справедливости. Кроме этого, при расчете размера компенсации можно руководствоваться всеми описанными выше критериями и подходами для расчета размера убытков.

Содержание п. 2 ст. 56 Закона указывает на то, что суду следует учитывать характер нарушения, т. е. при установлении размера компенсации необходимо определить соразмерность понесенных истцом последствий с заявленным размером компенсации. Соответственно, истцу необходимо обосновывать соразмерность взыскиваемых сумм независимо от того, что взыскивается в суде – убытки или компенсация. Однако данная точка зрения также является дискуссионной.

Большинство ученых-цивилистов придерживаются того, что применение мер гражданской ответственности, приводящих к неосновательному обогащению потерпевшего за счет нарушителя, является недопустимым, соответственно, возникает необходимость соотносить размер компенсации с размером убытков. Другие ученые-правоведы утверждают, что штрафные меры ответственности должны применяться независимо от наличия убытков (вреда).

З. И. Хазикова считает, что нужно выделить два вида компенсации: 1) компенсация, размер которой непосредственно связан с размером причиненных убытков; 2) компенсация, выполняющая помимо компенсационно-восстановительной также и штрафную функцию. Однако это теоретическое положение не было подкреплено нормами законодательства и судебной практикой.

Очевидно, что правоприменительная практика нуждается в выработке более гибких и более точных критериев определения размера компенсации за нарушение исключительных прав. Возможно, придется ввести дифференциацию как для разных объектов исключительных прав, так и для различных способов незаконного использования, а также учет неоднократности, степень вины правонарушителя. Обобщенный опыт многолетнего применения института компенсации требует переосмысления и выработки новых подходов, отвечающих вызовам нового времени.

ГРАЖДАНСКИЙ И ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ПРОЦЕСС, ТРУДОВОЕ ПРАВО И ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Александрова А. И.

УЧАСТИЕ ТРЕТЬИХ ЛИЦ В РАССМОТРЕНИИ ДЕЛА В РАМКАХ УПРОЩЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

Александрова Алина Ивановна, магистрантка 1 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, alina_alina222120@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Романова О. Н.

Развитие современного цивилистического процесса строится на введении различных институтов, направленных на ускорение и упрощение судопроизводства. Одной из целей гражданского судопроизводства является обеспечение защиты нарушенных, оспариваемых прав и свобод, защиты законных интересов граждан, включая индивидуальных предпринимателей, юридических лиц и других организаций, Республики Беларусь, ее административно-территориальных единиц. Возможность достижения данной цели зависит от наличия эффективного механизма судебной защиты. В качестве составляющей указанного механизма выступает институт упрощенного производства, впервые закрепленный в Кодексе гражданского судопроизводства Республики Беларусь (далее – КГС), подписанном Президентом Республики Беларусь 11 марта 2024 г.

По причине того, что упрощенное производство является новым институтом для цивилистического процессуального права, его сущность и проблемы потенциального использования не изучены. Видится необходимым выявление возможностей совершенствования подходов к правовой регламентации института упрощенного производства в цивилистическом процессе. Так, необходимо остановиться на таком обстоятельстве, препятствующем рассмотрению дела в упрощенном производстве, как удовлетворение ходатайства о привлечении к участию в деле третьего лица.

Поскольку привлечь к участию в рассмотрении дела можно только третье лицо, не заявляющее самостоятельных требований, можно сделать вывод о возможности участия в упрощенном производстве путем предъявления иска третьего лица, заявляющего самостоятельные требования. В то же время такое регулирование вызывает вопрос: по какой причине законодатель видит осложнение процесса лишь в участии третьего лица, не заявляющего самостоятельные требования?

Видится, что запрет участия третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований, обоснован и вызван по большей мере возможностью последующего обращения одной из сторон с регрессным иском к третьему лицу и необходимостью установления и исследования дополнительных материальных правоотношений. Вместе с тем как в отношении участия третьих лиц, заявляющих самостоятельные требования,

так и в отношении соучастия в упрощенном производстве законодатель придерживается одной позиции и допускает их наличие при рассмотрении дела в упрощенном порядке. Однако если для соучастия у сторон должны совпадать интересы, то при вступлении в процесс третьих лиц, заявляющих самостоятельные требования, их интерес имеет самостоятельный характер. Соответственно, соучастие не осложняет процесс рассмотрения дела по причине отсутствия дополнительных материальных правоотношений между сторонами, а вступление третьего лица, заявляющего самостоятельные требования, наоборот, осложняет процесс, поскольку перед судом будет стоять задача выяснить не только правоотношения между сторонами и отношение к предмету спора, но и правоотношения между третьим лицом и сторонами, а также его отношение к спорному предмету. По этой причине, на наш взгляд, список обстоятельств, препятствующих рассмотрению дела в упрощенном производстве, закрепленный в ч. 4 ст. 339 КГС, следует дополнить: «вступило третье лицо, заявляющее самостоятельные требования».

Кроме того, следует обратить внимание на формулировку «удовлетворено ходатайство о привлечении к участию в деле третьего лица» в части пропуска законодателем возможности привлечения третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований, не только путем предъявления соответствующих ходатайств сторонами и заявлений таких третьих лиц, но и по инициативе самого суда. На наш взгляд, способ привлечения третьего лица никак не влияет на вопрос осложнения процесса рассмотрения дела. Соответственно, по причине наличия права суда на самостоятельное привлечение третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований, стоит изменить предложенную законодателем формулировку на «привлечено третье лицо, не заявляющее самостоятельных требований».

Наилучшим же вариантом является закрепление законодателем в перечне обстоятельств, препятствующих рассмотрению дела, общей формулировки «участие третьих лиц».

Таким образом, следует закрепить в перечне, установленном в ч. 4 ст. 339 КГС, общую формулировку «участие третьих лиц», заменив на «удовлетворено ходатайство о привлечении к участию в деле третьего лица».

Варсоба М. С.

ОСОБЕННОСТИ ФИЗИЧЕСКОГО ЛИЦА КАК НАНИМАТЕЛЯ В ТРУДОВОМ ПРАВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Варсоба Маргарита Сергеевна, студентка 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, mvarsoda@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Постовалова Т. А.

Категория нанимателей, представляющих собой физических лиц, включает индивидуальных предпринимателей, нотариусов, работающих в нотариальных бюро, а также физических лиц, занимающихся агроэкотуризмом и тех, кто нанимает работников для выполнения домашних обязанностей (например, нянь, сиделок, помощников по хозяйству и др.).

Рассмотрим особенности физического лица как нанимателя.

1. *Требование достижения определенного возраста для того, чтобы человек мог выступать в этой роли*. Гражданский кодекс Республики Беларусь (далее – ГК) и законодательство прямо не устанавливают минимальный возрастной критерий. Но по общему правилу физическое лицо может стать нанимателем, если оно обладает полной дееспособностью (18 лет). До этого момента физическое лицо не имеет права самостоятельно заключать трудовые договоры. В теории стать нанимателем человек может и раньше, однако на практике это будет сопряжено с рядом трудностей: необходимость получения на каждую сделку согласия законных представителей, недоверие со стороны иных субъектов трудовых правоотношений. Юридические лица не зависят от возраста своих основателей или руководителей. Их трудовая правосубъектность возникает с момента государственной регистрации.

2. *Физическое лицо как наниматель обычно заключает трудовые договоры с малым количеством работников* (как правило, для личных или домашних нужд). Например, индивидуальный предприниматель (ИП) вправе привлекать по трудовым и (или) гражданско-правовым договорам не более трех физических лиц (ст. 22 ГК). Для остальных нанимателей прямо таких норм нет, но ограниченность можно вывести из других. Например, в Указе Президента Республики Беларусь «О развитии агроэкотуризма» говорится, что субъекты агроэкотуризма вправе осуществлять деятельность по оказанию услуг в сфере агроэкотуризма на территории агроэкоусадьбы (агроэкоусадеб, но не более двух), т. е. устанавливается ограниченный масштаб работы таких нанимателей, чего не скажешь про нанимателей – юридических лиц. В связи с этим также можно вести речь о более простом управлении рабочего процесса нанимателем – физическим лицом.

3. *Наниматели – физические лица не должны заполнять трудовые книжки работников.* Эту обязанность у них из ст. 50 Трудового кодекса Республики Беларусь (в новой редакции вступил в силу 28.01.2020) исключил Закон «Об изменении законов» от 18.07.2019 г. Это обусловлено особенностями трудовых отношений между физическими лицами – нанимателем и его работниками: такие отношения не предусматривают изменений в характере трудовой деятельности (например, перевод на другую должность) или повышения уровня квалификации. В связи с этим трудовая книжка содержала лишь записи о приеме на работу и увольнении. Однако у работников могли возникать трудности с внесением и подтверждением записей об увольнении в ситуациях, когда наниматель – физическое лицо был неспособен это сделать. Например, в случае его смерти, ареста, лишения лицензии или временной приостановки деятельности. В то же время работники не должны беспокоиться о том, что их трудовая деятельность не зафиксирована в трудовой книжке: наниматель обязан передавать информацию о застрахованных лицах в электронном виде в Фонд социальной защиты населения. В Беларуси для этого существует система индивидуального учета, которая была внедрена с января 2003 г.

4. *Специальное упрощенное регулирование налогообложения и отчетности*. Для физического лица – нанимателя предусмотрены менее сложные формы взаимодействия с налоговыми органами и органами социальной защиты. Например, для ИП в Налоговом кодексе Республики Беларусь (далее – НК) предусмотрена отдельная глава о едином налоге с индивидуальных предпринимателей и иных физических лиц. Такой налог заменяет уплату подоходного налога и налога на профессиональный доход по доходам, экологического налога, налога за добычу (изъятие) природных ресурсов и др. (ст. 336 НК). Физические лица, осуществляющие деятельность по оказанию услуг в сфере агроэкотуризма платят установленный НК сбор за осуществление деятельности по оказанию услуг в сфере агроэкотуризма (гл. 39 НК). Нотариусы платят подоходный налог с особенностями определения налоговой базы: учитываются доходы, полученные от осуществления такой деятельности.

Таким образом, физическое лицо как наниматель в трудовом праве Республики Беларусь обладает целым рядом существенных особенностей, которые отличают его от юридического лица. Эти различия проявляются не только в правовом статусе и обязанностях, но и в особенностях организации трудовых отношений. Главной особенностью, на мой взгляд, является упрощение регулирования трудовых отношений, позволяющее физическим лицам – нанимателям сократить объем бюрократических процедур и административных обязательств, что способствует более гибкому и менее формализованному управлению рабочим процессом.

Волк А. А.

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ МЕДИАЦИИ ПРИ РАЗРЕШЕНИИ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ТРУДОВЫХ СПОРОВ

Волк Александра Александровна, учащаяся 3 курса Юридического колледжа Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, klov0205@gmail.com

Научный руководитель: преподаватель Журова Ю. А.

На сегодняшний день законодательство Республики Беларусь содержит ряд способов разрешения индивидуальных трудовых споров, одним из которых является медиация.

Медиация (от лат. mediare – посредничество) – переговоры сторон с участием медиатора в целях урегулирования спора (споров) сторон путем выработки ими взаимоприемлемого соглашения. Институт медиации был теоретически обоснован и использован в США в середине XX в. для урегулирования коллективных трудовых споров (конфликтов), возникающих между профсоюзами и работодателями. Положительная практика применения медиации по урегулированию трудовых споров обусловила ее востребованность и распространение в 1970-х гг. в странах Западной Европы, Австралии и др.

Медиация при разрешении трудовых споров играет важную роль, так как позволяет сторонам избежать длительных и затратных судебных разбирательств, обеспечивая более быстрое и эффективное разрешение конфликта. Процесс медиации основан на взаимопонимании и сотрудничестве, что способствует восстановлению профессиональных отношений и улучшению атмосферы в коллективе. Кроме того, медиация предоставляет возможность сторонам самостоятельно найти решение, что повышает удовлетворенность участников процесса достигнутыми договоренностями.

Важно отметить, что ч. 2 ст. 233 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее – ТК) устанавливает органы, рассматривающие индивидуальные трудовые споры. Это комиссия по трудовым спорам (КТС) и суд. Органы примирения, посредничества и арбитража не включены в данный перечень. Как отмечает В. С. Каменков, правовые нормы гл. 17 ТК изложены без учета правовых норм Закона Республики Беларусь «О медиации». В связи с этим он предлагает изложить ч. 2 ст. 233 ТК в следующей редакции: «Индивидуальные трудовые споры по вопросам применения законодательства о труде, коллективного договора, соглашения рассматриваются:

1) медиаторами, органами примирения, посредничества и арбитража для урегулирования индивидуальных трудовых споров;

2) комиссиями по трудовым спорам;

3) судами».

Полагаем, что расширение практики применения примирительных процедур невозможно без совершенствования законодательства. В этих целях, на наш взгляд, представляется целесообразным ч. 2 ст. 233 ТК дополнить пунктом следующего содержания: «3) органы примирения, посредничества и арбитража».

На наш взгляд, расширение использования органов примирения, посредничества либо арбитража возможно в тех организациях, где нет профсоюза и не созданы КТС, поскольку большое значение имеет возможность урегулирования индивидуального трудового спора на досудебной стадии. В связи с этим положение ст. 251 ТК должно быть изменено в части возможности образования органов примирения, посредничества и арбитража без согласия профсоюза (в случае отсутствия профсоюза допускается соглашение с работниками или их представителями). Т. М. Петоченко предлагает внести изменения в ст. 251 ТК, установив, что органы примирения для урегулирования индивидуальных трудовых споров могут создаваться нанимателями не только по соглашению с профсоюзами, но и с иными представительными органами работников.

Таким образом, на основании вышеизложенного, можно сделать вывод, что медиация при разрешении трудовых споров играет важную роль, так как позволяет сторонам избежать длительных и затратных судебных разбирательств, обеспечивая более быстрое и эффективное разрешение конфликта. В результате анализа положений белорусского законодательства, а также позиций белорусских ученых по данному вопросу, представляется целесообразным внести в ТК предложенные выше изменения: дополнить

ч. 2 ст. 233 ТК пунктом следующего содержания: «3) органы примирения, посредничества, арбитража»; внести изменения в ст. 251 ТК, установив, что органы примирения для урегулирования индивидуальных трудовых споров могут создаваться нанимателями не только по соглашению с профсоюзами, но и с иными представительными органами работников.

Глухотаренко А. А.

КОЛЛЕКТИВНОЕ ИСКОВОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ И ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ СОУЧАСТИЕ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Глухотаренко Анна Алексеевна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, gluchotarenko@gmail.com.

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Романова О. Н.

Кодексом гражданского судопроизводства Республики Беларусь от 11 марта 2024 г. № 359-З (далее – КГС), вступающим в силу 1 января 2026 г. вводится новый для процессуальных отраслей права институт, именуемый коллективный иск.

Институт групповых исков берет свое начало в англосаксонской правовой системе, в частности, широкое распространение получил в Соединенных Штатах Америки и Великобритании. В указанных государствах институт коллективного иска строится на разных принципах. Так, в Соединенных Штатах Америки действует принцип «Opt-out», который означает, что истцами становятся все члены группы (коллектива), чьи права нарушены и которые не выразили своего отказа от присоединения к коллективному иску. Что касается Великобритании, то там преобладает принцип «Opt-in», иначе говоря, истцами являются только те лица, которые прямо заявят о своей воле присоединиться к коллективному иску. Закрепление процедуры подачи искового заявления в Республике Беларусь будет строиться на принципе «Opt-in». Преимущество настоящего способа состоит в том, что он позволяет суду достоверно установить, что все истцы присоединились к иску по собственной воле и осознают все последствия, которые могут наступить при рассмотрении дела и после вынесения решения.

Опубликованная Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации статистика указывает, что суды общей юрисдикции в 2020 г. в порядке гражданского судопроизводства рассмотрели 689 дел по групповым искам, в 2021 г. – 741 дело. Данные за 2022 г. указывают на резкий десятикратный рост рассматриваемых дел – 5963 дела.

Важнейшее значение имеет теоретический сравнительно-правой анализ института коллективного иска и на первый взгляд сходного с ним института процессуального соучастия.

Институт процессуального соучастия является традиционным для отечественного процессуального права. А. А. Карпова полагает, что процессуальное соучастие выступает формой осложнения процесса, для которой характерно множественность лиц на стороне истца либо ответчика.

Отличительная особенность процессуального соучастия заключается в самостоятельности каждого из соистцов по отношению к другой стороне.

При анализе п. 1 ст. 325 КГС право на обращение с коллективным исковым заявлением возникает при соблюдении следующих условий:

1) имеется общий по отношению к каждому члену группы лиц ответчик;

2) предметом спора являются общие либо однородные права и законные интересы членов группы лиц;

3) права и законные интересы членов группы лиц и обязанности ответчика основаны на схожих фактических обстоятельствах и всеми членами группы лиц используется одинаковый способ судебной защиты.

Одним из ключевых отличий выступает обязательное назначение уполномоченного лица для ведения дела в интересах группы лиц. Причем действует уполномоченное лицо от имени группы без доверенности, т. е. необходимо только заявление о присоединении лиц к коллективному исковому заявлению (п. 1 ст. 327 КГС).

Другим важным условием для рассмотрения дела в порядке гл. 28 КГС является количество лиц, подписавших или присоединившихся к коллективному исковому заявлению, на момент возбуждения производства по делу – их должно быть не менее десяти.

Исходя из вышеизложенного, полагаем, что можно выделить следующие общие положения двух институтов:

1) множественность лиц на стороне истца;

2) предметом спора являются общие права и законные интересы истцов;

3) в основании прав истцов и обязанностей ответчика лежат схожие фактические обстоятельства;

4) оба института, кроме прочего, служат целям реализации принципа процессуальной экономии.

Очевидным отличием можем назвать различное правовое регулирование. Так, предъявление и рассмотрение коллективного искового заявления закреплено в отдельной гл. 28 КГС, что указывает на специальное предназначение института.

Иными отличиями являются:

4) множественность только на стороне истца;

5) обязательное назначение уполномоченного лица;

6) установление минимального порога для предъявления коллективного искового заявления – не менее десяти лиц;

7) более длительный срок рассмотрения дела (дело должно быть рассмотрено в срок не позднее шести месяцев после возбуждения производства (п. 1 ст. 330 КГС)).

Таким образом, институт коллективного иска является сложным процессуальным инструментом. На первый взгляд, два проанализированных института имеют схожесть, однако при детальном изучении можно сделать вывод о том, что они имеют различные сферы применения и ряд особенностей при непосредственной подаче искового заявления.

Горелкина Ю. А.

ПРИМИРИТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Горелкина Юлия Андреевна, студентка 3 курса Саратовской государственной юридической академии, г. Саратов, Россия, gorelkinayulya2704@gmail.com
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Николайченко О. В.

Важнейшей функцией защиты нарушенных прав, свобод и законных интересов физических и юридических лиц Российской федерации, ее субъектов, а также других лиц является устойчивое развитие и правильное функционирование примирительных процедур. Первые упоминания о примирительных процедурах появились до нашей эры в Древней Греции, а непосредственно в России – в XIV в. Впоследствии институт примирения сторон все больше набирал свою популярность, что было обусловлено в первую очередь развитием торговых отношений. Главным толчком для популяризации вышеуказанного института стала реформа гражданского процессуального законодательства, проведенная в 2019 г. и закрепившая возможность урегулирования споров путем медиации, судебного примирения и других немаловажных способов. В период с 2011 по 2019 г. примирительные процедуры были невостребованными. Так, с участием медиаторов рассматривалось незначительное количество дел. Например, судами общей юрисдикции разрешалось 0,008 % дел, а арбитражными – 0,002 %.

Для более детального изучения поставленного вопроса необходимо также рассмотреть сущность института примирения сторон, раскрывая его дефиниции. Примирение сторон – это неформальный или как его еще называют – конфиденциальный способ разрешения споров при содействии нейтрального посредника-примирителя, который помогает людям обсудить их разногласия. Такое лицо называют медиатором, а сам процесс медиацией. Примирение сторон в российском законодательстве не выделено в отдельную статью, указывается лишь возможность его применения на любой стадии гражданского судопроизводств.

Статья 153.1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ) указывает на обязанность суда использовать в урегулировании спора перемирие. Стоит отметить, что не только ГПК РФ отмечает важность вышеуказанного института, это также закреплено в Кодексе административного судопроизводства Российской Федераци, Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации и в немаловажном правовом акте – постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31.10.2019 № 41, в котором утвержден Регламент проведения судебного примирения. Согласно Регламенту примирение сторон может быть основано на ходатайстве сторон либо по предложению суда, в случае если стороны судебного разбирательства выразили свое согласие. Это еще раз доказывает, что законодатель путем закрепления таких установок в официальных документах, так или иначе, возлагает на суд обязанность стремиться к прекращению судебного разбирательства по причине примирения истца и

ответчика. Такое мнение можно закрепить примером из судебной практики по делу № 2-124/2024 от 22 января 2024 г., где Черепановский районный суд Новосибирской области в своем решении указывает: «Примирение сторон осуществляется на основе принципов добровольности, сотрудничества, равноправия и конфиденциальности (ч. 2 ст. 153.1 ГПК РФ). Результатами примирения лиц, участвующих в деле, могут быть, в частности частичный или полный отказ от иска, частичное или полное признание иска (п. 2, 3 ч. 1 ст. 153.6 ГПК РФ). Примирение сторон возможно на любой стадии гражданского процесса».

Это объясняется тем, что в настоящее время суды перегружены делами, в связи с чем во время судебного заседания могут допускаться процессуальные ошибки. Для решения данной проблемы 9 сентября 2024 г. вступил в законную силу Федеральный закон от 08.08.2024 № 259-ФЗ, который увеличил размер государственной пошлины. На наш взгляд, это является эффективным решением вышеуказанной проблемы, но законодателю также стоит обратить внимание и на рассматриваемый нами институт, так как именно он может обеспечить нормальное функционирование рассмотрения и разрешения дел судами. Для устранения правовой коллизии предлагаем внести изменения в ст. 2 ГПК РФ, закрепляющую основные задачи гражданского судопроизводства: правильное и своевременное рассмотрение и разрешение гражданских дел, дополнив ее введением такой задачей, как примирительная процедура сторон.

На основании вышесказанного можно сделать вывод о том, что введение примирительных процедур в процесс судебного разбирательства путем принятия постановления Пленума Верховного Суда РФ «Об утверждении Регламента проведения судебного примирения» от 31.10.2019 № 41 является эффективным методом воздействия на физических и юридических лиц, с помощью которого возможна быстрая и эффективная защита нарушенных прав. В российском обществе всегда существовала потребность в доступных механизмах урегулирования споров. Принятие вышеуказанного способа примирения сторон позволяет снизить уровень конфликтности между заинтересованными в исходе дела лицами, оптимизировать судебную нагрузку, а также укрепить социально-деловые связи.

Грабинский В. Ю.

АРБИТРАЖНОЕ СОГЛАШЕНИЕ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Грабинский Владислав Юрьевич, студент 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь,
vladislavgrabinskij@gmail.com

Научный руководитель: доцент Сысуев Т. В.

По смыслу ст. 11 Закона Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 279-З «О международном арбитражном (третейском) суде» (далее – Закон о МАС) арбитражным соглашением является соглашение сторон о передаче на

рассмотрение международного арбитражного суда всех или отдельных споров, которые возникли или могут возникнуть из связывающего стороны правоотношения.

Конвенция ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 года (далее – Конвенция) и Типовой закон Комиссии ООН по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ) «О международном торговом арбитраже» 1985 года (далее – Типовой закон), на котором, в свою очередь, основан Закон о МАС, закрепляют обязательное требование о письменной форме арбитражного соглашения. Стоит отметить, что акты, закрепляющие обязательное требование о письменной форме арбитражного соглашения, изданные в середине и конце прошлого века, не соответствуют современным реалиям международного гражданского оборота.

Первоначальная редакция Типового закона содержала требование о письменной форме, аналогичное требованию п. 2 ст. II Конвенции.

Изменения, внесенные в 2006 г. в Типовой закон, предусматривают два «варианта» ст. VII, которые существенно сокращают или устраняют какие-либо требования о письменной форме. Вариант II предусматривает, что «арбитражное соглашение» – это «соглашение сторон о передаче в арбитраж всех или определенных споров, которые возникли или могут возникнуть между ними в связи с каким-либо конкретным правоотношением, независимо от того, носит ли оно договорный характер или нет». Цель варианта II – устранить какое-либо требование о письменной форме и оставить только материальные вопросы согласия; согласно варианту II либо устного, либо молчаливого согласия было бы достаточно для действительного арбитражного соглашения.

Вариант I ст. VII менее радикален. В нем сохраняется требование о том, что «арбитражное соглашение заключается в письменной форме», однако затем приводится широкое определение «письменной формы»: «арбитражное соглашение считается заключенным в письменной форме, если его содержание зафиксировано в какой-либо форме, независимо от того, заключено ли или нет арбитражное соглашение или договор в устной форме, на основании поведения сторон или с помощью других средств». Данное положение устраняет какие-либо требования об «обмене» письменными документами или о «подписях», всего лишь требуя наличия письменной фиксации соглашения об арбитраже.

Помимо изменений в Типовом законе, ЮНСИТРАЛ принял в 2006 г. два текста Рекомендаций относительно толкования п. 2 ст. II и п. 1 ст. VII Конвенции.

В тексте первой Рекомендации ЮНСИТРАЛ исходит из того, что п. 2 ст. II Конвенции не носит исчерпывающего характера, т. е. в ней приводятся примеры действительных по форме соглашений, но не исчерпывающий перечень таких соглашений. Письменная форма требуется для фиксации содержания достигнутого сторонами соглашения, а не подписей сторон.

Вторая Рекомендация касается п. 1 ст. VII Конвенции, которая должна толковаться как разрешающая применение установленных национальным

законодательством менее жестких, в сравнении с положениями ст. II Конвенции, требований к форме. Конвенция не стала устанавливать «минимальные» требования к форме, но вместо этого позволяет Договаривающимся Государствам принимать законы, устраняющие или ослабляющие требования к форме, установленные ст. II Конвенции.

В 2023 г. МАС при БелТПП был рассмотрен спор между резидентом Парка высоких технологий (ПВТ) (Истец) и иностранным заказчиком (Ответчик) относительно арбитражной оговорки в типовых Условиях оказания услуг на сайте Истца, принятых Ответчиком при регистрации на платформе путем клика и перехода по соответствующей гиперссылке.

***Позиция Истца*:** Арбитражное соглашение действительно согласно п. 3 ст. 404, п. 3 ст. 408 ГК и ч. 4 п. 21 Положения о ПВТ, допускающим «электронную» форму сделок и акцепт путем конклюдентных действий.

***Позиция Ответчика*:** Соглашение недействительно из-за несоблюдения письменной формы по Закону о МАС и Нью-Йоркской конвенции, а нормы ГК и Положения о ПВТ не применимы, поскольку они регулируют исключительно материальные правоотношения.

***Решение МАС при БелТПП*:** Состав арбитров, признав нормы Закона о МАС частными случаями соблюдения письменной формы, применил Положения о ПВТ к форме арбитражного соглашения как нормы, развивающие требование о письменной форме, предъявляемые к арбитражному соглашению ч. 2 ст. 11 Закона о МАС.

Безусловно, как отмечалось нами ранее, консервативный подход, отраженный в Законе о МАС и Нью-Йоркской конвенции, является неактуальным, на что также указывает «про-арбитражный» подход МАС при БелТПП. В связи с этим нам видится разумным внести изменения в ч. 2 ст. 11 Закона о МАС с учетом современных тенденций и рекомендаций ЮНСИТРАЛ.

Жоголь П. В.

ОТПУСК ОТЦУ (ОТЧИМУ) ПРИ РОЖДЕНИИ РЕБЕНКА КАК ГАРАНТИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА

Жоголь Полина Владимировна, студентка 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минска, Беларусь, polinazogol@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Петоченко Т. М.

Вопросам гендерного равенства в Республике Беларусь уделяется особое внимание в рамках работы по достижению Целей устойчивого развития, содержащихся в резолюции Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций от 25 сентября 2015 г. № 70/1 «Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года». Процесс совершенствования трудового законодательства в части регулирования трудовых отношений работников с семейными обязанностями, как следует из Национального плана действий по обеспечению гендерного

равенства на 2021–2025 годы, осуществляется с учетом необходимости содействия сбалансированному распределению профессиональных и семейных обязанностей женщин и мужчин, выравнивания возможностей работников по полу и семейному положению. В целях реализации Национального плана действий по обеспечению гендерного равенства Законом Республики Беларусь от 18 июля 2019 г. № 219-З «Об изменении законов» в Трудовой кодекс Республики Беларусь включена ст. 186 «Отпуск отцу (отчиму) при рождении ребенка», в соответствии с которой при рождении ребенка и воспитании его в семье наниматель обязан по желанию отца (отчима) ребенка предоставить ему отпуск без сохранения заработной платы продолжительностью не более 14 календарных дней. Отпуск отцу (отчиму) при рождении ребенка предоставляется единовременно по его письменному заявлению в течение шести месяцев с даты рождения ребенка. Вместе с тем иная продолжительность и (или) оплата отпуска при рождении ребенка могут быть предусмотрены коллективным договором, нанимателем.

Особый интерес для исследуемого вопроса представляет опыт предоставления отцовских отпусков в странах, где они стали применяться намного раньше, чем в Республике Беларусь. Наиболее благоприятная ситуация в этом плане отмечается в Швеции, Норвегии и Исландии. В Северной Европе существует три разновидности отпуска по уходу за ребенком: материнский предоставляется на несколько недель до и после родов (отпуск по беременности и родам); отцовский отпуск, который дается отцам непосредственно после рождения ребенка (непродолжительный); родительский отпуск, право на который имеют оба родителя, и в нем есть период, который они могут разделить между собой. В некоторых странах в родительском отпуске выделяется так называемая «отцовская квота» – определенное количество дней, которые может взять только отец, их нельзя передать матери. Таким образом, отдельные скандинавские государства мотивируют отцов участвовать в уходе за ребенком. Так, в Норвегии поначалу отцовская квота составляла четыре недели, однако позже многократно подвергалась изменениям. На данный момент согласно разделу 12 п. 5 Закона Норвегии «Об условиях труда» родители имеют право на отпуск по уходу за ребенком в общей сложности 12 месяцев. Это составляет около 49 недель. При этом норвежцы сами решают, сколько продлится их отпуск, состоящий из трех частей (отцовской, материнской, общей), однако он не должен превышать 59 дней в случае, если родителей не устроит прекращение получения пособий. В Исландии за мужчинами закреплен трехмесячный отпуск. В этой стране отпуск по уходу за ребенком тоже разделен на три части, последняя из которых делится родителями между собой. В Финляндии родительский декретный отпуск, распространяющийся как на мать, так и на отца, и составляет 158 рабочих дней. Сам отцовский отпуск составляет 54 рабочих дня. Также отец может взять отгул от 1 до 18 рабочих дней и получать пособие одновременно с тем, как мать получает денежные выплаты по беременности и родам (до достижения ребенком двухлетнего возраста). В Швеции декретный отпуск составляет 480 дней, 90

дней из которых обязательны для каждого из родителя, которые нельзя передать другому. Такая система позволяет шведским семьям более гибко подходить к распределению обязанностей по уходу за ребенком и давать возможность отцам активно участвовать в жизни своих детей.

В отличие от Республики Беларусь в большинстве стран отцовские отпуска являются оплачиваемыми, в частности: в скандинавских странах; в Китае декретный отпуск отцов предоставляется с сохранением полной заработной платой; в Великобритании у отцов сохраняется заработная плата до 90 %.

В результате проведенного исследования мы пришли к следующим выводам относительно порядка предоставления отцовских отпусков в Республике Беларусь: продолжительность отпуска отца (отчима) при рождении ребенка представляется недостаточной для реальной помощи матери в уходе за ребенком и установления с ним крепких связей; в нынешних условиях социально-экономического развития, введение «отцовской квоты», приведет к гендерной асимметрии, так как такой подход не позволяет учитывать интересы и желания семьи; отсутствие возможности деления на части и неоплачиваемый характер отцовских отпусков не способствует их широкому использованию.

Журова Ю. А.

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ УСЛУГ АГЕНТСТВАМИ ПО ТРУДОУСТРОЙСТВУ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Журова Юлия Андреевна, аспирант 2-го года обучения Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, yuliya.zhurova.2000@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Шпилевская Т. Э.

В соответствии с нормами Закона Республики Беларусь от 15 июня 2006 г. № 125-З «О занятости населения Республики Беларусь» (далее – Закон № 125-З) содействие в области занятости населения уполномочены осуществлять ряд субъектов, одними из которых являются агентства по трудоустройству. В соответствии с положениями ст. 1 Закона № 125-З, агентством по трудоустройству будет являться юридическое лицо, индивидуальный предприниматель, зарегистрированные на территории Республики Беларусь, оказывающие гражданам услуги по содействию в трудоустройстве и включенные в Реестр агентств по трудоустройству. Агентства по трудоустройству играют важную роль в системе субъектов занятости населения. Их деятельность направлена на облегчение процесса поиска работы и подбора кадров, что в свою очередь способствует более эффективному использованию трудовых ресурсов и снижению уровня безработицы. Вместе с тем стоит отметить, что по данной тематике отсутствуют комплексные исследования отечественных исследователей.

Чаще всего вопросы деятельности агентств по трудоустройству рассматриваются при изучении субъектов в сфере занятости в целом.

Рассматривая перечень услуг, которые могут предоставлять агентства по трудоустройству в Республике Беларусь, можем отметить, что в соответствии с перечнем услуг по содействию в трудоустройстве, предоставляемых гражданам агентствами по трудоустройству, утвержденном постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 22 марта 2022 г. № 158 «О деятельности агентств по трудоустройству», агентства по трудоустройству правомочны предоставлять следующие виды услуг:

1) предоставление информации о спросе и предложении на рынке труда;

2) предоставление достоверной информации о наличии у нанимателя свободных рабочих мест и требованиях, предъявляемых нанимателем к кандидатам;

3) содействие в подборе подходящего места работы, которое может выражаться в составлении (редактировании) резюме, распространении резюме среди потенциальных нанимателей, подготовке к собеседованию с нанимателем, организации собеседования с нанимателем, оказании помощи в оформлении документов, необходимых для приема на работу.

Необходимо отметить, что агентства по трудоустройству в Республике Беларусь не осуществляют наем заемных работников с последующим предоставлением их организациям для выполнения различного рода работ. На сегодняшний день данная деятельность в Республике Беларусь не урегулирована законодательством и является предметом дискуссий. Безусловно, заемный труд на сегодняшний день имеет место в Республике Беларусь и находится вне правового регулирования. Однако легализация возможности предоставления агентствами по трудоустройству заемного труда, на наш взгляд, должна быть всесторонне рассмотрена с позиции оценки достоинств и недостатков. В случае такой легализации представляется необходимым в первую очередь ужесточить требования, предъявляемые при регистрации агентств по трудоустройству.

Стоит также отметить, что агентства по трудоустройству оказывают услуги только гражданам, с которыми они заключили договор. Взаимодействие с потенциальными нанимателями осуществляется только в части распространения резюме среди таковых, а также при организации собеседования с нанимателем. Вместе с тем в мировой практике сложились модели организации деятельности агентств по трудоустройству, при которой взаимодействие осуществляется и с нанимателями. Это может выражаться, например, в подборе кадров для конкретного нанимателя с учетом их соответствия квалификационным требованиям. Предоставление такой услуги позволило бы организациям сократить время и расходы на поиск квалифицированных кадров. На наш взгляд, законодателю Республики Беларусь необходимо рассмотреть вопрос о расширении перечня предоставляемых агентствами по трудоустройству услуг.

Таким образом, агентства по трудоустройству выступают одним из важнейших субъектов на современном рынке труда, оказывающем содействие

занятости. Вместе с тем на сегодняшний день в законодательстве Республике Беларусь существует ряд пробелов в области регулирования деятельности агентств по трудоустройству. На наш взгляд, в целях совершенствования данной сферы представляется необходимым расширить перечень предоставляемых агентствами по трудоустройству услуг (с включением такой услуги, как «подбор кадров для нанимателя с учетом их соответствия квалификационным требованиям»).

Лапатко А. А.

РАБОТА НА ОСНОВЕ ВАУЧЕРОВ (VOUCHER-BASED WORK) КАК ОДНА ИЗ НОВЫХ ФОРМ ЗАНЯТОСТИ

Лапатко Артём Андреевич, студент 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, artemlapatko@gmail.com

Научный руководитель: старший преподаватель Нихайчик О. Л.

В настоящее время мы можем наблюдать динамичную трансформацию всех сфер нашей жизни, в том числе и рынка труда. В таких условиях возникают новые и более гибкие формы занятости, которые постепенно становятся нормой для миллионов людей по всему миру. Одной из таких форм является работа на основе ваучеров, упоминаемая Еврофондом в его Обзоре новых форм занятости (2018).

Работа на основе ваучеров – это форма трудовых отношений, при которой работник получает ваучер от третьего лица (обычно – государственного органа) в качестве оплаты труда вместо традиционной денежной формы оплаты. При такой форме занятости работники выполняют разовые задачи, не требующие высокой квалификации (например, организация мероприятий, расчистка снега, услуги по техническому обслуживанию зданий). Основной целью создания системы трудовых ваучеров являлось выведение из теневого сектора работников, выполняющих подобные услуги. Это обусловливалось широкими масштабами неформальной занятости в упомянутых сферах. Ваучеры предоставляли возможности прекариату выйти на рынок труда, получив доступ к социальным гарантиям.

Работа на основе ваучеров как одна из форм занятости прочно закрепилась в Италии и Бельгии.

В Италии ваучерная система начала формироваться с изданием делегирующего Закона № 30/2003. Определенные изменения в регулирование вносились Законом № 183/2014, также известным как Закон «О рабочих местах». В итоге в стране сформировалась следующая система: ваучеры эмитировались в трех неделимых номиналах: 10, 20 и 50 евро. Первый номинал предназначался для осуществления расчетов за разовые вспомогательные работы, а оставшиеся – для оплаты многократных работ. Из стоимости ваучера вычитались взносы в Национальный институт социального обеспечения и Национальный институт социального страхования. Выпускались ваучеры как в бумажной, так и в электронной

форме, а срок их действия составлял 24 месяца. Интересно, что законодательно ограничивался максимальный доход, который может быть получен по такой системе – не более 7000 евро в год. О популярности данной формы занятости свидетельствовала статистика: с января по сентябрь 2015 г. в обращение поступило около 80 миллионов ваучеров. В 2017 г. Законы-декреты № 25/2017 и № 50/2017 внесли коррективы: была предложена новая схема из двух видов ваучеров для разных видов работ.

В Бельгии в 1990-х гг. был поднят вопрос о создании рабочих мест для уязвимых групп населения, неофициально оказывающих бытовые услуги. Законом от 20.07.2001 и Королевским декретом от 12.12.2001 была создана ваучерная система оплаты труда. По ней граждане могут приобрести в специальных учреждениях ваучеры, каждый из которых дает им право получить один час бытовых услуг. Такие услуги предоставляются работниками – физическими лицами, нанятыми так называемыми признанными ваучерными организациями. Названные организации закрепляют одного из своих работников за отдельным клиентом на основании соглашения между организацией и клиентом, в котором содержится условие о количестве часов работы в неделю. По результатам оказания услуги клиент выдает работнику ваучер, который затем обменивается на денежное вознаграждение. Отметим, что оно не выплачивается напрямую, поскольку такая схема походила бы на возмездное оказание услуг, что вновь бы включало работников в незадекларированную занятость, лишая их гарантий. Кроме того, было бы сложнее обеспечить гарантированную и справедливую долю вознаграждения за труд, а также учет занятости.

В заключение рассмотрим вопрос о необходимости внедрения работы на основе ваучеров в Республике Беларусь. Как уже было отмечено, основная цель данной формы занятости – сокращение уровня безработицы и неформальной занятости. Согласно данным национального статистического комитета, в 2023 г. уровень безработицы в Республике Беларусь составил 3,5 %. Во-первых, этот показатель ниже, чем в целом по миру (5,1 %), а во-вторых, меньше, чем в Италии и Бельгии за предыдущие годы. Статистический комитет также отмечает, что доля неформальной занятости невелика (в среднем – 9,65 % для мужчин и 8,1 % для женщин). Кроме того, Конвенция Международной Организации Труда № 95 (далее – Конвенция) в ч. 1 ст. 3 устанавливает, что уплата вознаграждения за труд в форме долговых обязательств, расписок, купонов не допускается. Конвенция была ратифицирована Италией и Бельгией без оговорок, из-за чего существующая в них ваучерная система оплаты труда вступает в противоречие с ее требованиями. Республика Беларусь присоединилась к Конвенции в 1962 г. Таким образом, внедрение системы трудовых ваучеров в отечественную правовую систему не представляет актуальности.

Лунева Ю. И.

РАСТОРЖЕНИЕ ДОГОВОРА АРЕНДЫ СУДОМ ВСЛЕДСТВИЕ НЕПРОВЕДЕНИЯ КАПИТАЛЬНОГО РЕМОНТА: ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Лунева Юлия Игоревна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, luneva200803mail.ru

Научный руководитель: доцент Сысуев Т. В.

Правом требовать расторжения договора аренды в судебном порядке вследствие непроведения капитального ремонта обладает как арендатор, так и арендодатель. Одним из основополагающих фактов, входящих в предмет доказывания по соответствующему иску, является факт, предопределяющий наличие у ответчика обязанности по проведению капитального ремонта. По общему правилу, такая обязанность вытекает из условия договора.

В соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 590 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) расторжение договора аренды по требованию арендодателя возможно в случае непроведения капитального ремонта в установленные договором сроки, а при отсутствии указания на срок – в разумные сроки. Таким образом, при отсутствии в договоре указания на конкретные сроки проведения капитального ремонта последний должен быть проведен в разумный срок. Норма п. 2 ст. 295 ГК устанавливает, что в случаях, когда обязательство не предусматривает срок его исполнения и не содержит условий, позволяющих определить этот срок, обязательство должно быть исполнено в срок не более 7 дней со дня предъявления кредитором требования о его исполнении, если обязанность исполнения в другой срок не предусмотрена актами законодательства, соглашением сторон или не вытекает из существа обязательства. Если сторона договора аренды предъявит другой стороне требование о проведении капитального ремонта, то такой ремонт очевидно не может быть произведен в 7–дневный срок, т. е. из существа данного обязательства вытекает заведомая невозможность его исполнения в срок, установленный в п. 2 ст. 295 ГК.

Определение разумного срока также важно для оценки соблюдения досудебного порядка урегулирования спора. Арендодатель вправе требовать досрочного расторжения договора только после направления арендатору письменного предупреждения о необходимости исполнения им обязательства в разумный срок (ч. 3 ст. 590 ГК).

Таким образом, определение разумного срока проведения капитального ремонта необходимо: 1) для установления факта неисполнения стороной соответствующего обязательства; 2) для досудебного урегулирования спора по иску арендодателя. При оценке разумности срока проведения капитального ремонта необходимо учитывать совокупность фактов: характер арендованного имущества, требования законодательства о его содержании, технические нормативы и правила его эксплуатации. Например, доказательством необходимости проведения капитального ремонта здания

будут являться результаты технических осмотров, оценки технического состояния зданий специализированными организациями. Кроме того, Строительные нормы СН 1.04.01–2020 «Техническое состояние зданий и сооружений» устанавливают периодичность капитального ремонта строительных конструкций и инженерных систем производственных зданий (например, ремонт полов из линолеума проводится раз в 5 лет). Суд исследует доказательства относительно разумного срока проведения капитального ремонта в совокупности, так как данное понятие является оценочным и конкретизируется в зависимости от вида арендуемого имущества.

Дискуссионным вопросом по данной категории дел является определение видов работ, выполняемых при капитальном ремонте. Рассмотрим данный вопрос на примере договора аренды зданий и сооружений. На практике часто смешиваются понятия «капитальный ремонт» и «текущий ремонт». Из анализа норм Кодекса Республики Беларусь об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности можно сделать следующий вывод: капитальный ремонт требует составления и утверждения проектной документации, а в отношении текущего ремонта такое требование не закреплено, он выполняется на основании дефектного акта и сметы.

Таким образом, для проведения капитального ремонта необходимо наличие утвержденной проектной документации, в соответствии с которой он и должен осуществляться. По этой причине фактом, входящим в предмет доказывания, является также наличие утвержденной проектной документации.

Следовательно, в предмет доказывания по делу о расторжении договора аренды в связи с непроведением капитального ремонта входят факты, предопределяющие наличие у ответчика обязанности по его проведению, неисполнение данной обязанности в сроки, установленные в договоре, или в разумные сроки, наличие утвержденной проектной документации.

Мамедова Ж. Р.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОСОБЕННОСТЕЙ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ЗАБАСТОВКУ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Мамедова Жанна Руслановна, студентка 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, Zannamamedova6@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Постовалова Т. А.

Право на забастовку не входит в рамки индивидуальных трудовых отношений, а выражает коллективную волю работников. В настоящее время данный институт недостаточно изучен.

Глава 36 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее – ТК) определяет процедуру разрешения коллективных трудовых споров, а также условия проведения забастовки. Забастовка – временный добровольный

отказ работников от выполнения трудовых обязанностей (полностью или частично) в целях разрешения коллективного трудового спора.

Согласно ч. 3 ст. 41 Конституции Республики Беларусь граждане имеют право на защиту своих экономических и социальных интересов, включая право на объединение в профессиональные союзы, заключение коллективных договоров (соглашений) и право на забастовку.

Хотя правовые нормы Конституции и ТК устанавливают право на забастовку, однако данное право не является абсолютным. Забастовку можно отнести к крайней мере разрешения коллективных трудовых споров. Забастовка выступает как средство разрешения коллективных трудовых споров, поэтому она не может урегулировать разногласия между работником и нанимателем, которые не входят в предмет коллективного трудового спора.

Сравнивая трудовое законодательство нашего государства и зарубежных стран, стоит отметить, что у последних право на забастовку рассматривается не как коллективное право, реализуемое профсоюзами либо трудовыми коллективами, а как индивидуальное право каждого работника. Такое подход просматривается во Франции, Италии, Испании. Исходя из вышесказанного, в действующее трудовое законодательство Республики Беларусь следовало бы внести дополнения. Необходимо закрепить правомерность отказа работников от выполнения своих трудовых обязанностей для решения индивидуального трудового спора.

Следует отметить, что забастовки могут быть результатом различных аспектов, например, работники могут требовать улучшения условий труда, повышения заработной платы и иные вопросы.

В Скандинавских странах, Канаде, Новой Зеландии, Германии, Люксембурге забастовочные действия, связанные со спорами по толкованию, применению или нарушению трудового законодательства и коллективных договоров, являются незаконными, так как закон устанавливает судебную процедуру для разрешения споров о правах. В трудовом законодательстве Республики Беларусь установлены некоторые иные запреты:

– запрещается выдвижение политических требований;

– ограничения реализации права на забастовку в той мере, в какой это необходимо в интересах национальной безопасности, общественного порядка, здоровья населения, прав и свобод других лиц;

– запрещается оказание материальной помощи участникам забастовки за счет средств политических партий, движений, иных общественных объединений, а также иностранных юридических и физических лиц.

Обратим внимание на запрет выдвижения политических требований. Во всех странах забастовки, которые несут в себе политический характер, признаются незаконными. Рассматривая судебную практику зарубежных стран, обращаем внимание на решение Верховного суда Нидерландов, в котором было установлено, что «в случае, если причиной забастовки являются условия труда, она не будет считаться политической». Однако во Франции забастовки, направленные против государства либо против определенной социальной/экономической политики государства, непосредственно влияющие на условия труда работников, признаются законными.

В настоящее время право на забастовку в демократических странах рассматривается как основное право. Законодательство некоторых стран позволяет отметить тенденцию реализации забастовки как право работников, так и право работодателя – локауты. Такой метод характерен для многих стран, среди них можно отметить Германию, Канаду и другие страны, что направлено на равноправие сторон трудового спора.

Однако есть и противоположная сторона данного подхода – отсутствие равноправия. При данной системе работники имеют право лишь на забастовку, а работодатель в свою очередь такого права не имеют. Данный подход используют Греция, Италия и другие страны.

Таким образом, запреты, обозначенные в трудовом законодательстве нашего государства более рациональны, поскольку они в некоторой степени защищают стороны от более серьезных последствий, тем самым воздерживают их от совершения неправомерных действий. Забастовка рассматривается как ультиматум работников к нанимателю посредством временного прекращения работы с целью реализации своих требований.

Мошкин М. В.

СУДЬЯ-ЧЕЛОВЕК И СУДЬЯ – ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: ФАКТОР СУБЪЕКТИВИЗМА И ВОСПРИЯТИЕ УЧАСТНИКАМИ ПРОЦЕССА

Мошкин Максим Владимирович, студент 5 курса Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, г. Санкт-Петербург, Россия, moshk.maxim@yandex.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Нахова Е. А.

Семантика пространства правосудия отражается в форме, структуре и поведении задействованных лиц. Концепции правовых систем в зависимости от критериев принято обобщенно разделять на англосаксонскую (стран общего права), романо-германскую (континентальную), социалистическую и традиционную (религиозную). Подробнее остановимся на первых двух системах, которым корреспондируют такие модели пространства правосудия, как парламентская и храмовая соответственно.

Парламентская модель представляет собой пространство суда, структурно напоминающее образ парламента. Судье отводится роль скорее спикера, арбитра, который управляет процессом и перед которым ведутся дебаты сторон. Пространство воспринимается участниками как рабочий офис, в котором суд обеспечивает соблюдение процессуальных правил во время обсуждения дела. Центром внимания выступают тяжущиеся стороны.

Храмовая модель концептуально другая – суд занимает центральное место в процессе, зал заседаний воспринимается как светское место поклонения. Центром внимания является «высокий закон», находящийся за пределами зала заседаний, но оказывающий непосредственное влияние на производимый ритуал правосудия. Роль судьи напоминает роль жреца,

священнослужителя. Внутреннее строение зала сохраняет черты сакрального: алтарь, храм, притвор заменяются зонами суда, сторон и публики. Ключевой чертой этой модели является культ закона, который ранее был культом Бога.

Если обратиться к истории, то мы увидим, что правосудие всегда осуществлялось людьми – судьями, действующими от имени чего-то идеального, трансцендентного – Бога, правителя, революции, государства в широком смысле и т. д., но все же людьми, так или иначе, не лишенными чувств, морали, нравственных ориентиров, принадлежности к культуре и пр. Если убрать из концепции суда субъективный фактор, например, заменив судью на искусственный интеллект, лишенный чувств, о чем сейчас часто говорят, то это уже не будет суд в привычном для нас понимании.

Немаловажной составляющей в отправлении правосудия является логическая связь внутреннего убеждения суда и оценки доказательств, что определяется природой этих двух процессов – внутреннее убеждение, являясь нравственной и культурной опорой судьи, создает основу для дальнейшего процесса оценки доказательств, но при этом оно не может быть лишено субъективной составляющей.

Внутреннее убеждение суда определяют как морально-нравственную составляющую отправления правосудия, гарантию соблюдения принципа справедливости в процессе осуществления судопроизводства.

Возможно, в силу устройства человеческой психологии, людям необходим мифорелигиозный компонент в судебном процессе. Сакральный символизм позволяет компенсировать психологическое напряжение участников процесса, особенно в тяжелых, судьбоносных для сторон делах. Судебный ритуал направлен на сбалансирование эмоций участников производства, посредством ритуала стороны воспринимают итоговое решение или приговор суда как нечто определенное «свыше», лишь транслируемое устами судьи.

Таким образом, на наш взгляд, рано говорить о возможности замены судьи-человека судьей – искусственным интеллектом. Поскольку такая замена повлечет изменения и в семиотике суда. Может быть в корне изменена ритуально-символическая составляющая правосудия, что, несомненно, скажется на восприятии людьми института суда. Особенно важной роль судьи-человека остается в храмовой концепции суда – в судах стран романо-германской системы права.

Немаловажным фактором при отправлении правосудия является принятие во внимание категорий «буквы закона» и «духа права», боюсь, что вторая категория будет недоступна машине. Судья-человек способен оценивать не только факты, но и философско-правовые, нравственные категории, будь то добросовестность, гуманность, справедливость, принципиальность, доброе имя. Отдельно необходимо обратить внимание на возможность учета судьей местных, исторических традиций народов.

Необходимо с осторожностью подходить к аспекту наделения полномочиями вынесения решения того, кто в силу своей природы не может нести за них ответственность.

Остроух А. А.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ (УСТАНОВЛЕНИЕ) ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ПРЕПЯТСТВУЮЩИХ ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ОСНОВАНИЕ ПРЕКРАЩЕНИЯ ТРУДОВОГО ДОГОВОРА

Остроух Арина Андреевна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, a.ostrouh6@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Мотина Е. В.

В силу специфики труда педагогических работников законодательством установлены дополнительные основания прекращения трудового договора с такими работниками. Согласно п. 7 ст. 47 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее – ТК) дополнительным основанием прекращения трудового договора служит возникновение (установление) обстоятельств, препятствующих осуществлению педагогической деятельности или педагогической деятельности в сфере физической культуры и спорта, а также занятию должностей служащих, связанных с выполнением воспитательных функций, и других должностей служащих (профессий рабочих), связанных с постоянной работой с детьми, в соответствии с законодательными актами.

Положения данной нормы применимы к следующим субъектам: лицам, осуществляющим педагогическую деятельность; лицам, осуществляющим педагогическую деятельность в сфере физической культуры и спорта; должностям служащих, связанных с выполнением воспитательных функций; другим должностям служащих (профессий рабочих), связанных с постоянной работой с детьми. Ранее субъектный состав по данному основанию прекращения трудового договора был менее обширным. В результате изменений трудового законодательства данная норма была дополнена, а именно, по этому основанию могут быть уволены как работники, занимающие должности служащих, связанные с выполнением воспитательных функций, так и другие работники, чьи должности служащих (профессий рабочих), связаны с постоянной работой с детьми. В силу того, что данная норма нуждается в конкретизации, имеется постановление Совета Министров Республики Беларусь от 2 сентября 2022 г. № 583 «Об утверждении перечня должностей педагогических работников, должностей служащих, связанных с выполнением воспитательных функций, других должностей служащих, профессий рабочих, связанных с постоянной работой с детьми». Данный перечень является исчерпывающим. Однако полагаем, что он является максимально широким и, как следствие, не отвечает заявленным целям правового регулирования. Так, в его состав включены, в частности, директор зоопарка, шеф-повар, заведующий складом и множество других, которых объединяют лишь сомнения в допустимости отнесения данных трудовых функций к педагогической деятельности или к работе с детьми.

Для возникновения оснований прекращения трудового договора по п. 7 ст. 47 ТК необходимо наличие такого юридического факта, как акт, в

соответствии с которым возникает (устанавливается) препятствие для осуществления данной деятельности. Такими актами являются:

– вступивший в законную силу приговор суда о лишении права заниматься педагогической деятельностью (в сфере физической культуры);

– справка о наличии судимости и (или) факта уголовного преследования либо о прекращении уголовного преследования;

– вступивший в законную силу обвинительный приговор суда за совершение преступлений, предусмотренных Уголовным кодексом Республики Беларусь и конкретизированных в ст. 27-1 Закона Республики Беларусь от 19 ноября 1993 г. № 2570-XII «О правах ребенка»;

– вступившее в законную силу решение суда о признании гражданина недееспособным или ограниченно дееспособным;

– медицинская справка о состоянии здоровья подтверждающая наличие заболеваний, включенных в перечень заболеваний, являющихся препятствием для осуществления педагогической деятельности;

– вступившее в силу решение, вынесенное Дисциплинарной антидопинговой комиссией о спортивной дисквалификации.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что прекращение трудового договора по данным основаниям не предполагает права сторон трудового договора самостоятельно принимать решение о прекращении или сохранении трудового отношения. Прекращение трудового договора по обстоятельствам, не зависящим от воли сторон, регулируется ст. 44 ТК. Одним из оснований выступает возникновение установленных законодательством ограничений на занятие определенными видами деятельности, препятствующих продолжению работы. Вследствие того, что реализация нормы, предусмотренной п. 7 ст. 47 ТК, во-первых, не зависит от воли сторон, во-вторых, данная норма тождественна основанию увольнения по п. 7 ст. 44 ТК, считаем необходимым исключить рассматриваемую норму из ст. 47 ТК, а п. 7 ст. 44 ТК изложить в следующей редакции: «...возникновение установленных законодательством ограничений на занятие определенными видами трудовой деятельности, препятствующих продолжению работы». Следует обратить внимание на необходимость пересмотра перечня оснований, выступающих препятствием для осуществления педагогической деятельности, в связи с наличием несоразмерности возникших обстоятельств правовым последствиям.

Павлова Д. В.

ВЫГОВОР КАК ВИД ДИСЦИПЛИНАРНОГО ВЗЫСКАНИЯ

Павлова Дарья Владимировна, студентка 2 курса Академии управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь, pavlovadarya05@gmail.com

Научный руководитель: старший преподаватель Киселева Л. А.

В соответствии с законодательством о труде Республики Беларусь наниматель имеет право привлекать работника к дисциплинарной ответственности. Основанием для привлечения к дисциплинарной

ответственности может послужить противоправное, виновное неисполнение или ненадлежащее исполнение работником своих трудовых обязанностей.

За совершение дисциплинарного проступка наниматель может применить к работнику меры дисциплинарного взыскания: замечание; выговор; лишение стимулирующих выплат полностью или частично на срок до 12 месяцев; увольнение по п. 6–11 ст. 42 и п. 1, 1^2, 5^1, 9 и 10 ч. 1 ст. 47 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее – ТК).

Для отдельных категорий работников с особым характером труда могут применяться и другие меры дисциплинарного взыскания, предусмотренные нормами дисциплинарных уставов и положений о дисциплине, регулирующих вопросы определения дисциплинарного проступка, порядка и сроков применения дисциплинарных взысканий, правомочности должностных лиц применять дисциплинарные взыскания, порядка и сроков обжалования дисциплинарных взысканий (в частности, Дисциплинарным уставом органов внутренних дел Республики Беларусь, утвержденным Указом Президента Республики Беларусь от 29.05.2003 № 218, в качестве мер дисциплинарного взыскания предусмотрены также строгий выговор, лишение нагрудного знака органа внутренних дел, исключение из Книги почета органа внутренних дел, понижение в специальном звании на одну ступень, понижение в должности).

Согласно положениям ч. 3 ст. 198 ТК право выбора меры дисциплинарного взыскания принадлежит нанимателю. Указанные меры должны применяться с учетом тяжести совершенного дисциплинарного проступка, обстоятельств при котором он совершался, с учетом предшествующего поведения работника и отношения к работе.

Выговор является одной из разновидностей мер дисциплинарного взыскания. Он применяется в случае противоправного, виновного неисполнения или ненадлежащего исполнения работником возложенных на него трудовых обязанностей, нарушения трудовой дисциплины.

Выговор означает строгое словесное внушение работнику со стороны нанимателя и налагается за более серьезные проступки, чем замечание. В случае востребованности для нанимателя конкретного работника применение к нему замечания и выговора, в том числе неоднократного, не является достаточно эффективной мерой по обеспечению трудовой дисциплины, поскольку не влечет для работников негативных последствий, за исключением потенциально возможного расторжения трудового договора по инициативе нанимателя в соответствии с п. 6 ст. 42 ТК за неисполнение без уважительных причин трудовых обязанностей работником, имеющим неснятое (непогашенное) дисциплинарное взыскание. Привлечение работника к дисциплинарной ответственности, в том числе применение выговора, не заносится в трудовую книжку, однако отражается в характеристике, выдаваемой нанимателем, которая относится к документам, предъявляемым при приеме на работу, что может оказать нежелательные последствия на дальнейшее трудоустройство.

Законодательство о труде не устанавливает перечень нарушений, за совершение которых может применяться выговор. В ряде случаев работники

считают, что привлечь их к дисциплинарной ответственности можно только за невыполнение обязанностей, предусмотренных законодательством, а также локальными правовыми актами, факт ознакомления работника с которыми должен подтверждаться подписью работника. Однако в соответствии с ч. 1 ст. 53 ТК работник обязан выполнять как письменные, так и устные приказы (распоряжения) нанимателя, не противоречащие законодательству и локальным правовым актам, следовательно, их невыполнение либо ненадлежащее выполнение без уважительной причины служит основанием для применения к работнику мер дисциплинарного взыскания, в том числе в виде выговора.

Применение выговора к работнику за совершение дисциплинарного проступка в соответствии с ч. 4 ст. 199 ТК дает нанимателю право на: уменьшение (лишение) премий, изменение времени предоставления трудового отпуска, а также другие меры воздействия. Виды и порядок применения данных мер определяются правилами внутреннего трудового распорядка, коллективным договором, соглашением, иными локальными правовыми актами.

Практическая значимость выговора как вида дисциплинарного взыскания может быть выражена в трех основных аспектах: выговор дает право нанимателю применить дополнительные меры воздействия на работника, выговор может послужить законным основанием для последующего увольнения работника (при совершении очередного дисциплинарного проступка), а также может рассматриваться в качестве меры соблюдения производственно-технологической, трудовой и исполнительской дисциплины в организации.

Прокошкина Д. С.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТРАНСГРАНИЧНЫХ СПОРОВ О ДЕТЯХ

Прокошкина Дарья Сергеевна, студентка 3 курса Саратовской государственной юридической академии, г. Саратов, Россия, prokoshkinadaria@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Ткачева Н. Н.

В последнее десятилетие увеличилось создание интернациональных семей граждан Российской Федерации с гражданами других государств, и как следствие, появление детей в подобных браках. Возникающие семейные правоотношения имеют сложное правовое регулирование разными правовыми системами и, как правило, переходят из национального регулирования в международное, что обусловливает определенные трудности при определении законодательства, в случае возникновения необходимости судебной защиты нарушенных прав и интересов по спорам, связанным с детьми, в частности по искам о возвращении ребенка и осуществлении прав доступа в отношении него.

К числу международных договоров, закрепляющий права детей относится Гаагская Конвенция о гражданско-правовых аспектах международного

похищения детей 1980 года (далее – Конвенция 1980 г.). Ратификация Конвенции 1980 г. Россией вызвала необходимость внедрения ее положений в законодательство Российской Федерации, в результате чего Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – ГПК РФ) был дополнен главой 22.2 (Федеральный закон № 126-ФЗ).

Конвенция 1980 г. по своему смыслу содержит идею о том, что любой несовершеннолетний ребенок, который был незаконно вывезен из страны «обычного проживания» (т. е. постоянного проживания), а также удерживаемый вне ее пределов, должен быть возвращен в страну своего обычного проживания. Заложенный в Конвенции 1980 г. механизм позволяет защитить ребенка (детей) от похищения и незаконного удержания в другой стране.

Исходя из смысла положений ст. 8 Конвенции 1980 г., любое лицо, учреждение или организация, заявляющее о том, что ребенок был незаконно перемещен или удерживается в нарушение прав опеки, обладает правом обратиться в Центральный орган за содействием в целях обеспечения возвращения ребенка. У подавляющего большинства стран – участниц Конвенции таким Центральным органом является Министерство юстиции. В Российской Федерации Центральным органом является Министерство образования и науки РФ.

Дела о возвращении ребенка и об осуществлении прав доступа рассматриваются в порядке, определенном положениями гл. 22.2 ГПК РФ. Законом установлен перечень субъектов, обладающих правом на подачу соответствующего заявления, к которым относятся родители ребенка, иные лица, полагающие, что ответчиком нарушены их права в отношении ребенка, а также прокурор. Заявление должно рассматривается в исковом судопроизводстве и подается в один из 8 районных судов, в зависимости от федерального округа, в котором пребывает ребенок. В случае если неизвестно место пребывания ребенка, то вышеуказанное заявление подается в суд по последнему известному месту пребывания ребенка в Российской Федерации или по последнему известному месту жительства ответчика в Российской Федерации (п. 3 ст. 244.11 ГПК РФ). Исследуемая категория дел рассматривается в суде с обязательным участием органа опеки и попечительства, а также прокурора в срок, не превышающий двух дней.

Стоит также отметить, что важной процессуальной гарантией разрешения данной категории дел, является установление сокращенных процессуальных сроков для наиболее полной и своевременной защиты интересов ребенка и обеспечения его безопасности. В соответствии со ст. 244.15 ГПК РФ заявление о возвращении ребенка или об осуществлении прав доступа рассматривается судом в срок, не превышающий 42 дня со дня принятия заявления судом, сюда же включается срок на подготовку дела к судебному разбирательству и составление мотивированного решения. Сроки обжалования решений суда сокращены до 10 дней, а сроки рассмотрения дел судом апелляционной инстанции сокращены до одного месяца со дня поступления дела суд апелляционной инстанции.

В соответствии со ст. 244.19 ГПК РФ высылка копий судебных постановлений осуществляется не позднее дня, следующего за днем вынесения соответствующего постановления. Исполнительный лист о возвращении незаконно удерживаемого ребенка или об осуществлении права доступа в отношении него предъявляется к исполнению в течение одного года со дня вступления в законную силу судебного акта.

В рамках данной категории дел в соответствии с положениями ст. 244.14 ГПК РФ не допускается соединение нескольких требований и заявлений, а также предъявление встречного иска, для того чтобы не допустить смешения дела о возвращении ребенка и предоставления прав доступа с иными делами о его воспитании. Указанное требование содержится также и в Конвенции 1980 г.

В целом, говоря о положениях гл. 22.2 ГПК РФ и Конвенции 1980 г., можно утверждать, что данные нормативные правовые акты в своей совокупности и согласованности призваны способствовать эффективному разрешению споров о детях. Однако многие положения вступают в противоречие с международными стандартами в области защиты прав ребенка, что требует дальнейшей проработки на законодательном уровне.

Ряшенцев Л. С.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Ряшенцев Леонид Сергеевич, студент 3 курса Саратовской государственной юридической академии, г. Саратов, Россия, rasencevleonid@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Николайченко О. В.

Количественный рост обращений граждан в суды общей юрисдикции и их рассмотрение нуждается в помощи искусственного интеллекта. Наличие человеческого фактора в современном судопроизводстве оказывает негативный эффект при рассмотрении споров по всем категориям дел. Разрешение гражданских споров требует изучения большого объема информации, что увеличивает нагрузку на судей и приводит к частым ошибкам во время судебного разбирательства, поэтому требуется внедрение искусственного интеллекта, под которым понимается комплекс программ, способный имитировать человеческие навыки, например, планирование, решение конкретных задач, обучение и улучшение своего функционала по мере накопления информации. Внедрение искусственного интеллекта коррелирует принцип непосредственности и своевременное рассмотрение дел в гражданском процессе.

Одним из принципов гражданского судопроизводства является принцип непосредственности. Исходя из положений ч. 1 ст. 157 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ), суд при рассмотрении дела обязан непосредственно исследовать доказательства по делу: заслушать объяснения сторон и третьих лиц, показания свидетелей,

заключения экспертов, консультации и пояснения специалистов, ознакомиться с письменными доказательствами, осмотреть вещественные доказательства, прослушать аудиозаписи и просмотреть видеозаписи. Согласно ч. 1 ст. 67 ГПК РФ оценка доказательств осуществляется судом, по своему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств. Данный факт не исключает того, что некоторые доказательства могут рассматриваться с субъективной точки зрения и иметь расхожую оценку у судов разных инстанций. Внедрение на стадии исследования доказательств обучаемой нейросети с самообновляемой базой данных позволит объективно рассмотреть все доказательства по делу на основании оценки базы данных ранее изученных аргументов, дав им силу прецедента. Основой для эксперимента должна стать нейросеть GPT-4, которая будет принимать решение о том, является данное доказательство значимым для дела или нет. При этом конечное решение будет оставаться за судьей, что в дальнейшем существенно упростит процесс судебного разбирательства. Применение искусственного интеллекта в России возможно при рассмотрении типичных дел, например, взыскание долгов по ЖКХ или непогашенным кредитам. Данная деятельность могла быть осуществлена с использованием технологии искусственного интеллекта, что позволило бы сократить нагрузку на помощников судей и ускорить процесс вынесения судебного решения. В дальнейшем на базе данного направления создание программы, составляющей процессуальные акты на основе заложенных в нее образцов существенно сократило бы время на оформление документации, а создание сайтов для общего пользования упростило для граждан подачу искового заявления, апелляционной жалобы, а, следовательно, сократило время рассмотрения дела в суде. На первых этапах внедрения не исключена иошибочность искусственной системы, однако, по мнению Р. В. Душкина, одного из докладчиков ежегодной международной научно-практической конференции «Гайдаровский форум», возможно применение юридических «санкций» к ИИ-системам, в число которых входят отключение, перепрограммирование, перетренировка. Зарубежная практика показывает успешность применения искусственного интеллекта в гражданском процессе. В Нидерландах с 2007 г. использовалась программа Rechtwijzer, которая примечательна тем, что способствовала эффективному вынесению решений по делам о разводе, а сейчас данную функцию успешно выполняет программа Justice42. В Германии в настоящее время министерство юстиции Баварии выполняет исследовательский проект в области ИИ под названием «Legal Analytics». Речь идет об автоматизированной системе анонимного анализа судебных решений с соблюдением требований защиты данных. Используя интеллектуальную базу данных судебных решений, пользователи могут выполнять прогнозную аналитику для решения будущих судебных дел в области гражданского права, на основе имеющихся там данных. В настоящее время в России разработана Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года. Однако основной задачей

является внедрение ИИ в сферы образования и экономики. В связи с этим фактом целесообразно внести в стратегию отдельное направление по развитию искусственного интеллекта в сфере юриспруденции, в частности, гражданского судопроизводства, вследствие чего будут в полной мере определены цели и основные задачи развития искусственного интеллекта в Российской Федерации.

Таким образом, искусственный интеллект в Российской Федерации имеет значительный потенциал в качестве инструмента в системе гражданского правосудия. Программы на базе искусственного интеллекта могут быть использованы для помощи судам в быстром и качественном осуществлении правосудия или анализа работы суда.

Сачава П. Д.

К ВОПРОСУ О ПРОЦЕССУАЛЬНОМ СТАТУСЕ ЧЛЕНА ГРУППЫ В КОЛЛЕКТИВНОМ ИСКЕ ПО КОДЕКСУ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Сачава Полина Дмитриевна, аспирантка Национального центра законодательства и правовой информации, г. Минск, Беларусь, polina.sachava78@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Романова О. Н.

С 1 января 2026 г. в Кодексе гражданского судопроизводства Республики Беларусь (далее – КГС) появится новый институт коллективного иска. Понятие истца в коллективном исковом производстве отличается от его классического понимания в гражданском процессе. В КГС определено, что сторонами в делах искового производства являются истец и ответчик. Из анализа ст. 61 КГС следует, что истцом признается сторона спорного материального правоотношения, чьи права были нарушены и кто предъявил иск в защиту себя самостоятельно или в отношении которого предъявили иск третьи лица.

В коллективном исковом производстве термин «истец» используется только в отношении уполномоченного лица, которое является членом группы, назначается ею и пользуется всеми процессуальными правами и обязанностями истца. Понятие члена группы в КГС не закреплено, однако в п. 1 ст. 325 КГС закреплены критерии для признания его таковым. После признания членом группы у лица не возникает ряда процессуальных обязанностей, например, представлять доказательства, это обязанность уполномоченного лица.

Члены группы не подают исковое заявление самостоятельно. В суд поступает коллективное исковое заявление или заявление о присоединении к нему от каждого члена группы.

Таким образом, с одной стороны, члены группы обладают признаками, присущими истцам в гражданском процессе согласно ст. 62 КГС. Они является стороной спорного материального правоотношения, чьи права

нарушены, что позволяет признавать их соистцами. Вместе с тем отсутствие прямого положения о признании членов группы соистцами в КГС порождает дискуссии относительно их процессуального положения. Решением данного вопроса может послужить нормативное закрепление статуса члена группы в КГС, основываясь на опыте Республики Армении, которая признала членов группы соистцами.

Все процессуальные права истцов в гражданском процессе можно разделить на две группы: распорядительные и иные права. Под распорядительными правами понимаются право отказа от иска, изменения размера исковых требований, предмета или основания иска. К иным правам относится, например, знакомство с материалами дела, представление доказательств.

При анализе правомочий членов группы, закрепленных в ст. 328 КГС, можно утверждать, что они обладают лишь одним распорядительным правомочием – отказ от поданного заявления о присоединении. Если член группы не согласен с действиями уполномоченного лица, то он не может в рамках коллективного производства, например, выступать в суде, представлять доказательства и т. д., потому что данные правомочия принадлежат уполномоченному лицу.

Реализация права изменения предмета или основания иска представляется проблематичной ввиду особенностей коллективного искового производства. Такое изменение повлечет исключение субъекта из членов группы ввиду того, что лицо перестает соответствовать критериям, установленные п. 1 ст. 325 КГС. В связи с этим возникает вопрос относительно возможности реализации данного права уполномоченным лицом, которое имеет процессуальные права истца. Если уполномоченное лицо реализует право на изменение предмета или основания иска, то это влечет следующие процессуальные последствия: прекращение производства по делу в связи с отсутствием признаков коллективного иска или проведение новой проверки соответствия членов группы критериям. Вместе с тем, если каждым членом группы будет принято решение об изменении предмета или основания коллективного иска, возникнет вопрос реализации этого на практике. Представляется, что необходима будет новая проверка членов группы. Если же в ходе проверки будет установлено, что число членов группы стало меньше 10, то полагаем, судом должно быть принято решение об оставлении иска без рассмотрения. Однако ст. 128 КГС не закрепляет несоответствие численному критерию членов группы как основание для такого процессуального действия.

Среди иных прав у членов группы есть право знакомиться с материалами дела, делать выписки из них, за свой счет снимать копии с документов; ходатайствовать в суде о замене уполномоченного лица; присутствовать в судебном заседании в том числе, если оно объявлено закрытым. Это правомочия соответствуют иным правам истцов в «индивидуальном» исковом производстве.

Таким образом, в настоящее время остается дискуссионным не только вопрос о признании членов группы истцами, но и порядке реализации членами группы некоторых распорядительных полномочий, которыми обладают истцы в соответствии со ст. 61 КГС. Представляется, что члены группы – это соистцы, которые обладают некоторыми процессуальными правами, часть из которых они могут реализовать только через уполномоченное лицо, выполняющее представительские функции.

Таболич Д. С.

КУЛЬТУРА ОТМЕНЫ В ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ КАК НАРУШЕНИЕ ПРИНЦИПА ЗАПРЕТА ДИСКРИМИНАЦИИ

Таболич Дарья Сергеевна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, daryatabolich03092003@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Мотина Е. В.

Культура отмены в последние годы стала важной темой в публичных обсуждениях. Это явление связано с осуждением или бойкотированием людей за их действия или высказывания, которые считаются неприемлемыми с точки зрения определенных общественных групп. В трудовых отношениях культура отмены может проявляться в виде давления на нанимателей, выражающегося в требовании увольнения или применения иных мер дисциплинарного взыскания в отношении работников на основании их публичных высказываний или действий, даже если эти действия или высказывания не нарушают закона или локальных нормативных правовых актов организации.

Примером может служить ситуация, когда в марте 2019 г. налоговый консультант Майя Форстейтер потеряла работу. Причина увольнения, официально зафиксированная в суде, – высказывание: «Половая принадлежность человека – непреложный биологический факт». В наши дни любой, кто имел неосторожность высказаться хоть сколько-нибудь полемически по целому ряду вопросов, рискует не только потерять работу, но и подвергнуться угрозам и оскорблениям.

Культура отмены зачастую может приводить к ограничениям прав работников на основе политических или иных убеждений, что противоречит принципу запрета дискриминации. Применение мер дисциплинарного взыскания в отношении работника, основываясь на его взглядах, не связанных с профессиональной деятельностью, может рассматриваться как нарушение данного принципа.

Трудовой кодекс Республики Беларусь в ст. 14 прямо запрещает дискриминацию в сфере трудовых отношений. При этом в основе дискриминации могут лежать различные признаки: пол, раса, национальное и социальное происхождение, язык, религиозные или политические убеждения, участие или неучастие в профсоюзах или иных общественных объединениях, имущественное или служебное положение, возраст, место жительства,

недостатки физического или психического характера, не препятствующие исполнению соответствующих трудовых обязанностей, иные обстоятельства, не связанные с деловыми качествами и не обусловленные спецификой трудовой функции работника. Эти признаки часто являются основой для давления со стороны общества в рамках культуры отмены.

Важными функциями трудового права являются регулятивная и охранительная. Регулятивная функция выражается путем закрепления правовых норм, регулирующих трудовые отношения, в частности устанавливает юридические факты, которые лежат в основе возникновения, изменения и прекращения трудовых и связанных с ними отношений.

В условиях возрастающего влияния культуры отмены важно, чтобы законодательство четко определяло границы допустимого вмешательства в личную жизнь работников. Эти границы могут включать: защиту работников от увольнений и применения иных мер дисциплинарного взыскания за выражение личных мнений, не связанных с выполнением работниками своей трудовой функции; установление стандартов корпоративной этики, которые не допускают дискриминации по политическим и иным убеждениям; установление мер против чрезмерного вмешательства в частную жизнь работников под влиянием общественного мнения; формулирование критериев, по которым увольнение или другие меры дисциплинарного взыскания могут считаться дискриминационными. Регулятивная функция трудового права позволяет предотвратить ситуации, когда общественная цензура становится основанием для дискриминации на рабочем месте.

Охранительная функция в трудовом праве проявляется в возможности воздействия на поведение людей в процессе труда и выражается, в свою очередь, как в угрозе наказания, так и в возможности его применения, однако не за нарушение каких-либо запретов, а за невыполнение либо ненадлежащее выполнение своих обязанностей; в особенностях привлечения к дисциплинарной ответственности, которая применяется не государственными органами, а нанимателем.

Исходя их функций трудового права, можно утверждать, что построение отношений между работником и нанимателем должно соответствовать определенным требованиям, установленным законом. Так, принятие решений нанимателем должно быть основано на объективных обстоятельствах, связанных с профессиональной деятельностью работника, а не под влиянием общественного мнения. Если наниматель увольняет работника исключительно под влиянием общественного мнения, это является нарушением трудового законодательства, ущемляет права работника и является дискриминацией по своей сути.

В этом контексте трудовое право должно выступать защитным барьером, предотвращая дискриминационные действия со стороны нанимателей и обеспечивая защиту работников, чьи действия или убеждения вызывают определенный негативный отклик в общественном мнении, но при этом не связаны с его деловыми качествами.

Тупикова М. А.

ОГРАНИЧИВАЕТ ЛИ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОШЛИНА ДОСТУПНОСТЬ ПРАВОСУДИЯ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РОССИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Тупикова Мария Александровна, студентка 3 курса Саратовской государственной юридической академии, г. Саратов, Россия, zefirkka24@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Ткачёва Н. Н.

Судебная защита гарантируется ст. 46 Конституции Российской Федерации. Граждане вправе защищать свои права и отстаивать интересы. Однако для обращения в суд необходимо соблюсти определенные требования закона, в частности, оплатить государственную пошлину, которая является частью судебных расходов, связанных с рассмотрением дела в суде.

Существенные изменения по вопросам государственного регулирования госпошлины за рассмотрение дел в судах Российской Федерации произошли 9 сентября 2024 г., когда изменения Налогового кодекса Российской Федерации вступили в законную силу. Размер государственной пошлины за обращение в суды общей юрисдикции был существенно увеличен. Так, по искам имущественного характера по гражданским делам она возросла в 10 раз – с четырехсот рублей до четырех тысяч рублей, а по искам неимущественного характера размер государственной пошлины вырос с трехсот рублей до трех тысяч рублей. В связи с этим возникает вопрос о доступности правосудия.

В современном обществе доступ к правосудию рассматривается как один из важных критериев судебной защиты. Доступность правосудия берет свое начало еще со времен Александра II и в настоящее время исследуется многими учеными. По мнению А. А. Опалевой и А. А. Мецгер, «доступ к суду означает, прежде всего, реальную возможность заинтересованного лица добиться рассмотрения своего дела в суде, при этом не должно возникать чрезмерных правовых или практических препятствий».

Увеличение размера государственной пошлины разделило научное и практическое сообщество на две группы. Одни считают, что «низкая ставка госпошлины способствует чрезмерной нагрузке на судебную систему и приводит к игнорированию сторонами возможности для мирного урегулирования спора» (М. А. Розе). Другие утверждают, что «судьи, рассматривающие слишком мало дел, теряют квалификацию, в связи с чем снижается и качество отправления правосудия, усложняется процесс обобщения судебной практики и обеспечения ее единообразия» (В. В. Момотов). Для того чтобы ответить на вопрос, может ли повышение государственной пошлины отразиться на доступности правосудия в Российской Федерации, предлагаем провести сравнительный анализ государственной пошлины за обращение в суд, действующей в Республике Беларусь, взимаемой за рассмотрение исков имущественного характера по гражданским делам судами общей юрисдикции.

В России цена иска до ста тысяч рублей включительно составляет фиксированную сумму – четыре тысячи рублей. В соответствии с Налоговым кодексом Республики Беларусь по аналогичному иску она составляет 5 % цены иска, но не менее двух базовых величин. Базовая величина на 2024 год в Республике Беларусь составляет 40 рублей. Соответственно, цена иска в Беларуси не может быть ниже 80 белорусских рублей, что в переводе на российский рубль составляет две тысячи триста тридцать шесть руб. Как видно, стоимость фиксированной государственной пошлины в Республике Беларусь ниже, чем в России. Кроме того, законодателем предусмотрена альтернатива по уплате государственной пошлины, установленная в процентном соотношении относительно цены иска. Ранее действовавшие ставки государственной пошлины в Российской Федерации были значительно ниже, чем те, что действуют в настоящее время в Республике Беларусь. Вместе с тем анализ статистики работы судов общей юрисдикции в Республике Беларусь за 2022 и 2023 гг. свидетельствует о том, что количество рассмотренных гражданских дел увеличилось на 4,7 %, что указывает о росте обращений граждан за судебной защитой.

Означает ли это, что увеличение размера государственной пошлины не влияет на доступность правосудия, трудно ответить. Статистика отражает только те обращения, которые были реализованы заинтересованными лицами, а вот, какое количество граждан отказалось от реализации права на судебную защиту ввиду отсутствия необходимых средств для уплаты государственной пошлины, отсутствия основания для освобождения от ее уплаты, отсрочки или рассрочки, такой учет не ведется.

Подводя итог, можно сделать вывод, что использование базовой величины и процентной ставки от определенной цены иска в Республике Беларусь является более целесообразным и справедливым. Можно предположить, что применение такого механизма в Российской Федерации к искам с ценой до ста тысяч рублей, которые, по мнению Верховного Суда РФ, составляют более 90 % всех имущественных исков в судах общей юрисдикции, позволило бы преодолеть проблему чрезмерной загруженности судов и в то же время не создало бы препятствий в доступе к правосудию.

Шелег А. А.

ОГРАНИЧЕНИЯ И ЗАПРЕТЫ ПРИ ПРИЕМЕ НА РАБОТУ ЛИЦ С СУДИМОСТЬЮ

Шелег Арина Антоновна, студентка 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, sheleg.laws@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Мотина Е. В.

Судимость – это особое правовое состояние лица, совершившего преступление, порожденное фактом его осуждения по обвинительному приговору. Лицо с судимостью подвергается совокупности различных ограничений помимо мер, реализующих уголовную ответственность. Об этом

свидетельствует анализ действующего законодательства как в сфере регулирования трудовых правоотношений, так и в иных.

Если под запретом понимается императивно установленная обязанность лица воздержаться от определенных действий, то ограничение является частным случаем запрета. И ограничения, и запреты при приеме на работу обусловлены спецификой соответствующей работы. Предполагается, что лицо с судимостью не обладает необходимыми деловыми (в том числе морально-этическими) качествами для занятия определенных должностей. Отсюда и вытекает установление ограничений. В свою очередь объем правоограничений, связанных с состоянием судимости, отличается в каждом конкретном случае и является индивидуально определенным для каждого осужденного.

Ограничения находят отражение в требованиях, предъявляемых к трудовой правосубъектности лиц. Наличие у лица судимости влечет ограничение его прав и свобод в случаях, предусмотренных законом, создает особый правовой статус осужденного, являющийся элементом его общего социального статуса. Приведем примеры.

В ч. 2 ст. 51 Кодекса Республики Беларусь об образовании указано, что педагогическую деятельность не могут осуществлять лица лишенные права заниматься педагогической деятельностью, а также лица, имеющие судимость, которая не снята или не погашена. Следует разграничивать лицо с судимостью и судимое лицо. Судимым признается лицо, осужденное к какому-либо наказанию. Лицо считается судимым со дня вступления в законную силу приговора суда вплоть до погашения или снятия судимости. Наличие непогашенной или неснятой судимости и даже предшествующего факта осуждение лица за совершенное им ранее преступление могут предопределять и бессрочные ограничения в выборе места работы и должности или вида деятельности.

В соответствии с п. 1.101 ст. 33 Закона Республики Беларусь «О государственной службе в Республике Беларусь» наличие судимости является основанием для отказа в приеме на государственную службу, а согласно ст. 40 указанного нормативного акта – основанием для прекращения государственной службы.

Многие работодатели при приеме на работу обращают внимание на наличие судимости потенциального работника, однако это может не являться ограничением, установленным законом, а лишь субъективной позицией нанимателя. Подобные предубеждения осложняют процесс трудоустройства лица даже в тех случаях, когда таких преград быть не должно. Так, нравственные противоречия затрудняют социализацию лиц с судимостью, что препятствует восстановлению их социального статуса. Этим многие наниматели способствуют сохранению экономических проблем на рынке труда в связи с нехваткой кадров в отдельных отраслях.

Ряд профессий не должен предусматривать ограничений, связанных с наличием судимости. Многие виды работ в строительстве, промышленном производстве, иные формы физического труда не требуют отсутствия судимости у потенциальных работников. Лица с судимостью могут

беспрепятственно занимать должности в некоммерческих и общественных организациях, реализовываться в таких сферах, как торговля, транспортировка и доставка и иные, заниматься предпринимательской и творческой деятельностью. Перечень не является исчерпывающим, поскольку осужденные могут выбирать самые различные отрасли для трудоустройства, если в избранной ими сфере трудовых отношений судимость не является ограничением. Невозможным представляется нахождение на должности, нарушение полномочий по которой повлекло уголовную ответственность. До погашения или снятия судимости за нарушение полномочий, которые были возложены на лицо, занимавшее материально ответственную должность, оно не может претендовать на схожий пост. Лицо с судимостью может заниматься перевозкой грузов и граждан, если не было осуждено в связи с нарушением безопасности движения и эксплуатации транспорта.

Учитывая цели отбывая наказания, а именно исправление лица, государству необходимо способствовать успешной интеграции в общество бывших осужденных. Многие из них имеют специальные практические навыки, отдельные получили высшее образование, что невозможно оставить без внимания, поскольку такое лицо может и должно быть задействовано в трудовых отношениях. Любое ограничение частно-публичного характера должно следовать своей цели. В сфере трудовых отношений ограничения и запреты при приеме на работу должны быть связаны с конкретной трудовой функцией и условиями будущей работы.

Юнец К. Е.

НОВЕЛЛЫ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ О ЗАНЯТОСТИ

Юнец Ксения Евгеньевна, студентка 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, law.yunec@bsu.by

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Мотина Е. В.

Государственная политика Беларуси направлена на обеспечение занятости населения и снижение уровня безработицы. Начиная с 2016 г., уровень безработицы, рассчитанный по методологии Международной организации труда, поступательно снижается с 5,8 % в 2016 г. до 3,3 % в первом квартале 2024 г. Это обстоятельство может быть одной из причин принятия 11 октября 2024 г. Закона Республики Беларусь «Об изменении законов по вопросам занятости населения» (далее – Закон), которым вносятся изменения в 10 законов. По информации Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь, новеллы Закона предусматривают существенные изменения в структуре и содержании по отношению к предыдущей редакции. Во-первых, произошли терминологические изменения. Появились новые понятия: «гражданин, обратившийся по вопросам трудоустройства», «квота для приема на работу инвалидов», «работники, находящиеся под угрозой увольнения», «субсидируемое рабочее место» (ст. 1 Закона). Термин «оплачиваемые общественные работы» заменился на «оплачиваемые

временные работы». Такое изменение вводится для разграничения «общественных работ» как меры административного взыскания от «оплачиваемых общественных работ», выполняемых по срочным трудовым договорам или гражданско-правовым договорам. Внесение соответствующих изменений направлено на обеспечение полноты и единства терминологии Закона. Во-вторых, изменился подход по обучению безработных: обучение по направлению органов по труду, занятости и социальной защите осуществляется в рамках трехстороннего договора. Предоставлена возможность бесплатного обучения граждан, обратившиеся по вопросам трудоустройства, из числа осуществляющих уход за ребенком в возрасте до трех лет; ребенком-инвалидом в возрасте до 18 лет; гражданам, получающим пособие на ребенка в возрасте до 18 лет, инфицированного вирусом иммунодефицита человека. В-третьих, изменились сроки выплаты пособия по безработице – с 26 календарных недель до 13. Однако безработным, зарегистрированным в органе по труду, занятости и социальной защите по месту жительства на территориях с напряженной ситуацией на рынке труда, и безработным за пять лет до достижения ими общеустановленного пенсионного возраста выплата пособия по безработице осуществляется в течение прежнего периода. Пособие по безработице назначается безработным, которые: не менее пяти лет до регистрации безработными состояли в трудовых отношениях; уволены с последнего места работы по уважительной причине; не менее 5 лет до регистрации безработным состояли в трудовых отношения с уплатой взносов в ФСЗН. В-четвертых, в целях реализации индивидуального подхода к безработному при оказании содействия в трудоустройстве исключена норма, обязывающая безработных не реже одного раза в месяц в установленный день являться в орган по труду, занятости и социальной защите.

Максимальный период нахождения на учете в службе занятости сократился с 18 месяцев до 12. С целью обеспечения трудоустройства реализуется программа по адаптации инвалидов к трудовой деятельности. В Законе появилась новая статья (ст. 27), посвященная квотам для приема на работу инвалидов. Квоты для приема на работу инвалидов не устанавливаются общественным объединениям инвалидов и образованным ими организациям, а также некоммерческим организациям, бюджетным организациям и иным организациям, получающим субсидии, работники которых приравнены по оплате труда к работникам бюджетных организаций.

Важной новеллой является расширение перечня безработных, которым предоставляются дополнительные гарантии занятости. К ним относятся лица, прекратившие нахождение в лечебно-трудовых профилакториях; лица, страдающие хроническим алкоголизмом, наркоманией и токсикоманией и прошедшим медицинскую реабилитацию; лица, за пять лет до достижения общеустановленного пенсионного возраста (граждане предпенсионного возраста). Теперь регистрация граждан безработными осуществляется не только по месту жительства, но и по месту пребывания. Однако в ст. 6 Закона закрепилось несколько новых условий, при которых граждане не могут быть

зарегистрированы безработными: лица, которым в соответствии с законодательством о пенсионном обеспечении назначены пенсия по возрасту, профессиональная пенсия, социальная пенсия при достижении возраста 60 лет женщинами, 65 лет мужчинами; лица, признанные по результатам медико-социальной экспертизы нетрудоспособными.

В обновленной редакции Закона закрепляются новые требования и для нанимателей: а) сведения о наличии вакансий размещаются в Общереспубликанский банк только в электронном виде (за исключением работодателей с численностью работников не более 5 человек); б) размещение сведений о наличии свободных рабочих мест (вакансий), не опубликованных в Общереспубликанском банке вакансий на информационном портале государственной службы занятости, запрещается.

Возможными причинами принятия данного Закона явились: необходимость в обновлении некоторой терминологии для грамотного разграничения правовых понятий, развитие концепции социального партнерства, закрепление гарантий недискриминации инвалидов и повышения квалификации безработных, пересмотр государственной политики с целью сокращения расходов.

Абрамчик А. А.

НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ ПРЕКУРСОРОВ И АНАЛОГОВ В ГЛОБАЛЬНОЙ СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Абрамчик Анастасия Александровна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, abramchic2003@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Казак С. В.

Неконтролируемое развитие информационных технологий представляет серьезную угрозу безопасности государства, так как сопровождается активизацией совершения преступлений в различных областях. Одним из таких примеров является совершение преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов (далее – незаконный оборот наркотических средств) посредством использования инфокоммуникационных технологий, к которым относится сеть Интернет. Интернет-ресурсы содержат сайты, рекламирующие наркотические средства, склоняющие к их употреблению. Кроме этого, посредством социальных сетей намного легче договориться о приобретении интересующего наркотического средства или его аналога, а также о способе оплаты. Проблемой является то, что без каких-либо преград можно получить детальную информацию об изготовлении, содержании наркотических средств и возникает возможность их изготовления в домашних условиях, в том числе из лекарств, продаваемых в аптеках. Таким образом, размещенная в сети Интернет информация, осведомляющая о различных видах наркотических средств, содержащая их рекламу, описывающая способы приготовления и схемы синтеза, пути введения и «дозировки», анонимность при регистрации на сайтах позволяют осуществлять распространение запрещенных веществ абсолютно анонимно, бесконтактным способом, не оставляя материальных следов преступления, необходимых для расследования.

При квалификации незаконного оборота наркотических средств отсутствие в уголовном праве ответственности за действия с использованием сети Интернет иногда компенсируется путем использования институтов соучастия, неоконченного преступления и множественности преступлений. Однако это влечет за собой разнобой в судебно-следственной практике и, как следствие, помогает преступникам уйти от уголовной ответственности. Думается, что использование сети Интернет субъектами незаконного оборота наркотических средств может рассматриваться в рамках соучастия в сбыте наркотиков. Еще одним вариантом использования сети Интернет субъектами незаконного оборота наркотических средств может быть практика оценки их действий в рамках института неоконченного преступления.

Наконец, использование сети Интернет при распространении информации о наркотических средствах, по сути, является склонением к потреблению запрещенных веществ широкого круга лиц, т. е. по совокупности

потенциальных жертв, представляет собой более общественно опасное деяние, чем аналогичные действия в отношении отдельного лица. Однако рассматривать такое склонение в рамках института неоконченного преступления нельзя, так как согласно ст. 331 Уголовного кодекса Республики Беларусь склонение должно быть направлено на конкретное лицо, а использование сети Интернет при склонении к потреблению наркотических средств и веществ, как правило, осуществляется в отношении неопределенного круга лиц. Вместе с тем представляется, что отсутствие самостоятельной ответственности за вышеперечисленные действия не компенсируется путем использования институтов соучастия, неоконченного преступления и множественности преступлений.

В Беларуси для эффективной борьбы с оборотом наркотических средств принят Декрет Президента Республики Беларусь от 28 декабря 2014 г. № 6 «О неотложных мерах по противодействию незаконному обороту наркотиков». В нем содержится множество положений, пресекающих распространение наркотических средств через сеть Интернет, например, вводится обязательная идентификация владельцев электронных кошельков, закрепляется механизм оперативного ограничения доступа пользователей к интернет-ресурсам, содержащим материалы, направленные на незаконный оборот наркотических средств, на владельцев интернет-ресурсов возлагается обязанность анализировать содержание принадлежащих им интернет-ресурсов, не допускать их использование для распространения материалов, направленных на незаконный оборот наркотических средств, а также информировать органы внутренних дел о попытках распространения таких материалов и многое другое. Принимаемых мер по предупреждению наркопреступности, в том числе посредством использования инфокоммуникационных технологий, к сожалению, недостаточно. В целях недопущения распространения указанных фактов необходимо разработать четкий алгоритм действий при их выявлении, выработать правовые и организационно-технические механизмы, рассмотреть вопрос о криминализации данного деянии в уголовном законодательстве Республики Беларусь.

Акелан А. И.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ СВОБОДЫ ИЛИ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ И МЕРЫ ПО ИХ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ

Акелан Анастасия Игоревна, студентка 4 курса Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой, г. Новополоцк, Беларусь, 21pr1.valevach.a@pdu.by

Научный руководитель: старший преподаватель Катушонок О. В.

В Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Решением Всебелорусского народного собрания от 25 апреля 2024 г. № 5, к основным потенциально опасным либо реально существующим угрозам для Республики Беларусь отнесена утрата значительной частью

граждан традиционных нравственных ценностей и ориентиров, а также рост преступных и иных противоправных посягательств против человека. Уголовная ответственность за преступления против половой свободы и половой неприкосновенности предусмотрена гл. 20 Уголовного кодекса Республики Беларусь «Преступления против половой неприкосновенности или половой свободы». Говоря о причинах совершения насильственных преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности, криминологи, как правило, выделяют: различные упущения в нравственно-половом воспитании; примеры развязного сексуального поведения, развращающее влияние старших, к примеру, совершение половых актов в присутствии детей или беспорядочные половые связи; распространение циничных взглядов на женщин, представление некоторых мужчин о себе как о существе, которое имеет от природы преимущество над женщиной; безнадзорность подростков в период полового созревания; распространение представлений об «абсолютной половой свободе», крайний индивидуализм, неуемное стремление удовлетворить свои потребности; употребление спиртных напитков; поведение потерпевших, пострадавших от половых преступлений, которые вызывают у преступников мнение об их желании на интимную близость.

В целях предупреждения преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности необходимо проводить следующие мероприятия:

– проведение профилактических бесед и лекций в общеобразовательных и профессиональных учебных заведениях, направленных на предупреждение сексуальных насилий и иных преступлений в сфере половых отношений;

– организация информационных кампаний с целью повышения осведомленности населения о проблеме сексуальных насилий и преступлений против половой свободы;

– создание национальных и региональных банков данных о преступлениях в сфере половых отношений и развитие системы мониторинга и отчетности о подобных преступлениях;

– разработка и внедрение в практику дополнительных мер по защите жертв сексуального насилия, включая консультационную и психологическую поддержку, а также создание доступных и безопасных приютов для жертв.

Баранчук В. А.

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ КРИМИНАЛЬНЫХ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ НА ПОЛОВУЮ СВОБОДУ И ПОЛОВУЮ НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ

Баранчук Влада Анатольевна, студентка 2 курса Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, г. Гродно, Беларусь, b.vlada.b2005@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Моисеева И. А.

Половая свобода и половая неприкосновенность личности – это часть прав и свобод личности, установленных и гарантированных Конституцией Республики Беларусь. Право на половую свободу присуще человеку,

достигшему шестнадцати лет. Государство гарантирует это право, однако оно может быть ограничено законом, если это необходимо для защиты нравственности, здоровья, прав и интересов других людей. Тогда мы говорим о половой неприкосновенности. Категория половой свободы отличается от половой неприкосновенности, поскольку последняя означает абсолютный юридический запрет на сексуальные контакты с лицом, обладающим ею. Половую неприкосновенность имеют лица, не достигшие возраста шестнадцати лет, а также лица, которые в силу физических или психических недостатков не могут свободно выражать свою волю и (или) понимать значение половых отношений.

Когда речь идет о половой свободе или половой неприкосновенности, то имеются в виду прежде всего отношения полов, которые в определенной степени регулирует Кодекс Республики Беларусь о браке и семье, устанавливающий цивилизованные отношений и в половой сфере между мужчиной и женщиной. И все же в большей степени эти отношения основываются на нормах морали. В одних случаях нарушение норм морали вызывает лишь осуждение и порицание окружающих, в других – деяния расцениваются как противоправные. Сексуальное насилие является грубым нарушением личной неприкосновенности и запрещено рядом международных актов в области прав человека. Международный комитет Красного Креста отмечает: «Под сексуальным насилием понимаются действия сексуального характера, совершенные каким-либо лицом в отношении другого лица принудительным образом. Сексуальное насилие также включает действия сексуального характера, совершенные в результате использования общей ситуацией подавления или неспособности лица дать искреннее согласие на такие действия». Жертвой сексуального насилия может быть человек любого возраста и пола.

Преступления против половой свободы и половой неприкосновенности по праву считаются наиболее опасными. Помимо прямого физического и психического вреда, они вызывают серьезные отсроченные последствия, негативно влияя на половое и нравственное развитие личности, создавая трудности при создании семьи и рождении детей, способствуя десоциализации жертвы и т. д. Преступления против половой свободы и половой неприкосновенности высоколатентны, однако замалчивание подобных фактов развязывает руки насильникам, которые остаются безнаказанными и продолжают совершать преступления. Составить типичный портрет современного насильника трудно, среди них люди разных профессий, близкие родственники, друзья или знакомые.

Сексуальное насилие по своей природе является гендерно-обусловленным преступлением, его причиной являются в том числе и гендерные стереотипы – например, представления о том, что женщины должны подчиняться в сексуальной сфере, а сексуальная агрессия и доминирование – главные компоненты мужественности. В последнее время нетрадиционная сексуальная ориентация пропагандируется как естественная в странах западного мира, но все чаще появляются факты навязывания и распространения такой культуры и в нашей стране через интернет-

источники. Создаются различные группы в социальных сетях, мессенджерах, в них вовлекаются лица разного возраста. Публикуемая информация в этих группах направлена на возбуждение интереса к половой жизни, сексуальным аспектам нетрадиционных (гомосексуальных) взаимоотношений. Многие люди в силу своей неопытности, непонимания пробуют себя раскрепостить. Страшнее всего, что в это вовлекают малолетних и несовершеннолетних, которым легче всего внушить информацию.

Действующий уголовный закон указывает на три разновидности сексуальных действий, не являющихся половым сношением: мужеложство, лесбиянство и иные действия сексуального характера. Отметим терминологическую неупорядоченность: мужеложство и лесбиянство являются медицинскими терминами, иные действия сексуального характера – уголовно-правовыми, имеющими собственное юридическое значение.

На сегодняшний день в Республике Беларусь создается атмосфера правовой нетерпимости к любым формам сексуального насилия, что позволяет обосновать допустимость применения жестких мер борьбы с рассматриваемыми преступлениями. Основные принципы международного права в полной мере отражены в действующем отечественном законодательстве и сложившейся судебно-следственной практике.

Батина Э. А.

СОГЛАСИЕ ПОТЕРПЕВШЕГО В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Батина Элина Александровна, студентка 2 курса юридического факультета Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, batinaelina@gmail.com

Научный руководитель: старший преподаватель Верховодко И. И.

Согласие потерпевшего в уголовном праве – это обстоятельство, которое в ряде случаев признается смягчающим уголовную ответственность или вовсе исключающим ее за деяния, предусмотренные законом в качестве преступных.

К обстоятельствам, исключающим преступность деяния, относят деяния, прямо предусмотренные в качестве таковых уголовным законодательством. Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК) к обстоятельствам, исключающим преступность деяния, относит: необходимую оборону (ст. 34 УК), причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление (ст. 35 УК), крайнюю необходимость (ст. 36 УК), ошибку в наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния (ст. 37 УК), пребывание среди соучастников преступления по специальному заданию (ст. 38 УК), деяние, связанное с риском (ст. 39 УК), исполнение приказа или распоряжения (ст. 40 УК).

Законодательство других государств мира, как правило, предусматривает такие обстоятельства, как необходимая оборона и крайняя

необходимость. Кроме того, могут предусматриваться такие обстоятельства, как исполнение долга, законное осуществление своего права, профессиональных или должностных обязанностей (ст. 21 УК Испании); проведение познавательного, медицинского, технического или экономического эксперимента (§ 1 ст. 27 УК Польши); согласие потерпевшего (§ 226 УК Германии). Закон о наказаниях Афганистана 1976 г. предусматривает сложную систему таких обстоятельств, которая включает совершение деяния, не противоречащего шариату, осуществление своего права (родителями или педагогом), согласие больного на операцию, причинение вреда при спортивных состязаниях (если они проходили в пределах установленных правил), задержание лица, совершившего преступление (если оно происходит с соблюдением правил, предусмотренных законом), исполнение служебных обязанностей, необходимую оборону.

Многие зарубежные и отечественные ученые считают, что не включение согласия потерпевшего как обстоятельства, исключающего преступность деяния, в Уголовный кодекс Республики Беларусь это пробел в нашем законодательстве, поскольку согласие потерпевшего отвечает всем признакам обстоятельств, исключающих преступность деяния. В ряде стран мира согласие потерпевшего на причинение вреда отнесено к обстоятельствам, исключающим уголовную ответственность (например, УК Лихтенштейна и УК Швеции).

В преступлениях, посягающих на интересы, являющиеся проявлением личных прав и свобод граждан, обязательным составным элементом объекта преступления будет выступать субъективное право гражданина на это благо, поэтому закон и не признает преступлением уничтожение своего имущества, лишение себя жизни или причинение вреда своему здоровью. В связи с этим возникает вопрос: можно ли признавать общественно опасным и преступным нарушение перечисленных интересов не лично их обладателем, а с его согласия или по его просьбе другим лицом. Следует признать, что согласие собственника имущества на причинение вреда его собственности устраняет преступность имущественных посягательств, так как это один из способов реализации права распоряжения собственностью.

Иначе обстоит дело с посягательствами на жизнь и здоровье гражданина. Как известно, в Республике Беларусь считается преступлением лишение жизни другого человека не только с его согласия, но и по его просьбе, что прямо прописано в ст. 31 Закона Республики Беларусь «О здравоохранении» как запрет на производство эвтаназии.

Ограничена возможность граждан распоряжаться и своим здоровьем. Если при причинении легкого телесного повреждения, повлекшего расстройство здоровья, согласие потерпевшего может служить основанием, исключающим преступность деяния и уголовную ответственность, то при причинении тяжкого и менее тяжкого телесных повреждений согласие может служить лишь обстоятельством, смягчающим ответственность.

Однако, признание согласия потерпевшего обстоятельством, исключающим преступность деяния, порождает проблему злоупотребления

таким институтом. Так, к примеру, лицо, причинившее другому лицу смерть умышленно, может ссылаться на согласие потерпевшего лица, которое достоверно установить не удастся. С такой точки зрения включение согласия потерпевшего на причинение вреда выступает спорным институтом.

Таким образом, нам видится возможным включить, согласие потерпевшего в перечень обстоятельств, исключающих преступность деяния, сформулировав условия его правомерности, уже разработанные в теории, включая дееспособность, совершеннолетие лица, дающего согласие, а также условие о возможности распоряжения исключительно субъективным правом человека.

Белогурова Д. В.

ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ

Белогурова Дарья Владимировна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, belogurova_03@mail.ru

Научный руководитель: старший преподаватель Макеева М. Г.

Терпимость общества к различным видам домашнего насилия признается одной из главных причин высокого уровня латентности данного вида правонарушений.

Нормализация насилия в семье в том числе связана с формированием патриархального уклада общества на территории стран современной Восточной Европы. Таким примером следует признать издание в XVI в. книги «Домострой». Она представляла собой сборник правил и рекомендаций, который на протяжении столетий регулировал морально-этические нормы поведения и правила семейной жизни. «Домострой» определял круг обязанностей членов семьи и средства воспитания некоторых из них. «Любя же сына своего, учащай ему раны – и потом не нахвалишься им. Наказывай сына своего с юности и порадуешься за него в зрелости его, и среди недоброжелателей сможешь им похвалиться, и позавидуют тебе враги твои. Воспитай детей в запретах и найдешь в них покой и благословение». Жена должна была быть доброй, трудолюбивой и молчаливой, а за несоблюдение свода правил позволялось ее «поколотить». «Домострой» не имел официального статуса, являлся лишь сводом правил и норм поведения, однако можно сделать вывод о том, что представляла собой традиционная семья того времени. Нормы, приведенные в «Домострое», с течением времени видоизменились и стали традицией, передавались уже не как заповеди книги, а как форма поведения на подсознательном уровне.

В середине XVII в. официальным источником права, регулирующим в том числе семейные отношения, стало Соборное уложение (1649 г.). Соборное уложение содержало в себе упоминание побоев, которые признавались преступлениями против личности. Убийства, совершенные детьми в отношении родителей и родителями в отношении детей, закреплялись в уложении отдельно и влекли тюремное заключение или смертную казнь.

Уложением о наказаниях в XIX в. было закреплено, что «за жестокое обращение с женой, особенно в случае нанесения ей ран, муж, по жалобе супруги или ее родителей, подвергается наказаниям <...> за тяжкие побои, раны или увечья с возвышением оных двумя степенями. <...> Тем же наказаниям и на том же основании подвергается жена, которая, пользуясь слабостью своего мужа, дозволит себе нанести ему раны, увечье, тяжкие побои или иное истязание или мучение» (ст. 2075 Уложения 1845 г.).

Несмотря на последующее развитие законодательства и норм общества, в которых бить домочадцев было недопустимо и даже уголовно наказуемо, домашнее насилие все еще оставалось допустимым, в особенности для сельского населения. В советский период проблема домашнего насилия не освещалась в силу своей противоправности, которой априори не могло быть в справедливом советском обществе. Однако это вовсе не значило, что с домашним насилием не боролись. Государство старалось строить новый советский тип семьи, в котором домашнее насилие считалось пережитком крестьянского прошлого. Начиная со сталинских времен и вплоть до конца советского периода, почти во всех случаях домашнее насилие квалифицировалось как хулиганство, и «семейных дебоширов» привлекали как к административной, так и уголовной ответственности. Одной из самых популярных мер борьбы с домашним насилием в СССР стали партийные собрания, на которых публично рассматривалось «несоветское» поведение членов партии в отношении членов их семей, что являлось внесудебной формой решения конфликтных ситуаций в семейно-бытовой сфере.

Изучив исторический аспект развития домашнего насилия на территории белорусских земель, мы пришли к выводу о том, что само явление домашнего насилия имеет глобальный психологический характер. Формирование терпимости к насилию передавалось другим поколениям десятилетиями и только с приходом индустриализации началась активная трансформация общественных устоев. Данная трансформация продолжается до настоящего момента и все еще очевидна необходимость совершенствования методов по борьбе с домашним насилием и общественным сознанием, допускающим данный вид правонарушений.

Валевач А. С.

ВЛИЯНИЕ ОСВЕЩЕНИЯ ИЗНАСИЛОВАНИЙ В СМИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРТРЕТА ЖЕРТВЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Валевач Анна Сергеевна, студентка 4 курса Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой, г. Новополоцк, Беларусь, 21pr1.valevach.a@pdu.by

Научный руководитель: старший преподаватель Катушонок О. В.

Сексуальное насилие является одной из наиболее острых и актуальных проблем современного общества, вызывающей значительный общественный резонанс. Освещение случаев изнасилования в средствах массовой информации

играет ключевую роль в формировании общественного мнения относительно этой проблемы и, в частности, портрета жертв. Зачастую медийные нарративы могут способствовать распространению стереотипов, усугубляющих виктимизацию жертв и формирующих искаженные представления о них.

Средства массовой информации, в стремлении привлечь внимание аудитории, часто прибегают к сенсационализму, что приводит к искажению реальности, способствует формированию предвзятого мнения о них и может привести к манипуляции истиной. Они могут преувеличивать детали случаев сексуального насилия или акцентировать внимание на аспектах, которые не отражают действительного положения дел.

Влияние СМИ на формирование виктимологического портрета жертвы является важным аспектом, который заслуживает внимания. Одним из ярких примеров освещения преступлений, посягающих на половую свободу, в СМИ является история Шурыгиной Дианы Алексеевны, которая вызвала бурное обсуждение и резонанс в обществе.

Сложилось мнение, что Диана Шурыгина оказала значительное влияние на медийное пространство в странах СНГ. Ее откровенное освещение случая изнасилования в прямом эфире стало поворотной точкой, открывшей новые горизонты для блогеров и личностей, популярных в социальных сетях, что, в свою очередь, способствовало переосмыслению общественного дискурса по вопросам насилия и его освещения в медиасреде.

История Дианы Шурыгиной приобрела широкую известность в социальных сетях, что привлекло внимание редакторов шоу «Пусть говорят», которые 31 января 2017 г. решили освятить этот случай в эфире под названием «В разгар вечеринки».

Эпизод программы быстро стал вирусным, собрав за неделю более 9 миллионов просмотров, а спустя месяц преодолел отметку в 15 миллионов. Подростковая аудитория активно анализировала не только обстоятельства происшествия, но и поведенческие особенности Дианы Шурыгиной, что свидетельствует о ее значимости как объекта общественного обсуждения и жертвы в контексте криминалистического анализа.

Первоначально медийное освещение дела Шурыгиной в прямом эфире обозначило, как общество воспринимает жертву преступления. Диана, будучи в состоянии алкогольного опьянения, была изнасилована, и наличие этого контекста вызвало споры о ее личной ответственности. СМИ, освещая ее историю, часто акцентировали внимание на ее вызывающем поведении и употреблении алкоголя.

Такой подход, с одной стороны, способствовал большей открытости и расширению дискурса о насилии в обществе, однако, с другой стороны, он также усугубил стигматизацию жертвы. Подростковая аудитория активно анализировала поведение Дианы, превращая ее в объект обсуждения, а не в жертву, что могло отвлечь от сути проблемы и сделать ее жертвой общественного мнения, а не насилия.

Вирусное распространение эпизода программы, собравшего миллионы просмотров, подтверждает, что СМИ обладают силой формировать

общественное мнение и стандарты восприятия жертв. Обсуждение обстоятельств происшествия, а также личных привычек Дианы позволяло спекулировать на ее образе, создавая искаженное представление о том, какой «должна» быть жертва изнасилования.

Таким образом, медиапокрытие случая Дианы Шурыгиной иллюстрирует двойственный эффект СМИ: с одной стороны, они могут способствовать повышению осведомленности о проблемах насилия, с другой – формировать предвзятые и стереотипные образы, что может дополнительно травмировать жертв. Этот случай подчеркивает важность ответственного подхода СМИ к освещению вопросов, связанных с насилием, и необходимости переосмысления их роли в формировании общественного дискурса.

В заключение можно отметить, что освещение в медиапространстве преступлений, посягающих на половую свободу человека, оказывает значительное влияние на формирование общественных стереотипов о портрете жертв изнасилования. Зачастую репрезентация жертв в медиа не отражает реальных обстоятельств преступления и может способствовать созданию оскорбительных образов, акцентируя внимание на личных качествах или поведении самих жертв, а не на действиях преступников. Это ведет к стигматизации и вторичной виктимизации, затрудняя жертвам поиск поддержки и правды.

Гаврилина Я. В.

СИСТЕМА МЕР ПРОФИЛАКТИКИ ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ: ЭВОЛЮЦИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ПОДХОДОВ

Гаврилина Яна Витальевна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, gavrilinaana13@gmail.com.

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Городецкая М. А.

В национальном законодательстве о профилактике правонарушений меры по противодействию домашнему насилию впервые появились в Законе Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 453-З «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» (далее – Закон № 453-З). Отметим, что одновременно в рамки правового регулирования было введено понятие «насилие в семье». Проведенный ретроспективный анализ (Закон № 453-З утратил силу) показывает, что основные профилактические мероприятия, установленные ст. 14 указанного Закона, носили довольно общий характер, не позволяли обеспечить дифференцированный подход к нарушителям и эффективно (упреждающе) воздействовать на их поведение в будущем. Среди мер индивидуальной профилактики правонарушений, определенных ст. 23 Закона № 453, случаи насилия в семье, в качестве основания для их применения, указывались лишь в отношении социальной и трудовой реабилитации (для пострадавших), при этом нормы, подробно регламентирующие порядок реализации иных мероприятий, аналогичных указаний не содержали.

Качественное совершенствование системы мер профилактики домашнего насилия произошло с принятием Закона Республики Беларусь от 4 января 2014 г. № 122-З «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» (далее – Закон № 122-З) и введением некоторых новшеств, одним из которых следует признать защитное предписание. Названная мера индивидуальной профилактики была определена законодателем как установление гражданину, совершившему насилие в семье, ограничений на совершение определенных действий.

Предпосылками для внедрения защитного предписания в национальную систему профилактических мер стали Рекомендации Организации Объединенных Наций (далее – ООН) в Модельном законодательстве о насилии в семье 1996 г., где были предложены формы защитного предписания.

Защитное предписание стало важным, но не единственным из нововведений Закона № 122-З, которые в совокупности были призваны обеспечить эффективность профилактики домашнего насилия.

Появились также временные приюты для пострадавших от насилия в семье, иначе – «кризисные» комнаты, т. е. специально оборудованные отдельные помещения, в которых созданы необходимые условия для безопасного проживания пострадавших, доступ к которым должен обеспечиваться круглосуточно. Аналогичное новшество коснулось и граждан, в отношении которых вынесено защитное предписание – появились места их временного пребывания. Таким образом, законодателем был разработан механизм изоляции насильника и его жертвы друг от друга.

Кроме того, Законом № 122-З был уточнен порядок применения таких мер, как профилактическая беседа, официальное предупреждение и профилактический учет, – непосредственно в случаях насилия в семье.

Дальнейшее развитие системы профилактики домашнего насилия произошло с принятием Закона Республики Беларусь от 6 января 2022 г. № 151-З «Об изменении законов по вопросам профилактики правонарушений». В ряд основных профилактических мероприятий домашнего насилия были включены, например, меры по формированию негативного отношения общества к домашнему насилию, информационно-просветительская работа, подготовка специалистов субъектов профилактики, в том числе посредством специализированных курсов, лекториев и др. Также законодателем были уточнены основания вынесения защитного предписания в случае отсутствия согласия пострадавшего лица, посредством введения понятия риска домашнего насилия, призванного обеспечить единый подход к оценке его уровня. Подробные методики его оценки нашли отражение в ведомственных актах Министерства внутренних дел Республики Беларусь.

Новшеством стало и введение в систему мер индивидуальной профилактики коррекционной программы (ст. 31-1), которая представляет собой «комплекс мероприятий по оказанию психологической помощи гражданину, совершившему домашнее насилие, направленных на исправление (корректировку) поведения гражданина, формирование у него навыков ненасильственной коммуникации, предотвращение повторного совершения

домашнего насилия». Установлено, что коррекционная программа проводится с согласия гражданина, совершившего домашнее насилие. Однако самым обсуждаемым нововведением стало создание реестра информации о фактах домашнего насилия (ст. 31-3 Закона № 122-З), который начал функционировать в республике с 1 июля 2024 г. На сегодняшний день потерпевший от домашнего насилия, выразив согласие в установленной форме, может передать сведения, необходимые для оказания ему помощи и защиты, в специализированный реестр, гарантирующий сохранность этой информации. Проведенный анализ позволяет заключить о закреплении в национальном «профилактическом» законодательстве целостной системы мер профилактики домашнего насилия, отражающей государственную стратегию противодействия указанному социально-правовому явлению.

Давыдик Д. С.

ПОНЯТИЕ И ВИДЫ СТАДИЙ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Давыдик Дарья Сергеевна, студентка 3 курса Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, г. Гродно, Беларусь, davydik04@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Моисеева И. А.

Стадии совершения преступления представляют собой конкретные этапы осуществления объективной стороны преступного деяния. В Уголовном кодексе Республики Беларусь выделены приготовление к преступлению, покушение на него и оконченное преступление. Выделение стадий преступления имеет практическое значение, так как они помогают классифицировать различные деяния в зависимости от степени осуществления преступного замысла. Кроме того, степень общественной опасности этих стадий различна. Строгость наказания во многом зависит от того, на какой стадии деятельность преступника была прекращена.

Стадия совершения преступления обусловлена умыслом виновного на совершение преступления. Значение стадии преступления заключается в определении квалификации преступления и степени его общественной опасности.

С субъективной точки зрения приготовление к преступлению может быть осуществлено только умышленно, поскольку намерение, четко предписанное законом, может быть осуществлено только непосредственно. Следовательно, рассматриваемая стадия – это возможное умышленное преступление, преступление с материальной или формальной составляющей, совершаемое каким-либо действием. При совершении умышленного преступления виновному не всегда удается выполнить деяния, входящие в объективную сторону преступления, или достичь результата, к которому он стремился. Только в том случае, если подготовка не зависит от воли преступника, подготовительная работа имеет самостоятельное уголовно-правовое значение: она характеризует незавершенные, незаконченные

преступные деяния, которые всегда прерываются против воли человека. Ситуации могут быть разными, но главное, чтобы они не были связаны с добровольным прекращением преступного деяния. Хотя термин «стадия» не содержится в нормах Уголовного кодекса Республики Беларусь, теория уголовного права и правоприменительная практика используют данный термин, поскольку преступная деятельность, как и любая другая, представляет собой процесс, распространяющийся во времени и состоящий из отдельных последовательных этапов.

Н. Д. Дурманов в учебнике «Советское уголовное право. Общая часть» (1969) дал определение понятия стадий, охватывающее характеристику как неоконченного, так и оконченного преступления, под которыми он понимал этапы, на которых приготовление или непосредственное совершение умышленного преступления были прекращены, либо потому, что преступление окончено, либо вследствие того, что преступление не доведено до конца по причинам, не зависящим от воли виновного. В. П. Ревин же под стадиями понимает этапы развития умышленно совершаемого общественно опасного деяния, запрещенного уголовным законом под угрозой наказания, отражающие степень реализации преступного умысла и меру исполнения состава соответствующего умышленного преступления.

И в современной юридической литературе сохраняются противоречивые взгляды относительно сущности стадий преступной деятельности, установления ее видов и признаков. Одни ученые считают приготовление и покушение стадиями, этапами совершения преступления, либо стадиями развития преступной деятельности, другие – относят приготовление и покушение к видам неоконченных преступлений, третьи – отождествляют стадии преступления с видами неоконченных преступлений.

Таким образом, стадии совершения преступления представляют собой определенные этапы развития преступной деятельности, которые отличаются по характеру, объему совершаемых действий и моменту прекращения преступного поведения. Они отражают различную степень реализации преступного умысла лица, что, в свою очередь, влияет на разную степень общественной опасности совершаемых преступлений.

Уголовный кодекс Республики Беларусь предусматривает уголовную ответственность за совершение преступления на любой из указанных стадий, начиная с приготовления и заканчивая добровольным отказом. Критерием разграничения стадий совершения оконченного преступления является степень общественной опасности, которая имеет тенденцию к возрастанию в зависимости от близости наступления общественно опасных последствий или полного исполнения деяния, характеризующего объективную сторону конкретного преступления.

Проблема стадий совершения преступлений и их видов является важной проблемой уголовного права. Реализация задач уголовного права предполагает точное определение круга преступных деяний, применение наказания только к тем, кто совершает преступления, назначение наказания в соответствии с характером и степенью реализации умысла.

Дерах А. В.

КРИМИНАЛЬНЫЕ И ДЕСТРУКТИВНЫЕ МОЛОДЕЖНЫЕ СУБКУЛЬТУРЫ: СПЕЦИФИКА ПОЯВЛЕНИЯ И СУЩЕСТВОВАНИЯ

Дерах Александр Витальевич, курсант 3 курса Академии МВД Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Терешенко Е. Г.

Криминальные и деструктивные молодежные субкультуры зачастую возникают из-за социальных, экономических, психических и иных проблем у молодых людей. Существование подобных субкультур представляет определенную опасность не только для общества в целом, но и для самих их участников. Вовлечение в асоциальную и криминальную деятельность, употребление наркотиков и алкоголя, разрушение традиционных ценностей и моральных устоев может привести к деградации личности и нанести непоправимый вред физическому и психическому здоровью молодых людей.

Государству необходимо принимать меры по недопущению деградации общества, особенно в отношении самой уязвимой социально-возрастной группе – молодежи. Однако для грамотного решения проблемы в борьбе с криминальными и деструктивными молодежными субкультурами важно понимать специфику появления и существования данных субкультур, а также точно оценивать подходящие к каждой субкультуре в отдельности методы предупреждения их деятельности. Специфике появления криминальных и деструктивных молодежных субкультур во многом содействуют факторы риска, способствующие вовлечению молодежи в их ряды, причины привлекательности субкультур для молодежи, а также психоэмоциональные черты личности участников субкультур.

В частности, к факторам риска, способствующим вовлечению молодежи в ряды криминальных и деструктивных субкультур, относятся:

1) эмоционально-личностные проблемы (комплекс неполноценности, неблагоприятное эмоциональное состояние, неустойчивость внутреннего мира, неуверенность в себе, переживание жизненной психотравмирующей ситуации, кризис подросткового и юношеского возраста);

2) деструктивный стиль детско-родительского взаимодействия (невыполнение воспитательных функций со стороны родителей или законных представителей, авторитарный стиль воспитания, высокая степень зависимости молодого человека от мнения родителей, привлечение родителями ребенка для выяснения собственных отношений и пр.);

3) низкий уровень материального благосостояния, неполная или многодетная семья;

4) наличие «преемственности» в уголовной среде (судимость родителей или братьев/сестер, друзей);

5) нарушение механизмов процесса социализации (нарушение взаимоотношений с социальным окружением, буллинг, отчуждение от первичных социально полезных групп, доминирующая реакция

группирования со сверстниками в сочетании с конформизмом и пассивностью, девиация, дезадаптация, правовой инфантилизм и др.);

6) заполненность досугового пространства неформальной, неорганизованной, стихийно возникающей активностью;

7) отсутствие необходимой профилактической работы со стороны образовательных учреждений, неэффективная воспитательная работа первичных агентов социализации.

Привлекательность же криминальных и деструктивных молодежных субкультур выражается: 1) в наличии широкого поля деятельности и возможностей для самоутверждения и компенсации неудач, постигших их в обществе; 2) процессе криминальной деятельности, включающей риск, экстремальные ситуации и окрашенной налетом ложной романтики, таинственности и необычности; 3) снятии всех моральных ограничений; 4) отсутствии запретов на любую информацию, прежде всего на интимную; 5) учете состояния возрастного одиночества, переживаемого подростком, и обеспечении ему в «своей» группе моральной, физической, материальной и психологической защиты от агрессии извне.

Участники криминальных и деструктивных субкультур зачастую обладают схожими признаками: 1) нарушение прав личности, выражающееся в агрессивном, жестоком и циничном отношения к «чужим», слабым и беззащитным; 2) отсутствие чувства сострадания к людям, в том числе и к «своим»; 3) нечестность и двуличие в отношении к «чужим»; 4) паразитизм, эксплуатация «низов», глумление над ними; 5) обесценивание результатов человеческого труда, выражающееся в вандализме; 6) неуважение прав собственников, выражающееся в кражах и хищениях; 7) поощрение циничного отношения к женщине и половой распущенности; 8) поощрение низменных инстинктов и любых форм асоциального поведения.

Все вышеперечисленные характеристики помогают составить портрет потенциального молодого человека, склонного к вступлению в криминальные и деструктивные субкультуры.

Специфика существования субкультур тесно связана со спецификой их появления. Криминальные и деструктивные субкультуры подразделяются на типы, разительно отличающиеся друг от друга. Каждая субкультура привлекает характерных ей представителей, обладающих специфичными качествами. Применительно к существующим типам деструктивных субкультур, можно выделить общие методы предупреждения: 1) общевоспитательная работа и просвещение представителей подрастающего поколения; 2) профилактика и диагностика, в которые включаются уже реальные группы риска; 3) консультирование, поддержка и коррекция поведения молодых людей, включенных в деструктивные неформальные сообщества.

Подводя итог, следует отметить, что феномен криминальных и деструктивных молодежных субкультур представляет серьезную угрозу для общества. Их появление и распространение обусловлено комплексом взаимосвязанных факторов социально-экономического, культурного и психологического характера.

Бороться с этим опасным явлением необходимо комплексно, устраняя его коренные причины. Важны социальная поддержка уязвимых групп молодежи, развитие позитивных молодежных инициатив, совершенствование системы профилактики правонарушений. Также целесообразной представляется специальная психологическая работа с подростками из групп риска, направленная на профилактику вовлечения в асоциальные и криминальные субкультуры.

Только объединив усилия государства, общества и самих молодых людей, мы сможем эффективно противостоять распространению криминальных субкультур и защитить будущие поколения от разрушительного влияния рассматриваемых субкультур. Ключом к решению проблемы является глубокое понимание ее многогранной специфики.

Дрозд А. А.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТЕРРОРИЗМ КАК УГРОЗА СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Дрозд Александра Андреевна, студентка 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, kerry.18112000@gmail.com

Научный руководитель: старший преподаватель Плетенёва Д. А

Международный терроризм является одной из наиболее серьезных проблем нашего времени, представляющий существенную угрозу безопасности людей и стабильности государств. Терроризм порождается многими социальными, историческими, религиозными, политическими, экономическими и иными причинами и является следствием процесса глобализации и интеграции. Изучение природы терроризма, условий, причин и предпосылок его возникновения, выявление условий широкого распространения в эпоху информационных технологий, дает возможность понять, почему терроризм сегодня становится наиболее широко используемой формой ведения войны.

Терроризм – это ответная реакция на длительное решение назревших в обществе проблемных вопросов политического, этнического или экономического характера. Под этим явлением понимают угрозу национальной безопасности, способную подрывать стабильность государств, ставить под сомнение безопасность граждан и негативно влиять на социально-экономическое и политическое развитие страны. Путем давления на государственные органы и воздействия на общественное сознание через манипуляцию и насилие террористическая деятельность добивается поставленных преступных целей.

Терроризм с момента его возникновения имел различные формы проявления, но существовал абсолютно всегда. В настоящее время, начиная с XX в., распространение терроризма стало глобальной проблемой. Современный международный терроризм представляет собой разрушительный и смертоносный процесс, профессионально организованную

структуру, обладающую значительными финансовыми возможностями, эффективным техническим оснащением и информационными современными технологиями, способными осуществлять масштабные диверсионные операции. При помощи быстро развивающихся технологий и скоординированного взаимодействия террористов может происходить перестройка геополитической карты мира и разрушение государственных границ.

Широкое распространение терроризма и замена им традиционных войн связана с несколькими причинами. Появление ассиметричных войн, возникновение которых обусловлено неравенством сил противоборствующих сторон, социально-экономическими, политическими, религиозными факторами, привело к применению нестандартных способов ведения войны, одним из которых является терроризм. Важная предпосылка, способствующая распространению терроризма – это появление информационного сообщества и вместе с ним развитие научно-технического потенциала. Террористические группировки используют информационно-коммуникативные технологии в целях пропаганды своей идеологии, вербовки, привлечения финансовых ресурсов, они распространяют информацию и ввергают население в панику и привлекают сторонников на глобальном уровне.

Современный международный терроризм отличается низкой интенсивностью, внезапностью и своей «немассовостью», что означает неприменение массовых военных сил. В свою очередь, «немассовость» позволяет избежать масштабных боевых действий и вовлечения большого количества людей, что делает террористов менее уязвимыми. Внезапность способствует созданию паники, неопределенности и затруднению прогнозирования действий террористических группировок. Низкая интенсивность террористических операций позволяет применять различные методы, средства и подходы, затрудняя нейтрализацию террористов. Террористические организации действуют стратегически и скрытно, используя мирных граждан в качестве прикрытия. Терроризм характеризуется как сложное и многогранное явление, представляющее собой выгодную систему в достижении политических и иных целей.

В настоящее время, в условиях эскалации террористической деятельности и распространения таких негативных явлений, как экстремизм, кибертерроризм, возрастает угроза безопасности отдельных граждан и целых стран. Усложняется характер террористической деятельности, возрастает ее масштабность и появляются новые организационные формы терроризма. Все более критичным становится не столько реальный масштаб насилия, сколько возможность создать политическую дестабилизацию. Данное негативное явление приобрело относительно устойчивый характер в современном мире и отрицательно влияет на международную безопасность. Такая глобальная проблема, как международный терроризм, требует особого внимания, всестороннего подхода к его изучению, дальнейшего прогнозирования тенденций в этой области и повышения устойчивости государственной системы с целью снижения рисков террористической угрозы.

Жорова Н. И.

ВОЗМОЖНОСТЬ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ЭВТАНАЗИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Жорова Надежда Игоревна, студентка 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, zorovanadezda@gmail.com

Научный руководитель: старший преподаватель Верховодко И. И.

Общество всегда будет уделять внимание вопросам человеческой жизни и смерти. Правовое регулирование эвтаназии на сегодняшний день основывается на Законе Республики Беларусь от 18 июня 1993 г. № 2435-XII «О здравоохранении» (далее – Закон). Определению эвтаназии посвящена ч. 1 ст. 31 Закона: «Эвтаназия – удовлетворение просьбы пациента о прекращении жизнедеятельности его организма и наступлении смерти посредством каких-либо действий (бездействия) с целью избавления от мучительных страданий, вызванных неизлечимым заболеванием». В ч. 2 ст. 31 Закона установлен абсолютный запрет на осуществление эвтаназии. Часть 3 указанной статьи посвящена ответственности за нарушение данного запрета.

В ст. 139 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) убийство определено как умышленное противоправное лишение жизни другого человека. Признаки эвтаназии совпадают с признаками убийства. По этой причине для всех лиц, включая медицинских, фармацевтических работников, осуществление эвтаназии влечет уголовную ответственность в соответствии со ст. 139 УК.

На данный момент в Республике Беларусь эвтаназия запрещена под угрозой повышенной уголовной ответственности как за квалифицированное убийство. Однако данный вопрос все еще остается дискуссионным для отечественных и зарубежных ученых. Так, Н. В. Ющенко писал: «Отказывая человеку в праве на смерть, государство и общество, тем самым ограничивают человека в свободе». И. А. Ивченко придерживается противоположного мнения: «Легализация эвтаназии в современном обществе не способствует расширению прав и свобод человека, более того, она способна породить целый ряд негативных явлений общественной жизни...» и пр.

В мировом сообществе вопрос также не решен однозначно. В некоторых странах активная эвтаназия легальна. Первым государством в Европе, которое декриминализировало эвтаназию, было Королевство Нидерланды. С 2002 г. институт эвтаназии легально существует и в Бельгии, где с 2014 г. официально разрешена и детская эвтаназия. В Швейцарии же существует организация Dignitas, оказывающая услуги эвтаназии не только гражданам, но и туристам. В других странах легальна только пассивная эвтаназия (Чили, Аргентина, США), в третьих – установлен абсолютный запрет на эвтаназию (Армения, Россия, Молдова).

Мнение законодателя относительно вопроса легализации эвтаназии однозначно просматривается из закрепленных норм права. Однако общественное мнение по этой проблеме не так категорично.

Данный вопрос заслуживает общественного обсуждения, а также необходима подготовка законопроекта об эвтаназии, с подробным описанием процедуры и условий ее осуществления.

На наш взгляд, необходимо исключить признание эвтаназии общественно-опасным деянием, а также квалификацию ее по ст. 139 УК по причине наличия такого признака, как согласие потерпевшего. В ряде стран мира согласие потерпевшего на причинение вреда отнесено к обстоятельствам, исключающим преступность деяния (например, УК Лихтенштейна и УК Швеции). По нашему мнению, данное обстоятельство должно быть включено в главу 6 УК.

Пассивная эвтаназия является видом эвтаназии и также не подлежит квалификации по ст. 139 УК. Внимание следует уделить и вопросу разграничения пассивной эвтаназии от отказа пациента от оказания медицинской помощи. Основная сложность в данной ситуации заключается в смешении этих понятий. По нашему мнению, к пассивной эвтаназии относится прекращение медицинской помощи, непосредственно ведущее к смерти пациента, при условии облегчения ее наступления. Например, прекращение искусственной вентиляции легких при отсутствии спонтанного дыхания или его неэффективности и т. д.

Основываясь на международном опыте, предложенный для общественного обсуждения законопроект должен содержать оговорки, которые имеют существенное значение при осуществлении эвтаназии: учреждения здравоохранения, осуществляющие акт эвтаназии; права и обязанности неизлечимо больного пациента; права и обязанности медицинского работника (врача); лица, имеющие право на осуществление эвтаназии; условия осуществления эвтаназии; специализированный орган, разрешающий вопрос проведения эвтаназии (комиссия); определение порядка проведения пассивной эвтаназии; ответственность учреждения здравоохранения и медицинского персонала за осуществление незаконной эвтаназии.

Исакова П. С.

ПРОБЛЕМА ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА «СЕРУЮ» КОСМЕТОЛОГИЮ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Исакова Полина Сергеевна, учащаяся 3 курса Юридического колледжа Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, appaaaa07@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Врублевская Н. Г.

Здоровье человека является важнейшим объектом уголовно-правовой охраны. Причинение вреда здоровью человека возможно различными способами, в том числе и в результате услуг в сфере эстетической медицины. В настоящее время в различных странах, в том числе и в Республике Беларусь, проблема так называемой «серой» косметологии приобретает все

большую остроту. Основное отличие так называемой «серой» косметологии заключается в квалификации косметолога и степени безопасности деятельности по оказанию услуг в сфере эстетической медицины, а именно: «серая» косметология – это услуги, статус которых не подтвержден официально: это специалисты без соответствующего образования, салоны красоты, частные кабинеты без медицинских лицензий и косметология на дому. В результате таких процедур можно столкнуться с осложнениями воспалительного характера, аллергической реакцией, ангионевротическим отеком (отеком Квинке), анафилактическим шоком или отеком мозга.

В целях обеспечения защиты жизни, здоровья, прав и законных интересов граждан законодательством о лицензировании регламентирован перечень работ и услуг, относящихся к лицензируемым видам медицинской деятельности. Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 25.05.2020 № 307 «О перечне процедур (исследований, манипуляций), относящихся к работам и услугам, составляющим лицензируемую медицинскую деятельность» закреплен перечень процедур (исследований, манипуляций), которые относятся к медицинским работам и услугам, осуществляемым только при наличии лицензии. Перечень содержит наименование процедур, в том числе в области косметологии и пластической эстетической хирургии.

В связи с этим за незаконное оказание услуг в области косметологии (осуществление различных инъекций, ввод несертифицированных препаратов и др.) возможна и должна наступать юридическая ответственность.

В случаях, когда отсутствует вред здоровью человека, в зависимости от размера дохода возможна административная ответственность по ст. 13.3 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях за незаконную предпринимательскую деятельность или уголовная ответственность по ст. 233 Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК) за предпринимательскую деятельность, осуществляемую без специального разрешения (лицензии).

В тех случаях, когда вследствие некачественного оказания услуг в области косметологии по неосторожности причинен вред здоровью человека в виде менее тяжкого телесного повреждения, тяжкого телесного повреждения или смерти, содеянное может подпадать под признаки ст. 335 или ст. 338 УК.

Если занятие косметологической деятельностью осуществляется лицом, не имеющим надлежащего медицинского образования либо без надлежащего разрешения, то возможно применение ст. 335 УК «Незаконное врачевание». Оказание же косметологических услуг, заведомо не отвечающих требованиям безопасности для жизни и здоровья потребителей, при наличии надлежащего медицинского образования и надлежащего разрешения (например, при использовании несертифицированных препаратов или средств), на наш взгляд, следует квалифицировать по ст. 338 УК «Выполнение работ либо оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности.

Важно обратить внимание еще на один аспект проблемы – довести подобные дела до этапа вынесения приговора является крайне затруднительным процессом. Основная проблема заключается в доказательственной базе. Для большинства потерпевших совокупность таких мероприятий, как обращение в медицинское учреждение для фиксирования и устранения осложнений, предоставление документов в правоохранительные органы в надлежащем виде, доставляет множество проблем.

Для борьбы с «серой» косметологией предлагаются различные решения – создание организации, которая будет специализироваться в оказании адресной помощи пострадавшим от предоставления некачественных услуг в сфере косметологии; организация надлежащего обучения специалистов, которые хотят оказывать услуги в сфере эстетической медицины; создание платформы, на которой пациенты смогут поделиться своими историями.

Еще одним вариантом решения проблемы ответственности за осуществление неквалифицированной косметологической деятельности, на наш взгляд, является усовершенствование ст. 335 УК, диспозицию которой предлагаем изложить следующим образом: «Занятие врачеванием, фармацевтической или косметологической деятельностью как профессией лицом, не имеющим надлежащего медицинского образования или без надлежащего разрешения (незаконное врачевание), повлекшее по неосторожности причинение менее тяжкого телесного повреждения,».

Касперович С. С.

ТИПОЛОГИЯ КОРРУПЦИОННОГО ПРЕСТУПНИКА: ПРАКТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Касперович Сергей Сергеевич, студент 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, cep2235@mail.ru

Научный руководитель: старший преподаватель Плетенёва Д. А.

Изучая сущность, закономерности, причины и условия преступности, а также личность преступника, криминология позволяет сформировать наиболее эффективный комплекс мер по профилактике и предупреждению преступлений. Особое внимание в связи с этим уделяется созданию криминологического портрета преступника, а именно, совокупности характерных черт, выявленных в ходе анализа социально-ролевых, психологических и правовых аспектов его личности.

Рассматривая личность коррупционного преступника как совокупность социальных и психологических негативных особенностей, сформированных в процессе жизнедеятельности лица, в контексте деяния, цель которого имеет коррупционный характер, криминологический портрет личности позволяет выделить наиболее типичные черты, которые способствуют повышению эффективности борьбы с коррупцией. В наиболее общем понимании портрет коррупционера – отражение общества в конкретный период истории государства.

Сегодня в научном мире нет единого подхода в выделении типов личности коррупционера. Так, в зависимости от мотива совершенного преступления, коррупционер может быть: корыстолюбивым, престижным, игровым. В наиболее общем понимании, корыстолюбивый тип последовательно и целеустремленно стремится к удовлетворению, умножению и сохранению материальных благ; престижный – стремится создать и поддерживать свой статус; игровой – ставит своей целью получение удовольствия при исполнении полномочий преступным путем, создает условия, при которых, нарушая законодательство, он остается безнаказанным.

Разделение на три базовые категории неспособно охватить все разнообразие человеческой мотивации и возможные типы поведения. Вследствие этого в доктрине данная типология была расширена. Так, сегодня ученые разделяют корыстолюбивый тип на: ситуативный, корыстный, конформистский, самоутверждающийся, патологический, романтический и «революционный».

В зависимости от механизма совершения конкретного коррупционного преступления выделяют личность коррупционного преступника, заключающую коррупционную сделку (взяточничество) и злоупотребляющую (превышающую) властью или служебными полномочиями.

Предложенная типологизация фактически выделяет конкретные виды преступлений, которые совершаются коррупционерами, однако игнорирует или не в полной мере учитывает субъективно-объективные факторы их совершения. Например, личностные установки лица, уровень развития социальных институтов, ситуация в государстве и т. д.

Рассматривая общие черты характера коррупционного преступника как эмоционально-психологическую составляющую его личности, можно выделить такие типы, как инициативный (внеситуативный) – настроенный на извлечение для себя максимальной пользы из занимаемой должности, используя любые средства для достижения цели, чувствуя вседозволенность; конформный – осуществляющий коррупционную деятельность не как желаемое, а как должное, подстраиваясь под установленные принципы организации, в которой занимает должность, не имея определенных мотивов совершения преступления; вынужденный – совершающий коррупционное преступление под влиянием действий третьих лиц, выраженных в уговорах, угрозах и т. д.

Следует отметить, что эмоционально-психологическая составляющая, которая используется в качестве критерия для дифференциации структуры личности, не содержит юридически значимых признаков, лежащих в основе противоправного деяния. Однако такая типологизация посредством выделения наиболее общих черт личности преступника позволяет выявить ключевые мотивы отдельного лица.

Классификация коррупционеров по разным критериям (распространенности, обобщенности и эмоционально-психологическим характеристикам) должна учитываться при осуществлении профилактики

коррупционной преступности с целью более точного воздействия на различные группы преступников. Например, если в основе деяния лежит такой мотив, как корысть, то в качестве меры профилактики может быть установлен механизм прозрачности получения доходов лицом; если в основе лежит престиж лица – снижение к минимуму личных связей и преимуществ репутации служащего. В таком случае создание невыгодных предпосылок для совершения преступления лицом, осуществляющим деятельность с использованием властных полномочий, будет эффективным средством предупреждения коррупционной деятельности.

Костелетская А. А., Тишурова В. С.

ВИКТИМБЛЕЙМИНГ: ЗАСЛУЖИВАЕТ ЛИ ЖЕРТВА ОБВИНЕНИЯ?

Костелетская Анастасия Александровна, Тишурова Вера Сергеевна, студентки 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, nastassia.kost@gmail.com, trubcikvera@gmail.com

Научный руководитель: старший преподаватель Плетенёва Д. А.

Виктимологическая профилактика совершения сексуальных насильственных преступлений требует от криминологов тщательного изучения поведения жертвы подобных девиаций, ее социально-ролевых, социально-демографических, нравственно-психологических и т. п. признаков. Сегодня наукой выделяются наиболее типичные маркеры во внешности и поведении предполагаемых жертв сексуального насилия. Так, типичный психологический портрет жертвы изнасилования выглядит следующим образом: 1) алкогольное и/или наркотическое опьянение; 2) неразборчивость женщины в половых отношениях, установление ею контактов с незнакомыми или малознакомыми мужчинами, а также некритическое восприятие поведения преступника; 3) факт нахождения в безлюдном месте в темное время суток; 4) открытая одежда, откровенное поведение; 5) создание женщиной конфликтной ситуации путем совершения насильственного нападения, нанесение телесных повреждений; 6) дерзость и грубость во взаимоотношениях с окружающими; 7) неблагополучная среда развития. Именно эти отрицательные характеристики, по мнению ряда исследователей, являются провоцирующими в механизме детерминации совершения конкретного преступления, связанного с посягательством на половую неприкосновенность и половую свободу. В связи с этим считаем необходимым обратиться к проблеме «виктимблейминга», которая все чаще поднимается в СМИ и при проведении социологических опросов.

Виктимблейминг, или обвинение жертвы – явление, при котором на жертву преступления возлагают полную или частичную ответственность за совершенное в отношении нее противоправное деяние. Рассматривая случаи изнасилования, можно выделить ряд факторов, которыми совершенное преступление оправдывается. К таковым, например, относятся: провокационное поведение и одежда женщины, неправильная реакция на

посягательство (жертва не кричит и не сопротивляется), неконтролируемое сексуальное желание мужчин.

Но стоит помнить, что акт изнасилования – волеизъявление одного лишь насильника, которое невозможно предугадать, им движет эмоциональный мотив, который необходимо утолить, что и происходит в процессе совершения преступления. Такой мотив проявляется в желании получить либо сопротивление, либо полное смирение жертвы.

Причины совершения сексуальных насильственных преступлений могут варьироваться от помешательства до желания отомстить или наказать жертву. Серийным насильникам присущи аномалии психики, патологические проявления полового влечения. Однако в большинстве случаев такие преступления совершаются людьми, которые не имеют патологических изменений психики. Зачастую они отличаются примитивными интересами, циничным отношением к женщинам, злоупотребляют алкоголем. Что касается несовершеннолетних насильников, при нападении в одиночку они чаще всего посягают на малолетних или несовершеннолетних, а вот при совершении преступлений в группе их жертвами оказываются как несовершеннолетние, так и взрослые женщины, в том числе преклонного возраста. Истинные внутренние чувства ущемленности, повышенной тревоги, крайней восприимчивости по отношению к собственной персоне парадоксально выливаются во внешнюю агрессивность преступника, выражающуюся в чрезвычайной обидчивости, фиксации на личности оскорбившего, намерении подчинить волю другого человека, импульсивности.

Во всем мире стремятся ликвидировать все формы насилия, в том числе и сексуальное. Республика Беларусь выразила приверженность Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 года, где целью 5 является обеспечение гендерного равенства и расширение прав и возможностей всех женщин и девочек. Знаковым стало движение #MeToo. В октябре 2017 г. женщины в социальных сетях рассказали о случаях сексуальных домогательств и насилии, произошедших с ними. Это показало, что женщины подвергались домогательствам в разных местах и при различных обстоятельствах. Еще одной показательной акцией стала выставка кыргызской студентки «What Were You Wearing?», посвященная жертвам насилия. Экспонатами стала одежда людей, переживших сексуальное насилие: футболка и джинсы, школьная форма, детское платье.

Полагаем, что создать портрет предполагаемой жертвы изнасилования нельзя, так как преступником во время совершения преступления движет эмоциональный мотив, сформировавшийся ввиду различных причин, которые зачастую не связаны с поведение или внешним видом жертвы. Именно поэтому жертвой сексуального насилия может стать любой человек вне зависимости от пола, возраста, внутренних качеств, уровня образования и места нахождения. В связи с этим продвижение идей «виктимблейминга» в современном обществе, будет негативно сказываться на виктимологической профилактике насильственных половых преступлений, смещая акцент вины на жертву, а не на преступника.

Михалевич К. И.

РОЛЬ СЕМЬИ В ПРОФИЛАКТИКЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ПРАВОНАРУШЕНИЙ СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Михалевич Карина Ивановна, студентка 2 курса Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, г. Гродно, Беларусь, kapina.2006benq@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Жук М. Г.

Воспитание детей и подростков всегда было сложной задачей. Наше поколение молодежи сталкивается с жестокими жизненными вызовами и значительным душевным стрессом. Молодежь, не нашедшая себя в условиях современной реальности, иногда прибегает к противоправным действиям. Это подчеркивает необходимость в любви и поддержке взрослых, как никогда ранее. На сегодняшний день насилие и преступность являются реальными судьбами конкретных мальчиков и девочек, которые в детстве были добрыми и сострадательными, но, подрастая, начали совершать правонарушения. Все начинается с малого – пропуска уроков. В таком юном возрасте у ребенка много соблазнов, и он может заняться чем-то противоправным, например, хулиганством или воровством.

Актуальность темы подтверждается статистикой. Ежегодно подростки совершают более 145 тысяч преступлений, и практически каждый пятый из них попадает в воспитательные колонии для отбывания наказания.

Современные психологи и педагоги утверждают, что в таком юном возрасте ничто не может заменить семью. Контакт с родителями необходим для полноценного развития ребенка. Как сказал французский государственный деятель Ламартин: «Учитель разума – в школе, учитель души – в кругу семьи».

Семья – это основное социальное учреждение, играющее ключевую роль в формировании личности и установлении жизненных ценностей человека. В современных условиях, когда уровень преступности несовершеннолетних остается высоким, профилактическая роль семьи в предупреждении преступлений и правонарушений становится особенно важной. Семья выполняет функции социального контроля, воспитания и передачи нравственных норм, формирующих поведение ребенка.

К ключевым аспектам, влияющим на формирование личности несовершеннолетнего, относятся:

Эмоциональная поддержка. Родители, проявляющие любовь и внимание, способствуют формированию здоровой самооценки и положительного отношения к другим. Подростки, получающие эмоциональную поддержку в семье, реже становятся конфликтными и вовлекаются в правонарушения.

Психологическая устойчивость. Семья помогает ребенку развивать психологическую устойчивость и способность справляться со стрессом. Поддержка родителей позволяет подросткам более конструктивно решать проблемы, не прибегая к асоциальным действиям.

Передача ценностей и норм поведения. Семейные ценности, такие как уважение к закону, ответственность и уважение к другим людям, помогают ребенку сформировать внутренний моральный ориентир.

Эффективная профилактика преступлений и правонарушений среди несовершеннолетних невозможна без участия государственных органов и общества. Государственные программы социальной поддержки семей, психологическая помощь и просвещение родителей о методах воспитания могут значительно улучшить ситуацию. Социальные службы и образовательные учреждения должны активно взаимодействовать с семьями, выявлять проблемные ситуации на ранних стадиях и предлагать комплексную помощь.

Семья – это важнейший социальный институт, играющий ключевую роль в профилактике преступлений и правонарушений среди несовершеннолетних. Воспитание и формирование личности ребенка зависят от отношений и ценностей, которые закладываются в семье. В условиях растущего уровня преступности среди подростков укрепление института семьи и поддержка родителей должны стать приоритетными задачами государства и общества. Только через сотрудничество семьи и общества можно достичь эффективной профилактики противоправного поведения среди несовершеннолетних и создать условия для безопасного и гармоничного развития молодого поколения.

Паливода Е. В.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ БОРЬБЫ С ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ В ЧАСТИ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ЗАНЯТИЯ СТАТУСА В ПРЕСТУПНОЙ СРЕДЕ

Паливода Екатерина Владимировна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, katyapalivoda04@yandex.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Казак С. В.

Во многих государствах используются разнообразные методы борьбы с организованной преступностью. Особый интерес представляет попытка привлечь лицо к уголовной ответственности за его принадлежность к преступной среде. Рассмотрим опыт Грузии и Российской Федерации по криминализации принадлежности лица к воровскому сообществу.

20 декабря 2005 г. Парламентом Грузии был принят Закон «Об организованной преступности и рэкете», которым законодатель создал широкие возможности для подрыва материально-финансовой базы рэкетиров и воровского сообщества в целом, предоставив возможности для эффективного изъятия имущества, в отношении которого отсутствуют документы или иные доказательства, подтверждающие его получение правомерными средствами. Более того, закон устранил возможность по сохранности материально-финансовых активов в том числе на счетах

близких родственников или иных членов семьи. Вместе с тем данным законом давались легальные дефиниции понятиям «воровское сообщество»; «член воровского сообщества» и «вор в законе», что значительно облегчило применение на практике норм, введенных в Уголовный кодекс Грузии в 2006 г. Данными нормами предусматривалось привлечение к уголовной ответственности за членство в воровском сообществе, а также за пребывание лица в положении «вора в законе».

В последующем обоснованность таких мер признал Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ), принимая решение по делу «Ашлабара против Грузии». В 2007 г. заявитель был осужден за то, что являлся участником «воровского мира» по ч. 1 ст. 223.1 УК Грузии, и ему было назначено наказание в виде лишения свободы сроком на 7 лет. В своей жалобе в ЕСПЧ он указывал в контексте ст. 7 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, что эта норма уголовного закона не была достаточно точной или предсказуемой, чтобы он мог определить для себя, какие именно действия образуют состав преступления. На что ЕСПЧ указал, что наиболее важно то, что ч. 1 ст. 223.1 УК Грузии является частью Закона «О борьбе с организованной преступностью и рэкетом». Статья 3 этого закона достаточно полно разъяснила определения терминов, таких как «воровской мир» и «вор в законе». Взятая во взаимосвязи с этим законом ч. 1 ст. 223.1 УК Грузии, сообщает обычному человеку все необходимые составляющие элементы двух преступлений, относящихся к функционированию «воровского мира». Соответственно, если не через общее знание, то со ссылкой на раздел 3 Закона «О борьбе с организованной преступностью и рэкетом» и при необходимости с помощью адвоката заявитель мог бы легко предвидеть, что его действия будут влечь за собой уголовную ответственность по ч. 1 ст. 223.1 УК Грузии. Таким образом, опыт борьбы с организованной преступностью в Грузии был одобрен авторитетным международным судебным органом.

На достижение подобного результата был ориентирован и российский законодатель, устанавливая повышенную уголовную ответственность лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии.

Федеральным законом от 1 апреля 2019 г. № 46-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности» Уголовный кодекс РФ был дополнен ст. 210.1, предусматривающей уголовную ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии. Несмотря на сходство формулировок, содержащихся в Уголовном кодексе Грузии и Уголовном кодексе Российской Федерации, правоприменительная практика в РФ оказалась не такой успешной по следующим причинам: ст. 210.1 УК РФ содержит оценочные понятия, которые не имеют легальных дефиниций; преступление не пресекается задержанием и вынесением приговора; российским законодателем не приняты иные меры, которые бы поспособствовали

прекращению подобной деятельности в будущем и которые бы стали основанием для добровольного отказа от занимаемого положения.

Таким образом, полагаем, что законодателю Российской Федерации стоит пересмотреть общую политику борьбы с организованной преступностью и более глубинно подойти к решению данной проблемы, не ограничиваясь формальным установлением новых норм в УК РФ.

Рыбинская А. Е.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ ДИПФЕЙКА

Рыбинская Арина Евгеньевна, студентка 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, ashrin069@gmail.com

Научный руководитель: старший преподаватель Верховодко И. И.

Информация – сведения о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах независимо от формы их представления, согласно Закону Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации» (ст. 1). Исходя из приведенного определения, можно сделать вывод, что фото-, видеоматериалы и звукозаписи входят в понятие «информация». А это дает нам право обращаться к главе 31 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) в случаях неправомерного ее использования.

В 2017 г. исследователи из Университета Вашингтона разработали нейросеть, способную генерировать видеоматериалы с участием бывшего президента США Барака Обамы в рамках проекта «Синтезируя Обаму». Данный проект продемонстрировал возможность синтеза видео, в котором Б. Обама произносит заранее заданные тексты, при этом губы артикулируют соответствующие слова.

Университет Стэнфорда также внес свой вклад в данную область, представив программу Face2Face, которая в режиме реального времени анализировала мимику одного человека и переносила ее на лицо другого.

Дипфейки – видео, изображения или аудиозаписи, в которых с помощью искусственного интеллекта, машинного обучения создается гиперреалистичный, но поддельный контент. Используя нейронные сети, алгоритмы дипфейков могут изменять внешность и голос людей, заставляя их изображения, голоса, говорить или делать то, чего они никогда не делали.

Современные технологии дипфейков основаны на использовании двух генеративно-состязательных нейронных сетей. Первая часть алгоритма собирает обширный набор фотографий и видеоматериалов с целевым объектом, чтобы создать маску, которая будет наложена на лицо человека на фото или видео. Для достижения высокого качества результат требует анализа мимики и черт лица объекта в различных ракурсах и условиях освещения. Затем, после создания маски активируется вторая часть алгоритма, задача которой заключается в критическом анализе продукта на наличие неточностей и несоответствий, после чего она возвращает его на

доработку первой сети. Дипфейк считается завершенным только тогда, когда вторая сеть не в состоянии отличить подделку от оригинала.

Несмотря на то, что данная технология первоначально разрабатывалась с целью использования ее в сфере развлечений, таких как кино и видеоигры, в последнее время она вызывает значительное беспокойство среди экспертов в области кибербезопасности в связи с возможностями ее неправомерного применения.

Подделки в виде дипфейков могут использоваться для распространения дезинформации или фальшивых новостей, опубликования смоделированных фото человека, создания фальшивых порнографических или иных дискредитирующих материалов.

В последнее время особую популярностью среди кибермошенников приобрел звуковой дипфейк. Он заключается в получении записи голоса настоящего человека, который в дальнейшем, после некоторых неправомерных махинаций, преобразуется в озвученный данным голосом текст, сгенерированный мошенниками, и используется ими для совершения преступлений. В связи с этим распространение дипфейков вызывает во всем мире обеспокоенность их влиянием на отдельных людей, организации и общество в целом.

На ранних стадиях развития данного явления можно предвидеть потенциальные проблемы, которые могут возникнуть в результате использования дипфейков. Например, мы можем говорить о психологических аспектах манипуляции: дипфейки используют когнитивные искажения, такие как доверие к авторитету и эффект подлинности.

Известен, так называемый, «эффект доктора Фокса», который предполагает, что люди склонны доверять информации, исходящей от известных личностей или авторитетных источников. Дипфейки могут выступать как подделки, которые выглядят достаточно правдоподобно. Это происходит для того, чтобы обмануть жертву и вызвать у нее чувство доверия. Это явление также описывал психолог Р. Чалдини как «теорию социального доказательства», где поведение и мнения других влияют на восприятие индивидом ситуации.

Кроме того, дипфейки могут быть использованы с целью создания компрометирующих материалов, что, в свою очередь, может привести к подрыву репутации жертв манипуляций. Данное явление может быть рассмотрено также в контексте феномена, где агрессоры используют технологии для унижения и запугивания жертв. Компрометирующие фото- и видеоматериалы могут быть распространены в социальных сетях, что приведет к серьезным личным и профессиональным негативным последствиям для жертвы и демонстрирует общественную опасность рассматриваемого явления.

Харужик А. С.

О ПОНИМАНИИ КАТЕГОРИИ «ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КРИМИНОЛОГИИ

Харужик Анастасия Сергеевна, студентка 4 курса юридического факультета Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, nastya.kharuzhik@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Казак С. В.

Проблема личности преступника является одной из традиционных в отечественной и зарубежной криминологии, однако вместе с тем и одной из наиболее сложных. Значимость ее исследования состоит в первую очередь в том, что преступление как акт волеизъявления во многом зависит от личностных характеристик и особенностей.

Несмотря на объективную необходимость существования и комплексного изучения категории «личность преступника» по сей день криминологи, в частности Я. И. Гилинский, убеждены в том, что личности преступника вовсе не существует, ввиду отсутствия у нее каких-либо специфических особенностей и черт, отличающих личность преступника от обычного законопослушного гражданина.

Ю. В. Голик, к примеру, утверждает: «Право и нравственность – продукты творчества человека, в природе их нет, как нет и преступления». Следовательно, не существует и преступников, в которых исследователи ищут нечто особенное, криминальное, что не свойственно «непреступнику». Выходит, все это действительно является выдумкой: «...Преступления порождаются уголовным законом, который сочиняют люди. Преступность не существует в природе, это выдумка людей». Но если исходить из такого рода утверждений ученых, тогда все рассуждения о личности преступника теряют смысл: нет преступления – нет преступника.

Считаем возможным придерживаться на данном этапе позиции Ю. М. Антоняна, который определяет личность преступника как «личность человека, который совершил преступление вследствие присущих ему психологических особенностей, антиобщественных взглядов, отрицательного отношения к нравственным ценностям и выбора общественно опасного пути для удовлетворения необходимой активности в предотвращении отрицательного результата».

Отметим, что необходимо разделять категории «личность преступника» и «преступная личность». Представляется, что если личность преступника обладает большей или меньшей склонностью к совершению преступления, большей или меньшей криминогенностью, то «преступной личностью» является не каждый преступник.

Понятие «преступная личность» в отечественной криминологии практически не употребляется. Данное понятие отторгается ввиду своей научной необоснованности. Некоторые предлагают употреблять понятие «личность человека, совершившего преступление». Последнее понятие более

адекватно требованиям права и законности, но оно ситуативно и лишает нас пролонгированного изучения допреступного и постпреступного состояния личности. А ведь криминогенные черты личности человека проявляются в своем большинстве не с совершением преступления и не исчезают со снятием с лица судимости.

На наш взгляд, в последнее время актуализировалась проблема явного обезличивания личности преступника, в связи с чем появилась необходимость возвращения личности в центр криминологической и уголовно-правовой проблематики. Задача глубокого изучения криминологических особенностей категории «личность преступника» стоит в первую очередь в сфере борьбы с преступностью. Исключительно правильное ее понимание, взвешенная оценка ее роли в совершенном преступлении крайне важны для уголовной политики. На сегодняшний день наблюдается ситуация, когда личность преступника оценивается не более чем механически с точки зрения характера и степени тяжести совершенного преступления. При этом недостаточно выясняются обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, его прошлый опыт, однако такие обстоятельства имеют существенное значение при назначении соразмерного наказания согласно принципу индивидуализации уголовной ответственности.

Подводя итог вышесказанному, можно определить, что понятие личности преступника выражает его социальную сущность, сложный комплекс характеризующих его свойств, связей, отношений, его нравственный и духовный мир. Личность преступника – основное звено в механизме преступного поведения. Существование, детальное изучение криминологических особенностей личности преступника, учет их на практике является объективной необходимостью для действия успешной уголовной политики.

Цейко Я. А.

СОВЕРШЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНЫХ ДЕЯНИЙ ПОД ВЛИЯНИЕМ ГИПНОЗА

Цейко Яна Анатольевна, студентка 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, yana_tseyko@mail.ru

Научный руководитель: старший преподаватель Верховодко И. И.

Изучая механизмы работы головного мозга и всего организма человека, наука постоянно разрабатывает новые методы управления личностью, в том числе и гипнотические. Однако эти достижения не всегда используются для благих целей, и в современном мире все чаще становятся орудием в руках преступника.

Применение гипноза вызывает ряд как этических, так и юридических вопросов. Стоит отметить, что в некоторых странах применение гипноза законодательно регламентировано. Например, в Израиле действует Закон об использовании гипноза 1984 г., согласно которому исключительно врачи,

сдавшие экзамен по гипнотерапии и получившие лицензию, вправе практиковать, а также запрещается проводить «гипноз ради развлечения». Отдельные государства (Республика Беларусь, Российская Федерация) рассматривают гипнотерапию в качестве одного из способов лечения нервно-психических расстройств, но сфера применения гипноза четко не сформулирована. Отсутствие в специальном законодательстве четкой регламентации применения гипноза и последствий его воздействия затрудняет квалификацию общественно опасных деяний, совершенных в гипнотическом состоянии.

В Республике Беларусь нормативное определение гипноза закреплено лишь в технических нормативных правовых актах (например, в образовательных стандартах переподготовки отдельных специалистов), из которых следует, что лишь врачи-психотерапевты и врачи-психологи, прошедшие специализированное обучение, имеют право заниматься гипнозом, при этом исключительно в лечебных целях.

Так, с медицинской точки зрения под гипнозом следует понимать метод суггестивной психотерапии (в основе – внушение), направленный на снятие эмоциональных невротических симптомов, нормализацию психического состояния в кризисные периоды, после воздействия психических травм и других невротических расстройств.

По мнению Л. В. Седых, криминальный гипноз представляет собой измененное состояние сознания, которое возникло в результате целенаправленного воздействия на психику лица, сопровождалось гипнотическими феноменами (искажением восприятия времени, положительными и отрицательными галлюцинациями, амнезией, постгипнотическими внушениями и др.) и применялось в преступных целях.

Таким образом, гипноз – это серьезное вмешательство в подсознание человека и потому может стать «удобным средством» как для совершения преступления в отношении лица, находящегося под влиянием гипноза, так и внушения загипнотизированному лицу необходимости совершения общественно опасного деяния непосредственно им самим.

В практике правоохранительных органов фигурировал, так называемый, "цыганский гипноз", при котором человек находится в состоянии бодрствования, но его внимание ограничено, что позволяет воспринимать информацию почти без критического анализа. Человек может выполнять внешне осмысленные действия, не осознавая при этом, что находится под воздействием внушения. Иными словами, в такой ситуации активируется эмоциональное реагирование, а рациональное мышление отключается; акцент делается не на расслаблении, а на перегрузке сенсорной системы, что вводит человека в состояние стресса. Схожее воздействие применяется и при «телефонном» и Интернет-мошенничествах.

Указанные ситуации требуют качественной правовой оценки. Поскольку лицо использует гипноз для управления поведением другого человека с целью достижения своей преступной цели, то ключевая угроза обществу исходит именно от гипнотизера и общественную опасность образует именно

его деяние, а не поведение самого используемого лица. Соответственно, лицо, применившее гипноз, становится субъектом преступления, а лицо, ставшее объектом гипнотического воздействия, по сути, является потерпевшим и должно быть защищено.

Однако уголовное законодательство по-прежнему недостаточно оценивает влияние гипноза на психику и поведение человека. По нашему мнению, гипнотическое воздействие необходимо рассматривать как вид психического насилия, а соответственно, как способ принуждения другого лица к участию в преступлении, поскольку это способ воздействия на подсознание человека, в результате которого происходит ослабление сознательного контроля по отношению к воспринимаемой информации, т. е. осуществляется информационное воздействие на психику.

По этой причине лицо, сознание которого находится в таком подавленном состоянии в момент совершения преступления, не должно нести ответственность за преступления, но только в том случае, если оно не знало о готовящемся преступлении, не желало быть подвергнутым гипнотическому воздействию для таких целей, не могло сопротивляться внушению и (или) не имело возможности полностью руководить своими действиями. В такой ситуации лицо, которое путем гипноза доводит другое лицо до состояния «неполного сознания», при котором человек совершает общественно опасное деяние, должно подлежать уголовной ответственности в качестве исполнителя.

В целях повышения определенности правового регулирования данного вопроса считаем возможным включение в Уголовный кодекс (УК) Республики Беларусь в перечень обстоятельств, исключающих преступность деяния, физическое и психическое принуждение (в том числе гипноз), в результате которого лицо не могло руководить своим поведением (как, например, в ст. 45 УК Республики Армения, ст. 37 УК Республики Казахстан, ст. 48 УК Кыргызской Республики, ст. 40 УК Российской Федерации, ст. 122-2 УК Франции). В случае, если подобная возможность присутствовала, такое принуждение, по аналогии с зарубежным законодательством, можно рассматривать по правилам крайней необходимости.

Цуба Е. В.

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ НЕВМЕНЯЕМОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Цуба Елизавета Владимировна, студентка 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, elizavetatsuba@gmai.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Казак С. В.

Считается, что институт вменяемости является фундаментальным при исследовании субъективной стороны преступления, ведь он не только позволяет дать четкую и квалификацию общественно опасному деянию, но и отражает правовой уровень развития уголовного права государства. По этой

причине представляется необходимым предложить к уточнению некоторые аспекты сущности невменяемости и ее урегулирования. Об актуальности проблемы свидетельствует и опубликованное постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28 марта 2013 г. «О практике применения судами принудительных мер безопасности и лечения в уголовном судопроизводстве», в котором утверждается важность определения степени опасности лица для окружающих, характер его психического заболевания (расстройства), а также дополняются некоторые моменты по процессуальным нюансам и применения мер принудительного лечения к лицам, страдающим психическими расстройствами.

Как известно, понятие вменяемости в Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее – УК) отсутствует. Как правило, в юридической литературе ему и не дают четкую дефиницию, а лишь представляют как понятие, диаметрально противоположное термину невменяемость. Приведем понятие невменяемости, содержащееся в УК: «Не подлежит уголовной ответственности лицо, которое во время совершения общественно опасного деяния находилось в состоянии невменяемости, то есть не могло сознавать фактический характер и общественную опасность своего действия (бездействия) или руководить им вследствие психического расстройства (заболевания)». Данный подход, предполагающий определение вменяемости только через слово, противоположное по семантике термину «невменяемость», имеет место быть, так как вменяемость является настолько субъективным и абстрактным феноменом, что даже предположить критерии, по которым с легкостью и без дополнительной экспертизы и медицинского освидетельствования можно определить степень вменяемости абсолютно любого субъекта, будет совсем непросто.

Рассмотрение понятия невменяемости позволяет выделить два основных аспекта, по которым определяется состояние лица: это способности лица сознавать свои действия (интеллектуальный признак) и руководить ими (волевой признак). В совокупности эти два признака образуют юридический критерий невменяемости. Существует еще один немаловажный критерий – медицинский. Однако некоторые исследователи считают, что именно медицинский критерий предполагает наличие юридического: именно при психическом расстройстве лицо не способно сознавать свои действия и руководить ими. Тут же представляется и диаметрально противоположное утверждение: даже имея психическое расстройство, лицо может осознавать свои действия и руководить ими в моменты проблесков ясного сознания.

Существует еще один достаточно неординарный взгляд (А. В. Рагулина, О. С. Капинус, Г. В. Назаренко) на определение критериев вменяемости, который называется темпоральным. Он предполагает совпадение медицинского и юридического критериев во время совершения общественно опасного деяния.

Один из самых ярких случаев в мировой судебной практике, когда обвиняемый признавался психически нездоровым и к нему применялись меры принудительного лечения вместо достаточно сурового наказания,

отражен в книге Дэниела Киза «Таинственная история Билли Миллигана». В основу данного произведения положена реальная история американского гражданина. Данный молодой человек совершал вооруженные ограбления и изнасилования под руководством, как оказалось позднее, некоторых своих личностей.

Описанная ситуация вызвала широкий общественный резонанс. Причем некоторые исследования врачей, также наблюдающих за ходом ведения дела, утверждали, что такого субъекта преступления все-таки можно признать вменяемым. Возникают следующие вопросы: как избежать ошибки в столь важном деле и как приблизиться к истине? Например, использование новейших технологий, таких как нейро-имиджинг, для анализа активности мозга и выявления отклонений, могут свидетельствовать о нарушении вменяемости.

Ярчайшим примером попытки избежать наказания за подобное является организованная преступная группировка «Цапковские», члены которой занимались тем, что убивали неугодных людей, грабили и жгли их дома. Когда же они предстали перед судом, то члены банды хотели притвориться невменяемыми, чтобы избежать наказания за свои преступления.

Таким образом, безусловно, любой институт уголовного права заслуживает комплексного, внимательного и тщательного рассмотрения. Данное утверждение имеет отношение и к рассматриваему институту. Невменяемость определяет опасность человека для окружающих и его самого, а также подвергает его лечению в необходимых случаях. Как видим, институты уголовного права требуют совершенствования, в том числе внимания заслуживает и медицинский критерий, рассмотренный в данной работе.

Шалайда И. О.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЦА, ВООРУЖЕННОГО ОГНЕСТРЕЛЬНЫМ ОРУЖИЕМ, КАК СУБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Шалайда Илья Олегович, студент 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, shalaida.9@mail.ru

Научный руководитель: старший преподаватель Плетенёва Д. А.

С применением огнестрельного оружия совершаются, как правило, тяжкие и особо тяжкие преступления. Изучение криминологических особенностей преступников, вооруженных огнестрельным оружием (далее – вооруженных преступников), необходимо для разработки эффективных мер профилактики и борьбы с преступностью.

Психологическая установка вооруженных преступников направлена на преступные формы поведения, для них характерно безразличие к закону и правопорядку, антисоциальный образ жизни. Особенностью вооруженных преступников является внутренняя насильственная составляющая. Готовность к применению вооруженного насилия их как лиц жестоких и

безжалостных. Жестокость же является следствием агрессии, присущей вооруженному преступнику. Используя оружие, такое лицо действует более дерзко, так как чувствует себя увереннее. Наличие оружия дает явное преимущество перед жертвой, так как агрессивное поведение преступника, угрозы и вид оружия действуют парализующе.

При совершении преступления могут иметь место две ситуации: способ совершения преступления определяется характером и эффективностью имеющегося оружия; способ совершения преступления определяет характер приискиваемого оружия, более подходящего к способу, обстановке совершения преступления и личным умениям преступника.

Огнестрельное оружие в большинстве случаев применяется преступником для устрашения потерпевших, в то же время при помощи холодного оружия чаще причиняется фактический вред жизни и здоровью. В связи с этим высказывается мнение об отсутствии прямой корреляции между боевыми свойствами оружия и тяжестью последствий, наступивших для пострадавшего. Это объясняется расчетом преступника при использовании более действенного оружия на устрашение и психологическую парализацию, а не реальное его применение. Исключение из этого тезиса составляют убийства. Огнестрельное оружие оказывает больший психологический эффект, чем холодное. Выбор типа используемого оружия взаимосвязано с психологическим настроем преступника на достижение успеха в совершении преступления. Чем более опасен замысел, тем более эффективным должно быть оружие. Кроме того, применение оружия позволяет преступнику психологически дистанцироваться от непосредственного контакта с жертвой, ограждая его от сопереживания и осознания причиняемого вреда. Это способствует эмоциональному отчуждению от травмирующей ситуации и смягчает психотравмирующее воздействие совершаемого преступления на психику.

Традиционно лиц, совершающих преступления с применением огнестрельного оружия, подразделяют на типы в зависимости их уровня развития умений и навыков, связанных с применением огнестрельного оружия: профессионалов, злостных вооруженных преступников и спонтанно-ситуативных вооруженных преступников.

Профессиональный тип вооруженного преступника характеризуют выработанные навыки обращения с оружием, которые предполагают способность быстро извлекать оружие, производить точные выстрелы, ремонтировать и настраивать оружие. Кроме того, они зачастую умеют работать с взрывчатыми веществами и создавать взрывные устройства. Профессионалы тщательно планируют совершаемые ими преступления. Преступники этого типа совершают преступления в одиночку или в организованной группе. Злостных вооруженных преступников характеризует наличие у них умений в обращении с оружием и лишь некоторых навыков. Со временем указанный тип может развивать свои навыки и использовать уже более характерное для профессионального типа оружие. Такие преступники проявляют агрессию, для достижения собственных целей

применяют насилие, в том числе вооруженное, бывают жестоки и грубы. Спонтанно-ситуативные вооруженные преступники совершают преступления в ходе бытовых конфликтов. Для этого типа характерно внезапное возникновение умысла. Для спонтанно-ситуативных преступников характерно отсутствие навыков в обращении с оружием, а умения зачастую минимальны. Данный тип отличается от остальных более низким интеллектом, в том числе эмоциональным, и ощущением окружающего мира как враждебного их личности, что приводит к вспышкам гнева или раздражения при любых конфликтах.

Таким образом, применение огнестрельного оружия связано с проявлением агрессии, что делает вооруженных преступников особенно опасными. Они часто используют оружие в качестве средства устрашения, что подчеркивает психологическую составляющую их преступной деятельности.

Шустерман К. А.

О БЫТОВОМ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВЕ КАК ОСНОВЕ КОРРУПЦИОННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Шустерман Ксения Андреевна, курсант 3 курса уголовно-исполнительного факультета Академии МВД Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь, int@amia.by

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Тит А. А.

Коррупция в различных сферах общественной жизни стало одним из негативных перманентных явлений современности. Взяточничество, а особенно бытовое взяточничество является одним из наиболее опасных видов проявлений коррупционного поведения.

Статистические данные о коррупционной преступности в Республике Беларусь за 2023 год показывают рост данного вида преступности. Если в 2022 г. зарегистрировано 1076 коррупционных преступлений, то в 2023 г. – 1253, где большую часть (673) составляют факты взяточничества и существенный объем из указанных фактов занимают преступления, относящиеся к группе бытового взяточничества.

Прежде чем рассуждать об опасности конкретно этой категории преступлений, а также о необходимости выработки мер предупредительного характера, необходимо уточнить, что же следует понимать под дефиницией «бытовое взяточничество». Под бытовым взяточничеством подразумевается совершение преступных деяний, квалифицируемых, как правило, по ч. 1 и 2 ст. 430 Уголовного кодекса Республики Беларусь, как и совершение указанных деяний в результате взаимодействия рядовых граждан и чиновников. Проявления бытовой коррупции встречаются в сфере получения образования, медицинских услуг, реализации правоохранительной деятельности, строительства и т. д.

Говоря о бытовом взяточничестве необходимо отметить, что одним из наиболее опасных свойств коррупционной преступности является высокий

уровень латентности, присущий указанному негативному социальному явлению. Показанное выше количество выявленных преступлений не обязательно свидетельствует о росте коррупционной преступности, скорее о большем выявлении незарегистрированных фактов взяточничества, т. е. фактов, не попавших в уголовную статистику. Возможно, причиной роста зарегистрированных фактов взяточничества стала работа правоохранительного блока государства, направленная на их выявление.

Помимо вышесказанного, опасность бытового взяточничества состоит в изменении правосознаня граждан, сталкивающихся с его проявлениями, а именно в деформации у них границ морали и законности. Таким образом, у граждан, приученных решать свои личные жизненные проблемы посредством дачи взятки, прививается иллюзия возможностей решения проблем простыми способами, которые позволяют обходить требования законодательства. В свою очередь, у лиц, которые берут взятки, формируется модель корыстного использования своего служебного положения, подменяющая модель выполнения должностных обязанностей, направленных на выполнение государственных задач.

Бытовое взяточничество может послужить основой совершения более тяжких коррупционных преступлений и значительно повышает число граждан, вовлеченных в коррупционные отношения.

Сказанное обусловливает необходимость понимания проблемы предупреждения бытового взяточничества. Криминологи считают проявления преступного поведения следствием сложившегося уровня общественных отношений. Общественные отношения формируют своеобразный социолого-культурный климат, в котором осуществляется взаимодействие членов общества. В процессе этого взаимодействия выстраиваются социальные связи и формируются общественные отношения. Иными словами, проблема предупреждения бытового взяточничества является проблемой комплексного характера. Данная комплексность состоит из большого числа взаимосвязанных элементов. В научном сообществе существует практически единое мнение о социальной обусловленности существования коррупции.

В связи с этим для выявления детерминант существования коррупции и взяточничества необходимо в том числе определение взаимосвязи, содержащейся в обществе и общественных отношениях. Таким образом, для выработки мер, направленных на предупреждение бытового взяточничества, на первый план выходит необходимость анализа личности лица, совершающего рассматриваемую группу преступлений. Указанный шаг позволит выявить характерные для рассматриваемой группы лиц признаки, имеющие значение в выработке мер предупредительного характера бытового взяточничества. Именно поэтому, только познав, что движет людьми, вовлекаемыми в бытовые коррупционные правоотношения, когда, с какого момента начинается криминализация преступников-коррупционеров, а также выявив признаки личности, присущие рассматриваемой категории лиц, можно говорить о предупреждении бытового взяточничества, что облегчит борьбу с коррупционной преступностью в целом.

Таким образом, бытовое взяточничество является одним из наиболее распространенных и наиболее опасных проявлений коррупции, именно поэтому изучение указанного вида коррупционной деятельности становится одним из начальных и первостепенных условий для предупреждения коррупционной преступности.

Эйсмонт Е. А.

КУЛЬТУРНЫЙ КОД СЕКСУАЛЬНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ: КАК ОБЩЕСТВО СПОСОБСТВУЕТ ФОРМИРОВАНИЮ ЛИЧНОСТИ ПЕДОФИЛА

Эйсмонт Елизавета Андреевна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, transversemint@gmail.com

Научный руководитель: старший преподаватель Плетенёва Д. А.

Что влияет на состояние преступности в мире? Какие факторы формируют криминогенную среду? В отношении умышленного лишения жизни статистика укажет на корысть, аффект или состояние алкогольного, наркотического или токсического опьянения. Вряд ли культура или менталитет послужат объяснением совершению убийств. Однако в контексте сексуальных преступлений существует связь с определенным «культурным кодом», популярные образы массовой культуры являются своеобразным мерилом одобряемого поведения в обществе. Особое положение в глобальном медиа-поле занимает концепция «девочки-женщины».

Концепция «девочки-женщины» отражает специфику образа несовершеннолетних и совершеннолетних представительниц женского пола и искажения, возникающие в процессе развития данного образа в массовой культуре. «Девочку» со свойственными детям неопытностью и наивностью наделяют качествами юной обольстительницы, а детский и подростковый бунт мотивируют вести себя, казаться и одеваться «старше», культ взрослости подталкивает неокрепшую детскую психику к самосексуализации. «Женщина» же должна обладать гладкой кожей без морщин и растяжек, быть стройной, хрупкой, юной, с кротким характером и тонким голосом, чтобы считаться привлекательной. Обложки журналов, женские форумы, реклама в соцсетях пестрят призывами сесть на диету, чтобы муж не ушел, курсами, как стать настоящей женщиной, или секретами красоты, чтобы выглядеть всегда на 17 лет. Таким образом, мы получаем плавно укрепляющуюся в общественном сознании идею о том, что девочка – это женщина в миниатюре, а привлекательная женщина – это взрослая девочка. Первое невозможно ввиду уровня психического развития, второе нереально в силу объективных процессов старения.

«Это ведь просто маркетинг, мы вот не поддаемся его влиянию, и вообще не все так страшно» – может ответить публика. Однако именно в таком отношении и заключается проблема. Согласно последним

исследованиям большинство людей в обществе не может в полной мере осознать существование педофилии и даже глубоко заблуждается в разграничении «педофилов» и «сексуальных насильников детей». Педофил как лицо с психическим расстройством представляется чуть ли не монстром и очень активно осуждается обществом. Такое отношение общества к педофилам достаточно простое и неукоснительное и не позволяет в полной мере понять феномен «педофила». Такого рода убеждения зачастую вызывают страх у педофилов перед обозначением своей проблемы, получением квалифицированной психиатрической помощи и повышают латентность.

Глобализация в распространении информации и определенная анонимность, которая существует в Интернете, позволяет педофилам и иным людям с сексуальными отклонениями гораздо быстрее получать материалы, которые способствуют формированию их девиантной личности. Отследить подобное поведение, пока оно не достигло точки невозврата, бывает довольно сложно. Глобальная сеть Интернет содержит массу фото- и видеоматериалов с участием несовершеннолетних девочек, где в комментариях взрослые мужчины пишут о сексуальном возбуждении, которое у них вызвал просмотр такого медиа. Порно-индустрия процветает за счет контента с участием девушек с детской внешностью, фетишизации образа школьницы, дочери, младшей сестры, а в отдельных случаях и материалов с участием несовершеннолетних. Человек с нездоровым желанием в отношении детей может с фейковых аккаунтов связываться с потенциальными жертвами и манипулировать ими для получения сексуального удовлетворения. Существуют даже платформы, где педофил может найти себе подобных и обменяться опытом, как лучше налаживать контакт с детьми и не попадаться на глаза правоохранительным органам.

Данная проблема, по нашему мнению, требует принятия мер по повышению безопасности несовершеннолетних. И в качестве ключевой цели выступает просвещение родителей и детей по вопросам опасностей в Интернете и в реальной жизни и установления доверительных отношений между родителями и детьми. Возможным способом предупреждения сексуального насилия в отношении детей является также создание системы быстрого реагирования, позволяющей ребенку при возникновении небезопасной ситуации обратиться к квалифицированным психологам, которые смогут проинструктировать ребенка о надлежащем порядке действий и оперативно уведомить правоохранительные органы. Несмотря на то, что педофилию как явление невозможно полностью искоренить, мы должны продолжать работать не покладая рук ради безопасности и будущего наших детей, братьев и сестер, поскольку дорогу осилит идущий.

Азаренко А. О.

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИНУЖДЕНИЯ К ДАЧЕ ОРГАНОВ ИЛИ ТКАНЕЙ ДЛЯ ТРАНСПЛАНТАЦИИ

Азаренко Алиса Олеговна, студентка 3 курса Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь, azarenko.alisa2018@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Реутская Е. А.

Трансплантация органов и тканей является одним из важнейших достижений современной медицины, способным спасти тысячи жизней ежегодно. Однако, наряду с благородными целями и успехами медицины, эта сфера сталкивается с серьезными угрозами и преступлениями, которые подрывают доверие общества и нарушают базовые права человека.

В настоящее время Республика Беларусь добилась определенных успехов в области трансплантации органов или тканей человека путем внедрения инновационных технологий и научных разработок. Однако следует помнить о том, что все общественные отношения в пределах государства взаимосвязаны, на основании чего совершенствование одной сферы деятельности влечет изменения и в другой, зачастую приводя к дисбалансу и рассогласованности правовых норм, в том числе и в сфере трансплантологии.

Обращаясь к исследованию законодательных проблем в сфере трансплантологии, отметим, что преступления в сфере трансплантации органов и тканей представляют собой действия, которые нарушают правовые нормы и процедуры, регулирующие процессы донорства, изъятия и пересадки органов, а также защиты прав донора и реципиента. Именно уголовное законодательство с помощью закрепления разных норм в той или иной степени обеспечивает защиту прав «жертв» незаконной трансплантации. Несмотря на это, существует определенное количество законодательных пробелов, влекущих многочисленные ошибки в области правоприменения.

Так, обратимся к проблемным вопросам принуждения к даче органов или тканей для трансплантации (ст. 163 Уголовного кодекса Республики Беларусь). Немногочисленные примеры правоприменительной практики свидетельствуют о необходимости уделить особое внимание существующим проблемам квалификации действий, предусмотренных указанной статьей.

Первым проблемным вопросом отметим коллизию в диспозиции ст. 163 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК), связанную с предметами трансплантации. Перечень органов и тканей, которые подлежат трансплантации можно найти в постановлении Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 29.08.2012 № 134 «О некоторых вопросах трансплантации органов и тканей человека». Так, исходя из вышеуказанного

постановления, подлежат трансплантации сердце, легкое, костный мозг, печень (ее части), почки, роговица, трахея, сухожилия и другие объекты. Однако в утвержденном перечне нет указаний на органы и их части, имеющие отношение к процессу воспроизводства человека, включающие в себя репродуктивные ткани (яйцеклетку, яичники и т. д.), а также кровь и ее компоненты.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что принуждение лица к сдаче крови, иных физиологических жидкостей, а также даче согласия на изъятие органов и их частей, имеющих отношение к процессу воспроизводства человека, включающих в себя репродуктивные ткани, выходит за рамки состава преступления, указанного в ст. 163 УК.

Обратившись к нормам Закона Республики Беларусь от 04.03.1997 № 28-З «О трансплантации органов и тканей человека», отметим, что одним из обязательных условий забора органов или тканей у живого донора является наличие его согласия, выраженного в письменной форме. Соотнеся положения вышеуказанного закона с уголовно-правовой регламентацией анализируемой статьи, можно найти отличие, связанное с отсутствием слова «согласие». Таким образом, более правильной формулировкой ст. 163 УК будет считаться «принуждение к даче согласия» чем «принуждение к даче органов или тканей».

Другая проблема положения ст. 163 УК кроется в указании цели принуждения. Конкретизация цели будет препятствовать квалификации действий тех лиц, которые использовали органы и ткани человека не только для трансплантации, но и в иных целях (проведение научных исследований, экспериментов, разработка, изготовление лекарственных препаратов и т. п.) по ст. 163 УК.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что преступления в сфере трансплантации органов и тканей представляют собой серьезную угрозу для общественных отношений в сфере жизни и здоровья, а также медицинской системы. Борьба с этими преступлениями требует скоординированных усилий на национальном и международном уровнях. Немногочисленные примеры правоприменительной практики свидетельствуют о необходимости уделить особое внимание существующим проблемам квалификации действий, предусмотренных ст. 163 Уголовного кодекса Республики Беларусь. Полагаем обоснованным изменить название ст. 163 УК «Принуждение к даче органов или тканей для трансплантации» на «Принуждение к даче согласия на изъятие органов или тканей» с одновременным расширением предметов трансплантации за счет органов и их частей, имеющих отношение к процессу воспроизводства человека, крови и ее компонентов.

Аземша И. С.

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ УГОЛОВНЫХ И АДМИНИСТРАТИВНЫХ ДЕЛИКТОВ, СВЯЗАННЫХ С ЛЕГАЛИЗАЦИЕЙ ДОХОДОВ, ПОЛУЧЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ

Аземша Иван Сергеевич, аспирант юридического факультета Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь,
i.s_azemsha@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Дубко М. А.

Анализ законодательства Республики Беларусь, устанавливающего меры, направленные на противодействие легализации доходов, полученных преступным путем, свидетельствует о наличии ряда проблемных аспектов в части определения уголовной и административной ответственности за нарушения названного законодательства.

Закон Республики Беларусь от 30 июня 2014 г. № 165-З «О мерах по предотвращению легализации доходов, полученных преступным путем, финансирования террористической деятельности и финансирования распространения оружия массового поражения» (далее – Закон) закрепляет комплекс мер по предотвращению легализации доходов, полученных преступным путем.

Ответственность за невыполнение указанных мер установлена ч. 1 ст. 12.23 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП), которая предполагает в качестве субъектов административной ответственность: должностных лиц, индивидуальных предпринимателей и юридических лиц.

При этом ст. 12.28 КоАП закрепляет административную ответственность юридических лиц за совершение ими финансовой операции со средствами, полученными заведомо для должностного лица этого юридического лица преступным путем, повлекшее придание правомерного вида владению, пользованию или распоряжению указанными средствами.

Заметим, что абз. 8 ч. 1 ст. 1 Закона определяет доходы, полученные преступным путем, как средства, полученные в результате совершения преступления, а равно доход, полученный от использования указанных средств.

Исходя из наименований ст. 235 «Легализация (“отмывание”) средств, полученных преступным путем» Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) и ст. 12.28 «Совершение финансовой операции, повлекшей легализацию доходов, полученных преступным путем» КоАП, последние предусматривают ответственность за «легализацию (“отмывание”) средств, полученных преступным путем» и за «совершение финансовой операции, повлекшей легализацию доходов, полученных преступным путем», соответственно. Однако содержание объективной стороны указанных составов идентично, поскольку предусматривает ответственность только за совершение действий со средствами, полученными преступным путем.

Учитывая определение, указанное в абз. 8 ч. 1 ст. 1 Закона, возможно сделать вывод о том, что на сегодняшний день в законодательстве не закреплена ответственность за легализацию доходов, полученных от использования преступных средств.

Кроме того, в отличие от составов преступлений, предусмотренных ст. 235 УК, состав ст. 12.28 КоАП не содержит цели совершения административного правонарушения: утаивания или искажения происхождения, местонахождения, размещения, движения или действительной принадлежности средств, полученных заведомо преступным путем. Отсутствие цели совершения административного правонарушения обусловлено особенностями ответственности юридических лиц, отраженной в ч. 2 ст. 4.6 КоАП, согласно которой юридическое лицо несет административную ответственность, если данным лицом не были приняты все меры по соблюдению норм (правил), за нарушение которых предусмотрена административная ответственность.

Из вышеуказанного следует, что существенным различиями между составами административных правонарушений, предусмотренных ст. 12.23 КоАП и ст. 12.28 КоАП, являются материальный характер состава административного правонарушения, предусмотренного ст. 12.28 КоАП, а также перечень субъектов административной ответственности.

В то же время имеющиеся формулировки диспозиций исключают административную либо уголовную ответственность должностных лиц и индивидуальных предпринимателей, которые, не имея цели, предусмотренной ст. 235 УК, совершили действия, предусмотренные ст. 12.28 КоАП, повлекшие по неосторожности наступление последствий в виде придания правомерного вида владению, пользованию или распоряжению средствами, полученными заведомо для должностного лица преступным путем. К примеру, речь идет о ситуациях, когда должностное лицо осознавало преступный характер средств, но не осознавало, что совершение финансовой операции является одним из этапов преступного деяния, что исключает прикосновенность к совершению преступления.

Полагаем, что в целях обеспечения эффективности реализации принципа личной виновной ответственности в контексте противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, необходимо рассмотреть вопрос о криминализации действий лиц, обеспечивших проведение финансовой операции со средствами, полученными заведомо для этого лица преступным путем, повлекшее по неосторожности придание правомерного вида владению, пользованию или распоряжению указанными средствами, а также вопрос о криминализации действий по легализации дохода, полученного от использования преступных средств.

Арустамова Т. Н.

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА ПРИ ЗАДЕРЖАНИИ ЛИЦА, СОВЕРШИВШЕГО ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНОЕ ДЕЯНИЕ (СТ. 35 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ)

Арустамова Татьяна Николаевна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, arustamik@gmail.com

Научный руководитель: старший преподаватель Кривой А. Н.

Часть 2 ст. 35 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) предусматривает уголовную ответственность за превышение мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, в случаях умышленного лишения жизни либо причинения тяжкого или менее тяжкого телесного повреждения. В соответствии со ст. 35 УК причиняемый вред должен соответствовать характеру и степени общественной опасности совершенного преступления. В связи с этим, чем опаснее совершенное преступление, тем большее по характеру насилие может применяться к задерживаемому. Так, причинение смерти или тяжкого вреда здоровью задерживаемого недопустимо, если он совершил не представляющее большой общественной опасности или менее тяжкое преступление.

Однако спорным является причинение несоразмерного вреда при задержании лица в случае заблуждения субъекта задержания о характере общественно опасного деяния, совершенного задерживаемым лицом. Например, гражданин нанес удар, от которого потерпевший потерял сознание. Проходящие мимо люди ошибочно восприняли это действие как убийство, т. е. особо тяжкое преступление. Соответственно, и меры, принимаемые для задержания этого гражданина, оказались несоразмерными с характером и степенью общественной опасности совершенного деяния. Чуть позднее выясняется, что потерпевший не получил серьезных травм, а умысел гражданина не был направлен на причинение тяжкого вреда.

Или, предположим, прохожие стали свидетелями ситуации, в которой пьяный мужчина ударил по лицу заведомо для всех беременную женщину, отчего та потеряла сознание. Граждане интерпретировали произошедшее как акт убийства, что, в свою очередь, вызвало у них незамедлительную реакцию, направленную на задержание предполагаемого преступника. Немаловажную роль в данном примере играет и статус потерпевшей – беременная женщина, убийство которой неизбежно ведет к смерти плода. Осознание этого факта, безусловно, делает граждан, осуществляющих задержание, более беспринципными и бесцеремонными. В условиях паники, агрессивного поведения задерживаемого, ввиду его нахождения в состоянии алкогольного опьянения, а также отсутствия полной информации о случившемся, граждане применили к мужчине физическую силу, что привело к его смерти. Позднее выяснилось, что жизни женщины и плоду ничего не угрожает, а потеря сознания была обусловлена накатившей сильной тревогой от разговора с пьяным мужчиной, а не ударом по лицу.

Статья 37 УК регламентирует следующий порядок квалификации в приведенных ситуациях: если лицо вследствие заблуждения считало, что осуществляет задержание лица, совершившего преступление, но по обстоятельствам дела не должно было или не могло сознавать отсутствие обстоятельств, исключающих преступность деяния, его действия оцениваются соответственно по правилам ст. 35 УК.

Таким образом, по обстоятельствам дела граждане не могли сознавать отсутствие состава преступления в действиях задерживаемых. В свою очередь, ключевым в ст. 35 УК является факт превышения мер, необходимых для задержания лица.

По нашему мнению, несмотря на то, что в данных примерах действия субъектов задерживания соответствовали характеру и степени общественной опасности совершенного, по их мнению, преступления – убийства, логика ст. 37 УК видится не совсем правильной. По смыслу ст. 35 УК, если исключить обоснованное заблуждение в характере действий, совершенных субъектом задерживания, в деяниях граждан нет превышения мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, поскольку реакция на особо тяжкое преступление – убийство, с учетом оказываемого сопротивления, последовала вполне закономерная. Однако, по нашему мнению, такой подход видится несправедливым, учитывая наступившие последствия: в первом случае причинение тяжких телесных повреждений, во втором случае смерть.

Данные действия, несмотря на заблуждение, должны быть оценены как превышение мер, необходимых для задержания лица с соответствующей квалификацией: в первом случае по ст. 151 УК (умышленное причинение тяжкого или менее тяжкого телесного повреждения при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление), во втором – ст. 142 УК (убийство при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление). По нашему мнению, добросовестное заблуждение субъекта задерживания следует учитывать как смягчающее вину обстоятельство и назначать самое мягкое наказания из предусмотренного санкциями ст. 142, 151 УК Республики Беларусь.

Вигура А. С.

НЕОБХОДИМАЯ ОБОРОНА: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

Вигура Алисия Сергеевна, студентка 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, valisiya1@mail.ru

Научный руководитель: доктор юрид. наук, профессор Савенок А. Л.

В настоящее время в законодательных актах Республики Беларусь отсутствует специальная регламентация применения технических средств при необходимой обороне. Между тем, на наш взгляд она требуется в силу ряда его специфических свойств и особенностей.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации дал дополнительные разъяснения, касающиеся использования технических устройств и в целом ст. 37 Уголовного кодекса Российской Федерации. Вместе с тем отдельные ученые, например, Г. А. Есаков, считает, что это «лишь намечает контуры или, точнее, направление движения в уголовно-правовой оценке использования устройств, оставляя за скобками ряд сложных вопросов», и с ним невозможно не согласиться.

Применительно к Республики Беларусь, руководствуясь ст. 34 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК), можно сказать, что «превышением пределов необходимой обороны признается явное для обороняющегося лица несоответствие защиты характеру и опасности посягательства, когда посягающему без необходимости умышленно причиняется смерть или тяжкое телесное повреждение.».

Во-первых, возникает вопрос о том, будет ли превышением пределов необходимой обороны причинение вреда по неосторожности. В ч. 3 ст. 34 УК сказано, что им могут являться лишь умышленные действия обороняющегося. С. В. Винник отмечает, что причинение смерти по неосторожности при превышении пределов необходимой обороны исключает уголовную ответственность. Например, хозяин дома проводит электрический ток к ручке двери, однако в момент незаконного проникновения в дом происходит непредвиденное короткое замыкание, и посягающий умирает. При этом хозяин полагал, что смерть не должна была наступить ввиду низкого напряжения. Или другой пример: гражданин устанавливает у двери дома арбалет, который должен сработать единожды и попасть в ногу. Однако из-за технической неисправности конструкции, арбалет причиняет смерть человеку. Возникает вопрос о квалификации данных деяний как причинение смерти по неосторожности или же в данном случае такие действия необходимо рассматривать как убийство при превышении пределов необходимой обороны.

Во-вторых, не ясна оценка применения технических средств при приготовлении к преступлению и является ли это преждевременной защитой. По мнению Е. В. Герасимовой, «против подготавливаемого или предполагаемого нападения оборона недопустима». В то же время И. С. Тишкевич полагает, что преждевременная защита не исключает уголовной ответственности, но и состояния необходимой обороны тоже не исключает. Данная точка зрения видится нам наиболее приемлемой. К такой же позиции склоняется А. З. Магомедовна, считающая, что защита до посягательства невозможна, но в основе должно лежать «субъективное восприятие действий посягающего обороняющимся как посягательства». Е. В. Герасимова утверждает, что «преждевременная» и «запоздалая» оборона не могут рассматриваться как необходимая оборона…». В то же время А. А. Герцензон предлагает иную модель, называя превышением пределов необходимой обороны защитительные действия, осуществленные задолго до начала нападения. Институт преждевременной защиты рассматривается лишь в научных публикациях и на законодательном уровне не урегулирован.

В-третьих, исходя из ранее изложенного, можно отметить, что процесс пресечения посягательства с помощью технических устройств контролируется обороняющимся лишь опосредованно, и он не всегда может присутствовать при этом посягательстве. Это представляет собой серьезную общественную опасность: не контролируется «сила» обороны и круг лиц, которым можем быть причинен вред. Так, например, если от удара молнии загорелся дом, а соседи, пытаясь потушить пожар, пострадали от установленных в доме технических устройств, то должен ли подлежать уголовной ответственности хозяин дома? В данном случае его действия изначально представляют опасность. Как представляется, сам факт установления технических средств является более опасным, чем, например, незаконное ношение оружия, поскольку лицо контролирует необходимость его применения.

Таким образом, рассмотрев данные положения, можно заключить, что: 1) причинение вреда по неосторожности при использовании технических устройств как средства необходимой обороны должно исключать уголовную ответственность; 2) необходимо запретить под угрозой административного взыскания установление таких автоматических средств, которые могли бы быть опасными для жизни; ввести уголовную ответственность за это же деяние, но совершенное в течение года после наложения административного взыскания.

Виноградова Е. С.

ЗАВЕДОМО ЛОЖНОЕ СООБЩЕНИИ ОБ ОПАСНОСТИ ОТ ИМЕНИ ДРУГОГО ЛИЦА: ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ

Виноградова Екатерина Сергеевна, магистрант 1 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, ekatirina.vinogradova12@gmail.com

Научный руководитель: доктор юрид. наук, профессор Савенок А. Л.

В последнее время особую актуальность приобрело такое деструктивное поведение, как сваттинг, представляющий собой заведомо ложное сообщение об опасности, в том числе с использованием информационно-коммуникационных технологий. Анализируемое социальное явление может проявляться по-разному. И одной из таких разновидностей является заведомо ложное сообщение об опасности от имени другого лица.

Так, рассмотрим практическую ситуацию: у девушки произошел конфликт с молодым человеком, с которым она познакомилась в сети Интернет. Чтобы запугать свою собеседницу, парень пригрозил заминировать от ее имени торговый центр. Однако девушка решила действовать на опережение: она решила найти зарубежного исполнителя, который от имени ее обидчика согласился позвонить в одно из белорусских ведомств и сообщить о заложенной бомбе. После получения вознаграждения исполнитель предоставил девушке подтверждающую аудиозапись.

В описанной выше ситуации правоохранительными органами действия девушки были рассмотрены по ст. 340 Уголовного кодекса Республики Беларусь. Однако возникает вопрос: не нарушаются ли в вышеописанной

ситуации иные охраняемые Уголовным кодексом Республики Беларусь отношения, такие как отношения, гарантирующие конфиденциальность информации о частной жизни и (или) персональных данных, которые охраняются ст. 203[1] «Незаконные действия в отношении информации о частной жизни и персональных данных». Часть 2 рассматриваемой статьи предусматривает ответственность в том числе за умышленное незаконное распространение персональных данных другого лица без его согласия, повлекшее причинение существенного вреда правам, свободам и законным интересам гражданина. При этом, исходя из положений Закона Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных», к таким сведениям относится информация, относящаяся к идентифицированному физическому лицу или физическому лицу, которое может быть идентифицировано (например, фамилия, собственное имя, отчество, дату рождения, идентификационный номер, геолокация и иные сведения). А распространением таких данных являются действия, направленные на ознакомление с персональными данными неопределенного круга лиц.

В описанной выше ситуации, действия лица, которое сообщает заведомо ложную информацию, направлены на то, чтобы субъект, принимающий такую информацию, был убежден в том, что с ним разговаривает и, соответственно, сообщает информацию лицо, от имени которого ведется разговор. Для убеждения принимающего информацию субъекта лицо старается сообщить такой набор сведений, с помощью которого можно было идентифицировать конкретное лицо и, чтобы в итоге все это повлекло для него негативные последствия (например, в виде привлечения к ответственности). Иными словами, лицо, которое сообщает заведомо ложное сообщение об опасности, не пытается анонимизировать субъекта, от имени которого идет сообщение данной информации, а наоборот, совершает диаметрально противоположные действия.

Стоит учитывать, что рассматриваемый состав преступления является материальным, следовательно, преступление считается оконченным при наступлении последствий в виде существенного вреда правам, свободам и законным интересам гражданина (в нашем случае от имени которого ведется разговор). «Существенный вред» является категорией оценочной. И, на наш взгляд, в описанной ситуации можно вести речь о причинении такого вреда. Наличие существенного вреда в данном случае может подтверждаться тем, что в результате нарушения конституционного права на защиту персональных данных совершается иное преступление.

При этом, когда в ведомство сообщается информация о заведомо ложной опасности, лицо, от имени которого велся диалог, может претерпевать негативные последствия, например, социального характера (осуждение, нежелание общаться с этим лицом со стороны других лиц и иное), что, в свою очередь, может влечь негативные последствия психологического характера. Как правило, случаи сваттинга пользуются особым общественным интересом, что может повлечь в том числе определенные нравственные страдания у лица, от имени которого сообщалась заведомо ложная информация об опасности. Иными словами,

из-за нарушения конфиденциальности персональных данных лицо, чьи персональные данные использовались при этом, испытывает на себе отрицательные действия данного явления.

Таким образом, на наш взгляд, в случае совершения заведомо ложного сообщения об опасности от имени другого лица с использованием его персональных данных, позволяющих идентифицировать данное лицо, стоит обращать внимание на возможность квалификации такого деяния не только по ст. 340 Уголовного кодекса Республики Беларусь, но и по ст. 203^1 (при доказанности наличия существенного вреда правам, свободам и законным интересам гражданина).

Воробьёва С. В.

НАЛИЧНОСТЬ ПОСЯГАТЕЛЬСТВА КАК ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ УСЛОВИЕ ПРАВОМЕРНОСТИ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ

Воробьёва Светлана Викторовна, студентка 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, svetlanavorobiev@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Дубко М. А.

Право на необходимую оборону – неотчуждаемое, самостоятельное и неотъемлемое право каждого человека, принадлежащее ему от рождения. Однако для его правомерности необходим ряд определенных условий. Одним из таких условий является наличность посягательства.

Под наличностью посягательства понимают время существования права на необходимую оборону или время существования посягательства, дающего право на необходимую оборону. Наличность как условие правомерности необходимой обороны не выражено в законе, однако оно следует из текста ст. 34 Уголовного кодекса Республики Беларусь и, прежде всего, из условия необходимой обороны, состоящего в общественно опасном посягательстве, которое всегда протекает во времени и имеет начальный и конечный моменты.

В науке уголовного права существуют различные точки зрения по поводу начала и окончания существования права на необходимую оборону. Наиболее распространенная отражена в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 16.08.1984 № 14 «О применении судами законодательства, обеспечивающего право на необходимую оборону от общественно опасных посягательств». Поскольку в законодательстве Республики Беларусь нет соответствующего акта, то на основании Закона Республики Беларусь от 28 мая 1999 г. № 261-З можем утверждать, что данное постановление может применяться и в настоящее время. В нем закрепляется, что состояние необходимой обороны возникает не только в самый момент общественно опасного посягательства, но и при наличии реальной угрозы нападения. И многие авторы данной точки зрения придерживаются.

Одной из проблем института необходимой обороны является вопрос начала существования права на необходимую оборону, поскольку существует точка зрения, согласно которой началом существования права на необходимую

оборону является не только начатое посягательство, но и приготовление к преступлению. По этому поводу И. И. Слуцкий считает, что наличность посягательства нельзя отожествлять со стадией покушения на преступление, поскольку преступление может представлять реальную, непосредственную опасность и на более ранней стадии развития преступной деятельности, например при приготовлении. Похожего мнения придерживался и, например, Н. Н. Паше-Озерский, а также некоторые другие авторы.

На наш взгляд, данная точка зрения более четко способствует установлению границы применения силы в ситуациях, когда угроза еще не достигла стадии непосредственного посягательства, но уже создает реальную опасность для жизни и здоровья. Важно отметить, что предотвращение преступления на стадии приготовления является не менее значимым, чем реакция на уже совершаемое преступление. Здесь ключевую роль играет оценка обстоятельств, при которых может возникнуть необходимость защиты.

А. Н. Попов предлагает разграничивать по времени стадию приготовления на два вида. По его мнению, только стадия позднего приготовления дает право на необходимую оборону. В связи с этим он отмечает, что именно стадия приготовления и образует понятие, которое именуется «реальная угроза посягательства». С его точки зрения, на стадии раннего приготовления отсутствует реальная угроза нападения, поскольку между приготовительными действиями и последующей стадией покушения может быть значительный промежуток времени, а на стадии позднего приготовления виновный уже реально готов перейти к стадии покушения, но еще не сделал этого в силу того, что необходимо предпринимать последнее усилие, например, необходимо поближе подойти к потерпевшему для нанесения удара.

Но мы не можем согласиться с позицией, например В. Ф. Кириченко, который считал, что право на применение необходимой обороны возникает только с момента покушения на преступление, а приготовительные действия не могут считаться нападением, так как они не создают непосредственной опасности нарушения правоохраняемых интересов.

Что касается момента окончания существования права на необходимую оборону, то здесь также существует расхождение взглядов. Спорным является вопрос о юридическом и фактическом окончании данного права.

Г. С. Фельдштейн указывал, что момент окончания права на необходимую оборону – это юридическое окончание преступления. По мнению указанного автора, все действия, которые предпринимаются после окончания – это «правомерное самоуправство». При этом большинство авторов считают иначе. Среди них и И. И. Слуцкий, по мнению которого необходимая оборона прекращается в момент фактического завершения нападения и не имеет значение, когда юридически было окончено преступление.

Мы придерживаемся точки зрения, согласно которой право на необходимую оборону сохраняется до момента фактического окончания посягательства. Например, при разбое юридическим моментом окончания посягательства будет применение насилия, опасного для жизни или здоровья потерпевшего, либо угроза применения такого насилия, однако фактическое окончание

данного деяния наступает позже. И целесообразно считать, что до момента фактического окончания у потерпевшего было право на необходимую оборону.

Некоторые ученые предлагают квалифицировать запоздалую оборону как совершение соответствующего преступления в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения. Такое решение вопроса вызывает возражения, например, у И. С. Тишкевича, который считает, что состояние аффекта не всегда имеется. Кроме того, не учитывается мотив защиты, присущий, несвоевременной обороне, хотя его наличие не отрицается теми, кто предлагает рассматривать такую оборону как преступление, совершенное в состоянии физиологического аффекта.

В отличие от белорусского законодательства, зарубежные страны уделяют институту необходимой обороны большее внимание, что подтверждается различиями в подходах к определению границ этого института. Одним из ярких примеров является уголовное законодательство Грузии, где законодатели значительно расширили рамки применения необходимой обороны и отдалили момент окончания права на необходимую оборону. Так, в ч. 3 ст. 28 Уголовного кодекса Грузии говорится, что «причинение вреда посягающему с целью возврата отнятых в результате противоправного посягательства имущества или иных правовых благ является правомерным и в случае, если это произошло непосредственно при переходе этих благ в руки посягавшего и их немедленный возврат еще был возможен».

В отличие от Республики Беларусь, в Российской Федерации было принято постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление», которое периодически дополняется и совершенствуется. К примеру, последняя редакция данного документа датируется 31 мая 2022 г.

Таким образом, на наш взгляд, для более детального и полного регулирования института необходимой обороны требуется обобщить судебную практику по делам, связанным с необходимой обороной, и принять постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, в котором были бы отражены положения, отражающие актуальные тенденции и изменения в правоприменительной практике по данному вопросу.

Головин К. Д.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОТ НЕНАСИЛЬСТВЕННЫХ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ

Головин Карина Дмитриевна, студентка 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, golovin.karina@inbox.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Шаблинская Д. В.

Защита несовершеннолетних от посягательств на их половую неприкосновенность, в том числе средствами уголовного закона, является одним из ключевых аспектов обеспечения безопасности и благополучия

детей, а также создания здорового общества. Статья 168 Уголовного кодекса Республики Беларусь 1999 г. (далее – УК) защищает лиц, не достигших 16-летнего возраста, от действий совершеннолетних, выражающихся в половом сношении, мужеложстве, лесбиянстве или иных действиях сексуального характера. Опасность таких деяний заключается в том, что они могут причинить значительный вред нормальному физическому и нравственному развитию лиц, не достигших 16-летнего возраста.

В уголовном законе на данный момент не являются общественно опасными действия сексуального характера лиц в возрасте от 16 до 18 лет в отношении лица, не достигшего 16 лет. Подобные действия не влекут на сегодняшний день уголовной ответственности по ст. 168 или иной норме уголовного закона. Это создает юридическую неопределенность и зарождает потенциальные риски для несовершеннолетних.

Вместе с тем криминализация общественно опасного деяния, предусмотренного в ч. 1 ст. 168 УК, в случае, когда субъектом преступления является лицо от 16 до 18 лет, видится преждевременной. Для этого стоит учесть общественное мнение граждан, оценки ученых и правоприменителей в части общественной опасности данных деяний, изучить их распространенность и т. д.

Согласно примечанию к ст. 168 УК лицо, совершившее действия, предусмотренные ч. 1 данной статьи, освобождается от уголовной ответственности, если будет установлено, что это лицо и совершенное им преступление перестали быть общественно опасными в связи со вступлением в брак с потерпевшей (потерпевшим). Указанная норма имеет ряд дискуссионных аспектов.

Так, в соответствии со ст. 18 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье, брачный возраст устанавливается в 18 лет. В исключительных случаях, обусловленных беременностью, рождением ребенка, а также в случае приобретения несовершеннолетним полной дееспособности до достижения совершеннолетия орган, регистрирующий акты гражданского состояния, может снизить лицам, вступающим в брак, брачный возраст, но не более чем на 3 года. Соответственно, если лицо совершает действия, предусмотренные ч. 1 ст. 168 УК, в отношении лица, не достигшего 15 лет, то освобождение от уголовной ответственности по данному основанию не может быть применено. Отрицательным последствием такого примечания является то, что вступление в брак может выступать в качестве инструмента для избегания ответственности и способа давления на потерпевшую сторону, а не как проявление чувств. Более того, положения двух отраслей права видятся в определенной мере несогласованными: брачный возраст составляет 15 лет, а «возраст согласия» для совершения действий сексуального характера – 16 лет. Это создает сложность в правоприменении и приводит к неравенству, так как фактически лишает лицо в возрасте 15 лет возможности воспользоваться правом на вступление в брак с совершеннолетним лицом. Видится правильным прийти к единому значению данных возрастных показателей.

Субъектом преступления, предусмотренного ст. 168 УК, является вменяемое физическое лицо, достигшее 18 лет. Дискуссионным вопросом является возраст потерпевшего. Так, лица до 12 лет (в силу своего малолетнего возраста) не способны осознавать характер совершаемых с ними действий сексуального характера, в связи с чем признаны находящимся в беспомощном состоянии согласно примечанию к ст. 166 УК. В связи с этим субъект преступления будет нести ответственность не по ст. 168 УК, а по ст. 166 или 167 УК. Соответственно уголовный закон в ст. 168 УК защищает половую неприкосновенность только лиц от 12 до 16 лет (при установлении отсутствия у потерпевших беспомощного состояния, иначе они будут являться потерпевшими по ст. 166 и 167 УК).

Интересный подход содержится в уголовном законе Российской Федерации. В ст. 134 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) представлена различная по степени общественной опасности оценка полового сношения и иных действий сексуального характера.

Так, мужеложство или лесбиянство являются квалифицирующим признаком состава по отношению к половому сношению. Также интересен способ смягчения уголовной ответственности, закрепленный в примечании к ст. 134 УК РФ: в случае, если разница в возрасте между потерпевшей (потерпевшим) и подсудимым (подсудимой) составляет менее 4 лет, к последнему не применяется наказание в виде лишения свободы. На наш взгляд, данное примечание противоречиво, так как незначительная разница в возрасте не гарантирует равенства в эмоциональном и психологическом развитии.

Таким образом, вышеизложенное позволяет заключить, что защита половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних требует совершенствования уголовно-правовых норм. Необходим комплексный подход, который позволит обеспечить действенную защиту детей от ненасильственных сексуальных посягательств.

Жилич П. Н.

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОБЪЕКТА И ПРЕДМЕТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ ИНФОРМАЦИИ О ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ И ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ

Жилич Полина Николаевна, студентка 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь,
zhilichpolina13@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Шаблинская Д. В.

Новелла уголовного закона, связанная с совмещением уголовно-правовой охраны информации о частной жизни граждан и персональных данных в ст. 203^1 и 203^2 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК), обусловила возникновение вопросов, касающихся определения информации о частной жизни и персональных данных как предмета преступления

в контексте их понимания и соотношения. Не сформирована единая точка зрения и по поводу объекта соответствующих преступных деяний.

УК не содержит дефиниции персональных данных и информации о частной жизни для целей уголовно-правовой охраны. Законодательство не отождествляет и не разграничивает указанные понятия, что может обусловливать проблемы в процессе квалификации изучаемых посягательств. Проанализировав различные подходы к определению «информации о частной жизни» (см., в частности, исследования М. А. Важоровой, М. Н. Малеиной), под ней предлагаем понимать сведения, составляющие личную и семейную тайну, касающиеся бытовой, физической и духовной сфер жизнедеятельности человека, не связанные с профессиональной, служебной или предпринимательской деятельностью. Категорию «персональные данные» рекомендуем определять аналогично Закону Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных». На наш взгляд, в вопросе соотношения данных категорий наиболее обоснованным является подход, в рамках которого они являются смежными и имеют разное смысловое наполнение, а соответствующие виды информации отличаются по своему правовому режиму. Следовательно, различными являются и предметы соответствующих преступлений, что позволяет прийти к выводу о целесообразности разграничения уголовно-правовой охраны частной жизни граждан и их персональных данных. В целях совершенствования уголовно-правовой охраны данных общественных отношений предлагается внесение изменений в ст. 4 УК или введение примечания к соответствующей статье Особенной части УК в виде нормы-дефиниции, дающей определение понятий «информация о частной жизни» и «персональные данные» в соответствии с предложенным нами подходом.

Точное определение объекта изучаемых преступлений лежит в основе их правильной и справедливой квалификации. Право граждан на охрану их частной жизни и защиту их персональных данных от посягательств подпадает под общий объект уголовно-правовой охраны, закрепленный в ст. 2 УК. Родовым объектом исследуемых преступлений следует считать общественные отношения, обеспечивающие гармоничное существование человека в социуме и направленные на реализацию его основных прав и свобод. В качестве видового объекта следует рассматривать общественные отношения, обеспечивающие беспрепятственную реализацию конституционных прав и свобод человека и гражданина, в соответствии с наименованием гл. 23 УК. Под непосредственным объектом преступлений в отношении персональных данных предлагаем понимать конституционное право граждан на охрану и защиту их персональных данных, а посягательств в отношении информации о частной жизни – конституционное право граждан на охрану и защиту их частной жизни.

На наш взгляд, нормы ст. 203^1 УК объединили в себе два разных непосредственных объекта, в связи с чем предлагается разграничение уголовно-правовой охраны данных общественных отношений путем включения в гл. 23 УК состава, криминализирующего посягательства в отношении

частной жизни граждан отдельно. Размещение данного состава в гл. 23 УК соответствует сущности видового объекта посягательств в отношении частной жизни граждан. Разграничение изучаемых составов преступлений от смежных (ст. 177, 178, 202, 203 УК и др.) необходимо проводить по объекту соответствующих преступных посягательств, а также по их предмету. В случае, когда правовые режимы информации, выступающей предметом конкретного преступления, совпадают, квалификацию данного деяния в зависимости от «строгости» правового режима необходимо производить либо по совокупности преступлений, либо по норме, предусматривающей ответственность за посягательство на информацию с более строгим правовым режимом. По совокупности следует квалифицировать и преступления в отношении частной жизни граждан и персональных данных, сопряженные с посягательством на компьютерную безопасность или интересы службы.

Проведенное исследование позволило сделать вывод о необходимости разграничения уголовно-правовой охраны частной жизни граждан и их персональных данных. Указанные предложения будут иметь значение при системном пересмотре уголовного законодательства в отдаленной перспективе.

Жогло К. В.

О ПЕРСПЕКТИВАХ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СВЯЗИ С РАЗРАБОТКОЙ ПРОЕКТА МОДЕЛЬНОГО ЗАКОНА СНГ «О ТЕХНОЛОГИЯХ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА»

Жогло Кристина Владимировна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, zhoglokristinaa@gmail.com

Научный руководитель: доктор юрид. наук, профессор Савенок А. Л.

Развитие технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) может представлять серьезную проблему для правовой системы и общества в целом. В рамках Содружества Независимых Государств (далее – СНГ) было принято решение о целесообразности разработки общего подхода к интеграции норм, регулирующих технологии ИИ. В целях унификации законодательства стран – участниц СНГ Республика Беларусь заключила договор о разработке Модельного закона «О технологиях искусственного интеллекта», завершение работы над которым планируется в 2025 г.

Представляется актуальным рассмотреть некоторые положения проекта Модельного закона с точки зрения возможного дальнейшего совершенствования Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь) в части регулирования технологий ИИ. Данная работа основывается на научной статье «Основные положения модельного Закона «Об искусственном интеллекте»» Десятой Международной научно-практической конференции «BIG DATA and Advanced Analytics. BIG DATA и анализ высокого уровня» (далее – научно-практическая конференция).

Стоит отметить, что большинство исследователей ИИ в области уголовного права определяют его через однообразное перечисление ключевых характеристик, указывая множественность признаков, что, как видится, не может быть закреплено законодательно. На данный момент законодательное закрепление ИИ получил в Постановлении Совета Министров от 21 апреля 2023 г. № 280 «О мерах по реализации Указа Президента Республики Беларусь от 7 апреля 2022 г. № 136». В научно-практической конференции ИИ рассматривался комплекс технологических решений в виде сложной кибернетической системы, которая может имитировать когнитивные свойства человека, способна самообучаться и действовать автономно. Из сравнения данных подходов к определению ИИ можно сделать вывод, что они идентичны. В них используется антропоморфизм – аналогия с человеком и его когнитивными способностями. У данного подхода имеются недостатки: определение ИИ через сходство с человеческими когнитивными способностями является спорным моментом, так как нет точного ответа, каковы когнитивные функции человека и их характеристики; четко не определены признаки результатов интеллектуальной деятельности человека. За рубежом в нормативных правовых актах ИИ определяется через конкретные технические методы и результаты, которые могут быть получены с их помощью, а антропоморфизмы используются в стратегических или консультативных документах.

Согласно структуре проекта Модельного закона, одним из общих принципов правового регулирования в сфере ИИ является техническая надежность и безопасность. Полагаем, что он должен соблюдаться всеми субъектами в данной области, а именно исследователями, разработчиками, производителями технологий ИИ, лицами, осуществляющими финансирование исследований и разработок в сфере ИИ, собственниками, владельцами, операторами, пользователями, а также иными лицами, взаимодействующими с технологиями ИИ. В этом контексте можно упомянуть Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта, к которому активно присоединяются белорусские организации. Согласно положениям Кодекса, не допускается делегирование ответственности за последствия принятия решений системе ИИ: за все последствия работы всегда должен отвечать человек. Так решается вопрос определения субъекта уголовной ответственности: никакой речи об ИИ как о новом самостоятельном субъекте уголовной ответственности идти не может. Для уяснения того, кто будет подлежать уголовной ответственного в каждом конкретном случае, необходимо создать действенный механизм распределения зоны ответственности всех субъектов, задействованных в процессе жизненного цикла ИИ, определив их права и обязанности.

Проект Модельного закона предполагает риск-ориентированный подход. Он уже используется за рубежом, поэтому можно говорить о том, что определенные технологии ИИ, представляющие неприемлемый уровень риска ввиду их угрозы национальной безопасности, жизни, здоровью, правам

и свободам граждан, будут запрещены. Это, в свою очередь, может свидетельствовать о необходимости дополнения УК Республики Беларусь новыми составами.

Таким образом, можно резюмировать, что, во-первых, в проекте Модельного закона предпринимается попытка дать определение искусственному интеллекту. Будет ли оно операциональным или нет – покажет время, однако на данном этапе говорить о закреплении термина «искусственный интеллект» непосредственно в уголовном законодательстве еще рано; во-вторых, будет очерчен круг субъектов, которые при нарушении законодательства будут подлежать уголовной ответственности; в-третьих, имеются предпосылки для дополнения УК Республики Беларусь новыми, до этого неизвестными уголовному праву, составами.

Жуковец В. К.

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ЯТРОГЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПО УГОЛОВНОМУ КОДЕКСУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Жуковец Вера Константиновна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, vera.zhuk2003@gmail.com

Научный руководитель: доктор юрид. наук, профессор Савенок А. Л.

В своем непрерывном развитии уголовное право Республики Беларусь отражает динамику основных социальных, политических и экономических изменений государства. Существенные преобразования в недавнем времени произошли и в системе белорусского здравоохранения. Примером является внесенные изменения в постановление Министерства здравоохранения от 28 мая 2021 г. № 70 «О профессиональной аттестации медицинских, фармацевтических и иных работников здравоохранения» и в Инструкцию о порядке и условиях проведения профессиональной аттестации медицинских, фармацевтических и иных работников здравоохранения, вступившие в силу 4 октября 2024 г. Ввиду изменений медицинские, фармацевтические и иные работники здравоохранения, исключая медицинских работников Государственного комитета судебных экспертиз, не обязаны каждые пять лет проходить профессиональную аттестацию и в обязательном порядке подтверждать свою квалификационную категорию. Профессиональная аттестация, ввиду изменений, будет проводиться лишь для повышения квалификационной категории. По нашему мнению, данное обстоятельство может повлечь за собой рост профессиональных преступлений практикующих медицинских работников в неординарных для них случаях, что делает актуальной для изучения тему ятрогении как преступлений, посягающих на жизнь и здоровье населения.

Международная классификация болезней и причин смерти 10-го пересмотра (МКБ-10) относит к ятрогениям все неблагоприятные последствия медицинской деятельности. Однако сам термин «ятрогения» не

является новым. Первоначально данный термин выступал в качестве исключительно медицинского, был предложен в 1925 г. немецким психиатром О. Бумке и означал причинение какого-либо вреда пациенту неосторожным, необдуманным, бестактным словом врача и ятрогения рассматривалась как психогенное заболевание, возникшее из-за некорректного поведения лечащего врача по отношению к больному.

В уголовном законодательстве Республики Беларусь ятрогенные преступления представлены в ст. 156, 161, 162, 335 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК), однако крайне редко применяются на практике. Расследование ятрогенных преступлений, как правило, представляет особую сложность, обусловленную спецификой субъекта преступления, имеющего специальные познания в той или иной области медицины, выдвигающего различные версии причин развития заболевания и наступивших последствий, которые могут быть проверены лишь экспертными исследованиями.

Проанализировав правоприменительную практику, можно сделать вывод, что в профессиональных преступлениях медицинских работников наиболее сложным вопросом, устанавливаемым при квалификации деяния, является вопрос установления прямой причинно-следственной связи между деяниями медицинского работника и наступившими последствиями. К примеру, при квалификации деяния медицинского работника по ст. 162 УК на этапах диагностирования, лечения и реабилитации нельзя категорически утверждать о неосторожной вине медицинского работника лишь ввиду тяжкого, менее тяжкого телесного повреждения, смерти пациента или заражения ВИЧ после взаимодействия с медицинским работником или даже ввиду выполнения медицинским работником клинического протокола в неполной мере или несвоевременной диагностики в процессе лечения ввиду наличия у каждого пациента индивидуальных особенностей организма. Для квалификации деяния медицинского работника по ст. 162 УК важно установить, что необходимые действия в отношении пациента при наличии реальной возможности и при достаточной квалификации медицинского работника были оказаны несвоевременно, с дефектом и состоят в прямой причинно-следственной связи с наступившими последствиями при наличии неосторожной вины субъекта.

Таким образом, считаем необходимым установить, что прямая причинно-следственная связь между дефектами оказания медицинской помощи и последствий для пациента устанавливается только в том случае, если действия медицинских работников причинили пациенту какие-либо повреждения или само по себе лечение явилось причиной заболевания, при этом во всех других случаях действия или бездействие врачей при оказании медицинской помощи не могут быть квалифицированы как преступление. Любые вероятностные предположения не могут служить доказательством вины в действиях врача в силу того, что в указанных случаях допустимо лишь косвенное воздействие на исход лечения.

Жураў М. С.

СУТНАСНЫЯ ПРЫКМЕТЫ ІНСТЫТУТА ВЫЗВАЛЕННЯ АД КРЫМІНАЛЬНАЙ АДКАЗНАСЦІ

Жураў Мікіта Сяргеевіч, магістрант Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, г. Мінск, Беларусь, mikitazhurau@gmail.com

Навуковы кіраўнік: доктар юрыд. навук, прафесар Савенок А. Л.

Актуальнасць названай тэмы абумоўлена тым, што толькі пры карэктным вызначэнні вызвалення ад крымінальнай адказнасці, яго сутнасных прыкмет магчыма ўстанаўленне строгай адпаведнасці паміж нормамі крымінальнага закону і правапрымяняльнай практыкай. Больш за тое, выключна з дапамогай гэтага сродку магчыма дасягненне ўніфікацыі практыкі правапрымянення ў пытаннях вызвалення ад крымінальнай адказнасці. Улічваючы азначанае, асоба, якая прымае рашэнне аб вызваленні ад адказнасці, павінна мець на ўвазе прыкметы вызвалення. Падобныя аспекты вынікаюць з агульнаправавога прынцыпу законнасці, бо менавіта законнасць (па вызначэнні А. А. Галаўко) уяўляе сабой «стан грамадства і дзяржавы, пры якім дасягаецца аднастайнае прыняцце законаў, нарматыўных актаў і іншых рашэнняў, іх аднастайнае разуменне, тлумачэнне, дакладная рэалізацыя ў канкрэтных праваадносінах».

Інстытут вызвалення ад крымінальнай адказнасці з’яўляецца значным элементам у вырашэнні задач крымінальнага права. У пэўным сэнсе яго прызначэннем з’яўляецца ахова дзяржаўных і грамадскіх інтарэсаў, устаноўленага правапарадку ад злачынных замахаў; у сістэме крымінальнага права ён спрыяе прадухіленню такіх замахаў (арт. 2 Крымінальнага кодэкса Рэспублікі Беларусь (далей – КК)) шляхам неўжывання пакарання ў дачыненні да злачынцы.

Звернемся непасрэдна да прыкмет вызвалення ад крымінальнай адказнасці. Агульныя палажэнні КК аб вызваленні ад адказнасці (арт. 82 КК), парадак, умовы такога вызвалення, вызначаныя КК і Крымінальна-працэсуальным кодэксам Рэспублікі Беларусь (далей – КПК), даюць падставы для выдзялення наступных прыкмет інстытута вызвалення ад крымінальнай адказнасці:

1. Вызваленне ад крымінальнай адказнасці прадугледжвае ўстанаўленне ўсіх прыкмет складу злачынства, а таксама прызнанне асобы вінаватай у здзяйсненні злачынства. Аб гэтым, у прыватнасці, сведчыць палажэнне ч. 5 арт. 30 КПК, паводле якога пры вызваленні ад адказнасці па шэрагу падстаў і адначасовай наяўнасці падстаў для спецыяльнай канфіскацыі копія пастановы аб спыненні вядзення па крымінальнай справе накіроўваецца следчым, пракурорам у суд для рашэння пытання аб прымяненні спецыяльнай канфіскацыі; прычым апошняя рэалізуецца выключна пры ўчыненні злачынства (ч. 1 арт. 46-1 КК).

2. Пры вызваленні ад крымінальнай адказнасці выключаецца далейшае існаванне крымінальных праваадносін паміж дзяржавай і злачынцам. Гэта

звязана з тым, што ў выніку названага вызвалення нівеліруецца змест крымінальнай адказнасці, якая выяўляецца ў асуджэнні і прымяненні на яго аснове мер крымінальнай адказнасці (ч. 1 арт. 44 КК).

3. Вызваленне ад крымінальнай адказнасці, нягледзячы на адмову ад прымянення мер крымінальна-прававога ўздзеяння да злачынцы (у класічным іх разуменні), цягне за сабой шэраг іншых негатыўных наступстваў для такой асобы. Іх аб'ём уяўляецца дастаткова значным і ўстанаўліваецца толькі ў выніку вывучэння шэрагу іншых прававых актаў.

4. Для вызвалення ад крымінальнай адказнасці патрабуецца волевыяўленне асобы, якая падлягае вызваленню. Дадзеная акалічнасць не знайшла адлюстравання ў КК, яна ўтрымліваецца ў КПК. Ім замацоўваецца прамая забарона на спыненне вядзення па крымінальнай справе па шэрагу падстаў, калі супраць гэтага пярэчыць абвінавачаны; у некаторых выпадках вызваленне магчыма толькі з яго згоды (ч. 4 арт. 30, ч. 3 арт. 29 КПК).

5. Выпадкі вызвалення ад адказнасці ўстанаўліваюцца выключна КК, што вынікае з ч. 4 арт. 3, ч. 1 арт. 82 КК.

6. У фармулёўках падстаў вызвалення ад адказнасці закладзена іх дыферэнцыяцыя па прыкмеце наяўнасці ў правапрымяняльніка ўгледжання ва ўжыванні такіх. У прыватнасці, арт. 83, 84 КК замацавана фармуліроўка «вызваляецца ад крымінальнай адказнасці», у той час як іншымі нормамі, якія змяшчаюць падставы вызвалення, указваецца толькі на магчымасць вызвалення ад крымінальнай адказнасці.

Разам з тым агульная норма ч. 1 арт. 82 КК дазваляе тлумачыць ступень угледжання пры вырашэнні пытання аб магчымасці такога вызвалення максімальна шырока («Асоба, якая ўчыніла злачынства, можа быць вызвалена ад крымінальнай адказнасці»), паколькі арт. 82 КК як агульная падлягае ўліку ў дачыненні да кожнай з падстаў вызвалення.

7. Інстытут вызвалення ад крымінальнай адказнасці прадугледжвае індывідуалізацыю такога вызвалення, што, на нашу думку, вынікае з аднайменнага прынцыпу – прынцыпу непазбежнасці адказнасці. Адным з нарматыўных пацвярджэнняў таго, што пры вызваленні ад адказнасці суд зыходзіць з абставін, звязаных з асобай злачынцы, канкрэтнага выпадку ўчынення злачынства, выступае норма ч. 2 п. 2 пастановы Пленума Вярхоўнага Суда Рэспублікі Беларусь ад 29 сакавіка 2012 г. № 1.

Такім чынам, неад'емным элементам прынцыпа законнасці пры вызваленні ад крымінальнай адказнасці нам бачыцца ўлік правапрымяняльнікам усіх прыведзеных прыкмет інстытута вызвалення ад адказнасці. Апошнія, відавочна, вынікаюць як з палажэнняў КК, так і з норм іншых заканадаўчых актаў.

Захилько Е. С.

ОБ ОЦЕНКЕ ДЕЯНИЙ, НАПРАВЛЕННЫХ НА УСТРАНЕНИЕ ОПАСНОСТИ, СОЗДАННОЙ САМИМ ПРИЧИНИТЕЛЕМ ВРЕДА В СИТУАЦИИ КРАЙНЕЙ НЕОБХОДИМОСТИ

Захилько Екатерина Сергеевна, студентка 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, Zahkat04@gmail.com

Научный руководитель: доктор юрид. наук, профессор Грунтов И. О.

Одним из признаков правомерности причинения вреда при крайней необходимости является наличие *опасности* для охраняемых уголовным законом интересов. Источником такой опасности может быть широкий спектр воздействия различных сил, явлений и субъектов. В частности, причинитель вреда в ситуации крайней необходимости может являться ее инициатором (создателем). Правила оценки таких деяний не регламентированы законодателем, в связи с чем возникает следующий вопрос: возможно ли применение положений ст. 36 Уголовного кодекса Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З (далее – УК) к лицу, которое своими действиями вызвало опасность причинения вреда правоохраняемому интересу, а затем предотвратило этот вред путем причинения другому правоохраняемому интересу вреда меньшего?

Доктор юридических наук, профессор Ю. М. Ткачевский отмечает прежде всего, что «ответ на этот вопрос должен быть различным в зависимости от конкретных обстоятельств каждого дела». Представляется, однако, что закрепление общего принципа применения положений ст. 36 УК относительно субъекта – источника опасности крайней необходимости разрешит неоднозначное понимание этого вопроса.

1. Оценка *умышленного* создания ситуации крайней необходимости относительно единообразна среди ученых. Так, Ю. М. Ткачевский справедливо отмечает, что «если лицо умышленно создает опасность для того, чтобы под видом предотвращения большего вреда причинить вред другому правоохраняемому интересу, крайняя необходимость отсутствует, и лицо должно нести уголовную ответственность на общих основаниях. Такие действия являются провокацией крайней необходимости». М. А. Якуньков также указывает, что «не должны рассматриваться по правилам крайней необходимости случаи причинения вреда для устранения опасности, вызванной предшествующими умышленными действиями самого причинителя вреда». Причинение такого вреда должно оцениваться на общих основаниях.

2. «Иное дело, если лицо своими действиями создало опасность причинения вреда какому-либо правоохраняемому интересу *по неосторожности*, а затем для предотвращения вреда этому интересу причиняет меньший вред другим интересам», – отмечает Ю. М. Ткачевский Ученый признает, что действия по предотвращению прежде неосторожно созданной опасности признаются актом крайней необходимости. А. И. Бойко пишет, что «если субъект ставит в опасность чужой интерес по неосторожности, а затем спасает его путем причинения меньшего вреда

третьим лицам, ответственность исключается». Имеются и другие точки зрения. Так, по мнению С. А. Домахина, «если лицо должно было и могло предвидеть возможную опасность своего поведения, то состояние крайней необходимости юридически исключается, ответственность наступает за причинение вреда по неосторожности». Э. Л. Сидоренко пишет, что источником опасности может быть как умышленное, так и неосторожное поведение, главное, чтобы лицо, создавшее опасность, причинило меньший вред во избежание большего вреда.

3. Неосторожные действия, повлекшие возникновение опасности, на наш взгляд, согласуются с общим смыслом крайней необходимости. Лицо стремится «исправить» ситуацию, выбирает для устранения опасности благо меньшей ценности, относится к причиненному вреду и охраняемым благам не безразлично. В этом отношении следует признать, что лицо имеет право на защиту блага в рамках крайней необходимости и в ситуации, когда опасность создана неосторожными действиями самого причинителя вреда. Вместе с тем вопрос об уголовно-правовой оценке самого неосторожного деяния, послужившего источником опасности, должен решаться в общем порядке – уголовный закон не содержит изъятий по этому поводу.

4. В связи с отсутствием регулирования данного вопроса и неоднозначностью имеющихся подходов к оценке рассматриваемых деяний предлагается урегулировать правила и критерии их оценки непосредственно в УК, как это сделано в некоторых иностранных УК. Так, например, в соответствии с ч. 2 ст. 31 Уголовного кодекса Литовской Республики лицо, своими действиями создавшее опасную ситуацию, может опираться на положения о крайней необходимости лишь в том случае, если опасная ситуация была создана по неосторожности.

Предлагается дополнить ч. 3 ст. 36 УК в следующей редакции: «3. Крайняя необходимость исключается в случае, если опасность была умышленно создана лицом, совершающим действия, направленные на ее устранение.».

Законодательное закрепление правил применения крайней необходимости в таких случаях способствует установлению ясности в правах как для правоприменителей, так и для действующих в состоянии крайней необходимости граждан, учета экстраординарности обстановки и вариативности ситуаций крайней необходимости.

Казак Н. А.

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА СОУЧАСТИЯ В ПЕРИОД СССР

Казак Никита Александрович, студент 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, alekskazak7@gmail.com

Научный руководитель: доктор юрид. наук, профессор Грунтов И. О.

Институт соучастия привлек внимание ученых еще в период первых попыток закрепления уголовно-правовых норм. Еще со времен Русской правды говорится о формах соучастия и ответственности за них. Впервые

закрепляется подстрекательство и говорится о совершение преступления так называемым «скопом».

Статут Великого Литовского 1588 г. закреплял ответственность не только лица, совершившего преступление, но и пособника.

В Своде законов Российской империи 1832 г. общее понятие соучастие не было сформировано. Однако там уже имелась дифференциация соучастников на виды, выделялись организаторы и сообщники.

В более развернутом и систематизированном виде институт соучастия получил закрепление в Уложении уголовном и исправительном 1845 г. Соучастие здесь делилось на две основные формы: с предварительным сговором и без предварительного сговора. В ст. 13 Уложения в частности говорилось, что принимается во внимание совершено ли преступление с согласия всех соучастников или без него.

Наиболее значимым на сегодняшний день периодом в становлении и развитии института соучастия является этап нахождения Республики Беларусь в составе СССР.

При изучении вопроса становления института соучастия в СССР, некоторые ученые предлагают разделение на 2 этапа: 1) 1917–1957 гг.; 2) 1958–1996 гг.

С приходом к власти большевиков в результате Октябрьской революции 1917 г. вектор развития института соучастия приобрел классовый характер. Отмена законов Российской Империи и создание нового государства, заставили пересмотреть законодательство. В том числе изменено и уголовное право. Одновременно с этим в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 г. был на законодательном уровне закреплен термин «соучастие», а также выделено три формы: шайка, толпа, банда.

В период существования союза стала понятна возрастающая значимость института соучастия. Интересы новой советской власти были направлены на развитие этого института. Институт соучастия рассматривался в широких масштабах. Давались крайне обобщенные определения в обращениях, постановлениях и декретах власти.

Уголовный кодекс (УК) РСФСР 1922 г. в основном воспроизводил определения из Руководящих начал по уголовному праву РСФСР. Раскрывались понятия пособников, исполнителей и укрывателей. УК 1922 г. предусматривал две формы соучастия: шайка и банда. Важно отметить, что разница между ними заключалась лишь в вооруженности.

Значительным шагом в развитии института соучастия стало принятие УК 1960 г. Нормы кодекса отразили определение соучастия в ст. 17. Под ним понималось умышленное совместное участие двух и более лиц в совершении преступления. Также закреплены виды соучастников: исполнитель, организатор, пособник, подстрекатель.

Значительный вклад в развитие института соучастия в уголовном праве внес М. Д. Шаргородский. В своей работе «Вопросы общей части уголовного права» он указывает необходимость введения коллективной ответственности. Несмотря на то, что многие ученые, суды, правоохранительные органы

оспаривали коллективную ответственность и признавали исключительно индивидуальный принцип, М. Д. Шаргородский продолжал исследовать данный вопрос.

Еще Н. С. Таганцев писал о том, что учение о соучастии представляет собой одно из наиболее запутанных учений теории преступления, но все же остается важным для уголовного права.

Развитие института соучастия не прекращается и на сегодняшний день. Большое количество ученых работают над совершенствованием данного вопроса.

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что институт соучастия в преступлении – один из самых древних в уголовно-правовой науке. Его изучение стало актуальным еще со времен существования Русской Правды.

Период вхождения Республики Беларусь в состав СССР является наиболее значимым из-за происходивших на тот момент политических изменений. Законодательное закрепление понятия соучастия в преступлении, а также его форм позволило бывшим советским республикам сформировать свое уголовное законодательство, а также отразить в нем исследуемый институт.

Карев М. П.

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА ВИДОВ НЕОСТОРОЖНОЙ ФОРМЫ ВИНЫ

Карев Максим Павлович, студент 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, imax20055@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Шидловский А. В.

Вина является важнейшим признаком преступления. В соответствии с ч. 5 ст. 3 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) лицо подлежит уголовной ответственности только за те совершенные им общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, предусмотренные настоящим Кодексом, в отношении которых установлена его вина, то есть умысел или неосторожность. Уголовная ответственность за невиновное причинение вреда не допускается.

Вина представляет собой категорию правовую. Согласно ч. 1 ст. 21 УК: «Вина – это психическое отношение лица к совершаемому общественно опасному деянию, выраженное в форме умысла или неосторожности». В свою очередь, в соответствии с ч. 1 ст. 23 УК преступлением, совершенным по неосторожности, признается общественно опасное деяние, совершенное по легкомыслию или небрежности.

В УК Республики Беларусь законодатель определил, какие преступления относятся к совершенным по легкомыслию, а какие по небрежности. В ч. 2 ст. 23 УК определено: «Преступление, признается совершенным по легкомыслию, если лицо, его совершившее, предвидело возможность наступления общественно опасных последствий своего действия или

бездействия, но без достаточных оснований рассчитывало на их предотвращение». В ч. 3 ст. 23 УК отмечается, что «преступление признается совершенным по небрежности, если лицо, его совершившее, не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий своего действия или бездействия, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было и могло их предвидеть».

Исходя из вышеуказанных позиций, можно сказать, что при легкомысленном совершении преступления лицо предвидит возможность наступления общественно опасных последствий и рассчитывает на их предотвращение.

Для этого вида неосторожности характерен легкомысленный расчет на предотвращение общественно опасных последствий. Интеллектуальный момент при легкомыслии включает в себя предвидение возможности наступления общественно опасных последствий и предвидение возможности их предотвратить. Однако предвидение этой возможности носит абстрактный характер.

При небрежном совершении преступления у лица отсутствует предвидение общественно опасных последствий, а также обязанность и возможность их предвидения.

При преступной небрежности интеллектуальный момент состоит в том, что виновный не предвидел, но имел возможность предвидеть общественно опасные последствия своих деяний. Волевой элемент небрежности заключается в отсутствии со стороны виновного надлежащих волевых актов при наличии обязанности и субъективной возможности предвидеть общественно опасные последствия своих деяний.

Неосторожная вина в преступлении, не связанном с наступлением последствий, может быть только в виде небрежности.

В УК определение небрежности базируется на сочетании двух критериев: объективного и субъективного. Объективный критерий определен в законе формулой: «Лицо должно было предвидеть». Субъективный критерий закреплен в законе выражением: «Лицо могло предвидеть».

Объективный критерий служит для того, чтобы определить, как должен вести себя в определенной ситуации любой человек, который занимается этой сферой деятельности. Вопрос о том, мог ли субъект в данной конкретной ситуации предвидеть общественно опасные последствия своего деяния, решается лишь на основе субъективного критерия. Для этого необходимо выяснить профессионализм человека, его знания, опыт и другие обстоятельства.

Объективный и субъективный критерии небрежности отражают определенное психическое отношение лица к охраняемым интересам. У конкретного лица возможность предвидеть имеет место, когда при данных обстоятельствах эти последствия мог предвидеть средний благоразумный человек, который занимается данной сферой деятельности. Если эти последствия не мог предвидеть средний благоразумный человек, то деяние признается совершенным невиновно. Соблюдение требований с точки зрения

благоразумной необходимости исключает наличие объективного критерия небрежности.

Неосторожные преступления в уголовном законе являются менее опасными по сравнению с умышленными. Несмотря на это, следует указать, что общественно-опасные последствия от неосторожных преступлений могут повлечь за собой даже наибольший вред, чем преступления, совершенные умышленно. Стремительный рост неосторожных преступлений, а также тяжесть наступающих общественно опасных последствий нашли свое отражение в УК Республики Беларусь, который увеличил количество норм о неосторожных преступлениях.

Кобозева А. А.

АНАЛИЗ МЕЖДУНАРОДНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ОТНОШЕНИИ ЖЕНЩИН, ОТБЫВАЮЩИХ НАКАЗАНИЕ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ, ИМЕЮЩИХ МАЛОЛЕТНИХ ДЕТЕЙ

Кобозева Анастасия Александровна, курсант 3 курса Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия, kobozeva9@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Федотова Е. Н.

В соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации провозглашен приоритет общепризнанных норм и принципов международного права по отношению к национальному законодательству. Пенитенциарная политика нашего государства так же направлена на соблюдение прав и свобод осужденных в соответствии с международными правовыми актами и стандартами. В частности, нормы международного права отражают политику реализации уголовного наказания в отношении осужденных женщин как особой социальной группы.

Рассматривая вопросы классификации норм международного права, касающихся, осужденных женщин, Н. Брезгина предлагает объединить эти нормативные акты в следующие группы: 1) документы общего характера; 2) стандарты, касающиеся правового положения осужденных как субъектов уголовно-исполнительных правоотношений; 3) стандарты, определяющие права только осужденных женщин, учитывающие их физиологические и иные особенности. Это стандарты, касающиеся оказания медицинской помощи женщинам, в том числе беременным и женщинам с детьми, особенностей применения отдельных средств исправления и др.

Отдельные особенности правового положения осужденных женщин учитывают Минимальные стандартные правила ООН в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы), которые несколько расширили права осужденных женщин:

– мужчин и женщин следует содержать в раздельных учреждениях; (правило 11);

– женские тюремные учреждения должны располагать особыми помещениями для необходимого лечения и ухода за беременными женщинами и роженицами (правило 28);

– запрет на использование одиночного заключения в случаях, связанных с женщинами и детьми (правило 45);

– интрузивные обыски… осуществляются прошедшим подготовку персоналом того же пола, что и заключенный (правило 52).

Что касается детей осужденных женщин, то в Правилах Нельсона Манделы указано, что необходимо: а) обеспечить наличие внутренних или внешних служб по уходу за детьми, располагающих квалифицированным персоналом, куда детей следует помещать в периоды, когда они не пользуются заботой со стороны своих родителей; б) обеспечить специальное детское медико-санитарное обслуживание, включая обследование состояния здоровья при поступлении и постоянный контроль специалистов за их развитием. К детям, находящимся в тюрьме с одним из родителей, никогда нельзя относиться как к заключенным» (правило 29).

Во многих зарубежных пенитенциарных системах предусмотрено совместное проживание осужденной матери с детьми. В Дании, Греции возможно совместное проживание даже в тех случаях, когда женщина приговорена к одиночному заключению. Особо ценен опыт тюрьмы для женщин Фехта (Нижняя Саксония, Германия), на территории которой располагается дом матери и ребенка. Всего в Германии семь таких учреждений.

Цель деятельности учреждения – избежать разделения матерей и детей в период отбывания наказания и не допустить нарушений в развитии ребенка. Особое внимание обращено на содействие укреплению взаимоотношений матери и ребенка, повышение компетентности осужденной по воспитанию детей с учетом их возраста и уровня развития.

В доме матери и ребенка предусмотрен следующий распорядок дня: подъем, завтрак с детьми, работа осужденных и нахождение детей в яслях, обед детей, тихий час, свободное время, ужин, укладывание детей в кровать (ночной сон). В период нахождения осужденной на работе дети направляются в детские игровые группы под контроль опытных воспитателей. Дети старшего возраста по согласованию с управлением по делам молодежи могут посещать государственные детские сады.

Особое место в международном законодательстве занимает вопрос о деятельности персонала учреждений, исполняющих наказания, особенно в отношении женщин, имеющих малолетних детей в условиях лишения свободы. Так, в разделе «Персонал заведений» в п. 46–55 Минимальных стандартных правил обращения с заключенными регламентировано, что тюремный персонал должен быть подобран тщательным образом. Персонал пенитенциарного учреждения должен быть образованный и развитый, для того чтобы служить примером для заключенных и завоевать их уважение.

Таким образом, проанализировав основы международного законодательства в отношении осужденных женщин, необходимо отметить, что оно свидетельствует об особой заботе государства о женщинах с учетом их физиологических и иных особенностей. Возможность для матери иметь физический и психологический контакт со своим ребенком, общаться с ним нередко является необходимым условием ее исправления.

Ковалёва А. В.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: PRO ET CONTRA

Ковалёва Александра Викторовна, студентка 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, sashunya.kovalyova@gmail.com

Научный руководитель: доктор юрид. наук, профессор Савенок А. Л.

Уголовное право содержит примеры различных интерпретаций субъекта преступления. Несмотря на это, в XXI в. вопрос о данном элементе состава преступления остается нерешенным. Анализ имеющихся позиций белорусских (Н. А. Бабий, И. О. Грунтов, А. В. Шидловский и др.) и зарубежных ученых (А. В. Наумов, С. Г. Келина, А. С. Никифоров, Е. В. Виноградова и др.) показывает, что до настоящего времени отсутствует единая позиция об ответственности юридических лиц. Кроме того, в связи с развитием искусственного интеллекта поднимается вопрос об его отнесении к субъекту преступления. На сегодняшний день институт уголовной ответственности юридических лиц предусмотрен в таких странах, как Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии, Соединенные Штаты Америки, Французская Республика и др. В большинстве стран постсоветского пространства настоящий институт не предусмотрен.

В соответствии с уголовным законодательством Республики Беларусь субъект преступления – физическое лицо, достигшее необходимого возраста, находящееся в состоянии вменяемости и совершившее общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом. В ст. 5 и 6 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) регламентирован круг лиц, которые несут уголовную ответственность: граждане Республики Беларусь, лица без гражданства и иностранные граждане, которые не пользуются дипломатическим иммунитетом. УК закрепляет положение, согласно которому юридическое лицо не может быть субъектом преступления. Когда общественно опасное деяние совершают представители юридического лица, то они и несут уголовную ответственность (например, ст. 274 УК). С. Г. Келина отмечает, что привлечение к уголовной ответственности руководителей и иных физических лиц, представляющих юридическое лицо, как правило, связано с объективным вменением. Преступная деятельность юридического лица зачастую длится годами, а привлекают к ответственности то лицо, при котором она была раскрыта.

Сторонники введения уголовной ответственности юридических лиц в качестве аргумента ссылаются на такие международно-правовые акты, как Конвенция Организации Объединенных Наций (далее – ООН) против коррупции от 31.10.2003 г.; Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности от 15.11.2000 г.; Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию (ETS № 173) от 27.01.1999 г. и др. Так, согласно ст. 10 Конвенции ООН против транснациональной и

организованной преступности, каждое государство-участник принимает такие меры, которые, с учетом его правовых принципов, могут требоваться для установления ответственности юридических лиц за участие в серьезных преступлениях, к которым причастна организованная преступная группа.

Стоит отметить, что при условии соблюдения правовых принципов государства ответственность юридических лиц может быть не только в рамках уголовного законодательства, но и гражданского или административного.

Еще одним аргументом в пользу введения уголовной ответственности для юридических лиц является то, что это позволит существенно увеличить размер штрафов. Е. В. Виноградова говорит: «Уголовно-правовые санкции, применяемые за экологические преступления, должны сделать экономически невыгодным для того предприятия, всех его работников занятие экологически вредной производственной деятельностью». Несмотря на то, что в Республике Беларусь размер штрафа достаточно высокий, тем не менее это все равно не покрывает весь ущерб, причиненный в результате экологических, экономических и иных преступлений. Однако подход Е. В. Виноградовой кардинально меняет функцию уголовной ответственности компенсационной функцией, присущей не уголовному, а гражданскому праву.

Согласно ч. 1 ст. 3 УК одним из принципов уголовной ответственности является принцип личной виновной ответственности, который подразумевает, что лицо подлежит уголовной ответственности только за те совершенные им общественно опасные деяния и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина, т. е. умысел или неосторожность. Юридическое лицо – не человек, поэтому не стоит говорить о воле, вине, мотивах и мотивации. Ничего этого у юридического лица нет и быть не может.

Таким образом, рассмотрев вопрос введения уголовной ответственности юридических лиц, можно заключить следующее: в настоящее время введение данного института с учетом действующего законодательства нецелесообразно по причине наличия эффективной административно-правовой и гражданско-правовой ответственности. В случае введения данного института последует концептуальный пересмотр ряда институтов уголовного права. В связи с вышеизложенным вопрос требует дальнейшего исследования.

Козырев И. В.

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРИСВОЕНИЯ ЛИБО РАСТРАТЫ

Козырев Илья Витальевич, курсант 4 курса факультета криминальной милиции Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь, ilyakozyrev40@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук Мартынов А. О.

Преступления против собственности представляют собой преступления, при которых нарушаются права собственников или имущественные интересы

государства, общественных организаций или граждан. Они имеют серьезные негативные последствия для общества и экономики, так как нарушают предусмотренные законодательством права, подрывают доверие к правопорядку и справедливости, способствуют распространению коррупции и организованной преступности, снижают инвестиционную привлекательность Республики Беларусь. Одним из преступлений против собственности, выявляемых сотрудниками подразделений по борьбе с экономическими преступлениями, является присвоение либо растрата (ст. 211 Уголовного кодекса Республики Беларусь, далее – УК), заключающиеся в том, что лицо, которому вверено имущество, незаконно присваивает его себе или расходует его вопреки воле собственника.

Данная статья состоит из четырех частей. Квалифицирующим признаком ч. 2 ст. 211 УК является совершение повторно либо группой лиц по предварительному сговору. Часть 3 ст. 211 УК предусматривает крупный размер (сумма в двести пятьдесят и более раз превышающая размер базовой величины), а ч. 4 ст. 211 УК – действия, совершенные организованной группой либо в особо крупном размере (сумма в тысячу и более раз превышающая размер базовой величины).

Объектом преступления в данном случае являются общественные отношения в области собственности.

Объективная сторона рассматриваемого преступления представляет собой совокупность объективных признаков, которые позволяют отличить преступное деяние. Объективная сторона состоит из общественно опасного деяния, возникшего в результате совершения, последствий и причинно-следственной связи между деянием и наступившими последствиями. Объективная сторона данного преступления характеризуется общественно опасным деянием в форме действия, а именно завладением вверенным имуществом.

Субъект данного преступления общий, а именно физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста.

Рассматриваемое преступление может быть совершено только с прямым умыслом, при котором виновный осознает общественную опасность своего деяния, предвидит неизбежность наступления общественно опасных последствий и желает их наступления.

Цель совершения данного преступления, т. е. результат, которого хочет достичь субъект, – получение материальной выгоды.

Стоит учитывать, что схожим преступлением является кража, предусмотренная ст. 205 УК, которая представляет собой тайное хищение имущества. Главное отличие состоит в том, что при присвоении либо растрате имущество вверено лицу, после чего лицо его присваивает или распоряжается им, а при краже имущество находится у другого лица.

Таким образом, знание уголовно-правовой характеристики данного преступления необходимо оперативному сотруднику подразделений по борьбе с экономическими преступлениями для понимания сущности преступления и отождествления схожих по признакам составов преступлений.

Лебедевич Т. С.

РЕСОЦИАЛИЗАЦИЯ ОСУЖДЕННЫХ КАК ОДИН ИЗ АСПЕКТОВ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

Лебедевич Татьяна Светославовна, курсант 3 курса уголовно-исполнительного факультета Академии МВД Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь, int@amia.by

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Шабаль В. С.

Тема предупреждения преступности не теряет своей актуальности никогда. Из этого следует, что с развитием общества должны совершенствоваться и способы достижения данной цели. Исторически сложилось, что одним из таких способов является применение наказания в лицу, преступившему закон.

Одним из древнейших видов наказания является лишение свободы, которое берет свое начало с древних времен, когда преступников содержали в условиях изоляции до определения им «настоящего наказания», например смертной казни. Иными словами, лишение свободы изначально не было полноценным видом наказания, однако в процессе социального усовершенствования появлялась необходимость и в совершенствовании данного вида наказания путем выделения новых целей, задач, методов и принципов его исполнения и применения наказания в целом.

Согласно ст. 7 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь (далее – УИК) применение наказания и иных мер уголовной ответственности имеет целью исправление осужденных и предупреждение совершения преступлений как осужденными, так и другими лицами. Соответственно данные цели распространяются и на лишение свободы как вид наказания, что говорит о том, что для осужденных к лишению свободы должны создаваться соответствующие условия для их исправления и предупреждения совершения ими новых преступлений, что закреплено в ст. 63 УИК. Однако также стоит обратить внимание и на то, что немаловажным аспектом является и предупреждение совершения преступлений осужденным после отбывания наказания. Для этого необходимо создать все условия для успешной ресоциализации осужденных и формирования у них уверенности в том, что у них получится вести правопослушный образ жизни.

Сейчас это направление реализуется путем помощи осужденным после отбывания ими наказания (гл. 26 УИК) а также наблюдения и надзора за освобожденными после отбывания наказания (гл. 27 УИК).

Что касается помощи осужденным после отбывания ими наказания, сейчас данная мера реализуется путем трудового и бытового устройства осужденных. Важно отметить ее актуальность, поскольку в исправительных учреждениях им прививаются такие положительные качества, как соблюдение определенного распорядка дня, выполнение различных работ, отказ от вредных привычек. Однако они привыкают не только к этому, а также и к коллективу, определенным условиям проживания, которые

создаются государством и работниками исправительного учреждения. А после того, как осужденные отбыли наказание, они возвращаются в ту же среду, что и до осуждения, что может пагубно отразиться на привитых качествах. Таким образом, видится рациональным создать так называемые адаптационные дома или ресоциализационные центры, в которые осужденных бы переводили в последний период отбывания наказания, который определялся бы в зависимости от отбываемого срока наказания.

Однако стоит обратить внимание и на то, что такое реформирование требует существенных вложений со стороны государства. По этой причине сначала стоило бы рассмотреть возможность создания на территориях исправительных учреждений отдельных зон, в которые также можно было переселить осужденных, отбывающих последний период своего наказания, с возможностью покидать исправительное учреждение на короткий срок с разрешения его администрации и при наличии положительной характеристики. Таким образом, место дислокации осужденных, а также осуществляемый за ними контроль останутся прежними, а они смогут постепенно привыкать к другой жизни. Также ставится возможным рассмотреть вопрос о предоставлении нуждающимся на первое время после отбывания наказания места в общежитии, где в свою очередь их гораздо проще контролировать сотрудникам правоохранительных органов.

Если обратиться к международному опыту, необходимо отметить, что в Федеральной Республике Германия у осужденных, например, имеется возможность жить в переходном доме (срок проживания не превышает 18 месяцев). Для женщин, а также мужчин, которым не хватило места в переходном доме, снимаются квартиры.

В Японии также законом закреплено функционирование общежитий, в которых осужденным предоставляется возможность временного проживания.

В Казахстане с этой целью организованы центры социальной реабилитации и адаптации, куда осужденные после освобождения могут обращаться за помощью.

Таким образом, можно сделать вывод, что в различных странах принимаются подобные на предлагаемые меры, что положительно влияет на ресоциализацию осужденных, а это в свою очередь является одним из способов предупреждения совершения ими новых преступлений.

Лущик И. В.

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПОСТРОЕНИЯ САНКЦИЙ СТАТЕЙ В ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Лущик Ирина Витальевна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, Lushchikg@gmai.com

Научный руководитель: доктор юрид. наук, профессор Савенок А. Л.

Одной из актуальных проблем в настоящее время являются вопросы конструирования санкций статей Особенной части Уголовного кодекса

Республики Беларусь (далее – УК). Проанализировав Особенную часть УК можно заметить, что почти во всех преступлениях в санкциях статей законодатель закрепил такой вид наказания, как лишение свободы. Поскольку наказание в виде лишения свободы предусматривает изоляцию лица от общества и связано с ограничением конституционных прав граждан (право на свободу, личную неприкосновенность), вопрос об эффективности его применения, а также структуре построения в статьях Особенной части УК в настоящее время актуален. Данный аспект в юридической науке изучали Г. А. Василевич, В. А. Козлов, М. Ю. Осипов, А. Л. Савенок, В. В. Тулегенов, Т. В. Филипчик и др. Однако, несмотря на значительное число исследований, посвященных рассматриваемой теме, некоторые вопросы до сих пор остаются нерешенными.

Санкции норм Особенной части УК представляют собой определенное логическое построение нормативного материала, имеющего качественно-количественные характеристики. Суд при назначении того или иного вида наказания для соблюдения принципа справедливости назначенного наказания должен учитывать все обстоятельства дела: степень и характер общественной опасности совершенного деяния, смягчающие и отягчающие вину обстоятельства, категорию преступлений, иное. Но не всегда эти факторы учитываются.

Для наглядности приведем пример конструирования санкций статей в некоторых насильственных и ненасильственных преступлениях. Так, в ч. 1 ст. 147 УК законодатель может назначить наказание в виде лишения свободы на срок от 3 до 8 лет, по ч. 2 – от 5 до 10 лет и по ч. 3 – от 5 до 15 лет. По части первой лицо причиняет умышленно тяжкое телесное повреждение, по второй части – тяжкое телесное повреждение может быть уже причинено в составе группы лиц, по третьей – квалифицирующими признаками выступают совершение данного деяния повторно или причинение тяжкого телесного повреждения, повлекшее по неосторожности смерть человека. Наблюдается, что по каждой из указанных частей ст. 147 УК суд может назначить одинаковый срок наказания в виде лишения свободы, несмотря на то, что в соответствии со ст. 12 УК по первой и второй части преступление признается тяжким, по третьей – особо тяжким. Также приведем пример ненасильственного преступления: ч. 1 ст. 209 УК предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок до 3 лет – менее тяжкое преступление, по части второй – до 4 лет (менее тяжкое), третьей – лишение свободы от 2 до 7 лет (тяжкое), четвертой – от 3 до 10 лет (тяжкое). Обозначим, что в данном преступлении суд также по любой части статьи может назначить одинаковое наказание. Закон не запрещает осудить лицо по ч. 3 ст. 209 и назначить ему наказание в виде лишения свободы сроком на 2 года, а по ч. 1 ст. 209 – сроком на 3 года, что не будет соответствовать принципу индивидуализации наказания.

Выделим также, что имеются преступления, не представляющие большой общественной опасности. Законодатель за такие преступления закрепил наказание в виде лишения свободы сроком до 2 лет. Но возникает

вопрос, есть ли необходимость применения лишения свободы к лицам, совершившим преступления, не представляющие большой общественной опасности? Ведь, как известно, при назначении наказания должна быть достигнута основная цель уголовной ответственности, закрепленная в ч. 2 ст. 44 УК. Будет ли она достигнута при изоляции лиц, совершивших преступления, не представляющие большой общественной опасности? Полагаем, что не совсем, ведь длительное отбывание наказания в виде лишения свободы повышает риск десоциализации осужденного и чем длительней их пребывание в условиях изоляции, тем более усугубляются негативные последствия лишения свободы. Предлагается для таких преступлений применять альтернативные виды наказаний, такие как штраф, исправительные работы, которые не предусматривают изоляцию лица от общества.

На основании вышеизложенного следует заключить, что санкция статьи должна соответствовать определенной категории преступлений. Так, предлагается в каждой части статьи установить минимум предела наказания в виде лишения свободы, который будет соответствовать категории преступления. Как упоминалось ранее, такой вид наказания, как лишение свободы, предполагает изоляцию лица от общества, что, несомненно, ограничивает его основные конституционные права (право на свободу, личную неприкосновенность) и свидетельствует о применении такого вида наказания в исключительных случаях. Следовательно, предлагается применять данный вид наказания лишь только в отношении лиц, совершивших менее тяжкие, тяжкие и особо тяжкие преступления, поскольку такие лица могут причинить более существенный вред обществу, а в отношении лиц, совершивших преступления, не представляющие большой общественной опасности применять альтернативные виды наказаний, такие как, например, штраф, исправительные работы, которые не предполагают изоляцию лица от общества.

Макась Д. А.

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ СПЕЦИАЛЬНОЙ КОНФИСКАЦИИ В ТАМОЖЕННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Макась Дарья Алексеевна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, makas.d@list.ru

Научный руководитель: доктор юрид. наук, профессор Савенок А. Л.

Установленный порядок перемещения через таможенную границу Республики Беларусь имущества охраняется уголовным законом посредством определения круга таможенных преступлений (ст. 228–231, 328-1, 333-1 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК)).

В случае совершения вышеуказанных деяний имущество, являющееся предметом специальной конфискации по ст. 46-1 УК, подлежит принудительному безвозмездному изъятию в собственность государства. Тем

не менее при обращении к положениям основных нормативных правовых актов в области таможенных правоотношений, а именно: Таможенному кодексу Евразийского экономического союза (далее – ТмК), Закону Республики Беларусь от 10 января 2014 г. № 129-З «О таможенном регулировании в Республике Беларусь» (далее – Закон), возникают вопросы, связанные с применением положений ст. 46-1 УК.

Обозначим, что в законодательстве Республики Беларусь отсутствует единое понятие специальной конфискации. Ее статус является неопределенным как в УК (не является наказанием или иной мерой уголовной ответственности), так и в Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях (не содержится в перечне административных взысканий).

Иная тенденция наблюдается в законодательстве о таможенном регулировании Республики Беларусь: понятие «специальная конфискация» не употребляется ни в ТмК, ни в Законе. Вместо «специальной конфискации» в текстах вышеуказанных нормативных правовых актов отражены понятия «конфискация», а также «обращение в собственность (доход) государства-члена». Следовательно, не представляется возможным выяснить следующие моменты:

1) в чем заключается различие конфискации и обращения в собственность (доход) государства-члена, что используется в некоторых статьях ТмК (например, ч. 1 ст. 16, п. 4 ч. 3 ст. 56, п. 4 ч. 1 ст. 67 и др.) и должно осуществляться в соответствии с законодательством этого государства-члена;

2) нельзя однозначно ответить на вопрос, применима ли специальная конфискация по ст. 46-1 УК, так как из положения ТмК (ч. 4–5 ст. 133, ч. 4 ст. 98 и др.) и Закона (подп. 1.6 п. 1 ст. 310 и др.) вытекает, что конфискация или обращение в собственность (доход) государства-члена товаров, помещенных под таможенную процедуру, могут быть осуществлены по решению суда и в качестве наказания (взыскания).

Констатируем, что закрепленные в вышеназванных нормативных правовых актах рассматриваемые понятия по своей сути являются специальной конфискацией предметов преступления, а также орудий и средств их совершения, так как изымается не все имущество (или его часть) обвиняемого, а лишь определенное законом.

Видится, что предписания УК и ТмК не согласовываются друг с другом. По этой причине ставится вопрос, как соотносятся данные кодифицированные нормативные правовые акты по юридической силе. В соответствии со ст. 36 Закона Республики Беларусь от 23 июля 2008 г. № 421-З «О международных договорах Республики Беларусь» международные договоры имеют силу того нормативного правового акта, которым выражено согласие Республики Беларусь на обязательность для нее соответствующего международного договора. Аналогичная норма действовала и на момент ратификации ТмК.

Международный договор «Договор о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза» ратифицирован Республикой Беларусь соответствующим законом. Согласно п. 5 ст. 23 Закона Республики Беларусь

от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах», кодексы имеют большую юридическую силу, чем другие законы. Исходя из этого, положения ТмК должны соответствовать предписаниям УК, что в настоящее время не реализовано.

Государства – члены Евразийского экономического союза координируют политику в отраслях экономики, а нормативные правовые акты в рассматриваемой сфере не касаются предмета уголовно-правовой охраны сферы внешнеэкономической деятельности. Ввиду этого решение вопроса об уголовной ответственности лица, совершившего таможенное преступление, о признаках деяний, относящих их к преступным, является исключительной компетенцией национальных органов власти государств-членов. Следовательно, уголовные законы содержат различные уголовно-правовые запреты, что порождает трудности при их правоприменении во взаимодействии с положениями ТмК.

Резюмируем, что предписания нормативных правовых актов Республики Беларусь в области таможенных правоотношений и положения УК о специальной конфискации являются нескоординированными и требуют совершенствования путем внесения необходимых изменений и дополнений на основе анализа зарубежного уголовного законодательства.

Никифоренко Н. Н.

К ПРОБЛЕМЕ КВАЛИФИКАЦИИ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ НА ПРЕДМЕТЫ ВИРТУАЛЬНОГО МИРА

Никифоренко Никита Николаевич, курсант 2 курса Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь, oxitniki@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Реутская Е. А.

В последние десятилетия виртуальная реальность и цифровые технологии стремительно развиваются, оказывая влияние на все сферы жизни, включая экономику, культуру, социальные отношения и правовые системы. С развитием виртуальной реальности и цифровых пространств возникают новые формы взаимодействия между людьми, которые, в свою очередь, порождают уникальные правовые проблемы. Предметы виртуального мира представляют собой цифровые активы, которые существуют в виртуальных мирах, таких как онлайн-игры, виртуальные платформы и метавселенные. Однако их существование и правовой статус вызывают вопросы, особенно в уголовном праве по причине роста количества преступлений, направленных на виртуальные объекты, что делает их исследование особенно актуальным.

Посягательства на такие данные, как пароли, банковская информация, медицинские сведения и другие личные данные, ставят под угрозу не только финансовую, но и личную безопасность людей. Так, кража виртуальной личности, например, может привести к огромным потерям для потерпевших, включая финансовые убытки и вред репутации. Виртуальные объекты, такие

как аккаунты в социальных сетях или доступ к финансовым системам, являются важными аспектами личной жизни, и их защита требует новых подходов и инструментов. Исследование преступлений, связанных с утечками данных, взломом аккаунтов и хищением виртуальной идентичности, позволяет разрабатывать способы предотвращения подобных угроз и укреплять правовую защиту персональной информации.

В связи с изложенным отметим, что в настоящее время назрела необходимость внесения изменений в Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК), а именно в части регламентации уголовной ответственности в сфере информационной безопасности, так как в настоящее время отсутствуют нормы, которые в полной мере смогли бы учесть как «виртуальный» способ совершения преступления и предметы виртуального мира как предмет преступления, так и наступившие неблагоприятные последствия в виде реального экономического ущерба, упущенной выгоды или нарушения конституционных прав граждан.

Такие национальные правовые документы, как Концепция национальной безопасности Республики Беларусь (п. 27, 34, 42, ч. 2 п. 54) и Концепция информационной безопасности Республики Беларусь (п. 19) повышенное внимание уделяют противодействию преступлениям против информационной безопасности, что предполагает постепенное совершенствование уголовного законодательства в указанной сфере. Необходимо также учесть, что правовое регулирование виртуальной собственности не в полной мере нашло свое закрепление в законодательстве Республики Беларусь, что вызывает необходимость более подробного рассмотрения самого понятия «предметы виртуального мира».

Стоит начать с определения самого предмета преступления для более точного определения предметов виртуального мира как предмета в уголовном праве. Так, под предметом преступления традиционно понимается овеществленный элемент материального мира, воздействуя на который в обязательном порядке субъект преступления осуществляет противоправное посягательство. Понятие предметов виртуального мира в настоящее время является весьма дискуссионным, но чаще всего к таковому относят нематериальные объекты, которые имеют экономическую ценность, полезны и могут быть использованы исключительно в виртуальном пространстве (игровое имущество, криптовалюта, виртуальные токены, доменные имена, виртуальное имущество в социальных сетях и др.). Ключевым словосочетанием в определении является «нематериальный объект», т. е. виртуальная собственность, не обладающая физическим свойством предмета преступления, на которую отсутствует владение как черта права собственности в соответствии со ст. 210 Гражданского кодекса Республики Беларусь.

Следовательно, для включения предметов виртуального мира в предмет преступления первоначально надлежит изменить подходы к определению объектов и правомочий собственника по совладению, пользованию и распоряжению объектами виртуального мира в гражданском праве, а именно, изучить какие предметы могут находиться в собственности лица и в

отношении которых не может осуществляться владение ввиду невозможности физического взаимодействия.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что изучение предметов виртуального мира в уголовном праве является важным шагом в адаптации правовой системы к новым реалиям. Виртуальные активы приобретают все большую значимость, и развитие уголовного права в этой области позволит не только защитить пользователей виртуальной реальности от преступных посягательств, но и создать условия для безопасного и устойчивого развития цифровой экономики.

Севрюк Е. В.

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Севрюк Евгения Викторовна, студентка 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, evgenia.sevruk21@gmail.com

Научный руководитель: старший преподаватель Головенчик М. Г.

В условиях нарастающих темпов научно-технического прогресса, особую актуальность приобретает вопрос цифровой трансформации уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 г. (далее – Концепция), утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 апреля 2021 г. № 1138-р, содержит гл. XIV «Цифровая трансформация и научно-техническое развитие уголовно-исполнительной системы», определяющую цели и подходы к созданию единого информационного пространства, основанного на цифровых технологиях, в целях оптимизации рабочих процессов, управления данными, обеспечения безопасности и повышения эффективности функционирования Федеральной службы исполнения наказаний (далее – ФСИН), ее территориальных органов и учреждений. Кроме того, согласно Федеральной целевой программе «Развитие уголовно-исполнительной системы (2018– 2030 годы)», утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 6 апреля 2018 г. № 420, объем финансирования программы составляет 105 026,102 млн. руб. (ориентировочно 3 674 443 204,57 бел. руб.).

Ключевым же вопросом достижения поставленных целей стало формирование цифровой компетентности сотрудников ФСИН. Учеными О. Г. Ковалевым, М. Ю. Багнычевым посредством анкетирования сотрудников отдела ФСИН по Карачаево-Черкесской Республике, управлений ФСИН по Новгородской и Псковской областям, Ставропольскому краю выявлено, что более 50 % респондентов не имеют достаточных навыков владения системой электронного документооборота.

Цифровая трансформация ФСИН не должна ограничиваться увеличением применяемых технических средств и систем. Основным содержанием реформы должна стать разработка новых моделей организации деятельности сотрудников, ориентированных на развитие цифровой компетентности. А. В. Антоновский отмечает, что цифровая компетентность подразумевает готовность и способность специалиста к использованию цифровых компетенций в учебной (при получении образовании, в рамках повышения квалификации) и в профессиональной (служебной) деятельности.

Особую актуальность вопрос цифровой компетентности сотрудников ФСИН приобретает в связи с внедрением информационной системы «Паноптикум» в марте 2025 г. в целях сбора и хранения информации о подозреваемых, обвиняемых и осужденных. Информационная система «Паноптикум» будет интегрирована в 2721 учреждениях уголовно-исполнительной системы, включая следственные изоляторы, исправительные колонии, воспитательные колонии, колонии-поселения, лечебно-исправительные учреждения, лечебно-профилактические учреждения, тюрьмы, уголовно-исполнительные инспекции и их филиалы, а также исправительные центры.

Отметим, что в рамках реализации Концепции предусмотрено применение технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) в деятельность ФСИН, что обусловливает необходимость подготовки специалистов, обладающих необходимыми знаниями и навыками в сфере применения ИИ.

Более того, как отмечает Д. В. Лукашенко, не только искусственный интеллект может быть внедрен в деятельность ФСИН, но и нейротехнологии, способствующие укреплению информационной безопасности посредством проактивного обнаружения и предотвращения угроз, что крайне важно в условиях развивающегося киберпространства.

Подводя итог вышеизложенного, следует отметить, что цифровая трансформация ФСИН, несмотря на наличие концептуальных и финансовых основ, требует улучшения цифровой компетентности сотрудников. Внедрение информационной системы «Паноптикум», ИИ и нейротехнологий требуют высокой квалификации в области цифровых технологий, однако исследования показывают, что в отдельных областях Российской Федерации более 50 % сотрудников отделов и управлений ФСИН не имеют достаточных навыков владения электронным документооборотом, что подчеркивает необходимость пересмотра образовательных стандартов и активизации кадровой подготовки. В условиях ожидаемого роста числа выпускников по профилю «ИИ», актуальность внедрения новых моделей обучения и организации работы становится особенно значимой для достижения стратегических целей цифровизации ФСИН. Принимая во внимание опыт Российской Федерации, представляется необходимым выработать собственные подходы к цифровизации уголовно-исполнительной системы Республики Беларусь, учитывать вызовы, связанные с подготовкой кадров и совершенствованием уголовно-исполнительной системы в целом.

Станилевич В. А.

СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ С ЛИЦОМ, НЕ ПОДЛЕЖАЩИМ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Станилевич Виктория Александровна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, vstanilevich1@mail.ru

Научный руководитель: доктор юрид. наук, профессор Грунтов И. О.

В науке уголовного права при рассмотрении некоторых аспектов института соучастия возникает дискуссия о квалификации совместного совершения преступления с лицом, которое не подлежит уголовной ответственности (в силу возраста, невменяемости или других предусмотренных уголовным законом признаков). Единого мнения в рамках доктрины уголовного права не сложилось. Все высказанные позиции можно свести к следующим группам: 1) соучастие не образуется; 2) соучастие образуется; 3) имеет место группа лиц без признаков соучастия.

Идея о невозможности соучастия в такого рода деяниях является наиболее распространенной среди ученых (П. С. Яни, Г. А. Кригер, А. П. Дьяченко, П. Ф. Тельнов, Д. А. Безбородов, А. А. Арутюнов, А. П. Козлов и др.). В обоснование данной позиции по большей части авторы указывают на то, что такие совместные действия не могут образовывать ни соучастие, ни группу, так как одно из лиц не является субъектом преступления, а также отсутствует двусторонняя субъективная связь. Учеными исключается возможность соучастия, соответственно невозможно квалифицировать данные действия по признаку «группа лиц».

Ряд ученых все же обосновывает наличие соучастия и, соответственно, группы лиц (Т. А. Хмелевская, А. И. Рарог, Г. А. Есаков, Ю. Е. Пудовочкин, С. Д. Макаров, А. В. Наумов, А. М. Трухин, Б. Я. Гаврилов). Среди аргументов: использование категории «лица» в дефиниции «соучастие» позволяет понимать под ними и субъектов, и не подлежащих уголовной ответственности лиц; отсутствие двусторонней субъективной связи не является препятствием для образования соучастия; осуществляемая по объекту и объективной стороне преступления уголовно-правовая оценка общественно опасного деяния, не подлежащего уголовной ответственности лица, позволяет признать его соисполнителем.

С нашей точки зрения, следует согласиться с мнением третьей группы ученых: осуществление преступления совместно с лицом, не подлежащим уголовной ответственности, образует группу лиц без признаков соучастия (Р. Р. Галиакбаров, В. В. Векленко, Е. Г. Быкова, Д. В. Савельев, Ю. А. Власов).

Р. Р. Галиакбаров рассматривает такие квалифицирующие обстоятельства в статьях Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации в качестве способа выполнения объективной стороны. В. В. Векленко также отмечает, что групповое преступление может быть совершено при отсутствии признаков соучастия. Таким образом, в основе квалификации по групповому признаку лежит не соучастие в преступлении нескольких лиц, а

способ совершения преступления, т. е. в такого рода случаях необходимо обращаться к объективной стороне преступления и определять было ли преступление фактически совершено в группе.

В. М. Хомич, проводя исторический анализ института соучастия в преступлении, указывает, что в дореформенный период судебная практика исходила из того, что понятием группы при совершении преступления охватывались как группы, образующие, так не образующие соучастие в преступлении.

На данный момент по Уголовному кодексу Республики Беларусь ввиду того, что соучастия не образуется, отсутствует возможность квалифицировать такие деяния по признаку «группа лиц» по соответствующим статьям Особенной части. Таким образом, соответствующие действия лица, подлежащего уголовной ответственности, наказываются необоснованно мягко, что не соответствует характеру и степени общественной опасности совершенного преступления. Все же лицо действует не единолично, а совместно с другим лицом, хоть и не подлежащим уголовной ответственности, рассчитывая на его интеллектуальные или физические возможности, что впоследствии и обусловливает достижение единого преступного результата.

Исходя из вышеизложенного, следует дополнить Уголовный кодекс Республики Беларусь статьей 17^1 (Совершение преступления группой без признаков соучастия) следующего содержания:

«Преступление признается совершенным группой без признаков соучастия, если в нем участвовали два или более лица, только одно из которых подлежит уголовной ответственности, а другие участники не подлежат уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости или других обстоятельств, предусмотренных настоящим Кодексом».

Стоит также внести изменения в ч. 12 ст. 4 Уголовного кодекса Республики Беларусь и изложить ее следующим образом: «Под группой лиц, если иное не оговорено в статье Особенной части настоящего Кодекса, понимается признак, характеризующий совершение преступления группой лиц без предварительного сговора, по предварительному сговору, группой без признаков соучастия или организованной группой».

Третьяк В. Д.

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ «ЛИШЕНИЕ СВОБОДЫ НА ОПРЕДЕЛЕННЫЙ СРОК» В УГОЛОВНОМ КОДЕКСЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Третьяк Виолетта Дмитриевна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, violettatretak7@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Дубко М. А.

Наказание в виде лишения свободы на определенный срок является одним из самых суровых видов наказаний. Несмотря на появление мер, альтернативных данному виду наказания, многие государства, в том числе и

Республика Беларусь, так и не смогли навсегда от него отказаться. Это объясняется тем, что продолжают совершаться тяжкие и особо тяжкие преступления, а также рецидивы преступлений. Учитывая, что лишение свободы на определенный срок связано с содержанием осужденного в исправительном учреждении, это обеспечивает безопасность личности, общества и государства от совершения новых преступных посягательств.

Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь) не содержит определения понятия «лишение свободы на определенный срок», поэтому для его определения следует обращаться к науке уголовного права. Так, в научно-практическом комментарии к УК Республики Беларусь 2019 г. наказание в виде лишения свободы на определенный срок «заключается в принудительной и относительно продолжительной изоляции осужденного от общества посредством содержания его на протяжении установленного судом срока в специальном учреждении под охраной и надзором» (абз. 1 ч. 1).

Проанализировав уголовные кодексы государств – участников СНГ по поводу определения понятия «лишение свободы на определенный срок», можно отметить, что Беларусь является единственным государством, которое не закрепило данное определение на законодательном уровне.

Следует выделить три основных признака, характеризующие лишение свободы на определенный срок как вид наказания, а именно: изоляция осужденного от общества, содержание его в исправительном учреждении, определенный срок содержания осужденного в исправительном учреждении.

В науке уголовного права по поводу того, происходит ли изоляция осужденного от общества при отбывании наказания в виде лишения свободы на определенный срок, возникают дискуссии. По мнению Р. М. Файзутдинова, наказание в виде лишения свободы на определенный срок не изолирует осужденного от общества, более того, оно назначается и отбывается именно в обществе. Отбывая наказание в виде лишения свободы на определенный срок, осужденный значительно ограничивается в возможности общения с семьей, друзьями, коллегами и иными лицами, которые его окружали в повседневной жизни до осуждения к данному виду наказания. В исправительных учреждениях осужденные могут взаимодействовать друг с другом, а также с сотрудниками исправительных учреждений. Соответственно, утверждение о том, что наказание в виде лишения свободы на определенный срок предполагает изоляцию осужденного от общества, является некорректным. Лишение свободы подразумевает изоляцию осужденного в исправительном учреждении от его нормальной повседневной жизни.

Следует отметить, что в УК Республики Беларусь содержатся определения таких видов наказаний, как арест и ограничение свободы. Данные виды наказания также связаны с изоляцией лица в специальном учреждении. Необходимость в разграничении данных видов наказаний также выступает в качестве одной из причин закрепления в УК Республики Беларусь определения понятия «лишение свободы на определенный срок».

Таким образом, «лишение свободы на определенный срок» можно определить как принудительную изоляцию осужденного от нормальной

жизненной среды путем помещения и содержания его в исправительном учреждении на протяжении срока, установленного судом. Полагаем, такое определение является достаточно полным, а также оно отражает основные признаки, характеризующие данный вид наказания.

На основании вышеизложенных фактов, считаем возможным дополнить ч. 1 ст. 57 УК Республики Беларусь:

«Статья 57. Лишение свободы на определенный срок

1. Лишение свободы на определенный срок представляет собой принудительную изоляцию осужденного от нормальной жизненной среды путем помещения и содержания его в исправительном учреждении на протяжении срока, установленного судом. Лишение свободы устанавливается на срок от шести месяцев, за исключением случая, предусмотренного частью 8 статьи 55 настоящего Кодекса, до двенадцати лет, за особо тяжкие преступления – на срок более двенадцати лет, но не свыше пятнадцати лет, а за особо тяжкие преступления, сопряженные с умышленным посягательством на жизнь человека либо с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов, либо преступления против государства – на срок не свыше двадцати пяти лет.».

Харитонова А. А.

ВЗЯТОЧНИЧЕСТВО: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПОЛОЖЕНИЙ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Харитонова Алёна Андреевна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, alenaharitonova860@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Шаблинская Д. В.

Эффективная деятельность в сфере борьбы с коррупцией является одним из условий социально-экономического развития государства. В современной правовой литературе представлено множество научных работ, посвященных проблемам коррупции. Некоторые исследователи акцентируют внимание на анализе антикоррупционного законодательства разных стран с целью выявления правовых пробелов и коллизий, другие специалисты подчеркивают необходимость улучшения механизмов борьбы с коррупционными преступлениями в условиях цифровизации и информатизации. Ряд авторов делают заключение о необходимости унификации положений об уголовной ответственности за коррупцию в Республике Беларусь и Российской Федерации.

Несмотря на высокий уровень научной проработки вопросов противодействия коррупции, все еще существует ряд противоречивых вопросов, требующих внимания экспертов и оперативного решения. По нашему мнению, для совершенствования существующих механизмов борьбы с коррупцией важно изучать зарубежный опыт, поскольку такой анализ

позволяет выявить наиболее эффективные антикоррупционные практики как в правотворческом, так и в правоприменительном аспектах.

Проведем сравнительно-правовой анализ норм об ответственности за взяточничество в уголовных кодексах Республики Беларусь (далее – УК) и Российской федерации (далее – УК РФ).

В УК РФ предусмотрено несколько составов преступлений, связанных со взяточничеством: ст. 290 (Получение взятки), ст. 291 (Дача взятки), ст. 291.1 (Посредничество во взяточничестве), ст. 291.2 (Мелкое взяточничество). Предметом преступления, предусмотренного ст. 290 УК РФ, является взятка «в виде денег, ценных бумаг, иного имущества либо в виде незаконных оказания ему услуг имущественного характера, предоставления иных имущественных прав». Немаловажно отметить, что понимание предмета взятки в ст. 430 УК и п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 26 июня 2003 г. № 6 «О судебной практике по делам о взяточничестве» в целом соответствует предмету взятки в УК РФ.

Получение взятки в УК РФ считается формальным составом, так как окончено с момента «получения должностным лицом, иностранным должностным лицом либо должностным лицом публичной международной организации лично или через посредника взятки». Аналогичный подход содержится и в ст. 430 УК: преступление признается оконченным с момента принятия должностным лицом хотя бы части взятки. Вместе с тем в ст. 290 УК РФ говорится о том, что получение взятки осуществляется в пользу «должностного лица, иностранного должностного лица, должностного лица публичной международной организации и когда взятка передается по указанию должностного лица иному физическому или юридическому лицу в том числе». Согласно ст. 430 УК получение взятки осуществляется только в пользу самого должностного лица или его близких.

На основании вышеприведенного можно сказать, что «получение взятки» в УК в целом весьма схоже с положениями ст. 290 УК РФ. Однако стоит отметить, что в УК РФ круг субъектов, в пользу которых осуществляется получение взятки, сформулирован шире.

Хотелось бы отметить, что в УК РФ содержится ст. 291.2 (Мелкое взяточничество). Суть данной нормы в том, что в ней определен конкретный размер взятки: «Получение взятки, дача взятки лично или через посредника в размере, не превышающем десяти тысяч рублей». В отечественном УК норма, упомянутая выше, отсутствует, хотя, по нашему мнению, ее добавление в УК способствовало бы упрощению правоприменительной практики и дифференциации уголовной ответственности.

В заключение необходимо отметить, что противодействие коррупции осуществляется системно как в Российской Федерации, так и в Республике Беларусь, что подтверждается правоприменительной практикой. В результате анализа уголовного законодательства обеих стран можно заключить, что состав преступления, предусмотренный ст. 430 УК, в целом весьма схож с положениями ст. 290 УК РФ, за исключением адресата взятки. Полагаем

целесообразным расширить адресат взятки и в ст. 430 УК. Эффективным решением видится и криминализация в УК РФ «мелкой взятки». Предлагаем в гл. 35 УК добавить статью, устанавливающую ответственность за мелкое взяточничество. Считаем, что определение мелкого взяточничества как отдельного преступления позволяет более четко классифицировать и наказывать такие действия, упрощает работу судебной системы в целях укрепления социальной справедливости: более мягкие меры могут быть восприняты как шаг к гуманизации уголовной системы и улучшению условий для осужденных, особенно для тех, кто совершил менее опасные деяния.

Ярмолюк О. И.

К ВОПРОСУ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ЗАЩИТЫ В УСЛОВИЯХ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ

Ярмолюк Ольга Игоревна, студентка 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, law.yarmoluiOI@bsu.by

Научный руководитель: доктор юрид. наук, профессор Савенок А. Л.

Проблема применения технических средств защиты в условиях необходимой обороны является наиболее актуальным вопросом уголовного права в настоящее время, что связано с практическим осуществлением принятых государством мер по усилению борьбы с преступностью, а также с непосредственной реализацией конституционного права человека на защиту жизни от любых преступных посягательств (ч. 2 ст. 24 Конституции Республики Беларусь) и права на неприкосновенность собственности (ч. 2 ст. 44 Конституции Республики Беларусь).

Основываясь на анализе позиций белорусских ученых, таких как Д. В. Шилин, И. С. Тишкевич, и российских исследователей Н. Г. Вольдимарова, А. В. Татьянина, считаем целесообразным решить вопрос возможности применения технических средств защиты в условиях необходимой обороны, а также проблему квалификации их использования.

Технические средства защиты – средства, применяемые для обеспечения необходимого противодействия несанкционированному проникновению на охраняемые объекты, взлому и другим противоправным действиям. Можно рассматривать два типа технических средств защиты: пассивные (статичные устройства, не представляющие угрозу причинения вреда посягающему – замки, механические ограждения и т. п.) и активные (автоматические устройства, воздействуя на которые, возможно причинение вреда посягающему – капкан, самострел и т. п.). Правомерность применения технических средств защиты пассивного типа не ставится под сомнение, однако в законодательстве отсутствует прямой запрет на использование технических средств защиты активного типа.

Ученые советского периода А. А. Герцензон, А. Н. Трайнин не признают применение специальных приспособлений и устройств, предназначенных для защиты собственности от общественно опасных посягательств, допустимым.

Другая группа ученых, в особенности российские исследователи Н. Г. Вольдимарова, А. В. Татьянина, считают, что устройство защитительных приспособлений, удовлетворяющее условиям правомерности оборонительных действий, не должно влечь уголовной ответственности. Если же преступнику причинен больший вред, чем это вызывалось необходимостью отражения нападения, наступает ответственность за превышение пределов необходимой обороны.

Такие белорусские ученые, как Д. В. Шилин, И. С. Тишкевич, также предусматривают комплекс условий правомерности применения технических средств защиты, при соблюдении которого возможно говорить о необходимой обороне или превышении ее пределов.

Считаем целесообразным требование о разработке постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь с целью обеспечения единообразия при рассмотрении уголовных дел, связанных с необходимой обороной. В таком постановлении необходимо ввести понятие и типы (активный и пассивный) технических средств защиты в условиях необходимой обороны, а также закрепить следующее положение, отражающее необходимые условия правомерности применения технических средств защиты при необходимой обороне: «не является превышением пределов необходимой обороны использование технических средств защиты активного типа, если данные средства используются для пресечения общественно опасного посягательства в момент его совершения, что обусловливает причинение соразмерного вреда посягающему».

При этом на квалификацию будет влиять соблюдение требования об обязательном информировании применения технических средств защиты активного типа (что будет способствовать реализации превентивной функции уголовного права). Также необходимо ввести принцип соразмерности (соблюдение баланса между целью посягательства и использованными средствами), который будет являться оценочным понятиям, следовательно, закрепляется требование об индивидуальном и комплексном рассмотрении судом каждого конкретного случая применения технических средств защиты в условиях необходимой обороны.

Стоит отметить, что если же причинивший вред желал отомстить правонарушителю за совершенные им ранее аналогичные преступные действия, правила о необходимой обороне не должны применяться и наступает ответственность на общих основаниях. Также необходимо учитывать, что применение автоматических приспособлений для воспрепятствования совершению малозначительных деяний, если наступили общественно опасные последствия, должно рассматриваться как совершение преступления против жизни или здоровья.

Таким образом, невозможно запретить применение технических средств защиты активного типа для обеспечения сохранности имущества, однако необходимо урегулировать условия правомерности их применения на законодательном уровне, что позволит в конкретных ситуациях правильно квалифицировать деяние.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, СУДОУСТРОЙСТВО И ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР

Аношко И. А.

ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ СУДОВ

Аношко Иван Андреевич, студент 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, anoschkoiwan8@gmail.com

Научный руководитель: старший преподаватель Вашкель Д. Н.

Создание международных судов предусматривало конвергенцию правовых традиций континентального и англо-саксонского права. Это вызывало некоторые проблемы в процессе формирования самих судов, и вызывает эти же проблемы сейчас при отправлении правосудия в международных судах.

Международное правосудие склоняется в приоритете к англо-саксонской правовой семье. Это доказывает широкое использование прецедентов как норм права, несмотря на то, что есть принятые международные правовые документы в виде конвенций и пактов. ЕСПЧ применяет нормы Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод в зависимости от обстоятельств дела, используя тем самым казуальный подход.

Существует также проблема задержек принятия решений. Можно выделить несколько причин существования такой проблемы:

1) международные суды руководствуются принципом субсидиарности и являются узкоспециализированными, а поступающих для рассмотрения дел по первой инстанции очень много, решения суда приходится ждать несколько лет;

2) многочисленность судебных прецедентов, часто противоречащих друг другу, не позволяет четко и быстро принять решение по конкретному делу.

Исходя из выделенных проблем, необходимо рассмотреть самый очевидный их вариант решения. Таким вариантом является размещение отделений узкоспециализированного международного суда, например Международного суда ООН, в разных регионах мира, например Международный суд ООН по Европе, по Африке, по Азии и т. д. Соответственно придется увеличить и количество судей, что распределит нагрузку и ускорит разбирательства по спорам, но вместе с тем увеличит финансовые и материальные затраты. Однако самая важная проблема, которую вызвала бы данная реформа – это искажение правосудия. Поскольку международные суды чаще всего опираются на судебные прецеденты, противоречащие друг другу, по-разному толкуют официально принятые международные правовые документы, одно разбирательство по делу в

Африке будет иметь совсем иное решение, нежели разбирательство по подобному делу в Европе. Потому проблема задержек принятия решений остается нерешенной.

Сколько существуют суды и судебная власть, столько существует проблема независимости судебной власти от иных ветвей. Однако возникает вопрос: как в международународных судебных организациях может существовать проблема независимости, когда между ними нет иерархии, каждый специализируется на отдельной категории дел, и все страны-участницы выдвигают своих судей, что не позволяет политической власти конкретной страны влиять на суд в целом? Вся зависимость заключается во влиянии «права сильного». Государства, играющие наибольшую роль в мировой политике и экономике, естественным образом не оставят без своего влияния международное правосудие. Так называемое «право сильного» проявляется в игнорировании неблагоприятных для него решений суда.

Классическим примером игнорирования официального решения суда ООН является дело Никарагуа против США. Международный Суд ООН обязал США компенсировать ущерб, нанесенный в 1980-х гг. американской военной деятельностью на территории республики. Он исчисляется десятками миллиардов долларов. Упомянутое решение Суда игнорируется США уже 38 лет. Эта проблема выставляет беспомощным международное правосудие.

Сильные и влиятельные государства критикуют международные суды за неугодные им решения или предъявляемые обвинения. Международный уголовный суд (МУС) выдал ордер на арест Президента России Владимира Путина, обвиняя его в геноциде, но при этом, по требованию Великобритании, не смог выдать ордер на арест премьер-министра Израиля Биньямина Нетаньяху и министра обороны Израиля Йоава Галанта. Израиль является сателлитом США и стран Запада, и из-за действий суда по отношению к таким странам возникает сомнение по поводу независимости МУС. После случая отложения выдачи ордера на арест лидеров Израиля многие государства посчитали МУС политизированным судом, где не может быть речи о правосудии.

Таким образом, вышеуказанные проблемы показывают, что до полностью эффективной работы международных судов, о которой мечтало человечество для недопущения произвола и массовых кровопролитных войн, еще далеко. Смотря на историю, можно сделать вывод о том, что только бесчеловечные поступки, угрожающие всеобщему миру и безопасности, могут скооперировать людей для вершения справедливого суда над истинными преступниками. Должны быть проведены колоссальные реформы для надлежащего функционирования международных судов, иначе их деятельность не будет иметь никакого смысла.

Аршавский В. И.

ОСОБЕННОСТИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ КАК МЕРЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ В КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Аршавский Владислав Игоревич, студент 3 курса юридического факультета Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, arshavskiy.vladislav.vladislav@bk.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Зайцева Л. Л.

Для выделения особенностей заключения под стражу в Китайской Народной Республике (далее – КНР), необходимо определить специфику понимания заключения под стражу в Уголовно-процессуальном кодексе Китайской Народной Республики в редакции от 14 марта 2012 г. (далее – УПК КНР). В отличие от белорусского уголовно-процессуального права, в праве материковой части Китая меры пресечения не выделяются отдельно, а входят в систему мер процессуального принуждения. При анализе китайского уголовно-процессуального законодательства, необходимо разделять содержащееся в нем понятие «арест» как обозначение терминов, соответствующих понятиям из белорусского законодательства «задержание» и «заключение под стражу». В законодательстве КНР под заключением под стражу понимается мера, обеспеченная силой государственного принуждения, ограничивающая права и свободы подозреваемого (обвиняемого), в виде изоляции от общества указанных лиц и содержании их в местах, определенных законом. Что касается оснований для заключения под стражу, то по сравнению с законодательством других государств, в КНР установлены менее строгие требования к органу, принимающему решение об избрании данной меры пресечения. Перечень оснований к заключению под стражу шире, а орган, осуществляющий исполнение данной меры процессуального принуждения, имеет большие полномочия.

Подозреваемые, обвиняемые в совершении уголовных преступлений должны быть арестованы при наличии доказательств, подтверждающих факт совершения преступления, а также обстоятельств, содержащихся в ст. 81 УПК КНР. Это такие обстоятельства, как, например: существование опасности совершения новых преступлений, существование реальной угрозы национальной безопасности, общественной безопасности или общественного порядка, возможное возмездие против жертв, информаторов и обвинителей со стороны подозреваемого (обвиняемого), в случае если возможное наказание может составлять один год или более лишения свободы, а применение иных мер процессуального принуждения недостаточно для предотвращения возникновения перечисленных опасностей.

Как и в белорусском законодательстве, в УПК КНР основную роль в даче санкции на заключение под стражу играет соответствующий прокурор (Народный прокурор). Согласно ст. 87 УПК КНР, если орган общественной безопасности намеревается арестовать подозреваемого в преступлении, то ему следует представить письменный запрос о санкционировании ареста

с приложенными протоколом и уликами в Народную прокуратуру для проверки и выдачи разрешения.

Особенностью уголовно-процессуального законодательства КНР являются нормы, содержащиеся в ст. 90–92 УПК КНР, которые отражают обвинительный характер правоохранительной системы КНР, так как данные нормы ставят прокурора, отказавшегося санкционировать заключение под стражу в невыгодное положение. Так, при вынесении решения об отказе в даче санкции прокурор обязан приводить причины своего решения. Если прокурор полагает, что необходимо проведение дополнительного расследования, то он должен уведомить об этом органы общественной безопасности. Кроме того, если следователь считает, что решение Народной прокуратуры о невыдаче разрешения на арест является неправильным, то он может потребовать пересмотра решения. В случае непринятия мнения прокурора следователем он может обратиться в вышестоящую прокуратуру.

Стоит отметить, что и в случае обнаружения прокурором факта допущения органами общественной безопасности нарушений в ходе заключения ими подозреваемого, обвиняемого под стражу, полномочия прокурора по защите прав граждан ограничены. Прокурор, согласно ст. 100 УПК КНР, только уведомляет орган общественной безопасности о необходимости исправлений нарушений, а орган общественной безопасности впоследствии сообщает прокуратуре о факте исправления этих нарушений.

Что касается сроков заключения под стражу, китайский законодатель установил срок содержания подозреваемого, обвиняемого под стражей 2 месяца с возможностью продления на 1 месяц вышестоящими прокурорами, «если обстоятельства сложны и дело не может быть завершено по истечении установленного срока». Кроме того, УПК КНР содержит несколько оснований для последующего продления срока нахождения подозреваемого под стражей, в том числе продление срока возможно по причине запутанности дела о преступлениях, совершенных в нескольких местах, когда подозреваемые могут быть приговорены к наказанию в виде 10 лет или более лишения свободы и т. д.

Рассматривая право подозреваемого, обвиняемого на обжалование данной меры пресечения, стоит отметить, что, в сравнении с законодательством других государств, китайское законодательство является довольно жестким, поскольку ограничивает права и свободы подозреваемого, обвиняемого и защитника в уголовном процессе. Указанные лица не имеют право обжаловать постановление о заключении под стражу.

Около 90 % обвиняемых в Китае содержатся под стражей до вынесения приговора. Несмотря на то, что значительная часть подозреваемых, обвиняемых в совершении преступления до суда содержится под стражей, в КНР активно предпринимаются меры по либерализации правоохранительной системы, вроде внедрения альтернативных мер в виде залога и домашнего ареста. На данный момент в Китае имеет место курс на приоритетное избрание в качестве мер процессуального принуждения, мер, не связанных с заключением под стражу.

Исходя из вышесказанного можно выделить 4 особенности заключения под стражу как меры процессуального принуждения в КНР:

– широкий перечень оснований для заключения под стражу подозреваемого, обвиняемого и небольшой объем требований к органу, принимающему решение об избрании данной меры процессуального принуждения;

– возможность заключения под стражу подозреваемого, обвиняемого на весь период предварительного расследования, вне зависимости от его длительности;

– отсутствие у стороны защиты процессуальной возможности обжалования применения данной меры процессуального принуждения;

– преференция китайской правоохранительной системы в сторону именно этой меры процессуального принуждения. В то же время тенденция на уменьшение количества случаев применения заключения под стражу.

В итоге необходимо отметить, что заключение под стражу как мера процессуального принуждения в Китае имеет особенности, которые характеризуют уголовный процесс в КНР как сугубо обвинительный. На заключение под стражу возложено решение всех задач, которые должны выполнять меры процессуального принуждения.

Бурчиц Ю. А.

ДОСУДЕБНОЕ СОГЛАШЕНИЕ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Бурчиц Юлия Александровна, магистрант Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, u.burchits@yandex.by

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Зайцева Л. Л.

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – УПК) определяет досудебное соглашение о сотрудничестве как соглашение, заключаемое в письменном виде между подозреваемым (обвиняемым) и прокурором, в котором определяются обязательства подозреваемого (обвиняемого) по оказанию содействия предварительному следствию и условия наступления ответственности подозреваемого (обвиняемого) при выполнении им указанных обязательств.

В решении Конституционного Суда Республики Беларусь от 26 декабря 2014 г. № Р-967/2014 разъясняется, что введение института досудебного соглашения о сотрудничестве направлено на: 1) повышение эффективности борьбы с преступностью, в том числе организованной; 2) полное и оперативное расследование преступлений; 3) расширение возможностей по возмещению причиненного преступлением вреда (ущерба) и обеспечение тем самым охраны конституционных прав и свобод человека, прав и законных интересов юридических лиц, общественных и государственных интересов и установленного правопорядка от преступных посягательств.

Институт досудебного соглашения о сотрудничестве достаточно подробно регламентирован как в УПК, так и в Уголовном кодексе

Республики Беларусь (далее – УК). Вместе с тем в настоящее время в правовом регулировании данного института усматривается ряд положений, требующих изменения и дополнения. Прежде всего это касается ст. 69-1 УК, посвященной досудебному соглашению о сотрудничестве. Она называется «Назначение наказания в случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве». Вместе с тем, исходя сущности данного института, более корректным будет название «Назначение наказания в случае выполнения обязательств, предусмотренных досудебным соглашением о сотрудничестве», поскольку сам факт заключения досудебного соглашения о сотрудничестве еще не свидетельствует о его фактическом выполнении, а значит – не может служить основанием для смягчения наказания.

Кроме того, требует обсуждения вопрос об учете мнения потерпевшего при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Учеными и практиками высказываются различные мнения по данному вопросу. Полагаем, что учет мнения этого участника является обязательным. При этом его мнение должно быть выражено в письменном виде в соответствующем заявлении, где потерпевший дает согласие на заключение досудебного соглашения о сотрудничестве либо возражает против его заключения с указанием мотивов.

Также целесообразно урегулировать вопрос о возможности изменения досудебного соглашения о сотрудничестве. Часть 2 ст. 301 УПК предусматривает ситуацию, когда лицу может быть предъявлено новое обвинение, существенно отличающееся от первоначального либо более тяжкое. В этом случае может возникнуть вопрос об изменении досудебного соглашения о сотрудничестве, если оно было заключено по уголовному делу. На наш взгляд, справедливым будет распространение действия досудебного соглашения о сотрудничестве на новое обвинение. При этом необходимо выяснить отношение обвиняемого к изменению досудебного соглашения о сотрудничестве. В связи с изложенным следует добавить в ст. 468-7 УПК еще одну часть: «В случае предъявления нового обвинения, существенно отличающегося от первоначального либо более тяжкого, прокурор или его заместитель вправе вынести постановление об изменении досудебного соглашения о сотрудничестве».

Требуют более детальной регламентации и положения ч. 7 ст. 468-6 УПК, касающиеся справки, которая составляется следователем о возможности либо невозможности заключения с подозреваемым (обвиняемым) досудебного соглашения о сотрудничестве. В настоящее время уголовно-процессуальное законодательство Республики Беларусь не содержит каких-либо требований к форме и содержанию такой справки. Считаем целесообразным установить единую форму данной справки и определить перечень тех сведений, которые она должна содержать, в целях унификации правоприменительной практики.

Таким образом, досудебное соглашение о сотрудничестве, являясь прогрессивным институтом уголовного процесса, способствующим достижению его задач, нуждается в дальнейшем развитии и совершенствовании с целью повышению его эффективности.

Глухова Е. С.

АКТУАЛЬНОСТЬ ВОССОЗДАНИЯ ВОЕННОЙ ПРОКУРАТУРЫ КАК ОРГАНА, ОБЕСПЕЧИВАЮЩЕГО НАДЗОР ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ

Глухова Елизавета Сергеевна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, glukhova.lisa@mail.ru

Научный руководитель: старший преподаватель Бурак Р. В.

В последние годы в информационном пространстве постоянно присутствуют сообщения о деятельности вооруженных сил различных государств, войск и воинских формирований, частных военных и охранных компаний в тех или иных горячих точках планеты, которая, включая непосредственное участие в боевых действиях, вызывает многочисленные вопросы с точки зрения международного гуманитарного, уголовного и ряда других отраслей права. В связи со всем этим, а также со сложившейся обстановкой вокруг территории Республики Беларусь, вопрос о возрождении такого органа, как военная прокуратура, является актуальным.

Военная прокуратура – это специализированная структура единой централизованной системы прокуратуры Республики Беларусь, которая осуществляла от имени Республики Беларусь надзор за точным и единообразным исполнением законов в Вооруженных Силах Республики Беларусь и выполняла иные установленные законами Республики Беларусь функции в Вооруженных Силах Республики Беларусь, других созданных в стране воинских формированиях. Военная прокуратура проводила надзор за исполнением законодательства органами, которые осуществляли оперативно-розыскную деятельность и предварительное следствие в Вооруженных Силах, других войсках и воинских формированиях, рассматривала и вела расследования уголовных дел о преступлениях, которые совершены военнослужащими или военнообязанными во время исполнения ими воинских обязанностей, а также совершенных в расположении воинских частей, заведений, предприятий или организаций, выполняла функции уголовного преследования, осуществляла уголовное преследование в суде.

Основная цель военной прокуратуры – обеспечение законности и порядка в Вооруженных Силах Республики Беларусь, защита от угроз безопасности страны и поддержание боеспособности армии. Таким образом, основные направления деятельности военных прокуроров совпадали с направлениями прокурорского надзора в целом. Военная прокуратура также работала над соблюдением военной дисциплины, защитой прав военнослужащих и их семей, а также обеспечением порядка в военных структурах и учреждениях.

Систему военных прокуратур составляла Белорусская военная прокуратура, подчиненные ей нижестоящие межгарнизонные и приравненные к ним военные прокуратуры, осуществляющие надзор за законностью в воинских частях различных военных подразделениях. Белорусская военная прокуратура была главным звеном военных прокуратур в стране, а

межгарнизонные и приравненные к ним прокуратуры – аналогами районных (городских) прокуратур.

Говоря об административно-территориальной деятельности прокуратур для регулирования и осуществления общественной и национальной безопасности, в Республике Беларусь должно быть, как минимум, дислоцировано 6 межгарнизонных военных прокуратур (МВП), хотя стоит обратить внимание на такой опыт в истории, когда на момент 2012 г. на территории Республики Беларусь было 12 МВП. Таким образом, введя МВП в Республике Беларусь, можно было бы быстрее и качественнее осуществлять надзор и контроль: за исполнением законодательства в Вооруженных Силах, за соблюдением воинской дисциплины и установления порядка несения воинской службы, защитой прав и свобод военнослужащих, членов их семей, работников Вооруженных Сил Республики Беларусь и других граждан, воинских частей, учреждений, военно-учебных заведений, предприятий и организаций Вооруженных Сил Республики Беларусь.

Стоит отметить, что военные прокуроры имели *статус военнослужащих*, осуществляли полномочия в Вооруженных Силах Республики Беларусь, других войсках и воинских формированиях Республики Беларусь, государственных органах, в которых предусмотрена военная служба, а также обладали в пределах своей компетенции всеми полномочиями прокурорских работников, которые были установлены законодательными актами.

В контексте нынешней политической ситуации вокруг Республики Беларусь необходимо рассмотреть вопрос о возрождении военной прокуратуры. Таким образом, одной из важнейших причин возобновления работы данного органа выступает *напряженная международная обстановка*. Так, возобновление работы военной прокуратуры может стать частью стратегии Правительства по укреплению власти и контролю над силовыми структурами. Стоит отметить, военные имеют свои собственные правила и нормы, что затрудняет понимание и применение норм в военной среде прокурорами. Последние могут не иметь достаточной подготовки или опыта в области военного права и специфики работы Вооруженных Сил, что может негативно отразиться в условиях политической нестабильности или внешних угроз, когда может возникнуть необходимость в усилении правопорядка и безопасности.

Готченя Т. Д.

ИНСТИТУТ НАРОДНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Готченя Тимофей Даниилович, студент 1 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, hatchenia2007@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Рыбак С. В.

Институт народных заседателей как форма народного представительства при осуществлении правосудия существует в Беларуси с советского периода. После распада СССР в научной литературе актуален вопрос о целесообразности данного института.

В истории независимой Республики Беларусь несколько раз на уровне уполномоченных государственных органов предпринимались попытки проработать направления модернизации формы народного представительства, наиболее актуальная из которых – функционирование суда присяжных заседателей. Представляется целесообразным высказать некоторые суждения по данному вопросу.

В обозначенном выше варианте развития народного представительства можно усмотреть как позитивные, так и негативные черты. Так, с одной стороны, суд присяжных, несомненно, является формой народного представительства, которая наиболее широко реализует право граждан на участие в осуществлении государственной власти. Действительно, количество присяжных заседателей (рассматривался вариант из 12 человек) и их индивидуальные полномочия в вынесении немотивированного решения о факте подчеркивают демократическое начало реализации судебной власти. В то же время очевидным видится и утверждение о том, что данный институт в какой-то мере нарушает принцип коллегиальности правосудия. Ведь в рамках его функционирования коллегия присяжных заседателей и профессиональный судья действуют раздельно, решая разные вопросы самостоятельно и не взаимодействуя между собой. Народные заседатели, напротив, согласно регламентированной в законодательстве процедуре, решают вопросы факта и права совместно с профессиональным судьей, что обеспечивает взаимодействие на всех этапах рассмотрения дела и уравновешивает мнения представителей народа и представителей государства в лице судьи. Несомненно, именно последний инструмент позволяет усилить гарантии всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, способствует вынесению справедливого решения. В этом плане институт народных заседателей видится более дееспособной формой народного представительства, реализация которой позволяет усилить объективность при принятии решений, а также минимизировать возможность судебной ошибки ввиду субъективного фактора оценки обстоятельств дела судьей.

Стоит отметить, что институт народных заседателей в Республике Беларусь в нынешней форме далек от идеала. Наиболее существенным недостатком, по нашему мнению, является чрезмерно узкий диапазон уголовных дел, подлежащих к рассмотрению в коллегиальном составе суда: судьей и двумя народными заседателями. Наиболее вероятной причиной этого ученые определяют большие финансовые затраты на организацию и функционирование народных заседателей. Однако описанная ситуация представляется им временной и «не юридически мотивированной, а продиктованной экономическим положением государства». В начале 2020-х гг. наметилась обратная тенденция, о чем свидетельствует принятие в 2022 г. изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – УПК), вводящих в состав коллегии апелляционной инстанции Верховного Суда Республики Беларусь двух народных заседателей. Еще одним негативным моментом деятельности народных

заседателей является возможность оказания влияния на них профессиональным судьей, входящим в состав соответствующей коллегии, в силу своего весомого профессионального авторитета. Это, в свою очередь, создает условия к ограничению выражения своего мнения народным заседателем.

По нашему мнению, на современном этапе развития общества такие глобальные реформы, как замена института народных заседателей на присяжных заседателей, видятся не вполне своевременными, а значит, нецелесообразными. При этом институт народных заседателей необходимо модернизировать. Коллегия народных заседателей, как нам представляется, должна существовать в расширенном составе и действовать более автономно, вынося предварительные решения о вопросах факта и права, получая консультации от судьи о юридической составляющей, не касаясь при этом обстоятельств конкретного дела. При этом профессиональный судья может подготавливать предварительные решения, соответствующие его видению и опыту. Впоследствии же проекты решений народных заседателей и профессионального судьи разумно сделать полем для совместной дискуссии и принятия окончательного решения всех членов коллегии. В такой форме народного представительства народные заседатели получают определенную степень независимости, но не отделяются полностью от судей, а имеют реальную возможность влиять как на определение факта, так и на правовую составляющую решения суда.

Таким образом, действующий в Республике Беларусь на современном этапе развития общества институт народного представительства нуждается в корректировке. В настоящей статье нами предложен и обоснован один из вариантов совершенствования процедуры принятия решения коллегией, состоящей из судей и народных заседателей.

Гринкевич Н. С.

О ЗАЩИТНИКЕ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Гринкевич Никита Сергеевич, курсант 3 курса Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь,
nikitagrinkevi4@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Мытник П. В.

Право на защиту является одним из основополагающих принципов уголовного судопроизводства, который обеспечивает справедливость и законность процесса. В Республике Беларусь это право гарантируется Конституцией и международными стандартами. Поскольку в ст. 62 Конституции Республики Беларусь прописано, что «каждый имеет право на юридическую помощь для осуществления и защиты прав и свобод, в том числе право пользоваться в любой момент помощью адвокатов и других своих представителей в суде, иных государственных органах, других организациях и в отношениях с должностными лицами и гражданами»,

отдельные авторы данный принцип считают конституционным. Основные положения, касающиеся права на защиту, также содержатся в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь (далее – УПК).

Одно из средств обеспечения права – участие защитника в уголовном процессе. Согласно ч. 1 ст. 44 УПК защитником в уголовном процессе является лицо, которое по основаниям и в порядке, предусмотренным УПК, осуществляет защиту прав и законных интересов подозреваемого или обвиняемого и оказывает им юридическую помощь, а равно осуществляет защиту прав и законных интересов умершего подозреваемого, обвиняемого.

Необходимо иметь в виду, что, во-первых, защиту осуществляет только физическое лицо. Во-вторых, следует учитывать содержание п. 9 ст. 6 УПК: «защита – процессуальная деятельность, осуществляемая стороной защиты в целях опровержения подозрения или обвинения либо смягчения обвинения, обеспечения прав и интересов подозреваемого, обвиняемого, лица, совершившего общественно опасное деяние, а также лица, задержанного либо к которому применена мера пресечения на основании решения об исполнении просьбы органа иностранного государства, компетентного принимать решения по вопросам оказания международной правовой помощи по уголовным делам, об оказании международной правовой помощи по уголовному делу на основе принципа взаимности … либо в связи с нахождением в международном розыске с целью выдачи». Из этого следует, что круг участников уголовного процесса, которые могут рассчитывать на помощь защитника, шире, а не только подозреваемый и обвиняемый, которые указаны в ч. 1 ст. 44 УПК. Таким правом, помимо подозреваемого и обвиняемого, обладают осужденный, оправданный, а также лицо, совершившее общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом, в состоянии невменяемости либо заболевшее после совершения преступления психической болезнью, лишающей его возможности сознавать значение своих действий или руководить ими (п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 24 сентября 2009 г. № 7 «Об обеспечении права на защиту в уголовном процессе»).

Согласно п. 2 ст. 26 Закона Республики Беларусь от 30 декабря 2011 г. № 334-З «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь» профессиональная защита прав и интересов клиентов по уголовным осуществляется только адвокатами.

Адвокат играет ключевую роль в обеспечении права на защиту. В соответствии с УПК, обвиняемый имеет право на защиту с момента задержания. Адвокат обеспечивает юридическую помощь, информирует обвиняемого о его правах и возможностях, а также представляет его интересы в суде. Важно отметить, что в случае невозможности привлечения адвоката по инициативе обвиняемого, государство обязано предоставить защитника.

В качестве защитников в уголовном процессе участвуют адвокаты, являющиеся гражданами Республики Беларусь либо гражданами других государств в соответствии с международными договорами Республики

Беларусь. Аналогичное положение закреплено в п. 2 ст. 7 Закона «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь»: «адвокаты иностранных государств, действующие в соответствии с международными договорами Республики Беларусь, могут оказывать юридическую помощь на территории Республики Беларусь после включения их в Реестр адвокатов, юридических консультаций в порядке, определяемом Министерством юстиции».

Следует иметь в виду, что закон не ограничивает число защитников, которые могут защищать одного подозреваемого, обвиняемого, равно как и число подозреваемых, обвиняемых, которых может защищать один защитник.

Обеспечение права на защиту в уголовном процессе Республики Беларусь является важным аспектом правовой системы страны. Конституционные гарантии, роль адвоката и процессуальные механизмы создают основу для защиты прав обвиняемых. Однако необходимо постоянно совершенствовать законодательство практику, чтобы исключить возможные ограничения и обеспечить реальное осуществление этого права для всех граждан.

Таким образом, право на защиту является неотъемлемой частью правосудия и основой для создания справедливого и демократического общества в Республики Беларусь.

Егорова Е. Д.

ЧЕСТНОСТЬ И ДОБРОСОВЕСТНОСТЬ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АДВОКАТА

Егорова Елизавета Дмитриевна, студентка 1 курса Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, г. Гродно, Беларусь, egorovalizaveta05i17@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Жук М. Г.

Адвокатура является правовым институтом, призванным обеспечить защиту интересов, прав и свобод физических и юридических лиц.

Адвокат должен соблюдать законодательство и придерживаться норм профессиональной морали, постоянно поддерживая честь и достоинство своей профессии в качестве участника отправления правосудия и общественного деятеля, а также личные честь и достоинство.

Н. Н. Бойко считает, что адвокатская этика, «это теория, изучающая моральные ценности (идеалы, нормы, принципы), которые регулируют деятельность и поведение адвоката в конкретной профессиональной ситуации».

Схожей позиции придерживается А. А. Гришин, представляя этику адвоката «как профессиональную деятельность и поведение юриста», добавляя, что «этика адвоката, как теория, исследует личность юриста как носителя определенной нравственности…, а также моральные принципы и нормы, которыми он руководствуется. Этика адвоката, как практика, отражает реальное проявление морального аспекта служебной деятельности… моральный фактор во всем его многообразии».

Честь и достоинство, а также добросовестность, честность и компетентность являются неотъемлемой частью профессиональной этики адвокатов, соблюдать которые необходимо при любых обстоятельствах, что закреплено в Правилах профессиональной этики адвоката (далее – Правила) или, как писала И. И. Мартинович, в «…своеобразном компасе, ориентире в сложной и многогранной адвокатской деятельности… ».

Центральное место занимают честь и достоинство, отражающие моральные качества личности, представляющие собой общественную и индивидуальную оценку нравственных качеств и поступков человека. Данные категории близкие по значению, но в то же время содержат важные смысловые различия. «Честь… есть внешнее общественное признание поступков человека, его заслуг, проявляющееся в почитании, авторитете, славе… Достоинство – это, во-первых, внутренняя уверенность в собственной ценности, чувство самоуважения… И, во-вторых, достоинство человека должно получить общественное признание».

Проанализировав эти понятия, можно сказать, что понятие достоинства более универсально, оно закрепляет значимость адвоката как представителя профессии и обеспечивается его особым моральным отношением к самому себе, определяющим соответствующее отношение к нему со стороны общества. Наравне с этим честь означает отношение общества к адвокату, исполнению им служебного долга.

Честь и достоинство находят отражение не только в обязанности адвоката организовывать свою деятельность таким образом, чтобы не порочить престиж профессии, сохранить собственный авторитет и репутацию, не подрывая авторитет коллег и адвокатуры в целом, но и в официально-деловом стиле речи и одежды, в участии в правовом воспитании граждан, в тактичном взаимодействии с коллегами, в постоянном росте уровня профессиональных знаний.

Необходимыми составляющими высокого уровня профессиональности адвоката являются его компетентность и добросовестность. И если компетентность в достаточной степени четкости определяется правовой наукой и законодательством, преимущественно гражданским и административным, то добросовестность – понятие более субъективное, что разные ученые-исследователи трактуют по-разному.

Так, Е. Е. Богданова истолковывает добросовестность как «сложившуюся в обществе и признанную законом, обычаями или судебной практикой систему представлений о нравственности поведения при приобретении, осуществлении и защите прав, при исполнении обязанностей». Со стороны В. Н. Бабаева, это «честное, со всей тщательностью и аккуратностью выполнение обязанностей, старательность, исполнительность». Рассматривая добросовестность, М. Ф. Лукьяненко, выделяет в ней «старательность, честность, отсутствие обмана, скрытности и попыток ввести в заблуждение».

Если обобщить, то категория добросовестность означает оказание профессиональной деятельности квалифицированно и оперативно, при наибольшем учете интересов клиента, на что и нацелены Правила.

Следующая категория – честность, неразрывно связана с предыдущей. Она включает: правдивость, принципиальность, субъективную убежденность в правоте своего дела, искренность перед другими и перед самим собой в отношении мотивов своего поведения. Раскрывается честность в отношениях адвоката с клиентом, которые согласно Правилам, должны быть основаны на доверии, искренности и взаимном уважении.

Профессиональная этика адвоката способствует правильному формированию сознания, взглядов работников данной профессии, ориентируя их на неукоснительное соблюдение нравственных норм, обеспечение подлинной справедливости, защиту прав, свобод, чести и достоинства людей, охрану собственной чести и репутации, а также как следствие повышает авторитет адвокатуры среди граждан страны.

Касакевич Н. С.

ОБ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВАХ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Касакевич Никита Сергеевич, курсант 3 курса Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь

Научный руководитель: старший преподаватель Алекперов Р. Р.

Информатизация все дальше и дальше проникает в сферы нашей повседневной жизни и уголовный процесс не исключение. Развитие информационных технологий, в том числе рассмотрение вопроса о создании электронного дела, иные проблемы, которые приходится непосредственно решать при расследовании и рассмотрении различных уголовных дел, кардинально меняют наши представления о том, как могут выглядеть электронные доказательства по делу, каков порядок их получения, исследования, использования в уголовном процессе.

В Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь (далее – УПК) такое понятие, как электронное доказательство, еще не закреплено, но оно уже встречается на практике и активно используется в современной литературе. Вместе с тем отдельные авторы (например, Т. А. Савчук) утверждают, что «легального определения электронных доказательств в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Беларусь и других государств – участников СНГ не содержится, а в юридической литературе наблюдается терминологическая разобщенность в наименовании таких доказательств и их правовой природы».

Совершение преступлений в сфере информационной безопасности государства и с помощью глобальной сети Интернет обусловливает рост фактов собирания доказательств в электронном виде. Зачастую электронные доказательства, помимо отдельного носителя информации, помещаются в уголовном деле на бумажном носителе в виде распечатки.

Электронными доказательствами можно считать фактические сведения, содержащиеся в электронном документе и/или на электронном носителе информации, в эту категорию можно отнести разнообразные материалы,

собранные в электронном виде, включая электронные письма, текстовые сообщения, данные с камер видеонаблюдения, а также информацию, хранящуюся на компьютерах и мобильных устройствах.

Исследование зарубежного опыта свидетельствует о том, что изначально информация, созданная с помощью аппаратных и программных средств компьютерной техники, получила название «компьютерных доказательств». Однако в связи с появлением технических средств, которые по существующей классификации не могли быть отнесены к такой товарной группе, как компьютеры или электронно-вычислительные машины (например, цифровые фотоаппараты, средства мобильной связи, диктофоны), зарубежные ученые и практики стали использовать наиболее общую группу доказательств – «цифровые доказательства». При этом эксперты единой Научной рабочей группы по исследованию цифровых доказательств в США предложили таким термином называть любую информацию доказательственного значения, зафиксированную или переданную в цифровой форме.

В соответствии с национальным законодательством материалы фото- и киносъемки, звуко- и видеозаписи и иные носители информации, полученные, истребованные или представленные в порядке, предусмотренном Уголовно-процессуальным кодексом Республики Беларусь, относятся к другим носителям информации (ч. 2 ст. 100 УПК).

Для того чтобы электронная информация обрела статус доказательства в уголовном процессе, во-первых, она должна быть получена надлежащим субъектом, во-вторых, ее получение должно осуществляться надлежащим способом, в-третьих, она должна быть получена из надлежащего источника доказательств, которые предусмотрены в ч. 2 ст. 88 УПК.

Преобразование виртуальных следов в подходящие и законные доказательства представляет собой сложную задачу как с технической, так и с правовой точек зрения. Основные трудности связаны со сбором, регистрацией, классификацией и оценкой доказательств, а именно с установлением авторства, происхождения и созданием барьеров против возможной фальсификации. В современности происходит быстрое развитие средств, в частности, с помощью искусственного интеллекта, которые могут фальсифицировать доказательства, например, существуют электронные ресурсы, которые могут подделать переписку в мессенджерах, изменить фотографию документов или определенного лица, тем самым опровергать или создавать улики или алиби.

В связи с изложенным, отсутствие единого определения электронных доказательств в законодательстве и терминологической разобщенности в юридической литературе, технические и правовые сложности, связанные с противодействием фальсификации электронной информации, требуют наличия отдельных научно-теоретических исследований и совершенствования уголовно-процессуального законодательства в области собирания доказательств и доказывания в уголовном процессе.

Клиницкая А. А.

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Клиницкая Анастасия Александровна, магистрант Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, klinitskayaa@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Самарин В. И.

Понятие «электронные доказательства» представляет собой устоявшийся термин, который, однако, не имеет легальной дефиниции. Более того, несмотря на его распространенность и частое использование в научных работах, в теории уголовного процесса отсутствует единое мнение, что именно понимается под электронными доказательствами.

Основываясь на анализе имеющихся исследований, можно выделить два основных подхода. Первый подход к пониманию электронных доказательств предполагает, что таковыми являются электронные носители информации. Его сторонником является Р. И. Оконенко. В своем диссертационном исследовании он определяет электронное доказательство как электронный носитель информации, содержащий сведения о значимых обстоятельствах по конкретному уголовному делу и обладающий определенными признаками (объем памяти, способ передачи и копирования сведений, возможность удаленного доступа, относительность и неочевидность содержания).

Второй подход является более распространенным и подразумевает, что электронным доказательством выступает непосредственно электронная информация. Его придерживаются такие российские ученые, как А. И. Зазулин, С. В. Зуев, А. А. Количенко, К. В. Малыгин. Вместе с тем у них имеются расхождения насчет того, какая именно информация выступает в качестве электронного доказательства. А. И. Зазулин ведет речь о цифровой информации, определяя ее в качестве сведений, закодированных в двоичной системе счисления, передаваемых посредством физических сигналов и содержащихся только на носителях цифровой информации. Он также отмечает, что такая информация в силу своей специфики не может быть непосредственно воспринята человеком. Похожей точки зрения придерживается и С. В. Зуев. В своих работах он указывает на обязательную связь цифровой информации с электронным носителем информации для признания ее электронным доказательством. При отсутствии такой связи автор предлагает относить информацию к электронным свидетельствам.

А. А. Количенко рассматривает электронные доказательства как релевантно значимые сведения в электронно-цифровой форме, содержащиеся на электронных носителях информации, а равно в электронных или информационно-телекоммуникационных сетях. В качестве их обязательного свойства он указывает способность установления и доказывания обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. К. В. Малыгин полагает, что электронным доказательством можно считать любые юридически значимые сведения, задокументированные электронным способом или в цифровой форме, при условии, что они отвечают требованиям, предъявляемым к уголовно-процессуальным доказательствам. В качестве источников таких

доказательств он выделяет сообщения, созданные человеком; данные, сохраненные на электронных носителях информации; электронные копии бумажных носителей. Подход данного автора интересен тем, что он предлагает определять электронные доказательства через понятие «данные» как наиболее точно отражающее специфику функционирования информационно-технологических устройств. На наш взгляд, в контексте ключевого элемента электронных доказательств корректнее говорить об информации, чем о данных, поскольку данные становятся информацией лишь после их обработки и (или) восприятия человеком. Стоит также отметить, что ряд авторов указывает на отсутствие единой терминологии в информационной сфере. Термины «электронный», «цифровой» и «компьютерный» используются интуитивно, что может стать причиной возникновения противоречий. Применительно к информации можно констатировать следующее.

Наиболее широким понятием является цифровая информация, а электронная и компьютерная информация выступают ее разновидностями. Вопрос соотношения последних между собой представляется спорным и не имеет однозначного ответа. Нормативные правовые акты Республики Беларусь не проводят разграничения между рассматриваемыми видами информации. Однако, как правило, в них используется термин «компьютерная информация». Термин «цифровая информация» используется в нескольких законах СНГ, а термин «электронная информация» и вовсе не имеет нормативного определения. Вместе с тем полагаем, что в рамках рассматриваемой темы данные термины принципиальной разницы не имеют.

Основываясь на проведенном анализе существующих точек зрения, предлагаем рассматривать электронные доказательства как сведения (информацию) в электронно-цифровой форме, способные устанавливать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, и содержащиеся на электронных носителях информации, а равно в компьютерных системах и сетях, включая сеть Интернет. Электронные носители информации, по нашему мнению, необходимо рассматривать как средство фиксации информации, выступающей электронным доказательством, а не как самостоятельное электронное доказательство.

Комель Н. Н.

ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ ДОСЛЕДСТВЕННОЙ ПРОВЕРКИ ПО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Комель Никита Николаевич, студент 4 курса Гродненского государственного университета им. Янки Купалы, г. Гродно, Беларусь, hatebageur@gmail.com

Научный руководитель: старший преподаватель Козел В. М.

Проведение доследственной проверки является важным этапом уголовного процесса, который предшествует возбуждению уголовного дела. Отсутствие в современном уголовном судопроизводстве Республики

Беларусь законодательного закрепления термина «доследственная проверка» требует соответствующего научного анализа, для обеспечения принципа неотвратимости наказания при соблюдении прав и свобод граждан, что обусловливает актуальность нашего исследования.

Ряд современных исследователей: Б. Т. Безлепкин, Г. Н. Королев, А. С. Лизунов, П. А. Лупинская, А. Д. Прошляков, Л. А. Савина и другие посвятили свои работы доследственной проверке в рамках изучения стадии возбуждения уголовного дела.

Проверка сообщения о любом совершенном или готовящемся преступлении представляет собой изучение материалов, представленных заявителем, анализ фактических данных, содержащихся в заявлении, установление личности заявителя, уточнение обстоятельств, от которых зависит принятие решения о направлении заявления по подследственности.

Согласно общепризнанному определению доследственная проверка – это регламентированная уголовно-процессуальным законом деятельность, в ходе которой компетентными должностными лицами подвергаются проверке сведения, содержащиеся в поводе к возбуждению уголовного дела, устанавливается первоначальная квалификации совершенного деяния, а также предпринимаются неотложные меры к быстрому раскрытию преступления.

В ходе доследственной проверки следователь или лицо, производящее дознание, могут получить информацию, которая содержит:

– наличие или отсутствие признаков преступления;

– поводы и основания для возбуждения или отказа в возбуждении уголовного дела;

– обстоятельства, подлежащие установлению при расследовании преступлений определенной категории;

– сведения, которые могут в дальнейшем приобрести статус доказательства;

– тактику отдельных следственных и иных процессуальных действий, организационных и иных мероприятий следователя и органа дознания.

Организация и проведение доследственной проверки регламентируется Уголовно-процессуальным Кодексом Республики Беларусь (далее – УПК):

– порядок и сроки рассмотрения заявлений и сообщений о преступлении (ст. 173 УПК);

– соединение и выделение заявлений и сообщений о преступлении и материалов проверки по ним (ст. 173-1 УПК);

– порядок направления органом дознания заявления или сообщения о преступлении и материалов проверки по нему в орган предварительного следствия и возвращения органом предварительного следствия заявления или сообщения о преступлении и материалов проверки по нему органу дознания (ст. 173-2 УПК);

– приостановление и возобновление проведения проверки по заявлению или сообщению о преступлении (ст. 173-3 УПК).

При этом проведение доследственной проверки можно разделить на три этапа:

– получение информации о совершенном или готовящемся преступлений и ее регистрация органами уголовного преследования;

– установление информации, имеющей значение для возбуждения уголовного дела, а также обнаружение, фиксация и проверка информации, которая может иметь доказательственное значение и лечь в основу обвинения лица, совершившего преступление;

– принятие законного и обоснованного решения.

Таким образом, доследственная проверка является важным этапом в уголовном судопроизводстве, так как в ходе ее проведения следователь, либо орган дознания, руководствуясь принципом соблюдения конституционных прав и свобод граждан, на основании собранного материала принимает решение о наличии, либо отсутствии состава преступления, что фактически является отправной точкой для всего уголовного процесса, своего рода «фильтром», который не допускает производства предварительного расследования по информации, которая не содержит сведений о преступлениях.

Кот А. В.

О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ ДОПРОСА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПОТЕРПЕВШИХ И СВИДЕТЕЛЕЙ

Кот Алина Викторовна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, kotalina32@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Зайцева Л. Л.

В соответствии с действующим законодательством участниками уголовного процесса могут стать не только совершеннолетние лица, но и те, кто не достиг восемнадцатилетнего возраста. Вовлечение в производство по уголовному делу таких лиц, не обладающих полной дееспособностью, необходимо учитывать при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности.

Социально-психологическая незрелость несовершеннолетнего, отсутствие необходимого уровня знаний и жизненного опыта не могут быть проигнорированы при производстве по уголовному делу.

Так, следственные действия, проводимые с участием несовершеннолетних, имеют свою специфику, обусловленную их возрастными особенностями, своеобразием психологии детей и подростков, а также необходимостью усиленной процессуальной защиты указанных лиц. С этой целью для проведения допроса несовершеннолетних должны быть установлены дополнительные гарантии.

Как известно, цель допроса несовершеннолетних – получение показаний, которые бы объективно отражали действительность и способствовали установлению обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу. Однако, обстановка допроса должна способствовать смягчению отрицательного

воздействия этого следственного действия на неустойчивую психику несовершеннолетнего, которая может быть травмирована его неумелым проведением.

Повышенная защита несовершеннолетних проявляется в том, что ч. 1 ст. 434 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК) определила продолжительность допроса несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого: не более двух часов без перерыва, а в общей сложности – не более четырех часов в день. Это сокращенная вдвое продолжительность допроса по сравнению со взрослыми.

Однако аналогичный подход не применен при регулировании продолжительности допроса несовершеннолетних потерпевшего и свидетеля, что противоречит общим правилам его проведения, регламентированным в ч. 2 ст. 215 УПК. Согласно данной норме допрос не может длиться непрерывно более четырех часов, продолжение допроса допускается после перерыва не менее чем на один час для отдыха и принятия пищи. Причем общая продолжительность допроса в течение дня не должна превышать восьми часов. Указанное правило применяется в отношении совершеннолетних участников уголовного процесса.

В то же время к несовершеннолетним свидетелям и потерпевшим применяются особые правила, установленные ст. 221 УПК. Они касаются порядка вызова на допрос, участия в нем педагога (психолога), родителей или иных законных представителей (ч. 1 ст. 221 УПК), проведения допроса в условиях дружественной детям комнаты (ч. 2^1 ст. 221 УПК), применения звуко- и видеозаписи в ходе допроса несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля в возрасте до 14 лет (ч. 4 ст. 221 УПК). Эти положения почти полностью соответствуют особенностям проведения допроса несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых.

Следует отметить, что имеется положительный зарубежный опыт правовой регламентации продолжительности допроса несовершеннолетних потерпевших и свидетелей. Так, согласно ч. 1 ст. 191 УПК Российской Федерации следственные действия с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля в возрасте до семи лет не могут продолжаться без перерыва более 30 минут, а в общей сложности – более одного часа, в возрасте от семи до четырнадцати лет – более одного часа, а в общей сложности – более двух часов, в возрасте старше четырнадцати лет – более двух часов, а в общей сложности – более четырех часов в день.

В связи с вышеизложенным представляется необходимым распространить требования ч. 1 ст. 434 УПК на правила допроса несовершеннолетних потерпевших и свидетелей, включив соответствующие дополнения о сокращенной продолжительности допроса указанных лиц в ст. 221 УПК.

Кулик В. В.

ОСМОТР КАК СЛЕДСТВЕННОЕ ДЕЙСТВИЕ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ

Кулик Виктория Витальевна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, avic.kulik@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Самарин В. И.

Основным способом собирания доказательств, как известно, являются следственные действия и, в частности, осмотр. В настоящее время все еще существуют спорные моменты его производства в силу возможных в данном процессе ограничений прав и законных интересов граждан. При достаточно подробной урегулированности в настоящее время осмотра в национальном уголовно-процессуальном законе все же неизбежно возникновение проблемных ситуаций.

Так, В. М. Логвиным актуализирована проблема отсутствия единого мнения о сущности осмотра места происшествия, а также определения в уголовно-процессуальных нормах Республики Беларусь понятия «место происшествия». Актуальным остается, помимо прочего, использование в науке уголовного процесса сравнительно-правового метода, предполагающего обращение в целях совершенствования национального законодательства и доктрины к иностранному опыту в исследуемой сфере.

При анализе уголовно-процессуальных законов государств – участников СНГ несомненно их сходство в правовом регулировании осмотра. Так, используя упомянутый частный метод, можем отметить, например, ст. 176 Уголовно-процессуального кодекса (далее – УПК) Российской Федерации, исходя из названия и с учетом содержания которой более корректной представляется формулировка ст. 203 УПК Республики Беларусь с аналогичным названием «основания для проведения осмотра», где в действительности эти основания и раскрываются в отличие от нормы УПК Российской Федерации, содержащей виды и цель осмотра. Аналогичная ей норма сформулирована и в ст. 182 УПК Таджикистана.

Проблемным в теории уголовного процесса Республики Беларусь является вопрос о необходимости выделения иных, не указанных в ст. 203 УПК, видов осмотра, как, например, осмотр животных и др. Такой вид предусмотрен в УПК Казахстана, Армении. УПК Азербайджана выделяет также осмотр останков животных, а УПК Молдовы – осмотр животных, их трупов.

УПК Республики Беларусь не содержит положений о повторном либо дополнительном осмотре. В связи с этим можно обратить внимание на нормы ч. 16-3 ст. 220 УПК Казахстана и ст. 260 УПК Туркменистана, которые называют случаи допустимости повторного осмотра: «когда условия первоначального осмотра были неблагоприятны для эффективного восприятия объекта; когда после первоначального осмотра могут быть

получены новые сведения; в случае, если первоначальный осмотр проведен некачественно». Дополнительный осмотр производится, «если по каким-либо причинам при первом осмотре не исследованы детали объекта». Статья 172 УПК Кыргызстана дополняет указанный перечень следующими случаями проведения повторного осмотра места происшествия: «когда прокурором либо руководителем следственного подразделения дано в письменном виде обязательное для следователя указание о проведении повторного осмотра места происшествия; в случае передачи уголовного дела от одного следователя другому».

В Республике Беларусь рассматриваемое следственное действие необязательно проводится с привлечением понятых. В то же время довольно детально обязательность их участия регламентирована ч. 5 ст. 260 УПК Туркменистана, одновременно определяющей случаи, когда осмотр может производиться без понятых, однако, как правило, с применением технических средств фиксации: «в труднодоступных местностях, на местности, где нахождение понятых крайне затруднено, при отсутствии надлежащих средств сообщения, в силу других объективных причин нет возможности для привлечения лиц в качестве понятых, а также в случаях если проведение осмотра связано с опасностью для жизни и здоровья людей». Подобная, однако менее конкретизированная норма содержится и в ч. 1 ст. 183 УПК Таджикистана.

Особым образом, как отмечается А. А. Суминым и О. В. Химичевой, производится осмотр места происшествия в уголовном процессе Сирии: сразу же по незамедлительному прибытию туда прокурора, получившего сообщение о признаках очевидного преступления. Здесь необходимость участия понятых обозначена «только при осмотре местности или помещений, свободный доступ в которые ограничен».

Примечательно регулирование осмотра в Северной Корее. Обязательным здесь является участие двух понятых, проведение следственного действия в дневное время (кроме случаев, не терпящих отлагательства). При этом А. А. Сумин и О. В. Химичева указывают, что законодательно не определена обязанность следователя предварительно письменно оформить решение о проведении осмотра, а также получить для его производства санкцию вышестоящего должностного лица.

Таким образом, при обзорном анализе регулирования осмотра как следственного действия в уголовном процессе нескольких схожих и нескольких антитетичных государств отмечены некоторые индивидуальные особенности отдельных положений об осмотре, выявлено отдельное сходство и подчеркнута возможность дальнейшего совершенствования национального законодательства и доктрины с помощью изучения зарубежного опыта.

Лаврова И. В.

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ГЛАСНОСТИ В СУДЕБНОЙ СИСТЕМЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Лаврова Илона Владимировна, студентка 1 курса Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, г. Гродно, Беларусь, ilonkalavrovavla@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Жук М. Г.

В современных реалиях правового социально ориентированного государства, каковым является Республика Беларусь, пристальное внимание уделяется вопросам гласности судопроизводства и распространения информации о деятельности судов и судебной системы в целом.

Гласность судебной системы в Республике Беларусь регламентируют нормы постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 20 декабря 2013 г. № 11 «Об обеспечении гласности при осуществлении правосудия и о распространении информации о деятельности судов». Нормы данного постановления направлены на правильное и единообразное применение судами законодательства, регламентирующего вопросы гласности судебного разбирательства, а также своевременного распространения объективной информации о деятельности судебной системы.

Для судебной системы, являющейся неотъемлемой частью государственной власти, понятие «гласность» приобретает значение основополагающего конституционного принципа, который, наряду с закрепленным в Конституции Республики Беларусь правом граждан на информацию, определяет обязательные условия осуществления правосудия.

А. А. Простакова и Ю. А. Коростелева содержание принципа гласности усматривают в следующих элементах: право быть извещенным и информированным; право на ознакомление; право присутствовать на судебном заседании; право на публичное объявление судебных актов; обязанность суда обеспечивать предоставление и получение процессуальной информации, создавать условия для ее доступности при рассмотрении и разрешении дела. М. К. Треушников содержание принципа гласности усматривает через «свободный доступ в зал судебных заседаний всех граждан, желающих послушать процесс, а также их право на письменные заметки о процессе и фиксацию всего происходящего в зале судебного заседания с занимаемого места».

Реализация принципа гласности в судебной системе Республики Беларусь способствует повышению качества и эффективности осуществления правосудия, укреплению авторитета судебной власти.

Согласно ст. 114 Конституции Республики Беларусь разбирательство дел во всех судах открытое. Слушание дел в закрытом судебном заседании допускается лишь в случаях, определенных законом, с соблюдением всех правил судопроизводства. В соответствии с нормами данной статьи гласность правосудия предполагает судебное рассмотрение дел в открытых судебных заседаниях с обеспечением для лиц, достигших установленного

законом возраста, наличия возможности присутствовать на судебных процессах, а также возможности получения достоверной информации о ходе и результатах разрешения судебных дел.

Необходимо отметить, что в соответствии с ч. 3 ст. 11 Кодекса Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей не допускаются разглашение сведений, относящихся к частной жизни гражданина, которые унижают его честь и достоинство либо могут причинить вред его правам, законным интересам или деловой репутации, а равно разглашение сведений, относящихся к деятельности организации, индивидуального предпринимателя, которые могут причинить вред их правам, законным интересам или деловой репутации, если иное не предусмотрено законодательством.

Анализируя формы реализации принципа гласности, Е. Н. Ярмоц делает акцент на том, что несмотря на наличие основной формы – проведение открытого судебного заседания, имеются и дополнительные, такие как «возможность фиксации и распространения информации с целью ознакомления и обсуждения хода и результатов судебной деятельности, то есть общественную оценку суда и правоохранительных органов».

Гласность судебной системы подразумевает обеспечение открытости судебной власти средствам массовой информации: публичное оглашение судебных постановлений о ходе разбирательств, освещение информации о деятельности судебной системы в целом как через средства массовой печати, так и через интернет-ресурсы. Правильно организованное взаимодействие судебной системы со средствами массовой информации является платформой обеспечения своевременного распространения объективной и достоверной информации о деятельности судов.

Подводя итог вышеизложенного, можно сделать вывод, что судебная система в Республике Беларусь направлена на обеспечение соблюдения и выполнения принципов гласности судебного правосудия в ходе судебных заседаний. Реализация данного принципа обеспечивает защиту и охрану прав и законных интересов участников судебного процесса, а также является важным условием выполнения судом его воспитательных качеств, предупредительного воздействия правосудия. Соблюдение гласности судебной системы способствует обеспечению прозрачности и законности.

Лопыко М. Н.

ОСОБЕННОСТИ ОПЕРАЦИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭЛЕКТРОННЫХ НОСИТЕЛЕЙ ИНФОРМАЦИИ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Лопыко Максим Николаевич, студент 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, maximlop11@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Самарин В. И.

Общие процессуальные особенности производства следственных действий раскрываются законодателем в ст. 192 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК). Следует обратить внимание на

то, что белорусский законодатель не предусмотрел отдельную статью, посвященную особенностям операций с использованием электронных носителей информации при производстве следственных действий, хотя в последнее время активно увеличивается количество преступлений, связанных с компьютерной информацией. Так, число данных преступлений в Беларуси в январе-феврале 2024 г. выросло на 240 % в сравнении с аналогичным периодом прошлого года. Это свидетельствует о том, что сейчас и в ближайшем будущем необходимо уделять особое внимание следственным действиям, в которых могут быть задействованы электронные носители информации.

В научной литературе выделяют следующие общие особенности следственных и иных процессуальных действий, производство которых направленно на собирание и проверку электронной доказательственной информации.

1. Процессуальная корректность фиксации: содержимое и реквизиты цифровой информации подлежат обязательному описанию в протоколе следственного действия или экспертном заключении. В случае копирования цифровой информации, разумеется, ее носитель также должен быть приложен. Рекомендуется вносить в текст процессуального документа или прикладывать к нему скриншоты, распечатки логов, выдержки из внешней аналитики и статистики по сайту и т. п. Кроме того, к участию в следственном осмотре рекомендуется привлекать понятых, которым следует последовательно разъяснять сущность всех имеющих значение для расследования действий следователя и специалиста.

2. Точное описание проведенных операций по обнаружению, в том числе использованных технических средств, программного обеспечения (включая точную версию). Фиксации подлежат не только обнаруженные устройства, но и окружающая их обстановка. Сведения об обстановке позволяют судить об условиях как использования лицом, совершившим преступление, электронных носителей информации, так и условиях обнаружения и процессуального изъятия этих носителей.

3. Корректность установления связи обнаруженной информации с расследуемым событием или личностью обладателя информации. Если для индивидуализированных компьютерных устройств (в первую очередь личных смартфонов) связь находящейся на нем информации с владельцем устройства может считаться априорной, то для стационарных устройств, особенно располагающихся в местах, где доступ к ним могут иметь разные субъекты, требуется дополнительное обоснование обусловленности операций в отношении цифровой информации с действиями конкретного лица.

4. Обязательным участником следственных действий, направленных на собирание электронных доказательств, должен выступать специалист. В качестве специалиста может приглашаться любое лицо, обладающее познаниями в области электронных устройств, однако следует удостовериться в соответствии квалификации специалиста поставленным задачам.

На основании этих положений предлагаем белорусскому законодателю ввести ст. 192^1 УПК «Особенности операций с использованием электронных

носителей информации при производстве следственных действий», которая могла бы выглядеть следующим образом:

«1. Все операции по обнаружению, изъятию, хранению и копированию доказательственной информации на электронных носителях, в том числе использованных технических средств, программного обеспечения, должны быть зафиксированы в протоколах следственных действий.

2. Изъятие электронных носителей информации и копирование с них информации проводятся только с согласия обладателя информации и в его присутствии или по постановлению следователя, органа дознания с санкции прокурора или его заместителя. В случаях, не терпящих отлагательства, изъятие электронных носителей информации и копирование с них информации могут быть проведены по постановлению следователя, органа дознания без санкции прокурора с последующим направлением ему в течение 24 часов сообщения о проведенном изъятии и копировании.

3. Изъятие электронных носителей информации и копирование с них информации проводятся с участием специалиста и понятых, которым последовательно разъясняется сущность всех имеющих значение для расследования действий следователя и специалиста.

4. При копировании информации с электронных носителей недопустимо внесение изменений в эту информацию.

5. Лица, осуществляющие операции с доказательственной информацией на электронных носителях, несут ответственность за ее сохранность, пока имеют доступ к этой информации».

Введение в УПК данной статьи: 1) позволит минимизировать риски фальсификации электронных доказательств и признания их недопустимыми; 2) гарантирует соблюдение права обвиняемого (подозреваемого) на защиту; 3) обеспечит единообразное применение уголовно-процессуального законодательства; 4) позволит более эффективно вести предварительное расследование в сфере преступлений, связанных с компьютерной информацией.

Пташник В. В.

СУЩНОСТЬ И ПОНЯТИЕ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ

Пташник Владислав Вадимович, студент 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, vladptashnik03@gmail.com

Научный руководитель: старший преподаватель Бурак Р. В.

Рассмотрим данное понятие с точки зрения сущности. Досудебное соглашение о сотрудничестве прежде всего является соглашением. Законодатель в различных сферах общественных отношений содержит определение соглашения (около 76 терминов, включающих указанное понятие). Однако в данном случае речь идет о специфических соглашениях, свойственных отдельным сферам общественных отношений.

Очевидно, что наиболее часто мы можем встретить соглашение в частноправовых сферах ввиду признаков, свойственных соглашению. Однако почему законодатель решил использовать понятие «соглашение», а не «договор» и какие есть отличия в данных понятиях. Традиционно в гражданском праве соглашение выражает лишь наличие воли вступить в договорные отношения в будущем, но само по себе не создает прав или обязательств. Даже после заключения соглашения стороны не обязаны к каким-либо действиям. Лишь когда намерения сторон совпадают с их действиями, соглашение превращается в договор.

Вместе с тем соглашение о сотрудничестве в данном случае используется законодателем как вид договора в публичной сфере. К примеру, исторически так сложилось, что в международно-публичном праве договоры могут иметь различные наименования, хотя по сути своей являются особыми видами договоров со всеми признаками последних. Так, согласно официальному порталу Организации Объединенных Наций международный «протокол» употребляется для обозначения соглашений, имеющих менее официальный характер, чем соглашения, называемые «договорами» или «конвенциями».

Однако досудебное соглашение о сотрудничестве не обладает всеми признаками договора с точки зрения диспозитивности.

Во-первых, согласно принципу свободы договора условия договора определяются по усмотрению сторон, за исключением существенных условий. Однако, исходя из существа ст. 468[8] Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь условия договора строго определены и не могут дополняться иными пунктами, тем более гарантиями подозреваемого (обвиняемого).

Во-вторых, возникает вопрос о целесообразности введения понятия договора в публичном праве, где одна сторона является властвующей стороной. Безусловно, и в других отраслях права есть договоры, где одна сторона властвующая. Используя действующее понятие соглашения (договора), прокурор является стороной договора. Логично было бы предположить, что у прокурора в связи с этим появляются дополнительные обязанности, которые корреспондируют выгодным правам (подозреваемого) обвиняемого, ради которых последний и заключает соглашения. Однако для получения этих преимуществ, предусмотренных договором, необходимо признание выполнения обязательств договора субъектом, который не участвовал в его заключении и не является стороной указанного соглашения, – судом.

Таким образом, анализируя сущность института досудебного соглашения о сотрудничестве, можно подытожить, что это не является договором или соглашением. Безусловно, свобода в возможности использования указанного института есть, однако это не является принципом свободы договора (соглашения), а свободой распоряжения своими правами.

В связи с этим предлагаем заменить термин «досудебное соглашение о сотрудничестве» термином «добровольное обязательство о сотрудничестве».

Причем указанное понятие вполне корректно встраивается в уже действующую систему. Так, лицо подписывает обязательство о сотрудничестве, которое предусматривает конкретные действия по сотрудничеству, после чего следователь выдает справку о возможности выполнения указанного обязательства, прокурор утверждает его, а суд уже определяет, было ли выполнено обязательство.

Терентьева Е. Е.

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ТРЕБОВАНИЕ ПРОКУРОРА КАК АКТ ПРОКУРОРСКОГО РЕАГИРОВАНИЯ

Терентьева Екатерина Евгеньевна, аспирант 4 года обучения Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева, г. Екатеринбург, Россия, katia.terentjewa2016.yandex.ru

Научный руководитель: доктор юрид. наук, профессор Ергашев Е. Р.

Значимость соблюдения конституционных прав граждан, в том числе такой категории, как участники уголовного судопроизводства, представляется бесспорной. Особенное значение вопросы обеспечения гарантий защиты высшей конституционной ценности – прав и свобод человека и гражданина приобретают в настоящий период развития российского, да и белорусского государства – в условиях достаточно сложной внешнеполитической ситуации, неизбежно влекущей ряд негативных последствий и во внутренней политической, экономической, социальной жизни граждан.

Единственным государственным органом, осуществляющим от имени Российской Федерации надзор за исполнением законов на территории России, является прокуратура Российской Федерации.

Деятельность прокуратуры как в целом, так и любое направление – надзорное либо ненадзорное преследует прежде всего цель – обеспечение законности. При этом наиболее уязвимой сферой правоотношений, в которой систематически и достаточно существенно нарушаются права и свободы человека и гражданина, является уголовное преследование.

Учитывая значение надзорной деятельности прокуратуры в обозначенной сфере, определение полномочий, их объем, правовое регулирование, в том числе процесса и процедуры их реализации, имеют важное значение.

Основными нормативными правовыми актами, регламентирующими осуществление надзора за исполнением законов органами предварительного следствия, являются Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, ряд ведомственных актов – приказов Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

В прокурорской практике и в науке прокурорского надзора одним из наиболее спорных правовых средств прокурора, применяемых при проверках исполнения закона органами предварительного следствия, является

требование об устранении нарушений федерального законодательства, допущенных органами предварительного следствия, предусмотренное п. 3 ч. 2 ст. 37 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Немало научных исследований посвящено недостаткам правового регулирования, которые являются настолько существенными, что затрудняют применение вышеуказанного правового средства в ежедневной деятельности прокуроров.

Мнение большинства ученых, практических работников прокуратуры сводится к следующему постулату: требование следует признать, определив нормативно, самостоятельным актом прокурорского реагирования при осуществлении полномочий по надзору за исполнением законов органами предварительного следствия.

Для достижения указанной цели необходимо в Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации» предусмотреть следующее правовое регулирование требования как надзорного процессуального акта реагирования: дать его дефиницию, характеристику, определить субъектов, уполномоченных на внесение и рассмотрение требования, а также следует предусмотреть правовую регламентацию сроков внесения, рассмотрения требования, срока предоставления прокурору информации о результатах рассмотрения требования.

На заседании Координационного совета генеральных прокуроров государств – участников СНГ 25 сентября 2014 г. (г. Душанбе) члены Совета заслушали информацию Генерального прокурора Республики Беларусь, в том числе опыт применения прокуратурой Республики Беларусь правового средства реагирования на нарушения закона, аналогичного российскому требованию об устранении нарушений закона, допущенных при производстве по уголовному делу.

Так, отмечено, что эффективным нормативным механизмом стало закрепленное в п. 11 ст. 34 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь право прокурора на внесение начальнику следственного подразделения требования об устранении нарушений закона, допущенных при производстве по уголовному делу. Практика применения этого процессуального института показывает, что он эффективно используется прокурорами и стал действенной мерой прокурорского реагирования на нарушения законов в сфере уголовного судопроизводства».

Участниками Совета принято решение рекомендовать генеральным прокурорам государств – участников СНГ использовать в практической деятельности положительный опыт Генеральной прокуратуры Республики Беларусь по надзору за процессуальной деятельностью следователей Следственного комитета Республики Беларусь при производстве по уголовным делам.

Щепта В. С.

ИСТИНА КАК ЦЕЛЬ ДОКАЗЫВАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Щепта Виктория Сергеевна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, shcheptavic@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Петрова О. В.

Существует мнение, что целью доказывания является достижение истины, что в уголовном процессе означает полное и точное соответствие выводов следствия и суда объективной действительности, касающихся обстоятельств дела и виновности привлеченных лиц. Однако среди ученых в области уголовно-процессуального права нет единства по этому вопросу. Изучив мнения таких исследователей, как И. И. Николаева, М. А. Золотов, Е. В. Писарев, Н. А. Громова, Е. Б. Мизулина, В. А. Лазарев, можно выделить три подхода к пониманию целей доказывания:

- основная позиция – целью уголовного доказывания является установление истины по уголовному делу;
- противоположная точка зрения – установление истины не является целью уголовно-правового доказывания;
- альтернативный подход – несмотря на то, что УПК прямо не закрепляет, что главной целью уголовно-правового доказывания является установление истины, тем не менее именно к ее достижению необходимо стремиться.

Можно говорить, что Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – УПК) содержит ряд положений, убеждающих нас в том, что законодатель закрепил направление правоприменительной деятельности, ориентированное на установление объективной истины, которое зафиксировано в следующих нормах процессуального закона:

1) обвинительный приговор не может быть основан на предположении и постановляется лишь при условии, что в ходе судебного разбирательства виновность обвиняемого в совершении преступления подтверждена совокупностью исследованных судом доказательств. Выводы, содержащиеся в обвинительном приговоре, должны быть достоверны, т. е. вполне верными, истинными, несомненными. Оправдательный приговор постановляется тогда, когда виновность лица не доказана, а также если у судей остались неустранимые сомнения в виновности лица;

2) предварительное расследование может производиться по месту нахождения подозреваемого, обвиняемого или большинства свидетелей в целях обеспечения наибольшей быстроты, объективности и полноты исследования обстоятельств уголовного дела;

3) выделение уголовного дела допускается при условии, что это существенно не отразится на всесторонности, полноте, объективности исследования обстоятельств уголовного дела в судебном заседании;

4) приговор суда должен быть обоснованным. Приговор признается обоснованным, если он постановлен на основании лишь тех представленных

суду доказательств, которые всесторонне, полно и объективно исследованы в судебном заседании;

5) решение о виновности либо невиновности обвиняемого суд выносит лишь на основе достоверных доказательств, подвергнутых всестороннему, полному и объективному исследованию и оценке.

Положения, указанные в ст. 89 УПК, в целом составляют фактическую основу объективной истины в уголовном деле. Все вышеупомянутое подтверждает, что в современном белорусском законодательстве имеется тенденция в стремлении к объективной истине, взаимосвязанная с целью уголовно-процессуального доказывания, указанной в ст. 18 УПК.

Кроме того, можно выделить ряд преимуществ легализации понятия объективной истины в современном белорусском уголовном процессе.

1. Внедрение института объективной истины в УПК оправдано, так как это востребовано уголовным процессом для обеспечения справедливости. Обязанность суда и судьи устанавливать истину не только служебный долг, но и нравственный. Суд не может осудить невиновного и не имеет права оправдать виновного. Это касается также следователей и прокуроров, прекращающих дело при наличии доказательств виновности или формулирующих обвинение при доказательствах непричастности.

2. Для вынесения приговора должны использоваться исключительно доказанные, достоверные факты, исключающие любые сомнения. Объективная истина является фундаментом законного и справедливого судебного акта, что повышает доверие населения к органам уголовного правосудия.

3. Закон не должен предусматривать альтернативы объективной истине при вынесении приговора, чтобы избежать судебных ошибок и обеспечить правильное установление истины по каждому делу.

Целевое стремление должностных лиц к установлению объективной истины по каждому делу – это единственный путь к безошибочному и правосудному судебному акту. Восстановление института истины обеспечит конституционные гарантии справедливого правосудия и повысит доверие граждан к суду. Основная цель уголовного процесса заключается в вынесении правосудного решения, что невозможно без установления объективной истины.

Бодров К. А.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ТАКТИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПОДГОТОВКИ К ДОПРОСУ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПОДОЗРЕВАЕМЫХ (ОБВИНЯЕМЫХ)

Бодров Кирилл Андреевич, студент 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, kirillbodrov123@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Хлус А. М

Подготовка к допросу несовершеннолетних требует особого внимания к двум ключевым аспектам: выбору даты и времени допроса, а также сбору информации о личности допрашиваемого. Первый аспект важен для учета возрастных особенностей и эмоционального состояния подростка, что может повлиять на полноту его воспоминаний. Второй аспект позволяет установить психологический контакт и адаптировать тактику допроса, что особенно актуально в контексте значительного влияния социальных сетей на молодежь.

Первый аспект – определить дату и время допроса. Решение о моменте допроса несовершеннолетнего должно учитывать его возрастные особенности. Полнота результатов допроса зависит от времени, прошедшего с момента события, поскольку несовершеннолетние часто воспринимают лишь отдельные детали, что затрудняет запоминание.

Важно не всегда приближать допрос к событию: после совершения преступления несовершеннолетний может находиться в состоянии сильного возбуждения, сменяющегося апатией. В таких случаях целесообразно отсрочить допрос на 1-2 дня, чтобы дать возможность «отойти». Решение должно приниматься с учетом условий, в которых находится несовершеннолетний, чтобы избежать влияния посторонних.

Следует также пересмотреть мнение о недопустимости повторных допросов. Несмотря на возможную нервозность, феномен реминисценции может способствовать более полному воспроизведению событий.

При выборе времени допроса следователь должен учитывать правила, установленные в ч. 2 ст. 192 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь, запрещающие допрос в ночное время, кроме неотложных случаев. Важно сократить промежуток между вызовом и допросом для предотвращения искажения воспоминаний.

Второй аспект – получить информацию о личности допрашиваемого для установления психологического контакта и определения тактики допроса. Сведения о личности допрашиваемого включают в себя данные о его психофизиологических свойствах и состоянии, профессиональной деятельности, семейном положении, круге общения, моральном облике, отношении к другим лицам, проходящим по делу и т. д. Изучение личности допрашиваемого до начала допроса, является важной задачей, решение

которой позволяет установить психологический контакт и определить оптимальную тактику проведения допроса.

Применительно к несовершеннолетнему особое значение приобретает установление следующих данных: черты и темперамент характера; круг интересов и увлечений, жизненные принципы и позиции; стиль привычного поведения, жизненные ценности; система господствующих представлений об отношениях, а также иные социально-демографические и нравственно-психологические характеристики.

Надо сказать, что традиционные методы сбора информации о личности несовершеннолетних, такие как получение информации по месту жительства, работы или учебы допрашиваемого, могут оказаться недостаточно эффективными, что требует применения новых современных способов.

В настоящее время подростки много времени проводят в социальных сетях. Детальный анализ профилей допрашиваемого в социальных сетях, изучение публикаций, фотографий, видеозаписей, получение информации от «друзей» в сетевых сообществах, а также беседы с родителями, педагогами, другими значимыми для несовершеннолетних лиц, помогут составить психологический портрет допрашиваемого, провести комплексную диагностику познавательных процессов, эмоционально-волевой сферы, особенностей характера и темперамента несовершеннолетнего.

Таким образом, тактико-криминалистическое обеспечение подготовки к допросу несовершеннолетних требует комплексного подхода, учитывающего множество факторов. Выбор места и времени допроса должен соответствовать требованиям уголовно-процессуального законодательства и учитывать возрастные особенности психики несовершеннолетних, что может потребовать отсрочки допроса для снижения эмоционального напряжения. Важно также минимизировать временной промежуток между извещением и вызовом во избежание влияния посторонних лиц.

Сбор информации о личности допрашиваемого является ключевым этапом, позволяющим установить психологический контакт и определить оптимальную тактику допроса. Использование современных психологических методик и анализ данных из социальных сетей могут значительно повысить эффективность этого процесса.

Болдышевская Т. А.

ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ СЕРИЙНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Болдышевская Татьяна Анатольевна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, artnoenn@icloud.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Хлус А. М.

Одной из влиятельных угроз для общества является сам человек. Убийства и покушения на убийства являются одним из самых распространенных составов преступлений. Так, по статистике Белорусского национального статистического комитета за 2023 год общее количество преступлений составило 85 374, из них убийств и покушений на убийства 224.

Отдельного внимания заслуживают серийные преступления, являющиеся довольно особенной категорией преступлений. В Республике Беларусь отсутствует закрепление понятия серийного преступления, как и отсутствует статистика серийных преступлений.

Для признания преступления серийным в криминалистической науке выделяют несколько критериев. Первым критерием является серийность, под которой подразумевается неоднократность совершения преступных деяний одним лицом со схожими признаками. Следующий критерий временной, однако в отношении него мнения расходятся. Некоторые считают, что для того, чтобы убийства были признаны серийными, лицо может совершить два и более убийства с однодневным разрывом между ними; другие же считают, что для признания убийства серийным необходимо истечение «периода охлаждения», который составляет минимум один месяц. Точное количество жертв также не определено ни в одном криминалистическом исследовании либо в доктрине уголовного права. Единственное, в чем сходятся исследователи и практики, то, что для признания нескольких убийств серийными необходимо совершение двух и более преступлений такого рода одним и тем же лицом.

Одна из самых частых проблем в данном случае – определение самой серии преступлений, так как для этого необходимо большое количество временных и умственных затрат, изучение и сопоставление большого количества фактических данных, сосредоточенных в изучаемых уголовных делах. Суть сбора информации заключается в последующем анализе всех сведений для выявления закономерностей в совершенных преступлениях со сходными признаками, а также установление таких преступлений и их целенаправленный отбор с последующим соединением уголовных дел в одном производстве.

Методика расследования серийных преступлений состоит из двух этапов: информационного и методологического.

Суть информационного этапа заключается в сборе информации о значимых обстоятельствах, влияющих на определение «серии». В таких ситуациях необходимо обращать внимание на самые мелкие и, казалось бы, незначительные детали, так как никто не может предугадать, какие в последующем доказательства станут решающими.

После выявления серийности, наступает методологический этап, на котором выдвигаются следственные ситуации. На основе типичных следственных ситуаций следователь выдвигает следственные версии и составляет план расследования.

В настоящее время известны общие меры, принимаемые при расследовании серийных преступлений:

1) привлечение следователя, специализирующегося на расследовании серийных преступлений;

2) установление взаимосвязи между преступлениями по сходным чертам, поиск признаков, объединяющих «серию» (мотив, жертвы и др.);

3) составление психологического портрета преступника, для чего может привлекаться в том числе психолог;

4) проработка плана следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий для получения и сохранения всех доказательств, имеющих значение по уголовному делу;

5) привлечение экспертов.

На практике возникает проблема поиска связей между данными «сериями», так как связь между преступником и жертвой обычно не присутствует, вследствие чего отделить серийность от случайности достаточно проблематично.

Отдельного внимания стоит тот факт, что в серийных преступлениях всегда присутствует эмоциональная вовлеченность преступника, что в последующем составляет его индивидуальный почерк. Иногда те самые закономерности не видны невооруженным глазом человеку. Так, пропуская их и не связывая с серийностью, такое действие может повлечь за собой негативные последствия в виде большего количества жертв, чем могло бы быть, заметь это раньше. Так, необходимо выявление таких закономерностей: схожий типаж жертв; схожая обстановка совершения преступления; схожие послания преступника; схожие места совершения преступлений и т. д.

В современном мире с учетом цифровизации применяются специальные программы, содержащие особенную информацию о серийных преступлениях (почерк, способы совершения преступления и т. д.), что позволяет установить связь между особенностями личности и признаками преступного события. Примерами таких программ являются: VICAP (США), CATCHEM (Великобритания), VIGLAS (Канада).

Таким образом, можно говорить о том, что методика расследования серийных преступлений в Республике Беларусь еще не достигла уровня, обеспечивающего оперативность в решении некоторых задач, облегчающих сбор информации и анализ связи преступлений и преступников.

Грак Н. Н.

ПСИХОЛОГО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ЛИЧНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПРЕСТУПНИКА

Грак Наталья Николаевна, студентка 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, natasagrak81@gmail.com

Научный руководитель: старший преподаватель Лукьянович А. Л.

Проблема феномена преступности среди несовершеннолетних всегда была и остается актуальной. Подтверждением тому служат данные судебной статистики: в первом полугодии 2024 г. за совершение различных преступлений осуждены 353 несовершеннолетних, что на 27,9 % больше**,** чем в первом полугодии 2023 г., в котором осуждены 276 несовершеннолетних. Для эффективной профилактики преступности несовершеннолетних изучение психологического фактора будет играть одну из решающих ролей.

Неотъемлемым элементом состава преступления является субъект и особенности его личности. Широкий круг наук занимается исследованием личности несовершеннолетнего преступника: криминология, юридическая психология, криминалистика и др. Они играют важную роль в разработке эффективных программ по профилактике преступлений, совершаемых несовершеннолетними.

Личностная сторона преступности отражает то, как человек воспринимает и интерпретирует конфликты между собственными интересами и интересами общества. Такое понимание позволяет рассматривать личность преступника как субъект общественных отношений и как продукт окружающей его среды. Говоря же о характеристике личности несовершеннолетнего преступника, стоит отметить наличие некоторых особенностей, а именно: разрыв физического и психоэмоционального развития, вспыльчивость, впечатляемость, желание продемонстрировать свою взрослость, самостоятельность, снижение самоконтроля при возникновении критических для подростка ситуаций. Для правильного и систематического анализа причин подростковой преступности необходимо детально разобрать процесс формирования криминогенной деформации личности несовершеннолетнего.

Согласно исследованиям О. П. Колченоговой формирование криминогенной деформации личности проходит два основных этапа: предкриминогенная и посткриминогенная стадии. Предкриминогенная стадия характеризуется совершением аморальных проступков или административных правонарушений. Эта стадия таит опасность в том, что негативная направленность еще не занимает лидирующую позицию в сознании человека. Увеличение доли негативной направленности приведет к тому, что правонарушитель переступит черту и наступит факт совершения преступления.

Понимание психологического аспекта личности несовершеннолетнего играет ключевую роль в раскрытии преступлений, совершаемых ими. Личность несовершеннолетнего преступника характеризуется повышенной раздражительностью, наличием тревожных настроений, высокой вероятностью попадания в острые конфликтные ситуации, ощущением неполноценности по сравнению со взрослыми людьми. Психологический образ несовершеннолетнего позволит правильно обозначить мотив совершаемого преступления и оказать соответствующую помощь правоохранительным органам в расследовании преступления.

Криминалистические подходы в раскрытии преступлений, совершаемых несовершеннолетними, позволяют выявить определенные особенности, связанные с психологией и интересами. Несмотря на разнообразие видов преступлений, структура их криминалистической характеристики имеет схожие черты. Как отмечают ученые-криминалисты, для подростков данная специфика проявляется:

- в предметах и местах преступного посягательства;
- способах совершения преступлений, их приготовления и сокрытия;

- в характере и механизме следообразования;
- в типологических чертах личности правонарушителя.

Методы анализа личности, применяемые в криминалистике, предполагают возможность создания наиболее благоприятной следственной ситуации, позволяющей следователю принимать эффективные, оптимальные тактические решения по уголовному делу, например при выборе тактических приемов при допросе обвиняемого в конфликтной ситуации. Выработка таких решений в отношении несовершеннолетних осложняется, так как дело приходится иметь с неокрепшей человеческой психикой, а следовательно, каждый шаг в цепочке действий следствия должен быть просчитан до мелочей.

Таким образом, на основании вышеизложенного, мы можем сделать вывод о том, что важным элементом при расследовании преступлений, совершенных несовершеннолетними, является учет психологической характеристики несовершеннолетнего преступника. Представляется необходимым детальное изучение семейного положения и состава семьи несовершеннолетнего. Не менее важным является состояние социального климата как семьи, так и социума, в котором пребывал несовершеннолетний. Эти факторы будут способствовать более тщательному анализу истинной причины совершения преступления, выяснения фактов, необходимых для справедливого решения по уголовному делу.

Доброгост А. Н.

ТОРГОВЛЯ ЛЮДЬМИ: ВЫЯВЛЕНИЕ, РАСКРЫТИЕ, РАССЛЕДОВАНИЕ

Доброгост Анастасия Николаевна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, nastusha10819@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Хлус А. М.

Торговля людьми является одним из наиболее тяжких преступлений против свободы и достоинства человека, которое остается глобальной проблемой нашего времени. Этот вид преступлений охватывает торговлю людьми в целях сексуальной эксплуатации, принудительного труда, трансплантации органов и других форм эксплуатации. Вопрос выявления, раскрытия и расследования преступлений, связанных с торговлей людьми, остается одним из приоритетных для правоохранительных органов, и криминалистика играет ключевую роль в решении этих проблем.

Выявление преступлений, связанных с торговлей людьми, является начальным и одним из самых сложных этапов в борьбе с этим видом преступной деятельности. Торговля людьми является скрытым преступлением, и ее жертвы часто не могут самостоятельно обратиться за помощью из-за угроз, психологической зависимости или отсутствия правовой защиты, поэтому ключевая роль в раскрытии подобных преступлений отводится оперативным службам, правоохранительным органам и международным организациям.

Одним из основных подходов к выявлению таких преступлений является проведение ряда оперативно-розыскных и иных мероприятий.

Получение сведений от информаторов и свидетелей. О многих случаях торговли людьми становится известно благодаря информации от граждан, родственников жертв или самих жертв, которым удалось скрыться. Особое значение имеют доверительные отношения с обществом и программы защиты свидетелей.

Наблюдение и анализ. Правоохранительные органы могут отслеживать деятельность подозрительных лиц и организаций, подозреваемых в причастности к торговле людьми, путем мониторинга их деятельности, передвижений и контактов.

Мониторинг Интернета и социальных сетей. В современном мире Интернет и социальные сети становятся ключевыми инструментами для вербовки жертв. Под видом предложений работы, помощи с переездом или учебой преступники заманивают людей в рабство. Оперативные службы отслеживают сайты и платформы, на которых жертвы торговли людьми могут быть завербованы, включая анонимные форумы и чаты.

Пограничный контроль. Учитывая, что торговля людьми часто носит транснациональный характер, работа на границах является важной частью выявления. Пограничники должны быть обучены выявлять признаки незаконного перемещения людей, анализировать документы и сопровождать лиц, пересекающих границы.

Работа с уязвимыми группами населения. Чаще всего жертвами торговли людьми становятся представители уязвимых групп населения: мигранты, беженцы, бездомные, дети и женщины, оказавшиеся в бедственном положении. Для выявления преступлений среди этих групп важна работа социальных служб, НКО и правозащитных организаций, которые могут выявлять жертв и передавать информацию правоохранительным органам.

Международное сотрудничество. В торговле людьми часто участвуют представители несколько стран, что делает важной координацию усилий на международном уровне. Такие организации, как Интерпол и Европол, способствуют обмену информацией между правоохранительными органами различных государств, что помогает выявлять и пресекать деятельность транснациональных преступных сетей.

Признаки, которые могут указывать на наличие торговли людьми: невозможность свободного перемещения человека, отсутствие документов или их удержание, принудительный труд или предоставление услуг без оплаты, признаки физического или психического насилия, угроза применения силы, подозрительная или внезапная смена места жительства, незаконный труд с подбором персонала через социальные сети или рекламу без заключения реальных контрактов.

Раскрытие подобных преступлений требует комплексного подхода и использования специальных методов криминалистики. Одним из ключевых элементов раскрытия преступлений является построение криминалистической характеристики торговли людьми, которая может включать виды и формы

эксплуатации – принудительный труд, сексуальную эксплуатацию, торговлю органами и т. д. Личности преступников и жертв – жертвы чаще всего оказываются в уязвимом положении (социальная изоляция, экономическая зависимость), что облегчает преступникам их эксплуатацию. Преступные схемы – преступники часто организуют торговлю людьми в форме разветвленных преступных сетей, в которые входят вербовщики, перевозчики, подставные работодатели и лица, занимающиеся «обработкой» жертв на местах.

Традиционные методы раскрытия информации дополняются современными технологиями. Например, анализ данных о перемещениях через границы, информация от банков о подозрительных переводах средств и выявление цифровых следов помогают раскрыть преступные сети, связанные с торговлей людьми.

На стадии расследования используются как общие, так и специфические криминалистические методы. Допросы и психологические методы работы с жертвами – жертвы торговли людьми часто боятся обращаться за помощью, что усложняет расследование. Специалисты должны быть внимательны и использовать мягкую тактику допроса, чтобы помочь жертве раскрыться и рассказать о произошедшем. Психологическая поддержка, работа с переводчиками и защита конфиденциальности являются важными составляющими этого процесса. Проведение экспертиз – доказательства, полученные в ходе расследования, подлежат тщательной криминалистической обработке. Это может включать проверку документов, проверку подлинности личных данных, анализ ДНК, трасологические и биологические экспертизы для идентификации жертв. Работа с международными базами данных – торговля людьми является преступлением, которое часто пересекает национальные границы, поэтому международное сотрудничество, обмен информацией и доступ к базам данных Интерпола и других организаций позволяют более эффективно расследовать подобные случаи.

Ерофеев К. А.

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ СЛЕДЫ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК

Ерофеев Кирилл Алексеевич, курсант 4 «А» курса Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь, sirnicolasde@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук Мартынов А. О.

Государственные закупки играют ключевую роль в обеспечении функционирования государственных органов и организаций, поскольку они непосредственно влияют на эффективность расходования бюджетных средств и удовлетворение потребностей общества. Важным компонентом этого процесса является документальное сопровождение, что включает в себя подготовку различных документов, необходимых для организации и проведения государственных закупок.

Согласно ст. 6 Закона Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 419-З «О государственных закупках товаров (работ, услуг)» в рамках подготовки к проведению закупок заказчики обязаны разрабатывать проектную документацию и документацию об отборе участников. Эти документы служат основой для определения условий закупки, выбора поставщиков и обеспечения прозрачности процесса. Правильное и своевременное оформление конкурсной документации позволяет минимизировать риски, связанные с нарушениями законодательства, и гарантирует, что закупки будут проведены в соответствии с установленными требованиями.

Наиболее значимыми аспектами этой документации являются четкое формулирование требований к товарам, работам и услугам, а также условия участия в конкурсе. Неправильное оформление или отсутствие необходимых документов может привести к юридическим последствиям и финансовым потерям, поэтому изучение этого вопроса и внимание к деталям в процессе подготовки документации в сфере государственных закупок особенно важно для обеспечения их эффективности и законности.

Документация, играющая ключевую роль в организации государственных закупок, может быть классифицирована на несколько групп. Первая группа включает документы, связанные с подготовкой и проведением закупок, такие как (проектная документация, документация об отборе участников, конкурсная документация и заявки на участие в закупке и др.). Вторая группа содержит документы, фиксирующие результаты и условия исполнения контрактов, включая непосредственно контракты, протоколы, отчеты о выполнении контрактов, акты приемки и дополнительные соглашения к ним. Отдельно можно выделить третью группу документов, обеспечивающих прозрачность и правомерность процесса закупок, в которую входят запросы на разъяснение, представляющие собой обращения участников закупок к заказчику для получения уточнений по условиям конкурсной документации.

Стадия формирования документации в процессе государственных закупок является одной из наиболее криминогенных фаз всей процедуры. Требования к участникам закупок должны обеспечивать равные условия для всех потенциальных участников. Умышленное включение в документацию требований, которые могут быть выполнены только одним участником или минимальным числом субъектов хозяйствования, существенно искажает содержание процедуры закупок. Практическая деятельность подразделений по борьбе с экономическими преступлениями показывает, что такая документация довольно часто становится инструментом для реализации преступного сговора, направленного на осуществление закупок из единственного источника, включая требования по региону участника или к определенной номенклатуре предмета закупки.

Помимо документов, непосредственно описанных в законодательстве, большое значение имеют документы, сопровождающие деятельность по выполнению договора. К таким документам относятся первичные учетные документы организации, например, акты выполненных работ, фиксирующие

факт исполнения обязательства, товарные и товарно-транспортные накладные, счета-фактуры.

Так, посредством изучения товарно-транспортной накладной в ряде случаев возможно получить информацию о наименовании товара, количестве, цене, а также данные о поставщике, получателе и перевозчике, включая даты отгрузки и условия поставки, что поможет удостовериться в легитимности сделок и, как следствие, контролировать движение товаров. В связи с этим выявленный факт внесения изменений в товарно-транспортную накладную, например, указание другого транспортного средства или неправильная дата перевозки, может послужить основанием для проверки. Перспективным решением проблемы является обязательное составление электронных товарно-транспортных накладных, что ускоряет документооборот и устраняет вышеописанные проблемы. Электронные платформы, такие как blank.bisk.by, позволяют создавать и фиксировать документы в электронном виде, сокращая время оформления и минимизируя риски, что особенно важно в сфере государственных закупок.

Таким образом, документы в сфере государственных закупок имеют решающее значение как для обеспечения прозрачности и законности процессов, так и фиксации следов преступлений в случае совершения правонарушений. Они требуют тщательного документального сопровождения, включая проектную документацию и первичные учетные документы, такие как товарные накладные и акты выполненных работ. Неправильное оформление или умышленное искажение этих документов может привести к юридическим последствиям и коррупционным правонарушениям, что подчеркивает необходимость строгого контроля за требованиями к участникам и предметам закупок. Внедрение электронных накладных, например, с использованием платформы blank.bisk.by, способствует повышению прозрачности и эффективности документооборота.

Ершова В. Н.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ В ПРОЦЕССЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Ершова Вероника Николаевна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, veronika20112033@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Хлус А. М.

В связи с развитием современной науки и техники беспилотные летательные аппараты (далее – БПЛА) все чаще используются во многих сферах жизни, не исключение и производство некоторых следственных действий. Так, БПЛА могут использоваться органами внутренних дел при осмотре мест преступлений на больших территориях и труднодоступной местности, такой как болота, горные участки, леса и сложные дороги.

В одном из уголовных дел установлено, что гражданин Х производил наркотик «маковая солома». Традиционное наблюдение не дало результатов,

поэтому был использован БПЛА с видеокамерой, ночным видением и тепловизором. Это позволило выявить наркоплантацию и тайники с наркотиками. Полученные данные помогли спланировать задержание гражданина Х на поле вблизи поселка Д. В данном случае осуществление оперативно-розыскного мероприятия с использованием БПЛА позволило обследовать значительную территорию для обнаружения очагов произрастания наркосодержащих растений, выявить недоступные для традиционного наблюдения места плантации наркотических культур, а также провести наблюдение на предполагаемых маршрутах наркокурьеров, включая приграничные районы области, в любое время суток с соблюдением мер конспирации.

Вместе с тем использование БПЛА в процессе расследования преступлений имеет и ряд негативных моментов. Так, исследование, проведенное О. Б. Дроновой и Е. С. Храмовой, позволило выявить ряд недостатков применения БПЛА в процессе фиксации обстановки, в которой производилось следственное действие. Все они могут быть структурированы по следующим направлениям:

1) организационного характера – отсутствие четкого алгоритма действий сотрудника, применяющего БПЛА в рамках производства следственного действия (с каких точек, высоты, ракурса проводить фотосъемку, как правильно ориентировать местоположение и т. д.), и требований, предъявляемых к получаемому иллюстративному материалу;

2) технического характера – полученные с помощью БПЛА ориентирующие и обзорные фотоснимки не имеют принципиальных информационных отличий от своих аналогов, выполненных методом панорамирования с верхней точки съемки при использовании стандартной фотоаппаратуры.

В связи с этим предлагается ряд рекомендаций по организации и проведению следственных действий с использованием БПЛА. До выезда на осмотр места происшествия, в ходе которого планируется применение БПЛА, следует:

- проверить наличие всех комплектующих, необходимых для подготовки аппарата и его эксплуатации в целях осмотра места происшествия, в том числе удостовериться в работоспособности программного обеспечения;
- убедиться в полном заряде батарей технического средства, его пульта управления, планшетного компьютера, иного комплектующего оборудования;
- собрать информацию о полете других летательных аппаратов в воздушном пространстве над местом происшествия.

По прибытии на место следственного действия необходимо сориентироваться на местности при помощи навигатора системы глобального позиционирования и соотнести полученные сведения с картографическими данными. В процессе подготовки аппарата к эксплуатации окружающая обстановка оценивается на предмет обнаружения препятствий для взлета и его дальнейшей работы (здания, постройки, деревья, линии электропередачи). Затем выбирается место для взлета БПЛА – проводится общий обзор места

осмотра (обзорный полет) с целью определения границ территории, где будет осуществляться следственное действие. На рабочем этапе с помощью дрона можно сделать фотографии с воздуха, которые также могут являться доказательствами по делу и удачно дополнить фототаблицу.

Камера, которой оснащен БПЛА, дает возможность распознавать лица участников правонарушений, осуществлять их видео-, фотосъемку, передавать материалы в режиме реального времени на пульт оператора. При этом БПЛА может быть оснащен прибором ночного видения, тепловизором, спутниковой навигацией, что позволяет ему выполнять наблюдение (слежение) в различных условиях.

Таким образом, использование БПЛА при расследовании преступлений представляет собой инновационный инструмент, способный значительно повысить эффективность следственных действий, особенно в труднодоступных и больших по площади районах. Однако, наряду с положительными аспектами, такими как возможность осуществления воздушной съемки в реальном времени, круглосуточное наблюдение и точное определение местоположения объектов, существуют и существенные проблемы, рассмотренные в ходе исследования.

Кравцова Е. С.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В КРИМИНАЛИСТИКЕ

Кравцова Елизавета Сергеевна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, magic.eliz28@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Хлус А. М.

Криминалистика активно интегрирует передовые технологии, и одним из значительных прорывов является использование искусственного интеллекта (далее – ИИ). ИИ представляет собой комплекс методов и технологий, позволяющих создавать программное обеспечение, способное решать интеллектуальные задачи с возможностью самообучения. Применение ИИ в криминалистических расследованиях демонстрирует высокую эффективность в обработке больших объемов данных, что значительно улучшает качество и скорость анализа материалов уголовных дел.

Машинные алгоритмы, использующиеся в системах ИИ, обеспечивают классификацию материалов и подготовку их к детальному анализу. Нейронные сети систематизируют информацию, моделируют преступные эпизоды и выявляют скрытые взаимосвязи и паттерны в данных. Внедрение ИИ в криминалистический анализ требует выделения ключевых этапов: формулирование задач, подготовка данных, разработка модели нейронной сети, создание обучающих и тестовых наборов данных, масштабирование и векторизация данных, оценка полученных результатов.

Далее рассмотрим внедрение программного обеспечения ИИ с позиции общетеоретических и методологических основ криминалистики, что позволит более глубоко понять его роль и потенциал в этой области.

Криминалистическая техника включает методы и инструменты для сбора и анализа доказательств, где ИИ сможет значительно ускорить процессы и повысить точность. ИИ целесообразно будет использовать в расследовании преступлений, особенно в условиях растущих угроз киберпреступлений и проблем, связанных с deepfake-технологиями. Он сможет автоматизировать сбор и анализ криминалистически значимых данных, организуя и храня информацию о преступлениях, а также выявляя скрытые закономерности и снижая вероятность ошибок. ИИ будет способен распознавать подделки подписей, взаимодействовать с государственными базами данных для анализа следов на местах преступлений и устанавливать связи с подозреваемыми. Технологии распознавания образов, включая лица и номерные знаки, позволят идентифицировать подозреваемых по видеозаписям. Нейронные сети и компьютерное зрение значительно ускорят процесс идентификации, а анализ финансовых транзакций поможет выявлять мошеннические схемы.

Криминалистическая тактика в современных условиях будет предполагать применение специализированного ИИ, который будет функционировать как инструмент поддержки следственной деятельности. Система будет работать на основе комплексного анализа тактических средств в различных следственных ситуациях, используя обширную базу данных прошлых расследований для самообучения и выявления значимых закономерностей. ИИ будет анализировать результаты предыдущих расследований, формировать систематизированные схемы и планы следственных действий, а также предлагать рекомендации по оптимизации тактических приемов. Особое значение будет иметь способность системы выявлять и подбирать наиболее эффективные тактические приемы для конкретных следственных ситуаций, проводя аналогии с успешными расследованиями из практики.

Криминалистическая методика потребует постоянной адаптации к изменяющимся условиям и разработки методических подходов к использованию новой технологии. Методология анализа данных ИИ будет включать определение целей и задач, сбор исходных данных и проверку их качества, форматирование данных, выбор методики, построение модели и ее оценку, а также оценку соответствия результатов поставленным целям. Необходимо будет выбирать подходящий алгоритм, который соответствует исходному запросу. Для эффективного функционирования системы самообучения понадобятся большие объемы однородных данных и минимизация алгоритмической предвзятости. Также потребуется разработка правовых норм, регулирующих использование ИИ, и создание механизмов для выявления и предотвращения преступлений, связанных с его применением, включая обучение сотрудников и сотрудничество с экспертами в области кибербезопасности. В процессе разработки программного обеспечения можно использовать технологию DeepCode для проверки кода на наличие ошибок, анализируя предшествующие версии и внесенные изменения. Внедрение программы, основанной на ИИ, должно

сопровождаться мерами защиты от потенциальных злоупотреблений, что потребует согласованного подхода на законодательном, практическом и технологическом уровнях.

Таким образом, применение новых технологий не только способствует повышению уровня криминалистической науки, но и трансформирует подходы к расследованию преступлений в целом. В условиях активного использования преступниками современных технологий правоохранительные органы могут использовать эти инновации для опережения преступных действий, что значительно повысит эффективность борьбы с преступностью.

Лукомский Н. С.

ОСОБЕННОСТИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ САМОВОЛЬНОГО ОСТАВЛЕНИЯ ВОИНСКОЙ ЧАСТИ

Лукомский Никита Сергеевич, курсант 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, nik.lukomskiy@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Орехова Е. П.

При проведении расследования по факту самовольного оставления части военнослужащим предлагается провести следующие действия:

1) непосредственно после выявления незаконного самовольного убытия военнослужащего составляется рапорт по команде должностного лица, в подчинении которого находится указанный военнослужащий;

2) в день совершения командиром воинской части назначается проведение служебного расследования (перечень действий и приобщенных документов направлены на установление всех обстоятельств совершенного);

3) по истечении времени, установленного командиром воинской части для проведения служебного расследования, составляется рапорт о результатах проведенного служебного расследования с выводами о наличии признаков преступления, предусмотренного ст. 445 или ст. 446 Уголовного кодекса Республики Беларусь (хотя на данном этапе формирование выводов о дезертирстве маловероятно из-за сложности быстрого установления цели совершения преступления);

4) рассмотрев рапорт о проведении служебного расследования, командир воинской части поручает лицу, производящему дознание, составить рапорт об обнаружении признаков состава преступления (при их наличии);

5) лицом, уполномоченным органом дознания на осуществление досудебного производства, составляется рапорт и его регистрация в книге регистрации сообщений о преступлениях;

6) рассмотрев рапорт об обнаружении признаков состава преступления, командир воинской части поручает лицу, уполномоченному на осуществление досудебного производства, проведение проверки в рамках Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК);

7) лицо, уполномоченное органом дознания на осуществление досудебного производства (офицер воинской части, назначенный соответствующим приказом), проводит проверку в рамках УПК, в ходе которой проверяет наличие или отсутствие признаков преступления в действиях военнослужащего, совершившего самовольное оставление части;

8) после окончания проведения проверки в рамках УПК лицо, производящее дознание, при подтверждении наличия состава преступления составляет постановление о возбуждении уголовного дела;

9) командир воинской части проверяет содержание постановления о возбуждении уголовного дела и соответствие этого содержания сведениям в материалах проверки;

10) в случае соответствия сведений, указанных в постановлении, сведениям материалов проверки командир воинской части подписывает постановление, дает указания об учете в книге регистрации сообщений о преступлениях в воинской части;

11) после регистрации постановление и материалы проверки, на основании которых оно возбуждено, вновь поступают к лицу, уполномоченному на осуществление досудебного производства, для принятия уголовного дела к своему производству и проведения неотложных следственных действий, соответствующее постановление незамедлительно направляется прокурору;

12) лицо, производящее дознание, выносит постановление о принятии уголовного дела к своему производству и производит неотложные следственные действия (осмотр, обыск, выемку, предъявление для опознания, освидетельствование, допрос свидетелей, получение образцов для сравнительного исследования, назначение экспертиз и т. д.);

13) неотложные следственные действия производятся в срок до 10 суток;

14) после завершения проведения неотложных следственных действий лицо, уполномоченное на осуществление досудебного производства, составляет постановление о передаче уголовного дела следователю, которое проверяется с изучением содержания материалов уголовного дела командиром воинской части и утверждается им;

15) лицо, производящее дознание, формирует материалы уголовного дела, составляет опись, подготавливает проект сопроводительного письма, согласно требованиям;

16) после подписания и регистрации незамедлительно передает материалы уголовного дела следователю для производства предварительного следствия.

Таким образом, осуществление вышеуказанных действий позволит:

– создать условия для выявления признаков преступления законными способами;

– обеспечить полную готовность всех сотрудников правоохранительных органов, входящих в группу по расследованию рассматриваемого состава преступления, к его раскрытию и расследованию.

Орленко С. С.

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАССЛЕДОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИЗМЕНЫ В КОНТЕКСТЕ МАТЕРИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ШПИОНАЖА

Орленко Софья Сергеевна, студентка 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, orlenoksofa22@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Красиков В. С.

Тема особенности расследования государственной измены в форме шпионажа крайне актуальна, она обусловлена ростом угроз национальной безопасности в современных условиях глобализации и информационных технологий. Шпионаж, как форма государственной измены, представляет собой серьезное преступление, способное нанести ущерб как государственным интересам, так и безопасности граждан. В свете увеличения числа случаев шпионской деятельности как со стороны иностранных разведок, так и внутри страны, требуется разработка эффективных методик и правовых норм, направленных на выявление, расследование и предупреждение таких преступлений. Важно также учитывать специфические психологические, социальные и юридические аспекты, осложняющие процесс расследования и требующие комплексного подхода со стороны правоохранительных органов.

Целью исследования особенностей расследования государственной измены в форме шпионажа является анализ существующих методов и практик, используемых правоохранительными органами для выявления, расследования и пресечения шпионской деятельности, а также оценка их эффективности.

Наше внимание акцентируется на такой форме совершения государственной измены, как шпионаж. Данное преступление обладает специфическими чертами и особенностями, которые несут существенную угрозу для государства. Законодатель, расценивая государственную измену и шпионаж наиболее опасными преступлениями против внешней безопасности Республики Беларусь, относит их к категории особо тяжких преступлений.

Так, согласно ст. 356 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) изменой государству является выдача иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям государственных секретов Республики Беларусь, а равно сведений, составляющих государственные секреты иностранных государств, международных организаций, межгосударственных образований, переданных Республике Беларусь на основании международных договоров Республики Беларусь либо в связи с ее участием в этих международных организациях, межгосударственных образованиях, либо шпионаж, либо переход на сторону врага во время войны или вооруженного конфликта, либо иное оказание помощи иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям в проведении деятельности, направленной на причинение вреда национальной безопасности Республики Беларусь, умышленно совершенные гражданином Республики Беларусь.

В соответствии со ст. 358 УК шпионаж имеет отношение к похищению, собиранию или хранению в целях передачи иностранному государству, иностранной организации или их представителям информации, представляющей государственную тайну, а также информации, представляющей государственную тайну других государств, переданной Республике Беларусь в соответствии с законодательством Республики Беларусь, совершенной иностранным гражданином или лицом без гражданства.

По нашему мнению, данное преступление, безусловно, обращено на внешнюю безопасность государства, но ее состояние влияет и на внутреннюю, так как они находятся в тесной взаимосвязи, образуя некую экосистему, поэтому считаем, что в данном случае внутреннюю безопасность можно выделить как дополнительный объект, который будет возникать в зависимости от наступления последствий совершенного преступления.

Непосредственным объектом шпионажа, как и измены государству в форме шпионажа, является национальная безопасность Республики Беларусь. Опасность шпионажа заключается в том, что это преступление направлено на завладение другими государствами сведениями, которые отнесены в Республике Беларусь к государственным секретам в целях обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь (политической, экономической, научно-технологической, информационной, социальной и пр.) от внешних угроз.

Предмет преступления, в свою очередь – это то, на что в особой степени оказывается воздействие при совершении преступления. Исходя из диспозиции ст. 358 УК, можем сделать вывод, что предметом данного преступления являются сведения, содержащие в себе государственную тайну.

Объективная сторона шпионажа выражается в совершении любого из указанных в комментируемой статье действий: передаче, а равно похищении, собирании или хранении в целях передачи иностранному государству, международной или иностранной организации или их представителям сведений, составляющих государственные секреты Республики Беларусь или государственные секреты других государств, переданные Республике Беларусь.

Субъективную сторону шпионажа можно охарактеризовать виной в форме прямого умысла, чаще всего у субъекта существует корыстная цель, но корыстная цель и мотив никак не влияют на квалификацию преступления.

Субъектом государственной измены может быть только гражданин Республики Беларусь. Иностранцы и лица без гражданства не подлежат ответственности по этой статье, так как они не могут совершить измену государству, гражданами которого не являются.

В процессе расследования государственной измены в форме шпионажа необходимо доказать несколько ключевых элементов. Во-первых, следует установить факт передачи или сбора информации, представляющей государственную тайну. Это требует четкой фиксации действий подозреваемого, подтвержденной документами, свидетельскими показаниями или данными оперативного наблюдения. Во-вторых, важно доказать, что подозреваемый действовал с прямым умыслом, т. е. осознавал, что его

действия могут нанести ущерб национальной безопасности Республики Беларусь Наличие корыстного мотива, хотя и не является обязательным для квалификации преступления, может существенно повлиять на окончательное решение суда и определение меры наказания.

Таким образом, особенности расследования государственной измены в форме шпионажа заключаются в необходимости комплексного подхода, включающего как детальное изучение действий подозреваемого, так и взаимодействие с международными структурами. Успешное расследование зависит не только от сбора и анализа доказательств, но и от способности выявить и пресечь потенциальные угрозы для национальной безопасности, что является основополагающей задачей в условиях современных вызовов.

Понизович Д. А.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ТЕХНИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Понизович Дмитрий Александрович, курсант 3 курса Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь, ponizovich1111@gmail.com

Научный руководитель: преподаватель Беломытцев Н. Н.

В условиях быстрого развития информационных технологий правоохранительные органы сталкиваются с новыми вызовами и возможностями. Разработка и внедрение новых технологий и технических средств в правоохранительной деятельности является ключевым фактором повышения эффективности и результативности борьбы с преступностью в современных условиях. Появление цифровых технологий связи, анализа данных и наблюдения изменило работу правоохранительных органов, включая расследование преступлений и взаимодействие с обществом.

Под современными информационными технологиями следует понимать систему операций, направленных на сбор, хранение, обработку и передачу информации по каналам связи посредством использования компьютерных технологий.

На текущий момент наблюдается активное внедрение технологий для автоматизации процессов, повышения прозрачности и улучшения взаимодействия с гражданами. Однако с ростом цифровизации возникают и новые угрозы, включая киберпреступность и утечку данных, что требует от правоохранительных органов адаптации и совершенствования существующих подходов. Эти угрозы и вызовы цифровой эпохи требуют не только совершенствования подходов к расследованию, но и внедрения новых инструментов, позволяющих более эффективно работать с большими объемами данных. Особое внимание уделяется созданию автоматизированных систем для хранения и обработки информации, специального хранилища (автоматизированной поисковой системы), которое помогло бы

систематизировать информацию, улучшить эффективность выполнения задач правоохранительных органов, а также предоставить доступ к данным сведениям всех уполномоченных на это и заинтересованных лиц.

Значительно повышает эффективность и качество выполнения возложенных на правоохранительные органы обязанности создание систем учетов, которые используются для регистрации информации о совершенном преступлении, о личности виновного лица, способе, месте, времени совершении преступления и т. п. Криминалистические учеты представляют собой результат деятельности уполномоченных лиц в рамках накопления, обработки и использования криминалистически значимой информации для расследования преступлений. Разработаны и внедрены в эксплуатацию информационные системы, охватывающие различные аспекты правоприменительной деятельности, включая хранение паспортных данных, учет нарушений правил дорожного движения, ведение банков данных о правонарушениях, а также регистрацию населения.

Процессы цифровизации оказывают значительное влияние на развитие экспертной деятельности, расширяя ее возможности и актуализируя новые направления. На практике активно развиваются различные виды судебных экспертиз, позволяющих должностным лицам получать специализированную информацию. Классические направления, такие как судебно-медицинская экспертиза, позволяют установить причину и время смерти, трасологическая экспертиза помогает определить механизм оставления следов, а дактилоскопическая экспертиза – идентифицировать личность по отпечаткам пальцев. Современные технологии, включая робототехнику и искусственный интеллект, усиливают точность и скорость этих процессов.

В то же время стремительная цифровизация и рост киберпреступлений формируют спрос на новые виды экспертиз (гендерная, религиоведческая, экологическая, этическая.), в том числе компьютерно-техническую экспертизу. Она позволяет анализировать цифровые следы, программное обеспечение, а также электронные устройства, что открывает новые горизонты в расследовании преступлений, связанных с компьютерно-информационной деятельностью и в сети Интернет.

Перспективы использования информационных технологий в правоохранительной деятельности включают развитие интегрированных систем мониторинга, применение алгоритмов машинного обучения для анализа криминогенной ситуации и расширение возможностей сотрудничества между различными государственными и частными структурами.

В заключение хотелось бы отметить, что информационные технологии и современные технические средства играют ключевую роль в повышении эффективности правоохранительной деятельности. Цифровизация изменяет методы сбора, анализа и обработки данных, открывая новые возможности для предотвращения преступлений и улучшения взаимодействия с гражданами. Активное использование интегрированных систем мониторинга и алгоритмов машинного обучения уже сегодня помогает эффективно бороться с киберугрозами и другими современными вызовами. Вместе с тем

внедрение этих технологий требует соблюдения правовых норм и защиты личных данных. В будущем ожидается дальнейшая интеграция IT-решений, что повысит возможности для раскрытия и предотвращения преступлений в условиях цифровой трансформации общества.

Секушенко С. И.

ВИКТИМОЛОГИЯ ЦИФРОВОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Секушенко Снежана Игоревна, студентка 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, snezhana.sekushenko.2004@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Красиков В. С.

Инновационная политика государства, основанная на стратегиях развития высокотехнологичных секторов, поддерживает глобальные технологические тренды, а также приоритетные для страны отрасли развития. Все это приводит к появлению определенных изменений в обществе. Так, процесс информатизации общества вызван внедрением информационных технологий (IT) во все сферы деятельности человека. Вместе с тем криминальная статистика свидетельствует о том, что с внедрением новых технологий меняются и сферы преступной активности. Так, если 15-20 лет назад угрозу представляла уличная преступность, вызывал опасение уровень регистрируемых преступлений в общественных местах, то сегодня большая масса противоправных деяний совершается удаленным способом с использованием информационно-коммуникационных технологий, интернета и средств мобильной связи. Проводимые социолого-виктимологические опросы фиксируют рост виктимизации от преступлений, совершенных дистанционным способом. Такой вид дистанционной преступной деятельности, посягающей на приватность (конфиденциальность), единство (целостность) и открытость данных и информационных систем, получил название «киберпреступность». В научном сообществе к киберпреступлениям в широком смысле относят общественно опасные деяния, посягающие, помимо компьютерных систем, на иные охраняемые законом объекты, рассматриваются новые подвиды киберпреступности.

В соответствии с соглашением стран – участнц СНГ в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации (Минск, 1 июня 2001 г.) не используется термин «киберпреступность», а дается определение преступления в сфере компьютерной информации как уголовно наказуемого деяния, предметом посягательства которого является компьютерная информация. На данный момент это определение присутствует только в доктрине.

Причиной большинства совершенных преступлений становилось халатное отношение пользователя к своим личным данным в сети. Таким образом, роль потерпевшего при совершении киберпреступлений трудно переоценить. Учение о жертве преступления исследует поведение разного рода лиц, пострадавших от преступлений. Интересным, на наш взгляд,

представляется анализ поведения лица, которое совершает действия в информационном пространстве посредством компьютерных систем.

В теории выделяют ряд причин виктимности в цифровых преступлениях. Основной причиной является неграмотность пользователя, так как пользователи неразумно предоставляют пароли от своих компьютеров третьим лицам. Например, жертвы предоставляют свои данные, когда кто-либо звонит и представляется служащим банка или администратором, не проверяя при этом их личность. Это распространенный случай в таком составе преступления, как мошенничество. Второй причиной является доверчивость лиц, которые используют свои данные на непроверенных сайтах. Третьей причиной является страх, так как преступники используют методы морального давления на жертв, угрожая им тем, что их денежные средства могут быть списаны третьими лицами. Четвертой причиной является нежелание устанавливать защитные программы на свои персональные устройства, так как пользователи либо не верят в их эффективность, либо не желают нести затраты на оплату этих программ. В 2022 г. проведен опрос среди жертв киберпреступлений: было выявлено, что мужчины становились жертвами преступлений в 54,8 % случаев, а женщины в 45,2 % случаев.

Имеется еще одна особенность преступлений, так как цель преступника – это, как правило, завладение чужими денежными средствами, поэтому здесь не важны личность и физические особенности жертвы, поскольку он с ней не имеет прямого контакта. При этом из-за развития технологий злоумышленники почти перестали напрямую связываться с жертвой, а совершают преступления тайно. Большинство опрошенных узнали о преступлении только после того, как списали денежные средства с их карты. Такие методы, как убеждение и психологическое давление, больше воздействуют на женщин, чем на мужчин. Однако в настоящий момент только 23 % среди молодежи являются жертвами преступлений. С одной стороны, это хороший показатель, так как большинство не становятся жертвами, но с другой – почти каждый четвертый студент является жертвой киберпреступления, при этом молодежь – это та часть населения, которая относится к категории активных пользователей компьютерных технологий, в теории они должны понимать различные мошеннические интернет-схемы.

Как правило, результатом любого виктимологического исследования являются типичный портрет жертвы и советы по профилактике определенной категории преступлений. В случае киберпреступлений описать типичный портрет жертвы очень сложно. Как уже было сказано выше, преступнику не важен пол жертвы, возраст, так как он с ней не имеет прямого контакта. Самым эффективным методом профилактики является постоянное упоминание в СМИ о новых способах совершения киберпреступлений. Одной из причин того, что злоумышленники почти перестали звонить, писать сообщения и т. д. своей жертве, является информирование населения о распространенных способах обмана. Это подтверждает и опрос.

Следует отметить, что в настоящее все больше людей не становятся жертвами киберпреступлений, поскольку слышали об определенных приемах

мошенников. Например, при поступлении в социальных сетях предложения о вложении инвестиций в какой-либо проект преступники не сообщают практически никакой конкретной информации о проекте либо отсутствуют данные о самом злоумышленнике. Вторым способом являются разработка и последующее распространение в СМИ определенных кратких схем, в которых была бы указана информация о безопасном поведении в сети Интернет и безопасном использовании мобильных устройств. Третий способ – разработка специальных компьютерных программ, которые либо блокировали бы неправомерный доступ к данным пользователя, либо уведомляли бы о нем.

Скрипко К. В.

АСПЕКТЫ МЕТОДИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ВЛАСТЬЮ ИЛИ СЛУЖЕБНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ

Скрипко Карина Васильевна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, kariskripko03@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Хлус А. М.

Преступления против государственной власти и интересов государственной службы являются темой многочисленных исследований отечественных авторов на протяжении многих лет. Особое место занимает такое преступление, как злоупотребление властью или служебными полномочиями, предусмотренное ст. 424 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК), под которым понимается умышленное вопреки интересам службы совершение должностным лицом из корыстной или иной личной заинтересованности действий с использованием своих служебных полномочий, повлекшее причинение ущерба в крупном размере или существенного вреда правам и законным интересам граждан либо государственным или общественным интересам.

Злоупотребление властью или служебными полномочиями представляет собой прямую угрозу интересам службы. Такое общественно опасное деяние подрывает не только доверие к институтам власти, но и наносит вред общественному благополучию. Граждане теряют веру в справедливость и беспристрастность государственных органов. Это негативно влияет на отношения между государством и обществом, усложняет реализацию государственной политики и снижает эффективность работы государственных органов.

Согласно статистическим данным, представленным Верховным Судом Республики Беларусь, за последние два года наблюдается увеличение количества осужденных по ст. 424 УК, несмотря на предшествующую тенденцию к сокращению количества выявленных преступлений в рассматриваемой области: 2023 г. – 70, 2022 г. – 74, 2021 г. – 48, 2020 г. – 49, 2019 г. – 91, 2018 г. – 60, 2017 г. – 108. В связи с вышеуказанным следует, что

повышение эффективности работы правоохранительных органов в отношении данного вида преступления имеет важное значение.

Понимание механизмов совершения такого преступления, как злоупотребление властью или служебными полномочиями, невозможно без криминалистического подхода. Без достаточного криминалистического обеспечения деятельность правоохранительных органов не может быть полноценной. Поскольку элементы состава преступления злоупотребления властью или служебными полномочиями описаны абстрактно, это значительно ограничивает восприятие немаловажной системы криминалистически значимой информации о данном виде преступления.

При раскрытии, расследовании и предупреждении злоупотребления властью или служебными полномочиями следует обратить внимание, что криминалистика, изучающая реальности уголовного права, рассматривает каждое преступление как сложную систему, состоящую из материальных элементов. Изучение материальных элементов преступления и их тщательный анализ – это необходимый шаг для получения полной и объективной картины конкретного преступного события. Таким образом, необходимо учитывать материальную структуру злоупотребления властью или служебными полномочиями при разработке и внедрении криминалистической характеристики.

Преступление, связанное со злоупотреблением властью или служебными полномочиями, часто характеризуется скрытностью, отсутствием очевидцев и завуалированными следами. Следователю предстоит установить, в чем заключалось злоупотребление должностного лица, какими полномочиями в связи с этим оно злоупотребило и как это отразилось в преступной системе в виде следов.

Основными носителями следов данного преступления являются документы и отображения в памяти и сознании людей. Следовательно, эффективность расследования и раскрытия преступлений, связанных со злоупотреблением властью или служебными полномочиями, напрямую зависит от способности следователя проникнуть в криминалистическую сущность этого преступления и определить основные элементы его криминалистической характеристики.

Целесообразно учитывать способ совершения преступления, характерные следы преступной деятельности, обстановку его совершения, а также личность преступника как ключевые элементы криминалистической характеристики злоупотребления властью или служебными полномочиями, содержащие много информации и взаимосвязанные между собой. Данные элементы можно представить обобщенно как пазл, где каждый элемент важен для полной картины злоупотребления властью или служебными полномочиями.

Актуализация методики расследования злоупотребления властью или служебными полномочиями является неотъемлемой частью повышения эффективности борьбы с таким преступлением против интересов службы.

ПОЛИТОЛОГИЯ

Барсуков Р. А.

РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ В КОНТЕКСТЕ ДЕЗИНТЕГРАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ МИР-СИСТЕМЫ

Барсуков Роман Александрович, студент 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, barsukovroman820@gmail.com

Научный руководитель: канд. полит. наук, доцент Побережная О. Г.

Современная мир-система есть территориально-временное пространство, которое охватывает многие политические и культурные единицы, но в то же время является единым организмом, вся деятельность которого подчинена единым системным правилам, в том числе циклическим процессам. Один из видов циклов – расширение и сжимание мир-системы в политэкономическом смысле, что характеризуется падением нормы прибыли и уменьшением свободной торговли.

Тренд на сжатие сформировался с конца 2010-х гг., когда мир-экономика вступила в затяжную эпоху деглобализации, которая выражается в активной санкционной, протекционистской и в целом меркантилистской политике, создании политико-экономических блоков с возвышением новых центров силы, а также увеличении интенсивности и количества военных конфликтов.

Это разновекторным образом влияет на положение и статус в большей степени полупериферийных государств, к которым мы относим Беларусь в связи со следующими теоретическими соображениями:

1) в системе неравноправного обмена полупериферийная страна находится посередине с точки зрения видов продукции, которые она продает, и присущих ей уровня заработной платы и нормы прибыли (ВВП на душу населения – 22 796 – 69 место из 169 в 2022 г.);

2) полупериферия стремится перейти от роли преимущественно экспортера товаров с низкой заработной платой к роли крупного экспортера товаров с высокой заработной платой. Важнейшие экспортные позиции Беларуси: продукция нефтехимии, машиностроения, металлургии, деревообработки, легкой промышленности, молочная и мясная продукция, мебель, стекло, стекловолокно, цемент. Высока в общем объеме экспорта доля машиностроительной отрасли (более 75 % продукции этой продукции экспортируется);

3) полупериферийное государство торгует или стремится торговать в одном режиме с периферией и в противоположном – с ядром (оборот внешней торговли за 2023 г. всего – $82 932 млн., со странами СНГ – $51 509 млн., с другими странами – $31 423 млн.).

4) сбалансированность внутреннего рынка (удержание все большей доли внутреннего рынка для товаров отечественного производства, так как это один из основных способов увеличения совокупной прибыли);

5) политический, непосредственный интерес государства к контролю над рынком (внутренним и международным) выше, чем в центральных или периферийных государствах (полупериферийные государства никогда не смогут зависеть от рынка для максимизации своей прибыли в краткосрочной перспективе);

6) благоприятное географическое положение для транзита энергоресурсов, других товаров и т. д.

Именно полупериферийные государства наиболее гибкие и приспособленные для преобразований, что определяет их предприимчивый образ поведения на мировой арене. Ввиду этого Беларусь осуществляет изменения в следующих направлениях.

1. *Ориентир на Восток*. Например, Республика Беларусь начинает использовать Северный морской торговый путь и порт в Ленобласти (позволяет сократить на 40 % издержки при доставке товаров из КНР в Беларусь по сравнению с южным маршрутом). Рекордно растет товарооборот с двумя антизападными медведями – Россией ($25,1 млрд, по сравнению с первым полугодием 2023 г. вырос на 6,4 %. При этом экспорт вырос на 0,4 % до $12,6 млрд) и Китаем ($5,8 млрд, увеличившись за последние 5 лет в 1,5 раза к 2022 г.).

2. *Включение в новые центры экономического роста и международных взаимоотношений*. Беларусь уже входит в такие ключевые региональные объединения, как Союзное государство, СНГ, ЕАЭС, ОДКБ, ШОС, а также стремится вступить в быстрорастущее глобальное объединение БРИКС в 2024 г. Это позволит использовать новые рынки, платежные системы и привлечь прямые иностранные инвестиции.

3. *Курс на импортозамещение*. За 2016–2022 гг. объем продукции, произведенной в рамках импортозамещения, увеличился в 2 раза, ее выпуском занимаются более 2,5 тыс. субъектов хозяйствования. В 2023 г. Беларусь произвела импортозамещающей продукции на $30 млрд. Доля импортозамещающей продукции в общем объеме промышленного производства занимает 45 % (1/2 продукции экспортируется).

Таким образом, Беларусь ввиду структурной дезинтеграции современной мир-системы приняла стратегию не только по укреплению, но и по усилению своего положения. Эта стратегия принимает облик импортозамещения, разворота внешней торговли на восточное направление, расширения международных связей с помощью участия в наиболее быстрорастущих, влиятельных межгосударственных, региональных и глобальных объединениях и организациях.

Иванский Е. В.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ВЛАСТИ: ПОТРЕБНОСТИ, ЦЕННОСТИ, МОТИВЫ

Иванский Егор Владиславович, студент 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, egor.ivansky@gmail.com

Научный руководитель: преподаватель Рыжий А. С.

Властные отношения – неотъемлемая часть современного мира. Носители власти формируют уникальную человеческую историю и культуру, влияют на политические процессы, которые зарождаются из мировоззренческих и поведенческих форм участия или безучастия индивида в политических отношениях. Основой для функционирования данных отношений выступает личность каждого человека, участвующего в политике. *Индивидуальные психические особенности* делают политику сложным процессом. В людях могут развиваться такие качества, как *харизматичность* или *невзрачность, щедрость* или *скупость, благородство* или *подлость*. Их уникальность заключается в причинных социальных факторах: *потребностях, ценностях* и *мотивах*.

Потребности человека – внутреннее состояние психологического или функционального ощущения недостаточности чего-либо. Потребности регулируются через удовлетворение индивида или группы индивидов. Одной из самых точных систем классификации потребностей является система Маслоу. В ней выделяется пять уровней потребностей, которые следуют *принципу иерархичности:* вышестоящие потребности не могут быть удовлетворены, пока не удовлетворены нижестоящие. Самый первый, базисный уровень – *физиологические потребности* (еда, вода, сон). Второй уровень затрагивает *потребность в безопасности* (защита и стабильность). Третий – это *социальные потребности* (общение, поддержка, забота). *Потребность в уважении* (любовь, признание) находится на четвертом уровне. Пятый и последний уровень – *потребность в самореализации* (развитие, лидерство, успех). Отсутствие или некачественная реализация потребностей может вынудить человека или группу вмешаться в политическую сферу общественных отношений для урегулирования конфликта через власть.

Ценности – фактор, который основывается на мировоззренческих представлениях человека или общества. *Ценности* влияют на формирование политических *институтов, идеологий, систем*. Лидер может продвигать свои моральные идеалы на политической арене индивидуально либо найти сторонников и вместе реализовывать свои идеалы через механизмы власти. Многие политические кризисы возникают из-за конфликтов ценностей, что может привести к масштабным политическим явлениям (революции, войны).

Мотивы – побуждения людей, заставляющие их включаться в политическую деятельность ради реализации личных или общественных интересов. Различают *эгоцентрические* и *социоцентрические* политические

мотивы. *Эгоцентрические* мотивы ориентируют индивида на следование в политической деятельности личностным интересам. *Социоцентрические* – на достижение блага широкой группы людей (нации, класса, региона). *Эгоцентрические* и *социоцентрические мотивы* не обязательно исключают друг друга. Человек может стремиться к власти как в силу своих достоинств, так и для достижения тех привилегий, которые она может предоставлять.

Таким образом, *потребности, ценности* и *мотивы* являются одними из самых важных политико-психологических факторов в формировании и реализации властных отношениях. Понимание взаимосвязей между психикой и политикой может помочь в разработке эффективных стратегий управления, разрешения конфликтов и создания *гармоничных социальных отношений*. Исследования в этой области открывают пути для создания более *этичного* и *ответственного управления*, а также способствуют улучшению *ментального здоровья* индивидов, стремящихся к власти.

Ивашкина Д. А.

ОСНОВЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА

Ивашкина Дарья Александровна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь,
iwashkinadaria@gmail.com

Научный руководитель: канд. полит. наук, доцент Ильина Е. М.

Союзное государство представляет собой уникальное надгосударственное образование, имеющее политический и экономический характер. Целью создания Союзного государства является углубление интеграции двух стран, объединенных общим историческим и культурным наследием и находящихся в одном регионе, о чем свидетельствует Договор о создании Союзного государства: «Российская Федерация и Республика Беларусь, руководствуясь волей народов России и Беларуси к единению и опираясь на общность их исторических судеб, заботясь о жизненных интересах своих граждан; будучи убеждены в том, что образование Союзного государства позволит объединить усилия в интересах социального экономического прогресса обоих государств…». Важность и актуальность развития отношений Беларуси и России в современном мире обусловлены также сложившейся геополитической ситуацией: гибридной войной в отношении двух братских народов; нарастающими вызовами и угрозами, которые могут существенно повлиять на безопасность и стабильность Союзного государства. Ввиду целенаправленного использования недружественными государствами информации деструктивного характера, направленной на дестабилизацию белорусско-российского союзного строительства, значительную роль в данном вопросе играет информационная политика Союзного государства.

Существенный вклад в исследование проблематики Союзного государства и его информационной политики, а также политико-правового регулирования внесли такие отечественные исследователи, как К. Д. Озимко, А. Л. Дашкевич, Б. Л. Залесский и др., а также ряд зарубежных авторов: С. Ю. Попов, Г. А. Лёвкин, Н. А. Петровский и др.

Создание Комиссии Парламентского Собрания Союза Беларуси и России по информационной политике (далее – Комиссия), информационным технологиям и связи также свидетельствует об актуальности и необходимости проведения комплексной и системной информационной политики Союзного государства. Комиссию возглавляет председатель правления ЗАО «Второй национальный телеканал» И. В. Луцкий. В ноябре 2023 г. в Минске прошло заседание данной Комиссии, в ходе которого велось активное обсуждение вопроса по созданию медиа-холдинга Союзного государства. Участниками заседания стали замгоссекретаря Союзного государства Е. Богдан, представители Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации, Министерства информации Республики Беларусь, руководители СМИ Союзного государства. Е. Богдан отметила: «Работа по созданию медиа-холдинга сегодня проводится двумя профильными министерствами. Докладывать о результатах и какой-то форме этого медиа-холдинга сегодня преждевременно, потому что Министерства с учетом <…> той гибридной войны, которая ведется сегодня в отношении наших государств, вырабатывают наиболее правильную форму для того, чтобы максимально завладеть аудиторией <…> Это телеграм-каналы, это тик-токи, соответственно, это комплексная работа». 10 июля 2024 г. в Москве состоялось заседание Комиссии, на котором парламентарии подчеркнули, что СМИ Беларуси и СМИ России реализуют совместные российско-белорусские информационные проекты, которые, в свою очередь, способствуют формированию позитивного отношения как к Беларуси, так и к России, к Союзному государству в целом.

Что касается правового регламентации данной сферы деятельности Союзного государства, то стоит отметить, что информационная политика регулируется Договором о создании Союзного государства, который является основным документом, определяющим цели и направления сотрудничества, включая информационную сферу. Согласно ст. 18 к совместному ведению Союзного государства и государств-участников относятся формирование общего научного, технологического и информационного пространства. 22 февраля 2023 г. постановлением Высшего Государственного Совета Союзного Государства была утверждена Концепция информационной безопасности Союзного государства, которая представляет собой результат взаимодействия аппаратов советов безопасности, внешнеполитических ведомств и иных компетентных органов двух стран в сфере совместного противодействия современным информационным вызовам и угрозам на основе прочного правового фундамента. Главной целью Концепции информационной безопасности Союзного государства является

защита национальных интересов государств – участников Договора о создании Союзного государства в информационной сфере.

Таким образом, политико-правовыми основами информационной политики Союзного государства являются Договор о создании Союзного государства и Концепция информационной безопасности Союзного государства. В информационном поле Союзного государства обсуждаются вопросы выполнения общих информационных проектов, реформирования общего информационного пространства и внедрения новых инструментов реализации информационной политики Союзного государства, поскольку, как подчеркнул советник-посланник посольства Республики Беларусь в Российской Федерации А. Шпаковский в интервью телеканалу «БелРос»: «На сегодняшний день наши белорусско-российские отношения, обстановка международная предполагают некоторое реформирование и оптимизацию пула союзных СМИ, чтобы они могли адекватно, оперативно, эффективно реагировать на вызовы и угрозы».

Колмыков С. Е.

РЕСЕНТИМЕНТ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ РЕАЛЬНОСТЬ

Колмыков Степан Евгеньевич, студент 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минска, Беларусь,
stepankalashnikov.20042312@mail.ru

Научный руководитель: канд. полит. наук, доцент Абраменко Е. Г.

Согласно «Словарю иностранных слов» (главный редактор: Н. Г. Комлев; 2006 г.), ресентимент (фр. *Ressentiment* – в переводе «негодование, злопамятность, озлобление») – в философии, чувство враждебности к тому, кого субъект считает причиной своих неудач («врагом»), бессильная зависть, «тягостное сознание тщетности попыток повысить свой статус в жизни или в обществе».

Зарождение и оформление термина «ресентимент» связано с деятельностью европейских философов-иррационалистов XIX в. В работе Ф. Ницше «К генеалогии морали» «ресентиментом» называлась определяющая характеристика морали рабов, которая противостоит морали господ. Датский философ С. Кьеркегор называл «ресентиментом» злобу посредственностей на тех, кто отваживается выделяться из толпы; т. е. чувство непринятия нонконформизма. Важно понимать, что ресентимент является более комплексным и сложным понятием, чем чувство зависти или неприязни. Ресентимент – сублимация чувства неполноценности человека в особую систему морали и ценностей.

Развить концепцию ресентимента до статуса политического понятия сумел немецкий философ М. Шеллер, сформировав в своей работе «Ресентимент в структуре морали» полноценную теорию, согласно которой имущественное неравенство, как закономерное следствие существования социальной иерархии, неминуемо порождает обиду «низших классов» на

«высшие». Это чувство естественное, но подавляемое формирующими морально-этический облик социума христианскими ценностями. Несмотря на это, периодически элиты способствовали усилению ресентимента в сознании населения. Однако, во избежание восстания народных масс, «высшим классам» иногда приходилось идти на некоторые уступки. В большинстве современных западных стран значительная часть политических и социальных прав граждан фактически были уступками перед недовольством населения.

В политическом контексте можно выделить две формы воплощения ресентимента в конкретном действии: внешняя и внутренняя. Первая является более распространенной в практическом проявлении в меру своей «безопасности» в отношении политической стабильности государства, чей народ ему подвержен. Способствующими подобному проявлению глубинной сублимации масс событиями, как правило, являются внешнеполитические конфликты. Базовыми явлениями, связанными с внешней формой ресентимента, можно назвать реваншизм и ксенофобию, так как идеи возвращения своих территорий и неприязни к «враждебным народам» были основными характерными чертами патриотического подъема масс в начале «справедливых войн». Примеры: настроения во Франции после Франко-прусской войны (культивировавшиеся элитами на протяжении более 40 лет, вплоть до начала Первой мировой войны), настроения в Германии после Первой мировой войны (культивировавшиеся правыми элитами и ветеранами на протяжении более 20 лет, усиленные последствиями экономического кризиса 1929–1933 гг., вплоть до начала Второй мировой войны).

Другая форма – внутренняя – является менее распространенной, но по своим масштабам зачастую более разрушительной и значимой в контексте политических процессов в мире. Проявлениями внутреннего ресентимента в истории европейского мира были Великая Французская революция (1789–1793), приход А. Гитлера к власти в Германии (1933). Якобинцы культивировали ненависть к «врагам революции» – представителям высших сословий и несогласных с политикой террора. Нацисты культивировали ненависть к «врагам отечества», представителям «низших рас».

Опыт событий XX в. продемонстрировал взаимосвязь ресентимента с рядом политических идеологий. Несмотря на опыт тоталитарных режимов, в реалиях современной либеральной демократии большинство политиков-популистов проявляют наклонности апеллирования к ресентименту. Ресентимент – глубоко-личностная проблема, которая может послужить инструментом для оправдания страшных преступлений и прихода к власти деспотов. Ресентимент – ядро всякой радикальной идеологии, базирующееся на иррациональной ненависти, противостоять которой способна лишь устойчивая система моральных догм, формирование которой следует считать одной из основных целей политики государства в отношении образования и института семьи. Общество, построенное на гармоничном взаимодействии всех его участников и уважении к каждому человеку, способно предотвратить распространение этой «болезни» на политические институты государства.

Лапунова К. С.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЖЕНЩИН В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ В КОНТЕКСТЕ ПОВЕСТКИ ДНЯ-2030

Лапунова Каролина Сергеевна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, carllup@mail.ru

Научный руководитель: канд. полит. наук, доцент Абраменко Е. Г.

Одним из ключевых принципов надлежащего функционирования современного общества является обеспечение равенства женщин и мужчин. Повсеместное вовлечение женщин в экономическую, политическую, социальную и культурную сферы является стойким основанием приумножения капитала государства, а также повышения уровня и качества жизни населения.

Равенство женщин и мужчин является одним из основополагающих прав человека. Генеральная Ассамблея ООН в 2015 г. одобрила Повестку дня в области устойчивого развития на период до 2030 года (далее – Повестка дня до 2030 года). Пятая цель Повестки дня до 2030 года ставит задачей обеспечение гендерного равенства, расширение прав и возможностей женщин.

Республика Беларусь занимает лидирующие позицию среди государств – членов ЕАЭС в достижении принципа равенства женщин и мужчин, а также Пятой цели Повестки дня до 2030 года. Положительной составляющей является представительство женщин в Национальном собрании Республики Беларусь. В Палате представителей восьмого созыва женщины составляют 33,6 % от общего числа депутатов (для сравнения: в Палате представителей седьмого созыва женщины составляли 34,7 %). Данные свидетельствуют о стабильности представительства женщин в законодательной ветви власти и соответствии рекомендациям ООН о представительстве женщин в 30 %. Таким образом, приоритетное основание Национального плана действий по обеспечению гендерного равенства до 2025 года и ЦУР-5 Повестки дня до 2030 года соблюдается.

Данные докладов и рейтингов также свидетельствуют о результативности проводимой государственной политики в области обеспечения равенства мужчин и женщин и достижении ЦУР-5 Повестки дня до 2030 года. В соответствии с Индексом гендерного разрыва, опубликованным в докладе Всемирного экономического форума, Республика Беларусь в 2023 г. занимала 41-ю позицию в мире. По результатам 2022 г. Республика Беларусь занимала 36-ю позицию в The Global Gender Gap Index. Высокие позиции Республики Беларусь в соответствии с данными рейтинга сохраняются. Республика Казахстан в соответствии с Индексом гендерного разрыва, опубликованным в докладе Всемирного экономического форума за 2023 г. занимает 62-ю позицию в рейтинге, Республика Армения – 61-ю позицию. За Республикой Кыргызтан закреплена 84-я позиция в 2023 г. Российская

Федерация занимает 81-ю позицию в The Global Gender Gap Index 2021. На период 2022–2023 гг. Российская Федерация в рейтинге не представлена.

Указанные данные позволяют подтвердить вывод о том, что Республика Беларусь является одним из лидеров в обеспечении равноправия мужчин и женщин среди государств – членов ЕАЭС, СНГ. Беларусь занимает лидирующие позиции в достижении ЦУР-5 Повестки дня до 2030 года.

Изложенные выше положения свидетельствуют о том, что Республика Беларусь уделяет особое значение конституционно закрепленному принципу равенства женщин и мужчин (ст. 32 Конституции Республики Беларусь: «Женщинам и мужчинам обеспечивается предоставление равных возможностей в получении образования и профессиональной подготовке, в труде и продвижении по службе (работе), в общественно-политической, культурной и других сферах деятельности, а также создание условий для охраны их труда и здоровья.»), обеспечивает реализацию прав женщин, предпринимает меры для обеспечения их защиты и продвижения в обществе.

Однако, невзирая на положительные тенденции развития политики в области защиты прав женщин в Республике Беларусь, наблюдаются и негативные явления. Задача 5.5 «Обеспечить всестороннее и реальное участие женщин и равные для них возможности для лидерства на всех уровнях принятия решений» Повестки дня до 2030 года не реализована в полной мере. Представительство женщин в исполнительной власти отстает от представленности в законодательной власти: по состоянию на 2024 г. среди пяти заместителей Премьер-министра нет ни одной женщины, среди 24 отраслевых министров – женщина только одна. Наблюдается феномен «гендерной пирамиды». В соответствии со статистикой о составе избранных депутатов местных Советов депутатов двадцать седьмого созыва за женщинами закреплено 46,3 % мест от общего количества депутатов. Женщины составляют 70,1 % государственных служащих, включая 54,7 % руководителей организаций и их заместителей, однако точной статистики о женщинах-руководителях нет. Наличие «гендерной пирамиды» характерно для органов государственного управления на национальном уровне и для органов государственного управления на местах.

Для обеспечения надлежащего развития политики в области защиты прав женщин в Республике Беларусь необходимо устранить гендерные дисбалансы в органах власти и обеспечить равные возможности в принятии решений. Повышение представительства женщин в исполнительной власти способствует положительному развитию политики в области защиты прав женщин в Республике Беларусь, созданию сбалансированной внутренней политики Республики Беларусь. При этом введение квот с целью высокого представительства женщин в исполнительной власти, по нашему мнению, не является актуальным в существующей повестке.

Машинская Я. Ю.

ТУРЕЦКАЯ ДИАСПОРА И НЕМЕЦКАЯ ПОЛИТИКА: ВОЗМОЖНОСТИ И ВЫЗОВЫ

Машинская Яна Юрьевна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, yanamashinskaya@gmail.com

Научный руководитель: канд. ист. наук, доцент Слуцкая Л. В.

Турецкая диаспора – самая многочисленная диаспора в Германии. По различным оценкам, она насчитывает около 3–4 млн. человек, что делает ее крупнейшей турецкой диаспорой в Европе.

После Второй мировой войны Германия остро нуждалась в дополнительной рабочей силе. В 1961 г. ФРГ заключила договор о найме рабочих с Турецкой Республикой. Этих рабочих называли «гастарбайтерами» (дословно – гостевые рабочие). В 1975 г. правительством ФРГ было предоставлено мигрантам право на воссоединение семей, благодаря чему количество турок в Германии значительно увеличилось. Миграция турецкого населения не снизилась и в XXI в., что обусловлено как экономическими, так и политическими причинами. Стоит отметить гетерогенный характер турецкой диаспоры Германии, состоящий из выходцев различных социальных групп населения.

На немецкой территории представители турецкой диаспоры сталкиваются с дискриминацией, которая особенно усилилась в 1990-е гг. Это связано в том числе с тем, что изначально первые турецкие мигранты воспринимались правительством ФРГ как временные рабочие, которые со временем вернутся обратно на родину. Произошедшая в итоге «геттоизация» турецкого населения, нежелание возвращаться на историческую родину способствовали принятию немецким правительством специальных социальных программ, направленных на интеграцию турецких мигрантов. В отличие от первого поколения турецких мигрантов, их дети и внуки стали лучше интегрироваться в немецкое общество и участвовать в политической жизни страны. В настоящее время в Германии есть множество деятелей искусства, науки, спорта и политики, имеющих турецкие корни. Так, на протяжении 10 лет (с 2008 по 2018 г.) сопредседателем Партии зеленых Германии был турок второго поколения Джем Оздемир. В 2019 г. мэром Ганновера был избран Белит Онай, что стало первым случаем, когда этнический турок становится главой немецкого города.

Интересы турецкой диаспоры в Германии представляют различные организации. Большинство из них имеют религиозную направленность и связаны с исламом. Самой крупной турецкой организацией в Германии является Исламский совет «Милли Герюш» (Islamic Community Milli Görüş, IGMG). Движение зародилось в 1975 г. в Западном Берлине благодаря Неджметтину Эрбакану – создателю так называемого «политического ислама», выступавшему против светского режима в Турции и за создание исламского

государства. Первоначально «Милли Герюш» из-за своей радикальной направленности была в политическом изгнании и действовала на просторах Европы. Однако с приходом к власти в Турции Партии справедливости и развития (ПСР) начала сближение с турецким правительством.

Вторая по численности организация – Турецко-исламский союз по делам религии (Diyanet İşleri Türk İslam Birliği, DITIB) контролирует около 900 мечетей в Германии с центром в главной мечети Кёльна. Организация была основана в 1984 г. как зарубежное отделение Управления по делам религии Турции, которое также называют Диянет, и до сих пор полностью ему подотчетна. Дитиб занимается организацией религиозных форумов, принимает имамов непосредственно из Турции, которые по сути являются турецкими чиновниками.

Еще одно движение, действующее в Германии, – «Хизмет» Ф. Гюлена, которое координирует работу около 80 образовательных центров по всей стране, настроено оппозиционно по отношению к турецким властям. Другая светская организация – Турецкая община в Германии – основана в 1995 г. и реализует социальные, образовательные и экологические программы.

Среди немецких политических партий турецкие мигранты отдают предпочтение Социал-демократической партии Германии (СДПГ).

В январе 2024 г. в Германии появилась новая партия с турецкими корнями – «Демократический альянс за разнообразие и пробуждение» (DAVA). Появление новой партии вызвало немалые опасения у немецких политиков. По мнению экспертов, она тесно связана с турецкой ПСР, которую возглавляет президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган.

Таким образом, турецкая диаспора XX в., представлявшая в основном гастарбайтеров, не интегрированных в немецкое общество, к XXI в. стала значимой частью немецкого общества, способной оказывать влияние на политику Германии. Появление крупных диаспоральных организаций и рост влияния представителей турецкой общины свидетельствуют о том, что турецкие мигранты, пройдя путь от низкоквалифицированных рабочих до полноценных немецких граждан, стали важной частью немецкого общества, вносящей вклад в развитие страны.

Миканович В. А.

ПРАВЫЙ РАДИКАЛИЗМ: ИСТОКИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Миканович Владислав Андреевич, студент 4 курса юридического факультета Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, vladislavmikanovic@gmail.com

Научный руководитель: канд. полит. наук, доцент Ильина Е. М

Правый радикализм – многогранный и развивающийся феномен, преследующий общество на протяжении всей истории, проявляясь в различных формах и идеологиях – от огненной риторики фашистских движений в XX в. до виртуального распространения идей в эпоху цифровых

технологий. Социально-экономические, политические, миграционные кризисы, трансформация мир-системы привели к радикализации политического дискурса, что отражается в росте популярности националистических движений по всему миру.

Существенный вклад в разработку избранной темы исследования внесли западные ученые К. фон Байме, Р. Иглехарт, П. Норис, В. Випперман, Э. Джентилле и др. Ряд аспектов данной проблематики получил отражение в трудах таких российских ученых и аналитиков, как С. Г. Кара-Мурза, В. Э. Багдасарян, С. С. Сулакшин, Д. С. Моисеев и др.

Под крайне правыми принято понимать политические партии, движения, режимы и идеологии, возникшие в первую очередь в 20–30-е гг. XX в. в Италии, Германии, Испании, Великобритании и ряде других стран, которые продвигали идеи о расовом превосходстве, классовом солидаризме, тоталитаризме, милитаризме. В XXI в. к представителям данного политического спектра принято причислять неонацистов, сторонников третьего пути, новых правых.

Зарождение крайне правых идеологий началось во Франции после ее поражения во Франко-Прусской войне 1870–1871 гг. Основной вклад в развитие этого направления внесли П. Дерулед и Ш. Моррас. П. Дерулед отстаивал идеи реваншизма и сильного авторитарного государства, которое должно было стремиться отомстить Германии за унижение. Ш. Моррас же разработал теорию интегрального национализма, которая ляжет в основу правых радикальных идеологий.

Поражение во Второй мировой войне, революция 1968 г. во Франции, миграционные кризисы, становление общества постмодерна привели к ревизии ряда идей, которые ранее продвигались в рамках правого радикального дискурса. В ходе идеологической трансформации правый радикализм отошел от идей корпоративизма, тоталитаризма, расовой теории (большая часть движений), вождизма. Вместо этого за основу были взяты идеи демократии, антиуниверсализма, неолиберальной глобализации, федерализма, борьба с обществом постмодерна и др.

Недовольство населения европейскими элитами и проводимой ими политикой подтверждает политическая ситуация, сложившаяся в Европе за последний год. Крупнейшие электоральные компании в Германии и Австрии, выборы в Европарламент и роспуск парламента во Франции. Во всех перечисленных событиях правые радикалы смогли усилить свои позиции. Австрийская партия свободы смогла заполучить 29,2 % голосов на парламентских выборах 29 сентября 2024 г. В Германии в ходе местных выборов партия «Альтернатива для Германии» смогла заполучить в большинстве восточных земель более 30 % голосов, отстав от лидера в лице «Христианской-демократической» партии в среднем всего на 2 %. На выборах в Европарламент ультраправые в лице фракции «Патриоты за Европу» (ранее «Идентичность и демократия») смогли укрепить свои позиции, получив 58 мест. Консервативная же фракция «Европейские консерваторы и реформисты», в состав которой также входят сторонники правого радикализма, получили 83 места.

Продолжительная политическая нестабильность во Франции и результаты выборов в Европарламент вынудили Э. Макрона распустить парламент и начать внеочередные выборы. Первый тур оказался успешным для «Национального объединения», партия получила 33 % голосов. Против нее развернулась массированная пропаганда как со стороны правительства Макрона, так и со стороны объединенных левых – «Народного фронта». Эти действия привели к тому, что в результате выборов партия «Национальное объединение» стала 3-ей в парламенте, получив всего 143 места.

Таким образом, в современном политическом пространстве Европы, сопровождаемом политическими, экономическими, социальными, миграционными кризисами, провальной политикой плавильного котла и падением гегемонии США, наблюдается рост представительства правого радикализма в органах власти.

Милевский С. С.

ГЛОБАЛИЗМ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Милевский Сергей Сергеевич, студент 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, Justanalitick@gmail.com

Научный руководитель: доктор философ. наук, доцент Круглова Г. А.

Глобализм является многогранным и спорным понятием, охватывающим экономические, политические, культурные и социальные процессы, ведущие к интеграции стран и народов в единую систему. Рассмотрим исторические корни глобализма, его развитие в XX–XXI вв., а также современные тенденции и критические взгляды на этот феномен.

Исторически глобализация как процесс начала проявляться с развитием торговли и колониализма. В XVI–XVIII вв. открытие новых земель привело к формированию глобальных торговых путей и обмену товарами, идеями и культурными ценностями. Однако настоящая глобализация, как мы ее понимаем сегодня, начала развиваться в XX в., особенно после Второй мировой войны.

После Второй мировой войны мир столкнулся с необходимостью восстановления, что способствовало созданию международных организаций, таких как Организация Объединенных Наций (ООН) и Международный валютный фонд (МВФ). Эти структуры стали основой для экономического и политического сотрудничества между государствами. В 1990-е гг. с распадом Советского Союза и окончанием Холодной войны произошел бум в области свободной торговли и капитала.

Глобализация также привела к усилению культурного обмена. Тем не менее этот процесс не всегда воспринимался положительно. Возникли опасения утраты национальной идентичности, что привело к росту националистических движений и конфликтов на культурной почве.

Современная эпоха характеризуется быстрым развитием технологий. Интернет и цифровые технологии стали катализаторами глобализации, предоставляя возможность мгновенного обмена информацией и услугами.

Киберпространство стирает границы и создает новые экономические модели, такие как электронная коммерция и креативная экономика.

С увеличением взаимосвязанности стран в XXI в. появляется новая волна глобализма, основанная на необходимости совместного решения экологических проблем. Изменения климата, исчезновение биологических видов и ресурсообеспеченность требуют согласованных действий на международном уровне.

Вызовы глобализма: увеличение числа мигрантов, экономическое неравенство, расцвет популизма и антиглобалистских настроений подрывают основополагающие принципы глобализации. Страны начинают переходить к более протекционистской политике, что создает напряженность в международных отношениях.

История показывает, что глобализм не является линейным и однозначным. Человечество находимся на критическом этапе, когда необходимо пересмотреть подходы к глобальным вопросам с целью создания более устойчивого и инклюзивного мира. С учетом современных вызовов важно направить глобализационные процессы в русло, которое будет способствовать не только экономическому росту, но и социальному равенству, культурному разнообразию и экологической устойчивости. Как будет развиваться глобализм в будущем, зависит от решений, принимаемых на международном уровне, а также от способности обществ адаптироваться к новым условиям.

Мясоедова П. А.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ И ТЕХНОЛОГИИ ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ

Мясоедова Полина Андреевна, студентка 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, mysoedovap@gmail.com

Научный руководитель: преподаватель Рыжий А. С.

Политическая идентичность – это осознание личностью своей принадлежности к определенной политической организации или группе, политическому лидеру. Идентичность может складываться не только в результате включения индивида в политическую группу. Глубокое чувство симпатии к политической группе, партии, организации может возникать у человека даже в тех случаях, когда он формально находится за пределами политической общности.

Что же касается формировании политической идентичности в современном мире, то можно выделить несколько причин, почему данный феномен актуален. Во-первых, он способствует социальной сплоченности, объединяя людей вокруг общих ценностей, историй и традиций, это особенно актуально в многонациональных и многокультурных обществах, где идентичность может быть основой для стабильности и взаимопонимания. Во-вторых, политические проекты используют идентичность для легитимации своих действий и решений,т. е. идентичность становится инструментом, с помощью которого власти обосновывают свои действия и

добиваются поддержки населения. Это создает устойчивую базу для политических процессов и гражданской ответственности, а в условиях социальных кризисов и политической нестабильности формирование идентичности может стать источником сопротивления и солидарности, помогая обществу справляться с трудностями, что, в свою очередь, приводит к более активному гражданскому обществу.

Для формирования политической идентичности, могут быть созданы специальные проекты, направленные на создание определенных идентичностей и используемых для легитимации осуществляемой политики и конкретных политических решений как в рамках внутренней, так и внешней политики.

Ценностно-политические проекты формирования идентичности – это широкомасштабные идеологические стратегии, которые формулируются политической властью от имени больших социально-политических общностей и выстраиваются на ценностно-смысловых основаниях. В 20-е гг. XXI в. именно ценностный дискурс в политике является более актуальным в связи с социальными и политическими кризисами.

Формирование идентичности осуществляется с помощью информационной, символической, а также языковой политики как на уровне государства, так и на уровне отдельных сообществ. Эти механизмы влияют на восприятие себя и других, создавая условия для самоопределения. СМИ, интернет и социальные сети предоставляют возможность распространения определенных идеологий и образов, что способствует формированию общественного мнения и влияет на личные убеждения. Это может приводить к возникноевению позитивных или негативных стереотипов о различных общностях, что, в свою очередь, может укреплять или подрывать социальные связи.

Таким образом, формирование политической идентичности способствует социальной сплоченности и взаимопониманию. Являясь инструментом легитимации действий политических лидеров, создает основу для активного участия граждан в политике. В условиях кризисов идентичность становится источником солидарности, позволяя обществу справляться с вызовами.

Осмоловский Я. Д.

КРИЗИС И ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕОЛОГИИ ЛИБЕРАЛИЗМА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Осмоловский Ярослав Денисович, студент 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, law.osmolovsYA@bsu.by

Научный руководитель: преподаватель Рыжий А. С.

Сталкиваясь с определенными вызовами на протяжении своей истории, идеология либерализма часто адаптировалась к политическим реалиям. Один из переломных трансформационных моментов происходит в настоящее

время. Современный либерализм столкнулся с проблемами, которые вытекают из его сущности.

Современная модель либерализма базируется на идеологемах как классического либерализма, так и социал-либерализма. К постулатам, которые были взяты из классического либерализма относятся приверженность к идеям свободы, естественным правам человека, демократии и равенству возможностей. Внедрение идеологем из социал-либерализма является более архаичным и зависит от конкретной страны и политической партии. Можно выявить общие идеи, которые прослеживаются во всех проявлениях современного либерализма. К ним относится обеспечение социальной справедливости и равенства условий, а также смешанная экономика.

Из данных идеологем можно выделить ряд противоречий, которые заложили причины для кризиса идеологии либерализма еще до распространения современной модели либерализма. Свобода и естественные права человека – эфемерные понятия, значение которых является предметом споров и по сей день. Единственное, что не подлежит критике – факт того, что в идеологии либерализма свобода и естественные права не могут быть ничем ограничены. Отсюда вытекает противоречие того, что социал-либерализм четко определяет перечень прав и свобод граждан: право на труд, на достойный уровень жизни, минимальную заработную плату и иные виды социальных гарантий. Сам факт декларации этих прав и свобод, по сути, ограничивает их. Два данных постулата являются обоснованием для индивидуализма человека. Социальный характер современного либерализма отходит от идей индивидуализма, что рождает еще одно противоречие.

Проблемы современного либерализма проистекают не только из его внутренних противоречий, но и из его эмпирической составляющей. Современная модель либерализма влечет за собой формирование общества потребления. Следствием этого становится опора государства и частных предпринимателей на платежеспособный средний класс, при этом механизмы реального выведения бедных слоев населения из их состояния оказываются не столь эффективными.

Классический либерализм предполагает возможность человека самому выбирать свою судьбу и ценностные ориентиры. Современный либерализм, наоборот, зачастую навязывает людям точку зрения, выгодную для политических элит или владельцев крупных корпораций. В частности, современным либерализмом остро поднимаются вопросы борьбы за инклюзивность меньшинств. Однако происходит это в столь радикальной форме, что можно говорить об обратной дискриминации по отношению к институту традиционной семьи. Отсюда вытекает неприятие современного либерализма культурами, которые не приемлют подобного слома традиционного общества.

Таким образом, идеология либерализма на современном этапе находится в состоянии кризиса. Современная модель либерализма перестала отвечать нуждам и потребностям даже в обществах, в которых данная идеология укоренилась еще несколько веков назад. Для того чтобы либерализм вновь

стал актуальным в странах, где был популярен с момента его появления, а также мог привлечь новых сторонников, отмечается запрос на трансформацию идеологии. Возникновение нового течения либерализма может объединить в себе наиболее устоявшиеся идеологемы, которые будут адаптированы под текущие реалии и культурные особенности разных обществ, решая проблемы социального расслоения, реальной толерантности и уважения интересов каждого.

Парфёнова В. О.

ФОРМИРОВАНИЕ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Парфёнова Варвара Олеговна, студентка 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь,
varvara.parfionava@gmail.com

Научный руководитель: преподаватель Рыжий А. С.

В XXI в. белорусском обществе происходят изменения в политической и экономической сферах, в ее ценностной системе. Указанные процессы влияют на состояние и статус института семьи: осуществляется переход от традиционной модели к партнерской (эгалитарной). Предполагается, что рассмотрение демографической ситуации в стране с использованием ценностного подхода поможет выявить закономерности трансформации семейных ценностей и определить методы для повышения эффективности государственной семейной политики.

В классическом понимании традиционная семья представляет собой живущих вместе несколько поколений родственников (расширенная семья), преобладающей ролью мужчины как кормильца семьи, женщины как хранительницы очага и детей.

В настоящее время переход от традиционной модели семьи к партнерской обусловлен историческим прогрессом: на данном этапе у граждан не существует необходимости выживания, а существует активная социальная поддержка государства.

Если обратиться к Национальной психологической энциклопедии, семейные ценности определяются как культивируемая в обществе совокупность представлений о семье, влияющая на выбор семейных целей, способов организации жизнедеятельности и взаимодействия. При проведении семейной политики в Республике Беларусь под традиционными семейными ценностями понимается стремление граждан вступать в устойчивый долговечный брак, стремление иметь детей (в идеале – создать многодетную семью) и воспитать из них достойных граждан.

Внимание государства в отношении формирования семейных ценностей в обществе находит объяснение: законодателем они определены приоритетами демографической безопасности. Демографическая

безопасность – состояние защищенности личности, общества и государства от воздействия демографических угроз, обеспечивающее стабилизацию численности населения, развитие человеческого потенциала страны, сохранение семейных и межпоколенческих связей.

В Концепции национальной безопасности Республики Беларусь указаны основные направления работы семейной политики – предотвращение депопуляции и разложения института традиционной семьи. Одним из национальных интересов определено укрепление института семьи как социального института, наиболее благоприятного для реализации потребности в детях, их воспитании.

В современной науке выделяют субъективные и объективные факторы трансформации семейных ценностей. Субъективными факторами являются социально-демографический фактор (уровень дохода, размер населенного пункта проживания, уровень образования), принадлежность к поколению и уровень религиозности. Объективными факторами являются государственная семейная политика, ее отражение в СМИ и влияние семейного окружения. Внимание к данным факторам необходимо при проведении идеологической, воспитательной и информационной работы с разными целевыми группами: молодежью городов и областных центров, людей с высшим образованием и без высшего образования и др.

Согласно результатам исследования Института социологии НАН Беларуси 2023 г. наиболее важной в жизни семью считают 73 % граждан, дети являются главной ценностью для 68,1 % белорусов (45 % хотят воспитывать двоих детей).

Стимулировать большее количество граждан создавать семьи и воспитывать детей помогут три фактора: экономический, психологический и социальный. Экономический фактор подразумевает финансовую помощь от государства и детей в зрелом возрасте, психологический фактор включает в себя чувство любви и заботы в семье, социальный – реализованность в обществе. С точки зрения властных органов может быть проведена работа по разъяснению всех положительных сторон укрепления института семьи и разъяснению социально-ориентированной политики с населением.

Таким образом, формирование семейных ценностей необходимо для обеспечения демографической безопасности с точки зрения избегания угрозы депопуляции и разрушения института семьи в традиционном понимании. Для реализации данных задач предлагается проведение углубленной информационной кампании по семейным ценностям и ответственному родительству: сфокусировать внимание на роли семьи и детей, ознакомить людей с демографической ситуацией, способствовать развитию необходимых качеств для успешного выполнения родительских функций молодому поколению. Способствовать реализации демографической политики может принятие Закона о защите традиционных ценностей.

Радченко Д. Д.

ПРАВОВАЯ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ: ФОРМИРОВАНИЕ ПАРТИЙНОГО ПРАВА

Радченко Дарья Дмитриевна, студентка 1 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, dashka28032007@gmail.com

Научный руководитель: старший преподаватель Мамекин М. С.

В современной науке нет общепринятого определения политической партии, отсутствует и единство подходов к пониманию ее сущности и характерных признаков. С юридической точки зрения политической партией является добровольное общественное объединение, преследующее политические цели, содействующее выявлению и выражению политической воли граждан и участвующее в выборах.

Необходимо разделять правовую и политическую институционализацию политических партий. Под правовой институционализацией политических партий следует понимать процесс формирования государством нормативных типов их деятельности, а под политической институционализацией – процесс их структурно-функционального становления и развития в качестве обладающего собственными системными качествами политического института.

Под институционализацией политических партий в широком смысле понимают признание их необходимости, функциональности как властью, так и обществом. Такой процесс идет с начала XIX в. Под институционализацией в узком, конкретном смысле слова обычно подразумевают создание правовой базы для деятельности политических партий, фиксацию с помощью законов их роли и места в обществе. Этот процесс начался после Второй мировой войны и не завершился до сих пор. Подтверждение тому – различные позиции политологов по отношению к функциям и месту партий в обществе, критические оценки юристами упоминаний о партиях в конституциях, комментарии к законам о партиях, принимаемым в разных странах, или отсутствие таковых во многих из них.

Как утверждает Б. А. Исаев, основными направлениями институционализации являются:

– фиксация партий как политических институтов, чему способствовали юридическое закрепление их места, целей и задач в политической системе, разработка порядка функционирования; организационное укрепление партий путем перечисления в законах норм, которых они обязаны придерживаться, чтобы сохранить статус политической партии;

– введение финансового обеспечения партий государством и одновременно строгий контроль за финансовой деятельностью, регламентация частных пожертвований; стремление к сохранению с помощью законодательства сложившейся партийной системы. Отсюда строгий порядок создания и регистрации партий; создание и закрепление имеющихся отношений партий и государства.

Институционализация партий проявляется также в различных юридических формах регулирования государством партийной деятельности. Среди них можно отметить:

- разработку специальных нормативных актов (законов, декретов, постановлений) о партиях;
- принятие нормативных актов, касающихся государственно-правовых институтов и упоминающих политические партии (избирательные законы, регламенты парламентов, кодексы муниципальной администрации и др.);
- использование судебных прецедентов, связанных с деятельностью партий.

Деятельность партии, как и любого политического института современного общества, основана на правовых нормах. Однако логика развития политических партий и партийных систем подчинена и важнейшим социальным закономерностям, зачастую не подвластным законодателю. Закрепление в законодательстве института политических партий предполагает длительный и не лишенный противоречий процесс их организационного и политического становления. В связи с этим особое значение приобретает изучение процесса их институционализации.

В ходе правовой институционализации политических партий присутствует и субъективная компонента, выражающаяся в интересах, проявляемых участниками законодательного процесса. Институционализация партий в первую очередь направлена на закрепление их правового положения, нормативное регулирование их деятельности. Вместе с тем она неизбежно затрагивает и иные связанные с партиями институты политической системы (органы государственной власти, непартийные общественные объединения и т. д.), уточняя их права и обязанности во взаимоотношениях с партиями, тем самым способствуя совершенствованию правовых норм в различных отраслях законодательства. Важнейшее значение имеет и выбор законодателем тех сторон и аспектов общественных отношений, которые связаны с деятельностью политических партий и подлежат правовому регулированию.

Некоторые ученые предлагают рассматривать процесс конституционализации партий в качестве отдельного субпроцесса институционализации партий. Под конституционализацией партий понимается закрепление их роли и места в конституциях или хотя бы упоминание, признание их Основным законом страны в качестве общественно-государственного института.

Институционализация и конституционализация партий позволяют государственным органам осуществлять контроль за некоторыми аспектами их деятельности.

Соболевский Н. Е.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ МЕТОД В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Соболевский Никита Евгеньевич, студент 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, nikita.sobolevsky04@gmail.com

Научный руководитель: доктор филос. наук, профессор Круглова Г. А.

Политология, как относительно молодая научная дисциплина, обладает соответствующим данному статусу проблемным полем, огромную долю которого составляет проблема формирования целостного самостоятельного методологического аппарата. В рамках процесса его формирования специалисты в данной области делятся преимущественно на три в разной степени удаленных друг от друга методологических лагеря: (пользуясь терминологией Г. Алмонда) «жёсткий», центристский или эклектичный и «мягкий». В статье «Политическая наука: история дисциплины» Г. Алмондом выражается приверженность эклектичной методологической позиции, призванной соединить в себе все преимущества как количественных методов «жесткого» методологического лагеря, так и преимущественно качественных методов лагеря «мягкого». На наш взгляд, именно сравнительный метод должен являться ядром методологического аппарата «центристов». Обоснованию указанного выше ключевого тезиса преимущественно и будет посвящена данная работа.

Сравнительный метод стал активно использоваться исследователями в области социо-гуманитарного знания еще со времен Античности. Наибольший интерес к нему тогда проявляли такие крупнейшие философы, как Аристотель и Полибий. В Новое время данный метод познания активно использовался Н. Макиавелли, Ш.-Л. Монтескье, А. де Токвилем, О. Контом, Г. Спенсером, Дж. Ст. Миллем и др. Да и формирование политологии как самостоятельной научной дисциплины во второй половине XIX в. неразрывно связано с использованием метода сравнения.

Сущность компаративного анализа, согласно Джону Стюарту Миллю, заключается в том, что при сравнении исторических фактов исследователь пытается найти некоторые обобщающие эмпирические законы, касающиеся либо сосуществования, либо последовательности условий и явлений, т. е. на современном языке – корреляционные или каузальные зависимости. Априорно вывести их из законов человеческой природы невозможно, они получаются при изучении исторических фактов и событий. Однако и эмпирические законы не всегда верны, поэтому они требуют постоянной проверки эмпирическим сравнением. Одновременно с этим исследователь сравнивает полученные эмпирические законы с некоторыми общими законами человеческой природы, подтверждая их обоснованность не только индуктивно, но и дедуктивно. Сравнительный метод в политической науке стал одним из центральных, так как многие исследователи считали и считают

его наиболее подходящим заменителем метода эксперимента, широко используемого в естественных науках. Выделяя причины использования сравнения в политической науке, Том Мэки и Дэвид Марш пишут: «Главная причина сравнительного исследования отражает основную природу социального научного исследования; оно почти всегда неспособно использовать экспериментальный метод. Конкретнее, мы можем определить две основные причины, почему сравнительный анализ является существенным: во-первых, чтобы избежать этноцентризма в анализе, во-вторых, чтобы обобщать, проверять и, соответственно, переформулировать теории и связанные с ними понятия и гипотезы об отношениях между политическими феноменами».

Можно сделать вывод, что ключевой особенностью сравнительного метода познания в социо-гуманитарных науках является его эклектичность, выражающаяся в сочетании принципов количественного и качественного исследования. Указанное свойство данного метода способно, на наш взгляд, приблизить политическую науку к разрешению противоречий, возникающих между представителями «жесткой» и «мягкой» сторон методологического противостояния. В связи с этим особый интерес для нас представляет наметившаяся в конце XX в. обновленческая тенденция развития сравнительной политологии, закрепившая повышение роли теории в формулировании гипотез и, одновременно с этим, уделившая особое внимание эмпирической составляющей, сделав акцент на качестве данных и, по Чарльзу Тилли, сложности и уникальности макрополитических событий, на возврате к истории (т. е. к «реальному» времени, месту, народу).

Сравнительный метод прошел длительную эволюцию как один из методов познания в социо-гуманитарных науках. Крупнейшие исследователи своего времени активно использовали его в своих трудах. Такая ключевая особенность сравнительного метода, как его эклектичность, выражающаяся в сочетании принципов качественного и количественного исследования, способна приблизить политологию к формированию более целостного методологического аппарата. Исходя из этого, считаем, что сравнительный метод должен стать его ядром.

Сухоцкий С. М.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНОГО ЛИБЕРАЛИЗМА И НЕОЛИБЕРАЛИЗМА

Сухоцкий Семён Михайлович, студент 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, semensuhockij38@gmail.com

Научный руководитель: канд. полит. наук, доцент Михайловский В. С.

Либерализм в теоретическом измерении представлен несколькими направлениями. Наиболее известные – социальный (новый либерализм) и неолиберализм. В публичном политическом пространстве редко приводится

четкое разграничение этих терминов. Как правило, используется обобщающий термин «либерализм». В результате все направления этой идеологии воспринимаются негативно. Однако разница между понятиями есть. Социальный либерализм опирается на труды и практику Д. Милля, Ф. Д. Рузвельта, Д. Ролза, К. Поппера и Р. Дворкина. Неолиберализм – на работы Р. Коэхэйма и Д. Ная.

Главное различие между социальным либерализмом и неолиберализмом в экономике происходят из их взгляда на рынок. Неолибералы, исходя из австрийской школы, видят рынок саморегулируемым. По их мнению, государственные институты лишь мешают функционированию экономики. На практике они хотят заменить контроль государства контролем корпораций. В свою очередь новый либерализм исходит из идей кейнсианства. Сближаясь с социал-демократией, он «жертвует» часть экономической свободы государству для поддержания социальной системы.

В международных отношениях социальный либерализм не проявил себя, но логично предположить, что в идеальной ситуации он будет следовать «вечному миру» И. Канта. Неолиберализм имеет свою собственную школу международных отношений, которая ставит своей целью расширение либеральной демократии и власти корпораций. Стоит разделять идеологию и практические действия. Неолибералы, расширяя либерализм, захватывают в его орбиту страны с отличной от него политической культурой. В результате навязываются идеи свободы, прав человека и т. д. Метод силового подкрепления своего мнения критиковал Д. Милль. По его мнению, человек имеет право жить своей жизнью. Желательно, чтобы в международной политике либерализм руководствовался этой идеей.

В политической сфере «яблоком раздора» становится ценность свободы. Неолиберализм желает забрать часть власти государства, но передать ее не населению, а корпорациям. Социальный либерализм же признает авторитет государственной власти.

В социальной и духовной сферах оба направления придерживаются теории «открытого общества» К. Поппера. Однако они по-разному ее понимают. Неолиберализм смотрит на нее как на способ создания «человека “свободного”» или «потребляющего». Однако их свобода лишь негативная: свобода как возможность. Социальный либерализм представляет свободу, опирающуюся на осуществление. Неолиберальное общество так и не было построено. При подобной попытке неолиберализм сталкивался с жестким отпором в лице консерватизма и социализма.

При прогнозировании будущего неолиберализм опирается на экономическую выгоду. При этом существующий экономический порядок он считает идеальным. Социальный либерализм считает, что капитализм – один из способов достижения либеральных целей. В своих прогнозах он ориентируется на социальную технологию как метод постепенных реформ.

Таким образом, главное различие неолиберализма и социального либерализма в акцентах. Они придерживаются почти одинаковых принципов, но неолиберализм склонен рассматривать капитализм со всеми его

преимуществами и недостатками как единственный способ достижения цели. При этом имеется выраженная направленность на международную деятельность. Социальный либерализм больше сосредоточен на самих идеологемах и, рожденный ошибками капитализма, видит в нем не самоцель, а одно из средств. Либерализм не получил развития в Республике Беларусь. Однако он имеет отношение к белорусской действительности: деятельность Либерально-демократической партии. При этом социальный либерализм является одной из идеологий, при которой возможна реализация социально ориентированной рыночной экономики. Понимание противоречий либеральной идеологии и ее особенностей позволяет избежать ошибок либерального пути развития. Знание о направлениях либерализма позволяет найти в этой идеологии адаптивные для белорусского общества и государства ценности.

Тарендь У. Д.

СОЦИАЛИЗМ С КИТАЙСКОЙ СПЕЦИФИКОЙ

Тарендь Ульяна Дмитриевна, студентка 1 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, ulianatarendus@mail,ru

Научный руководитель: канд. полит. наук, доцент Михайловский В. С.

История социализма в Китае берет свое начало в конце XIX – начале XX в. Более серьезный всплеск популярности произошел после революции 1905 г. в Российской Империи. В этот период активным сторонником идей социализма был китайский политический деятель Сунь Ятсен. В 1949 г. во главе правящей Коммунистической партии Китая становится Мао Цзэдун. Именно он стал проводником идей социализма и на территории КНР. В китайском социализме идеи традиционной восточной философии имеют значительный вес и на сегодняшний день.

В 1945 г. КПК предлагает новую программу развития для государства – «новую демократию». Однако спустя несколько лет Мао заявил, что «демократическая революция уже состоялась». После смерти Мао Цзэдуна во главе государства становится Дэн Сяопин. Именно Сяопин предлагает строительство в государстве модели «социализма с китайской спецификой», а также при нем появляется такое понятие, как «китаизация марксизма», т. е. реформирование социалистической идеологии в сторону интересов и традиций Китайского государства. Принимается аграрная реформа, направленная на переход к колхозной форме собственности, где земля закреплялась за владельцем пожизненно. В промышленности был выработан особенный подход: признавалось развитие товарно-денежных отношений и привлечение иностранных инвестиций.

Одна из устоявшихся особенностей социализма с китайской спецификой: совмещение государственного контроля экономики с капиталистическим механизмами. В начале XX в. провозглашается новый принцип – «Сяокан», т. е. «Малое благополучие». Он включал в себя как экономические меры, так и политические меры.

На сегодняшний день Коммунистическая партия Китая во главе с Си Цзиньпином ставят своей целью развитие общества, которое отвечает основным принципам конфуцианства.

На последнем XX съезде КПК было принято решение о создании «социализма с китайской спецификой новой эпохи», поэтому, резюмируя все вышесказанное, хотелось бы вынести основные черты социализма с китайской спецификой:

1) сочетание капиталистических и социалистических механизмов в управлении государством;
2) значительная роль государственного аппарата;
3) многовекторное сотрудничество на международной арене;
4) развитие социалистической рыночной экономики;
5) КНР сохраняет модель доминирования одной партии;
6) активное развитие внешней полтики;
7) сильная социальная политика;
8) социалистическая демократия;
9) связь китайского социализма с китайской классической философией.

Исходя из резолюции XX Всекитайского съезда КПК, китайское государство будет непрерывно продолжать свое стремление и гармоничный путь к социалистическому обществу. Прогнозируется дальшейшее успешное развитие социалистической рыночной экономики, ведь экономика КНР – одна из самых мощных и хорошо работающих в мире. КПК решительно настроена внедрять социалистические преобразования, чтобы к 2049 г. достичь торжества социализма.

Социализм с китайской спецификой – это «сяоканский социализм» или «сяоканизм». Данное понятие было выведено исходя из всех отличительных черт китайской идеологии, которые также находят свое отражение в политике Сяокан. Идеологическая политика Китая – это уникальное явление в современной политике, которое сочетает в себе и социалистические механизмы регулирования общества, и капиталистическую составляющую, представленную социалистической рыночной экономикой, социалистической демократией и т. д., и культурно-исторические особенности государства, что отражается в конфессиональной политике, а также в даосско-конфуцианских постулатах, которые легли в основу государственной идеологии.

Халадцоў Я. А.

СТАНАЎЛЕННЕ УЛЬТРАЛЕВЫХ ІДЭАЛОГІЙ У ЛАЦІНСКАЙ АМЕРЫЦЫ

Халадцоў Яраслаў Андрэевіч, студэнт 1 курса Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, г. Мінск, Беларусь, law.holodcov@bsu.by

Навуковы кіраўнік: доктар паліт. навук, прафесар Антановіч Н. А.

Мэта навуковай працы – пошук фактараў, якія паўплывалі на станаўленне ультралевых ідэалогій у Лацінскай Амерыцы, вызначэнне агульных характэрных рыс гэтых ідэалогій. Саюзнікамі Рэспублікі Беларусь

у Лацінскай Амерыцы з'яўляюцца Куба і Венесуэла, і для эфектыўнага ўзаемадзеяння неабходна разумець спецыфіку іх ідэалогіі і гісторыі.

Сацыялізм – гэта зборная назва мноства ідэалогій, але іх усіх аб'ядноўвае імкненне да сацыяльнай роўнасці і справядлівасці. Ультралевымі ідэалогіямі можна назваць *камунізм, анархізм* і іх розныя плыні: *трацкізм, бальшавізм* і інш.

Гісторыю станаўлення ультралевых ідэалогій трэба пачаць з гістарычных фактараў.

Каланіялізм паўплываў амаль на ўсе ідэалогіі, якія пачалі з'яўляццца ў былых краінах-калоніях. Каланізацыя Амерыкі, якая пачалася ў XVI ст. і скончылася войнамі за незалежнасць у XIX ст. надала гэтым ідэалогіям агульныя рысы: левы нацыяналізм, баліварызм.

Першымі тэарэтыкамі левых ідэалогій былі еўрапейскія рабочыя-эмігранты, якія аказаліся тут у выніку каланіялізму або пошуку лепшага жыцця ў Амерыцы.

Перыяд набыцця незалежнасці лацінскімі краінамі прыйшоўся на пашырэнне сферы ўплыву ЗША. «Дактрына Манро» і палітыка «Вялікай дубінкі» фактычна вызначылі будучую залежнасць гэтых краін ад ЗША. Хоць і ў 1930-я гг. праводзілася палітыка «Добрага суседа», але ўсё роўна ўсе сацыялістычныя рэвалюцыі і ідэалогіі мелі антыімперыялістычны або антыамерыканскі характар, напрыклад на Кубе, Нікарагуа і Грэнадзе.

Эканамічная залежнасць ад ЗША таксама надала сацыяльна-эканамічную базу для гэтых рухаў па прычыне глыбокай сацыяльнай няроўнасці і палітычнай нестабільнасці. На працягу многіх дзесяцігоддзяў у Лацінскай Амерыцы існавала ўлада алігархій, што садзейнічала ўзнікненню масавай незадаволенасці. Па Марксу, для пераходу да камунізму павінна была існаваць аснова ў выглядзе развітага капіталізму, аднак у другой палове XX ст. у Лацінскай Амерыцы пераважна існавала аграрнае грамадства.

Ва ўмовах адсутнасці эфектыўных сродкаў грамадзянскай актыўнасці многія маладыя людзі і інтэлігенцыя шукалі альтэрнатыўныя спосабы ўдзелу ў палітычным жыцці, што часта прыводзіла да радыкалізацыі іх поглядаў.

Першая сацыялістычная партыя была створана ў 1896 г. ў Аргенціне. У перыяд войнаў за незалежнасць сацыялісты былі адзіныя, але раскол сацыялістычнага руху, які, як і ў Еўропе, здарыўся пасля 1917 г., падзяліў сацыялістаў на ўмераных і радыкальных, стаў вельмі важным фактарам станаўлення левых ідэалогій.

У перыяд халоднай вайны Лацінская Амерыка стала цэнтрам барацьбы паміж СССР і ЗША. Усе левыя рухі падтрымліваліся СССР з аднаго боку, умяшанне ЗША ў справы гэтых краін дэстабілізавалі ўвесь рэгіён з другога боку. Таму ў праграмах ультралевых партый, такіх як Камуністычная партыя Кубы, Камуністычная партыя Сальвадора, Камуністычная партыя Балівіі, актыўна падтрымліваецца Савецкі Саюз у халоднай вайне і таму з часам рэвалюцыі ператвараліся ў партызанскія войны супраць «Амерыканскіх марыянетачных рэжымаў». Халодная вайна – гэта яшчэ адзін фактар.

Кубінская рэвалюцыя – галоўная падзея ўсяго сацыялістычнага руху ў Лацінскай Амерыцы. Такія тэарэтыкі, як Рауль Сендык, Цімалеон Хіменэс, ставілі ў прыклад гэту рэвалюцыю і натхняліся ёю.

У XXI ст., хаця традыцыйныя ультралевыя рухі знізілі сваю актыўнасць, новыя формы пафасу і ідэалогіі ўсё яшчэ сустракаюцца. Прыклады такіх працэсаў можна назіраць у Венесуэле пры праўленні Уга Чавеса і яго пераемніка Нікаласа Мадуры, чыя палітыка «сацыялізму XXI стагоддзя» абвешчана аналагам больш традыцыйных формаў сацыялізму, але таксама ўключае ў сябе элементы папулізму і антыімперыялізму, і таксама на Кубе.

Станаўленне ультралевых ідэалогій – цяжкі працэс, на які паўплавалі такія фактары, як гістарычная і культурная асаблівасць, умяшанне замежных дзяржаў ва ўнутраныя справы, эканамічныя ўмовы, унутраныя сацыяльныя і палітычныя канфлікты, адсутнасць адзінства паміж левымі партыямі. Шырокае значэнне дадзенага даследавання ў тым што лацінскія ультралевыя ідэалогіі з'яўляюцца часткай усіх левых ідэалогій, якія ў дадзены момант перажываюць свой крызіс. Дзякуючы аналізу вялікай колькасці левых плыняў мы можам спрагназаваць будучыню левых ідэалогій. Таксама перспектывай далейшага вывучэння з'яўляецца яе актуальнасць для Рэспублікі Беларусь.

Шаргаёва Е. А.

ПОСТПРАВДА КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Шаргаёва Елизавета Андреевна, студентка 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь,
sharhayova.elizaveta@gmail.com

Научный руководитель: канд. полит. наук, доцент Ильина Е. М.

В современном мире феномен постправды стал неотъемлемой частью процесса воздействия политических сил и средств массовой информации на общественное мнение. С помощью постправды политические акторы могут манипулировать общественным мнением, распространяя дезинформацию и эмоционально насыщенные сообщения, тем самым создавая искаженное восприятие реальности, которое может влиять на политические решения и общественные настроения.

Значительный вклад в исследование данной проблематики внесли такие отечественные и зарубежные ученые, как М. А. Васильковский, Н. Л. Колесникова, Е. В. Маслонов, Р. В. Пырма, В. В. Субочев, П. Я. Фельдман и др.

Постправда (от англ. post-truth) – обстоятельства, при которых объективные факты являются менее значимыми при формировании общественного мнения, чем обращения к эмоциям и субъективным убеждениям.

Одной из основных причин возникновения феномена постправды является стремительное развитие информационных технологий.

С появлением социальных сетей информация стала более доступной, но одновременно и менее контролируемой. Каждый пользователь может стать источником информации, что приводит к быстрому распространению как правдивых, так и ложных сведений.

Алгоритмы социальных сетей часто способствуют появлению так называемых «информационных пузырей», в которых пользователям предлагается только та информация, которая соответствует их взглядам. Это усиливает предвзятость восприятия и снижает критическое мышление.

Одним из ярких примеров использования постправды в политическом процессе являются президентские выборы в США в 2016 г. По данным платформы PolitiFact, во время предвыборной гонки заявления Дональда Трампа почти на 70 % были в основном ложными или полностью ложными, 14 % – наполовину правдивыми и только 4 % – чистой правдой. Эти данные не только иллюстрируют масштаб дезинформации, но и показывают, как избиратели воспринимают эту информацию. В условиях информационного пузыря, где люди склонны искать и верить тем сведениям, которые подтверждают их предвзятое мнение, ложные заявления Трампа находили отклик у значительной части избирателей.

Одним из методов борьбы с феноменом постправды является технология фактчекинга. Данный процесс включает в себя проверку утверждений, распространенных в информационном пространстве, на предмет их достоверности и соответствия фактам. Фактчекинг помогает повысить уровень информированности общества, способствуя более критическому восприятию информации и уменьшению распространения дезинформации. Важна «информационная гигиена» как система правил, которых следует придерживаться, чтобы защититься от чужого деструктивного воздействия и эффективно работать с источниками информации.

Как отметил Глава государства А. Г. Лукашенко 20 сентября 2022 г. на встрече с Государственным секретарем Совета Безопасности Республики Беларусь А. Г. Вольфовичем: «Надо показывать реальную действительность. В конце концов это побеждает. Фейк – это на день, на два. А потом всё это развеется. Поэтому не надо фейков. Не надо давать ложную неправильную информацию. Надо делать всё достойно, красиво, чтобы потом не оправдываться».

Таким образом, осознание феномена постправды и его политических последствий является важным шагом к формированию более ответственного и критически настроенного общества. В условиях постоянного потока информации каждый человек должен обладать навыками анализа и проверки данных, чтобы не стать жертвой политических манипуляций и дезинформации.

Яворец Е. А.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЁРСТВА В БЕЛАРУСИ

Яворец Егор Анатольевич, студент 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, yevorets@gmail.com

Научный руководитель: доктор полит. наук, профессор Антанович Н. А.

Еще в 2011 г. в Послании белорусскому народу и Национальному собранию Александр Лукашенко отметил: «Одна из важнейших задач сегодняшнего дня – создание эффективных механизмов государственно-частного партнерства, а также соответствующей правовой базы. Именно это призвано обеспечить новый формат отношений власти и бизнеса, в основе которых должны лежать соглашения о совместной реализации проектов, имеющих особое социальное значение. <…> в Беларуси такая схема сотрудничества государства и бизнеса действует достаточно давно и хорошо себя зарекомендовала. Как пример – Парк высоких технологий, свободные экономические зоны, многие другие предприятия».

Процесс запуска государственно-частного партнерства (ГЧП) в Беларуси можно отследить с 1991 г., когда были приняты законы об инвестиционной деятельности и иностранных инвестициях, регулирующие вопросы концессий. В 2001 г. был принят Инвестиционный кодекс, который также включал положения о концессиях (утратил силу 26.01.2014). Однако реальный толчок развитию ГЧП был дан в 2011 г. с принятием Программы деятельности Правительства на 2011–2015 годы, где ГЧП было обозначено как ключевое направление. Эта программа привела к принятию в 2013 г. законов Республики Беларусь «Об инвестициях» и «О концессиях».

На 2024 г. в Республике Беларусь регулирование ГЧП основано на нормах Закона Республики Беларусь «О государственно-частном партнерстве» (2015 г.), в котором ГЧП определяется как «юридически оформленное на определенный срок взаимовыгодное сотрудничество государственного и частного партнеров в целях объединения ресурсов и распределения рисков, отвечающее целям, задачам и принципам, определенным настоящим Законом, осуществляемое в форме соглашения о государственно-частном партнерстве».

Использование ГЧП как механизма достижения целей устойчивого развития было рекомендовано Европейской экономической комиссией ООН и поддержано другими региональными комиссиями Экономического и Социального Совета ООН.

Заместитель председателя Наблюдательного Совета Сети Глобального Договора в Беларуси, Председатель Правления ОАО «Белинвестбанк» О. Козаредов выступает за поддержку сотрудничества с органами власти. Белинвестбанк активно участвует в государственно-частном партнерстве в Беларуси, реализуя проекты в сфере образования и здравоохранения, внедряя проекты «Ученический билет», сервис «Оплати», «Зеленые школы», участвуя в оснащении больниц в малых городах.

Институциональным базисом ГЧП в Беларуси является Межведомственный инфраструктурный координационный совет (сокращенно – МИКС) и Центр ГЧП при Министерстве экономики Республики Беларусь. В Республике Беларусь утверждена Национальная инфраструктурная стратегия на 2016–2030 гг., в которой определен перечень из шести пилотных проектов ГЧП.

В 2018 г. в Беларуси был одобрен пилотный проект ГЧП «Реконструкция автодороги М-10», инициатором которого выступило Министерство транспорта и коммуникаций. Однако уже в январе 2023 г. Минтранс сообщил, что конкурс по М-10 признан несостоявшимся, так как от отобранных участников конкурсных предложений не поступило. На 2024 г. пилотные проекты ГЧП из Национальной инфраструктурной стратегии находятся на стадии первоначальной оценки. Электронная система сбора платы за пользование автомобильными дорогами BelToll, созданная с участием австрийской компании Kapsch TrafficCom (КАПС) в 2013 г., по мнению экспертов Всемирного банка, является единственным проектом ГЧП в Беларуси.

Выделим факторы, тормозящие развитие ГЧП в Беларуси.

Первый фактор – несовершенство механизма реализации равенства сторон (частного инвестора и государственного органа) в соглашениях о ГЧП, в частности, при перемене партнера в соглашении о ГЧП. Статьи 30 и 34 Закона фактически закрепляет неравенство государственного и частного партнеров при перемене сторон соглашения. Государственный партнер может быть заменен без согласия частного партнера, в то время как перемена частного партнера требует согласия государственного партнера и проведения конкурса. Такой подход ограничивает права частного инвестора и создает потенциальные риски для стабильности инвестиционного проекта.

Второй фактор – ориентация ГЧП на инфраструктурные проекты, без внимания государства к венчурным инвестициям.

Пример сбалансированной инвестиционной политики демонстрирует КНР. Наиболее масштабными и стабильными инфраструктурными инвестициями в КНР являются вложения денежных средств в строительство железных дорог. В 2019 г. протяженность высокоскоростных линий превысила плановые показатели и к 2025 г. достигнет 38 тыс. км. Финансирование строительства железных дорог стало эффективным инструментом поддержки экономики Китая, позволив относительно быстро преодолеть последствия финансового кризиса 2008 г.

Благодаря растущей экономике и последовавшему ускоренному развитию цифровых технологий Китай – крупнейший по величине рынок венчурных инвестиций в мире. Основными венчурными фондами Китая в 2024 г. являются *Sinovation Ventures, SAIF Partners, SOSV, ZhenFund, Da Vinci Capital*, при этом такие компании – технологические лидеры как *Baidu, Alibaba, Tencent и JD* играют еще большую роль в развитии современной венчурной экосистемы.

Третий фактор – недостаток кадров и образовательных программ для ГЧП.

Несмотря на сложности с ГЧП в Беларуси, присутствуют положительные прогнозы о перспективах данного вида партнерства в нашей стране. В Республике Беларусь создана нормативно-правовая база и институциональные механизмы для реализации ГЧП. Выделим несколько сценариев развития ГЧП в Беларуси.

Первый – «стагнация». Сценарий, в соответствии с которым положительные прогнозы о реализации проектов ГЧП не сбываются, частные белорусские инвесторы остаются не заинтересованными в инфраструктурных ГЧП проектах, а иностранные инвесторы вкладываются в проекты с меньшим сроком окупаемости.

Второй – «сдержанность». Сценарий, в соответствии с которым положительные прогнозы о реализации ГЧП проектов до конца 2024 г. верны, белорусские и иностранные частные инвесторы выражают больший интерес к ГЧП проектам, начинается зондаж конкурсов по ГЧП проектам и участие в таких конкурсах наиболее осведомленных компаний.

Третий – «оптимизм». Сценарий, в соответствии с которым положительные прогнозы о реализации ГЧП проектов до конца 2024 г. верны, в результате чего частные инвесторы, уже следящие за ситуацией в сфере ГЧП заключают ряд соглашений путем прямых переговоров с белорусскими государственными органами, а в рамках ревизии законодательства к 2025 г. вносятся предложения об изменении Закона о ГЧП с целью привлечения государства к участию в венчурном инвестировании.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ 3

Корабава Г. А. Асаблівасці працэсуальнага становішча грамадскіх абвінаваўцаў і абаронцаў у савецкім крымінальным працэсе ў 1917–1922 гг. 3

Руденко Е. О. Единый портал электронной демократии как новый этап развития электронного государства в Республике Беларусь 5

Боталов Н. М. Противодействие преступлениям, совершаемым с использованием анонимных телекоммуникационных сетей на уровне Союзного государства Беларуси и России 7

Бухов Г. И. Преддоговорный этап заключения договора предоставления безвозмездной (спонсорской) помощи 8

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ПРАВА, ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ 11

Белкова Д. Г. Биоэтические проблемы в праве 11

Божовский И. А. Идейно-политическое обоснование абсолютизма королем Англии, Шотландии и Ирландии Яковом I 14

Гаитова Е. Р. Биографический подход в методологии истории политических и правовых учений 15

Гончарова С. В. Медиасфера как пространство для развития правовой культуры современного общества 17

Грачёва А. А. Цифровое неравенство в социальных сетях: проблемы и решения 19

Ёлкин З. М. Власть и право 20

Зыль Ю. С. Виды деформации правосознания 22

Капанец Д. В. Роль криминальной субкультуры в деформации ценностных ориентиров: когда преступность становится нормой 23

Каплий А. Д. Социологическая теория причин преступности 25

Картель Е. И. Идейно-политические основания электронной демократии 27

Козляковский В. Ю. Право и традиционные ценности 29

Кривцов А. А. Взаимодействие церкви и государства 30

Лукашевич М. А. Политические учения «рабочей оппозиции» и оценка ее идеологической идентификации 32

Марцынкевич В. А. Религиозные организации в Республике Беларусь как субъекты права 34

Махнач А. С. Молодёжные общественные объединения как субъекты права 35

Панцевич Н. В. Решения Всебелорусского народного собрания в иерархии нормативных правовых актов Республики Беларусь 37

Полелей Е. А. Правовой обычай в системе социального регулирования 38

Радченко В. Н. Биологическая теория правонарушений 40

Розанова Е. А. Частная жизнь и средства наблюдения: поиск баланса 41

Цыдик А. В. Религиозная мотивация и ее влияние на правовое поведение 43

Юркевич М. Е. Критика капитализма в либеральной идеологии США на примере концепций Дж. Ролза и Р. Дворкина 44
Ясевич И. А. Право как ценность и ценности в праве 45
ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА БЕЛАРУСИ, ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН 48
Боярчук В. А. Историко-правовые и идейно-политические основания вигилантизма 48
Будовей К. А. Принцип habeas corpus – путь от Великой хартии вольностей до Конституции США 50
Зинченко М. И. Легизм и его влияние на формирование правовой системы современного Китая 51
Курганова М. И. Смертная казнь в США: история и современность 53
Лапов И. Н. Формирование административно-правового статуса лица, правомерно управляющего транспортным средством в советской России в 1918–1940 гг. (историко-правовой аспект) 55
Масюк Д. В. Прававы статус жанчыны ў шлюбна-сямейнай сферы ў ранні савецкі перыяд 57
Наважэн К. Д. Віды маёмасных пакаранняў па Статуту Вялікага Княства Літоўскага 1588 г. 59
Палякова К. У. Крымінальны кодэкс Беларускай ССР 1928 года 60
Пеленицын Р. А. Некоторые правовые аспекты политики опричнины Ивана Грозного как средства укрепления сословно-представительной монархии Московской Руси 62
Сергеенко А. И. Формирование и развитие правовых основ деятельности помощника депутата Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь 64
КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО 66
Адамич У. И. Социальная ответственность граждан: содержание и особенности 66
Апасова Л. А. Право на жизнь, его гарантии и ограничения в Республике Беларусь 67
Астрейко В. С. Правовой статус детей иностранных граждан 69
Баблевский А. А. Конституционное закрепление места и роли Всебелорусского народного собрания 71
Балакирева Т. М. Совершенствование компетенции органов местного самоуправления 73
Березко А. А. Конституционные положения о государственной гражданской службе 75
Балащенко А. С. Институт специализированного омбудсмана (на примере Швеции и Норвегии) 76
Бойко Г. Е. Приложение «Мой город» как элемент системы «Умные города» в Республике Беларусь: актуальное состояние и перспективы 78
Браусов А. Д. Виртуальное государство: миф или реальность? 80

Булай А. С. Соотношение категорий правового и конституционного государства 82

Вавило К. В. Особенности реализации прав несовершеннолетними пациентами ... 84

Вдовченко В. И. Перспективы развития института наблюдателей на выборах в Республике Беларусь 85

Вертинский А. С. Понятие международных стандартов в области прав и свобод человека 87

Воронюк М. А. Искусственное прерывание беременности в Республике Беларусь и Российской Федерации: сравнение правового регулирования 89

Гаджиев Р. О. Правовая природа директив Президента Республики Беларусь 91

Гайбуллаев И. А. Социальное государство: Россия и Беларусь (Союзное государство) 93

Герасимчик А. О. Эволюция института президенства в Республике Казахстан: основные этапы 96

Гороховик Е. В. Всебелорусское народное собрание: становление и развитие 98

Давыденко Я. Ю. Полномочие Всебелорусского народного собрания по рассмотрению вопроса о легитимности выборов 99

Денисевич М. А. Институт конституционной жалобы в Республике Беларусь: проблемы регулирования 101

Ероховец Д. Е. Виды избирательных бюллетеней в зарубежных странах 103

Дятко М. Д. Перспективы введения электронного голосования в Республике Беларусь 104

Елаева Н. В. К вопросу о легализации эвтаназии в Республике Беларусь 106

Загиров М. З. Роль и значение принципа равенства в механизме защиты прав человека 108

Иванова П. Д. Новеллы, введенные в институт президентства по итогам референдума от 27 февраля 2022 года 110

Иванощук М. С. Новые права и обязанности в конституциях постсоветских государств на примере Республики Беларусь, Узбекистана и Кыргызстана 112

Кирик К. А. Есть ли права у животных? 114

Кожедуб Е. В. Институт частной конституционной жалобы в Республике Беларусь 115

Колесник О. И. Роль и место Всебелорусского народного собрания в системе разделения властей 117

Курасова Н. Р. О некоторых проблемах механизма международной защиты прав граждан Республики Беларусь 119

Леонович А. О. Всебелорусское народное собрание в системе представительных органов 121

Новикова А. И. Развитие судебной системы в рамках Союзного государства России и Республики Беларусь 123

Махмудов М. К. Реализация и защита конституционных прав граждан в условиях цифровизации общества 125

Модзелевская Ю. А. Сравнительно-правовой анализ статуса личности по Конституции Республики Беларусь 1994 года и Конституции Чешской Республики 1992 года 126

Пашкевич М. С. Конституции Туниса 2014 и 2023 гг.: сравнительный анализ ... 128

Печёнкина А. Д. Конституционно-правовые пределы внутрипартийной ответственности 130

Пивоваров К. М. Развитие нового поколения прав человека в эпоху цифровых технологий 132

Попович Е. В. Тайна усыновления как элемент права на невмешательство в частную жизнь 134

Радюк А. Д. Институт референдума в контексте конституционных реформ 136

Саевич А. П. Опыт электронного голосования на муниципальных выборах в Финляндской Республике 138

Самаль Е. П. Отдельные аспекты определения конституционно-правового статуса органов прокуратуры Республики Беларусь 139

Тандилян Э. А. Эволюция полномочий Конституционного Суда Республики Беларусь в свете конституционных изменений 2022 г. 141

Теймуров А. И. К вопросу о правовом статусе военнослужащего в Российской Федерации 143

Томчик В. А. Гражданское общество: понятие, элементы, полномочия 145

Трепачко Ю. В. Организационно-правовые формы взаимодействия Всебелорусского народного собрания с органами исполнительной власти 146

Тригуб Д. В. Право граждан на вакцинацию 148

Хайбулаев З. М. Федеративные отношения в контексте развития демократических институтов государственного управления 150

Черногузова В. С. Отражение прав человека в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь 152

Чуманская А. В. Биогенетические права: понятие и место в системе прав человека 154

Шаро О. У. Свобода литературного творчества в Китае 156

Шебулдаева Д. С. Коллективные права: понятие, классификация и отражение в законодательстве Республики Беларусь 158

Шепилова М. В. Проблема реализации права на равный доступ граждан к государственной гражданской службе в гендерном аспекте 160

Шидловский В. А. Традиционные ценности и их конституционно-правовая защита в Республике Беларусь 162

Шпак Е. Л. Конституционно-правовые аспекты развития цифровой экономики в Республике Беларусь 164

Шуршилова А. Д. Вопросы нормативно-правового регулирования охраны культурного наследия 165

Яковенко К. Н. О значении преамбулы Конституции Республики Беларусь 167

Liu Xinyi A comparative study of constitutional review systems in China and Belarus 169

ИНФОРМАЦИОННОЕ И АДМИНИСТРАТИВНО-ДЕЛИКТНОЕ ПРАВО 171

Антко А. А. Административная ответственность за нарушения налогового законодательства 171

Апанасёнок Н. В. Проблемы привлечения к административной ответственности за нарушение авторского права, смежных прав и права промышленной собственности 172

Буданов В. И. Проблемы и перспективы применения общественных работ как вида административного взыскания 174

Будюхина Д. Д. Административная ответственность несовершеннолетних: эффективность и проблемы применения 176

Бульбо Е. В. Перспективы применения краудсорсинговых технологий в правотворчестве 178

Воскресенская М. А. К вопросу об изменении правил дорожного движения в Республике Беларусь 179

Галькевич Я. А. Особенности квалификации попытки совершения административного правонарушения в Республике Беларусь 181

Герасимов К. К. Электронное правительство в Республике Беларусь 183

Гончар Н. А. Подходы правового регулирования искусственного интеллекта 185

Гордей П. В., Кротова П. А. Административные правонарушения в области загрязнения вод 186

Демченко А. С. Перспективы введения административной ответственности за совершение незаконных сделок (операций) с цифровыми знаками (токенами) 188

Дубинчик Р. В. Отдельные аспекты регулирования искусственного интеллекта 190

Исакова В. А. Административная ответственность за неисполнение родителями или иными законными представителями несовершеннолетних обязанностей по их содержанию и воспитанию 192

Кудинова У. Ю. Состояние и перспективы развития электронной демократии на местном уровне 194

Курто Я. А. Искусственный интеллект как фактор риска в отношении персональных данных 196

Мандрик Т. В. Вопросы повышения эффективности деятельности Следственного комитета Республики Беларусь в сфере ведения административного процесса и профилактики правонарушений 198

Молодьянов В. А. Полномочия комиссии по делам несовершеннолетних по наложению административных взысканий 199

Новик А. Г. Электронный муниципалитет в Республике Беларусь 201

Новикова М. А. Формы электронной демократии в Республике Беларусь и иных странах СНГ 203

Расолько М. В. Искусственный интеллект: перспективы конституционно-правового регулирования 205

Роговцев Д. В. Правовой режим коммерческой тайны в Республике Беларусь ... 207

Романовский А. А. Недостатки применения пресекательного срока органом, уполномоченным на ведение административного процесса ... 208

Смирнова Д. В. Влияние искусственного интеллекта и автоматизации на информационную безопасность и этические аспекты работы с персональными данными ... 210

Стельмах А. А. Цифровой суверенитет VS цифровая диктатура ... 212

Чичиков И. О. Согласие на обработку персональных данных в медицинских учреждениях: понятие и правовое регулирование ... 214

Шумилов Г. Д. Правовое регулирование и перспективы применения технологий искусственного интеллекта при оказании электронных государственных услуг населению ... 216

Dilixiati D. Circumvention of the law as a conflict of private and public interest (on the example of the Republic of Belarus) ... 218

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПУБЛИЧНОЕ И ИНТЕГРАЦИОННОЕ ПРАВО ... 221

Белоплотов А. О. К вопросу о едином стандарте услуг по подключению к инженерным сетям в ЕАЭС ... 221

Бурак А. А. Дефиниции «экстремизм» и «терроризм» в международном и национальном законодательстве и их значение для эффективного противодействия данным явлениям ... 223

Васько О. И. К вопросу о разрешении территориального спора между Малайзией и Сингапуром относительно суверенитета над Педра-Бранка ... 224

Головач П. Н. О правовом регулировании информационной безопасности в рамках Союзного государства Беларуси и России ... 226

Горун К. О. Характеристика компетенции Суда ЕАЭС: правовые основы ... 228

Гришина О. В. Проект по совместному использованию Северного морского пути ... 230

Гусева О. В. К вопросу международно-правового статуса коллаборантов, участвовавших в преступлениях нацистов на территории БССР ... 232

Журавская Л. Н. Правовое обеспечение реализации правосудия в ЕАЭС ... 234

Кульша Е. Ю. Общая характеристика международно-правовой защиты детей в период вооруженных конфликтов ... 236

Лёвкин Г. А. Судебный прецедент Международного уголовного суда ООН: реализация практической сферы присоединения государств – участников суда к вынесенным решениям (определениям) суда ... 238

Логвинов П. Д. Современные вызовы и угрозы для стран ЕАЭС в области финансовой безопасности ... 240

Остапенко В. В. Проблемы и перспективы регулирования перехода к чистым энергетическим источникам в контексте международного права ... 241

Потапов Е. А. Подходы к определению инфраструктурной обеспеченности в странах Евразийского экономического союза ... 243

Чуканов Д. А. Роль Октябрьской революции в формировании современного международного права ... 245

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА 247

Басай А. А. Новеллы правового регулирования деятельности интернет-магазинов в Республике Беларусь 247

Богомазов Г. И. Государственное регулирование деятельности игорного бизнеса в Республике Беларусь: проблемы и перспективы 248

Борщевская Д. Н., Гриб А. А. Административная ответственность за участие в азартных играх вне игорных зон 250

Босак М. В. Сравнительный анализ полномочий Комитета государственной безопасности и Комитета государственного контроля 252

Гончарова В. А. «Электронное правительство» в публичном управлении: административно-правовые проблемы организации и функционирования 253

Дюбкина Д. Д. Развитие этики государственных служащих 255

Жилевич У. С. Особенности государственной службы во Франции 257

Земляной А. К. Актуальные вопросы государственного управления в Республике Беларусь в контексте военной доктрины 258

Клок К. С. Административно-правовые режимы: понятие, виды 260

Колосовская А. А. Особенности административно-правового регулирования защиты персональных данных во Французской Республике 262

Колесник М. В. Право на использование технических средств в ходе личного приема граждан 264

Кудрякова Д. В. Способы обеспечения законности и дисциплины в государственном управлении 266

Кулаженко Е. А. Криптовалюта как объект публичных правоотношений 267

Лужанкова Е. Ю. Особенности государственного управления в области физической культуры и спорта в Республике Беларусь 269

Мирошников И. А. К вопросу об определении понятия и видов экстремистской деятельности 271

Семёнова Д. А. Использование современных технологий в административных процедурах: вызовы и возможности в Республике Беларусь 273

Яхновец А. С. Основные направления совершенствования системы аттестации государственных гражданских служащих в Республике Беларусь 275

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО, ФИНАНСОВОЕ И НАЛОГОВОЕ ПРАВО 277

Варава А. А. Влияние цифровизации на финансовую индустрию 277

Глухотаренко Д. А. Комитет государственного контроля как субъект финансового контроля 279

Жихарева А. И. Транспортный налог в Республике Беларусь и Российской Федерации: сравнительно-правовой аспект 280

Концевая М. В. Налог на дорогостоящие автомобили в Республике Беларусь 282

Кохович А. А. Административный договор как правовая форма государственного управления в сфере предпринимательской деятельности 284

Кулешова А. А. К вопросу об административно-правовом регулировании услуг, оказываемых субъектами агроэкотуризма 285

Леоновец Д. С. Применение цифровых технологий в работе таможенных органов в рамках ЕАЭС 287

Мадрид А. Ю. Эффективность единого налога как средство стимулирования предпринимательства 288

Миходёнок Е. А. Искусственный интеллект в государственном управлении 290

Павлючук С. М. К вопросу о классификации угроз информационной безопасности в Республике Беларусь 292

Платонова И. Е. Проблемы правового регулирования криптовалюты в Республике Беларусь 293

Поболь В. А. Административная ответственность за неисполнение родителями и иными законными представителями несовершеннолетних обязанностей по их содержанию и воспитанию 295

Тилигузов К. П. Дисциплина и правопорядок в государственном управлении 297

Федорович А. А. Правовое регулирование административных актов в зарубежном законодательстве 298

Щербин Н. А. К вопросу о цифровизации государственного управления в Республике Беларусь 300

Яковлев К. С. Основы французской модели оказания публичных услуг 302

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ, ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ И АГРАРНОЕ ПРАВО 304

Ашарчук Я. В. Система целей устойчивого развития, обеспечивающих охрану окружающей среды на международном и национальном уровнях 304

Балашенко Н. С. К вопросу о правовом закреплении и реализации требований экологической безопасности в сфере теплоэнергетики 305

Галдина Е. В. Некоторые аспекты правового закрепления общественной экологической экспертизы 307

Койфман М. А. Принятие Экологического кодекса как направление реализации экологическо функции государства 308

Копыш В. А. К вопросу о правовой природе земельного сервитута 310

Малюгина Е. И. Правовое регулирование экологического туризма 312

Мироненко К. А. К вопросу о правовом закреплении изъятия земельных участков для государственных нужд 313

Михалкевич И. С. К вопросу о правовом понятии природных территорий, подлежащих специальной охране в Республике Беларусь 314

Нагорная А. Д. К вопросу о правовом закреплении особых правил предоставления земельных участков резидентам свободных экономических зон 316

Тишалович К. Д. Агробиоразнообразие как правовая категория 318

Циуньчык А. И. Правовое обеспечение перехода к зелёной экономике в контексте принятия новой редакции Закона Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» 320

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО, МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО 323

Алексиевич Е. С. Институт признания гражданина безвестно отсутствующим и объявления умершим в контексте современных рисков 323

Алещенко М. А. К вопросу об использовании опционов в договорах с участием потребителей 324

Бань М. А. Институт преддоговорной ответственности в Гражданском кодексе Республики Беларусь 326

Бобровницкая Э. Б. О форме договора при оказании возмездных медицинских услуг анонимно 328

Бутакова Я. С. Корпоративные способы защиты прав акционеров в условиях санкционных ограничений (на примере России) 330

Драгун К. И. Соотношение гражданско-правового договора с медиативным соглашением в законодательстве Республики Беларусь 331

Зенькович В. Д. Конвертируемый заём 333

Кадыш О. С. Консультативные заключения Суда ЕАЭС как элемент унификации лизингового законодательства ЕАЭС 335

Кобак С. В. Договор счёта эскроу как способ обеспечения исполнения обязательств 337

Костюк В. В. Незаключенность и недействительность договора 338

Костюк К. Ю. Гражданско-правовой договор как юридический факт 340

Купрейчик А. А. Применение доктрины эстоппель при недействительности международных контрактов 342

Лищенко Е. Я. К вопросу о предмете договоров возмездного оказания медицинских услуг по применению вспомогательных репродуктивных технологий 344

Ловчий А. С. Правило «contra proferentem» в контексте принципа свободы договора 345

Манёнок В. М. Доверенность как сделка 347

Никоненко Е. С. Компенсация морального вреда как способ защиты нарушенных личных неимущественных прав 349

Новик Т. Н. Особенности классификации гражданско-правовых договоров 351

Осмоловский С. В. Click-wrap соглашения как способ заключения сделок в электронной форме 353

Прокопович И. А. Современные проблемы санкций ООН 355

Румянцев Н. А. Преддоговорная ответственность 356

Савченко М. А. Гражданско-правовые аспекты защиты чести, достоинства и деловой репутации 358

Сацук Ю. А. Правовое регулирование публичного сервитута в законодательстве Республики Беларусь и за рубежом 360

Сергеева С. С. Особенности удостоверения документов, являющихся основанием для государственной регистрации сделки с недвижимым имуществом 362

Станкевич М. А. Новеллы в области предпринимательской деятельности физических лиц 363

Хильман С. И. Опционный договор как новый правовой институт в гражданском законодательстве Республики Беларусь 365

Шепелевич М. Ю. Некоторые вопросы сноса самовольной постройки в Республике Беларусь 367

Щеврук К. В. О некоторых вопросах правового регулирования институтов виндикации и реституции 369

СЕМЕЙНОЕ ПРАВО 371

Бидюк Е. В. Новации порядка раздела супругами доли в уставном фонде хозяйственного общества 371

Богданович А. С. Правовое регулирование соглашения о детях в Республике Беларусь: проблемы и перспективы совершенствования 373

Волкова В. А. О природе алиментных обязательств 375

Гонченко А. А. Правовые последствия лишения родительских прав: сравнительно-правовой анализ законодательства Республики Беларусь и других стран СНГ 376

Ксензова А. М. Проблемы установления происхождения ребенка, рожденного суррогатной матерью 378

Соловьёва Д. Д. Правовое регулирование применения вспомогательных репродуктивных технологий в Российской Федерации и Республике Беларусь 380

Читакова Д. С. Субъекты соглашения об уплате алиментов 382

Шмакова К. А. Сравнительно-правовой анализ условий заключения брака в Республике Беларусь и Французской Республике 383

ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ПРАВО И ПРАВО ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЙ 386

Абушкевич П. А. К вопросу о правовом регулировании рекламы и рекламной деятельности 386

Артюх В. Л. Политика импортозамещения и развития экспорта 387

Богдановский Е. Д. Правовое регулирование хозяйственной деятельности в сфере культуры 389

Дроздов Д. И. Правовое регулирование риэлтерской деятельности в условиях цифровизации 391

Евстратенко В. А. Защита данных и обеспечение конфиденциальности при использовании искусственного интеллекта в хозяйственной деятельности ... 392

Иванцова Д. Ю. Влияние цифровых технологий на правовое регулирование игорного бизнеса в Республике Беларусь 394

Литвинович М. Г. К вопросу совершенствования правового регулирования банкротства в части привлечения к субсидиарной ответственности по обязательствам должника 396

Мелин В. В. Перспективы развития законодательства в области регулирования внешнеэкономической деятельности 398

Мельникова В. А. Перспективы развития ESG-концепции в правовом поле 400
Наварич С. С. Меры государственной поддержки субъектов хозяйственной деятельности 402
Нестерчук А. А. Развитие хозяйственного законодательства в Республике Беларусь: вопросы систематизации 403
Низовцов И. А. Правовое регулирование логистической деятельности в Республике Беларусь: актуальные проблемы и перспективы 405
Орловский Р. В. Правовое регулирование кинематографической деятельности в Республике Беларусь 407
Пригара В. В. Киберпреступность как побочный негативный эффект цифровизации экономических отношений 409
Сидорова А. О. Перспективы правового регулирования электронной торговли: что говорит закон Российской Федерации и Республики Беларусь о маркетплейсах 411
Хаменко К. М. Естественная монополия как необходимый элемент системы хозяйствования 413
ПРАВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ 415
Бурнашева А. А. Использование товарных знаков в качестве ключевых слов при размещении контекстной рекламы в сети «Интернет» 415
Гусева Т. С. Недобросовестная конкуренция как институт права промышленной собственности 417
Калинушкина Н. Ю. Плагиат и музыкальная индустрия 419
Коваленко М. А. Аромат как объект права интеллектуальной собственности 421
Коваль А. М. Обеспечение охраны исключительных прав нанимателя на компьютерную программу 422
Колодко А. С. Нарушение прав на фотографические произведения 424
Коротченко А. А. Стриминг в Республике Беларусь: история появления и развития на примере интернет-портала VIDEOBEL 426
Матох М. А. Принудительная лицензия в патентном праве 428
Мурашко Е. С. Охрана интеллектуальной собственности как неотъемлемый элемент развития общества 430
Переверзский С. А. Ролик в tiktok как объект правовой охраны 432
Савицкая Е. Д. Авторское право на объекты, созданные с использованием искусственного интеллекта 433
Седельник Е. Д. Изображение как категория персональных данных и как объект авторского права 435
Тенько Е. Г. О принадлежности прав на произведения, созданные с помощью искусственного интеллекта 437
Торчик В. Ю. Критерии определения размера компенсации за нарушение исключительных прав 438

ГРАЖДАНСКИЙ И ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ПРОЦЕСС, ТРУДОВОЕ ПРАВО И ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ 440

Александрова А. И. Участие третьих лиц в рассмотрении дела в рамках упрощенного производства 440

Варсоба М. С. Особенности физического лица как нанимателя в трудовом праве Республики Беларусь 441

Волк А. А. Отдельные аспекты правового регулирования применения медиации при разрешении индивидуальных трудовых споров 443

Глухотаренко А. А. Коллективное исковое заявление и процессуальное соучастие: сравнительно-правовой анализ 445

Горелкина Ю. А. Примирительные процедуры в гражданском процессе 447

Грабинский В. Ю. Арбитражное соглашение: современные тенденции 448

Жоголь П. В. Отпуск отцу (отчиму) при рождении ребенка как гарантия обеспечения гендерного равенства 450

Журова Ю. А. Отдельные вопросы предоставления услуг агентствами по трудоустройству в Республике Беларусь 452

Лапатко А. А. Работа на основе ваучеров (voucher-based work) как одна из новых форм занятости 454

Лунева Ю. И. Расторжение договора аренды судом вследствие непроведения капитального ремонта: процессуальные аспекты 456

Мамедова Ж. Р. Сравнительная характеристика особенностей реализации права на забастовку в Республике Беларусь и зарубежных странах 457

Мошкин М. В. Судья-человек и судья – искусственный интеллект: фактор субъективизма и восприятие участниками процесса 459

Остроух А. А. Возникновение (установление) обстоятельств, препятствующих осуществлению педагогической деятельности как основание прекращения трудового договора 461

Павлова Д. В. Выговор как вид дисциплинарного взыскания 462

Прокошкина Д. С. Правовое регулирование трансграничных споров о детях 464

Ряшенцев Л. С. Искусственный интеллект в гражданском судопроизводстве 466

Сачава П. Д. К вопросу о процессуальном статусе члена группы в коллективном иске по Кодексу гражданского судопроизводства Республики Беларусь 468

Таболич Д. С. Культура отмены в трудовых отношениях как нарушение принципа запрета дискриминации 470

Тупикова М. А. Ограничивает ли государственная пошлина доступность правосудия: сравнительный анализ России и Республики Беларусь 472

Шелег А. А. Ограничения и запреты при приеме на работу лиц с судимостью 473

Юнец К. Е. Новеллы в законодательстве о занятости 475

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ 478

Абрамчик А. А. Незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов в глобальной сети Интернет 478

Акелан А. И. Криминологическая характеристика преступлений против половой свободы или неприкосновенности и меры по их предупреждению 479

Баранчук В. А. Уголовно-правовая регламентация криминальных посягательств на половую свободу и половую неприкосновенность 480

Батина Э. А. Согласие потерпевшего в уголовном праве Республики Беларусь 482

Белогурова Д. В. Исторический аспект домашнего насилия 484

Валевач А. С. Влияние освещения изнасилований в СМИ на формирование общественного портрета жертвы преступления 485

Гаврилина Я. В. Система мер профилактики домашнего насилия: эволюция законодательных подходов 487

Давыдик Д. С. Понятие и виды стадий совершения преступления 489

Дерах А. В. Криминальные и деструктивные молодежные субкультуры: специфика появления и существования 491

Дрозд А. А. Международный терроризм как угроза современного общества 493

Жорова Н. И. Возможность легализации эвтаназии в Республике Беларусь 495

Исакова П. С. Проблема ответственности за «серую» косметологию в Республике Беларусь 496

Касперович С. С. Типология коррупционного преступника: практическое значение 498

Костелетская А. А., Тишурова В. С. Виктимблейминг: заслуживает ли жертва обвинения? 500

Михалевич К. И. Роль семьи в профилактике преступлений и правонарушений среди несовершеннолетних 502

Паливода Е. В. Зарубежный опыт борьбы с организованной преступностью в части криминализации занятия статуса в преступной среде 503

Рыбинская А. Е. Общественная опасность дипфейка 505

Харужик А. С. О понимании категории «личность преступника» в отечественной криминологии 507

Цейко Я. А. Совершение общественно опасных деяний под влиянием гипноза 508

Цуба Е. В. Отдельные аспекты невменяемости в уголовном праве 510

Шалайда И. О. Криминологические особенности лица, вооруженного огнестрельным оружием, как субъекта преступления 512

Шустерман К. А. О бытовом взяточничестве как основе коррупционной преступности 514

Эйсмонт Е. А. Культурный код сексуальной преступности: как общество способствует формированию личности педофила 516

УГОЛОВНОЕ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО 518

Азаренко А. О. Проблемные вопросы принуждения к даче органов или тканей для трансплантации 518

Аземша И. С. Отдельные аспекты разграничения уголовных и административных деликтов, связанных с легализацией доходов, полученных преступным путем 520

Арустамова Т. Н. Правовые аспекты причинения вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние (ст. 35 Уголовного кодекса Республики Беларусь) 522

Вигура А. С. Необходимая оборона: проблемы квалификации при использовании технических средств 523

Виноградова Е. С. Заведомо ложное сообщении об опасности от имени другого лица: вопросы квалификации 525

Воробьёва С. В. Наличность посягательства как обязательное условие правомерности необходимой обороны 527

Головин К. Д. Актуальные проблемы уголовно-правовой охраны половой неприкосновенности несовершеннолетних от ненасильственных посягательств 529

Жилич П. Н. Проблемы определения объекта и предмета преступления в отношении информации о частной жизни и персональных данных 531

Жогло К. В. О перспективах уголовно-правового регулирования технологий искусственного интеллекта в связи с разработкой проекта Модельного закона СНГ «О технологиях искусственного интеллекта» 533

Жуковец В. К. Уголовная ответственность за ятрогенные преступления по Уголовному кодексу Республики Беларусь 535

Жураў М. С. Сутнасныя прыкметы інстытута вызвалення ад крымінальнай адказнасці 537

Захилько Е. С. Об оценке деяний, направленных на устранение опасности, созданной самим причинителем вреда в ситуации крайней необходимости 539

Казак Н. А. История становления и развития института соучастия в период СССР 540

Карев М. П. Уголовно-правовая оценка видов неосторожной формы вины 542

Кобозева А. А. Анализ международного законодательства в отношении женщин, отбывающих наказание в виде лишения свободы, имеющих малолетних детей 544

Ковалёва А. В. Ответственность юридических лиц в Республике Беларусь: pro et contra 546

Козырев И. В. Уголовно-правовая характеристика присвоения либо растраты 547

Лебедевич Т. С. Ресоциализация осужденных как один из аспектов предупреждения преступности 549

Лущик И. В. Проблемные вопросы построения санкций статей в Особенной части Уголовного кодекса Республики Беларусь 550

Макась Д. А. К вопросу о месте специальной конфискации в таможенном законодательстве Республики Беларусь 552

Никифоренко Н. Н. К проблеме квалификации посягательств на предметы виртуального мира 554

Севрюк Е. В. Цифровая трансформация уголовно-исполнительной системы Российской Федерации: вызовы и перспективы 556

Станилевич В. А. Совершение преступления с лицом, не подлежащим уголовной ответственности 558

Третьяк В. Д. К вопросу об определении понятия «лишение свободы на определенный срок» в Уголовном кодексе Республики Беларусь 559

Харитонова А. А. Взяточничество: сравнительно-правовой анализ положений Уголовного кодекса Республики Беларусь и Уголовного кодекса Российской Федерации 561

Ярмолюк О. И. К вопросу применения технических средств защиты в условиях необходимой обороны 563

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, СУДОУСТРОЙСТВО И ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР .. 565

Аношко И. А. Проблемы функционирования международных судов 565

Аршавский В. И. Особенности заключения под стражу как меры процессуального принуждения в Китайской Народной Республике 567

Бурчиц Ю. А. Досудебное соглашение о сотрудничестве в уголовном процессе Республики Беларусь: вопросы совершенствования 569

Глухова Е. С. Актуальность воссоздания военной прокуратуры как органа, обеспечивающего надзор за исполнением законодательства в вооруженных силах 571

Готченя Т. Д. Институт народных заседателей в Республике Беларусь: актуальные вопросы и перспективы развития 572

Гринкевич Н. С. О защитнике в уголовном процессе 574

Егорова Е. Д. Честность и добросовестность в деятельности адвоката 576

Касакевич Н. С. Об электронных доказательствах в уголовном процессе 578

Клиницкая А. А. К вопросу о сущности электронных доказательств 580

Комель Н. Н. Понятие и содержание доследственной проверки по уголовно-процессуальному законодательству Республики Беларусь 581

Кот А. В. О правовом регулировании продолжительности допроса несовершеннолетних потерпевших и свидетелей 583

Кулик В. В. Осмотр как следственное действие в уголовно-процессуальном законодательстве зарубежных государств 585

Лаврова И. В. Реализация принципа гласности в судебной системе Республики Беларусь 587

Лопыко М. Н. Особенности операций с использованием электронных носителей информации при производстве следственных действий 588

Пташник В. В. Сущность и понятие досудебного соглашения о сотрудничестве .. 590

Терентьева Е. Е. Уголовно-процессуальное требование прокурора как акт прокурорского реагирования 592

Щепта В. С. Истина как цель доказывания в уголовном процессе 594

КРИМИНАЛИСТИКА 596

Бодров К. А. Некоторые аспекты тактико-криминалистического обеспечения подготовки к допросу несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых) 596

Болдышевская Т. А. Особенности расследования серийных преступлений 597

Грак Н. Н. Психолого-криминалистические аспекты изучения личности несовершеннолетнего преступника 599

Доброгост А. Н. Торговля людьми: выявление, раскрытие, расследование 601

Ерофеев К. А. Документальные следы совершения преступлений в сфере государственных закупок 603

Ершова В. Н. Использование беспилотных летательных аппаратов в процессе расследования преступлений 605

Кравцова Е. С. Использование искусственного интеллекта в криминалистике .. 607

Лукомский Н. С. Особенности возбуждения уголовного дела при расследовании самовольного оставления воинской части 609

Орленко С. С. Уголовно-правовая характеристика расследования государственной измены в контексте материальной структуры шпионажа 611

Понизович Д. А. Информационные технологии и технические средства в правоохранительной деятельности: современное состояние и перспективы 613

Секушенко С. И. Виктимология цифровой преступности 615

Скрипко К. В. Аспекты методического обеспечения расследования злоупотребления властью или служебными полномочиями 617

ПОЛИТОЛОГИЯ 619

Барсуков Р. А. Республика Беларусь в контексте дезинтеграции современной мир-системы 619

Иванский Е. В. Социально-психологическое измерение власти: потребности, ценности, мотивы 621

Ивашкина Д. А. Основы информационной политики союзного государства 622

Колмыков С. Е. Ресентимент и его влияние на политическую реальность 624

Лапунова К. С. Государственная политика в области защиты прав женщин в Республике Беларусь в контексте повестки дня-2030 626

Машинская Я. Ю. Турецкая диаспора и немецкая политика: возможности и вызовы 628

Миканович В. А. Правый радикализм: истоки и современность 629

Милевский С. С. Глобализм: история и современные тенденции 631

Мясоедова П. А. Политические проекты и технологии формирования идентичности 632

Осмоловский Я. Д. Кризис и трансформация идеологии либерализма в современном мире 633

Парфёнова В. О. Формирование семейных ценностей в контексте обеспечения демографической безопасности Республики Беларусь 635

Радченко Д. Д. Правовая институционализация политических партий: формирование партийного права 637

Соболевский Н. Е. Сравнительный метод в политической науке: проблемы и перспективы 639

Сухоцкий С. М. Сравнительный анализ социального либерализма и неолиберализма 640

Тарендь У. Д. Социализм с китайской спецификой 642
Халадцоў Я. А. Станаўленне ультралевых ідэалогій у Лацінскай Амерыцы 643
Шаргаёва Е. А. Постправда как политический феномен 645
Яворец Е. А. Перспективы развития государственно-частного партнёрства в Беларуси 647